Александр КАЗАНЦЕВ
Никита КАЗАНЦЕВ
ФАНТАСТ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В новом, мнемоническом романе «Фантаст» нет вымысла. Все события в нем не выдуманы и совпадения с реальными фактами и именами — не случайны. Этот роман — скорее документальный рассказ, в котором классик отечественной научной фантастики Александр Казанцев с помощью молодого соавтора Никиты Казанцева заново проживает всю свою долгую жизнь с начала XX века (книга первая «Через бури») до наших дней (книга вторая «Мертвая зыбь»). Со страниц романа читатель узнает не только о всех удачах, достижениях, ошибках, разочарованиях писателя-фантаста, но и встретится со многими выдающимися людьми, которые были спутниками его девяностопятилетнего жизненного пути. Главным же документом романа «Фантаст» будет память Очевидца и Ровесника минувшего века.

- Александр Казанцев Никита Казанцев
  - ○
  - ○ КНИГА ПЕРВАЯ ЧЕРЕЗ БУРИ
    - ■ Часть первая. ПОИСК СЕБЯ
      - ■ Глава первая. СЧАСТЛИВЫЕ ГОДЫ
      - ■ Глава вторая. ДУША И УМ СИБИРИ
      - ■ Глава третья. ТОЧЕНАЯ
      - ■ Глава четвертая. БЕГСТВО
      - ■ Глава пятая. НА ВОСТОКЕ
    - ■ Часть вторая. ШАГИ В ЖИЗНЬ
      - ■ Глава первая. ВОЗВРАЩЕНИЕ
      - ■ Глава вторая. ЗАПАХ СМЕРТИ
      - ■ Глава третья. ТРУД
      - ■ Глава четвертая. ПРОТЕЗЫ
      - ■ Глава пятая. МАСТЕРА
      - ■ Глава шестая. МАТЕМАТИК
    - ■ Часть третья. К ЦЕЛИ
      - ■ Глава первая. ГРУДЬ НАРАСПАШКУ
      - ■ Глава вторая. ТАЧКА
      - ■ Глава третья. КВАДРИГА
      - ■ Глава четвертая. ДОКАЗАТЬ!
      - ■ Глава пятая. ПРАКТИКАНТ
      - ■ Глава шестая. ЧЕРТА
    - ■ Часть четвертая. ДОЛГ
      - ■ Глава первая. МАГИЯ ЧУДЕС
      - ■ Глава вторая. ЗВЕЗДА МЕТАЛЛУРГИИ
      - ■ Глава третья. ПАДЕНИЕ ИЛИ ПОДЪЕМ?

- Глава четвертая. ВАЛ ИЗОБРЕТЕНИЙ
- Глава пятая. ВСТРЕЧИ АЛТАЙСКИЕ
- Часть пятая. ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ
  - Глава первая. ВЛЮБЛЕННЫЕ
  - Глава вторая. ДЕРЕВЯННАЯ ТРУБКА
  - Глава третья. КРЫЛЬЯ ИКАРА
  - Глава четвертая. ЗЛАТОКУДРАЯ
- Часть шестая. ОПЕРЕЖАЯ ВРЕМЯ
  - Глава первая. ИСКАТЕЛИ
  - Глава вторая. АКАДЕМИКИ
  - Глава третья. НЕУДАЧИ
  - Глава четвертая. РУССКИЙ ВОЛШЕБНИК
  - Глава пятая. СЛУГА ДВУХ ГОСПОД
  - Глава шестая. АТАКА КРЕПОСТИ
- Часть седьмая. ЗА ЖЕЛЕЗНЫЙ ЗАНАВЕС
  - Глава первая. К СТРАНЕ ЗАГАДОК И СВОБОД
  - Глава вторая. БИЗНЕС
  - Глава третья. БОГ РЕКЛАМЫ
  - Глава четвертая. ПАРИЖ, ПАРИЖ! ДУША МОЯ!
  - Глава пятая. ПЕРЕД ГРОЗОЙ
- Часть восьмая. XX ВАЛ
  - Глава первая. ПЫЛЬНАЯ ДОРОГА
  - Глава вторая. СИЛА ТОКА
  - Глава третья. ДЫХАНИЕ АНТИХРИСТА
  - Глава четвертая. ИСХОД
  - Глава пятая. ЗАВОД ИМЕНИ ЖЮЛЯ ВЕРНА
  - Глава шестая. ЭЛЕКТРОКАМИКАДЗЕ
  - Глава седьмая. ПЕЧАЛЬНЫЙ КОНЕЦ
- Часть девятая. НОВАЯ СТРАНИЦА
  - Глава первая. БЛОКАДА
  - Глава вторая. ПЕРЕМЕНЫ
  - Глава третья. НИМФА
  - Глава четвертая. ЗАГАДОЧНОЕ НАЗНАЧЕНИЕ
  - Глава пятая. ВИЦЕ-КОРОЛЬ ШТИРИИ
  - Глава шестая. ОСОБАЯ ОПЕРАЦИЯ
  - Глава седьмая. ДОРОГОЙ В БУДУЩЕЕ
  - Глава восьмая. ТУНГУССКИЙ МЕТЕОРИТ
- ЭПИЛОГ

Александр Казанцев Никита Казанцев
ФАНТАСТ

Дилогия мнемонических романов

Все события в романе не выдуманы и совпадения с реальными фактами и именами не случайны

КНИГА ПЕРВАЯ ЧЕРЕЗ БУРИ

Часть первая. ПОИСК СЕБЯ

«В жизни Разум — подножье гор», —
Учил мудрейший Пифагор.

Глава первая. СЧАСТЛИВЫЕ ГОДЫ

И в эти чудные мгновенья
Мир познаешь и до ученья.

— Слышали, голубушка, у купцов-то Званцевых второй сынок родился.

— А Магдалина Казимировна так дочку ждала!

— Зато у Петра Григорьевича помощники вырастут: «Торговый Дом ЗВАНЦЕВ и СЫНОВЬЯ». На всю Сибирь звучит!..

Рассуждали так добрые кумушки в степном городе Акмолинске, где второго сентября 1906 года (двадцатого августа по старому стилю) родился Шурик Званцев, и никто тогда ни там, ни в степных кочевьях подумать не мог, что через девяносто лет этот город станет столицей отколовшегося от России Казахстана.

Большая комната двухэтажного дома. В ней проем для лестницы, огороженной перилами и уходящей вниз. За окнами широкая пыльная площадь и белая церковь. На стене в комнате портрет строгого дяди с пышными усами и баками, в ментике, украшенном горизонтально нашитыми золотыми шнурами, отделанном белым мехом. Это гусарский полковник Казимир Курдвановский, отец мамы Шурика, Магдалины Казимировны. В четыре года она осталась сиротой в Екатеринбурге, куда ее отец был сослан за участие в польском восстании. В ссылке он женился на русской, и она, подарив ему сына и дочь, вскоре умерла.

Так и пришлось расти Магде без отца и матери в суровой Сибири. Однако забота сибирских родных позволила ей получить музыкальное образование, и она до конца жизни, вплоть до восьмидесяти трех лет, продолжала учить музыке детей. За свой долголетний труд музыканта-педагога она была удостоена высшей награды страны — ордена Ленина…

Ее младший сын не понимал, почему его добрый папа Петр Григорьевич так часто уезжал с киргизами-кочевниками в больших меховых шапках-малахаях и в непривычной для горожан одежде, которые время от времени приезжали за ним откуда-то из далекой степи. Петр Григорьевич вел себя с ними запросто и даже свободно говорил на их род ном языке. Что для всех было и

непривычным и странным.

Был Петр Григорьевич видным купцом, уполномоченным скотозакупочной фирмы, возглавляемой в далеком Петропавловске, на Великом Сибирском пути, грозным его отцом — Григорием Ивановичем Званцевым, заводчиком и миллионером. К младшему сыну-компаньону Григорий Иванович относился строго и почти всегда оставался недовольным ни ведением им дел, ни поблажками, которые делая он без совета с отцом кочевникам, ни тем, что якшался с местной интеллигенцией. Раздражало папеньку и своеволие сына. То приказчика-молокососа взял себе из аборигенов, хотя и грамотного. А тут еще без разрешения дачу себе в роще заимел. Хотя именно с ней у внуков и были связаны самые светлые воспоминания.

Недалеко от своего дома, на одной из ближних улиц Петр Званцев выстроил каменный дом под контору, где счетоводы и другие служащие, стоя за высокими конторками, всегда что-то считали и писали. Главным среди них, несмотря на свою молодость, был старший приказчик и доверенное лицо купца Званцева Ахмед. Был он из киргизов, так тогда называли казахов. Прекрасно образованный, он владел, не только русским, но и европейскими языка ми, писал стихи и даже книги издавал. Можно не удивляться, что ныне контора превратилась в музей Сакена Сейфуллина, поэта и прозаика, видного национального деятеля культуры, старшего брата Ахмеда.

Тогда, в 1912 году, Ахмед был стройный юноша, его лицо с тонкой ленточкой усов было по-своему красиво. Он щегольски носил вывезенный из Парижа, куда ездил с братом на всемирную выставку, костюм-тройку с дорогими часами в жилетном кармане и выпущенной наружу золотой цепочкой.

В тот день, выскочив из запыленной кибитки запряженной парой взмыленных лошадей, он сразу же взбежал по внутренней лестнице в большую комнату, где хозяин играл с детьми, и передал ему письмо со словами:

— От Григория Ивановича. Спешно доставить велено. Сильно гневаются. Наказали дела свертывать, дома и дачу продавать и вам со всей семьей к нему поближе в Петропавловск пожаловать. Сакен вас в конторе ждет.

Отец прочитал письмо и невольно передернул плечами:

— Уж больно он грозен, как я погляжу. Дело свернуть, капитала не потеряв, это не в нужник сбегать, когда живот схватило. Ты коней гнал, как на скачках, а здесь, Ахмедушка, контора требуется. Недаром Сакен там и слез.

Вошла мама, и отец передал ей письмо. Она прочитала,

вернула конверт и заплакала:

— В такую даль… На лошадях… С детьми… Немедленно? Это выше сил человеческих.

— Они и дом вам там приготовили, отменнейший, — вставил Ахмед, — быстро ехать требуют.

— Быстро только тараканы бегают. Вот мы с ними скачки устроим. Гонки на отставание. Есть у велосипедистов такая езда.

Перед тем как уйти с Ахмедом в контору, Петр Григорьевич сказал:

— Вечером едем на дачу. Там нам кое-что из Шотландии пришло.

— Из Шотландии? — удивилась жена.

— Да, там звери, нужные нам, водятся.

— Ты все шутишь. А что в посылке?

— А вот это, Магдуся, секрет. — И он пошел догонять Ахмеда.

А дети тем временем умирали от любопытства. Что там за сюрприз их ожидал на даче?.. Их мама играла на рояле грустные вещи, и даже любимый Седьмой вальс Шопена звучал у нее замедленно и печально.

Всю дорогу на дачу дети приставали к отцу, а он отшучивался:

Завтра праздник воскресенье.
Вам лепешек напекут.
И помажут, и покажут,
А покушать не дадут!

С тем они по прибытии на дачу и легли спать. Утром, после завтрака, папа с мамой вывели их на крыльцо, выходящее во двор, и все они ахнули.

Между раздувшимся от важности индюком с покорной индюшкой, гусей, уток и кур с цыплятами стояли две крохотные, словно игрушечные, лошадки под маленькими седлами, как раз для Вити и Шурика. Мамин любимец сенбернар Гектор обнюхивал новых пришельцев, принимая их за малых жеребят.

— Какая прелесть! — не удержалась от возгласа мама.

— Эта, чур, моя! — сбежав с крыльца, крикнул Витя и вцепился в пышную гриву одной из лошадок.

Вставив ногу в стремя, он почти без помощи подоспевшего конюха Игната оказался в седле. Недаром он потом посвятил всю свою долгую жизнь спорту, став мастером спорта СССР и почетным судьей России по классической борьбе.

Шурика же папа взял на руки и осторожно усадил в седло, а

Игнат вставил его ноги в стремена. Он сидел совсем как большой верхом на живой лошади. Было ему, конечно, страшно, но он был горд.

Тут папа вынул из бумажного пакета две настоящие ковбойские шляпы с загнутыми полями и водрузил их сыновьям на головы. Шурику она наползала на лоб, мешала смотреть, но Вите была впору.

— Теперь вы настоящие ковбои, будете скакать по степи, как по прериям.

— Ну что ты, Петечка, они же еще маленькие. И потом шляпы эти к их матроскам никак не подходят. Надо переодеться.

— Ну, это дело седьмое. Им сначала надо в седла врасти, как киргизятам.

— Хоть теперь-то расскажи, Петечка, откуда взялось это шотландское чудо?

— Помнишь, Магдуся, я в город Верный ездил, яблок вам привез. Встретились мы там с одним англичанином. Он тоже купцом оказался. И так он в ресторане свою Шотландию расхваливал, что заказал я ему прислать для ребят парочку коняшек, только вот за морем телушка-полушка, да рубь перевоз. Я наказал Ахмеду оплатить счет с доставкой. Отец все равно узнает. Семь бед — один ответ. Он и Гектором, присланным тебе из Швейцарии, недоволен был.

— Что же мне, сенбернара на болонку менять? — возмутилась жена. — Англичанин в ресторане с тобой, конечно, подвыпившим договаривался? Без документов?

— Купеческое слово — камень с горы. Назад не поднимется.

С детской восприимчивостью ребята довольно быстро овладели верховой ездой, разъезжая, правда, не вскачь и не в степи, а по дорожкам ухоженного сада. Свалились на землю лишь пару раз и не с такой уж большой высоты даже не ушиблись. Но с седлами они и в самом деле срослись, судя по тому, как трудно было стаскивать всадников для еды и сна. Витя с Шурой, увлеченные милыми полушными пони, забыли даже про свои «гигантские шаги» принесшие им столько радости в прошлом году, когда их под папиным присмотром установили на дачном дворе.

Тогда они увидели высокий столб, с вершины которого от вращающейся шайбы спускалось несколько веревок с мягкой петлей внизу. Просунув в нее ногу, надо было усесться в петле верхом, и держась рукой за канат, разбежаться, взлетая на натянутой веревке в воздух, выше смеющегося в стороне папы, и потом так коснуться земли словно не ты отмерял шаги, а страшный великан, ростом со столб. И при каждом взлете сердце

замирало от колючего страха высоты.

Вечером измученным непривычными упражнениями детям папа, сидя у кроватей, рассказывал их любимую «Небыль». Ахмед внушил им, что в ней кроется тайна. И что вовсе это не «Небыль», а «Реникса». И что ее можно только им самим расшифровать. А он не может, потому что клятву кровью подписал. Расшифровать Ахмедову загадку удалось позже, когда у детей появилась гувернантка обучавшая их немецкому языку. Шурик почему-то решил, что черная магия имеет отношение к немцам, и спросил Лонью Ивановну, что означает тайное слово Реникса Она была очень суеверна и испугалась нечистой силы. И чтобы оградиться от нее, начертав это слово заглавным буквами — «RENIXA», прикрыла Библией. Но Шурик не отступился и сам переписал это слово, но письменными буквами, и у него получилось: чепуха. Тайна была раскрыта и соответствовала прочтенным папой стишкам, которые они с братом знали наизусть:

Чеп-чеп-чепуха!
Это просто враки —
Сено косят на печи
Молотками раки.

Кот намазал мелом нос,
Напомадил руки
И из погреба принес
Жареные брюки

Еж слониху запрягал
В расписные дрожки
И по улице скакал
В виде папироски

У попа за обшлагом
Желуди говели.
Чушка пляшет с чесноком
В кружевной шинели.

Свинки вилками хлебали
Из говядины уху.
Не пора ли спать, ребятки,
И забыть про чепуху?

Отец, часто бывая в городе Верный (Алма-Ата), привозил домой очень вкусные яблоки и рассказывал о горах и живущих

там каракиргизах, не подозревая, что эти киргизы, пройдет время, будут жить в своей независимой стране. А вот о заказанных там шотландских пони ничего не сказал…

Терпение грозного Григория Ивановича, узнавшего о пони, лопнуло, и он вторично приказал сыну Петру пере селиться поближе к нему в Петропавловск, где приобрел для сына отдельный дом с дворами, конюшнями и склада ми для сырой кожи.

Детям было жаль покидать Акмолинск, дом на площади, дачу с гривастыми пони, которые для них были лучше всех любых скакунов на свете, но ожидаемые приключения в поездке на лошадях по тысячеверстной степи с редкими кочевьями прельщали сердца мальчишек. Братьев специально свозили на дачу проститься со своими любимцами. Они долго гладили их милые мордочки, расчесывали маминой гребенкой их шелковистые гривы. Но больше всего дети были потрясены, когда из больших красивых глаз пони скатилось по нескольку слезинок. Ребята уверились, что те тоже любят их и горюют перед разлукой. Папа посмеялся над такими выдумками. Дети обиделись, но он сразу их утешил тем, что продал пони в цирк города Верного, и они будут там возить детей верхом и в коляске.

Ровные бескрайние степи, как море, сливаются с небом на горизонте. Коренник и пристяжная тащат кибитку по пыльной дороге. Лошадей берегли, часто давали отдыхать, и кучер в подпоясанном армяке особым свистом прогуливаясь около них, побуждал лошадей облегчиться для продолжения пути. Смены им не будет до самого Петропавловска.

Интересно посмотреть там, в незнакомом городе, на железную дорогу, которую дети знали только по картинкам и мечтали сами прокатиться на паровозе, как на пони. Но эти чудеса были впереди, а пока можно давать волю воображению, вдыхая душистый аромат трав, которыми еще не полакомились стада рогатого скота и табуны коней кочевников. К вечеру останавливались у гостеприимного кочевья. Хозяева приглашали в свои переносные дома-юрты. Кочевники вкапывали гнутые жерди в землю так, чтобы они вверху соединились на обруче, образуя отверстие, через которое дым разожженного на земле костра выходил наружу. Ребристый остов юрты обтягивался заготовленным покрытием или шкурами. Пол по краям устилался мягкими кошмами и одеялами. При переезде кочевья на новые нетронутые пастбища временное жилье в строгом порядке разбиралось с той же быстротой и грузилось на низкорослых вьючных лошадок, напоминавших пони, или на огромных верблюдов с продетым сквозь ноздри кольцом. По команде «чок!»

они подгибали коле ни и ложились животом на землю.

Босоногие, а, кто поменьше, то и бесштанные ребятишки, снуя повсюду, принимали деятельное участие в сборах. Тащили кто котелок, кто затейливые кувшины для ритуального, по восточному обычаю, омовения, кто любимую, вырезанную из дерева игрушку.

В кибитку лошадей запрягли раньше, и на прощание гостеприимные хозяева угощали кумысом. Этот напиток сразу не понравился Шурику. Он крепко бил в нос, и голова от него шла чуть кругом. Но потом Шурик к нему привык и ждал часа, когда будут на следующих ночевках обносить кумысом..

— Кайсары — разбойник был. В горах пещера жил, — наклонившись в кибитку, крикнул сопровождавший ее верховой из кочевников. — Волшебный питье пил — кумыс. Пуля не брала.

Сладко сжались мальчишеские сердца и тревожно забились. Разбойник! Вот оно, первое приключение!

У бескрайней мореподобной степи на горизонте обозначились неясные очертания не то тучи, не то гористого берега. Это было как в сказке. Воображаемый морской корабль появился из травянистых волн с кувыркающимися, гонимыми ветром призрачными и страшноватыми перекати-поле. И все оказались на побережье — лукоморье с дубом зеленым. Шурик старался разглядеть златую цепь и кота на ней, как читала о том из Пушкина мама. Но сказка и без кота открылась, когда выехали на подлинный берег сказочного синего озера, в котором отражались причудливые черные скалы.

— Глядите! Каменная дубина в берег воткнута! Это Кайсары! — вслух фантазировал Шурик, указывая на свечой устремленный в небо скалистый столб вдали от других каменных глыб.

— Нет, это «Ок-джек-пес». Значит — «Куда стрела не достанет». Вырастешь — наверх забирайся. Батыр станешь, — отозвался верховой.

— Мы-то заберемся, — храбро пообещал Шурик.

— Только попробуйте, — испуганно пригрозила мама.

Это было Боровое — чудесный островок живописной горной местности, капризом Природы заброшенный в глухую степь. Прозрачные озера, горы с поднимающейся к небу вершиной Синюхой, сосновые леса на склонах — все это превратило степное чудо в первоклассный курорт, где красоты природы, волшебные солнце, воздух и вода сочетались с лечебными свойствами кумыса.

Не одно лето провела семья Званцевых в этом райском месте. И Шурик выполнил свой озорной замысел, не успев подрасти,

взобрался-таки вместе с Витей на самый верх скалы «Куда стрела не достанет». Но зоркий мамин глаз достал, и острота стрел ее польской вспыльчивости обрушилась на непокорных сыновей. И чего только не наслышались их опущенные головы, хором повторявшие: — Мы больше не будем.

Мать обожала сыновей, и каждое утро они находили свою испачканную вчера одежду выстиранной и выглаженной. И после непременно горячего завтрака отправлялись гулять, предаваясь своим увлечениям, подсказанным цирковой ареной в Петропавловске, попутно развивая в себе наблюдательность сыщиков, подражая Шерлоку Холмсу, Нату Пинкертону, Нику Картеру из дешевых сорока восьми страничных брошюрок.

Но то было впереди, а теперь они лишь проезжали через Боровое, мимо консервного завода, боен или золотых приисков — все это принадлежало им или их родным.

Ночевали в русской избе деревни Щучье, за озером. Шурик снова превратился в шестилетнего малыша, жадно впитывающего расширенными глазенками все, что было вокруг. Сказка — позади. Перед ним — необъятная степная ширь. До Петропавловска осталось столько же, сколько проехали. Говорят, человек к шести годам жизни начинает познавать мир.

Наконец Званцевы приехали в Петропавловск.

Отец отвез детей к деду. Тот показался Шурику высоким, как столб гигантских шагов, с седой бородой до пояса и пронизывающим взглядом темных властных глаз. Он снисходительно потрепал внуков по головам и передал доброму и веселому дяде Васе, своему щеголевато одетому старшему сыну, который со смешными прибаутками посадил обоих племянников себе на плечи и стал, подпрыгивая, как конь, возить их по комнатам. Незаметной тенью беззвучно передвигалась по ним повязанная скромным платочком бабушка, с любовным любопытством поглядывая на внуков, и шептала:

— Ой, не урони ты их, Господи прости и помилуй!

Жила семья деда во втором этаже двухэтажного дома над собственным скобяным магазином. К нему примыкала их же колбасная.

Через год улицу перед магазинами устлали толстым слоем соломы, чтобы в дом не доносился шум проезжающих колес, а детей привезли к деду проститься. Ему было семьдесят два года. Он лежал на спине с распущенной поверх одеяла бородой. Над ним раскинулся марлевый балдахин, сплошь покрытый мухами.

У дедушки был рак.

Угрюм листвою, корой груб,

Свалился сам могучий дуб.

Главой Дома стал дядя Вася, статный красавец с модно закрученными усами. Их острыми кончиками он любил щекотать ребятишкам щеки и шею. Дядя смеялся, а они визжали от восторга.

В городе у железной дороги превращался Шурик в подростка.

Жила их семья на краю города в начале Пушкинской улицы. В доме № 4. Два дома напротив были их же, со складами для товаров. В обширном переднем дворе (был еще и задний, тоже со складами и конюшнями), рядом с въездными воротами отец соорудил Шуре с Витей спортивную площадку с турником и трапецией. С появлением в городе цирка их увлечение спортом стало неистовым. И ради будущих достижений оба поклялись ни когда не пить и не курить. Папа впоследствии подарил каждому из них по серебряному портсигару, но они сдержали свою клятву.

Особенно увлекались они французской борьбой. Стали завсегдатаями цирковых представлений. Исход борьбы на ковре принимали всерьез, как и провозглашаемые громкие борцовские титулы или черные и красные майки. Прекрасно знали все приемы, изучая их по книжкам: «тур-де-бра», «тур де ля тет» (бросок через бедро, через голову). Не отставая от старшего брата, Шурик рано выучился читать. Он буквально поглощал уйму выписываемых в дом книг и журналов. Мальчики бредили приключения ми и, конечно, «убегали в Америку», чтобы воевать или брататься с гордыми и благородными индейцами и еще — укрощать мустангов. Правда, бегство их, как правило, завершалось на спортивной площадке. Забор был слишком высок, да и утро наступало слишком рано, они просыпали его.

В реальное училище Шурику к его десяти годам надо было готовиться, и настала пора учителей и гувернантки Лоньи Ивановны из Прибалтики, с которой дети болтали по-немецки (так и не овладев этим языком). С математикой дело у Шурика было лучше, и старенькая дальняя родственница Вера Ивановна Черданцева не могла нарадоваться на своего ученика, забегавшего вперед пройденных страниц учебника.

В десять лет Шурик с гордостью надел форму реалиста. В классе подружился со Стасиком Татуром, с которым спустя шестьдесят лет увидится в другой стране. Он был старше Шурика, отец его служил на железной дороге и ради этого перебрался с семьей в Сибирь из Польши, где в те времена с работой было трудно.

Дети подрастали, а в мире происходили страшные со бытия.

Началась война. Гришка Распутин якобы опасно влиял на царя. Братья это сами слышали, когда в 1916 году вместе с мамой ездили на Черное море, в Сочи, чья пышная красота не затмила для них любимое Боровое.

Спеша к началу занятий в реальном училище, ребята, мамиными стараниями, мчались в открытом автомобиле вместе с двумя фрейлинами Двора к поезду в Туапсе, где кончалась железная дорога.

— Подумайте, — говорили дамы доверчивой сибирячке, чтобы она рассказала там, у себя (для этого они и взяли ее с собой), — этот распутный Гришка хочет конца войны без Победы!

Мужчин в Петропавловске поубавилось. Дядя Вася сказал брату Петру:

— Конный двор наш велик. Людей нет. Сена для лошадей не заготовим. Давай посадим твоих парней на пришедшие новые сенокосилки и грабли, пусть помогут!

Не передать той огромной радости Шурика, когда выяснилось, что он за день уложил больше валков, чем Витя, на менее резвой лошади. Он был очень горд своей победой.

Глава вторая. ДУША И УМ СИБИРИ

В той далекой таежной Сибири
Поднимают науки, как гири.

Пока Шурик гордился формой реалиста, будучи всего лишь первоклашкой, до далекого сибирского города стали докатываться грозные раскаты уже не военных событий, в конец истощивших страну. Слова: «вот в мирное время…» — звучали как тоска по потерянному раю. Раскаты эти были столь же грозны, как и противоречивы. Сначала кричали: «Свобода! Свобода!» — и все обнимались и целовались, как на Пасху, только яйца не раскрашивали и говеть не заставляли. А вот от чего свобода — мало кто понимал. Во всяком случае, не от воинской повинности, хотя царя свергли, и люди жили в Республике, где все было дороже, чем при царе, а мужчин, даже уже старых, забирали на фронт. На цветном плакате непобедимый Козьма Прутков по-прежнему нанизывал на казацкую пику, как на шашлычный шампур, по нескольку штук толстеньких германцев в касках с заостренным набалдашником. Вот тогда-то и зазвучали противоположные призывы: «Война до победы!», «Мир любой ценой!». А детям вспомнился Распутин, о котором слышали от фрейлин Двора по дороге из Сочи, будто он наставлял царя кончать тяжкую для народа войну.

Учительница Вера Петровна уверяла:

— Большевики, — она так выговаривала это слово, — предали Россию, и их скоро прогонят, заменив Учредительным собранием, а оно поставит нового царя.

Слова ее подтвердились взрывоподобным мятежом чешских войск, якобы возвращающихся освободить свою родину от австрийского гнета. Из множества австрияков, как в народе называли всех пленных, расселенных по семьям — заменить ушедших на фронт работников, отобрали чехов, не имевших своего государства, погрузили в эшелоны, бездумно вооружив, и отправили по Великому Сибирскому пути, а те разом взбунтовались, перейдя на сторону врагов большевизма, посадили нового царя, из европейской деликатности именуя его Верховным правителем адмиралом Колчаком. А временной сибирской столицей Верховного стал Омск. Чешские офицеры бывали у Званцевых. Многие из них, выходцы из интеллигентных семей, были прекрасными музыкантами. Они быстро нашли с Магдалиной Казимировной общий язык, и она с гордостью демонстрировала им исполнение Шуриком Бетховена, Моцарта, особенно Шопена. Все вещи были подготовлены младшим Званцевым, безусловно, с ее помощью. Ее любимый шопеновский Седьмой вальс имел особый успех у гостей, слушавших маленького музыканта.

Свободу получил и Шурик, третьеклассник, вместе со всеми реалистами и педагогами, в том числе общим любимцем инспектором Владимиром Васильевичем Балычевым, с которым связала Званцевых судьба. Реальное училище стало госпиталем. Учиться стало негде. В довершение всего Шурик почти лишился зрения. Местные доктора разводили руками.

Мама его была женщиной энергичной. Поскольку Петроград и Москва с медицинскими светилами, скорее всего уехавшими от смуты за границу, были отрезаны линией фронта, она решила везти сына в Томск, единственный в Сибири город, где университет имел медицинский факультет. К тому же там жила семья адвоката Петрова, ее знакомого. Петро вы, по ее замыслу, и должны были и приютить, и свести их с профессорами. Так впервые проделал Шурик в спальном вагоне две тысячи верст, не отходя от окна, обгоняя санитарные поезда с ранеными. Он видел на проплывавших мимо станциях мужчин, передвигавшихся по перронам на костылях. Иные прогуливались с засунутыми в карманы пустыми рукавами шинелей, некоторые были вообще без обеих рук. Многие были с повязанными порыжелой марлей головами. Они встречались со здоровым пополнением солдат из встречного поезда. Все эти седоусые, угрюмые вчерашние

крестьяне из далеких сибирских деревень, в новеньких шинелях, являли собой весьма странное воинство, непонимающее, куда и зачем ведет их военная судьба. Выделялись выправкой и испитыми лицами господа офицеры, основа добровольческой армии адмирала Колчака, прославившегося затоплением в Новороссийске всего Черноморского флота, силы и гордости России, лишь бы не достался он большевикам. Тем и славен был Верховный ее правитель, загнанный в захолустный пыльный Омск.

Собираясь в томскую даль, мать с сыном вдруг узнали, что их папа, добряк и неистощимый шутник, мобилизован простым солдатом, даже не писарем, в колчаковскую армию.

— Как же вы своих от большевиков отличать будете? Все же русские, — спрашивал сын отца.

— А очень просто! — бодро отвечал папа — Перед боем вымажут нас отменной белой мукой. Белая, значит, армия идет. А у них ни муки, ни зерна нет. Петроград и Москва без хлеба сидят, а у наших сибирских мужичков закрома да амбары ломятся.

По пути к Томску солдата со знакомым родным лицом и котелком в руках Шурик ни на одном из перронов так и не увидел.

В Томске почти все дома издавна были деревянными, двухэтажными. Снаружи все богато отделанные резными наличниками, с общим подъездом с лестницей и тоже двухэтажным отхожим местом в холодных сенях. С выгребной ямой эти «удобства» соединялись дощатым квадратным сто яком в углу лестницы. Морозные сени сибиряков не смущали. Запах тоже. Но в самом центре, куда мама с сыном подъезжали на извозчике, дома сибирских богачей были европейского типа. На спуске главной — Почтовой улицы — поверх крыш соседних домов поднималась высокая глухая стена без окон, как на противопожарном брандмауэре. На ней огромными буквами написано: «АДВОКАТЪ ПЕТРОВЪ». Это и был мамин знакомый по Екатеринбургу, к которому они ехали.

Приняли гостей радушно. Сама хозяйка, белая, пышная, темноглазая, потащила их из передней в гостиную раздеваться:

— Боже мой, Магдочка, как я рада, как я рада! Передать невозможно. И с сыночком таким!

В соседней передней открылась вторая дверь, из кабинета адвоката. Адвокат Петров сам провожал важного клиента.

— Вы уж там, батюшка, постарайтесь. А за нами не пропадет. Слово купеческое! — слышался хрипловатый бас.

— Да уж я знаю, голубчик. Заимкой, а то и прииском козырнете. Игра стоящая. Понадобится, так и к самому

Александру Васильевичу съездим в Омск, а то и в Петроград за ним следом.

— Вот-вот! И поклон наш нижайший передадите правителю Верховному. Мы армии его помогаем. И ишшо поможем, ежели по нашенской правде выйдет.

— На то и правосудие существует. И мы при нем. Прощайте, голубчик. А в ресторанах не балуйте. В нашем общем деле диета предписана. Так сказать, в общественном мнении.

— Да уж воздержусь, коли дело того требует. Пост объявим. Бывайте здоровы, батюшка мои.

Наружная дверь захлопнулась.

В гостиную вошел хозяин дома, вальяжный господин, с модно подстриженной, «а-ля манже», бородкой, с прищуренным взглядом как бы оценивающих глаз.

— Ба! Кого я вижу, гостей желанных! — говорил он, сторонясь от нарядной горничной, державшей ворох снятой с приехавших одежды и не решавшейся выйти в переднюю, пока клиента не проводили.

— Жаль повод вашего приезда, судя по письму вашему, Магдалина Казимировна, родительским беспокойством рожден, — продолжал он, прикладываясь к дамской ручке. — Светила профессорские у нас запросто бывают, в картишки перекинуться. А то ведь скука одна, кроме дел. Вот так, молодой человек, — обратился он к Шурику. — Скоро к нам в университет к коллегам успевающим? Или, может быть, фуражку с молоточками выберете? В Технологическом мы своих инженеров готовим, сибирских.

— Ну что вы, право! — пришла на помощь сыну мама. — Шурочка всего лишь в третий класс реального училища перешел. Да и тот под госпиталь теперь отдан. Что теперь с учебой сыновей будет, ума не приложу.

— Ну, дражайшая Магдалина Казимировна, с вашими средствами вы ребят своих и в Гарвардский университет или Сорбонну подготовите. Но лучше — к нам. Вы кем хотели бы быть, молодой человек?

— Пожарным, — сам не зная как, выпалил Шурик. Это действительно было его детской мечтой. Еще в Акмолинске он воображал, что ему подарят игрушечную пожарную машину и он, накачивая настоящую воду, будет поливать из крошечных шлангов с брандспойтами бумажный дом, который склеит и подожжет на середине стола. Но никому в голову не пришло делать и дарить такие игрушки, и настоящих пожарных, к счастью, в их дом не вызывали.

— Пожарным? — переспросил опешивший адвокат. — И как

же вы готовитесь к столь полезной деятельности? — перешел он на шутливый тон.

— Сейчас мне некогда этим заниматься, — буркнул мальчик. — Я роман пишу.

— Роман? — искренне удивился хозяин дома и, демонстрируя деликатность, стал расспрашивать: — И о чем же, позвольте узнать?

— Восстание в Индии, — ляпнул Шурик.

— И где же она находится, эта Индия? — потешаясь, продолжал адвокат.

— Где-то там, — неопределенно ответил мальчик.

Дело в том, что Шурик ничего не выдумывал. Заветную тетрадку с выведенным названием романа он привез с собой — в расчете начать писать, как только профессора вернут ему зрение.

— Шура! — строго вмешалась его мама. — Прекрати дурачиться. Сядь за рояль и сыграй нам Шопена.

— Это какого же Шопена? Который на индейском слоне ездил? — не без ехидства спросил адвокат.

— Да, — с улыбкой подтвердила гостья. — Когда к Жорж Санд ездил Седьмой вальс играть.

Хозяин с недоверчивой миной на лице развалился в кресле, хозяйка подняла крышку рояля фирмы «Беккер».

Шурик понял, что сейчас именно от него зависит отношение к ним этих людей, и сыграл Шопена, как никогда прежде не играл.

— Ничего подобного не слышал, — сказал Петров, вставая и белоснежным платком вытирая уголки глаз, словно удаляя соринку. — Сестра-покойница тоже его, бывало, исполняла, — добавил он.

Крушением всех надежд приехавших было посещение профессорских кабинетов после стараний адвоката Петрова, проникшегося к Шурику особой симпатией, после того как тот выиграл у него подряд две партии в шахматы.

После первого проигрыша он заявил:

— Молодой человек! — растроганный его исполнением вальса Шопена, он продолжал так называть мальчика. — И теперь вы будете утверждать, что плохо видите фигуры? Нет, батенька мой! Вы просто мастер розыгрыша! Пожарный! Роман «Восстание в Индии»! Наконец, этот выигрыш у меня в шахматы. Как мне после этого, осмелюсь вас спросить, говорить с профессорами о вашей слепоте? Как?

Шурик не на шутку испугался. Хорошо, мама уехала с хозяйкой по магазинам.

— Мне не обязательно видеть фигуры, — неуклюже

вывернулся он, не в силах доказать, что никого не разыгрывал, и все так и было на самом деле.

— Не обязательно видеть фигуры? Я не ослышатся? И вы можете сыграть со мной, не глядя на доску?

Шурик знал, что большие шахматисты играют «вслепую» и даже на многих досках. Но сам он так никогда не играл, хотя помнил сыгранные партии, мог показать, где ошибся Петров, не заметив подготовленной вилки конем. Адвокат играл слабо. А против ребенка вообще ходил шаляй-валяй. Шурик решил, что у него нет другого выхода. Он действительно не видел печатные буквы. Но как это доказать? Игрой «а-ля воль»?

— Я сыграю с вами так, но не берусь выиграть, — робко сказал он и добавил. — Вы же не удивлялись, что я играю на рояле, не глядя в ноты.

— Ясно. Но мы, проверим вас, молодой человек. Если вы играете в шахматы, как на рояле, то пророчу вам большое будущее.

Он усадил мальчика на стул спиной к себе, расставил фигуры, по традиции отдав партнеру белые. Шурик напрягся до предела, всерьез считая что от этой партии зависит его судьба.

«Неужели он не запутается и не зевнет?» — говорил сам себе Петров, записывая очередной ход в блокнот, принесенный вместе с пером и чернильницей из кабинета в гостиную.

Игра началась, но получилось так, что зевнул не гость, а хозяин, вернее, попался на хорошо известную мальчику красивую ловушку «мат Легаля».

Вот что записал адвокат в свой блокнот, ловя потом на этом своих наивных партнеров:

1. e4 e5 2. Cc4 d6 3. Kf3 Kc6 4. Kc3 Cg4 5. Kxe5!

— Зевнул! Зевнул-таки, голубчик! — радостно вскричал адвокат. — Ходы назад не отдаются! — и он взял открывшегося ферзя слоном: **5… C:d1.** Все было как по книжке, и Шурик на память лишь называл ходы:**6. C:f7** + … У черного короля было лишь одно поле для отступления 6… Кре7и белый конь сразу дал ему мат: **7. Kd5!**Без ферзя и почти при всех фигурах!

Адвокат вскочил и восторженно воскликнул:

— Молодой человек, вы — загадка!

Эти же слова Шурик услышал от знаменитого профессора-окулиста:

— Вы для нас загадка, молодой человек! — сказал тот пациенту и обратился к его маме: — Нечто странное, мадам, произошло с глазами вашего сына. Ни одни очки не помогают ему. Больной организм как бы противостоит постороннему вмешательству.

— Что же делать, профессор? — в отчаянии спросила убитая этими словами мама мальчика.

— Что делать? — задумалось томское светило. — Есть ныне одесский профессор Филатов. Офтальмолог на всю Россию. Так ведь Россия-то на части разорвана. В центре большевики, разрушающие старый добрый мир. На юге другие бандиты грабят, противостоя добровольческой армии генерала Корнилова, вынужденного отойти из-под Петрограда. А в Одессе — то ли германцы, то ли гетманцы, что разницы не составляет.

— Так, может, морем до Одессы добраться?

— Стоит ли, мадам? Кто знает, что случится за время вашего кругосветного путешествия по морям и океанам. Думаю, что и Филатов, как и мы, склонится к мнению профессора Сперанского, нашего высшего авторитета, что все болезни происходят от нервной системы. Нервы, голубушка, нервы! У вас как в семье? Все благополучно?

— Да, слава Богу. Вот только у старшенького мальчика нервный тик на лице.

— Ах, вот как! «Пляска святого Витта» называется. Так что придется ждать до первых пробившихся усиков у ваших добрых молодцев.

— Как это трудно будет!

— Да. Не легко, сударыня моя. Тем более, вести неважные идут. Французские газеты пишут, что наши войска бои вели за Екатеринбург.

— Город мой родной…

— Так вот, в городе вашем родном семья его императорского величества в заключении была. И красные, пока городом владели, с перепугу якобы, на великий грех пошли, все царское семейство перестреляли. Верховный специальное следствие назначил.

— Какой ужас! А мы в своей беде ничего и не знаем!

— А знать надобно, мадам. Тем более что прорвали большевики фронт. Екатеринбург снова у них. Угроза над Сибирью повисла, над самой столицей колчаковской, над Омском, а Петропавловск ваш на пути к ней лежит. Хозяева ваши добрые вас берегли, в неведении оставляли. А вот мне, в силу долга своего, приходится сказать, что не только ждать вам надобно, но и поспешать. Прощайте, сударыня, да храни вас Бог!

Когда мать с сыном вышли из университетского сада и пошли вниз по Почтовой улице, у нее, сдерживавшей слезы, началась истерика. Она плакала навзрыд, и прохожие оборачивались на них. Проезжавшая мимо пролетка остановилась. Из нее, бросив вожжи, выскочил невысокий элегантный бородатый господин и бросился к рыдающей даме:

— Что с вами, ангел мой? Доверьтесь мне. Я профессор математики Технологического института. Шумилов Василий Иванович. Был бы рад оказаться полезным.

Не в силах овладеть собой, продолжая плакать, Званцева без слов кивнула в сторону сына.

— Юноша или почти юноша! Да как же вам не стыдно довести маменьку до такого состояния? — накинулся на Шурика незнакомый профессор.

Опустив голову, мальчик молчал.

— Такая прелестная женщина заслуживает не только уважения и восхищения, сыночек неблагодарный, но еще и заботы мужской и подчинения сыновнего. Да еще в чужом городе. Догадываюсь, вы приезжие?

— Из Петропавловска, — выдавил из себя Шурик.

— Есть такой город на Камчатке. Но оттуда морем надо добираться. Потом еще тысячи верст преодолевать! Твоя мама — героиня, а ты…

Профессор, видимо, хотел отвлечь даму, помочь ей прийти в себя. Она, перестав плакать, только вздрагивала плечами, держа у глаз кружевной платок. Шурику до боли было жаль маму, и он стал помогать профессору, говоря:

— Наш другой город. На железной дороге. Между Уралом и Омском.

— Та-ак. В географии силен, а как с математикой? Небось на Технологический институт заглядываешься? К отцу приехали?..

— Папу в армию забрали. Института не видел и маму не обижал. Она самая лучшая на свете.

— Вы уж простите нас, Василий Иванович. Мы лечиться сюда приехали, — сдерживая слезы, вступилась за сына мама, — а профессора здешние не берутся ему зрение вернуть, — и она тяжко вздохнула.

— Ах, вот как? Тогда извините меня за неуместное вмешательство. Кстати, великий ученый и российский академик Эйлер, последние двадцать лет жизни будучи слепым, свои самые значительные работы продиктовал своему слуге. А сынок ваш все вокруг видит. Правда, юноша? Есть у меня борода или нет?

— Есть, — ответил мальчик, беря маму за руку и прижимаясь к ней.

— Ну, юноша, тебе слуга не понадобится. К тому времени изобретут такой прибор, чтобы пишущая машинка с голоса печатала. В какую гостиницу вы позволите вас отвезти? И как вас по имени-отчеству величать?

— Званцева Магдалина Казимировна. Мы у знакомого адвоката Петрова остановились…

— Рад буду его повидать. Может, в шахматишки с ним сразимся.

— Только не попадитесь на «мат Легаля», — посоветовал Шурик.

— Это-то я знаю, а вот что ты знаешь — это уж полчуда.

Он усадил приезжих в свою пролетку, говоря:

— А у меня две дочурки, Магдалина Казимировна. Одна постарше, пожалуй, сына вашего будет, другая помоложе. Может быть, когда-нибудь встретятся.

В числе провожавших Званцевых из Томска в Петропавловск, кроме адвоката с женой был и профессор Шумилов, элегантно одетый невысокого роста бородач.

Прямого вагона «Омск — Томск», который на станции Тайга прицепляли к идущему с востока поезду, почему-то не было, и мать с сыном садились в поезд местного значения ветки «Томск — Тайга». А на скучной станции Тайга билетов в спальный вагон первого класса проходящего поезда не было, и чтобы не сидеть в зале ожидания сутки, Званцева взяла билеты в общий вагон третьего класса. Полки здесь были жесткими, и на них сидели, а не лежали. Когда стемнело и седоусый проводник, проходя между открытыми купе и боковыми полками, зажигал в фонарях над дверями тамбуров тусклые свечи, мама забеспокоилась: как уложить сына спать?

На нижней полке сидело четверо: Званцевы, ехавший издалека священник, уже устроившийся на верхней полке, и толстая тетя в пестром платке на голове. Последняя без конца сетовала на то, как тяжело в деревне без мужиков. В хозяйстве у нее пара лошадей, две коровы, и одна из них скоро отелится, куры, утки. А тут еще и сноха у нее оказалась ленивой. Так что со всем самой управляться приходится. Званцева, в свою очередь, рассказала о неудачной поездке в Томск и загадочной болезни сына. Тетка тут же пригласила Званцевых в свою деревню, где есть бабка, умеющая заговаривать от всех болезней. «Она, — уверяла тетка, — непременно парнишке поможет». Говоря это, она не подозревала, какую роль сыграет в судьбе Шурика, а увидев его приготовления ко сну, вмешалась:

— Да что вы, барыня, мы сыночка вашего на третьей полке устроим, багаж оттуда на верхних полатях над окном умнем, а что помягче — на пол между полками уложим, я на них и улягусь, как на перину пуховую. Нам дело привычное. А вы на нижней лягете.

Так Шурик оказался на третьей, багажной полке, рассматривая близкий потолок вагона над собой.

Новосибирск уже проехали и, как сказал зажигавший свечи

проводник, ночью будет Барабинск, на полпути между Новосибирском и Омском. А еще на полпути между ним и Уралом — Петропавловск. Но до Барабинска они так и не доехали…

Бывает, что во сне летаешь. Шурик летел, не ощутив страшного удара, сотрясшего весь вагон. И летел он на самом деле между полками и грохнулся на что-то мягкое, упругое. Этим мягким и упругим была толстая разговорчивая тетка, спавшая на чемоданах. Послышались испуганные голоса и стоны. Не все так легко отделались, как он. Убедившись в этом, его мама, переброшенная с одной нижней полки на другую, стала оказывать помощь священнику, менее удачно слетевшему со второй полки. В проходе между полками проковылял проводник:

— Крушение, господа пассажиры. Из вагона прошу не выходить. Тамбуры повреждены. Сам еле жив остался.

Для Шурика это было сигналом к восприятию приключения. Он выскользнул в тамбур. Дверь в него была открыта, а сам тамбур сжат гармошкой. Два пассажира, выходившие покурить, оказались зажатыми. Одного придавило, и он только стонал, другой громко взывал о помощи. Входную дверь в вагон покорежило и приоткрыло. Наружу вела узенькая щель, через которую не протиснуться человеку. Взрослому, конечно! А мальчишке? Не раздумывая, Шурик решил попробовать и, конечно, застрял, высунувшись наполовину.

Было темно, мелькали огоньки бегающих с фонарями людей.

— Глянь, гимназиста зажало. Эй, паря, ты живой или как? — послышался близкий голос.

— Жив я, жив! Помогите вылезти! — хотел крикнуть Шурик, но грудь так зажало, что получился слабый, нечленораздельный звук.

— Вроде пищит. Давай, братва, вытаскивать. Берись!

Мальчик почувствовал мертвую хватку крепких рук на плечах, под мышкой правой руки, высунутой вперед.

— А ну, дружно! Взяли! Подернем! Подернем! Сама пойдет! Сама пойдет! Авось не разорвем…

Послышался треск. Но разорвали не Шурика, а его форму реалиста. И ремень с пряжкой, а главное — сорвало пуговицы на брюках. Шурик стоял на перроне какой-то станции, которую поезд проезжал без остановки, и врезался в оставленные на его пути вагоны.

Придерживая руками спадающие штаны, мальчик спрыгнул с конца платформы и побежал вперед к паровозу, не обращая внимания на крики:

— Куда ты, паря? Врач тебя осмотрит.

То, что Шурик увидел, не поддается описанию. Паровоз серии

ОВ, прозванный «овечкой», лежал на боку, скатившись с насыпи. Вместе с ним, тоже на боку, лежал почтовый вагон. Пассажирский был сцеплен с ним, видимо, непрочно, что и спасло Званцевых. Их вагон остался на рельсах со сморщенными тамбурами.

Оставленные на пути поезда товарные вагоны при ударе столкнули паровоз с рельс, заставив его съехать с насыпи, а сами откатились далеко вперед.

— А ну, паря, посвети, я прочту, что в инструкции написано, как крушение оформлять, — обратился к Шурику дядя с фонарем.

— Не могу. Штаны держать надо. Все пуговицы сорвало.

— Странное повреждение. Тогда прочти вот тут. Я посвечу.

В одной руке он держал фонарь, в другой — открытую книгу. И Шурик ночью, при тусклом свете фонаря, стал читать мелкий шрифт инструкции о документах, долженствующих быть составленными при крушении железнодорожного состава.

— Что ты тут делаешь, негодный мальчишка? — услышал Шурик взволнованный мамин голос.

— Он мне важные указания читал, мадам. Славный малый, — заступился за мальчика станционный начальник.

— Как читал? Он не может!

— А я ему фонарем посветил.

— Я вижу, мамочка! Теперь все вижу, — радостно возвестил Шурик, бросаясь к маме и обнимая ее обеими руками.

— Боже мой! Какая у тебя шишка, — говорила она, гладя сына по голове — Неужели видеть стал? Недаром батюшка с нами ехал. Это он мне помог через окно к тебе спуститься. На все Божья воля! Вернул он тебе зрение.

— Портки-то подними, паря, — сказал с улыбкой проходивший мимо мужчина…

Глава третья. ТОЧЕНАЯ

Искушение, подобно яду.
Гарпун резвый мчится рядом

Запах лошадиного пота от рысаков, бегущих впереди, вместе с ветром от быстрой езды били в лицо, в нос, в защищенные очками глаза. Сидя в беговой качалке, управляя палевой красавицей-кобылой, Шурик ощущал необычайное слияние со рвущейся вперед Точеной, знал: она сильна, задорна, охвачена азартом, недовольна обогнавшими ее лошадьми, и легким, ласковым натяжением вожжей чуть сдерживал бег, берег ее мощь.

Папа подарил ему Точеную, перед тем как уехать на формирование в колчаковскую армию, хотел облегчить состояние

сына, теряющего зрение. До отъезда в Томск Шурику удалось объезжать Точеную в беговой качалке и он уже чувствовал каждый нерв лошади, как свой собственный. Мальчик не подозревал о тайном замысле Игната, того самого конюха, что служил у его папеньки в Акмолинске, отдававшего ему Точеную. Игнат неспроста водил мальчика на ипподром. И вскоре Шурик проникся особой атмосферой, охватывающей зрителей после удара колокола и старта отборных рысаков, когда они, вытягиваясь в цепочку на прямой части полутораверстной беговой дорожки, ухоженной после каждого заезда, рвались вперед.

Когда лошади выходили из последнего поворота на прямую и до финиша оставалось меньше полверсты, публика на трибунах сходила с ума. Купцы, учителя, даже толстый батюшка из закрытого реального училища и особенно офицеры — с выпученными глазами вскакивали с мест и криками старались поддержать своих фаворитов. Этот всеобщий психоз умножался денежным интересом — игрой на тотализаторе и крупными суммами заключенных пари.

И Шурик поддался всеобщей лихорадке, сжимая в потной ладони билет тотализатора, а его неугаданный ставленник сдал на последних саженях и пришел вторым. Увлеченный мальчик уже не мог остановиться и играл во всех гитах, пока не спустил последнюю керенку. Счастливчики уносили их целыми рулонами. Деньги в России после Февральской 1917 года буржуазно-демократической революции печатали длинными полосами купонов, не разрезая. Они достались Колчаку от Временного правительства взамен отмененных царских денег и неудержимо падали в цене. Их приходилось снова и снова допечатывать, даже не заботясь об их обеспечении золотым запасом. Да и где был тот запас, вряд ли кто тогда знал.

Игнат был доволен Шуриком и объявил, что тот поедет вместо него на Точеной в беговом заезде.

— Понимаешь, пошто такая штука? — объяснял он мальчику, в смущении засовывая себе в рот собственные усы и приглушая хрипловатый голос. — Точеную никто не знает. А нас с тобой сравнят. Сообразят, гадюки, почему наездник мальцом себя подменил, и что Точеной с твоим половинным весом прытче бежать, нежели с моими шестью пудищами. Знатоки и ринутся на Точеную ставить, а ты на пробежке с хлыстика фасон ее покажешь…

— С хлыстика? Никогда! Не поеду я! — возмутился мальчик от одной мысли ударить Точеную.

— Да что вы, барин! — перешел на преувеличенную

почтительность Игнат, заговорив «по-бродяжьи». — Это я так, для опасности, сдуру. В чем гвоздь-то, вы поймите. Небось реалист, арихметике обучен. Гарпунь кто таков? Как есть конь-богатырь! Но позабудуть о нем, на вас с Точеной любуясь! На новеньку, ставка вся. Новичкам, мол, везеть. А мы с тобой на свою, как на втору, поставим, а на Гарпуня — перьвого. Ты Точеную на финише чуток придержишь, Гарпуня на голову вперед пропустишь. Керенок воз загребемь и за перьвое и за второ место. Вот так здеся обычно дела оборачивають.

— Я не поеду, дядя Игнат, — замотал головой Шурик.

— Вам, барин, виднее. Только отсель объезжать Точеную тебе не прийдется, ножку ей попорьтить ой как сподручно.

— Не надо, дядя Игнат, — испугался мальчик. — Мне что? Вашу цветастую куртку надеть, что ли?

— Публике так прикладное наездников угадывать. А на вас еще не сшито. Извиняйте.

От быстрой езды Игнатова куртка раздулась на Шурике цветастым пузырем, и он выглядел воздушным шариком, толще самого Игната, но в свои двенадцать лет — на три пуда легче. Это сказалось на Точеной решающим образом. Большую часть дистанции Шурик ласково сдерживал любимицу, берег ее, зная, что она полна сил, азартно рвется вперед, недовольна обогнавшими ее соперниками. В ней это заложено прославленными рысаками-родителями.

Выйдя на финишную прямую одной из последних, Точеная, не чувствуя больше нежного натяжения вожжей, рванулась вперед, как стрела со спущенной тетивы. Казалось, соперники остановились, и она объезжает их легкой рысцой. Но это была не рысь, а стремительный полет. А вот и Гарпун, могучий жеребец, оставивший всех позади. Всех, но не Шурика с Точеной. Они поравнялись с ним. А его наездник зло посмотрел на Шурика и стал нещадно хлестать по крупу жеребца. Мальчик же крепко сжимал в руке направленный в небо хлыст, а Точеная вздрагивала своим прекрасным телом, словно на нем оставались светлые полосы от чужих ударов. Гаденькая мысль стеганула Шурика: «Придержать Точеную, как хотел Игнат». С отвращением отбросил он эту мыслишку и словно прибавил этим Точеной сил.

Точеная пришла на полкорпуса первой. Заключительная часть заезда оказалась прекрасным зрелищем. Зрители на трибунах неистовствовали.

Мрачный Игнат молча принял у Шурика вожжи, чтобы выгулять Точеную, но хлыста мальчик ему не передал.

Игнат усмехнулся в прокуренные усы:

— Не бойсь, барыч, не обижу. По первопутку даже, как есть,

совсем не на шермака, — и он улыбнулся, произнеся эту высшую похвалу ездоку.

К Шурику с трибун прибежал мальчишка:

— Требуют вас в губернаторскую ложу, — взволнованно выпалил парень, с интересом глядя на победителя.

— Переодеться или как? — спросил тот Игната.

— Вали так, с хлыстом в руке. Може, он на тебе выиграл. Наградить хочет. Не запамятуй сказать, кто Точеную готовил. И что отец твой супротив красных супостатов геройски бьется.

Так говорить Шурик не собирался в своем дурацком виде, в цветастой куртке с чужого плеча на форме реалиста. Что бы мама сказала?

Неуверенно шел он к трибунам, где недавно орал вместе со всеми в конце каждого заезда, и думал: «Не всех же наездников вызывают. Не допустил ли я какой ошибки, вдруг победу Точеной отменят?» У него даже слезы выступили на глазах, но, взяв себя в руки, он бодро взбежал по лесенке в приподнятую над трибунами ложу.

Там было много парода: разодетые мужчины, блестящие офицеры и нарядные дамы в ярких шляпках и с зонтиками.

Тучный господин, главный на ипподроме, при виде чучела, каким считал себя Шурик, воскликнул:

— А вот и наш юный герой, хитрейший из Одиссеев, нежданно приведший свою лошадь из обоза к победному столбу! Небось кассу тотализатора очистил?

— У меня на билеты денег не осталось. Продулся, — чистосердечно признался мальчик.

— Во чужом пиру похмелье, — усмехнулся толстяк.

— Я бы тебе в долг дал, — сказал нескладный высокий поручик. — Я два раза угадал. А на тебя поставил, как на своего шахматного партнера. Здесь, хотел отыграться.

Поручик Ерухимович жил у Званцевых в дворовом флигеле вместе с другими офицерами. Иногда играл с Шуриком в шахматы.

— Я не из-за денег. Свою Точеную очень люблю, — наивно поделился со всеми Шурик.

— Боже! Это же мальчик! Он мог упасть! Как позволили? — забеспокоилась одна из дам.

— Не тревожьтесь, сударыня. Я — князь Шаховской. Снимаю дом у местного богача, отца этого мальчугана. Имею возможность наблюдать через улицу их с братом акробатические трюки. Они из-под купола цирка не упадут, а не то что из коляски.

Шурик вспомнил этого скромного сухонького господина, внешность которого никак не вязалась с его представлением о

знати. Отец приютил князя как беженца, бесплатно, в одном из двух флигелей при складах по ту сторону улицы. В другом флигеле жил старший приказчик Вологов, с сыном которого братья Званцевы дружили.

— Спасибо, князь. Тогда представьте нашего героя господину министру просвещения Ивану Михайловичу Ляховицкому и супруге его Агнии Александровне.

Из кресла поднялся невысокий господин с крутой лысеющей головой, а сидевшая с ним рядом красивая дама тепло улыбнулась Шурику.

В ложу влетел офицер в запыленном английском френче и передал министру пакет.

Тот вскрыл его и обратился к трибунам:

— Господа! Фронт прорван. Мой долг министра предупредить вас. Сибири грозит ужас разрушений, грабежа, убийств, насилия. Все, кто может, должны спасать своих близких…

Призыв к панике был услышан, вызвав жуткий переполох. Люди кинулись к выходу. Ломались сиденья, слышались крики, визг, плач…

Министр взял под руку свою даму и неспешно удалился.

Могли Шурик подумать, при каких обстоятельствах снова увидится с ними — во время другой уже войны? Через двадцать пять лет…

Глава четвертая. БЕГСТВО

Прощай мой дом, прощай и детство!
Так что теперь займет их место?

Въезжая в свой двор на дрожках Игната, держа на поводу Точеную, покрытую попоной с золотым шитьем, Шурик сразу ощутил беду.

В доме был переполох. Вытаскивали сундуки, чемоданы, какие-то тюки, узлы, дорогую мебель и даже любимое кресло хозяина из кабинета. Спинка у него была в виде резной дуги с колокольцами, а ручки — плотничьи топоры, воткнутые в чурки.

Шурик любил, устроясь в кресле, читать или о чем-либо воображать, хотя было оно жестким и не очень-то удобным.

Мужики и спортсмен Витя грузили багаж на подводы.

Хозяйка стояла на крыльце как полководец, словно руководила жарким сражением. На Шурика и внимания не обратила.

Он робко подошел к ней и сказал:

— А мы с Точеной на ипподроме победили.

Она не обрадовалась, а горько сказала:

— Не мы победили, а нас победили. И не на ипподроме, а на фронте. Иди собери свое самое необходимое. Мы уезжаем. Надолго… если не навсегда… совсем…

— Куда?

— На восток, как можно дальше.

— На лошадях? — с надеждой спросил Шурик, боясь разлуки с Точеной.

— В железнодорожном вагоне. Владимир Васильевич Балычев объединил всех богатых людей города: нас, Зенковых (папина сестра Клавдия Григорьевна была замужем за заводчиком Зенковым, имела трех дочерей и двух сыновей, с которыми Витя с Шурой дружили), Бахрушиных и крестную твою, тетю Соню Шпрингбах. Сообща мы арендовали на всех товарный вагон. Его будут прицеплять к идущим на восток поездам.

— Теплушку! — воскликнул Шурик.

— Помнишь, сколько мы их видели, когда в Томск ездили. Про них еще говорили: «сорок человек, восемь лошадей».

— Ой, как хорошо! — обрадовался мальчик.

— Что хорошего? В такой тесноте и грязи, все вместе, не знаю сколько будем жить. На нарах спать.

— Но нас ведь меньше сорока человек.

— Ну и что из этого?

— Значит, Точеную можно с собой взять.

— Ты что? С ума сошел? Думаешь, твоя тетя Клаша, первая светская дама города, согласится спать в конюшне? У нее дома не спальня, а царская опочивальня.

Шурик стоял молча, с поникшей головой.

— А вот и она сама с Владимиром Васильевичем к нам пожаловали, — закончила мама.

Из элегантной коляски, запряженной двумя лощеными рысаками в яблоках, опираясь на руку выскочившего раньше Владимира Васильевича Балычева, инспектора из реального училища, величественно сошла нарядная дама, еще издали крикнув:

— Магда! Ты что же так замешкалась? Наш вагон могли бы прицепить к адмиральскому экспрессу, и мы бы с его превосходительством министром Ляховицким до Омска сумели бы добраться.

Она горделиво шла под руку с Балычевым, доставшим ей чуть выше плеча. Куры в панике разбегались перед ней.

— Мебель с подвод разгружайте. Вносите обратно в дом.

Нечего рухлядью вагон забивать. Нам в нем жить и спать на нарах. Кому говорю? Пошевеливайтесь! — властно командовала она.

Рабочие растерянно переглядывались, не зная кого слушать. У Магды слезы дрожали на ресницах. У Шурика от жалости к ней свело горло.

— Делай как знаешь, ты моего Петечки старше, — с горечью бросила она и пошла в дом.

Владимир Васильевич, затянутый в синий мундир с золотыми пуговицами, побежал за ней:

— Магдалина Казимировна, подождите! Прикажите закладывать в коляску лошадей, пора и вам с детьми на вокзал ехать, кто знает, когда теплушку нашу прицепят и сколько в ней пожить придется.

Званцева обернулась и через силу улыбнулась, а он продолжал:

— И ни о чем не беспокойтесь. Без Владимира Павловича, пока он производство в Харбин перебазировал, Клавдия Григорьевна правила оставшимися заводами, как государыня-императрица Екатерина Великая всей Россией-матушкой.

Всем было известно, что Владимир Васильевич без ума от Клавдии Григорьевны и неотлучно состоит при ней, заботясь обо всех ее пятерых детях: старшей Леле, величественной, как мать, но в отличие от нее — высокомерной, и еще о двух сыновьях и двух дочерях.

На привокзальную площадь экипажи Званцевых и Зенковых въехали одновременно!

Мама уступила настойчивой просьбе Шурика, и к их коляске была привязана красавица Точеная в нарядной попоне. При виде ее младшая из дочерей тети Клаши бойкая Зоя захлопала в ладоши:

— С нами лошадка поедет! Вот здорово будет!

— Еще как здорово! Особенно спать в навозе, — съязвила старшая Леля.

Занимаясь собой, она считала всех остальных детей мелюзгой.

— Говорили, кажется, будто спать мы будем на нарах, — сказала средняя сестра Нина.

— Перепутала, как всегда, ты со своей глухотой, — обрезала Леля. — Могли бы о походной кровати для меня позаботиться.

— Чур, мое место у окна. Всю дорогу смотреть буду, — поспешил «забить!» место для Вити с Шурой их сверстник и закадычный друг черноглазый и прыткий Миша.

На станционных ступеньках Шурик увидел респектабельного

Стасика Татура. Через отца тот узнал об отъезде Званцевых и пришел проститься. А увидев Точеную, просиял.

Игнат отвязал ее, и Шурик со Стасиком, вдвоем держа ее под уздцы, молча обошли вокзальную площадь, пока не услышали гневный голос самой Магдалины Казимировны: А вещи твои кто будет перетаскивать? Опять мама?

Прибежал, сверкая угольками глаз, проворный Миша.

Он, как обещал, уже занял себе на верхних нарах место у окна:

— Вы не думайте, я вас по очереди к себе пускать буду. Вместе смотреть будем. Сейчас остальные подъедут, теплушку на абордаж брать станем. Так интереснее.

И теплушку брали на абордаж. Девочки визжали. Ступенек не было. Солдаты, те сразу запрыгивали на порог раздвинутых дверей. Детям было сложней, хорошо, если им удавалось лечь на живот, а уж потом встать на ноги. Но это им было труднее делать еще и потому, что все старались залезть одновременно, при этом отталкивали друг друга локтями. Каким-то чудом первой в теплушке оказалась Зойка! Хитрюга, она пролезла под вагоном и забралась в открытые двери с другой стороны. Но вся эта суматоха оказалась напрасной, едва прозвучал властный голос тети Клаши:

— Сейчас же прекратите возню. Уедем все. Помогайте грузчикам уложить общий багаж. Дети ложатся на верхних нарах по старшинству, слева направо. Леля перестань морщиться. Проследи, чтобы нужные вещи не загнали под передние нары. Спать будем на задних. Владимир Васильевич, распорядитесь, чтобы станционные работники поставили на железный лист буржуйку и снабдили бы нас запасом наколотых дров, и трубу чтоб вывели в окно наружу, коленом по ходу поезда и чуть повернутым к земле. Все поняли? А самое главное, чтобы теплушку прицепили поскорее к поезду. Это ваша обязанность.

— Принято к исполнению, — отозвался Балычев и тихо восторженно добавил: — Эжекция! Чем дальше в лес, тем больше дров! Будто военную академию закончила!

Тем временем у теплушки все делалось по ее приказу, по ее плану.

Владимир Васильевич околачивался у дежурного по станции, добиваясь прицепки теплушки к адмиральскому экспрессу.

— Помилуйте, ваше благородие! Это же экспресс самого высокопревосходительства Верховного правителя всея Руси. Международные вагоны высшего класса и вдруг какая-то задрипанная теплушка. Конфуз! Никак невозможно! С меня форму снимут. В одном белье по городу пустят. А у меня семья…

— Да поймите же вы, ваше высокоблагородие, — польстил железнодорожнику Балычев, — в этой теплушке первые ноли города спасаемся от большевиков, от убийств и насилия Разве не ваш долг им помочь? Ведь есть же арендным договор и христианские чувства!

Рулон керенок оказался сильнее всех доводов и сделал свое дело.

Теплушку тряхнуло. С ней сцепился маневровый паровоз. Появилась надежда оказаться в составе экспресса Колчака. Они видели его самого, худого, стройного, прогуливающегося с министром просвещения, низеньким и толстеньким. Но те ехали только до Омска… Ну, а там — как Бог даст!

Железная печка, похожая на неведомое четырехлапое животное с длинным коленчатым хвостом, уходящим в полуоткрытое окно, успела раскалиться, пока, наконец, поезд с прицепленной теплушкой двинулся. Народ метко прозвал ее — «буржуйка». Она спасала зимой новых жильцов больших неотапливаемых квартир бывших буржуев.

На раскаленной спине — две большие кастрюли. От них вкусно пахнет. Шуриковы мама и тетя Клаша из экономии решили не пользоваться станционными обедами. Свои и вкуснее, и дешевле.

Омск, полный радужных надежд, проехали быстро, но на следующем разъезде теплушку отцепили от колчаковского экспресса, и он сначала вернулся в Омск, а потом пронесся мимо беженцев на восток без остановки.

— Неужели адмирал Колчак удирает первым? — возмутилась Клавдия Григорьевна, забыв добавить «его высоко превосходительство».

— Что теперь с нами будет? Ведь дети! — испуганно добавила Магдалина Казимировна.

— Сейчас пошлю своего золотопуговкина. Брошь перламутровая у меня есть. Крест золотом обрамлен. Пусть под воротничок к сорочке приколет. Вполне здесь может за высокий государственный орден сойти. Еще превосходительством его величать станут.

— Главное, про детей, — напутствовала Магда.

Дети! Только некий вещун мог бы открыть то, что случится, а вернее, уже случилось с каждым из них. Великое счастье человека, что он не знает, что случится впереди!

Под теплушкой на стыках рельсов мерно перестукивали вагонные колеса. Они как бы пели свою песню или оттеняли ритм рождающейся, до сих пор не слышанной, его будущей собственной музыки. Прекращался стук колес, и все замирало.

Лишь чувствовались досадные рывки. Теплушку то и дело отцепляли или на очередной станции или на заштатном разъезде, и не помогал быстрому их продвижению к намеченной цели висевший на шее Балычева тети Клашин орден Перламутрового креста. Далеко не везде производил он нужное впечатление из-за невежественности или досадной осведомленности измученных дежурных по станции. Рулон керенок был им и понятнее, и приятнее.

А о детях разговор шел в последнюю очередь. Мало ль их цепляется за тормозные площадки товарных поездов и торгует на станциях сомнительными папиросами в фирменных коробках, не раз уже выброшенных и подобранных, тщательно оберегаемых, предназначенных господам подвыпившим с оловянными глазами офицерам. К счастью, у Званцевых был свой дом на колесах и пышущая жаром печка-буржуйка с дивно пахнущими кастрюлями. И медленно, но неуклонно они продвигались на восток, и красные разбойники не могли угнаться за ними на своих лихих тачанках.

Но только через неделю Шурик смог прогуляться по знакомому перрону и читать выразительное слово «Тайга» на безликом станционном здании.

— Отчего бы нам не свернуть в Томск к Петровым? — спросил он маму.

— Такой ордой? Ты думаешь, что говоришь? Красные скоро и здесь будут. Одна надежда на войска Антанты. Они высаживаются на Дальнем Востоке.

— Япошки?

— Японцы и американцы, наши друзья, — поправила сына мама.

Ему почему-то стало грустно, и он сказал:

— Японское — вроде самое плохое, дешевое?

— Дешевое, да, но это позволяет им учиться и перенимать. И они себя еще покажут. Страна Восходящего Солнца.

Как она была права!

Утром теплушку прицепили к товарному поезду, и со скоростью неспешного груза она двинулась навстречу солнцу.

— Впереди, дети, четвертая могучая сибирская и одна из величайших в мире — река Лена и самое большое в мире пресноводное море-озеро Байкал, с вытекающей из него самой холодной рекой в мире Ангарой! И сам путь, и мосты и река — самое яркое чудо! — так заканчивал очередную беседу с детьми Балычев. Сердце сжималось от его слов: самое, самое, самое! Шурик переполнялся гордостью за свою страну, и было горько убегать из родного дома… от Точеной.

Если бы не мама, он сбежал бы с попутным поездом обратно и брата бы подговорил, хорошо бы и Зойку тоже.

Чешские офицеры, европейские интеллектуалы, надменно говорили, что о культуре страны можно судить по состоянию отхожих мест на вокзалах.

При этом они спесиво «забывали» о своей роли в загрязнении этих мест, растянувшись переполненными эшелонами по всей Великой Сибирской магистрали, по которой непрерывно шли воинские эшелоны с необорудованными для нужд пассажиров вагонами. На остановках толпы солдат мчались к станционным «удобствам», использованным чехами, превращенным в зловонные клоаки, чистить которые было некому. Подсобных рабочих забрали на фронт, а калеки, вернувшиеся оттуда, не могли их заменить.

На какой-то станции после Красноярска тетя Клаша едва дождалась ночной остановки поезда, чтобы, сломя голову, бежать в станционное отхожее место для женщин. Владимир Васильевич Балычев мужественно вскочил с нар, чтобы проводить первую светскую даму города, привыкшую к «заботам» царской опочивальни.

— Вот и хорошо, — не отказалась от его добровольного сопровождения тетя Клаша. — А то на улице темно, ни зги не видно.

— Спички с собой возьму.

— Только, пожалуйста, не зажигалку. Мне там свет излишен, а вы покараулите у входа, чтобы какой мужик спьяну в наше отделение не вторгся.

Под звук откатываемой двери Шурик уснул. Проснулся он от общего взрыва хохота.

Оказывается, тетя Клаша рассказывала о своем небывалом ночном приключении. Витя с Мишей пересказали засоне начало. Остальное он уже слушал сам и помнит все, что там произошло.

От станционных фонарей на перроне почти ничего не было видно. Нужное тете Клаше место как всегда находилось вдалеке от станции в самом конце платформы. Оно состояло из белых стен, исписанных непристойностями, которые в темноте не видно. Крыши над ними не было. Два противоположных входа предназначались для мужчин и женщин. Видимо, над ними были и соответствующие надписи, но в кромешной темноте их нельзя было различить.

— Вы бы хоть спичку зажгли, рыцарь ночной.

— Да я коробку уронил на перроне и поднять се не мог, боясь вас потерять из виду.

— Надо ходить строевым шагом, когда война идет.

— У меня, вы же знаете, Клашенька, ревматизм, освободивший меня от армии.

— От армии, а не от мужских обязанностей. Извольте найти дамское отделение, пока я не скончаюсь от болей в желудке.

— Эй, есть тут кто? — громко крикнул Владимир Васильевич.

— Пошто орешь, паря. Потрогай ручками. Начальство из-за опасности мужской вход забило. Загажено там до невозможности. Чистить некому. Тебя, паря, ждали.

— Значит, дамский вход с другой стороны. Покараульте, чтобы какой-нибудь мужчина не забрел.

Шли вдоль стены, держась за нее руками, пока она не кончилась противоположным входом, куда и нырнула тетя Клаша.

— Милости просим, сударыня-барыня! — послышался тот же голос.

— Сейчас же прочь отсюда! Нахал! Здесь дамское отделение.

— А где они дамы-то? Одни бабы остались. Заходи. Дело житейское, время военное. Конечно, непривычно над окошечком орлом присесть и ножкой не провалиться. На то и песня солдатская есть, — и он неожиданно запел:

— «Взвейтесь соколы орлами!» А ты думала, какими орлами? Вот именно такими, иначе здесь не пристроишься.

— Ты поставил меня в безвыходное положение. Я физически вынуждена, не имея другого выхода…

— Пошто нет выхода? Как вошла, так и выйдешь. Не путевые болтают: «До ворот не дотерпела, под забором баба села». А у меня запоры. Тоже хрен редьки не слаще.

— И от армии отвертелся.

— Пошто так? Это не по-соседски. Без нас поезда на фронт не шли бы. Кто направит?

— А за какую власть погибать ты их направляешь?

— Что власть? Любая власть для того и есть, чтоб побольше красть и драть с тебя налог, хоть ты б и выплатить его не мог.

— Запор, я вижу, у тебя не с той стороны.

— Однако это видишь, а что до тебя — невдомек.

— Это что же? — спросила тетя Клаша, поднимаясь и шурша шелковыми юбками.

— А то, — с задором сказал сибиряк, застегивая пояс, — что «погон российский, мундир английский, сапог японский — правитель Омский».

— Сам сочинил? Или народное творчество?

— Народный я, потому и знаю, что он слагает. А я что? Частушку по деревне пущу. Раньше пел горласто.

— Как бы тебя за горластость не упекли куда.

— Куда упекут известно, а вот куда ты себя упекаешь, сударыня-беженка, то неведомо.

Тетя Клаша вздохнула.

— Давай, провожу до фонарей. Я тут каждую ямку знаю.

— Нет, благодарствуйте, меня ждут.

— Ну, тогда бывай! У меня сапог тоже японский. Нам выдавали. Уже протекают. Портянки, как пеленки.

Кто-то схватил тетю Клашу за руку, и голос Балычева прошипел ей в ухо:

— Как вы могли? Как могли?

— Я б этого так не оставила, — заявила, выслушав все, Леля.

Слова ее утонули в общем хохоте.

Глава пятая. НА ВОСТОКЕ

«Эй, Баргузин! Пошевеливай вал…»

Кто же такой Баргузин — он не знал.

Шурик аккуратно вел дневник путешествия, где уже был отмечен нескончаемый, казалось, мост через широкий Енисей и решение построить такой мост самому. Записал и про станцию Анжерку заставленную платформами, груженными каменным углем. Владимир Васильевич объяснил про Анжеро-Судженское месторождение черного золота. А вот если вверх по Лене удаляться — придешь к золотым приискам, продолжал он. Там было восстание, по месту которого главный большевик взял себе партийное имя Ленин.

Скоро Иркутск и потом самый интересный участок их длинного пути — Кругобайкальский. Лежа на парах, можно любоваться морем! Пресноводным! Отрезано оно материковой сушей от всех соленых морей и океанов.

С перрона разъезда, последнего перед Иркутском, донеслись непонятные слова:

— Слышал? Дрезину в Иркутск угнали. И балласт на платформах туда же. Теплушку прицепить велят, а к чему?..

— Эх, паря! От Баргузина всего ждать можно. Он такого покажет, как в третьем году. В исподнем людей подымали.

Голоса удалились. Шурик сжался в комок от напряжения. Что за Баргузин и чего от него можно ждать? Разбойник он, что ли, раз людей поднимают? Надо Витьку с Мишкой будить к обороне готовиться. Около буржуйки кочерга есть. Ружье бы! Но вспомнил

Шурик панику на ипподроме. Надо расспросить получше взрослых.

Владимир Васильевич нацепил тети Клашину брошку с крестом и пошел клянчить, чтобы прицепили теплушку к платформам с балластом. Брошка кое-где ему помогала, но вдруг Баргузин — станция, и там как бы не застрять, В железнодорожном перечне станции такой нет. Решил спросить у Лели, самой старшей и умной.

— Баргузин? — подняла она дугообразные подкрашенные брови. — Должно быть, фамилия чья-нибудь. Хотя, подожди, скорее, инородец из местных. В песне одной он, должно быть, гребет, а хозяин его подгоняет: «Эй, Баргузин, пошевеливай-вай. И молодцу плыть еще ночку…». Не помню. И больше ко мне не приставай-вай! — передразнила она песню.

Шурик обиделся, ей не поверил и стал ждать Владимира Васильевича.

Балычев вернулся и собрал всех, чтобы передать нечто серьезное.

— Вот что, друзья. Мне удалось узнать, что движение поездов по Крутобайкальской железной дороге временно прекращается. Последний поезд уже ушел, и о нем здесь беспокоятся.

— Я знаю, — вмешался Шурик. — Его поджидает страшный разбойник Баргузин.

— Если разбойником можно назвать гребца, о котором в песне поется, — вставил Мишка.

— Я знаю, — снова влез несносный Шурик и пропел, как Леля: «Эй, Баргузин, пошевеливай-вай».

— Не «пошевеливай-вай», а «пошевеливай вал», — поправил Балычев. — И в бурю он «шевелит» валами огромными, бросает их в берег и подмывает насыпь. Ехать опасно.

— Спаси Господи и помилуй. Мы с Шурочкой пережили одну железнодорожную катастрофу. Не дай Бог второй, — сказала Магдалина Казимировна.

— Бог не выдаст, свинья не съест, — отозвалась тетя Клаша.

— Я договорился, — размеренно продолжал Владимир Васильевич, — что нас прицепят к ремонтному поезду, и мы окажемся в самом опасном месте.

— Какой ужас! — воскликнула мама Шурика, прижимая к себе младшего сына.

— Зато вал баргузинский увидим, — говорил Шурик, высвобождаясь из материнских объятий.

— Не только, — внушительно закончил Балычев. — Ремонтный поезд пройдет Иркутск без остановки и, даже не задерживаясь в местах ремонта, доставит нас в Верхнеудинск

первыми.

— Браво, инспектор! — сползла с нар Клавдия Григорьевна. — Как эго вам удалось?

— Во-первых: «ваше превосходительство инспектор». На мне ваш орден Перламутрового креста был. И во-вторых…

— Керенки?

— Все до одной! — развел руками в стороны Владимир Васильевич.

— Ничего, — заявила тетя Клаша, вставая, — оживим верхнеудинскую барахолку купеческими вещами. Правда Магда?

— Я не умею. Я лучше им в кинематографе на пианино играть стану.

— Я помогу, — вызвался Шурик.

— А мы с Витькой торговать будем, — обрадовался Мишка. — Только, чур, комиссионные наши.

Теплушку дернуло. Ее прицепляли к ремонтному поезду. Он состоял из одного специального вагона для рабочих и инженеров с длинной вереницей платформ с балластом из береговой речной гальки. В самом конце его и оказалась теплушка с беженцами.

Из-за сильного ветра двери теплушки пришлось задвинуть и красотами Байкала любоваться лишь через окна.

Путь был извилистый, повторяющий причудливый рельеф береговых гор. Когда он поворачивал влево, огибая стоящую на дороге гору, через которую не стали пробивать туннель, можно было увидеть паровоз. Шурик, чтобы лучше его рассмотреть, высовывал голову из окна.

— Ветер очень сильный. Боюсь, простудишься.

И мама нахлобучила на Шурика мягкую и теплую кепку. Но ветер действительно был и встречным, и очень сильным. Он сорвал с мальчика кепку, едва тот высунулся побольше.

— Баргузин украл мою кепку! — радостно закричал мальчик. — Он настоящий разбойник, как я про него и думал. Мог шапку вместе со скальпом утащить, не хуже индейца, честное слово!

Пришлось маме повязывать голову сына платком. Но и платок утащил ненасытный ветер-баргузин.

И Шурика прозвали Баргузишкой.

А поезд сам по себе шел медленно, осторожно, словно нащупывал перед собою путь. Часто останавливался. На землю сходили инженеры с приборами и сложенными треножниками. Сразу шли к паровозу.

Трое мальчишек и задорная девчушка Зойка с подвязанными косами мчались за ними. Встречный ветер сбивал их с ног, мешал дышать, заставлял отворачиваться. Только Зойка, прикрыв лицо

косынкой, не отступала. Закинув голову, походя на настоящую разбойницу в маске, она вдохновляла мальчишек.

Слева ревел прибой. Седогривые валы косо набегали на береговую отмель, со злобным шипением растекаясь по ней, и отхлынывали назад, с ворчанием, встречаясь с новой спешащей на запад кудрявой волной, нехотя забегающей на пустой пляж. Зрелище было завораживающим, но надо было смотреть на ремонтников, и ребята бежали дальше, слыша подкатывающие под насыпь грозящие бедами алчные волны. Вдали они казались огромным выстроенным рядами стадом барашков, бегущих по бесконечному склону от неразличимого горизонта. Оттуда ползли нависающие низкие темные тучи.

Представить себе это море пресным, чистым и прозрачным Шурику было трудно.

Когда ребята оказались у паровоза, тренога уже стояла на шпалах, рабочий с полосатой рейкой успел отойти далеко. И поставил ее там стоймя.

Инженеры, глядя в трубку прибора, проверяли: нет ли оседания пути.

«Насыпь проходит между водой и скалистым обрывом горы, словно стремящейся столкнуть в море эту прилипшую к ней нескончаемую гусеницу, и каторжный Баргузин пригнал на помощь штормовые валы подточить ее снизу, — фантазировал Шурик, оглядываясь на шторм. — И никакая это не гусеница, а железнодорожный путь!» — смущенно оборвал on сам себя при виде Зои в «маске».

Остановки бывали длительными. Близкие волны коварно добирались до самой насыпи и утаскивали нижние ее слои в море. Путь оседал. Тогда сгружали балласт с платформ и подсыпали его под шпалы, выравнивали рельсы. Другая группа рабочих возводила из тяжелых камней преграду для волн, огораживая ее вбитым в землю забором из приготовленных досок.

Шурик упивался всем увиденным. Витя старательно помогал рабочим ворочать огромные камни для преграды. Их тут же добывали взрывами береговых скал.

Женщины от взрывов пугались, а дети прыгали в восторге.

Когда шторм стихнет, промежутки между камнями и забором зальют смесью песка с цементом.

Представление о приятной прогулке по извилистым морским берегам, когда можно любоваться и морем, и горами, развеялось.

Но появилось представление о тяжести незаметных для мчащихся в поезде пассажиров, изнурительных работ обслуживающих дорогу людей.

Только к концу недели добрались до Верхнеудинска. Здесь

пришлось делать остановку для пополнения запасов.

Витя и Миша пришли с барахолки, задрав носы и выпятив животы.

— Мы купцы! — объявил Миша.

— Нет! Я — борец, чемпион среди сибирских борцов-любителей легчайшего веса до пятнадцати лет, — поправил Витя.

Вручив Клавдии Григорьевне выручку, не забыв при этом про свои «комиссионные», Миша отправился тратить заработок, а Витя с Шурой пошли осматривать город.

Забрели в какой-то сквер около невзрачных складских строений. И там любовались охранявшим их стражем. Он казался статуей, застыв с расставленными, словно врытыми в землю, ногами. Одет он был в незнакомую военную форму цвета хаки, сбоку на поясе висела огромная желтая кобура.

— Что, лазутчики красные, никак приноравливались союзного часового снять, чтоб военный склад грабить способнее было? — услышали они грубый голос и увидели подошедшего к ним усатого мужчину, нетвердо стоящего на тощих ногах.

— Что вы, дядя, — выступил вперед Шурик. — Мы приезжие и просто осматриваем ваш город.

— Сразу видать — ненашинские и высматривают. Союзники только вступили, а эти уже тут как тут. Кто таки? Откуда?

— Издалека. Мы — беженцы. С ремонтным поездом приехали.

— Сразу заврались! Мало того, что к беженцам примазываются, они еще себя и за ремонтников выдают. Прыщей энтаких там не берут. Пошли в участок. Вас там, шпионов красных, быстро обломают.

— Никуда мы не пойдем, — сказал Витя, напрягая мускулы.

— Ишь ты, поди ж ты! Он еще и квакает, лягушонок. Таких мы за шиворот берем, — еле выговаривая спьяну слова, самозванный блюститель порядка потянулся к Вите рукой.

А тому только это и нужно было. Он прекрасно знал приемы французской борьбы, в том числе «захват руки противника и бросок через бедро».

Витя с завидной ловкостью проделал это, как на тренировке, и приставший к ребятам пьянчужка только взмахнул в воздухе ногами в рваных ботинках на босу ногу.

Сидя на земле и вцепившись рукой в подвернувшийся камень, он бормотал:

— Ты, паря вшивый, на кого руку поднял? На власти пособника! Мы — запасная армия адмирала Колчака, Верховного правителя, царя вроде.

Он поднялся на свои шаткие ноги, гнусаво запел: «Боже, царя храни» — и с камнем в руке бросился на обидчиков.

Шурик попался первым, и он со всего размаха ударил его камнем по голове. «Украденной» баргузином мягкой кепки на ней не было. Камень пробил кожный покров выше бровей. Из раны хлынула кровь, залив Шурику лицо.

Увидев это, четырнадцатилетний Витя бросился на вооруженного камнем взрослого мужчину и применил запрещенный в борьбе прием — «ключ», с заламыванием заведенной за спину руки. Испытывая нестерпимую боль и согнувшись в поясе, пьянчужка выронил камень.

Не выпуская захваченного противника, Витя подобрал камень, как вещественное доказательство, и сказал:

— Полиция черт знает где. Сдадим его союзным войскам. Вон тому здоровяку с расставленными ногами.

И перед американским часовым у военных складов появилось трое русских: два мальчика и насильно ведомый, согнувшийся в три погибели взрослый. У младшего, судя по росту, паренька все лицо было в крови. Драка американцу — дело знакомое, но тут… Смит вовсе не чувствовал себя представителем Антанты в этой азиатской стране. Он не знал ни одного слова на местных наречиях, а эти аборигены что-то болтали все разом.

Джон Смит, не двигаясь с места, похлопал себя по огромной кобуре желтой кожи, как бы спрашивая, огнестрельное ли ранение?

Старший парень понял его и показал камень со следами крови, отнятый у захваченного.

Джон Смит сделал глубокое умозаключение, что попал в малоцивилизованную страну, не вышедшую из каменного века. И что ввязываться в их дикарские дела не имеет смысла, к тому же он стоял на часах и не мог отвести этих диких русских даже к караульному начальнику, и лишь отрицательно покачал головой.

— Отпустите, ребята. Видите, он по-нашему не петрит. Понаслали их на нашу голову, из-за него, бусурмана, из-за складов ихних я с вами повздорил. Подрастете, сами выпивать зачнете, меня поймете.

— Мы не пьем, и пить не будем, клятву дали.

— И я дам, ей-богу дам. Дайте отоспаться. Пусти ты! Руку больно! И где тебя такому научили? Раскумекать надо. Нет! Это я просто так. Попросить хотел, чтобы меня научили.

— Таких, как ты, не учат, — солидно заявил Витя. — Или так, как сегодня. Ну как, Шурка, отпустим?

— Отпустим, надо к маме идти, а то кровь…

— Иди, «Боже, царя храни», — насмешливо сказал Витя,

напутственно толкая пьянчужку в спину.

— Нет, я не за царя! Я за Учредительное собрание. Шпионов красных страшусь. Ей-богу!

— Иди. В следующий раз руку из сустава выломаю, — со смешком пообещал Витя и повел Шурика домой.

Американский солдат смотрел им вслед все в той же позе угрожающего могущества, всегда готового применить оружие… на чужой земле. Кто он этот простой парень? Видимо, сезонный рабочий, кочующий по мере созревания урожая от фермера к фермеру. О профсоюзах и борьбе с нанимателями понятия не имел. Зачем его послали в Россию и против кого там сражаться — не знал. И о политиках, бросающих солдат на смерть ради чьих-то интересов, не задумывался. Но служил исправно и, как часовой, с места не сдвинулся.

Но, сам того не подозревая, отразил вынужденную политику стран Антанты, оставивших русских разбираться между собой и вернувших войска домой, где русские идеи уже ждали их самих… Народ требовал возвращения армий.

Мальчикам тоже очень хотелось побыстрее попасть к себе домой, в теплушку.

— Голова болит? — заботливо спрашивал Витя.

— Немного. Чувствую себя, как на карусели.

— А ты, Шурик, считай до ста и обратно.

— Шрам останется, — сказал тот и стал считать.

Прохожие оглядывались на них.

Никакого фонтана на пути, чтобы Шурику умыться! Так и предстал он с окровавленным лицом перед пришедшей в ужас мамой.

В снятой на привокзальной площади комнате начался переполох. Пошли в ход вода, йод, бинты. В рассказанную правдивую «легенду» никто не поверил. В особенности Клавдия Григорьевна:

— Чтобы солдат дружественной американской армии не помог раненому ребенку? Никогда не поверю! У Верховного правителя его высокопревосходительства адмирала Колчака с американским президентом Вильсоном дружба!

Шурика уложили в постель, и поэтому дальнейший отъезд по КВЖД в Маньчжурию и Китай невольно задерживался.

Шурик молча лежал и шевелил губами.

— Что ты все шепчешь, Шурочка? — с нежной заботой спросила мама.

— Считаю, — ответил тот, силясь наморщить забинтованный лоб.

Все покачали головами:

— Надо показать психиатру!

Владимир Васильевич пошел на вокзал договариваться о задержке дальнейшего следования теплушки. Когда Балычев, устроив все дела с теплушкой, вернулся и откалывал брошку с крестом, у пего произошел с Шуриком знаменательный разговор:

— Твоя мама так беспокоится о тебе. Что эго ты считаешь? Специального доктора хотят вызывать.

— Не надо.

— Почему?

— Я просто вспоминаю.

— О чем ты вспомнил, Шурик?

— Если какое-нибудь число, ну, двойку, два раза помножить на это же число, то будет восемь.

— Это возведение в куб. Вы во втором классе его не проходили. Вот когда будешь учить алгебру, тебе все будет понятно. Ты, мой мальчик, не мог этого вспомнить, — мягко сказал Балычев, гладя забинтованную голову Шурика.

— Нет, помню, — упрямо твердил мальчик. — Я вместе с Жюль-Верном еще и «Теорию чисел» читал. И тройку два раза помножить на тройку будет двадцать семь, а четверку — шестьдесят четыре, как на шахматной доске.

— Довольно, Шурик. У тебя, скорее всего, сотрясение мозга. Надо беречь себя. Шахматистом ты еще успеешь стать.

— Я хочу показать всем фокус. Я его вспомнил.

— Но ты должен лежать в постели.

— Конечно, — согласился Шурик. — Попросите Лелю и Нину помножить само на себя два раза двузначное число.

— Возвести в куб двузначное число, уйму времени девчонкам надо потратить! Зачем это тебе нужно? Получат огромное пятизначное или шестизначное число до миллиона, сравнимое с ценой керенок.

— Пока вы будете называть эти числа, я сразу скажу, какие двузначные числа умножались.

— Ты хочешь мгновенно извлечь кубический корень из таких чисел? Да мне, преподавателю математики, полчаса, а то и час пришлось бы над вычислением корпеть. Тебя, милый друг, просто надо лечить.

— Притом розгами, — послышался из другого угла комнаты голос тети Клаши.

— А вы попробуйте и доктору скажите, а он нужное лекарство пропишет.

— А может быть, попробовать? — робко спросила мама Шурика, сидевшая подле него.

— Ну, раз сама Магдалина Казимировна не против такого

эксперимента, попробуем убедить больного, что ошибочно названные, взятые им с потолка цифры докажут серьезность его заболевания. А ну-ка, девочки, Леля, Нина, берите карандаши и бумагу.

— Ну, вот еще, — фыркнула Леля. — Стану я вместо приказчиков счетом заниматься.

— Даже кухарку надо уметь проверять, иначе плохой хозяйкой станешь, по миру пойдешь, — вмешалась тетя Клаша.

— Вашими устами да мед пить, — раздраженно сказала Леля.

— Если хотите, я подсчитаю, — предложила Званцева.

— Леля! — наставительно и с угрозой произнесла Клавдия Григорьевна.

Ослушаться мать старшая дочь не решилась и села за единственный стол рядом с Ниной.

— Пусть проверят друг у друга, — попросил Шурик.

— Не дам! — заявила Леля, пряча на груди бумажку. — Что я, приказчица какая?

— Да она боится, золотомедальница, что считать не умеет, — поддразнил сестру Мишка.

— Дай мне. Сама проверю, — подойдя к ней, властно потребовала мать и села за стол с карандашом в руке. — Ну, один фокус мы видели, посмотрим второй, — сказала она, исправив у Лели и передавая бумажку Балычеву, который проверил Нину.

Он громко и неспеша стал называть цифры:

— Двадцать четыре тысячи…

— Двадцать… — уже отвечал Шурик.

— …триста восемьдесят девять, — закончил инспектор…

— …девять, — закончил мальчик.

— Верно! Двадцать девять! Это я умножала! — воскликнула Нина и, наклонившись к Шурику, поцеловала его.

— Странно! — сказал Балычев. — Но один опыт ничего не доказывает. Кроме того, просил бы не прерывать преждевременными ответами оглашаемую более сложную, проверенную шестизначную цифру — семьсот четыре тысячи девятьсот шестьдесят девять. Прошу.

Мальчик сразу ответил:

— Восемьдесят девять.

— Пока вы тут фокусы показываете, я лучше схожу за газетой, — и, надев модное пальто, Леля вышла.

— Феноменально! — сказал Балычев, переводя взгляд с двери на мальчика. — Ты как будто знаешь, что умножали.

— Я вспомнил: двузначное число — это будто Прыгун, а умножение — это его прыжок.

— Здорово! — подхватил Мишка. — А деление — спрыгивание вниз, — и он залился задорным смехом.

— Что ты ржешь? — нахмурился Витя.

— Представил себе радость Владимира Васильевича, когда половина класса запрыгнула на парты, а половина — спрыгнула со скамеек и валяется на полу.

— Шутки неуместны, когда речь идет о здоровье Шуры, — строго одернул Мишу Балычев. — Итак, двузначный Прыгун прыгнул…

— Возвел себя в куб, как вы говорите. Называемое вами количество тысяч — это высота, на которую он прыгнул. Я смотрю куда он запрыгнул и оцениваю этот прыжок: высота ноль — ноль баллов, высота один — один балл, восемь — два балла, двадцать семь — три балла, шестьдесят четыре — четыре балла, сто двадцать пять — пять баллов, двести шестнадцать — шесть баллов….

— Вот чешет! Мне бы так! Из пятерочников не вылезал бы. У отца прибавку попросил бы, — вставил неугомонный Миша.

Сестры шикнули на него. Шурик невозмутимо продолжал:

— Триста сорок три — семь баллов, пятьсот двенадцать — восемь баллов, семьсот двадцать девять — девять баллов, высшая оценка.

— Десять кубов. Их надо запомнить? — спросила Зоя.

— Это можно, — заверила Нина.

— Полученный балл — это первая цифра результата, количество десятков, — объяснял Шурик.

— Смотрите-ка, хитер факир, — не удержался Миша.

— А вторая цифра из каких соображений? — спросил Балычев.

— Она связана с последней цифрой называемого вами числа. Ноль, один, четыре, пять, шесть, девять — без изменении переходят прыгуну, а оставшиеся четыре цифры, в виде дополнения до десяти: два — восемь, три — семь, семь — три, восемь — два. Вот я и успеваю назвать Прыгуна, пока вы зачитываете его достижения.

— Дело не в Прыгуне, а в том, что это уже не арифметика и не алгебра, а теория чисел, известная со времен Диофанта, более двух тысяч лет. Но тебя же этому не учили!

— Зато ударили по голове, — вмешалась Нина.

— Дважды, — добавила Магдалина Каземировна. — Первый удар — зрение вернул, а второй… От Бога это…

— Я читала, будто человек упал с лошади и заговорил на древнегреческом языке. Это правда? — спросила Нина.

— Это публиковал строгий научный журнал.

— А на каком языке говорил Диофант? — неожиданно задал вопрос Шурик.

— На древнегреческом, — почему-то смущенно ответил Владимир Васильевич.

— Тогда все ясно, — облегченно вздохнул Шурик и закрыл глаза.

— А ну, вспомни. У них силач такой был, Геркулес, — вмешался Миша.

— Геракл, Геркулес у римлян, — поправила Зойка. — Это в сказке. И еще там хитрюга Одиссей!

— Про Одиссея, кажется, слышал… Точеная… — прошептал Шурик и замолчал.

— Прекратите мучить больного, — вступилась за сына мама. — Он только что сотворил чудо и заснул.

Но заснуть Шурику не удалось. С шумом ворвалась Леля с ворохом газет:

— Пока вы тут играете в чудо, оно произошло! Добровольческая армия Колчака вышла к Волге!

— Ура! — закричал Мишка. — Домой! Домой!

— Домой! — поддержали остальные дети, кроме строгой Лели.

— Устами младенцев глаголет истина, — заметил Владимир Васильевич.

— А что, Магда, коли наши на Волге, сегодня-завтра, Бог даст, под звон колоколов и в Белокаменную войдут. Так чего нам в теплушке маяться да отхожим местам дань отдавать? — решительно заговорила тетя Клаша.

— Господь Бог услышал о наших страданиях, — отозвалась Званцева.

— Тогда, Владимир Васильевич, возьмите мне билет в спальный вагон до Харбина, — не терпящим возражений тоном заявила Леля.

— Как знаешь, — пожала плечами ее мать. — Ты хоть взрослая, но как чужая.

Из окна спального вагона Шурик Званцев неотрывно любовался неправдоподобной гладью уходящих за горизонт вод Байкала и прислушивался к стуку колес. Он все хотел поймать участок пути, который выравнивали при нем. Но колеса стучали ровно. Иногда все исчезало и проваливалось в темноту туннеля, а появляясь, ослепляло, пробуждало в Шурике новое, неоправданное чувство, будто случившееся ставит его над всеми и он, Шурик Званцев, может все! Он коснулся неведомо далекого прошлого и теперь возвращается в свое настоящее.

Часть вторая. ШАГИ В ЖИЗНЬ

С подножья гор — к их вершинам пути
Выбери тот, чтоб до цели дойти.

Глава первая. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Какое счастье — снова дом,
Друзья, лошадка, ипподром

Купеческая семья Званцевых, мать и двое сыновей, отец служил в колчаковской армии, теперь, после успеха войск правителя России, возвращалась обратно в Петропавловск. Знакомый вокзал, родная привокзальная площадь. Где-то близко живут Татуры. Но что это? Сам улыбающийся Стасик с лицом родовитого молодого шляхтича, каким ему всегда очень хотелось быть! На нем желтые, по его собственным словам, «свадебные», отчаянно жмущие ноги ботинки. Но, главное, он держит под уздцы Точеную. Шурик бросился к ней, и она радостно заржала. Ведь это он, сидя в беговой качалке, привел ее на ипподроме первой, взяв приз!

Мальчик гладил шелковистую палевую шею лошади, она касалась его своей влажной и нежной мордой. Стасик тем временем переступал с ноги на ногу:

— А кто будет вещи в коляску укладывать? Мама с Витей, пока Шурик с приятелем в лошадки играет? — послышался голос Магдалины Казимировны.

Шурик со Стасиком вздрогнули, надо помогать Вите и Игнату, слезшему с козел.

— А Шалун-то хорош, первый рысак города, — тоном знатока произнес Стасик, рискнув погладить лишь лакированные оглобли, и прошептал Шурику: — А мы уезжаем до Польши насовсем.

— Как так? — изумился Шурик. — А я так торопился. И к тебе…

— Приходится познавать польский язык. Хочешь, будем вместе. Ведь твой дед-поляк Казимир Курдвановский — настоящий шляхтич.

— Гусарский полковник. В Сибирь сослан за польское восстание.

— Тысяча восемьсот шестьдесят третьего года, — тоном

знатока уточнил Стасик.

— Он сражался за свободу Польши, — с гордостью добавил Шурик, как боевого коня, гладя по шее Точеную.

— То здраво! — похвалил Стасик.

Шурику понравилось незнакомое, но понятное слово и он согласился учить вместе с другом его язык, не подозревая, что в Польшу попадет лишь через сорок лет на Всеевропейский конгресс фантастов, проходивший в Познани. Стасик, в то время живя там, прочитает среди участников конгресса знакомое имя и решит отыскать друга.

Привязав Точеную сзади коляски, Стасик стал помогать Вите и Шуре укладывать вещи.

Возвращение паниковавших в 1919 году беженцев состоялось. Фронт далеко. Жизнь с поразительной легкостью вошла в свою колею.

Теперь, по представлению Шурика, он мог достигнуть всего. Однако в реальном училище все также оставался госпиталь. Учиться было негде. Он сам должен был постигнуть все для поступления в институт. Он читал запоем и фантастику, и приключения, и популярные научные книги. И к своим одиннадцати годам прочел не меньше, чем за последующие десятилетия.

Он твердо решил стать инженером, созидателем нового, никому пока неизвестного. Он уже тогда понимал, что для этого надо знать то, что уже есть, и как это сделали. И еще одно важное решение принял для себя Шурик: инженер обязан уметь делать все, что должны выполнять по его замыслам подчиненные. Но и этого казалось мало изменившемуся мальчику. Он должен прочесть все, что есть у папы, дяди Васи, у Зенковых, Владимира Васильевича, инспектора реального училища, а может быть, и со всей городской библиотеке. Эта программа казалась невыполнимой, ведь надо еще ходить к толстому Карлу Ивановичу, зубрить немецкий, имея за душой всего два класса реального училища. И к Вере Ивановне, восторгавшейся его успехами в арифметике.

На урок польского языка он попал лишь на последний. Учитель закончил его словом «кропка» («точка»), что Шурик и запомнил. И что интересно, когда инженер Званцев, будучи в Нью-Йорке, забрел в лавочку поляка, а тот узнал в нем русского, им обоим показалось, что они говорят не на двух разных языках, а на одном общем, родном.

Вите пришлось одному упражняться на кольцах, на турнике, раскачиваться на трапеции или на качелях, добавив труднейшую игру с гирями, постоянно таская их от весов на заднем дворе, где

пахло сырой кожей. На парня, управлявшегося с весом непосильным, дивились мужики.

От папы приходили успокоительные письма: он уже не просто солдат, а ефрейтор и носит на погонах поперечную полоску. Вот только их благородия господа офицеры беспробудно пить изволят, «аж завидки берут…».

Мама, осторожно ступая по коридору, подошла к детской комнате. Если дети не спят, — решила она, — им надо показать папино письмо. Обычно в мальчишеской комнате она видела одну и ту же картину: Витя спал, уронив на пол «Мою систему» Миллера, рекомендующую после гимнастики обливаться ледяной водой с последующим растиранием и массажем, кстати братья отказались «по Миллеру» от курения и спиртного. На груди же Шурика лежали конечно же, раскрытыми две книги: Фенимора Купера — про краснокожих индейцев и их отвагу и гордость и любимого Жюля Верна — про подводный корабль «Наутилус» и его загадочного капитана Немо, который мог все. Рядом на стуле была еще и «Теория чисел». Обычно мама прикручивала фитиль керосиновой лампы. Тогда чувствовался запах копоти. Ступая на цыпочки, она бесшумно выходила из комнаты. На этот раз детская оказалась на крючке. Шурику снился сон, он часто его видел. Две фигуры с обнаженными торсами и черными волосами, подвязанными цветными лентами, в полной темноте двора беззвучно подкрадывались к высокому забору. Затем они перемахнули через него и по-змеиному припали к земле.

Один из них, с пером кондора в волосах, как акробат, вскочил на трапецию и острым ножом перерезал веревки, вцепившись ногами в перекладину спортивного сооружения. Потом, переползая по перекладине, вися вниз головой, срезал веревки колец и даже качелей. Их доска загремела и разбудила Шурика:

— Индейцы! — воскликнул он спросонья.

— Тогда готовься! Скальпы снимать будут, — мрачно предупредил Витя и полез под кровать.

— Они-то найдут, — заверил Шурик. — Следопыты!

— А я уже нашел! — послышался из-под кровати радостный Витин голос.

Он вылезал оттуда, чихая и держа две увесистые гантели в руках.

За дверью ощущались мягкие шаги. Кто-то коснулся двери, пытаясь открыть ее. Ребятишки стояли с поднятыми гантелями, готовые обрушить их на головы дикарей.

— Что такое? Почему дверь заперта изнутри? Мальчики, сейчас же откройте! И отзовитесь, — слышался отнюдь не чужой голос. — Мне сейчас будет дурно! Скорей! Игнат! Господи, спаси

и помилуй! Витя! Шура! К вам никто не забрался? Я пошлю за офицерами.

Витя сбил крючок. В комнату ворвались мама и Игнат.

— Мамочка, это индейцы. В них нельзя стрелять. Они хорошие, — умолял Шурик, пока Витя исправлял гантелью им же согнутый крючок.

— Нельзя тебе на ночь такими историями зачитываться про индейцев и других дикарей, — сквозь слезы говорила мама потупившемуся Шурику, складывая книги на стол.

— А трапеция висит? — встрепенулся мальчик, заглядывая в темное окно.

— А пошто ей не висеть рядом с кольцами да качелью? Сюды мимо шел с фонарем.

— Но я видел цветные перья на голове вождя.

— Шурочка, павлин наш в Акмолинске остался. Заснул ты, сыночек мой, вместе с книжными героями.

— А как же Витя? Он под кровать залез, от скальпирования спасаться тяжелыми гантелями?

— Да я Шурке поверил. Защищаться-то надо! Разве не так?

— Пошто не так? Може то татарята баловались. Как вы изволили приехать, они на вас гадко ругались. Я их язык в погано-ругальной части хорошо знаю. Ответить шибко могу. Связываться не хотел.

— И хорошо. Соседи ведь, — примирительно сказала Магдалина Казимировна. — А теперь спать. Скоро светает. Вам, Игнат, спасибо за поддержку. Да хранит вас Господь.

Подозрения Игната были не напрасны. Витя с Шурой не хуже Игната знали татарские (или тюркские) ругательства, которые вошли в русский язык как мерзкая и оскорбительная матерщина, отнюдь не исконно русская, а гнусное наследие монголо-татарского ига.

Не всех устраивало в Петропавловске возвращение буржуев. И прежде всего татарских мальчишек, отражавших настроение взрослых. Стайка таких ребят стояла у дома наискосок от званцевского, тоже углового. Собственно, дальше улицы не было. Крутой спуск начинался с татарских домишек на четной и нечетной стороне. Отсюда, с высоты, открывался чудесный вид на низину с протекавшим вдали Ишимом, притоком легендарного Иртыша, поглотившего первопроходца Сибири Ермака.

Словно в память ему, взмыли пологими волнами два ажурных металлических пролета железнодорожного моста через Ишим и дальше — на Уран, в Европейскую Россию.

Группа татарских мальчишек спорила о чем-то между собой. При виде же подходивших Вити и Шуры, в чистеньких,

выглаженных матросках, отчаянно загалдела и замахала руками.

Через мгновение град неумело брошенных камней полетел в братьев Званцевых.

— По окопам! — скомандовал Витя, потирая ушибленное камнем левое плечо.

Они тотчас оказались в мокрой от недавнего дождя сточной канаве. Витя прихватил угодивший в него камень. Прицельное метание — любимое его упражнение, и сейчас он выбирал достойную для единственного снаряда цель. Других камней в заросшей канаве не было.

Бросок оказался на редкость удачным. Вся ватага ребят стаей испуганных птиц с общим воем скрылись за воротами своего двора, откуда доносилось:

— Русский шайтан пулем стрелял, кончать наш паря хотел! Конный разведка стреляй бешен собак.

Дальше слышались знакомые Игнату да и ребятам ругательства.

Поле битвы осталось за перепачканными грязью Званцевыми. И не контрразведки они в тог момент боялись, а мамы.

— Пошто пугались, Сарычи? Пошли до заднего двору, — предложил появившийся Игнат. — Я фартуки кожаны выдам — сыру кожу ворочать, а жена моя матроски ваши хошь на выставку, хошь на прилавок отделает. По утру, пока спать изволите, она-то вам их и сготовит.

Витя склонен был согласиться, но в Шурике взыграла на четверть наполнявшая шляхетская гордая кровь.

— Мы ни в чем не виноваты. На нас напали. Мы защищались. И были вынуждены укрыться в канаве.

Пока они говорили, мимо прошла татарка с закутанным лицом:

— У-у, шайтан! — погрозила она кулаком. — Барынь давай сюда, барынь!

Игнат покачал головой и пошел за Магдалиной Казимировной.

Вскоре вернулся с нею.

— Твоя сына из пистолет кончай моя ребенок. Конный разведка твоя сына здесь стреляй будет.

— Да что вы, Гульджемаль! Не первый год рядом живем. Стирали вы у нас всегда. Нет у детей моих пистолета, да и выстрела никакого не было. Не приведи Господь! Камнями шалуны перебрасывались. Ваш Аллах все видел. Обещаю, сыновей за драку строго накажу. В церковь пойдут прощения у Бога просить, а мы добрыми соседями останемся, — убеждала татарку Магдалина Казимировна.

— Аллах все видай. Муж конный разведка айда, — сквозь слезы тараторила татарка. — . Стирка давай. Деньги нужно, сын лечить.

— На сына я и так дам.

— Честь имею, Магдалина Казимировна! Чем могу помочь? — спросил живший во дворе у Званцевых поручик Ерухимович.

— Да вот ребята доигрались. Татарского мальчика камнем задели. Отец его за смертной казнью в контрразведку пошел.

— Забыли инозерцы, что у нас не хан Гирей правит, а адмирал Колчак. Мы с той контрразведкой и посмеемся над приключением. Прикажите только стол накрыть.

— Няня, няня! — забеспокоилась хозяйка дома, отдавая приказание исполнить предложение поручика.

Тем временем по улице грозным строевым шагом уже шли офицер и два солдата, вооруженных винтовками образца 1892 года, сбоку от них, стараясь не отстать от стражи, торопливо трусил низкорослый татарин.

Пришедший подпоручик Файт отдал честь поручику и строго спросил:

— Где убитый?

— Господь с вами, господин офицер! Ребятишки на улице играли, расшалились и ушибли невзначай одного парнишку. Мы сами о бедняжке и побеспокоимся. Не угодно ли к столу? Подкрепиться. Через весь город к нам. И пешком. Право, не грех за стол сесть.

— Отказ столь прелестной даме бестактностью выглядел бы, — расшаркивался обрадованный офицер.

Меж тем поручик Ерухимович вглядывался в стоявших у ворот, как на часах, солдат.

— Никак, Иван Погибайло?

— Так точно, Ваше благородие!

— Мне ж донесли, что на переправе…

— Никак нет! С чайником бежал, воды набрать для вашего благородия, а потому без оружия. А без оного там за дезертира идешь. Когда вели меня в караулку, через тот самый чайник-то ваш весточку хотел вам подать, фамилью свою солдату назвал.

— Вернули мне чайник. Метка части на нем была. А рядом нацарапано «погиб…» Не дописал солдатик…

— Меня сперва в штрафной взвод сунули, само собой в расстрелах пришлось участвовать. Точно в голову бил. Вот и перевели сюда на грязную работу, а тут, понятное дело, не продвинешься. Хоть бы в денщики обратно к вашему благородию…

— Боюсь, Погибайло, для этого тебе рук не отмыть. Пытать-то приходилось?

— Так ведь если не ты, так тебя.

— Эх, Ваня! А мы с тобой в мороз одной шинелью укрывались…

— А теперь брезгуешь, вашь благородь… — сказал палач и зубами скрипнул.

На следующий день тот же офицер расшаркивался перед хозяйкой дома:

— Ваше очарование, мадам, вот и снова меня привело к вам. Вчерашнее угощение выше всяких похвал. В особенности после тюремной похлебки, которой нас потчуют.

— Я рада вам, капитан, — радушно встретила Магдалина Казимировна контрразведчика, вглядываясь в его румяное, улыбающееся лицо херувимчика с выбившимися из-под фуражки кудряшками.

— Что вы, мадам! Я всего лишь подпоручик, ниже вашего постояльца Ерухимовича. Кстати, вы оказали бы мне огромное одолжение, если бы позволили побеседовать с ним об одном из моих солдат, его бывшем денщике. Да и о ваших сынках тоже. Он их близко узнал.

— Ах, что их узнавать? Дети. И вы недавно шалили.

— Я и сейчас не прочь, но не с иноверцами же? Так попросите поручика. Наедине с вами нашалишь еще…

И грязная тень скользнула по ангельскому лицу.

— Няня! Попросите поручика Ерухимовича.

Высокий сутулый поручик немедленно явился.

— Вы уж меня извините. Похлопочу по хозяйству, — и Званцева оставила офицеров одних.

— Итак, поручик, я хотел бы избежать вашего ареста в доме местных богачей. Детские игры вывели меня на вас.

— Не люблю шарад и подобных загадок. Вы говорите с офицером добровольческой армии, сражавшимся против германских полчищ в армии его величества.

— И братавшегося с ними, по показанию вашего денщика.

— Тот, кто был на фронте, а не околачивался в тылу, знает, что братались изможденные войной солдаты, а не боевые офицеры с Георгиевскими крестами, чье имя выбито на мраморе Георгиевского зала Кремля.

— Довольно похвальбы с намеками. Кто сопровождал к командованию представителей солдатских комитетов? — потребовал ответа контрразведчик.

— Я шел с солдатами к командованию, чтобы избежать

ненужного кровопролития.

— То есть прекращения военных действий. «Мир любой ценой» — большевистский лозунг у георгиевского кавалера? Не так ли?

На поручика смотрели, как ввинчивающиеся буравчики, голубые ангельские глазки.

— К чему вы клоните, подпоручик? Да, политики использовали недовольство измученных солдат.

— И вы хотите вместе с ними сорвать победу? Не отрицаете?

— Это бездоказательно. Я пришел с председателем солдатского комитета к командованию в блиндаж, чтобы предотвратить бессмысленное нападение на мирно настроенных германских солдат.

— Враждебной армии, готовящейся захватить Петроград. И с этими большевистскими идеями вы проникаете, как их лазутчик, в ряды добровольческой армии, изменяя нашим союзникам?

— Это предвзятый, недопустимый в отношении георгиевского кавалера допрос.

— Мы продолжим его надлежащим образом, с вашими письменными возражениями, если дружески прогуляетесь со мной без надетых на вас вашим же денщиком наручников. В угоду иноверцам не скомпрометируем дом, где вы притаились в ожидании своих.

— Вы ждете еще кого-то из своих? — спросила подошедшая Магдалина Казимировна, услышав лишь последние слова контрразведчика. — Я тотчас распоряжусь.

— Мадам! Было бы неучтиво скрывать от вас истину. Гости, похуже татарина, стремятся к вам в виде передовых отрядов Пятой Красной Армии под командованием командарма Тухачевского.

— Михаила Николаевича? — вырвалось у поручика.

— Вы так близки с ним? — заинтересовался контрразведчик.

— Мы с ним вместе учились.

— Приятное знакомство. Вы бы у них не в поручиках ходили! Уж не меньше комдива. Кстати, мадам, мы задерживаем вас. Сто километров за отступающей армией — каких-нибудь два перехода. Осмелюсь посоветовать заложить всех лошадей, погрузить что можно, остальное спрятать и присоединится к нашему обходящему город обозу. Мы с поручиком отправимся вместе. Честь имею.

Два офицера, казалось бы мирно беседуя, зашагали по размякшей от начавшегося дождя недавно пыльной улице. Следом вдоль забора пробирались два солдата с винтовками.

Магдалина Казимировна поспешила в дом к недавно

установленному телефону, бессмысленно твердя его номер: «248, 248, 248». Хотя звонить ей нужно было совсем по другим номерам Владимиру Васильевичу и тете Клаше.

Время было тревожное, но для Вити и Шуры это была пора подлинной сказки. Под домом оказалось подземелье, о котором никто не подозревал. Игнат прозевал ребят. Когда он сдвинул часть стены, то там для них открылся проем, а в нем лестница. Мальчики проскочили вниз и оказались в просторном пустом помещении, где удобно бегать и играть в прятки. Но отдаленный угол, наиболее подходящий, как им казалось, для игр, стали вдруг заполнять всякой всячиной, которую Магдалина Казимировна сама укладывала. Ребята узнавали перенесенные сюда картины, сервизы, статуэтки, часть наиболее ценной мебели и, конечно, любимое папино кресло из кабинета. Книги в пачках или просто связками, а то и врассыпную заполняли пустые места.

Откуда-то появившиеся Владимир Васильевич и тетя Клаша приносили на носилках кирпичи, а детей тетя Клаша, не спрашивая маму, заставила носить в ведрах цемент.

Наступил самый острый и горький миг. Загруженный угол подземелья стали отгораживать новой стеной, как будто его никогда и не было. У Шурика комок подступал к горлу, по мере исчезновения знакомых вещей.

И он заплакал. «Разве мы пираты и прячем награбленное?» — думал он, и неизвестно кто ответил ему: — «Хуже…» — «Но почему? Они не нашли ни одного прикованного цепью скелета!»

Вышли на воздух Витя и Шура с сознанием, что они теперь владельцы клада и когда-нибудь бородатыми и усатыми разберут секретную стену в подвале, куда укладывали неумело, но тщательно укладывали, кирпичи мама и тетя Клаша. Увидев их во дворе, мама ужаснулась и заставила тотчас сменить перепачканные костюмы. Няня принесла другие, выстиранные и выглаженные все той же, уже успокоенной татаркой Гульджемаль. На голове ее забияки Махмуда, кроме шишки и царапины под жесткой копной черных волос, ничего не осталось.

Меж тем в доме царил хаос, как перед отъездом в теплушке. Без мебели стало просторнее. На стенах невыцветшие пятна говорили о снятых отсюда картинах.

Сбился всегда строго соблюдавшийся в доме Магдалины Казимировны порядок. Она, воплощение чистоты и аккуратности, растерялась в этом бедламе. Как ехать, куда, на чем?

Позвонил Владимир Васильевич и сообщил, что достать теплушку ни за какие деньги невозможно, весь подвижной состав передан военным для коней и пушек.

— Да разве пушки в тылу нужны, а кони ходить

разучились? — возмущалась перед замолкшим телефонным аппаратом Магдалина Казимировна.

Но едва ли какой-либо генерал или сам адмирал Колчак мог бы лучше промолчать, чем этот новенький желтый настенный телефонный аппарат.

И тут Магдалина Казимировна решила отступать вместе с армейским обозом в одной коляске. Без вещей!

Игнат запряг Шалуна с пристяжной в легкую летнюю коляску, поднял изящный кожаный верх в защиту от дождя, начавшегося со вчерашнего дня, и перенес в багажник теплые вещи хозяев, свои же подложил под себя на козлы. Надел на себя армяк с капюшоном и стал походить, как решил Шурик, на французского монаха-доминиканца из любимых его приключенческих книг.

Глава вторая. ЗАПАХ СМЕРТИ

Как безобидны тигрят игры,
Так беспощадны сами тигры

Хмурым утром осеннего дня, с назойливым дождем, барабанящим по кожаному верху, коляска выехала на грязную проселочную дорогу. По ней ползли с налипшей на колеса многокомковой глиной мобилизованные крестьянские подводы со всевозможным армейским скарбом и продовольствием.

По обе стороны дороги, вразброд, стараясь шагать по лужам, чтобы меньше пудовой грязи оставалось на сапогах, брели солдаты в промокших шинелях с винтовками и тощим солдатскими мешками за усталыми плечами или волочили «боевое оружие» по грязи за ремень.

Понурым выглядело отступающее воинство. Зрелище это подавляло Шурика.

Но особенно угнетали его часто попадавшиеся трупы лошадей, павших, очевидно, несколько дней назад и оттащенных в сторону с дороги. Были они неестественно вздутыми, словно кто-то нарочно накачал их воздухом для сохранности. «Могильники обреченных на голод безлошадных крестьянских семей». Порывы ветра доносят в коляску противный сладковатый трупный запах, и не от одних только перетрудившихся животных, покорно тащивших до последнего вздоха военную кладь.

Там и тут, тоже оттащенные в сторону, валялись скомканные шинели, а из-под них торчали никем не снятые сапоги. Смерть на дороге поражения.

На всю жизнь запечатлелась потрясшая Шурика жуткая картина впервые увиденной им Смерти и холодной, умелой

жестокости на бойне консервного завода.

Военным летом Званцева с сыновьями отдыхала в Боровом, неправдоподобной красоты кусочке Швейцарии, по «недосмотру» Природы занесенном в Сибирскую степь.

Озорное любопытство привело ребят на консервный завод. Местные начальники не решились прогнать хозяйских детей и даже дали им провожатого.

Печатание на длинных листах жести могучей бычьей головы с короткими рогами заинтересовало особенно Шурика, у которого была «слабость» ко всему печатному. И слова «ЗВАНЦЕВ и СЫНОВЬЯ» приобретали особый смысл. Могучая машина точно разрезала все жестяные картинки, а другая ловкая пособница с завидным умением свертывала напечатанные картинки в изящные коробочки. Одно донышко к ним припаивали паяльщики. Рабочие в кожаных фартуках привозили такие коробочки, чем-то заполненные. И люди в белых халатах (новшество, перед войной вывезенное дядей Васей из Англии) с нагретыми в разожженных горнах паяльниками в руках окончательно запаивали их, превращая в консервные банки. Шурик готов был идти купаться, но Витя непременно хотел посмотреть, как на бойне люди с быками борются. Пришлось вести детей туда, что провожатому явно не хотелось.

— Столько на одного! — возмутился Витя при виде огромного быка, миролюбиво стоящего среди нескольких человек. Мальчик рассчитывал увидеть что-то вроде циркового единоборства, когда во время своего бенефиса татарский богатырь Хаджи-Мурат, взявшись за рога, сваливал на землю быка. Здесь было по-иному.

Короткорогий бык с высокой холкой, подгоняемый хворостинкой, покорно подошел к бетонной площадке с влажным желобом.

По короткому окрику рабочие разом бросились под быка и, ухватив его за ноги у копыт, все вместе дернули в одну сторону. Могучее животное, как подпиленный дуб, свалилось на бетон, дрыгая ногами и пытаясь встать. Но его противники уже сидели на нем, не давая ему двигаться. Свалили люди быка так ловко, что вытянутая шея его пришлась над желобом.

Теперь главное лицо трагедии село на плечо поваленного гиганта и сверкнувшим в руке огромным ножом стало быстрыми отточенными движениями перерезать горло гиганта. Кровь хлынула струей и, дымясь, потекла потоком по желобу.

Какие-то мужчины в чесучовых костюмах и соломенных шляпах и нарядные дамы с зонтиками черпали стаканами из этого потока и тут же выпивали горячий живительный напиток.

Это были курортники. Они, как сказали ребятам, таким способом лечились.

— Вампиры! — негодующе прошептал Шурик.

Он был вне себя от омерзения привычного убийства. В настоящий миг он ощутил Смерть, Насилие и Жестокость… А разве не это ли самое происходит вокруг во время отступления армии? Люди бегут, чтобы их не настигли, не сбили с ног над желобом и не перерезали бы горло?

Шурик хотел бежать в тот летний день с бойни, но Витя мужественно воспринимал действительность, желал увидеть, что сделают дальше с быком… и не с одним. Целое стадо ждало своей очереди…

Шурик наотрез отказался от знакомства с освежеванием туш и попал в цех, где еще теплые туши, лишенные кожи, отправленной на кожевенный завод, были подвешены к монорельсам, шеями вниз. Голов уже не было. Они останутся на жестянках. Казалось, потрясениям Шурика настал конец, если бы незначительная деталь в этом Логове Смерти не переполнила его чашу познания изнанки жизни.

Витя подозвал брата к подвешенным тушам с обнаженной мускулатурой недавно еще живого существа.

То, что увидел Шурик было невероятным. Убитое тело было все еще живым. Обнаженные мышцы вздрагивали, сжимались, пульсировали… Для Шурика это было ужасно.

Много лет спустя инженер Званцев, беседуя в США с миллионершей, узнал, что она регулярно возит своих детей на Чикагские бойни, чтобы закалить их характер.

Шурик Званцев для такой жизни на бойне не закалился и витающий на дороге отступления Дух Смерти подавлял его.

Резкий свист над ухом и громкий щелчок вывели Шурика из оцепенения. Оказывается, какой-то бедолага в вымазанной глиной шинели, видимо, уже вывалявшись в ней на дороге, присел на подножку коляски. Игнат же показал чисто цыганское искусство владения бичом. Солдатик свалился в лужу, едва не попав под колеса коляски. Встав на четвереньки, он выловил из воды свою видавшую виды винтовку и прицелился в торчавшего на козлах Игната.

Затвор щелкнул, но выстрела не последовало. Солдатик изрыгнул поганое наследие монголо-татарского ига и, отбросив ненужное оружие, сел, зажав голову руками.

Игнат стал чаще оборачиваться назад, нет ли «незваных попутчиков». И вдруг даже ахнул от ярости. Какой-то офицеришка не больших чинов рискнул забраться на Точеную и верхом погарцевать на ней, но смог только животом лечь ей поперек

спины.

Игнат привстал на козлах, совместил уменье со злостью и так стеганул незваного кавалериста, что рассек его тонкую английскую шинель. Офицер взвыл от боли и свалился с лошади, но сразу вскочил на ноги.

Коляска двигалась еле-еле и пострадавшему ничего не стоило догнать палевую красавицу, словно это она была его обидчицей. И высунувшийся из коляски Шурик с ужасом увидел, как офицер поднес вынутый из кобуры кольт к уху несчастной лошади и выстрелил. Надежда беговых дорожек, наследница знаменитых рысаков, как подрезанная, упала, натянув повод, привязанный к коляске, словно пытаясь встать.

У офицера в разорванной легкой шинели виднелось в разрыве голое розовое тело с красным рубцом от удара кнутом. Как оглушенный собственным выстрелом, стоял он около своей прекрасной жертвы с кольтом в руке, а перед ним возник трясущийся в неистовом гневе мальчонка, внушая непонятный страх:

— Вы… вы негодный, мерзкий убийца! Хуже Айртона, которого, как одичавшего зверя, сняли с дерева дети капитана Гранта!

— Но, но, потише! — потребовал офицер.

— Пошто потише? — раздался громовой голос Игната. — Это тебе потише надо, ваше благородье! Ты кого застрелил? Личную собственность адмирала Колчака. Кобылу ему преподнесли, как она большой приз взяла вот с этим молодым наездником. Его в адмиральскую ложу вызывали.

— Это правда, — вмешался подъехавший верхом на коне поручик Ерухимович. — Я там был, слышал речь министра просвещения. Хозяева Точеной той же ночью выехали в адмиральском поезде. Вам, прапорщик, головой бы пришлось ответить, если бы у Точеной родной сестры Обточеной не было. Точь-в-точь два яблочка.

— А как же я? — спросил перепуганный офицерик.

— Вот — подпоручик Файт, начальник контрразведки, не сегодня-завтра капитаном станет. Его ребята вас в Омск доставят. А там уж как Колчак решит. Стрельба на дороге. Бандитизм.

Файт перевел сверлящий взгляд на дрожащего от холода и волнения прапорщика.

— Господин подпоручик! — заносчиво начал тот. — Я хоть и прапорщик, но князь древнего рода, племянник самого князя Шаховского. Он тоже едет в этом обозе.

— Да? Не слышал. Может быть, Трубецкой? Но тот едва ли стал бы с огнестрельным оружием промышлять на Большой

дороге.

— Но я никого не грабил.

— Исключая самого Верховного правителя России адмирала Колчака, а он даже Рюриковичам такого разбойного права не давал. Извольте сдать мне кольт, из которого произведено убийство.

Шурик дрожал не меньше злосчастного прапорщика. Он не раз пытался восстановить правду, сказать, что Точеная вовсе не адмиральская лошадь, а его собственная, потому он так и плачет — уж очень он ее любил, и в ложе на ипподроме не адмирал Колчак был, а министр просвещения.

Сидевший верхом на гнедом коне поручик Ерухимович перебил его, не дал говорить:

— Господин подпоручик! Нельзя слушать травмированного всем случившимся малолетнего ребенка. Слова кучера весомее. Тем более, что я знаю сестру Точеной.

И этого лгуна Шурик готов был считать своим другом! Никакой кобылки, сестры Точеной нет, Игнат-то знает. Он просто припугнул прапорщика.

Контрразведчик подъехал ближе:

— Иди, мальчик к маме. Скажи, чтобы не посылала тебя выручать племянника своего жильца из князей. У нас в контрразведке допроса с грудных младенцев не снимают.

Шурик зарыдал. Так его еще никто не обижал. А Игнат молчал, помогая нескольким солдатам освободить колею, стащить Точеную на обочину. Шея у нее при этом загнулась, будто лошадь искала прощальным взглядом своего маленького хозяина.

— Поручик Ерухимович, вы куда? — забеспокоился контрразведчик, увидев, что поручик заворачивает коня.

— Как куда? За вашим капитанским званием! За кобылкой адмиралу!

— Остановитесь! — уже кричал контрразведчик, смотря вслед своей ускакавшей добыче, гневно расширив ангельские глазки-буравчики, заставляя вспомнить, что среди низвергнутых с небес ангелов был и демон.

Игнат вытер рукавом влажный лоб, дождь начинался снова, и, глядя в сторону ускакавшего офицера, сказал:

— Ишши его, как ветра в поле.

Шурик ничего не понял и, вздрагивая всем телом, уткнулся в доброе мамино плечо.

— Все от Бога. У нас Шалун с пристяжной остались, коляска тоже. Продадим. Остановимся у Липатниковых. На первое время хватит, а там и папа вернется.

«Папа вернется! — с горечью подумал Шурик — А сколько их не возвращается?» Идет война, где доблестью считается убить противника, перерезать ему горло. А он полон сил, здоров. И, даже убитый, будет еще жить в мышцах своих. Война — это бойня. И где-то разодетые люди пьют кровь убитых стаканами, правда не зачерпывая ими, а наполняя их из красивых бутылок. С этими невеселыми мыслями мальчик уснул. Видел во сне Точеную, статную, на весело пружинящих ногах. При виде его она заржала. Ржание пристяжной и разбудило его. Остановились в большом селе у дома учительницы. Сама она, седая пожилая женщина в платочке, помогала приехавшим с детьми выйти из коляски.

В ее крестьянской избе была приятная городская комната с дешевой мягкой мебелью. А главное для Шурика, у стены стояла фисгармония. Он никогда не играл на этом инструменте, где во время игры ногами нужно было накачивать воздух в органные трубы, извлекая из них звуки призывные, торжественные или нежные.

Невольно, даже не раздевшись, он сел за инструмент и поразился красивым протяжным звукам, наполнившим комнату. Клавиатура была как на рояле, и руки его, отвечая его грусти о погибшей Точеной и его горю, сами забегали по клавишам.

Все находившиеся в комнате застыли в неожиданных позах: идущие не осмеливались сделать шаг, наклонившиеся боялись выпрямиться, чтобы не разрушить охватившее всех очарование. Только хозяйка, держа платок у глаз, присела на диван, усадив рядом с собой Магдалину Казимировну. Трудно было поверить, что звуки так могут подействовать на случайных людей. Мальчик вкладывал в музыку то, что сохранил на всю жизнь: отвращение к убийству живого существа, будь то на войне, на охоте, в разбое. И когда органные звуки, как в нестерпимой боли взвились вверх, дверь в соседнюю комнату широко распахнулась и из нее вывалился пьяный офицер со стаканом и бутылкой в руках. Худое, желтоватое лицо его было искажено гримасой, влажные волосы сползли на лоб, френч испачкан блевотиной.

— Что ты тут играешь, душу выворачиваешь? Играй плясовую! Вот и дамы налицо. Мадам, я вас прошу предаться в пляске лихачу. Лихач, ведь это вздор, в груди «мазур-мотор»! Прошу, становлюсь на колено. Умоляю! Приказываю. Музыканту перерезать горло. Вот мой кортик. Он острый. Пианист! Мазурку, хоть шопеновскую. А лучше плясовую, чтоб за ушами трещало.

— Молчать, вонючий пошляк, недостойный офицерского звания! Грязная скотина! Завтра это будет известно адмиралу Александру Васильевичу! Вон отсюда.

Перед буяном, обжигая его гневом, стояла маленькая Магдалина Казимировна.

Хам согнулся в жалкий комочек и поджал хвост.

— Светлая пани желает мне выйти вон? — неизвестно, откуда он узнал происхождение возмущенной дамы. — Прошу пани, удаляюсь. Был очень рад познакомиться. Может, спляшем? — сказал он с порога, дрыгнул ногой, споткнулся и выронил бутылку. Из нее потекла густая красная жидкость.

Вошедший в комнату Игнат, в миг вышиб офицера за дверь и с раздражением произнес:

— И пошто бабы таких мизгляков родят?..

Ночь прошла спокойно. Еще засветло мимо ворот учительницы потянулись подводы разбитой армии. Для их охраны, может быть из-за вчерашнего выстрела, из резерва прибыла казачья сотня, и коляска Званцевой получила охрану лично от есаула в виде двух казаков с пиками в неимоверно мохнатых шапках.

Шурик погрузился в глубокое раздумье. Может, в еще какую-нибудь древнюю математическую задачу.

Учительница поставила самовар и выставила на стол все имевшиеся стаканы и блюдца.

— Если у меня сохранилась хоть кроха былых связей, я, с помощью Матки Боски, Богородицы нашей, буду просить о вашем переводе в город, — говорила Магдалина Казимировна.

— Спасибо вам, барыня-голубушка. Уж коли выдастся случай, так похлопочите перед его высокопревосходительством школу нам построить. Стыдно сказать, по хлевам скитаемся.

— Господь наш Иисус Христос во хлеву родился. Явился в промокшем армяке Игнат:

— Так что дозвольте, барыня, доложить. Поручик наш Ерухимович из города или неведомо ишшо откуда вернуться не изволили, — и повторил раз уже сказанную фразу: — Ишши ветра в поле.

— Вы так думаете, Игнат? — спросила Званцева.

— А как ишшо по иному? В самый раз было от контры уйти. Пойду лошадей закладывать.

— Вы бы хоть чайку с нами выпили.

— Это можно. Казачье в меховухах, обождут, не обидятся. Им бы, конешно, по стакашке не чайку, а водки.

— У меня есть, есть, — забеспокоилась учительница. Вызванный Колчаком из резерва казачий корпус не позволил красным отрезать обоз, и он благополучно въехал в Омск.

Коляска Званцевых отделилась от конных подвод и остановилась на улице, где жили их друзья Липатниковы. Шурик

сразу же влюбился в их дочь Люду. Она была свежа в свои шестнадцать лет, весела, любопытна и носила светлые косы. Этого было вполне достаточно для Шурика, но не для взаимности. Его шарообразная голова, лицо, прозванное «луной», и сознание собственного превосходства над другими не располагали к нему девичьи сердца.

Пока Шурик занимался своими первыми сердечными делами, у мамы его деньги подошли к концу.

Дошла очередь и до лошадей, которых надо было кормить.

Игната направили на базар, узнать что почем.

Вернулся он к вечеру тепленький, веселенький, заявив, что нашел прекрасного покупателя, берет все разом и увозит к себе на заимку, куда красным ходу нет!

Встреча и расчет назначены в ресторане, куда Игнат подаст запряженную коляску новому хозяину, который там рассчитается с ним, а оттуда до Липатниковых рукой подать, если мимо старого кладбища идти.

Вечерами собирались в столовой, играли в модную карточную игру «шестьдесят шесть». Выигравший должен был назвать рыцарский подвиг посмешнее, ему посильный. Игроки могли потребовать его исполнения.

Зенковы тоже приехали в Омск. Опередив их, Балычев заботливо снял для них просторный неказистый дом. Дети бегали друг к другу. Играли в карты. Шурик давал сеанс одновременной игры в шахматы всем своим, а также соседям, приносившим свои доски. Выигрывать у Шурика иногда удавалось только девятилетнему Толе Уфимцеву, впоследствии видному шахматному мастеру. Близкая смена власти, казалось, никого не беспокоила.

На этот раз вместе с сестрами явился Мишка Зенков, обещая повеселить всех за карточным столом, подтрунивая над Шуриком:

— В газетах про тебя пишут, будто твои Прыгуны из Верхнеудинска сюда пожаловали.

— Что, какой-нибудь заезжий математик сеансы дает? — живо заинтересовался Шурик.

— Платные, да еще какие! Хоть и с того света явились.

— Как так с того света? Господи, помилуй, — осенила себя крестом Магдалина Казимировна.

— В газетах написано о нападении на прохожих прыгающих привидений в белых саванах. Кто бежал, дорогу им преграждал спрыгнувший со стены Прыгун. Люди падали без сознания, а их кошельки выпрыгивали из их карманов и исчезали в белых саванах Прыгунов.

— Что же полиция смотрит? — возмутилась хозяйка дома.

— Да вот до нашего Шурика пока не добрались, — со смешком продолжал Мишка. — Видно, нечистой силы боятся.

— Уймись ты, балаболка непутевый, готов брата с нечистой силой связать, — одернула племянника Магдалина Казимировна.

— А чего он задается, ушибленный, будто теперь выше всех стал, — не унимался забияка.

Шурик хмуро промолчал, решив ответить Мишке во время карточной игры. До сих пор он не вспоминал о своем увлечении способом мгновенного извлечения кубического корня, все пробовал применить его для более крупных чисел — не получилось. Понял, что много знать надо. Тихо спросил у мамы:

— Может, у Владимира Васильевича книги есть по теории чисел?

— Найдутся, — заверила Шурика мама, — тогда мы вместо «шестьдесят шесть» поиграем в отгадывание цифр. — Она не видела другого применения способности сына. — Меня больше беспокоит, что Игната нет до сих пор, — призналась всем она.

— Обмывают сделку. Обычное дело, — беспечно успокоил Миша.

Но привычное обмывание сделки давно уже завершилось, и новый обладатель шикарного городского выезда укатил по таежному бездорожью к себе на заимку, напоминавшую укрепленный форт времен Ермака. По требованию хитроватого Игната расплата велась не бумажными деньгами. Их бесконечные ленты в бухтах пришлось бы везти на телеге. Золотого же пояса, взвешенного на кухне ресторана, должно было барыне хватить надолго.

Продавец и покупатель выпили «на посошок», и Игнат долго смотрел вслед своему Шалуну, которого больше считал своим, чем хозяйским. Потом тупо уставился на след надувной резиновой шины в вязкой грязи, где проехала коляска, вздохнул и зашагал к старому, забытому кладбищу, чтобы скоротать дорогу и скорее пересыпать содержание пояса в хозяйкину сумочку.

Карточная игра у Липатниковых тем временем продолжалась, и когда выиграл Шурик и должен был назвать свой рыцарский подвиг, он впервые объявил здесь:

— Я сейчас вам кубический корень из шестизначного числа в одну секунду извлеку, — и взглянул на смущенную Люду.

— А ты не колдун? — тихо спросила она, опасливо отодвигаясь от нею.

Шурик страшно обиделся. Ведь в их игре, набрав нужные шестьдесят шесть очков, каждый называл подвиг, на который способен, а она… И он решил, что его первая любовь не Люда, а чудо-девушка Нюся из дома, где живет их друг Боря Плетнев.

Пока Шурик менял предмет своей первой любви, у его безденежной мамы надежда была лишь на то, что принесет запоздавший Игнат.

После Шурика выиграл Витя.

— А я могу свое сердце спицей проколоть и оно будет по-прежнему стучать, — объявил на этот раз он.

— Вот и свой факир! — обрадовался Миша. — Феномен счета уже есть. Цирк подвигов откроем. Я администратором буду. Зойка — старшей кассиршей, а Нина наездницей, купим ей осла, — определил он каждой из своих сестер дело.

— Гоп-гоп! Комический номер у ковра, — объявила старшая из них Нина и, желая сделать стойку на стуле, как на ишаке, склонная к полноте, свалилась на пол, неподражаемо изобразив при этом ослиный крик.

Всеобщий взрыв хохота был слышен и на улице.

Ухо сибиряка издалека услышало то ли хохот, то ли плач или волчий вой. Но не таким был Игнат человеком, чтобы свернуть с выбранного короткого пути. Газет он не читал и в беседе за карточным столом о Прыгунах не участвовал. Думал он о «комиссионных», на которые, знал, хозяйка не поскупится.

Вдруг, как будто снежный ком взметнулся перед ним с земли, трепеща в воздухе белыми крыльями нетопыря.

Игнат не побежал от страха, не упал от ужаса, а застыл в изумлении, приняв на себя удар летевшего на него Прыгуна. И сцепившись, оба покатились под скрежет зубов и пружин:

— Ишь, што выдумали, шермаки! Сапоги пружинные.

Вырваться из объятий Игната подмятому бандиту было не под силу, и только удар подпрыгнувшего сообщника ножом в спину Игната, когда тот был наверху, ослабил хватку сибиряка.

Кровь из-под лезвия стекала струйкой. Вытащив нож и пропуская его между пальцами, убийца почувствовал на руке крупинки. Он зажег спички и радостно воскликнул:

— А речка-то Красная не простая, а золотоносная! Подоспел и третий бандит-Прыгун. Втроем обыскивая Игната, они обнаружили пояс, задетый нанесшим смертельную рану ножом. Золотые песчинки вымывались кровавым потоком.

— Во, видок: ни солдат, ни охотник таежный и не старатель. Видать, сам пришил старателя и подался сюда до веселых мест. Так что, сделали мы Божье дело, и пояс нам по праву достался.

Заниматься поисками преступных Прыгунов убегавшим властям было некогда, и в газете, залитой слезами в доме Липатниковых, сообщалось: «Контрразведкой расстрелян за убийство прапорщик Шаховской. Отправленный на фронт за бесчинство на дороге, он из мести убил кинжалом в спину

отстегавшего его кнутом Игната Крепких, приписав свое преступление бандитам, почему-то не раздевшим и не ограбившим свою жертву».

Одного подозрения, что прапорщик мог мстить врагу, оказалось достаточным обладателю голубых глазок для показа бдительности руководимой им контрразведки.

Мама Вити и Шуры осунулась, черты лица ее стали резкими, говорила она твердо, не полагаясь на Божью помощь:

— Дети, ни папы, ни Игната с нами больше нет. Мы предоставлены самим себе, Спасти нас может только труд. Шурик не просчитается — он должен выменять оставшееся у нас кольцо с бриллиантом редкой желтой воды на пианино для моих уроков. Каждый из вас тоже должен трудиться…

В подъезде театра появилась новая витрина: «ЗВЕРСТВА ВРАГА», с фотографиями убитых и изуродованных людей и надписью: «Вот что делают красные, придя к власти». Там же оказалась и фотография убитого Игната.

Глава третья. ТРУД

Подъем пусть в жизни будет крут.
Преодолеет его труд.

Один из немногих многоэтажных домов города. На нижнем этаже к парадной двери приколот кнопками лист бумаги с машинописным текстом:

«КУРСЫ МАШИНОПИСИ — по слепому методу княгини Задонской, и СТЕНОГРАФИИ — до 120 слов минуту. Плата по таксе».

В передней, устланной старым ковром, миловидная девушка с белой наколкой в темных волосах восторженно встретила мать и сына Званцевых:

— Рады вашему приходу! Так приятно видеть интеллигентные лица. Прошу ваше пальто, мадам, зонтик. Теперь молодой человек. У нас такой выбор прелестных барышень! Закружится голова.

— Мы по поводу обучения, — сказала Магдалина Казимировна.

— Ее светлость баронесса занята сейчас часом помощи в большом зале. Загляните туда. Ей достаточно увидеть вас, чтобы тотчас прервать свои дела.

Она открыла дверь, откуда шумом морского прибоя вырвался треск множества пишущих машинок.

Модно коротко подстриженные девицы сидели рядами за шумными «ремингтонами» и «смит-вессонами» с двойной клавиатурой для простых и заглавных букв.

Высокая седая дама обходила ряды, наклоняясь и делая указание кому-либо из своих подопечных.

Увидев посетителей, она направилась к ним мимо трех девушек, печатавших с завязанными глазами под диктовку подруг, менявших лист бумаги на каретке по их сигналу.

Баронесса провела посетителей в соседнюю комнату, видимо, в прошлом буфетную, судя по сохранившимся полкам на стене. Сейчас они были прикрыты двумя огромными портретами последнего государя императора и его супруги императрицы. Под ними стоял маленький столик для пишущей машинки, но без нее.

За этот скромный столик и села величественная седая дама с взбитой прической. Она внимательно вглядывалась в свою гостью, не обратив на Шурика никакого внимания.

— Мне кажется знакомым ваше лицо. Вы бывали при Дворе или позировали известному художнику?

Магдалина Казимировна отрицательно покачала головой и улыбнулась:

— Вы, ваша светлость, забыли, как ехали со скромной сибирячкой с детьми в одном автомобиле из Сочи в Туапсе. Бог свел нас три года назад, в 1916 году.

— Вы так богаты и хороши собой, зачем вам профессия машинистки?

— Богатство наше растаяло, как лед на адской сковороде революции. Думаю, и вы оставили немало в Петрограде. Я пианистка и перебилась бы уроками, но хочу, чтобы сын получил бы у вас ценную профессию. Он тоже пианист, и пальцы у него будут легко бегать по вашим клавишам.

— Мужчина — машинистка? — откинулась на спинку кресла баронесса, задумчиво произнеся: — Хотя, надо думать, что весьма важные лица предпочтут барышне толкового секретаря, способного записать живую речь и напечатать ее.

— Я никому не стану прислуживать или секретарствовать, — выпалил Шурик.

— Ого! У нас характер! Так зачем же тебе пишущая машинка?

— Чтобы сейчас поступить на службу и зарабатывать деньги, а потом, надеюсь, машинка будет служить мне.

— Ты мне нравишься. Будешь учиться вместе со всеми барышнями, как послушник в женском монастыре. Сколько тебе лет и как насчет грамотности?

— Тринадцать исполнилось, — ответила за Шурика мама. — Поучиться удалось только в двух классах реального училища. А в

остальном все постигал сам. Вы не представляете, ваша светилось, сколько книг он прочитал. Лишился зрения. Томские профессора ничего поделать не могли…

— Сочувствую, но боюсь, что вы не так истолковали слепой метод княгини Задонской. Это печатание вслепую, а не печатание слепыми.

— Нет! Теперь он видит. Свершилось чудо Господне. Сам Бог Всемогущий в доброте своей вернул ему зрение и одарил знаниями чудесными.

— Сыть; мы, дорогая моя, чудесами со времен Гришки Распутина. Накликал он беды и на его величества семью и на всех нас, кто опорой трона был. Неизвестно, сверху или снизу заслан был провозвестник всех несчастий.

— Господь правду видит, да не сразу скажет. Разве безгрешны все мы были в тихое мирное время?

— Кто не без греха, — вздохнула баронесса.

— Младенцы без греха, ваша светлость. Их и одаряет Господь наш добротою своей.

Обе женщины перекрестились.

— Чудо чудом, а грамотность проверки требует. Нельзя, окончив наши курсы, самому себе «ДЕПЛОМ» выписать. Бери карандаш и бумагу, и пиши под мою диктовку.

Баронесса, отчетливо выговаривая гласные, стала диктовать:

— «Кузен седел на вирандах и под вирисчание птиц в саде ел винегрэд». И по старому и по новому правописанию напиши. Неведомо, как на службе с тебя спросят.

И Шурик, старательно выводя буквы, полудетским почерком написал: «Кузен сидел на веранде и под верещание птиц в саду ел винегрет».

Баронесса взяла листок, а Шурик показал, где по старому правописанию надо поставить буквы «ять» и «ъ».

— Но я продиктовала сидел «на вирандах», а ты написал «на веранде».

— Один человек не может сидеть на нескольких верандах. Это было бы неграмотно, — решительно возразил Шурик.

— Ну молодец! До сих пор ни одна барышня не решилась меня исправить.

И Шурик получил картонную клавиатуру с напечатанными на ней клавишами.

По нескольку часов в день просиживал он над изображением клавиатуры, стараясь добиться полного автоматизма касания клавиш пальцам». Крепко сжимая сомкнутые веки, придумывал мелодию, будто извлекаемую из невидимого рояля, созвучную со стихами, которые Шурик мысленно набирал на немой деревяшке.

Наконец баронесса привела его в большой зал и торжественно усадила за старый разбитый «ремингтон», рассчитывая что он будет робко разбираться в металлических клавишах.

Но вместо ожидаемых одиночных щелчков на ошеломленную баронессу обрушился виртуозный пассаж, неведомо как выдержанный беднягой «ремингтоном». Из его каретки выскочил в руки наставницы исписанный ровными строчкам лист бумаги со стихами Пушкина:

Как ныне сбирается вещий Олег
Отмстить неразумным хазарам.
Их села и нивы за буйный набег
Обрек он мечам и пожарам;
С дружиной своей, в цареградской броне,
Князь по полю едет на верном коне…

Лишь на четвертом, снятом с каретки листе прочла она конец стихотворения. И ни одной опечатки:

«…Так вот где таилась погибель моя!
Мне смертию кость угрожала!»
Из мертвой главы гробовая змия
Шипя между тем выползала;
Как черная лента, вкруг ног обвилась:
И вскрикнул внезапно ужаленный князь…

— Ну, друг мой, ты превзошел все ожидания! Повезет тому столоначальнику, кто такую машинистку заполучит. Дам тебе машинку посвежее, но печатать тебе придется не стихи по памяти, а скучную канцелярскую белиберду, порой написанную неразборчиво. Смотреть следует только в рукопись. Не зря мы барышням перед выпуском глаза завязываем. Вслепую печатать приучаем.

— Я играю в шахматы вслепую, не глядя на фигуры.

— Это пригодится, как и рапсодия Листа, которую ты исполнял на пишущей машинке. Поработаешь пару дней на более приличном «ремингтоне» или на моем новеньком «ундервуде», завяжем тебе глаза: в жмурки с тобой поиграем. Без шахматной доски, а фигурки для натуры. Ваять не пробовал?

— Нет, и на скрипке тоже.

— Попробуй. У тебя все пойдет. Передай поклон маме. Дай, я тебя поцелую.

Недели освоения машинки и стенографии пролетели для Шурика незаметно.

И так же незаметно Омск перестал быть Колчаковской столицей и колчаковским городом вообще. На улицах не было пи стрельбы, ни рукопашных боев.

Просто две соседние улицы были переименованы: одна стала улицей Н. ЛЕНИНА, другая — Л. ТРОЦКОГО.

Через некоторое время таблички с упоминанием Троцкого бесследно исчезли, а в ленинском эмигрантском псевдониме букву «Н» неуклюже переделали на букву «В».

В «адмиральском дворце» обосновался штаб командарма Пятой армии Тухачевского. Красная Армия твердо укрепляла в Сибири свои позиции. Верховный же правитель Колчак бежал в Иркутск, где он, гордо стоя над прорубью во льду Ангары, и был расстрелян.

Проходя часто в ту пору мимо резиденции красного командарма, Шурик Званцев и представить себе не мог, что спустя столько же лет, сколько он тогда прожил, войдет в кабинет ставшего замнаркомом Обороны СССР Тухачевского. Он будет ему показывать модель своего орудия для межконтинентальной стрельбы, предупреждая взявшегося ему помогать настраивать прибор военачальника, что его может невзначай ударить током.

«Уже ударило», — услышит он в ответ. И ни один мускул не дрогнет на красивом лице замнаркома.

Еще не раз встретится изобретатель Званцев с — уже маршалом, обаятельным, рафинированно-интеллигентным человеком, который мог восстать против сталинских репрессий и, отдавая за людей свою жизнь, не позволить ни одному мускулу дрогнуть на лице. Но почти двадцать лет он был легендарным победителем и колчаковского воинства, и помогавших тому, без энтузиазма, сил Антанты.

Вообразить себе это сидевший с завязанными глазами тринадцатилетний Шурик Званцев не мог, когда под монотонную диктовку печатал какой-нибудь текст.

Внезапно диктант прекратился. Из коридора донесся тяжелый топот сапог и удары винтовочных прикладов о паркет.

— Что за маскарад? Спять повязки! — послышался знакомый Шурику голос.

Невольно он подчинился и увидел в открытых дверях высокого нескладного красного комиссара в фуражке с красной звездочкой и двух красноармейцев в теплых матерчатых шлемах с шишаками, как у русских богатырей, тоже с красными звездами.

— Вот здесь мы готовим вам отряд совслужащих для ваших учреждений. Этот юноша будет вам особенно полезен. И он очень

нуждается.

— Я не набираю штат служащих, гражданка Эльза фон Штамм.

— Да кому нужны всякие там фоны и бароны. Просто Эльза Штамм.

— Я зашел к вам, Елизавета Генриховна, чтобы вы освободили для нас две комнаты.

— Хорошо. Я отдам вам свой будуар, сама переселюсь в буфетную, где мой рабочий кабинет, и еще вам — гостиная. Очень уютно.

— Отлично. Мои переберутся к вам немедленно. Мы начинаем в губернии со здравоохранения. Да, вот что. Пошлите-ка парня в Омский губздрав, в лечебный отдел к доктору Чеважевскому. Скажите ему, что направлен от комиссара Ерухимовича.

Ни комиссар, ни Шурик ничем не выдали, что знают друг друга. Шурик в этот момент почувствовал себя мужчиной. А вскоре началась и его взрослая жизнь.

— Юноша! — раздался из-за невысокой перегородки раскатистый баритон заведующего лечебным отделом Омского губздрава доктора Чеважевского.

Шурик Званцев встал из-за пишущей машинки системы «ремингтон» и, спустя месяц после первого своего трудового дня (двадцать восьмого декабря 1919 года), впервые отправился на строгий вызов начальства.

Сидевшая рядом Магдалина Казимировна перекрестила его.

Шурика в его тринадцать лет взяли сюда только вместе с мамой, занявшей пост секретаря отдела.

Кроме них двоих в этой отгороженной от руководства части комнаты сидел делопроизводитель Торгов, маленький, седоусый и тихий человек, сочинявший и непременно подписывавший все напечатанные «машинисткой» бумаги. Шурик восхищался его скромной, мелкими буквами, но разборчивой подписью, как бы подчеркивавшей значительность размашистой, властной подписи Чеважевского. И вот теперь доктор впервые вызвал его к себе за перегородку, куда с надеждой или опасением входили врачи городских и сельских больниц. Все они жаловались на перегрузку больными или ранеными, оставшимися после ухода колчаковских войск, на нехватку лекарств. И Чеважевский, как мог, старался помочь им. Делопроизводитель получал указание сочинить нужную бумагу, Шурик молниеносно печатал, делопроизводитель Торгов и Чеважевский подписывали ее, а Магдалина Казимировна регистрировала и передавала в руки удовлетворенному посетителю или относила в экспедицию для отсылки по адресам.

Шурик, ненавидя войну и убийства, попал в «центр бумажной волокиты», вместо того, чтобы бороться с теми, кто лишил его родного дома и богатства, кто убил Точеную, а вслед за тем и Шурикова «конного наставника», самобытною сибиряка Игната Крутых. По иному взглянул Шурик на свою работу в губздраве после беседы с Чеважевским, и долгие месяцы печатал бумажки, придавая им значение, хотя по-прежнему считал себя предназначенным для чего-то большого и важного, не подозревая, какую роль сыграет в самом важном в его жизни деле пишущая машинка. Не подозревал и «бумажный доктор», как он сам себя порой называл, что у него за перегородкой трещит на машинке будущий писатель, книги которого будут переведены на многие языки и которого даже изберут международным академиком.

Пока же перед ним стоял круглолицый мальчуган с челкой на лбу, которого он намеренно стал называть «юношей», достойно поставившим себя в общении с суровым с виду начальником, словно знал, какая ждет его судьба.

— Вот что, юноша. Первым месяцем вашей работы я доволен. Треща на своей оглушающей чертовине, вы должны знать, что облегчаете страдания людей, ждущих помощи, которая идет к ним через ваши руки. Я взял вас на службу по просьбе весьма влиятельного комиссара и по рекомендации руководительницы курсов гражданки Елизаветы Штамм. Но партийная совесть не позволяла мне пользоваться детским трудом. К счастью, освободилось место секретарши, и я предложил его вашей маме, чтобы вы были рядом и вам обоим выплачивалась зарплата, делая вас миллионерами. Но наши советские деньги стоят не больше пресловутых керенок. Поэтому я говорю с вами, как с мужчиной, а не с вашей мамой, которая может испугаться, что я сейчас сравняю вас с сумасшедшими. Нет, на вас не наденут смирительных рубашек, но вы с мамой, которая за один день навела в канцелярии ажур, моим распоряжением зачисляетесь в психиатрическую больницу. Я, как психиатр, нахожу вашу виртуозность ненормальной, что дает мне право назначить вам амбулаторное лечение в психиатрической больнице, и вы ежедневно будете получать там назначенные мной лекарства и питание, как находящиеся в стационаре, но в судках, принося их домой и регулярно являясь на службу.

Доктор Чеважевский с суровым видом вальяжно развалился в кресле, восхищаясь самим собой, своей выдумкой и речью, даже не задумываясь о своей гуманности. Он привык делать людям добро, всю жизнь врачуя их души, но еще больше любил поговорить, чтобы им восхищались, исполненные благодарности окружающие.

— Значит, я ненормальный и потому после удара камнем по голове стал извлекать кубические корпи из шестизначных чисел в одну секунду, — сделал вывод Шурик.

— Весьма любопытно. Стоит статьи в медицинском журнале и подтверждает мой диагноз о вашей ненормальности, кстати сказать, безопасной для окружающих. Словом, я оказался прав, в том что мы будем вас лечить и кормить, как положено больных.

С того дня Шурик прямо с работы направлялся в «сумасшедший дом», где числился и получал питание на двоих, чего Чеважевский не объяснил. Того, что «больной» приносил, хватало не только ему с мамой, но и Вите. Он, кстати сказать, вместе с Мишкой Зенковым устроился под Новый, 1920, год на какой-то книжный склад и там вместо того, чтобы по-нормальному готовиться к встрече новогодних праздников, занялся тренировкой по французской борьбе. В азарте схватки мальчишки уронили один из шкафов с книгами. Этот инцидент не остался незамеченным, и они оба вскоре были с позором изгнаны с работы. Найти ее снова в пятнадцать лет не удалось, и Витя отдался совершенствованию во французской борьбе при каком-то спортивном клубе, который кое-что подкидывал ему, как помощнику судьи.

Шурик тем временем в положенное время являлся во двор психиатрической больницы. В ожидании судков наблюдал ее снаружи. Из зарешеченных окон нельзя было выпрыгнуть. В одном из них величественно стоял, скрестив руки на груди, невысокий бородач в халате и громко командовал:

— Коннице короля неаполитанского зайти с правого фланга. Пушки все до одной собрать на отбитой высоте и единым залпом ударить по центру, где противник выстраивается в каре, ожидая конной атаки. После третьего залпа бросить в центр гренадер. Смять противника! Обратить в бегство. Маршала Даву — ко мне. Послать за ним адъютанта. Нет! Императорской гвардии пока не трогать, послать им от меня вина три бочки. Нет! Я сказал! Каждому гвардейцу по большой чарке от императора, который просит обождать. Знаю. Рвутся в бой, оставляю за ними последний победный удар. Vive la France!

Дюжий санитар в белом халате вынес судки и передал их Шурику.

— Когда ты нормально на койку к нам ляжешь, чтобы через весь город ке таскаться?

— Мне амбулаторное лечение назначено. А кто это из окна командует?

— Как кто? Не слышишь, что ли? Наполеон Бонапарт, император французский.

— Так ведь Наполеон без бороды был!

— А ему что! Важно, что он сам знает, что он Наполеон, а не лавочник с Центрального базара. Ты же великим математиком Диофантом себя считаешь, хотя по древнегречески ни бум-бум.

— Откуда вы знаете?

— В истории болезни записано. Сам читал. А что записано пером, не вырубишь топором. И про лошадь, с которой упал, сказано, когда ты язык древний позабыл.

— Там все перепутано. С лошади упал не я, а другой человек. И древнегреческий язык не позабыл, а вспомнил.

— Знаю, знаю, как вы вспоминаете. Я сам тут с вами чуть не забыл лекарства тебе передать, чтобы ты с Диофантом своим покончил, и с харчей больничных побыстрее был бы снят.

Шурик сунул завернутые таблетки в карман, взял судки и зашагал домой, где его ждали проголодавшиеся мама и Витя.

Но командующий наполеоновскими маршалами бородатый лавочник разбудил Шуриково воображение, и он едва не пролил больничный суп перед вставшим на дыбы конем. Воины с короткими мечами и в шлемах с перьями отвели его к шитому золотом шатру, и оттуда вышел молодой красавец-царь Александр Македонский, сопровождаемый ручной гиеной. Царь сказал, что за доставку оскорбительного письма от Аристотеля гонец будет растоптан табуном лошадей. Шурик уверял полководца, что никогда не видел Аристотеля, потому что Диофант жил в Александрии, которую Александр Великий еще не построил. Тогда Александр спросил, какой высоты будет ребро куба, объем которого равен объему самой большой пирамиды в Египте. И назвал цифру в локтях. Шурик обрадовался и сразу ответил. Царь удивился и спросил откуда чужестранцу это известно? Услышав, что тот так быстро вычислил, разгневался на попытку его обмануть. Однако после трех попыток уличить Шурика, мгновенно определявшего величины ребер разных кубов, решил, что перед ним колдун и велел гиене растерзать его. Но неожиданное появление Богини Олимпа, которая примчалась по воздуху в огненной колеснице с квадригой коней, в одном из которых Шурик узнал погибшую во время колчаковского отступления свою любимицу Точеную, вдруг отрезвил его. Шурик вдруг почувствовал перед собой дыхание лошадиной морды и услышал грубый хриплый голос сидевшей на козлах бородатой «богини»:

— Ты што, паря, одурел? Так тебя в каталки! Коням под копыта лезешь. Ладно я придержал. Сойди с пути, психун беглый, не то кнутом сгоню.

Шурик совершенно очнулся. «Слишком воображение

разыгралось, — подумал он, — так и не ощутив грозившей ему опасности. — А интересно! Записать бы… Да кому это нужно?»

И ничего Шурик не записал из будоражащих ум фантазий, но каждый день, неся домой судки и рискуя попасть под очередную подводу, он придумывал самые невероятные ситуации и приключения. Это получалось у него само собой и вовсе не для печати. Он был слишком юн и пока еще только познавал жизнь и на службе, и дома, и через искусство.

Мама вышла из канцелярии в экспедицию. Старичок-делопроизводитель уткнулся в бумаги, Чеважевский уехал в больницу. Шурик, заменяя типографию, без конца печатал: «Прошу принять на излечение больного…» и подписи Чеважевского и Торгова. Рядом с «ремингтоном» зазвонил телефон. Шурик снял трубку. Голос у него еще не стал ломаться и звучал вполне по-девичьи.

— Барышня! Вы не скажете мне телефон вашего машинописного бюро? — добивался какой-то мужчина.

— К сожалению, у них телефона нет.

— Вот так кренделизм! Как же вы свои бумаженции печатаете?

— У нас в отделе своя машинка. Я на ней печатаю.

— Слушайте, барышня, я хотел, чтобы вы мои стихи напечатали. Я — поэт, меня уже два раза в газете поместили. В Питере был, Маяковского видел. В желтой кофте. Понимаешь? И Есенина в косоворотке. Здорово выдают. Но у меня не хуже.

— Да, интересно повстречаться с такими людьми.

— А что? Давай встретимся.

— Разве они сюда приезжают?

— Да не с ними! Слушай, барышня, почему у тебя голос такой приятный? Ты, наверно, хорошенькая? Посмотреть-то на тебя можно? И про меня, доложу тебе, не скажешь, будто морда не така: «нос широкий, глаза узки, рожа толста, нога крива». Я — паря, что надо! Сама убедись. Так где встретимся, когда?

— Зачем?

— Как зачем? Я хоть от станка, а поэт. Есенин — тот от сохи, а я — от революции. Стихи мои надо напечатать на машинке, а заодно друг на друга полюбуемся. Авось оба не лыком шиты. Не лапти, а модны туфельки. Напечатай, барышня, я заплачу:

— Платить не надо. Я так. По дружбе.

— Между мужиком да бабой это за дружбу не идет.

— Приходите: губздрав, лечебный отдел. Посмотрим.

— Что посмотрим?

— Стихи посмотрим.

— Эх, барышня, ничего-то ты не поняла. Зелена еще.

— Вот мы и выясним, кто не понял.

Через час в отдел ввалился крепко сложенный, с улыбчивым румяным лицом парень. Он ошалело оглядывал служащих.

Делопроизводитель Торгов строго взглянул на посетителя. Магдалина Казимировна сняла золотое пенсне.

— Где тут у вас барышня, которая машинисточка.

— Я за нее, — встал из-за машинки Шурик.

— Вон оно что! — разочарованно сказал парень, сдвигая шапку на лоб. — Ловко ты меня ощипал, хоть в суп клади.

— Давайте стихи, я напечатаю в нерабочее время. Завтра возьмете.

— Юноша! — послышался раскатистый голос Чеважевского из-за перегородки.

Когда Шурик, получив задание от доктора, вернулся на свое место, то увидел листок оберточной бумаги с нацарапанными стихами, начинавшимися так:

Грохочет поезд броневой.
И знамя плещет, как в крови.
Буржуй, хвост подожми и вой,
Антанту в помощь не зови.
Своих забот там полон рот.
Бунтует западный народ

Глава четвертая. ПРОТЕЗЫ

Увечным людям чтоб помочь,
Трудиться стоит день и ночь.

Всякий раз по пути из «психушки» домой Шурик проходил мимо Омского театра. Он казался ему уменьшенной копией Московского Большого, который он видел, когда они возвращались из Сочи домой через Москву в 1916 году. Он избегал проходить через крытый подъезд, куда подъезжали коляски и трескучие автомобили. Там висела при колчаковщине «витрина зверств», чинимых красными в ожесточенной Гражданской войне.

И вдруг он, как-то сам не заметив того, оказался перед этой витриной. Надпись была другая: «СЛЕДЫ КОЛЧАКА». А фотографии… Они были похожи на те, что прошлой осенью заставляли Шурика вспоминать бойню в Боровом. Но одна фотография не оставляла сомнений — это был его «конный наставник». Это была та самая фотография Игната, убитого якобы

красными, оставшаяся в прежней витрине. И картина жуткого отступления в дождливый осенний день вытеснила у Шурика его фантазии. Долго не задерживаясь у витрины, он понуро пошел по подтаявшему снегу. Вдруг налетел снежный заряд, обрушивший на город лавину мокрого снега. Снег сразу залепил Шурику лицо, глаза, проник за шиворот, стекая по спине холодной струйкой. Он против воли загнал его обратно под портач театра, куда в непогоду въезжали коляски, и разодетые господа и дамы, не боясь дождя, входили в театр.

Избегая смотреть на «витрину ужасов», он подошел к другой витрине и увидел репертуар театра. Он поражал своим разнообразием — оперы: «Князь Игорь», «Борис Годунов», «Русалка», «Паяцы», «Тоска», «Севильский цирюльник», «Пиковая дама», «Евгений Онегин», и тут же оперетты: «Сильва» и «Веселая вдова», драмы: «Васса Железнова», «Егор Булычев» и «Интервенция».

— Ну что мы с вами выберем? На какой спектакль вы пригласите свою даму?

Шурик обернулся и увидел роскошно одетую бывшую фрейлину Двора баронессу фон Штамм. Котиковое манто, меховая шляпа с кроткими полями, высокие ботинки со шнуровкой.

— На все был бы готов, Елизавета Генриховна, здравствуйте, но финансы несколько расстроены.

Бывшая баронесса расхохоталась:

— По крайней мере, в театре — это дело поправимое. Что вы видели из этих постановок?

— Ничего, но знаю почти все.

— Это более чем любопытно. Каким же образом?

— У моего друга Бори Плетнева, вернее, у его родителей, замечательная коллекция пластинок. И я знаю наизусть почти все арии из идущих здесь опер. Прослушал на граммофоне десятки раз.

— И каких же певцов? — с загадочной улыбкой интересовалась бывшая баронесса.

— Я не могу всех их назвать. Шаляпин, прежде всего Конечно, Собинов, Словцов… Певицы Вяльцева, Тамара Церетели, Нежданова и многие другие.

— А драматических теноров вы никого не помните?

— Нет, почему же? Ария Германа «Что наша жизнь?» Из «Паяцев» и, особенно Каварадосси — последняя ария из «Тоски». Ну и «Кармен»…

— Кто их исполняет?

— Фигнер и Баначич.

— Вот именно, Баначич! Я вас с ним познакомлю. Он здесь.

— Как здесь?

— Видите ли, когда большевики захватили власть, многие интеллигенты покинули столицы. И театры потянулись за ними, как за своими зрителями. И сразу несколько — задержались в столице Колчака. И всем хотелось играть в этом очаровательном европейского вида театре.

— Как же они разместились?

— Решение принимал министр просвещения и по примеру столичных коммунальных квартир поселил сразу три театра в одном здании с прекрасным залом и оборудованной сценой.

— Забавно! — рассмеялся Шурик, вспомнив министра на ипподроме.

— Поистине Соломоново решение. Каждый театр играет уже готовые спектакли в отведенные дни. Публика получает разнообразный репертуар. Всегда аншлаг.

— И значит, с нашей сцены поет столичный Баначич, — спросил удивленный Шурик.

— Именно он, и я надеюсь, что столичной знаменитости на своем рояле сыграет наш юный музыкант, который все оперы знает наизусть.

— Зачем? — удивился Шурик. — У меня и пианино-то нет.

— Будет! Ваша мама говорила про кольцо с большим бриллиантом для обмена.

— Вот оно на пальце, — показал Шурик.

— Какая прелесть! — воскликнула баронесса. — Я бы с радостью обменяла его на свой белый рояль. Но он остался в Петербурге. Но Баначич поможет нам. Найдет вам инструмент. У него и без меня много поклонниц. Голос тенора непостижимо действует на женскую кожу, и девицы бесятся.

— Баначич! — снова взволнованно произнес юноша. — И его можно услышать без граммофона! Это сказка, подарок судьбы.

— Мы могли бы пойти сейчас. Я как раз одета для визита, но вы что-то тащите съедобное.

— Я могу отнести домой, там ждут. И прибежать куда скажете.

— Зайдете за мной на курсы. Там возьмем извозчика. Неудобно к такому артисту пешком являться. Мама говорила, что вы совсем недурно играете. Баначич любит классику — Баха, Моцарта, Гайдна, Беллини.

— А Шопена?

— Ну и романтиков тоже.

— Я сыграю прелюдии, этюды…

— Хорошо бы ноктюрн. У певца восприимчивое сердце.

Вне себя от радости, Шурик помчался домой. Действительная встреча, а не приключенческие грезы, ждала его. Ему навстречу вышла сияющая мама:

— Папа приехал, — только и успела сказать она.

Шурик, едва успев поставить судки на пол, бросился на шею счастливо улыбающегося папы. От него пахло лекарствами, махоркой и переполненным вагоном. Кисти рук были забинтованы. Да вот в Томске бинты вместо наручников надели, чтобы рукам воли не давал, — грустно улыбаясь, объяснил он.

— В Томске? — удивился сын.

— В госпитале. Там хирурги с нашим братом, как повара на кухне, расправляются.

— Да сядь ты. Папа все расскажет, а я судками займусь.

— Не могу. Мы с Елизаветой Генриховной едем сейчас.

— Куда? — спросила ошеломленная мама.

— К Баначичу, драматическому тенору.

— Да он из столицы давно в Париж уехал. Прохлаждается там, поди, на Эйфелевой башне да жареными лягушками лакомится. Значит, ты уходишь? Как ты можешь в такую минуту? — возмутилась мама.

— Баронесса ждет на извозчике, — потупив взгляд, отвечал на упрек Шурик.

— Не рано ли, сынок, по баронессам-то ударять стал?

— Папа! Ей сто лет!

— Раз в пять убавить надо, а то что толку?

— В инструменте, в пианино.

— Так и скажи: торговка, а то баронесса на лихаче.

— Так я и говорю: пианино, — и Шурик показал знакомое папе кольцо с большим желтым бриллиантом.

— Ну, иди с богом — торгуй.

— Да не торговать, а музицировать он должен! — возмутилась мама.

— Так ведь не даром же — за пианино, — заключил отец.

Историю, которая приключилась с отцом, он услышал чуть позже. Сейчас он, как на крыльях, летел навстречу к баронессе. Визит Шурика и его покровительницы к Баначичу, однако, не состоялся. Тот встретил посетителей, спускаясь по лестнице, срочно вызванный в театр на внеплановую репетицию. Встречу отложили на ближайшие дни.

Баронесса, узнав, как торопится Шурик к вернувшемуся с фронта отцу, подвезла его к дому Липатниковых на извозчике, и он успел к рассказу папы о его злоключениях.

Что касается истории, которая приключилась с отцом, то дело было так. Осенью 1919 года кончалась в Сибири

колчаковская власть. Пятая Красная Армия под командованием командарма Тухачевского, почти не встречая сопротивления, победно продвигалась вперед по Транссибирской магистрали.

Ефрейтор Петр Званцев служил в Запасном полку. Там, в глубоком тылу, формировали, вооружали, обучали и отправляли в резерв адмиралу Колчаку все новые и новые части. В непривычный строй вставали таежные охотники и мужички с далеких, затерянных заимок.

Настало время, когда фронт опасно приблизился к бывшему «глубокому тылу». Отправлять на передовую стало уже некого, самой действующей армии фактически уже не было, лишь остатки растянулись от станции Тайга до Иркутска, захватив и место дислокации Запасного полка. Перед командованием вставал вопрос о том, чтобы вступать в бой с надвигающейся красной громадой.

Командир полка созвал всех офицеров и долго совещался с ними, затем вызвали ефрейтора Званцева. К нему вышел начальник штаба полка подполковник Зырянов.

— Явился по приказанию вашего высокоблагородия! — отрапортовал ефрейтор. Зырянов махнул рукой:

— О благородиях, Петр Григорьевич, пора забыть. Вы известный в Сибири человек, богатый купец и здравомыслящий человек. Вас уважают за веселый нрав и рядовые, и офицеры. Надлежит вам сейчас потолковать с нижними чинами. Армия Колчака, ведущая эту братоубийственную войну, разгромлена. Нам встать на пути красных бронепоездов — это все равно, что лечь перед ними на рельсы. Можно сдаться в плен, но участь военнопленных горька. Вместе с тем, наш полк не принимал участия в боевых действиях, на нашей совести нет ни одного убитого красноармейца. В чем загадка побед Красной Армии? В тылу у них разруха, голод. А у нас помощь союзников. Свиная тушенка, оружие, обмундирование. Сами-то они не очень в драку лезут. В гробы наших кладут, русских, и с той и с другой стороны, братьев родных разлученных, а то и сыновей с отцами. Кому это нужно? Только не народу, из которого мужиков в армию тащат. Народ и встал на их сторону. В том и сила их союзников. Русский народ — не Антанте чета. Вот и повис вопрос — с кем дальше идти?

— Ребята в полку таежные, охотники, старатели, тунгусы есть, ваше высокоблагородие…

— Никаких благородий, Званцев. Рядом со смертью или увечьем — все равны, все товарищи. А вы как сами думаете?

— Как и вы, товарищ командир.

— Догадливы вы, ничего не скажешь. Не ошиблись мы, вас

вызывая. Ваша задача — убедить солдат, что нам теперь не с белыми, а однозначно с красными по пути.

— А что тут разъяснять? Меню, как в ресторане. Хочешь плен или тюрягу, хочешь могилку мелкую, присыпанную, а хочешь — строевой шаг и «Гром победы раздавайся». Простой солдат — народ смышленый. «Сено косят на печи молотками раки». Поймет где чепуха, а где смысл.

— Нам надо, чтобы они нас парламентерами выбрали. Мы с тобой погоны снимем и вдвоем на дрезине прямо к красным. И два флага вывесим — белый и красный.

— Белый всегда найдется, из портянок сошьем, а вот красный?

— У железнодорожников флажки есть, поезда останавливать. В сшитом виде, как знамя.

— Ясно. Бронепоезд остановить.

После убедительной речи ефрейтора Званцева полк принял решение перейти на сторону красных. Против никого не оказалось.

Дрезина, украшенная двумя лоскутными полотнищами, усилиями двух парламентеров, налегавших на приводной рычаг, катила по рельсам.

Вокруг лежали снега. Тайга то отступала, то приближалась к железнодорожным путям.

В лицо дул обжигающий морозом ветер, хлеща снегом.

Показалась водонапорная башня, а потом и здание станции, куда только что прибыл бронепоезд со штабным салон-вагоном Пятой армии с самим легендарным командармом Тухачевским.

— Разрешите войти, товарищ командарм? — послышался после стука в дверь купе голос адъютанта.

— Ну что у тебя, Вася? — поднял от карты молодое красивое лицо Тухачевский.

— Смехота, Михал Николаевич. Тут два чудака на дрезине приехали с двумя лоскутными одеялами. Готовы нам полк передать.

— Полк полком, а одеяла-то зачем?

— Это у них вроде флагов. Символика.

— Давай, Вася, веди их ко мне. Что за полк? Что за люди?

Адъютант исчез, но вскоре вернулся в сопровождении двух белогвардейцев без погон.

— Разрешите, товарищ командующий? — постучал в дверь адъютант.

— Войдите, — услышал Званцев тихий спокойный голос.

Оба парламентера застыли по стойке смирно перед красным полководцем, разглядывая ромбы в алых петличках и два

красивых ордена Красного знамени на груди простенькой фронтовой гимнастерки.

— Капитан Зырянов?

— Так точно, Зырянов, бывший подполковник.

— Во время Брусиловского прорыва вы в звании капитана отличились.

— Так точно! Если бы не прусские болота…

— Если бы не бездарность командования Западным фронтом, не закрепившего успех армии, в которой вы служили, — поправил Тухачевский.

— Так точно, — согласился бывший подполковник. — Еле ноги тогда унесли.

— Воевать вы, Зырянов, умеете, нам опытные командиры нужны. На Байкале с американцами можем встретиться.

— К бою готов!

— Примерный командир. К нам не отдыхать пришел. А что ваш солдат о своих соратниках скажет?

— А что солдат? Он вроде воды из брандспойта. Куда струю направишь, туда и бьет, — смело ответил Званцев.

— Красноармейцы от бездумных солдат тем и отличаются, что знают, почему и куда боевой струе бить. Что это вы так покраснели, товарищ.

— Это не от смущения, не барышня. Жарко мне. Должно быть, на дрезине встречным ветром продуло. Вот и простыл. Разрешите присесть, Михал Николаевич?

У Зырянова даже брови на лоб полезли от такого обращения солдата к командующему армией.

— Извините, что сам не предложил. Военная дисциплина огрубляет. Садитесь. Можете прилечь. Я разрешаю. Вася! Позаботься о новом красноармейце. Как бы чего хуже простуды не было.

— Да я ничего, сибирской породы. Мне бы до полка добраться.

— Прикажете в санбат направить?

— К своим он просится, сообщить там должен, что полк, входящий отныне в Красную Армию, должен переобмундироваться на разъезде, откуда посланцы на дрезине приехали. Комбату Зырянову выдать по две шпалы в петлички, и пусть примет командование ударным батальоном, что в эшелоне стоит. И сразу в бой, как у Брусилова. Солдата-парламентера посадить к ним в теплушку, и батальон отправить на восток, там его и высадить на первом разъезде. О выполнении доложить.

Петр Званцев тяжело поднялся и, поддерживаемый под руку адъютантом, сказал опять не как положено: — Спасибо, Михал

Николаевич. Все выполню. Но выполнить поручение командарма, с которым в 1931 году, через двенадцать лет, встретится его сын Александр, самому Петру Григорьевичу Званцеву не удалось.

Адъютант Вася посадил его в теплушку к красноармейцам. Солдата в колчаковской форме, да еще больного чуть ли не сыпным тифом, встретили без радушия. Еще перезаразит всех через своих вшей. А когда кто-то шепнул, что узнал его, сибирского буржуя, то отношение к нему стало и вовсе враждебным.

Петр Григорьевич ничего этого не воспринимал, он без сознания метался в жару. На улице было морозно, а в набитой людьми теплушке с жарко натопленной буржуйкой — душно. Званцев, на самом деле заболевший сыпным тифом, задыхался. Некоторое время дышал тяжело, предсмертно хрипел и внезапно замолк.

— Ну, слава тебе, Господи, отмучился. Царствие ему небесное.

— А ты почем знаешь, что помер? — усомнился кто-то.

— Так ведь не дышит. И пульсу нет.

— А ты что, хвельдшер?

— Пощупай сам. Самый раз вша расползаться с мертвого тела начнет. Парочку получишь — и был готов.

— Так что тепереча делать?

— Вынести труп на мороз, чтобы вша померзла.

— Так ведь все-таки человек. Похоронить бы надо.

— Хоронить нас с тобой завтра после боя будут. Бронепоезд ушел. Паровоз к нам причепился. Начнем хоронить — отстанем, в дезертиры попадем — и под расстрел. Вша или американска пуля. Хрен редьки не слаще.

— Мороз свое дело знает. Только вынести надо, а он займется лечением.

— Вынести? Адъютант привел от самого командарма.

— Адъютант далеко, а командарм высоко. И бронепоезд с ими ушел. А вша туточки. На тебя в атаку ползет. Поопасней пулемета «максима».

И вынесли ефрейтора Званцева из теплушки. Бросили труп, как попало в сугроб, а труп руки вперед выставил, чтобы о землю опереться.

Тут вскоре и поезд тронулся. Красноармейцы, выносившие нежеланного гостя, с трудом догнали свой вагон.

Из открытой двери теплушки к ним тянулись дружеские руки.

— На счастье мое, продолжал свой рассказ Петр Григорьевич, сидя за вечерним столом и с помощью жены с ложкой, отдавая должное содержимому судков из психиатрической больницы. —

Следом за ушедшим воинским эшелоном санитарный поезд послали. Поле битвы подметать, раненых подбирать. Душа-сестренка увидела в сугробе человека. Чутьем девичьим решила, что живой он. И повернула ручку тормозного крана, пломбу сорвала. Поезд и встал. Подобрали полуживого бедолагу, пропарили в душевой, одежонку колчаковскую, антантовского производства сожгли, в свое русское одели и водки русской дали — я и ожил. Как в той сказке, где Иванушка то в котел с кипятком, то в котел с ледяной водой окунулся и молодцом вышел. Ну, меня, еще не молодца, с черными, как угольки, пальцами на руках — в ледяную землю под сугробом ими упирался, отправили в ближний госпиталь. Ладно, что дело было при Томском университете, в другом месте мне отмороженные пальцы отхватили бы вместе с руками по плечи — и вся недолга. А знаменитый томский профессор Мыш за меня взялся и только одни фаланги оттяпал.

— Все? На обеих руках? — ужаснулась Магдалина Казимировна.

— Все на паре рук. Другой пары у меня нет. Все, кроме больших пальцев. Так что руки мои ныне вроде клешней. Как у рака. Живут же раки. Правда, пятятся назад, пока их не съедят под пивко… — и он, подмигнув детям, заразительно засмеялся.

— Но, Петечка, надо будет нанять мальчика тебе в помощь, заменять твои пальцы.

Петр Григорьевич рассмеялся еще громче:

— Магдуся, милая! Тут надо искать, куда бы мне наняться, сторожем, что ли, а не мальчика нанимать. Нам своих молодцов неизвестно на что учить надо.

Прошла неделя, как вернулся Званцев-старший из госпиталя. Магдалина Казимировна с сыном исправно ходили на службу, и Шурик приносил свой паек в судках, который теперь приходилось делить на возросшую семью.

Из-за перегородки раздался привычный призыв Чеважевского:

— Юноша!

Шурик встал из-за машинки и прошел к начальнику.

Доктор держал в руках письмо, недавно переданное секретаршей вместе с очередной почтой.

— Так вот что, юноша. Я должен признаться вам, что из всех умалишенных, к которым я вас бюрократически причислил, вас считаю наиболее разумным.

Шурик недоуменно переступал с ноги на ногу.

— Я говорю с вами, как мужчина с мужчиной, о деле весьма важном. Скажите, ваш отец недавно вернулся с фронта?

— Из госпиталя. Фронта, кажется, уже нет.

— Совершенно верно. Где служил ваш отец? В добровольческой армии или у красных?

— У Колчака папа служил не добровольно, его мобилизовали. И при отступлении колчаковцев в районе Томска их полк перешел на сторону Красной Армии, а папу как парламентера принимал сам командарм Тухачевский.

— Вот мне пишут, что вашего отца в тяжелом состоянии подобрали на станции, уже захваченной красными. И его надо считать пострадавшим в рядах Красной Армии.

— Папа уже являлся в омский военкомат, и ему даже установили мизерную пенсию.

— Но в письме такого авторитета, как профессор Мыш, сообщается, что он лично ампутировал вашему отцу все пальцы на руках, и тот полностью нетрудоспособен.

— Папа вернулся из военкомата и сказал, что таи пенсию инвалидам определяют по пальцам.

— Что там считать не умеют?

— Напротив. Папа говорит, по числу оставшихся пальцев: если у инвалида войны десять пальцев, он получает полную пенсию, а у папы осталось два пальца, вот и пенсия уменьшена в пять раз.

Чеважевский так громко расхохотался, что Магдалина Казимировна вздрогнула и переглянулась с делопроизводителем, поднявшим глаза от бумаг.

— Мне нравится ваш отец! Он большой шутник.

— Шутит всегда.

— Но вместе с тем он заправлял большим делом? Шурик испугался. Сейчас выяснится, что они с мамой бывшие буржуи, и их уволят, и он только молча кивнул.

— Мне нужно лишь выяснить, хороший ли он организатор?

— Конечно, хороший. Его все любят и слушают, — обрадованно заверил Шурик.

— Спасибо, юноша. Это все, что мне хотелось узнать о вашем почтенном отце. Пожалуйста, передайте ему, что если у него найдется время, я прошу его заглянуть ко мне.

Шурик вернулся к машинке, но мама вытащила его в коридор, заставив пересказать всю беседу, удивляясь интересу их начальника к папе.

— Не иначе, кто-то донес, — покачала она головой. — Разве можно такого ждать от профессора Мыша, который папе руки спас?

Все казалось загадкой.

Весь вечер бегали по знакомым занять отцу приличный костюм для завтрашнего визита. И у всех была не та фигура.

Пришлось ему идти в красноармейском обмундировании, выданном в госпитале.

— Раньше не за столами сидели, а за конторками стояли. На геморрой меньше жаловались, — сказал Петр Григорьевич, войдя в канцелярию перед перегородкой и поздоровавшись не только со старичком за ворохом бумаг, но и с сыном и женой.

— Очень верное замечание! — послышалось из-за перегородки. — Входите, Петр Григорьевич. Присаживайтесь и меня извините, что за столом сижу, конторок нет. А на них бумаг не накопишь, вниз сползают.

— Как пожелаете, — ответил после приветствия Петр Григорьевич и сел на стул, вопросительно глядя на доктора.

— Пригласил я вас как страдающего от увечья. А сколько бедняг без рук, без ног. Деревянные култышки издавна известны. Но теперь наш долг помочь инвалидам современными протезами. А их у нас нет. У вас немалый опыт организатора, руководителя и по рекомендации профессора Мыша, заботящегося о своих пациентах, решили мы предложить вам организовать в Омске протезную мастерскую, которая стала бы примером для других городов. Чертежи протезов и сырье кожевенное, металлическое предоставим, помещение есть, жалованье приличное положим, для питания основных работников к больнице прикрепим, ну, а все остальное на вас ляжет. Подбирайте мастеров, слесарей, инженеров. У вас квартира будет при мастерской. Толковых помощников подберем. Беритесь, Петр Григорьевич.

— Да я в этом деле как верблюд в театре, ни бум-бум.

— Вся страна в таком положении. Специалисты с заводов, фабрик разбежались. Новой власти служить не хотят, а мы, врачи, людям служим. Любым больным помогать, даже тем, кто в тюрьмах. И увечным помочь — тоже наш долг. На гору с подножья поднимаются. Начинайте протезы делать. Сначала для ног, а потом, глядишь, и сами себе искусственные пальцы сделаете. Только сметливых ребят поищите. Безработных много, опять же мастера из армии возвращаются. Не у всех занятие и заработок есть. Русский народ талантлив.

— Пока раскачаемся и до протезов дойдем — с костылей и палок надо бы начинать, с обуви ортопедической для тех, у кого после операции нога короче стала — проговорил с серьезным видом Званцев.

— Вот видите! У вас уже и планы появляются.

— Я думаю, на первое время и сапожным делом стоит заняться, мастеров своих будем растить и, опять же, кое-какой доход появится.

— О доходе не пекитесь. Он от нас будет идти. От народной

власти. Прежние понятия пересмотреть надо. Продукция ваша потребителю бесплатно пойдет.

— Но ведь она оплаченного труда стоит. Я так смыслю. Вы ее у нас оптом покупать будете, а раздавать, кому надо, как и лечить или учить, бесплатно станете. Это мне жилец наш поручик Ерухимович, когда я с увольнительной домой заглядывал, растолковывал.

— Ерухимович? Он сейчас видный комиссар.

— Я его, как шило в мешке, приметил, да кожей прикрыл, чтоб не прокололся.

— Значит, договорились? По рукам ударим.

— Да они у меня забинтованы «для женской безопасности».

— Ничего. Я выше локтя пожму. Завтра поедем, помещение посмотрим. У меня автомобиль есть.

— А у нас на весь город только у заводчика Зенкова был. Времена меняются.

Глава пятая. МАСТЕРА

Один растрогать душу может,
Другой создаст протез из кожи.

Семья Званцевых переехала на казенную квартиру: две смежные комнаты каменного приземистого здания, разделенного невзрачной прихожей на два крыла, — направо жилое, налево мастерская.

Можно было только поражаться энергии Петра Григорьевича Званцева, сумевшего к тому дню, когда привезли пианино, наполнить цех необходимым оборудованием, а главное, мастеровыми, набранными с базара, из военкомами с только что возникшей биржи труда. Он заказал в каких-то частных мастерских, по недосмотру доставшихся кустарям, разъемные деревянные колодки для сапог, привез обещанную губздравом кожу и поручил новым рабочим шить обувь. Он засадил и обоих сыновей за верстак, снабдил выделанной желтой кожей. В мокром виде вырезку из нее натягивали на колодку, имевшую форму ноги, и пришивали с помощью шила и дратвы вырезанную коротким острым ножом толстую подошву. Первые сделанные ими самими сандалии вызвали у ребят гордость. Они работали над ними, как над произведениями искусства.

Пианино сгружали с подводы вдвоем: извозчик и уже достаточно сильный для этого дела Витя.

Шурик с папой, придерживая входную дверь невзрачного предбанника каменного дома, заботливо наблюдали за

движением инструмента.

— И за такую тяжесть отдать невесомое кольцо с бриллиантом. Его на пальце и не чувствуешь, а оно надежнее любого банка. Ладно, мне носить его не на чем.

— Что в кольце проку? Я носила его, но переворачивала, чтобы бриллианта видно не было. А это — инструмент!

— Знаю, знаю. Чуть ли не Державин, Пушкина благославлявший, говорил:

Стоит древесно, к стене приткнуто.
Звучит чудесно, быв пальцем ткнуто.

— «Звучит чудесно». Пусть забавно сказано, но как… Лучше бы лошадь купили. Разъездов много.

— Так ведь тебе Гнедка дали. А на пианино мама уроки давать будет, а я учиться.

— Сначала сандалии научишься шить, чтобы заработок иметь… Ладно, играй. А мне в степи во сне, когда кумысу перепил, верблюд, должно быть, на ухо наступил… Хотя с купцами в московском ресторане «Яр» цыган слушал. Ни чего, под выпивку с хорошей закуской.

— А я Баначичу Третий этюд Шопена сыграл без закуски. Только он не выдержал…

— Вот видишь!

— Не выдержал и запел. У него слова были «осенние, печальные» на этот этюд, где волшебно используются толь ко мажорные аккорды.

— Ладно, тамбурмажор, показывай, к какой стене «древесно» приткнуть?

— Вот сюда, в проходную комнату. Она у нас и за гостиную, и за столовую, и за кухню с примусом будет. И еще Баначич сказал, что я мог бы ему хорошим аккомпаниатором быть, и дал мне контрамарку на все спектакли сезона. Знаешь, какие оперы здесь идут?

— Я, сынок, с удовольствием бы театральным буфетом воспользовался, кабы не верблюд неосторожный…

— Ты все отшучиваешься, но я от шитья сандалий не отказываюсь. Лев Толстой любил точать сапоги.

— И от Гнедка не отрекайся. Его кормить надо. Извозом тебе заняться. Больше некому. Мне запасных рук еще не сделали. В зубах вожжи не удержать.

Петр Григорьевич в деле никого не жалел: ни себя, ни сыновей, ни мастеровых, уже вставших за верстаки, точая пока что офицерские сапоги, в дальнейшем основу будущих протезов.

Раздобытый Петром Григорьевичем новенький французский протез на верстаке лежал, и каждый мог изучить его, дав волю своей смекалке.

Среди найденных русских мастеровых нашлись подлинные мастера искусства. Отвлекаясь от оставленных на колодках, отделываемых ими офицерских сапог, они подолгу простаивали перед образцом. Заграничный протез им говорил больше трудно читаемых чертежей.

— Ну как, Никандрыч, осилим? — подойдя, спрашивал, заведующий мастерскими.

— Раз надо, так надо, Петро Григорыч. Только я вот здесь чуток не так бы сделал, чтоб протез надевать сподручнее было.

— Давай, давай, пробуй. Тебе первый протез делать. А мастер без смекалки, как генерал без штанов с лампасами.

— Что ж, можно и по генеральским штанам. По лампасам железные шины, с шарниром на коленке. Только тут примерка нужна, чтобы лучше французского вышло. Давай своего первого инвалида.

— Если инвалид камаринскую спляшет, считай себя главным мастером мастерских, а думать будет, как бы снять с себя протез скорей, тогда уж не взыщи, сапожную мастерскую себе ищи.

— Григорьич, тут кожу привезли. Накладную подписать надо.

— Клади на верстак и рукой придержи, а карандаш мне в зубы дай…

Видеть и слышать со сцены волнующие события, любоваться сказочностью обстановки и ощущать в словах и действиях артистов характеры людей, а главное наслаждаться музыкой и пением — словом, быть в театре по контрамарке Баначича стало для Шурика Званцева необходимым.

В поздние годы, вспоминая об этом, он не мог понять, как ему удавалось найти на все время. А он успевал.

Они никогда не расставались с Витей, а контрамарка была одна. И Шурик, не задумываясь о морали, решил сделать для брата точно такую же.

Он трудился карандашом так, словно писал «Гибель Помпеи», и вышло изделие на славу.

Чтобы не подвергать Витю опасности разоблачения, идти с копией через контроль решил сам, подлинник отдав Вите.

Шли в один день две оперы: Леонкавалло «Паяцы» и «Тоска» Пуччини.

Коронные арии Баначича! Разве можно было пропустить?

Зрители шли толпой. Надо смешаться с ней и в давке протискиваться через дверь, чтобы у контролерши не оставалось времени разглядывать билеты.

Сдавленный со всех сторон Шурик с беспокойством увидел, что вместо седой, роняющей пенсне дамы, на контроле стоит упитанный и злой новый директор театра, с плоским лицом и придирчивыми глазами, почти без бровей.

Он крепко, как щипцами, ухватил подростка за руку и не отпускал, другой рукой отрывая контроль у предъявляемых билетов.

Занятый задержанным, он не видел, как за спинами входящих по билетам, подмигнув Шурику, проскользнул Мишка Зенков.

Когда прозвучал звонок и публика схлынула, директор зашипел:

— Откуда у тебя эта фальшивка?

— Баначич дал.

— Врешь. Такого беспризорника, тунеядца он до себя не допустит.

Оскорбленный, Шурик смело выпалил:

— Проверьте хоть у самого Баначича.

— И проверю! Прямо сейчас.

— Сейчас он на сцену выйдет. Не до вас ему.

— Ах вот на что ты рассчитываешь? Не знаешь, с кем дело имеешь. Действие задержу, спектакль отменю. Идем за кулисы. В его уборную за шиворот тебя приведу.

— Если б я дорогу знал, сам бы вас туда привел.

— Ну нахал! Ну наглец! Где только воспитали такого, — замахал он руками. — Я тебе покажу! При Баначиче разоблачу. Идем. Не вздумай удрать. В милиции ночевать будешь. А там — детский приемник. Не сбежишь, фальшивомонетчик.

Они прошли за кулисы через дверь в конце дугообразного фойе, попали в коридор с артистическими уборными. Директор без стука открыл нужную дверь.

От зеркала к ним повернулось удивленное, покрытое как бы мелом, лицо паяца.

— А! — воскликнул он при виде Шурика. — Мой юный аккомпаниатор!

— Какой аккомпаниатор? Это уличный мальчишка, нагло уверяющий будто получил от вас контрамарку.

— У меня оставалось несколько штук из Петроградского императорского театра, и я дал ему одну — за отличное исполнение Шопена, которого я пою.

— Отличное исполнение карандашом столичной контрамарки! — подбоченясь язвил директор.

— Какой карандаш, товарищ директор? Извините, что я этот личный мой пропуск показал на контроле, а не вам. Торопился на сцену.

— Ох, эти премьеры! Для них нет над нами высшей власти.

— Так покажите мне, что не нравиться высшей власти — и паяц посмеется до начала своей арии.

— Я человек новый, — говорил директор, кладя перед артистом злополучную бумажку. — Будьте благонадежны, порядок наведу.

Артист, низко склонившись, разглядел ее и пододвинул к стопке других бумажек под пудреницей.

— Вы уж мне верните вещественное доказательство.

— Вернуть надо юному меломану. Пусть растет, — и он, показав контрамарку ошалевшему директору, передал ее Шурику.

Директор, убедившись, что контрамарка типографская, стал извиняться, ссылаясь на плохое освещение у входных дверей.

— Хорошо. Я поплачу об этом в своей арии, — пообещал с клоунской улыбкой, звеня бубенчиками на колпаке, разукрашенный паяц.

— Баначич на сцену, — послышалось из коридора. Проходя в дверь мимо Шурика, паяц больно дернул его за ухо.

— «Фауст» у нас завтра, а черт нынче попутал, — вор — новый директор. — Сладу нет с этими премьерами. Попрошусь у комиссара Ерухимовича на хлебозавод.

Каждый вечер Шурик запрягал Гнедка и ехал к театру, чтобы успеть к началу спектакля. Лошадь с санками оставлял на попечение дворника в соседнем дворе, платя ему за услугу, отдавал ему свою верхнюю одежонку и мчался в театр. Там в полюбившейся ложе иной раз удавалась присесть.

Кончалась опера, отпел Баначич и его столичные партнеры, и Шурик стремглав вылетал раздетый на мороз, одевался в теплой дворницкой и успевал подать Гнедка к разъезду после спектакля.

Всегда находились театралы, охотно садившиеся в сани Шурика, который напевал что-нибудь из прослушанной пассажирами оперы.

— Что ж ты, ямщик, рано бороду сбрил и песни-то не ямщицкие поешь, а до басовых партий голос пока что не дошел, — шутили некоторые, но в санки к Гнедку садились.

Иные будто и не слышали оперы:

— А вы видели, как вырядилась эта рыжая лавочница?

— И не говорите, милая. Хотела Баначичу показать, как она в ванне выглядит. Интересно, сколько у него любовниц?

В другой раз в санки сели двое мужчин:

— Троицко-Сергиевская лавра сюда привела. Стоял у надгробья Годуновых и в первый раз даты разглядел.

— А я года не воспринимаю, одно слово — давно.

— Не так это просто. И у сына, и у дочери Бориса один час

смерти.

— В наше время — автомобильная катастрофа, и все тут.

— В разные века техника меняется, а нравы остаются. Если вслед за убиенным царевичем Дмитрием детей не винных Годуновых разом прикончили. И только из-за того, чтоб на царство не претендовали.

— Смутное время начиналось. Жуткие годы.

— Сыночка лже-Дмитрия и Марины Мнишек на Сухоревой башне зверски устранили. Подвесили четырехлетнего живого ребенка за одну ногу вниз головой.

— Ужас!

— И долго не снимали трупик, почерневший от облепивших его мух, чтоб не мог он по самозваной линии к тропу тянуться, и другим неповадно было.

— Дикарями были предки на Руси.

— В Екатеринбурге наши современники из тех же побуждении действовали. И без автомобильной катастрофы хоть автомобили и были.

— В оперу певцов да музыку слушать идут, а не ваши ужасы вспоминать.

— Поэты и композиторы по-иному думали.

— Может быть, — сказал собеседник и замолчал. После «Травиаты», где умирала несчастная Виолетта («дама с камелиями»), два молодчика потребовали отвезти их в ресторан, распевая по дороге: «Высоко поднимем мы кубок веселья, и разом мы выпьем его…». И вздумали еще покататься по юроду.

Явился Шурик домой за полночь, отдал папе выручку. Без бинтов он, ловко пользуясь оставшимися пальцами, подсчитывал деньги, говорил, что Гнедок теперь на таких овсяных харчах так разжиреет, что ему впору с ломовиками тягаться.

Шурик уже спал и, оказавшись в царских палатах, уговаривал Бориса Годунова отказаться от царства и спасти тем своих детей.

Утром он брал программу вчерашнего спектакля и старательно записывал на ней беседу своих седоков, не замечавших сидящего на козлах мальчишку.

За этим занятием его застал новый, появившийся в мастерской друг Пашка Золотарев. Парень одинокий, с довольно выраженной семитской наружностью. Он был всегда голоден, и Магдалина Казимировна подкармливала его.

Он очень заинтересовался оперными программками, хотя опер не слушал.

— Я потом перепишу у тебя, только ты записывай, куда отвез.

— Зачем? — удивился Шурик.

— Пригодится, — загадочно заметил Пашка.

Он нещадно руган новую власть, уверяя, что она насквозь еврейская. И что Ленин и Троцкий — оба евреи, а он, Пашка, троцкист, и то потому, что получил у них какую-то работенку.

Усевшись вместе со Званцевыми за утренний чай, он принялся поносить еврея Ерухимовича.

До сих пор Шурик не придавал никакого значения национальности, и вражда его с татарятами для него была лишь игрой в войну.

Паше возразила Магдалина Казимировна.

— Вы напрасно считаете Николая Ивановича Ерухи-мовича евреем, он жил у нас вместе с другими офицерами и, слава Богу, как православный, ходил и со мной в церковь.

— А фамилия?

— А фамилия у нею белорусская. Поручик Ерухимович.

— А теперь он здесь один из первых комиссаров. А у вас Магдалина Казимировна, он скрывался как еврей, шпион красных. Небось в церковь с вами не ходит сейчас.

— Я знала, что с германцами он воевал геройски. Георгиевский кавалер, что еврею не свойственно. А с фронта его подальше в Сибирь перевели из-за участия в братании с немцами.

— Евреи с кем угодно побратаются. Ради выгоды.

— Удивляюсь вам, Паша. Господь с вами. Такой молодой — и черносотенные взгляды царского министра Пуришкевича.

— Позвольте, Магдалина Казимировна, проводить вас с Сашей на службу. Поднести что-нибудь.

— Нет, что вы, Паша! Заходите к нам.

Пашка Золотарев неохотно уходил.

Глава шестая. МАТЕМАТИК

И даже радость вдохновенья
Не может заменить ученья.

Как всегда мама с сыном шли служить в губздрав. Вернувшись, Шурик не брал судки, не шел в сумасшедший дом, эту обязанность он, занятый извозом, передал Вите, таскавшему теперь, как гири, тяжеленные судки с положенным руководству новой протезной мастерской питанием из другой близкой больницы.

Шурик проходил в цех и долго простаивал у французского образца протеза.

При Колчаке здесь была велосипедная мастерская, и Шурик отыскал в завале остатки велосипеда. Рама с одним задним колесом без цепи и передач. Но Шурик сиял. Это было то, что ему

нужно.

В Петропавловске остались ребячьи велосипеды. Шурик на своем «Кливленде» достиг полной акробатичности. Теперь он удивил рабочих, вытащив раму с одним колесом во двор, прилаживаясь прокатиться. Он задрал ее кверху. Седло с немалым трудом приладил над самым колесом, закрепив его проволоками. Потом сел на седло, поджав правую ногу, будто ее нет, а левая нога касалась земли и отталкивалась от нее. И не только поехал по двору, но и въехал в мастерскую через открытую ему дверь.

— Почему искусственная нога должна непременно шагать, что, так трудно сделать, чтобы было удобно?

— От играшек, паря, ты не отвык, а мы делом заняты, — ворчливо сказал Никандрыч, выражая общее не довольство.

— Сапожники мы, — с гордостью сказал кто-то, — а не выпачканные в масле механики.

— Не нашенское это дело. Зови заведующего, для чего нанимал. Перед советской властью отвечать надо. Получеловека-полувелосипед делать, что ли?

— А по лестнице как?

— Ты, паря, никак не вырастешь, а тут дело сурьезное — инвалиду здоровый вид вернуть, а не увечье его выставлять напоказ.

Петр Григорьевич стоял в дверях и слушал:

— Ну, профессор кислых щей, сочинитель ваксы, идем. Шурик вылез из старой велосипедной рамы и понуро пошел за отцом.

— Ну, хоть ты и не «древесно», но к стене придется тебя «приткнуть», — начал папа, входя с сыном в их первую комнату. — Перво-наперво расскажу я тебе старую сказочку:

Сбил, сколотил — Есть колесо!
Сел да поехал, Ах, хорошо!
Оглянулся назад — Одни спицы лежат…

— Вот так, сынок! Изобретать вздумал? А ты слышал, что мастеровые говорили? Я их подбирал, чтоб они сапог с ботфортом сделали — вроде болотного сапога, но голенище жестким должно быть и с металлическими шинами на всю высоту протеза, а ты предлагаешь половину инвалидного кресла вместо одной ноги. Колесо в брючину не засунешь.

— Почему — «обернулся назад — одни спицы лежат?» — хмуро спросил Шурик.

— Не понял? — почти обрадовался папа и строго спросил. —

А ты не думал, что значит для инвалида — упасть с твоего колеса навзничь? Он ведь не цирковой артист. Вместо ноги колесо торчит. И за стол с ним по-человечески не сядешь.

— Теперь я понял, — печально произнес юный розмысл. — Выходит, я пытаюсь свое время опередить.

— На бегах, помнишь, это сбоем называлось. Рысаку галоп не допустим. Вспомни Игната. Чему он тебя учил? Сдерживать, сдерживать. А ты готов любую проблему «запрягать в расписные дрожки и по улице скакать в виде папироски», — и он ласково потрепал насупившегося сына свей короткой, лишенной пальцев культей.

Петр Григорьевич после обеда задержал всех своих на семейный совет, еле выпроводив Пашку Золотарева, притягиваемого больничными судками.

— К любому труду мы с мамой всегда вас приучали, хотя, казалось бы, на чужой шее лоботрясам легче ездить. И все-таки, сами не куря, норовите на колесе верхом по улице скакать в виде папироски. Что толку показывать вся кие чудеса, не понимая, почему это так. Словом: ученье — свет, а неученье — тьма. А ваше образование в реальном училище — смехота коромыслом. Тут недалеко в железно дорожном поселке я видел механико-строительное училище. Зашел потолковал с завучем, высокий такой мужик и толковый. Обещает выпустить умелых, знающих специалистов, не хуже техников. Вот там вам и место обоим. Нечего одному бабьим делом заниматься, юбку ему не сшили еще, коротенькую с разрезом. Фасон МОН — «мужчинам очень некогда». А другому пылью борцовского ковра дышать, кроме похлопывания по плечу, ничего от этого не получая. Но принимают туда лишь после сдачи экзамена. Витю с четырьмя классами реального Владимир Васильевич берется подготовить. Но с Шуриком дело хуже. Надо за один месяц пройти такие предметы, как геометрия, о чем он и не слышал, алгебра опять же, ему незнакомая. Для него будем что-нибудь подыскивать: хватит певцу в колпаке или барышне без панталон и других прикрытий подыгрывать.

— Ну, уж нет! Музыка у меня для души и торговать ею не стану. Я инженером буду. И для поступления в техническое училище геометрию с алгеброй осилю.

— Один?

— Не слышал, чтобы Евклиду кто помогал.

— Ты бы еще Лобачевского вспомнил.

— Диофант вызывал Сиракузы, а Пьер Ферма — всю Англию вместо войны замысловатую задачу решить. Отчего мне экзаменаторов заштатного училища не вызвать?

— Ну смельчак, Аника-воин! Другой такой брался за месяц гору срыть. Пришли смотреть, а он только могилку себе вырыл. Смотри не надсадись, сынок. Всего месяц у тебя.

— 30 дней, 720 часов, 43 320 минут, 2 592 000 секунд — море времени.

— В свое время я на счетах лихо считал. Народ как на фокусника смотрел. А ты и без них обходишься. Твоя взяла, давай готовься.

— Только, упаси тебя Бог бросить музыку, — вставила Магдалина Казимировна.

— Мамочка, что ты! Я за пианино отдыхать буду.

В губздраве не слышалось больше из-за перегородки раскатистого: «Юноша!».

Прошел месяц, и Шурик не только одолел геометрию, ни разу не побывав в театре, но и влюбился в нее. Выискивал замысловатые геометрические задачи, с наслаждением решая их.

Приемные экзамены он сдал отлично и вместе с Витей сел за парту.

Завуч Глухих преподавал математику благоговейно, расшифровывая ее название, как «мать-основа всех наук». Высокий, медлительный, с продолговатым лицом и внимательными глазами, он был строг и требователен.

Когда Шурик Званцев, сдавая ему приемный экзамен по геометрии, молниеносно решил труднейшую задачу, тот посмотрел на него поверх очков и спросил:

— Кто вас готовил по геометрии? Во втором классе реального училища вам этого не могли преподавать.

— Я сам подготовился.

— И сколько времени это у вас заняло? Год, полтора?

— Ровно один месяц.

И Званцев Александр был зачислен в училище.

Он порой скучал на уроках русского языка, зная литературу не по учебнику, а по множеству книг, которые прочел и помнил. Он писал грамотно, не ведая почему он так пишет, просто не имел права на службе ошибаться, не зная о подлежащих и сказуемых, склонениях и спряжениях. Ведь русский народ, еще недавно в массе своей неграмотный, создал то бездонное богатство русского языка, из которого черпали свои гениальные творения великие русские писатели во главе с самим Пушкиным.

Зато на математике Званцев отдыхал, познавая алгебру как естественный способ мышления, радуя и порой ставя в затруднительное положение завуча Глухих вопросами о Диофанте, Пьере Ферма, Декарте, Виете.

В училище, заботой Глухих, был организован отдых

учащихся, существовали кружки: и драматический, и спортивный, и шахматный.

В двух последних первенствовали братья Званцевы. Витя тоже попал в училище, правда, с меньшим блеском. В спортивном кружке он всех ребят превратил в борцов и готовил их к предстоящим соревнованиям в Новосибирске.

Шурик участвовал и в математической, и в шахматной олимпиадах, перед тем выиграв у самого Глухих.

Сокрушив противника на первой доске, Шурик при равном счете принес победу своей команде на шахматной олимпиаде. На математической же удивил судей, доказав теорему Пифагора более простым и наглядным способом, чем Пифагор.

— Откуда вы взяли это доказательство с помощью одною квадрата и четырех треугольников? — спросил победителя Глухих.

— Я читал, что Лев Николаевич Толстой восхищался этим доказательством, найденном в древнеиндийском сооружении. И я взял квадратную шахматную доску со стороной восемь клеток, вырезал из картона четыре треугольника с катетами шесть и две клетки, чтобы в сумме было восемь. Если их расположить по краям доски, так, чтобы большой катет примыкал к малому, то в середине шахматной доски останется квадрат со стороной, равной гипотенузе. Расположив треугольники у двух сторон доски попарно, соприкасающимися гипотенузами, получим два квадратика со сторонами, равными катетам. Поскольку площадь доски и треугольников все те же, сумма площадей двух квадратиков равна полученному в первый раз квадрату гипотенузы.

Глухих вывесил у себя в математическом кабинете рядом с портретами великих математиков две шахматные доски с приведенным доказательством.

Шурик учился с увлечением. Особенно привлекала его работа в железнодорожных мастерских. Он хотел не просто наблюдать, как дают вторую жизнь деталям или делают взамен новые, но жаждал научиться всему этому сам. И с плохо скрываемой радостью и гордостью вставал к тискам, сводил винтом губки и зажимал в них поковку, чтобы превратить ее в изделие.

Тяжелый слесарный молоток с крепкой рукояткой, плотно загнанной в тщательно выпиленное отверстие в металлическом бойке — его первое здесь задание. Он сам сделал деревянную ручку в деревообделочном цехе из найденного в отходах дубового обрубка. Начинав там со столяра и своей первой табуретки, теперь он любовался уже слесарной работой. На очереди — большой гаечный ключ.

Предстояло тщательно отделать поверхности захвата рельсовых гаек, тех самых, что послужили у Чехова грузилом неграмотному мужику.

Завуч, неторопливо обходил своих питомцев в шумных мастерских, где стучали, гремели и, заглушая все, ругались изощренно и беззлобно. Подойдя к Званцеву, Глухих взял молоток, доведенный до зеркального блеска, и сказал:

— Мало того, что он математик, шахматист и, говорят, пианист, он еще и художник!

Часть третья. К ЦЕЛИ

Умей все делать,
глядя в оба.
Твори сам,
выдумывай,
пробуй

Глава первая. ГРУДЬ НАРАСПАШКУ

Раз есть уверенность в победе,
Сам бог Успех к тебе приедет!

Иван Сергеевич Кольцов был учителем в той самой школе, старая учительница которой приютила семью Званцевых во время колчаковского отступления.

Со студенческих времен Кольцов проявил себя убежденным марксистом. Выступал на сходках с томом «Капитала» в руках, распространял ленинские листовки, протестовал против империалистической войны. При такой опасной направленности мысли был он маленького роста, с кругленьким личиком и добрыми голубыми глазами. Но, несмотря на кроткую внешность, припомнив его грехи на студенческих сходках, после окончания Казанского университета его отправили подальше в глубь Сибири, где он страстно убеждал маленьких недоверчивых сибиряков, что вся история человечества — поток кровавых войн и преступлений. Дети пересказывали диковинные его уроки своим родителям, и те только покачивали головами.

Свою революционность он не скрывал и в Сибири. Когда, к примеру, требовалось укрыть кого-нибудь из комиссаров былой советской власти или бежавших из плена красноармейцев, их направляли к учителю Кольцову, который охотно прятал их. После того как колчаковцев изгнали из Омска, там вспомнили о непримиримом сельском учителе, засланном в Сибирь, и назначили его на высокую комиссарскую должность заведующего Главпрофобром. Так он возглавил подготовку новых специалистов, очень нужных Советской стране.

На новом посту Кольцов намечал сделать Омск передовым университетским городом Сибири. Перед отпуском он принимал энтузиастов таких замыслов. Бывший инспектор Петропавловского реального училища Балычев с помощью уже существующей Сельскохозяйственной академии подготовил открытие в Омске медицинского института.

Знакомя заведующего Главпрофобра Кольцова с механико-строительным училищем, завуч Глухих предложил превратить его в техникум. Он с таким увлечением говорил о своем училище, его учениках, упомянув даже о Званцеве, что порадовал Кольцова. Это отвечало планам заведующего Главпрофобром. И училище стало Омским механико-сроительным техникумом.

К лету 1922 года Шурик Званцев, закончив два класса технического училища, оказался на третьем курсе техникума, где слушатели сравнивались с окончившими среднее учебное заведение. И теперь он рвался на летнюю практику.

Его двоюродные сестры Нина и Зоя Зенковы с помощью Владимира Васильевича готовились поступить в открывающийся медицинский институт.

Витя Званцев кое-как перебрался на третий курс, зато сумел сколотить крепкую спортивную команду и собирался ехать на всесибирские соревнования в Новосибирск. Поэтому от практики был освобожден.

Родители, бывшие сибирские богачи, могли в это трудное время дать Шурику на летние месяцы — до смешного мало денег, наволочку с перловой крупой и солдатский котелок, кашу варить. А Шурик был вполне доволен и с легкой душой получил направление на практику.

Заведующий Главпрофобром товарищ Кольцов решил взять себе летний месяц отпуска и в арбузное время прокатиться на пароходе по Иртышу. Согласно своим убеждениям, он взял каюту второго класса, а не первого, положенного ему по занимаемой должности, и взошел по сходням на пароход «Петроград».

Кольцов стоял на еще пахнущей краской палубе и, опершись о белоснежные перила, смотрел на переполненную народом пристань.

— Отдать швартовы! — прозвучала команда с капитанского мостика, куда с верхней палубы вел запретный трап.

— Есть отдать швартовы! — отозвались снизу, и толстые пеньковые канаты с большими петлями на концах, снятые с причальных тумб, повисли над водой, выбираемые лебедками на нижней палубе. Зашлепали по воде плицы пароходных колес. Пристань стала отодвигаться и вместе с береговыми строениями медленно поплыла назад.

Провожающие махали платочками, выкрикивали последние напутствия, словно их можно было расслышать в общем гуле голосов. К тому же все перекрыл оглушительный прощальный рев пароходного гудка. «Петроград» вышел из устья реки Омки, повернул налево и поплыл против течения по Иртышу к

Семипалатинску.

Капитан в щегольском белом кителе и в фуражке с золотым кантом скомандовал в медный раструб начищенной переговорной трубы, идущем к машинному отделению:

— Полный вперед!

Кольцов долго гулял по палубе, охваченный чувством отдохновения, знакомого людям, перешедшим из городского шума в успокоительную тишину речной глади. Мимо проплывали низкие берега, на степном горизонте они сливались с облаками, похожими на отроги далеких гор. Из пароходной трубы, скошенной по ходу движения, валил черный дым и редеющим шлейфом расстилался над рябью волн за кормой, на которых Витя с Шурой так любили покачаться на лодке, подплывая к проходящему пароходу поближе.

На носу пассажиры четвертого класса устраивали свой быт. В одном углу — крестьяне, в другом — цыгане, неизвестно как втащившие сюда по частям кибитку. Даже лошадей привели с собой.

Послышались робкие аккорды гитары. Заглушая ее, ответила гармонь, Кольцов поморщился и пошел по палубе к корме, намереваясь спуститься в кочегарку машинного отделения. Туда вел вертикальный, как пожарная лестница, железный трап. Спускаясь по нему, Кольцов шутливо подумал, что черти в ад попадают таким путем. Но не в ад он попал, а только в преисподнюю, где было нестерпимо жарко и душно.

В жерле открытой топки, дышащей жутким жаром, неистово плясало пламя. Молоденький кочегар брал из поленницы полусаженное полено и с размаху забрасывал в топку. Круглое, как у Кольцова, напряженное, все в копоти лицо кочегара было мокрым, спутанные, сползающие на лоб волосы, подсыхая перед огнедышащим жерлом, прилипали к потному лбу.

Под потолком висел огромный манометр, похожий на башенные часы, ко только с одной стрелкой, которая дрожала у цифры давления в котле. Она то угрожающе приближалась к красной черте допустимого давления, предупреждающей о возможном взрыве котла и гибели судна, то отскакивала по шкале на несколько делений в сторону.

Кольцову стало душно. Он расстегнул ворот рубашки и полез по чертовой лестнице из преисподней. На палубе он перешел в другой мир, мир ласковой тишины, и полным голосом в нем заговорил марксист. Он готов был тут же устроить митинг и провозгласить: «Одни в изнеможении работают, другие наслаждаются плодами их труда! Красные пришли к власти, а кочегары трудятся по-прежнему. Техника, где новая техника?

Нужны инженеры, чтобы создать машины и освободить людей от тяжкого труда».

Думая так, вдыхая свежий речной воздух, Кольцов наблюдал, как тонет солнце в степи. Потом пошел в свою каюту и там столкнулся с кочегаром, открывающим соседнюю дверь в такую же, как у него, каюту. Кочегар улыбнулся ему, видимо, узнав недавнего посетителя кочегарки. Кольцов не стал задерживать уставшего человека.

Утро выдалось бодрым, свежим. Солнечные лучи не проникали сквозь закрытые жалюзи в каюту, но прохладный воздух и запахи реки звали на палубу. И как трудно бывало Ивану Сергеевичу выбираться в городе спозаранку из-под теплого одеяла, так, словно подброшенный, вскочил он с койки и, подняв жалюзи, выглянул наружу.

По палубе проходил вчерашний знакомец с солдатским котелком в руке.

— Здорово! — окликнул он его.

— С добрым утром, — ответил тот и добавил: — Вот кашу себе на завтрак сварил.

— А разве экипаж не вместе питается? — спросил Кольцов.

— Я — практикант. Хорошо, каюту, как у вас, дали.

Кольцов накинул халат и вышел на палубу. Практикант, поставив шезлонг в укромное место под пожарным краном, с аппетитом уплетал деревянной ложкой свою кашу.

Иван Сергеевич пододвинул рядом другой шезлонг:

— Вы не против?

— Конечно, нет.

— Помолчали.

— Соли достаточно?

— Кончилась.

— Я схожу на кухню, достану вам.

— Я сам на камбузе кашу варил. Мне бы соли дали, но я решил перейти на бессолевую диету. Меньше в суставах отложится, здоровье сохранится.

— Правильный вы человек. И чем же вы укрепили здоровье и чем обогатились в кочегарке?

— Узнал, как солнечная энергия через теплоту превращается в движение. И с какими опасностями взрыва котлов это связано. Зазевался кочегар, не спустил во время пар, не предотвратил взрыв, и пароход взлетит на воздух.

— Значит, не капитан первое лицо на корабле, а кочегар?

— На мой взгляд, каждый, кто трудится, должен считать себя первым лицом, потому что без него общество не может обойтись: и матрос, моющий палубу, а вы с удовольствием гуляющий по

ней, и слесарь, сделавший ручку в каюте, или сапожник, сшивший вам удобную, красивую обувь. Словом, все, кто трудятся, а не тратят заработанные другими деньги, вправе считать себя первыми.

Услышав от практиканта мысли, звучавшие на сходках и приведшие его в Сибирь, Кольцов предложил после завтрака вместо прогуляться по палубе. Они встретились на баке, наблюдая, как нос парохода разрезает воду.

— Мы не знакомы, — сказал пассажир. — Я Кольцов, Иван Сергеевич, заведующий Главпрофобром, а вы?

— Учащийся третьего курса нового, Механико-строительного техникума Саша Званцев. Нахожусь на производственной практике.

— Званцев! Мне о вас, кстати, кажется, как о победителе математической олимпиады, говорил директор техникума товарищ Глухих — бывший завуч училища. К вдруг математик — сажей вымазанный кочегар.

— Собственно, я — масленщик. Больного кочегара заменял с большой пользой для себя.

— Почему с пользой?

— Видите ли, Иван Сергеевич, я решил пройти все технические профессии, которыми придется руководить по окончанию техникума.

— Вы и сегодня спуститесь в кочегарку?

— Нет, сегодня погонщиком к моему трижды слону становлюсь.

— Почему трижды елок?

— Паровая машина огромна, как слон, могуча, как слон, и послушна, как слон.

— Любопытно взглянуть. Да вход смертным, как в ад, запрещен.

— Я согласую с механиком и проведу вас туда, как Орфея, и покажу вам свое любимое чудище.

Перед обедом Званцев повел заведующего Главпрофобром в «святая святых» корабля — в его машинное отделение.

Пахло разогретыми смазочными маслами, слышались глубокие богатырские вздохи и ощущалось размеренное обратно-поступательное движение огромных частей машины.

Практикант-масленщик восторженно объяснял про поршень, вытесняемый паром, впущенным в цилиндр через золотники и расширяющимся там, про идущий от поршня шток с крейцкопфом на конце, про шатун, через который могучая сила тянет на себя или толкает колено коленчатого вала вперед.

— Он проходит по обе стороны судна, и на концах его

посажены гребные колеса с плицами. Простой и остроумный механизм связывает их вместе, держит всегда вертикально, чтобы грести под водой с наибольшей отдачей, — заканчивал масленщик, выжидающе глядя на гостя.

А у того голова пошла кругом от незнакомых терминов.

Он видел перед собой громоздкое творение ума и рук человека, отдающее ему свою сокрушающую силу, и торжествующего юношу, знающего его и управляющего им.

— Это «передача», с помощью которой чудище покорно слушает меня, — и Званцев показал на колесо, похожее на рулевое, только большое, в рост человека, и легкое, с множеством ручек. — Берясь за них поочередно, можно поворачивать колесо, воздействовать на золотники и управлять паровой машиной по команде с капитанского мостика.

Шурик не испытывал при этом торжества над стихийной силой, а был просто по-мальчишески влюблен в металлическую громаду и преклонялся перед ее создателями. В нем крепло желание создавать подобные машины, которые не только плавали бы по воде и под водой, но и бегали бы по земле, а то и взлетали бы в воздух.

В переговорной трубе послышался голос капитана:

— Тихий ход, причаливаем.

Стоявший у передачи масленщик дежурной смены по немой просьбе Званцева уступил ему «передачу» и тот, мигом перехватив рукоятки, поставил ее в нужное положение.

Машина, словно устав, задышала реже и замедлила движение.

— Стоп машина! — повелительно зазвучало из рупора.

— И снова Званцев стал любовно перебирать рукоятки. Замерла машина. Перестала вздыхать. Забылась, как лев, в чутком сне, положив шатун, как лапу, на колено коленчатого вала, готовая воспрянуть ото сна и вновь завертеть приводной вал с наружными колесами, зашлепать плицами.

— Задний ход, самый малый.

Так и есть! Не спало чудище и уже лениво крутит лапой вал в обратную сторону.

— Стоп! Вперед подать чуток.

— Прилаживается. Сейчас чалки забросят.

— Стоп машина! Прикол. Стравить пар. Чертям отдых.

— Сходни спускают. Пойдемте, Иван Сергеевич, арбузы здесь отменные. Обедать пора.

Пароход причалил к небольшому дебаркадеру, за которым на зеленом берегу виднелись красочные пирамиды спелых арбузов с зазывной ярко-красной звездой разрезанною пополам на самой

верхушке.

Кольцов вместе со Званцевым сошли по сходням на берег и были оглушены криками продавцов.

— До мене, ласковы, до мене! Побачимо, ласковы. Нехай дни ваши красны будут, як тот кавун, что сам пополам распался! Для парубка и дивчиночки. Берите, век Оксану помнить будете.

— Кто до бахчей охоч да солнце жаркое любит, зажмурься. Второе солнышко на колене моем вспыхнет.

— Пошто сумлеваешься? Рывком поднимается арбуз. Попробуй взять, взлететь хотит. Почитай спелый.

— Глянь, для тебя взрезал. Сок фонтаном бьет, красный да сладкий. Вина заморского краше!

Пассажиры бойко раскупали земные солнышки и арбузные пирамиды словно в землю вросли, одни верхушки остались.

Кольцов и практикант купили очень дешево по великолепному арбузу. Для Званцева это заменяло обед. И так будет до самого Семипалатинска и обратно.

Но на пути к Тобольску, говорят, голоднее. Наволочка с перловой крупой опустела.

В Омске все неожиданно изменилось, и вниз по Иртышу практикант не поехал, а внезапно сошел на берег и отправился домой.

Он тепло распрощался с Кольцовым. Иван Сергеевич стоял на палубе и, облокотившись на перила, задумчиво смотрел ему вслед.

Глава вторая. ТАЧКА

В пути сто сломанных мостов
Вброд, вплавь пройти их будь готов.

Поезд с вагонами «Омск — Томск» подошел к перрону станции Томск — I. Общий вагон без спальных мест, прежде он назывался третьим или четвертым классом. Из тамбура первым спрыгнул коренастый молодой человек с чемоданом в руке. Несмотря на холодный ветер и ранний октябрьский снег, грудь у него была нарочито нараспашку.

Он энергично зашагал к камере хранения. На привокзальной площади приехавшие пассажиры торговались с извозчиками. Высокий седоусый мужчина с робкой дамой громогласно стыдил бородатого мужичка на козлах:

— Что ж ты, бороденка, сам с ноготок, а цену, как лихач какой у ресторана с купчишек пьяных, заламываешь.

— Вы, гражданин, видно, цену рублю не знаете.

— Это я-то цену не знаю! Да я студентом еще в университете первым математиком был.

— Вот и подсчитайте, математик хороший, как мне семью да лошаденку прокормить. Она сама на себя и зарабатывает, — пояснял извозчик.

— Значит, мне с ней и договариваться. Издавна известно, что лошади хорошо считают и копытами цифры отбивают. Эй, Сивка-каурка, за сколько до Черепичной довезешь?

— Так бы и говорили, что до Черепичной. Я бы и без Каурки смекнул бы. Близко, к тому же и служба, и жилье мое при Технологическом институте.

— Что? Служба там высокая, будь хоть дворником? Что выметать приходится? — снисходительно расспрашивал пассажир, укладывая багаж.

— Производные, — странно ответил мужичок.

— Производство? — не понял седоусый. — На огороде или в мастерских, что ли?

— Анализ бесконечно малых, дифференциальное и интегральное исчисление студентам в головы заметаю.

— Да разве извозчичье это дело?

— Ныне извозчик по доходам Крез но сравнению с профессором, — печально изрек странный извозчик.

Приехавший парень с грудью нараспашку подошел, когда пролетка с бородатым мужичком на козлах уже отъехала, и возглас парня напрасно повис в воздухе:

— Профессор! Василий Иванович!»

Шумилов, погоняя лошадь, ничего не услышал. Однако эта встреча в другом городе известного ему человека воодушевила Сашу Званцева. Но не представлял он себе, как сильно отличается от Шурика Званцева, которого полуслепым ребенком помнили в Томске.

Первая неприятность встретила его в знакомом подъезде с важным швейцаром в фуражке с золотым кантом:

— Иди, иди, паря! Много тут шантрапы всякой шляется, — и, не признав его, старик захлопнул перед ним дверь.

— Да что вы, Митрич! Три года назад мы с мамой у адвоката Петрова жили. Магдалина Казимировна через вас гостинцы вашим внукам передавала.

— А не врешь? Кто тебе про Миндаль Азьмировну брехал? Видная собой дама, ничего не скажешь. И ребеночек слепенький при ней.

— Дядя Митрич! Так это я и есть!

— Да ну! Эка вымахал! А пошто таким шарамыжником

вырядился? И грудь, как у варнака, нараспашку.

— А это для здоровья, дядя Митрич. Ангиной часто болел. Закаляться решил.

— Про здоровье профессорам говорить, куда завернут. Да уж леченье твое больно неприглядно. Варнак и варнак!

— Я ж прямо с производства, из машинного отделения парохода «Петроград». Торопился. Направление у меня в Технологический институт. Опоздать боялся. Что получше из одежды на вокзале оставил.

— Сопрут. Непременно сопрут. Народ хваткий пошел.

— Потом схожу за чемоданом, как Петровых повидаю.

— Да ладно уж, иди. Ноги получше вытри. По ковру подниматься будешь. Ежели кто приметит, что с бродягой лясы точу, место видное потерять могу.

Саша Званцев старательно вытер ноги и помчался по лестнице, шагая, как всегда, через две ступеньки. Меньший шаг для себя он не допускал, как и идущего впереди человека, которого непременно обгонял.

Дверь открыла знакомая горничная и, осмотрев внимательно парня, холодно сказала:

— Господа не принимают. Позвоните хозяину по телефону, — и попыталась закрыть дверь, но Саша сердито перехватил ручку:

— Скажи хозяевам, если сама не узнала, что Магдалины Казимировны сын, который у вас три года назад гостил, приехал в Технологическом институте учиться. Письмо привез.

Горничная сходила за адвокатом Петровым:

— Извините, молодой человек, но вы неузнаваемо изменились. Нюра утверждает, что это не вы. Надеюсь, вы не будете в претензии, если я попрошу показать мне документ, удостоверяющий вашу личность. Нынче такие времена, а я, с вашего позволения, юрист.

— У меня только направление Главпрофобра, чтобы меня приняли в студенты, — и юноша протянул адвокату бумагу, которую Кольцов на пароходе написал от руки, использовав имевшийся у него бланк.

Адвокат покачал головой:

— Без круглой печати, не на машинке… Минуту попрошу побыть с горничной в передней.

Юноша переминался с ноги на ногу. Девушка исподлобья недружелюбно смотрела на него.

Адвокат, закрыв за собой дверь, тихо говорил жене:

— Пришел подозрительного вида парень и выдает себя за младшего Званцева. Выпроводить его неловко перед Магдалиной Казимировной, с другой стороны, в наше время все возможно.

Если б ты, расспросив о Магдалине Казимировне, запутала его, вывела бы на чистую воду проходимца. Не разделался ли он с бедным Шуриком?

— Я согласна, если ты будешь рядом… с оружием.

Наконец, Сашу пригласили в гостиную и, ловко скрывая свои подозрения, старались разоблачить его. Но Саша уже не был прежним наивным ребенком и скоро понял, что во второй раз в этом доме должен определить свою судьбу:

— Вы разрешите мне сыграть вам на рояле Шопена, как в прошлый раз?

Супруги Петровы укоризненно переглянулись. Как им самим не пришла в голову эта мысль?

И в гостиной снова прозвучал Седьмой вальс Шопена, который в свое время так растрогал Петрова. Он и сейчас вскочил, чтобы признаться в рассеянных подозрениях, ибо так играть мог только сын музыкантши Магдалины Казимировны, но осторожно опустился в кресло, прослушав несколько прелюдий и этюдов, кончая, Третьим, вдохновившим певцов спеть его.

Музыканта благодарили, обнимали. Затем стали обсуждать как с ним быть, как ему помочь?

— Дорогой мой, — говорил адвокат, — с квартирой мы вас устроим, поселим у пассии скончавшегося золотопромышленника Хворова. У Феофании Дмитриевны Кайманаковой. Он ей двухэтажный дом подарил. И усыновил общего их сына.

Сам Петров и отвел Сашу Званцева на его новое пристанище. Их встретила простоватая женщина в платочке и цветастой юбке. Приняла жильца радушно и взялась за квартирную плату и кормить его, но жить он будет в одной комнате с ее сынишкой, которому поможет по арифметике и русскому языку.

— Вернетесь из института, я вам тачку дам, чемодан с вокзала привезти.

— Но в институте, дорогой, я вам не помощник. Экзамены давно прошли, прием закончен. Могу только пожелать вам успеха. Передайте привет профессору Шумилову.

— Рабфаковцев принимают без экзамена, направленные с производства пользуются преимуществом. В письме завглавпрофобра на это особо указано. Я добьюсь.

Петров только пожал плечами.

Теперь снова все зависело только от самого Саши Званцева.

В кабинете ректора Технологического института сидели два профессора: с иголочки одетый, с нафабренными усами физик Вейнберг и знакомый Званцеву бородатый и, как раньше, элегантный Шумилов, математик.

Ректор в старомодном мундире инженера с золотыми

пуговицами и скрещенными молоточками в петлицах, худой и строгий, говорил стоящему перед ними Званцеву:

— Я пригласил членов приемной комиссии, чтобы разъяснить коллеге, то есть товарищу Званцеву, что просьба его о зачислении в студенты не может быть удовлетворена.

— Это не моя просьба, а указания Главпрофобра.

— Вам, молодой человек, вероятно, неизвестны традиции высших учебных заведений России. Мы живем по собственным уставам.

— К сожалению, все традиции и уставы царского времени отменены новой властью, — заметил Вейнберг.

— Я не получал таких формальных указаний, — ответил ректор.

— А разве направление, которое я вам вручил, не является таковым? — смело спросил Званцев.

— Ну, это скорее, просьба об исключении из наших правил и традиций.

— Просьба или указание приравнять направленного с производства к рабфаковцам, освобожденным от вступительных экзаменов, и допустить его к уже начавшимся занятиям, — напирал распахнутой грудью Званцев.

— Да… — смутился ректор, — до сих пор мы хранили наши правила и не допускали исключений.

— Но советская власть повсюду отменила эти буржуазные привилегии. Они теперь у пролетариата, — неумолимо гнул свою линию Званцев. — Вам выгоднее допустить исключение, чем вступить в конфликт с Главпрофобром.

— Я позволю себе напомнить, — вмешался профессор Вейнберг. — Одно исключение мы все же сделали. Приняли моего сына, которому не восемнадцать требуемых лет, а только шестнадцать.

Званцев похолодел. Ему-то ведь тоже шестнадцать.

— Ну, Борис Петрович, — откинулся на спинку кресла ректор. — От вас этого никак не ожидал. Ведь сын ваш в течение минуты в уме возводит в квадрат двузначное число.

— А извлекать корень труднее? — наивно спросил Саша.

— Разумеется, — рассмеялся Шумилов.

— Тогда дайте мне любое шестизначное или пятизначное число, и я извлеку из него кубический корень в уме. Правда, не за одну минуту.

— Сколько же времени вы заставите ждать занятых людей? — едва сдерживая раздражение, произнес ректор.

— В сто раз меньше, чем понадобилось для квадрата

молодому Вейнбергу.

— А он шутник! — развеселился Шумилов. — Проверим для смеха, — и он вынул карманный математический справочник.

Трижды, глядя в таблицы, назвал профессор два шестизначных и одно пятизначное число.

Он получал верный ответ, едва успевал произнести свои громоздкие цифры.

— Поразительно! — не удержался Шумилов.

— Мой отец, Петр Исаевич, переводчик западной классики, — заметил Вейнберг, — сказал бы словами Шекспира: «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам».

— А я добавлю, — вставил ректор, — что учился вместе с одним татарином Садыком Чанышевым, выучившим наизусть весь Коран, не зная арабского языка. Человеческий мозг подвержен удивительным патологиям.

— Как бы то ни было, — решительно заявил Шумилов, — я беру его, если не в ученики, то в учителя!

— Не торопитесь, Василий Иванович. Первый курс студентами укомплектован еще месяц назад. У нас не паноптикум. Вы можете показывать новый феномен вместе с теленком о двух головах и русалкой в аквариуме. Мы набираем студентов по уровню их знаний, а не по патологическим особенностям.

— Простите за вмешательство, — подал голос профессор Вейнберг. — Мне кажется, есть способ сделать удивительного вычислителя коллегой студентов, хоть он не будет зачислен в их число.

— Да ради Бога! Пусть встречается с ними, удивляет их, пиво вместе пьет, песни студенческие поет, но не в наших аудиториях.

— Именно в наших аудиториях, на правах вольнослушателя. Многие университеты и у нас, и за границей имеют вольнослушателей. Лекции они слушают, зачетов не сдают, дипломов не получают. Студенческую форму носят, семьи заводят и становятся вечными студентами.

— Я не из таких.

— Вы за знаниями приехали или за дипломом?

— Мне знаний не хватает, товарищ ректор. Ректор поморщился и сказал:

— Но инженером вам не стать. Очень высокое звание.

— Как знать, — загадочно ответил Саша Званцев.

Распрощавшись с преподавателями, он тем же быстрым шагом покинул институт, став в одночасье его вольнослушателем.

Теперь предстояло доставить чемодан с вокзала. Феофания

Дмириевна, разобрав в сарае старую рухлядь, достала старенькую тачку. Чугунное колесо с запрессованной в него осью с цапфами, казалось, было на месте и готово в путь, но кусок обода между двумя спицами был отломан, а самое главное, обе втулки для оси колеса потерялись и, видимо, давно. Отверстия в дереве от втулок были слишком велики для тонких цапф. Болтаясь там, они превратили дыры в овалы, укатав их поверхность. И ось легко выскакивала оттуда.

Поначалу тачка даже обрадовалась, что о ней вспомнили, и легко покатилась по деревянному тротуару, приседая и подскакивая при каждом обороте колеса в выбоине обода, но когда тротуар кончился, дело пошло хуже. Попав сломанной частью обода на землю, вместо пританцовывания, она стала часто застревать.

Званцев не испытывал, а формировал свой характер. Добравшись до Томска — I порожняком, он считал, что совсем выдохся. Но усилием воли заставил себя взять и погрузить чемодан на норовистое подвижное средство. Вот теперь-то и началось для Шурика настоящее испытание на прочность. Колесо под нагрузкой виляло, как гаремная танцовщица, а ось его выскакивала из разбитого отверстия. Ему, бедному, приходилось то и дело снимать чемодан, перевертывать тачку, водружать на место ось и толкать эту хромую «помесь осла с динозавром» на очередные двадцать шагов до новой неизбежной поломки. И тогда вместе с предельной усталостью и готовностью все бросить пришло к Саше Званцеву второе дыхание и первые в его жизни стихи:

С жизнью в бои вступай смелее,
Не отступай ты никогда,
Будь отчаянья сильнее —
И победишь ты, верь, всегда!

Одолев себя и тачку, вольнослушатель Званцев стал другим человеком.

Глава третья. КВАДРИГА

Один ум — хорошо, два — лучше,
А четыре — редкий случаи.

Таня Давидович была одной из самых независимых фигур на первом курсе механического факультета. Увидев новичка, она, как старшая (и намного), сразу же взяла его под опеку:

— Ты Званцев? Книг и учебников в библиотеке нет. Лекции надо записывать. Я взяла в свою студенческую артель девочку Нину из Омска. Вон она стоит, толстенькая. Будем вместе готовиться. К нам еще просится почтенный Дубакин, солидный, важный, вроде даже умен. Мы его Юрочкой прозвали, чтобы не зазнавался. Ты конспектировать умеешь?

— Не знаю. Курсы стенографии окончил. Может, пригодится.

— Стенография! Это ж здорово! Будем по твоим расшифровкам свои конспекты сверять. Ну, и тебе поможем. Присоединяйся к нам. Квадрига будет. Знаешь, что это такое?

— Упряжка четырех коней в колеснице.

— Ты что закончил?

— Ничего. Два курса техникума в Омске. И с производства — сюда.

— Слабоват ты, брат, вроде рабфаковца. Но ничего, с нами потянешь. А я гимназию закончила. Еще при Колчаке. С золотой медалью. При советской власти трутовой стаж набирала в садоводстве, на заимке у отца, «сибирского Мичурина», а то мне, дворянке, никуда не сунуться. Отец мой — потомственный дворянин, депутат Сибирской думы. Мама — в Смольном училась. А ты?

— А я еще не студент — вольнослушатель.

— Вот и стенографируй все. А мы тебя вытащим экстерном прямо на инженера. Приходи на лекцию Шумилова. Народу будет тьма. Мы тебе место займем. Стенографисту положено. А вечером милости просим к нам. Мы песни поем, фасоль варим.

Саша всмотрелся в Таню. Заметил, что она самоутверждалась во всем: и короткой стрижкой под курсисток прошлого века, и надменно вздернутым носиком, и грубой солдатской шинелью, словно заменявшей ей гусарский ментик с эполетами.

— Ее прозвали солдатом, — рассказал про нее Саше вертлявый парень с усиками. — Когда в роще над Томью какой-то негодяй захотел проверить, какого солдат батальона — мужского или женского, то получил такой ловкий удар в причинное место, что долго отлеживался в кустах. Так что ты смотри, не зарывайся.

Предупреждать Званцева не требовалось. Он вообще не собирался зарываться, уподобясь крыловской лягушке, пытавшейся раздуться до толщины быка. Для него главное — получить знания, перейти в студенты, а не казаться выше других и давать повод отлеживаться над Томью в кустах за собачью похоть.

Аудитория № 1 — самая большая в институте, где читались лекции общего курса всех факультетов, и механикам, и горнякам, и строителям. Здесь проходили студенческие сходки. Вот и сейчас

в нее, переполненную до отказа, ломились желающие послушать прославленную лекцию профессора Шумилова. Сегодня он начинал читать «Исчисление бесконечно малых». Пришли не только первокурсники, но и со старших курсов, даже из университета и других учебных заведений нагорной части города.

Молодые люди толпились в дверях, заняли все проходы между столами-партами. Расположенные амфитеатром, они поднимались к самому потолку.

Запоздавшему Саше Званцеву пришлось пробираться в верх зала чуть ли не по буйным головушкам студентов, сидящих на ступеньках. И он, приложив сноровку, добрался все-таки до своих новых друзей.

Беседа с профессорами, где он так крепко и дерзко держат себя, и борьба с тачкой, как бы воздавшей ему по заслугам, не прошли для него бесследно. Он был полон решимости — учиться и еще раз учиться, не отступая, но и не выпячиваясь.

Широкой улыбкой поблагодарил он ребят за занятое ему место.

У доски, простиравшейся почти от стены до стены, появился невысокий элегантно одетый, с подстриженной бородкой профессор Шумилов. Сегодня он удивил всех. Не написав ни одной формулы на длинной доске, он предупредил аудиторию, что прежде познакомит студентов с великими умами, которым они обязаны высшими знаниями:

— Морской пролив разделял Британские острова и Европейский континент. В одно и то же время в XVII веке по обе его стороны жили два корифея, сделавших фундаментальные открытия в области математики, физики, философии и других наук. Обстановка того времени не способствовала их общению. Письма, которыми они обменивались, достигали большого изящества и порой драматизма. Я передам содержание только двух из них:

«Его высокопревосходительству Президенту Лондонского королевского общества лорду Исааку Ньютону с изъявлением совершенного почтения.

> Достопочтенный сэр! Нет в науке, которой мы оба так преданы, достаточно точных определений, чтобы полностью оценить достоинство, глубину и значение ваших последних работ, с которыми я имел честь ознакомиться.
>
> Особое удовлетворение доставило мне широкое использование вами моего математического метода дифференцирования и интегрирования, без чего нельзя

обосновать ваши великие открытия, и вы правильно сделали, воспользовавшись моим новшеством во славу вашего древнего рода с устрашающим гербом — белым человеческим черепом и скрещенными костями на фоне черного щита.

Надеюсь не разделить участь этого символа, и пребываю в совершеннейшем к вам почтении,

преданный вам Лейбниц».

Шумилов только пересказывал письмо ученого, но искусством оратора создавал впечатление, будто слушатели сами держат письмо в руках, читают его на том языке, на каком оно написано, и даже видят перед собой его автора в завитом, модном по тем временам седом парике.

— Теперь второе письмо. Письмо человека, которому мы обязаны не только «биномом Ньютона» и открытым им законом природы, давшим нам понимание, почему и как любой предмет, начиная с яблока и кончая всадником, свалившимся с лошади, падают на землю — законом всемирного тяготения, но и множеством других открытий. Письмо его начинается так:

«Достопочтенный профессор Лейбниц, гордость европейской науки!

Я счастлив был узнать, что открытый мной метод дифференциального исчисления помог вам обосновать такие ценные открытия, как природа света, в равной степени и корпускулярная и волновая, и охотно извиняю ваше заблуждение считать мой метод дифференцирования и интегрирования своим, наряду с другими вашими фундаментальными открытиями, которые послужат на пользу человечеству.

Ваш интерес к геральдике, к которой я отношусь пренебрежительно, как и к моему ископаемому гербу, говорит об уважительном вашем отношении к фантазии моих находчивых предков, породивших грозный герб, чтобы самим спокойно заниматься науками или богословием.

Кстати, у меня побывал русский царь Петр. Этот великан заинтересованный не столько моим гербом, сколько моими работами по баллистике, предложил мне служить при нем. Поняв, что его величество привлечен не столько законом полета тела в разных средах, а прицельной стрельбой ядрами из пушек с кораблей, служить ему я отказался.

Но, поскольку царь крайне симпатичен мне, и нужные ему исчисления траектории полета связаны с ускорением в стволе — второй производной от его длины по времени, что не раз заимствовалось вами из моих работ, возможно, предложение царя привлечет вас украсить вновь научными лаврами вашу бесценную голову.

Пребываю с верой в ваш исполинский талант ученого, и с предельным уважением,

Исаак Ньютон».

Шумилов, казалось, закончил, аудитория зашумела, но профессор поднял руку, требуя внимания:

— Я постарался показать вам драматическую битву двух титанов Но за сто лет до них в буйной Франции, во времена кардиналов Ришелье и Мазарини не издавались научные журналы. Только в письмах ученые сообщали друг другу о своих работах, находках и открытиях. Поэтому мало кто знал, что видный юрист Пьер Ферма, он же поэт, с одинаковой легкостью слагавший прелестные стихи и сонеты на французском, итальянском и испанском языках, был Великим математиком Франции. Есть его письмо о законах движения, где скорость — первая производная от пути по времени, а изменение скорости или ускорение — вторая такая производная. В судебных архивах Тулона хранится дело о земельной тяжбе крестьян с местным графом. Выиграл ее для земледельцев адвокат Пьер Ферма, как математик, вычислив площадь спорных угодий неизвестным прежде интегрированием.

Ферма загадочно погиб в служебной командировке по судебным делам. Следствие о гибели его не велось и не исключено, что причиной смерти Великого математика был не кинжал, а интеграл.

Так закладывались основы «Исчисления бесконечно малых», — с некоторой торжественностью в голосе произнес профессор Шумилов. — Мы же ради бесконечно больших дел, приступим к изучению их со следующей лекции, а пока я даю вам задание решить три задачи известными вам математическими способами, чтобы вы, как будущие инженеры, уже после первых лекций оценили преимущества высшей математики. И он четким почерком спокойного волевого человека написал во всю длину доски три замысловатые задачи, при виде которых у Саши Званцева глаза загорелись.

На первой же расшифровке своей стенограммы прослушанных лекций Саша Званцев потерпел полное крушение.

Стенографируя, он ничего не понимал! При конспектировании же отбирается и записывается самая суть лекции, дошедшая до тебя. Расшифровка занимает много времени. Пишущей машинки не было, приходилось писать торопливо и неразборчиво, хоть расшифровывай теперь свой почерк. Признаться в несостоятельности стенографии для их учебы новым товарищам было труднее всего.

Для первого своего занятия по конспектам собрались в маленькой комнатке, которую девушки снимали неподалеку от института. В общежитие можно было попасть только с пролетарским происхождением и с ходатайством комсомольской организации, а никто из «квадриги», кроме Юрочки Дубакина, и помышлять об этом не мог. Хорошо, хоть в институт попали дети «интеллигентной прослойки». Таня куда-то вышла. Сашу встретила ее старшая сестра Катя, приехавшая жить с ней. Надо было ей где-то работать, чтобы сестра училась. У родителей для этого средств не было. Катя поступила работать в областную газету «Красное знамя» корректором. Она и пришедшая уже Нина обрадовались ему. Нина воскликнула:

— Никогда не видела стенограммы. Покажи, как она выглядит.

— Ты Анастасьева? — отвел ее просьбу Саша.

Полненькая миловидная девушка кивнула:

— А что?

— Омским губздравом, где я работал, заведовал доктор Анасгасьев.

— Так это ж мои дядя! — обрадовалась Нина. — Ты его знал?

— Что ты! Он парил для меня недосягаемо высоко.

— А ты что в подвале кочегаром там работал?

— Нет. Кочегаром я был на пароходе «Петроград», потом уже масленщиком. А в губздраве пришлось работать машинистом.

— Ну и заврался ты, паря. Дядя никогда не говорил, что в губздраве есть железная дорога с паровозом.

— Да не на паровозе машинистом, а на пишущей машинке.

Нина залилась заразительным смехом:

— Не машинистом, а машинисткой. Тебе сколько лет было?

— Тринадцать.

— Так тебя по телефону за девушку принимали небось, свидания назначали?..

Пришел ДубакинЮ а вслед за ним Таня с сумкой, купила кое-что. Надо же было отметить начато общих занятий. Сели тесно вокруг стола, выложили свои конспекты. Расшифровка лекции Шумилова показалась длинной и лишенной яркости шумиловской речи.

— А знаете, какой слово творческий ряд имеет имя Александр? — спросила бойкая Катя. — Александр — Алексаша — Саша — Сашура — Шура — Шурик. Как тебя дома ласково называли?

— Шурик, — смущенно ответил стенографист.

— Будешь у нас зваться, как и дома! — предложила Катя, заключив этим дружбу с Шуриком на многие десятилетия.

— Ура! — воскликнула Нина. — Отныне мы — Таня, Нина, Юрочка, Шурик — лихая квадрига.

Катя хозяйственно убрала все со стола, и ребята разложили конспекты. По очереди несколько раз читали записанное, повторяя услышанное ими на лекции.

Шурик, словно впервые, слушал конспекты им стенографированного. Ребята читали один из конспектов лекций. Он, как оказалось, не всегда полно и верно отражал услышанное. Тут же брали другой. И он, к удивлению всех, дополнял первый, устранял неясности. А когда и это не помогало, просили Шурика показать нужное место стенограммы, непонятое другими. И он часто разъяснял спорное место.

— А он соображает, хоть и без среднего образования, — отметила Таня.

«Хоть какая-то есть от меня польза», — подумал Саша, ловя себя на том, что туман рассеялся, и ему давно ясно, что так дело не пойдет. И Саша сознался в своих сомнениях в пользе стенографирования лекций.

— Он прав, — сказал Дубакин. — Стенографирование отвлекает внимание от сути того, что пишешь. Даже машинистки часто не воспринимают того, что напечатали.

Таня с упреком сказала:

— Что ж ты раньше-то не сказал. Зря рисовал свои закорючки. Я думала, что нашла уникум, а ты…

Саша сразу потускнел. Горько стало на душе.

— Не Саша ты, а только еще Шурик, — добавила с раздражением Таня. — Ладно, давайте кончать. Пора песни петь.

Конспекты исчезли со стола. Катя принесла миску отваренной фасоли. Ее выращивали на заимке отца-садовода. — Пусть не про нас поют:

Щи из рыбьей головизны
Ешь с опасностью для жизни
И в таблетках аспирин
С чаем пьешь за сахарин.

Пропела и под общий смех выдала всем ложки.

Студенты отдали должное ее достижениям.

Таня поставила на стол две бутылки дешевого ситро.

— Шампанское марки «Воображение», — объявила Таня и с улыбкой добавила. — Пробки в потолок будем сами подбрасывать!

— А теперь споем старые студенческие, — предложила Катя.

Сестры прекрасно пели в два голоса студенческие и старые народные песни. Оказалась и гитара. Катя сняла ее со стены. Сестры запели в два голоса. Остальные стали подпевать:

Крамбам були отцов наследство —
Питье любимое у нас.
В нем утешительное средство,
Когда взгрустнется нам подчас.
За то монахи в рай пошли,
Что пили все крамбам були.
Крамбам бим-бом були Крамбам були!
Когда мне изменяет дева,
Не долго я о том грущу.
В порыве яростного гнева
Я пробку в потолок пушу!

Таня и Катя ловко откупорили бутылки, ситро зашипело, а пробки, брошенные девушками на последних спетых словах, ударились о потолок, упали на стол и весело запрыгали на нем.

Продолжая петь, Таня и Катя разливали фруктовую воду по граненым стаканам.

По примеру запевал все подняли стаканы в вытянутых руках.

— Ура! — воскликнула Нина. — Учебная квадрига первого курса механического факультета Томского технологического института существует. Имеет свой гимн «Крамбам-були» и приносит клятву на опустошенных бутылках стать инженерами. Vivat professores!

Спели еще одну студенческую песню давних лет «Из страны, страны далекой»:

Из страны, страны далекой,
С Волги-матушки широкой
Ради славного труда,
Ради вольности высокой
Собралися мы сюда.

Ради вольности высокой
Собралися мы сюда.

Вспомним горы, вспомним долы,
Пашни нивы, паши села
И в краю, краю чужом
Мы созвали пир веселый
И за родину мы пьем

Мы созвали пир веселый
И за родину мы пьем.

Пьем с надеждою чудесной
Из бокалов полновесных
Первый тост за наш народ,
За святой девиз — «вперед»!
Первый тост за наш народ,

За святой девиз — «вперед»!
Вперед!.. Вперед!.. Вперед!.. Вперед!

— Вперед — в цеха заводов, от Урала до Тихого океана, — продолжил Званцев.

— Я думаю, что и Европейская часть нашей страны, и Закавказье не будут заказаны нашим выпускникам, как и неоглядные заволжские степи с их неведомыми богатствами недр, — солидно произнес Дубакин.

Не сговариваясь, Таня и Катя запели:

Далеко, далеко
Степь за Волгу ушла,
А в степи широко
Буйна воля жила.
И бежал народ к ней
От лихих воевод.
От продажных судей
И неправых судов.

И народная песня времен не разбойника Стеньки Разина, а вождя беглого угнетенного народа Степана Разина (русского Спартака), из захваченной Астрахани грозившего царям Московским. И разливаясь весенней волной, звонким призывным напевом звучала над неоглядной далью…

— А я думаю, — мечтательно сказала Таня, откладывая в сторону гитару, — что наш институт будет гордиться своими

выпускниками. Найдется через много-много лет энтузиаст, который по всей необъятной стране нашей будет отыскивать творческие следы томских инженеров, как ищут историки героев военных подвигов.

Глава четвертая. ДОКАЗАТЬ!

Не отступай ты никогда
И победишь ты, верь, всегда.

На зимние каникулы студенты разъезжались по родным городам. Государство заботилось о них и предоставляло семьдесят пять процентов скидки, разумеется, в неплацкартных, а в общих вагонах.

У Кати в газете каникул не было, и Таня одна ехала в свой Барнаул. Там поблизости была заимка ее отца, Николая Ивановича Давидовича, взявшегося вывести в Сибири морозостойкие плодовые деревья. Он добился немалых успехов, гордясь своими сибирскими яблоками и грушами. Званцев познакомится с ним, но это будет позже. Пока же он ехал в Омск, вместе с Таней. В Новосибирске она сойдет, чтобы по железнодорожной ветке добраться до Барнаула.

Пользуясь попустительством проводницы, открыв дверь тамбура, они, спустив ноги на подножку, сидели на полу, тесно прижавшись плечами друг к другу. Мороз ослаб градусов до двадцати ниже нуля, попутный ветер почти не ощущался и только бодрил, вселяя беспричинную радость в сердца молодых людей.

— Нет, Шурик, не спорь. Пусть братья Черепановы сделали первый паровоз у нас в Барнауле раньше Уатта, хоть и были из простонародья. Это, как и Ломоносов, исключение из правил. Все русские ученые, композиторы, литераторы, да и вся почти интеллигенция — дворяне.

— Им доступнее было получить образование.

— Не все дворяне были богаты. Студенты перебивались уроками. Ты думаешь, что это купеческая кровь помогает тебе, «пролетарскому вольнослушателю», не отстать от нас, настоящих студентов? Благодари своего дедушку, гусарского полковника, каким мог быть только потомственный дворянин, шляхтич древнего рода.

— Ты думаешь, мои русские купеческие деды глупее польских шляхтичей? Посмотри, как Чехов в «Вишневом саде» показал беспомощную тупость изживших себя дворян по сравнению с дерзкой сметливостью купца, завладевшего вишневым садом.

— Чехов, Чехонте! И Островский! Кто лучше него показал безнравственные пружины купеческого обогащения? Никакого благородства, понятия о чести, долге!

— А купеческое слово? Они сотни тысяч друг другу давали без векселей и расписок.

— Ну, голубки мои, намурлыкались на морозе? — послышался голос проводницы — Станция сейчас. Мне пассажиров встречать. Марш в вагон, отогреваться. А я вам, как тронемся, чайку принесу. Со студентов денег не беру. Поди, не разбойники с большой дороги.

— Вот тебе не купчиха и не дворянка, — сказал Тане Шурик, уходя из тамбура.

Таня сошла в Новосибирске, бодро зашагав по перрону. Ее солдатская шинель привлекала внимание толпящихся на вокзале людей.

И надо же было случиться такому совпадению! С каникул Шурик ехал в том же вагоне «Омск — Томск» с той же проводницей.

Он стоял с ней рядом в тамбуре, когда замелькали люди на перроне «Томск — I».

— Глянь-ка, паря! Должно быть, дело-то у вас всерьез закручивается. Вон она, голубка твоя, в шинелишке солдатской. Встречает тебя. Должно, невтерпеж.

Званцев ахнул от изумления. Таня! Да не одна, а вместе с Катей.

Он соскочил с подножки на ходу и оказался прямо перед девушками.

— А я гостинцы вам привез, — смущенно сказал он вместо приветствия. — Мешок пельменей. Сам делал. У меня мама по хозяйству совсем ничего, а у папы пальцев нет. Ребята помогали.

— В пути, где держал? — хозяйственно спросила Катя.

— В тамбуре.

— Боюсь, придется тебе смерзшийся конгломерат топором разрубать.

— Может быть, все-таки поздороваемся, — тихо сказала Таня.

— Ах, да! Здравствуй, Таня! Здравствуй, Катя! Как быстро каникулы пролетели, не правда ли? А вы почему здесь? Что-нибудь случилось?

— Случилось… — разом ответили обе.

Званцев не на шутку забеспокоился:

— С Ниной или Юрочкой?

— С ними все в порядке, — заверила Таня. — Они уже приехали. Побывали в институте и ждут у нас.

— Ничего не понимаю. Кого ждут?

— Тебя. Вот мы и решили тебя встретить и к себе при вести.

— У Феофании Дмитриевны тиф, или дом сгорел?

— Нет. Студенты возвращаются, и она уже сварила тебе суп. Поджаренным луком заправила, как ты любишь.

— «Все хорошо, прекрасная маркиза, — пропел Званцев, — за исключеньем пус-тя-ка».

— Все будет хорошо… — заверила Таня.

Они шли очень быстрым шагом с вокзала к Черепичной улице. Обе девушки были прекрасными спортсменками, и на летней спартакиаде в Новосибирске везде были первыми: Таня в прыжках в высоту, Катя — в длину, Таня — в метании диска, Катя — в толкании ядра. А в соревновании по ходьбе сестры так оторвались от своих соперниц, что, не желая обогнать друг друга, пришли к финишу обнявшись, завоевав по золотой медали.

Шурик привык обгонять любого, кто шел впереди. Но с мешком пельменей за плечами нелегко было ему поспеть за такими спортсменками.

— Так, значит у Феофании, у Юрочки с Ниной все в порядке, Значит, дело во мне. У прекрасной маркизы кобыла околела. А у меня? Выходит, снова тачка.

— Какая тачка? — удивилась Таня.

— Это когда себя побеждаешь.

— Ты не один.

— Кобылы у меня нет. Выходит с вольнослушанием трудности. В лаборатории не будут пускать?

— Допустим.

— Тепло, тепло. Близко, — вспомнила Катя детскую игру в жмурки.

Словом, к концу пути, подходя к дому номер двадцать пять по Черепичной улице, Званцев ухе вычислил ждущие его неприятности и оценил участие друзей, старавшихся смягчить ждущий его удар.

В кабинете ректора собрались приглашенные профессора, комсомольские секретари факультетов из числа студентов, руководители партийной и комсомольской организаций института. Не всем хватило места за столом для заседаний. Студенты, предоставив его преподавателям, сами выстроились вдоль стены.

— Уважаемые коллеги, — начал ректор, — нам предстоит нелегкая задача — выполнить распоряжение Народного комиссариата просвещения, ликвидирующего во всех вузах институт вольнослушателей. Предложено перевести в студенты наиболее способных, остальных отчислить для прохождения службы в Красной Армии и работы в промышленности. Перед

профессорами и преподавателями списки вольнослушателей. Мы ждем их суждений и примем персональные решения.

Первым вскочил, даже не попросив слова, секретарь и гроза механического факультета студент Бурмакин:

— Я считаю, что мы не можем следовать указаниям Наркомпроса об успевающих вольнослушателях, поскольку они экзаменов и зачетов не сдавали. Единственно, чем мы должны руководствоваться, это классовым подходом. Рабочим и крестьянам откроем двери, а интеллигентиков — в шею.

— Уважаемый товарищ Бурмакин, пока я остаюсь ректором Томского технологического института, назначенным Наркомпросом, я не допущу поставлять промышленности полуграмотных инженеров, пусть даже пролетарского происхождения.

— Это неслыханно, товарищ назначенный, а не из бранный ректор! Я постараюсь, чтобы вашу оппортунистическую позицию рассмотрели в горкоме партии.

— Предварительная дискуссия о принципах отбора вольнослушателей в студенты закончена, — жестко объявил ректор. — Приступаем к работе.

И начались жаркие споры. По настоянию Бурмакина, поддержанного студенческой частью собрания, вылетали из института один за другим сыновья учителей, врачей, даже инженеров и переводились в студенты выходцы из деревни и рабочих семей. На одной кандидатуре внимание задержалось.

— Это мой факультет, — заявил Бурмакин, — по анкетным данным Званцева, отец его заведует протезными мастерскими, а мать — музыканта. Явно не пролетарское происхождение. Отец не у тисков, мать за богатым роялем. Отчислить.

Слово взял профессор Шумилов:

— Не могу согласиться с мнением секретаря факультета, ошибочно избранного студентами, который не дает себе труда полностью ознакомиться с анкетой рассматриваемого студента. Так, он узнал бы, что отец Званцева, находясь в рядах Красной Армии, потерял все пальцы на руках и стать к тискам не может, а мать — дочь польского революционера — осталась круглой сиротой в четыре года.

Бурмакин сидел красный, как пойманный с поличным карманник. Но Шумилов безжалостно продолжал:

— Когда мы принимали масленщика парохода «Петроград» Званцева в вольнослушатели, я был заинтересован в этом, чтобы стать его учеником.

— Забавное признание заинтересованного профессора в приеме студентов «по блату», — прорычал Бурмакии.

— Студент Бурмакин, попрошу вас взять с полки сзади вас «Справочник инженера» Хютте.

Секретарь факультета, сидевший за столом рядом с деканом факультета, пожилым профессором Тихоновым, не шевельнулся. Тогда декан встал, достал с полки нужную книгу и положил ее перед Бурмакиным.

— Спасибо, Тихон Иванович, — поблагодарил Шумилов. — Теперь продолжите вашу любезность и раскройте справочник на первых страницах, с математическими таблицами, и попросим студента Бурмакина, поскольку это не связано с телодвижениями, называть мне шестизначные числа, как результат возведения в куб двузначного числа. Надеюсь, у вас в рабфаке проходили извлечение кубического корня, и вы знаете, какое это хлопотное занятие.

Бурмакина окружили любопытные комсомольцы:

— Ну, давай, Бурмакин, не спи. Выспишься, пока Василий Иванович извлекать корень будет.

Бурмакин нехотя стал называть длинные числа, и тут же все слышали цифры, возведенные в куб. Потом и другие студенты стали выкрикивать одно за другим наиболее сложные, как им казалось, числа, и тотчас получали правильный ответ, словно профессор стоял рядом и вместе с ними смотрел в таблицу.

Бурмакин, развалясь на стуле, процедил сквозь зубы:

— Блестящий профессорский фокус, привлекающий к математике любопытных, но причем тут Александр Македонский или Александр Званцев?

— А при том, уважаемый ректор, почтенные профессора, преподаватели и студенты, что с неизвестным мне методом из теории простых чисел, разработанным почти две тысячи лет назад Диофантом, познакомил меня наш нелегальный полустудент Званцев, убедив этим меня, что инженеры должны знать теорию простых чисел, ибо количество людей, деревьев в лесу, вагонов, паровозов в депо и на линии, наконец, заклепок в ферме моста, да и самих мостов многочисленно. Так как? Будем отчислять такого человека или примем в студенческую семью?

— Примем! Примем! — послышались голоса.

— Только условно, иначе моей подписи не будет, — проворчал Бурмакин.

— Какое условие ставит нам секретарь факультета? — сердито спросил ректор.

— Превышение переходного минимума на десять процентов.

— Вы сами от имени студенческой общественности настаивали на семидесяти процентах переходного минимума, оценив в процентах каждую дисциплину. Чем оправдано

повышенное требование к Званцеву? — спросил физик Вейнберг.

— Его опозданием к началу первого семестра.

— Ему придется сдавать лабораторные работы и черчение, зачеты по которым не принимались у вольнослушателей в первом семестре, — напомнил Шумилов.

— Согласшусь только на моих условиях, — уперся Бурмакин.

— Итак, подведем черту под дискуссией, — решительно заявил ректор. — Даю распоряжение напечатать и вывесить списки отчисленных слушателей и тех, кого перевели мы в студенты, с оговоркой в отношении опоздавшего Званцева.

Ни Званцев, ни его друзья, уверенные в неизбежности экстерна и готовые ему помочь, ничего не знали об этом.

— Это тачка, опять эта тачка! — странно говорил он.

После революции студенты получили «свободу».

Отменены студенческая форма и «символ техники» — скрещенные молоточек с гаечным ключом на фуражке и в петличках. И, что крайне важно для спешно и плохо подготовленных рабфаковцев, установлены «переходный минимум» и зачеты вместо отметок, что по-разному принималось новым пополнением:

— Ну, не форму, а что-то вроде нее. Надо ж знать окружающим, что я студент.

— Ты, брат, по своей природе буржуазный элемент.

Званцев считал нормальным при переходе с курса на курс сдачу максимума предметов, а не минимума. Но установление именно ему особых условий, ставящих его в положение условного студента второго сорта, глубоко задело его. И он забыл свое желание не выделяться, решив показать, на что он способен.

И написал директору своего техникума, Глухих, письмо, с просьбой прислать ему старенькую, подлежащую списанию книжку по сопротивлению материалов, предмету, который проходили на последнем курсе техникума, а в институте — на втором.

Раздобыл у старшекурсников их былые конспекты и стал по ночам, сократив время сна, вчитываться в почтенную книгу с печатью на титульном листе: «Из книг В. Л. Глухих» и потрепанные тетради ребят, сдавших сопромат.

Феофания Дмитриевна страдала, что жилец жжет ночью электричество и мешает сыну спать, и себя не жалеет. Ходила жаловаться к адвокату Петрову, но тот сказал:

— Науку грызть надобно, себя не жалеючи, матушка моя.

И она прониклась к жильцу уважением. Таня не раз замечала на занятиях с конспектами, что утомленный Званцев закрывает глаза.

— Ты что, Шурик, наши споры за колыбельную песенку принял? Хоть бы храпеть постыдился. Лентяй высшего ранга, а еще студентом хотел стать!

— Ребята, что вы! Метод есть такой — обучение во сне. Проверяйте меня, «срезайте», как на экзамене самый лютый профессор из племени вепрей. Если выдержу, докажете, что есть такой метод. Статью в студенческий журнал дадите.

— А он выспался и дело говорит, — солидно резюмировал Дубакин. — Нам только польза в профессоров превратиться. Дадим ему жару, проверим на нем наши собственные знания.

Таня и Нина заволновались, стали рыться в конспектах, выписывали на отдельные листки вопросы, которые будут задавать сонному сокурснику. Сверяли свои бумажки и выбранные вопросы распределяли между собой.

Шурик спокойно ждал начала дружеского сражения.

Родители регулярно посылали Шурику денежные переводы. И он без задержки расплачивался со своей хозяйкой, урывая время заниматься математикой с ее сыном.

Мальчишка сибирских кровей, тот в свои тринадцать лет бредил тайгой и охотой. И так случилось, в зимние каникулы отправился он в тайгу промышлять и там самым нелепым образом погиб от шальной пули неумелого стрелка, которому всюду мерещились потревоженные в берлоге медведи.

Шурик впервые видел потрясенную горем несчастную женщину. Она позвала к себе Шурика, он мысленно содрогнулся при виде ее осунувшегося, сразу постаревшего лица. «А ведь она когда-то, — подумалось Шурику, — была красивой пассией знатного сибирскою золотопромышленника».

Вне себя от горя, она заговорила:

— Вот так-то, студентушка ты мой. Сыночком моим мог бы быть, да невмочь мне здесь оставаться. Ты уж пойми меня, грехомоднницу. Дом продаю. Тебя у бабы Груни устрою. У нее, правда, мазанка, но крыша над головой и матрас под тобой будет. Отсыпайся вволю. А я в родном прииск подамся. Деньги за лом в дело пущу. Золотишко добывать стану…

Так Званцев перебрался из комфортабельного дома со всегдашним супом на поджаренном луке и полюбившимся инкрустированным музыкальным ящиком «Аристоном», дедом граммофона, без трубы и хрупких пластинок со спиралями звуковых дорожек. Вместо них были металлические диски с множеством пробитых выступов, задевающих при вращении за звучащие пластины. Так наигрывались вальсы, марши и другие, порой с трудом узнаваемые пьесы, какими услаждали себя золотопромышленники во времена декабристов.

В мазанке была всего одна комната, и баба Груня за занавеской по-старушечьи храпела на кровати, где днем красовалась пирамида из подушек и подушечек. О том, чтобы заниматься здесь вместе с друзьями, не могло быть и речи. Но зато по ночам в одиночестве Шурик с большим увлечением изучал здесь «Сопротивление материалов» и другие нужные науки.

Любопытная Катя отыскала-таки «в трущобах», как она определила окружение неприглядного убежища бедного Шурика, и возмущенно сказала:

— Нет, так дальше продолжаться не может! Надо найти выход. У нас, на Черепичной, большая комната пустует. Всем она не по карману. Придется провести малое переселение народов. На то и дан нам женский ум. И в нем немало тайных закоулков, — продекламировала она.

Пока Катя искала пути воплощения своего замысла, «учебная квадрига» мчалась во весь опор к финишной прямой — «зачеты».

И атака на затравленного зверя началась. Зубастые вопросы грозились вырвать у жертвы незнание, как кусок мяса с шерстью. Но реакция обороняющегося была столь молниеносной, что нападающие отскакивали, по-щенячьи поджавши хвост. Камнями летели острые вопросы, но отбивались на лету, как теннисные мячи.

— Finita la commedia! Он победил, и мы победили. Можем любого экзаменатора экзаменовать, — заключил Дубакин.

— Vivat academy! Vivat professore! — пропела Катя и поставила традиционные бутылки ситро, закончив веселым припевом их собственного гимна:

Крамбам бим-бом були!
Крамбам були!

Все ребята подхватили припев, а затем спели с полными стаканами в руках и всю песню.

Настал первый день сдачи зачетов. Длинный с высоким сводом коридор главного корпуса заполнили взволнованные первокурсники. Задолго до них к главной двери подошло существо неимоверного роста в солдатской шинели и приладило над входом малую чертежную доску с надписью: «МУХАМ ВЛЕТ ЗАПРЕЩЕН».

Потом великан распался. Таня соскочила с плеч Шурика и они, оба смеясь, полюбовались своей озорной выдумкой.

В полной тишине разлилось волнение во всю ширь коридора, взрываясь бесшумной волной прибоя у группы студентов перед

заветной дверью, где должна была явиться на свет Божий первая запись в зачетной книжке. И сделать ее должен был профессор Шумилов Василий Иванович, простой и добрый, а все-таки страшный. Он не отправлял студента вглубь пустой аудитории готовиться. В задних рядах можно и шпаргалкой воспользоваться, и в конспект заглянуть.

Сам он сидел у доски, за длинным столом со стульями для готовящихся к зачету, а отвечающего усаживал рядом с собой. Остальным раздавал предварительные задания.

— И чего вы волнуетесь? — обращался он к приглашенным к столу. — Из-за бесконечно малых величин? О размерах, о которых нельзя сказать: «Еще меньше — нет». Уменьшать можно без конца. Вы едете в поезде и не задумываетесь, как сделан паровоз. Не пытаясь представить себе бесконечно малые величины, можно с их помощью творить математические чудеса. Я пригласил вас не узнать ваши знания. Зачем они мне? Они не так уж нужны и вам. Мне важно ваше понимание, чтобы вы при надобности, взяв нужную книгу, поразмыслив, подобно розмыслам, как называли былых инженеров, решили бы практическую задачу.

И студенты уходили от него, унося не зачетную книжку с зачетом, а нечто большее.

Возвращая Званцеву зачетную книжку, профессор сказал:

— Жалею, что отменили пятерки. Два плюса прибавил бы вам.

— Магдалину Казимировну обрадовали бы.

— Подождите, подождите. Припоминаю. Сыночек у нее слепенький.

— Так это я и есть.

— Молодец! А Бурмакин-Дуракин восемьдесят процентов с тебя требует.

— Будет и больше, Василий Иванович!

— Ты от меня к кому вожжи держишь?

— К Трапезникову.

— Так ведь сопромат на втором курсе!

— Потому и сдаю.

— Понял. Сразу не сообразил. Хвалю за отвагу!

Трапезников был молодым, высоким, спортивного склада человеком.

Посмотрев зачетную книжку Званцева, он удивленно поднял жгуче-черные глаза:

— Кабинетом не ошибся? Здесь — второкурсники.

— А я за первый курс все сдал.

— Значит: «вперед батьки в петлю лезешь»?

— В петлю ногой, чтобы выше взлететь, как на «гигантских

шагах».

— А про что ваш брат говорит, завалив сопромат? Про мат. Отвечай и про татарскую ругань забудь.

После получасового «допроса с пристрастием», вручая Званцеву зачетку, Трапезников сказал:

— Я тебе все же на прощанье татарское слово скажу: рахмет, спасибо!

Званцев на переходных экзаменах вместо обязательных только ему восьмидесяти процентов набрав вдвое больше — все сто шестьдесят, прихватив переходный минимум второго курса, и мог бы оказаться на третьем курсе, однако не захотел обгонять друзей. И наконец, к досаде Бурмакина, стал полнокровным студентом. Мечта его сбылась.

Глава пятая. ПРАКТИКАНТ

Смекалка русская не ниже
Чудес былого чернокнижья.

Какое чутье колдовское вело уральских рудознатцев сюда на север? За окном вагона — чахлость одна, деревья ниже, листва и трава скуднее, и скиты да деревни реже.

Верили рудознатцы, а точнее сказать, твердо знали, что хранят старейшие в мире горы в хрустально-перламутровых шкатулках все, что надо человеку для жизни. Сейчас бы они сказали, что у них в горах были сокрыты все до единого элементы из таблицы Менделеева. По чтобы сокровища уральские из хранилищ подземных взять, надобно заводы ставить.

Что же требуется, чтобы металлургический завод поднять?

Земля, как говорится, на трех китах стоит. На китах трех и заводу такому быть: на руде, на воде да на энергии, а ее в лесах непроходимых не занимать стать! Порубки, заводу потребные, земля своими соками да солнце ярое с дождем живительным, бор или березняк, ко времени восстановят — сызнова богатырей лесных руби.

Надежда была великая отыскать для крупного завода тех трех китов завидных, и всех поблизости. Пусть сбудется надежда та хоть на далеком севере, уральцев холодом не запугаешь! И как дар надежды щедрой встал самый северный Надеждинский металлургический завод. И на плотине пруда, где искусственные зори играли, когда в сталеплавильном цехе в ковш металл пошел, послышались озорные рабочие песни:

Эх, да мы подходим к кабаку,

Целовальник на боку.
Спит.
Целовальнику по уху,
Не люби нашу Маруху
Сбит!

И потянул к себе романтикой суровый Северный Урал. Он вторично позвал на летнюю практику теперь уже студента третьего курса Сашу Званцева. Металлургии он еще не видел, а поработать там было его сокровенное желание!

Предыдущую практику, когда сокурсники отдыхали, он, верный себе, посвятил освоению рабочих профессий, остался на практику в мастерских Технологического института. Последовательно переходил он тогда из цеха в цех, начиная с модельного. Сделать разъемную модель будущей отливки было посложней первой табуретки. Но, по крайней мере, тогда он узнал, как браться за столярный инструмент. А теперь — модельный цех, вершина столярного искусства.

Чертежи читал легко. Недаром любимым предметом, кроме математики Шумилова, была начертательная геометрия Завалишина.

Мастер похвалил его, и он перешел в литейный. Там начал с подбора шихты, чтобы получить чугун нужного состава. Затем раздул огонь в вагранке, загружая в пышущее пламя подобранную шихту из чугунных плиток и железного лома. И когда первая, выплавленная им струя раскаленного металла полилась из пробитой лётки, поднимая фонтан золотых искр, у него даже слезы на глазах выступили. Подставил он под струю, как заправский литейщик, малый ковш на длинной рукоятке. Новый сноп искр был, как фейерверк в его честь.

Натужась и отворачиваясь от жара, нес он ковш к своей разъемной опоке, откуда только что вынул модель, забитую со всех сторон просеянной им землей, и установил в продавлинах по краям хорошо просушенную «шишку» — фигурный стержень из спекшейся песчаной массы.

Из поднесенного ковша, Званцев залил жидкий металл в оставленное в опоке отверстие. Сердце готово было вырваться у него из груди, пока он сидел на корточках возле остывающей опоки с таившимся в ней чудом — первой его отливкой. Вынутая из опоки, она была еще горяча и дымилась. Запахло, как обычно в литейной, горелой землей, более приятно для Саши, чем ароматом былых маминых французских духов «Коти». Он удалил с отливки жесткой щеткой песчаные остатки стержня-«шишки» и

осталась на его месте требуемая по чертежу пустота. И через брезентовые рукавицы ощущая приятную теплоту вынутого изделия, любовался им как Венерой Мелосской.

Он старательно и нежно обрабатывал его, тер железной щеткой и абразивным диском, и снова заслужил похвалу мастера, зорко следившего за ним.

И вот теперь Надеждинский завод…

Саша Званцев ощутил себя Гулливером в стране великанов. По сравнению с цехами Омских железнодорожных мастерских и с мастерскими Технологического института, все здесь казалось непомерно огромным, начиная со сталеплавильного цеха и кончая механическим, где ему предстояло работать.

Он вошел в просторное здание и посмотрел вверх. Там через застекленный двускатный фонарь крыши просвечивали плывущие облака. Чуть ниже, но все также высоко, двигался мостовой кран, перенося тяжелые изделия к крупным станкам, вроде карусельного. На его вращающемся столе разместился бы парный экипаж или, подогнув ноги, разлегся бы свифтовский великан.

Конторка начальника отделялась от шумного цеха стеклянной перегородкой и казалась его частью. При виде студента из-за стола, как от станка, поднялся невысокий бородатый человек в очках с тонкой металлической оправой.

— Практикант? Вот хорошо, — радушно встретил он. — Пойдем. Ты нам и нужен. Будешь у нас конструктором цеха.

— Михал Дмитрич! Мне бы к станку…

— Я пятьдесят лет Михал Дмитрич. Из них тридцать пять на заводе. Инженеров толковых Колчак увел. А к нам станки новые пришли по дюймовой системе, для запасных деталей потребно нарезать на станке резьбы разные: когда дюймовые, а когда миллиметровые. Может, вас в институте этому учили?

— Там учат не запоминать, а понимать.

— Понимание — оно, конешно, перво дело. Так. Где ж мне такое без образования?

— При станках набор шестерен приложен?

— А как же без «перебору». Только в наборе шестеренок сам черт не разберется.

— Попробую, Михал Дмитрич, вам черта заменить.

— Фу ты! Безбожная твоя накипь! Пошто нечистую силу поминаешь! Накликаешь беды.

Они подошли к новенькому токарному станку. Рабочие возились с последними креплениями.

— А! Михал Дмитрич! Здоровеньки булы. До тебе топать дюже треба, — встретил этими словами подошедших здоровяк с висячими усами.

— Тут с хохлацкими мозгами с зубчатками станочными не управиться. А наладчик из Полтавы не прибыл.

— Так это ж для перебору.

— То ж нам ясно, товарищ начальник. Ты укажи, какую с какой сцеплять?

— А на то вместо инженера нам студента прислали.

— И вам, здоровеньки булы! Батьку как кликали?

— Петром Званцевым. А меня — Сашей.

— По нашему Олесь. Ласково. Но Саша, так Саша. Давай, побачимо. Посмотри: номера, яки выбиты.

— Это не номера, товарищи, а число зубцов в зубчатке.

— Ишь, как раскумекал. А зачем? — спросил молодой напарник наладчика. — С дюймов на миллиметры как?

Саша этого не знал, но, взяв в руки самую большую зубчатку, увидал на ней выбитое число сто двадцать семь и, сообразив, что в одном дюйме 2,54 мм — кратно числу зубцов, не задумываясь, сказал:

— Когда миллиметровую резьбу надо нарезать — в зацепление эту зубчатку вставляйте.

— Магическое число, — уверенно заявил начальник цеха. — Я ж говорил: без нечистой силы не обойтись.

— Почему? — удивился Саша.

Старый уралец умел считать быстро:

— Число сто двадцать семь, сложи все цифры, десять получишь. Еще раз сложи, единица останется. Магический знак.

— Что ж, в математике целый раздел есть — магические квадраты. Прелюбопытно.

— Нет уж, Саша, уволь. Ты думаешь, почему враги наши за дюймы держатся? Под адовой единицей ходят.

— Магические квадраты — чудеса впору чернокнижья, а математически безупречны.

— Квадраты говоришь? Вот мы на них твою магию и испытаем. К станку просился? Дам сверлильный. Заказ крупный, срочный. Литые, отопительные батареи. С двух сторон площадки обработанные. Квадратные как раз! Сам разметишь на каждой. По четыре отверстия. Просверлишь, перевернешь, снова сверти. Л дыры, чтоб совпадали во всех пяти тысячах штук.

И он подвел практиканта к штабелям, сложенным из ребристых батареи.

— Придется ишачить, — сказал и, хитровато посмотрев на Сашу, добавил: — Посмотрим, какие у тебя магические квадраты?

Приспособление для одновременного сверления четырех отверстий Званцев сконструировал просто. Оно имело четыре шпинделя для четырех сверл. На каждом своя шестеренка с

центральной зубчаткой и хвостовиком, заменившем сверло станка. При вращении в обратную сторону за одно опускание он просверливал с предельной точностью четыре отверстия. Потом батарея переворачивалась, точно встав на четыре штырька, вставленных в просверленные тем же четырехсверлым приспособлением.

Народ сбежался смотреть на выдумку студента. Разметка не нужна, и производительность труда возросла в семь раз!

А через несколько лет появятся Алексей Стаханов и сестры Виноградовы. И рекорды зазвучат не только со стадионов, а из шахт, с заводов, сельских полей. Новое отношение к труду уже зарождалось на Урале.

Возвращался Саша Званцев в Томск признанным и премированным изобретателем. «Будет повод спеть «Крам-бам-були»! — размышлял он. — Нет. Лучше перед ребятами не хвастать…»

Как приятно идти со станции Томск — I до города без тачки! На душе радостно! Но как рассказать ребятам о пяти тысячах просверленных батарей?

Званцев с походной сумкой через плечо вошел в неприглядную мазанку бабы Груни. Та удивленно уставилась на него, не сразу ответив на приветствие.

— Или не узнали, баба Груня? — рассмеялся Саша.

— Да что ты, голубчик мой, Сашенька! Или обратно ко мне возвращаешься?

— Как обратно? — изумился Саша.

— Так ведь вещички твои девонька твоя все забрала, все до единенькой.

— А готовальня на столе осталась?

— Нет, Сашенька. Эта моя. Приготовила на продажу. Купи.

— Куда мне две! Пойду выяснять, на каком я свете. Прощайте, баба Груня. Спасибо за все.

И он, поправив сумку на плече, бодро зашагал к Черепичной улице.

В доме номер двадцать пять поднялся в большую проходную комнату, откуда вела дверь и к сестрам Давидович.

Навстречу вышла обрадованная Катя, а за ней чуть смущенный Юрочка Дубакин.

— А мы так тебя ждали. Никак расселиться не могли, — начала Катя.

— А почему меня от бабы Груни забрали?

— Ты сначала поздравь нас с Юрочкой, а потом обращайся и здоровайся по-новому.

— Ничего не пойму!

— Ну вот! — разочарованно протянула Катя. — А мы думали, что ты все можешь придумать. Я же поздравляю тебя с восемнадцатилетием.

— А тебя?

— Не только меня, но и Юрочку. Теперь мы оба супруги Дубакины.

— Поженились! Вот черти в крапинку! Ну, поздравляю! Желаю счастья!

— И отдельной комнаты не забудь, — поспешила добавить Катя.

— Пожелать-то я могу…

— Не только пожелать. В комнате напротив нашей, она большая, жили выпускники, вчетвером. Мы ее захватили, и там пока поселились Таня с Ниной. Но им слишком дорого. Васю Иванова помнишь?

— Паровозник! Один во всем институте паровоз для курсового проекта хочет в натуральную величину вычертить.

— Ему здесь есть где развернуться, — и Катя повела рукой вокруг себя. — Вот тебя и ждали.

— Не мог я раньше появиться, задержали меня дела заводские. Сверлильный станок в цехе переналаживали.

— Вот если ты и себя переналадишь, то согласишься вместе с Васей комнату с девочками разделить пополам.

— Ширмой?

— Не обязательно. Она денег стоит. Люди с крепким характером могли бы обойтись и чертой мела на полу, если слово стоящего человека себе дать.

— А вещички мои где?

— Там.

— А Вася Иванов?

— Тоже там.

— А мел?

— Мел здесь, Юрочка, дай-ка мелок. Сейчас начнем мы великое замлепереустройство.

Шурик почувствовал, что ему ласково сжали запястье. Обернулся — улыбающаяся Таня.

Вася и Саша получили левую часть комнаты с двумя топчанами вдоль стены, стол у окна разделял комнату пополам. Кровати девочек стояли углом у стен.

«Главному землепереустроителю» Дубакину пришлось лезть под стол, чтобы с принесенной рейкой провести две жирные параллельные черты, перешагнуть которые запрещал Долг настоящего человека и мужское достоинство.

— Язви меня в душу, если перешагну без приглашения, — с

самым страшным сибирским ругательством произнес «комнатную клятву» каждый из них.

Подошла Нина. Вместе с Таней, в тех же выражениях, они повторили мужское обязательство. После чего спели «Крамбамбули», запили припасенной Катей бутылкой ситро. Задуманный ею хитроумный план полностью удался. О мазанке бабы Груни никто не жалел, в нерушимости меловой границы не сомневались.

Начались институтские занятия. Вася Иванов, белокурый добродушный крепыш, приступил к выполнению своего грандиозного плана вычерчивания паровоза в натуральную величину.

В институтских чертежных кабинетах третьего этажа нужного ему места предоставить не могли, и Вася, по Катиному совету, осваивал вмещающую паровоз проходную комнату. Он покрыл ее пол ватманами, защитив их старыми газетами. Поверх он проложил где-то добытые доски, по ним и должны были ходить все жильцы, развивая в себе способности канатоходцев. В основном это были студенты, за исключением полной пожилой дамы, Клеопатры Петровны, матери одного из студентов, она жила с ним, и, преклоняясь перед мудростью их наук, покорно балансировала на жердочках, расставив руки и встав на носочки, как настоящая балерина.

Но особенно доволен был замыслом Васи толстый, пышноусый профессор Бутаков, заведующий кафедрой паровозостроения. Страдая одышкой, он поднимался в «Зал Бутакова» и любовался появляющимися контурами паровоза — лучшей, по его мнению, паровой машины в мире.

Глава шестая. ЧЕРТА

И шахматного лиха ради,
Страну вдруг стало лихорадить.

Умер Ленин! Страна горевала и подводила черту.

За окном зимняя темнота и трескучий сибирский мороз. И жуткий, потрясающий душу, одновременный горький рев, вой, плач миллионов паровозных, пароходных, заводских гудков по всей колоссальной стране, в оглушительном рыдании машин, выплескивающих невосполнимую потерю и всенародную боль.

— Мне страшно! — послышалось с Таниной кровати. — Шурик, мне страшно. Огня не зажигай. Слышишь, Нина в подушку плачет. Сейчас надо быть всем вместе.

Шурик, не успев заснуть, нерешительно сел на топчан,

прикрывшись одеялом. Он, как всегда, спал голым. Переглянулся с Васей. Тот уже был на старте. Не сговариваясь, перешагнули запретную черту.

Таня, трясясь от озноба под своей шинелишкой, хотела утешить подругу, решила втянуть всех в общий разговор:

— Что теперь ждать, ребята? Как горько и жутко стонет вся страна. Что с ней будет? Ушел такой мудрый, справедливый человек. Троцкий всегда был против него. Введенный Лениным НЭП только начал давать результаты. Червонцы появились с подписью Пятакова. А теперь? Снова гражданская война, разруха? Даже дрожь берет.

— Это от холода. Хочешь я печку растоплю?

— Весь дом перебудишь.

— Тогда марш в кровать и позволь прикрыть тебя моим одеялом. Одной шинели мало даже для спартанки. А я с краешку пристроюсь, и мы продолжим разговор.

Пока Таня возилась под шинелью и одеялом, Шурик прилег на краю ее кровати и покрылся гусиной кожей. Хотел сходить одеться, но манило чуть согреться совсем близкое от него девичье тепло. Невольно потянул на себя одеяло и коснулся горячего плеча.

Им на их жизненном перепутье так и не удалось поговорить о будущем страны. На комсомольские собрания не допускались, детекторные приемники были только у малознакомых радиолюбителей, а вывешенные на улицах газеты в мороз не очень почитаешь.

Когда гудки смолкли. Шурик, завернувшись в свое одеяло, столкнулся с Васей, утешившем Нину.

Заснул Шурик с чувством тягостной вины и дал слово не повторять случившегося. А утром себе в укор написал своеобразное стихотворение «Долг», помещенное в эпиграфе к четвертой части романа.

Он стал реже бывать дома, вернувшись к заброшенным шахматам, и стал завсегдатаем шахматного клуба. Там, на втором этаже старинного дома, за грубо сколоченными столами по обе стороны сидели взъерошенные игроки и разыгрывали бесконечные молниеносные турниры «a tempo».

Шахматных часов не было, но шахматная лихорадка 1925 года, вызванная Международным шахматным турниром в Москве, с участием обаятельного Капабланки и отобравшего у него звание чемпиона мира маленького Ласкера, с ястребиным профилем и всегда со «зло окуривающей противника» сигарой в зубах, закружила голову целой стране. И увлеченные томичи заменили часы выкриками через каждые пять секунд очередного судьи:

«белые», «черные». Не успеешь сходить, противник имеет право сделать еще один свой ход со словами:

— Извините, маэстро.

Саша даже написал стишок:

Эй, маэстро! Ходу! Хоту!
Ты ведь тронул пешку — бей!
Эх, полить на них бы воду
Для охлаждения страстей.

В глубине просторного двора, где играют шахматисты, у дома хозяина былой заимки, стоял навес над ветхой столетней избушкой. Званцеву, студенту, шахматисту, забросившему музыку, не показалось интересным знать, где золотопромышленник Хворов или Хромов приютил какого-то старца Кузьмича, а потом повесил криво в рамке рисунок высокого деда. Болтали, будто ездили к тому важные гости и говорили по-французски.

Не знал тогда Саша Званцев, к какой бесценной реликвии, по молодости, он не прикоснулся. Не видел документов, доказывающих, что старец Кузьмич был никем иным, как псевдоумершим в Таганроге русским императором Александром I. Он нес в себе непосильный груз соучастия в отцеубийстве, ради того чтобы в чьих-то интересах сесть на престол.

Помещики, царьки своих имений, владельцы крепостных крестьян, страшась за свои рабовладельческие поместья, погубили его отца. Заподозрив, что император Павел I только прикидывается самодуром, чтобы самые нелепые его повеления слепо выполнялись, а сам тайно вынашивает разорительные для крепостничества реформы, они поэтому и решили, что подлежит он замене на несведущего в тайных замыслах отца Александром. Тот же, взойдя на престол, прославился на весь мир. Победил самого Наполеона и, подобно отцу, хотел своею высшей властью осуществить мечтания юности, когда он подпал под влияние последователей вольнодумцев: Вольтера, Жан-Жака Руссо и даже Кампанеллы и Томаса Мора, основоположников коммунизма. Юный высокий красавец, наследие Петра I, сразу после восшествия на престол, был провозглашен символом Свободы, освободителем Европы. Потому он, видимо, и думал, что его империя так же заслуживает освободительных реформ. Тогда он и призвал себе в помощь реформатора Сперанского, но скоро понял, что в его крепостническом государстве он, император, не более чем первый крепостник. Понял он и то, что усидят на троне лишь те цари, которые угодны царедворцам. Судьба отца

показала ему всю тщетность своих замыслов. И почувствовал Александр свое полное бессилие и бесполезность убийства Павла I и личную ответственность за преступление. И понял, что царство его подобно пирамиде, сложенной из множества пирамидок, где дворянин, возвышаясь над своим подножием, служит опорой ему, стоящему на вершине всех пирамид, а в основании под ними — крепостной народ, рабы. Стоит лишь поколебать их рабскую покорность, открыть дверь вольнодумству — и рухнет царство. Потому блюстители крепостного права не дадут ему и шагу сделать в сторону. Сперанский слишком рано раскрыл, куда хотят они вести Россию, и блюстители ее «сути» и своего «благополучия» заменили Сперанского на надежного пса — Аракчеева.

Не в свои восемнадцать лет, а лишь в возрасте Кузьмича мог бы понять Саша внутреннюю трагедию Александра, который не видел перед собой другого пути, кроме ухода, пусть мнимого, из жизни, по крайней мере, царской.

В Таганроге при Александре в одночасье погиб похожий на него казак. Мгновенное решение превратило умершего в царя, похороненного в склепе Романовых в Петропавловском соборе Петербурга. А сам царь бежал на Восток.

Скитался в горах Гималаев. Побывал в буддийских монастырях. Ему внушали, что Бога нет вне нас, что он проявляется в самом человеке, когда достигает тот совершенства. И что Иисус Христос только тогда назвал себя Богом, сыном Его, когда достиг божественного совершенства в себе и своем учении, указав человечеству единственный для земной жизни путь без вражды и зла.

Примирив это с православной религией, донесшей суть учения до простого народа, эмоционально воздействуя на людей обрядовой и храмовой пышностью, Кузьмич-Александр, уединился в таежной глухомани, чтобы передать истину в задуманной им книге. Святому старцу предоставил приют золотопромышленник Хворов. Это с его правнуком, погибшим нелепо на охоте, умудрился жить в одной комнате Саша Званцев?

Не видел и не мог сличить тогда Саша две фотографии, одна из которых была снята с рисунка, висевшего над его головой, играющего в очередном шахматном турнире «a tempo» на втором этаже дома, пристроенного позже близ избушки Кузьмича. А на рисунке — он сам, седобородый старец выпрямился по-военному во весь огромный рост, судя по стоящему рядом столу, с характерно прижатой к груди правой рукой у сердца. На второй — известный портрет императора Александра I в позе Кузьмича, во весь рост, с приложенной к сердцу правой рукой. И лицо то же,

лишь без бороды и старческих морщин… Не знал Саша и о шведском короле Карле XII, который не вернулся к войскам после Полтавской битвы, устроив свои похороны, будто пал в бою, сам тайно присутствуя на них. И дал пример метущемуся в муках русскому царю.

Кузьмич жил в Сибири, куда в кандалах тащились декабристы. Он знал каждого из колодников и сочувствовал погубившим их идеям, мечтая о реформах, оказался неспособным их осуществить.

А главное, не поискал Званцев черновики «Книги истин». Какие тайны бы раскрылись о том, что произошло на Сенатской площади декабрьским утром 1825 года в Петербурге.

Май выдался холодным. В праздничный день выпал снег. На демонстрацию хоть на лыжах иди. Шурик даже написал шуточный стишок карандашом на выполненном по заказу чертеже для неуспевающей, но обеспеченной девчонки из нэпманской семьи:

Но не видят люди
Золотого Мая.
Май лежит под снегом
Снег лежит, не тая.
Что ж ты, Май, нас маешь!
Что ж ты, снег, не таешь!

Заказчице, видимо, никто не сочинял стихов, и она так обрадовалась, что заплатила за чертеж в два раза больше.

Таня, не слишком высоко оценив рифмованные строчки друга, язвительно сказала:

— Считай это своим первым литературным гонораром. Маяковский позавидует. Платят и поэзии не требуют. И рифмами допотопными обходятся.

— Почему ты такая злая сегодня? Это же была шутка. Или тебе нездоровится?

— Мне давно нездоровится. Ты наблюдателен только на шахматной доске.

— Кстати, вы с Катей совсем не плохо играете в шахматы. Отчего бы нам с тобой не сходить сегодня в шахматный клуб на разведку? Там часто бывает неплохая шахматистка Зеленская. Да и с любым из ребят вы с Катей могли бы сразиться.

Лицо Тани преобразилось, просветлело. Она оживилась:

— С тобой пойду с удовольствием, если потренируешь.

— Я покажу тебе типовые начала и ловушки, на которые парни против женщины могут попасться. Успевай вынимать

партнеров из мышеловки.

Но собрались в клуб не сразу. Таня тренировалась…

Потеплело же скоро. Снег сошел, но грязь держалась долго, и Таня не хотела играть в солдатской шинели, узнав, что ее противницей может оказаться актриса. Пусть потеплеет, говорила она.

Листва на деревьях торопливо распускалась. Дала о себе знать черемуха. Ее горьковато-нежный аромат разливался по всему просторному двору былой заимки и, по словам Тани, пьянил, как изысканное тонкое вино на царском столе для придворных красавиц.

Шурик тотчас влез на дерево и отломил своей даме, если не в манто, то не без шинели, пышную ветку, ароматом которой, быть может, опьянялся несчастный бывший царь, о чем молодые люди не подумали.

Выйдя из клуба, Таня ликовала. У одного партнера выиграла, другому проиграла, но главное — победила в затяжном эндшпиле у артистки, не попавшейся в ловушку, как первый парень, которому Таня, по рецепту Шурика, пожертвовала ферзя, дав при всех фигурах.

— Это надо же! — восхищенно воскликнул кто-то.

— А она знает мат Легаля. Ей палец в рот не клади, — добавил другой, более опытный.

Таня выходила из клуба с веткой черемухи у груди:

— А это что за навес прикрывает древнюю хижину?

— Да жил в ней какой-то чудак.

— Отчего чудак, а не чудачка?

— Почему ты об этом спрашиваешь?

— Загадываю, кто будет мальчик или девочка?

— У кого будет? — не понял Шурик.

— У нас, Шурик, у нас с тобой. Скоро пять месяцев.

— Что же ты молчала?

— Черемухи ждала: «Горьким запахом черемухи будем пьяны как вином». Из твоих стихов слова не выкинешь.

— Надо скорее в ЗАГС. Успеть до отъезда на практику. Хорошо, в прошлом году восемнадцать исполнилось. Ты согласна?

— В десять в двадцать пятой степени раз! Назначай, когда?

— Ты уже назвала: год двадцать пятый, месяц пятый…

— Число двадцать пятое, — закончила Таня.

— А как Ваня с Ниной?

— Считай и эту партию выигранной! От нас не отстанут.

— Ты уверена?

Она спрятала лицо в черемуху, упиваясь ее запахом.

Дома их ждал неожиданный гость — омский друг Шурика, Пашка Золотарев. Приехал к приемным экзаменам, поступать в институт.

— Геологом стану. Золотишко найду. Надо же фамилию свою оправдать, — уверенно говорил он.

С крючковатым носом, со стрижеными темными волосами он произвел на Таню неприятное впечатление, и она брезгливо подумала: «По-русски золотарь — не золотодобытчик, а возчик нечистот!» Но промолчала.

— Ты на практику? Ничего, задержишься, — самонадеянно продолжал Пашка. — Поможешь с приемными. Шпаргалки подготовишь.

— Я рад тебе, Паша. На практику я и правда задержусь, но по другой причине.

— По какой же? — насупился Пашка. — Другу не помочь?

— Видишь ли, надо к родителям жены съездить.

— Шутишь?

— Женюсь на днях. Вот на ней, на Тане Давидович.

— На Давидович? — повторил Золотарев, морщась.

До Тани мгновенно дошел оскорбительный смысл его возгласа.

— Вы ошибаетесь, верный друг Золотарев. Это не еврейская, а белорусская дворянская фамилия. И я с ней закончу институт.

— Прошу смиреннейше прощения у вашего благородия пани, заканчивающей пролетарский институт! Когда позволите принести молодоженам свои поздравления?

У Тани не было причин сердиться на Пашу:

— Если Вася и Нина пойдут с той же целью с нами и ничего не будут иметь против, то, как друг Шурика, можете заглянуть к нам вечером двадцать пятого дня пятого месяца двадцать пятого года.

Золотарев церемонно раскланялся и ушел.

Явился он точно в назначенное время, совершенно преобразившимся. В непривычном для студентов нарядном черном костюме, в ослепительно белой сорочке с галстуком-бабочкой. На плечи спускались смоляные красивые локоны конечно же парика.

— Я — поэт, и в таком виде являюсь на свадьбы. Светом божественного Олимпа поздравляю две, нет! три пары молодоженов! Счастья вам и всех зачетов. Я тут рискнул написать по этому поводу стихи на старую студенческую песню: «Из страны, страны далекой». Надеюсь, все знают ее?

— Очень мило спеть на нашей общей свадьбе знакомую песню на новый лад. Мы всегда ее поем, — обрадовалась Катя.

— Но почему. Паша, вы вырядились в «падшего ангела»? — спросила Таня. — В честь лермонтовского Демона? Врубель его не таким представлял.

— Увы, меня на свадьбы не Врубель выпускает. К тому же Демон падал с неба не один. Представьте только нас с ним падающими рядом с дождевых туч кувырком. Даже забавно! С тех пор и говорят во Франции: «Дождит лягушками!» Считайте — черным лягушонком, им я и был первые тысячелетия. Мы с Демоном забрались на Олимп, к древним богам. Демон, падкий до женщин, занялся атмосферным электричеством, а меня сделал богом новобрачных, Гименеем. От Олимпа остались одни игры, а я скитаюсь по свадьбам.

— А он, оказывается, славный парень, — тихо сказала Таня Шурику. — Шутник, и остроумный.

— Всегда голодный, — шепнул Шурик. — Их на небе, наверное, не кормили за непослушание.

Прошу всех за стол. Тебе сюда, на дирижерское место, бог Гименей. Где твои стихи? — распоряжалась Катя. — Петь будем.

Пашка достал из бокового кармана несколько аккуратно сложенных листков с переписанным его творением, сам занял указанное ему место. Шурик отыскал в своей сумке бутылку шампанского, приобретенную в Надеждинске на рационализаторскую премию:

— Бывает коньяк «три звездочки», а это шампанское — «четыре дырочки».

— Почему скрывал? — недовольно спросила Таня.

— Хвастуном-изобретателем не хотелось выглядеть. Откуда да как? Подумаешь, четыре отверстия за один проход!

— Ягненок! — ласково сказала Таня. — Как людьми командовать будешь? — и покачала головой.

Шурик смущенно молчал, а Пашка взял на себя роль тамады:

— Уникальная свадьба! Шесть молодоженов и один гость, с небес свалившийся, и никого из взрослых.

— Наши все разъехались. Кто домой, кто на практику, — оправдывалась Таня.

— Подождите, — воскликнула Катя, — найду взрослую. Сама Клеопатра будет с нами!

— О! — подхватил Пашка. — Первая женщина мира, царица Египта и всех мужских сердец, и рядом с поэтом, поющим ей!

Катя распахнула дверь и застыла в изумлении.

Перед нею стояла толстая дама в отделанной золотом тунике, с драгоценной диадемой на темно каштановом парике, со сморщенным лицом старой женщины:

— Простите, Клеопатра не лишняя ли здесь?

— Клеопатра Петровна! Так я ж за вами и шла! А вы уже в таком наряде! Царица на пиру рабов…

— Билетерше в театральной костюмерной поверили. Жаль, без Антония. Я и римские доспехи захватила.

— Я заменю вам его, несравненная Клеопатра, — подскочил к ней весь в черном Пашка. — И буду обожать вас с не меньшим жаром и самоотверженностью, чем он.

— Что вы, молодой человек! Мой сын такой длинноногий.

— Тогда, прошу вас, царица, займите трон во главе стола. Я буду стоять у вашего пленительного плеча.

— А мы будем петь, — объявила Катя и запела по бумажке:

Из краев, краев далеких,
От сибирских рек глубоких
Для премудрого труда
Собрались мы все сюда.

Мы, студенты свято верим:
Завтра выйдем в инженеры!
Мы, студенты, свято верим
Завтра выйдем в инженеры!

Вспомнив степи, горы, села,
Мы сошлись на пир веселый.
Пьем с надеждою чудесной —
Счастья вам, жених с невестой!

Пьем с надеждою чудесной —
Счастья вам, жених с невестой!
Общий тост за наш народ.
За святой девиз — «вперед»!

Май не Красная хоть горка,
Все равно мы крикнем: «ГОРЬКО!»
Май не Красная хоть горка,
Все равно мы крикнем: «ГОРЬКО!»

Часть четвертая. ДОЛГ

И ветвью счастья,
И цветком любви
Украшен Древа Жизни СТВОЛ.
А КОРНИ?
Без них засохнет ветвь,
Падут цветы.
МЕЧТАЙ О счастье,
О любви и ты,
Но ПОМНИ:
Корень Жизни — ДОЛГ!

Глава первая. МАГИЯ ЧУДЕС

Не страх потерь, а ласка, нежность
Прогонят злую неизбежность.

Практику Званцев проходил на Сормовских заводах, родине всех волжских пароходов. Но работал он не на верфи, а получил серьезнейшее задание — спроектировать ажурные фермы для эстакады набережной. Он был увлечен будущим сооружением, мысленно видя его красующимся на волжском берегу.

Профессора разглядывали синьки чертежей и качали головами:

— Не всякому инженеру такое под силу. Но самый важный разговор у Саши произошел с профессором Трапезниковым, специалистом по упругости металлов, читавшим курсы «Сопротивления материалов» и «Мосты».

— Ну, так о чем секретничать со мной хотите? Выкладывайте. Почему другим не доверяете?

— Вовсе нет, профессор, боялся, что меня засмеют.

— И вы не трус, и они не насмешники. Дело, видимо, в другом. Признавайтесь, Званцев. Толковое поддержу.

— Дело в неуверенности моей, — признался Саша. — И масштабности предстоящей работы.

— Большому кораблю — большое и плавание. Ломоносов мечтал своих Ньютонов иметь. Так вы ж не на Ньютона замахиваетесь?

— Нет, только на Эйлера…

— Э, брат, тут я тебе не друг! Никто больше Эйлера во многих областях науки открытий не сделал.

— Я не против Эйлера. Я восхищаюсь им…

— Объяснись.

— Сталь прочнее при растяжении, много слабее при изгибе, а при продольном изгибе — просто слаба, ненадежна за пределом ограничений Эйлера. Не так ли, профессор?

— Скажем ему спасибо за это, а в твою зачетную книжку второй раз зачет поставим по сопромату.

— Не спешите, профессор, как бы не захотели первый зачет вычеркнуть.

— С чего бы это? Я не рак, чтоб пятиться назад.

— Хочу фермы без продольного изгиба строить, чтобы металл только на растяжение работал…

— Эх, горе-изобретатель! Ладно, ума хватило при других такое не ляпнуть! Тебе не то что в мостах, а в распорке любой без продольного изгиба не обойтись.

— А если длинные сжимаемые стержни наливными делать?

— Бутылки или рюмки в ход пустить хочешь?

— Нет. Стальные трубы.

— Не понимаю разницы — уголок или труба воспримут на себя равное усилие?

— Я сейчас все объясню, — заволновался Званцев.

Раздался сильный стук в дверь.

— В чем дело? Я занят, — сердито крикнул Трапезников.

— Студент Званцев Александр не у вас ли, профессор?

— Здесь со мной работает.

— Телеграмма им. Видать, шибко срочная.

— Суй под дверь. А ты подними и читай.

Саша одним прыжком оказался у двери, взял бланк и побледнел.

— Откуда? Родители?

— В Барнауле жена рожает, — Саша показал телеграмму.

Трапезников вслух прочитал: «Можешь не застать». Остальное профессор понял…

Прямо с вокзала Шурик бежал через весь Барнаул до больницы, где рожала Таня. Извозчик не по карману.

Его ждали. Сердобольная сестра, едва не плача, вела по больничному коридору, объясняя на ходу:

— Случай редкий и очень тяжелый. Общее заражение крови — родильная горячка. Почти никто не выживает. Ждите чуда. Зато ваша девочка — богатырь. Одиннадцать фунтов весом. Вырастет, вас на руках носить будет.

Таня лежала в палате умирающих, изолированная от других рожениц, чтобы у тех не пропало грудное молоко. Ноябрьский день был ясный, но окна палаты были плотно занавешены.

Полумрак создавал иллюзию склепа, и в нем — Таня. По сравнению с ее мертвенно бледным лицом, подушки казались серыми.

Она не открыла глаза, но шевельнулась, чувствуя его приближение. Он сел в изголовье и взял ее руки в свои. И едва не передернул плечами. Словно прикоснулся к покойнице. Мурашки поползи по спине. Ведь он с холода, а она лежит в теплой палате. Впрочем, он разогрелся в беге, а она, бедненькая, лежит недвижно, и кто знает, когда встанет и… встанет ли?

У Тани открылись глаза, и брови удивленно поползли наверх под челку светлых волос, спускавшуюся на высокий, разделенный мучительной морщиной лоб.

— Успел! — на облегченном выдохе прошептала она.

— Зайцем, — весело ответил он. Брови спросили, он ответил:

— У транссибирского экспресса в Тайге одна минута остановки, я и вскочил… и прямо в объятья контролера.

Немой вопрос на бледном, измученном лице и ответ:

— Я ему все рассказал. Денег ни копейки. Карманы вывернул. Там одна телеграмма. Прочел два ее слева и сказал: «Свет не без добрых людей. Начни с паровоза. Покажи машинисту телеграмму. Попросись подручным кочегара». Я ему признался, что кочегаром на пароходе работал. «Вот и поработаешь весь перегон, пока кочегар на угольках отоспится. А ты, я вижу, спешить мастер. Женился тоже по телеграмме?» Я кивнул: «Да, по устной. Уже как пять месяцев». — «Ну, молодец! Слышал я, что женившийся рано не пожалеет об этом, как и рано вставший. Я посажу тебя в купе к проводнику, чтобы караулил тебя до Новосибирска, а там сам поведу безбилетника, а ты зайцем дуй к паровозу барнаульского товарного поезда».

Сестра мягко вмешалась. Таня молчала, а у Шурика лишь внешне звучали обычные слова, скрывая немые волны вспыхнувшей нежности, дошедшей и до милой медсестры, похожей, как Шурику показалось, на добрую фею в белой накидке. Украдкой касаясь паутинным платочком уголков небесно-голубых глаз, прошептала:

— Расспрашивать о дочурке не надо. Она ее почти не видела. И очень страдает. Когда началась родильная горячка, девочку забрал к себе на заимку дед, чтобы спасти искусственным питанием.

После больницы Саша шел на заимку знакомиться со своей малюткой и новыми родными. Николая Ивановича представлял благородным таежным рыцарем.

Подходя к заимке и увидев там работающего садовода, Шурик издали закричал:

— Лучше нашей Танюше! Лучше! Будет жить! Будет!

Отец Тани, Николай Иванович, заметил идущего Шурика. Он сразу же вышел навстречу зятю. Как отметил для себя Саша, это был сдержанно-спокойный коренастый бородач. От Тани Саша знал, что отец ее был настоящим энтузиастом, страстно влюбленным в сибирское морозостойкое садоводство, и что его заслуженно считают сибирским Мичуриным. Но если именем Мичурина назвали старинный город, то Николай Иванович Давидович всего лишь ведал своей заимкой, превращенной им самим в испытательный плодопункт.

Отбросив недокуренную самокрутку, Николай Иванович обнял разогревшегося от долгой ходьбы Шурика:

— Прежде гонцов вестей хороших награждали щедро. Вот я тебе сейчас самое вкусное сибирское яблоко преподнесу.

— Здравствуйте, Николай Иванович! Ваша телеграмма достойна и Цезаря, и Цицерона. А я вас совсем другим представлял. Какая у вас чудная заимка. И не так уж Далеко от города.

Николай Иванович внимательно слушал, а Шурик засыпал его вопросами.

— Ну, как моя дочурка? Почему Ниной назвали? Врача сюда не дозовешься? Меня, небось, молокососом считаете? Мне в пути слова одного мудреца передали: «Женившийся рано не пожалеет об этом, как и рано вставший».

Выслушал юного зятя, Николай Иванович скрутил пожелтевшими пальцами новую самокрутку и заговорил:

— Будь здоров, зятек. Телеграмму мою, вижу, понял. А я — вот таков. Из послания Цезаря не выкинешь ни слова, а к речи Цицерона ничего не добавишь. Когда смысл ярче суди сам, — он неспешно затушил цигарку и оживился: — А дочка твоя — ангелочек. Отца вроде архангела должна иметь, — и он улыбнулся. — Как бы не пришлось тебе крылья отращивать. В случае чего, — начал он, снова закуривая, — в деревне старенькая фельдшерица с земских времен живет. Имя мама дочке пожелала дать по одному из углов вашего жилого квадрата. А вот насчет ранней женитьбы, то мудрость это крестьянская. Парень в восемнадцать лет торопился работников народить для своего будущего хозяйства. Заимку нашу люблю, как ваятель скульптуры свои. Место выбрал, чтобы детям можно было в гимназии пешком ходить. Хозяин я безлошадный, — усмехнулся он. — Премии Всероссийской сельскохозяйственной выставки за сибирские плодовые культуры на одну лошадиную силу не хватило. А вот на банкет для землеустроителей в 1914 году не поскупились. Меню сохранил, как обличительный документ, — и он протянул

разукрашенный тиснением лист сложенной пожелтевшей бумаги.

На обратной стороне пригласительного билета значилось:

МЕНЮ
1. Закуски и к ним:
Водки, рябиновая наливка, коньяк,
2. Бульон с пирожками.
3. Утки-чирки, курица с рисом.
4. Беф-лангет.
Мадера, портвейн, белое и красное вино.
5. Салат-оранж.
6. Кофе, чай, фрукты.
Ликеры.
Во время вкушения блюд слух ублажает оркестр.

— Вот видишь, мой милый, считай, под музычку целую конюшню лошадей съели, — и, улыбаясь в усы, Николай Иванович бережно спрятал пригласительный билет и вздохнул. — Ныне, увы, завсадопункту от банкета не лучше. Ладно, соседушки-крестьяне помогают. На базаре яблоками торгуют. С половины — им. Государству остальное, а мне — что по штату.

Только теперь Шурик понял, что Николай Иванович педантично ответил на его вопросы, и в том порядке, в каком они были заданы.

— Пойдем в дом. Ангелочка своего с ее бабушкой Марией Кондратьевной, урожденной дворянкой Сабардиной, увидишь. Они с твоей Татьяной не только в гордости дворянской схожи, но и еще кое в чем нас с тобой похожими сделали.

— Нас с вами? Что вы, Николай Иванович!

— Разговор у нас с тобой мужской. И на сегодня и на будущее. Женились вы с Таней в мае, роды в ноябре. Следовательно, невеста твоя беременна была.

Смущенный Шурик поник головой. Оба они сидели на спиленном стволе дерева, по словам садовода «зеленого студента», не сдавшего строгого экзамена сибирского зимнего университета. Николай Иванович похлопал «бедолагу» по гладкой коре:

— Хоть и окончила Мария Кондратьевна Смольный институт, на фортепьяно играла, языки, танцы и светские приличия знала, но не погнушалась исключенным за революционную деятельность из Петербургского университета студентом, сосланным в Томск под надзор полиции. Оба мы были атеисты и не хотели связывать свою общую жизнь с попами. Но Природа и общественные устои оказались сильнее нас. Ребенок стучался на свет. И имел все права быть законнорожденным. Пришлось на извозчике тайком

ехать в захудалую загородную церковь, где, кроме попа и дьякона, никого не было. А для венчания требовались два свидетеля. Спасибо Церкви и… Полиции.

— Как так? — поразился Шурик.

— Насмешка Судьбы. Поп, боясь упустить заработок, обвенчал нас, взяв в свидетели дьякона и полицейского шпика, увязавшегося за мной. И стала наша Катенька законнорожденной, потом сын Сергей. Новое столетие, под самый Новый год, отметили твоей Татьяной… Спасибо вам обоим сердечное за внучку первую.

Дом был крепкий, как изба, срубленный из добротных бревен. Две комнаты и огромная веранда с широкими, на всю семью, нарами. И для садовых нужд просторно. Первая большая комната с семейным столом и диваном хозяина, которому, судя по пепельнице, курить здесь разрешалось, чем летом он не пользовался, выходя на улицу или веранду. На стенах висели ружья и рыболовные снасти, говоря о таежных интересах их владельца.

Другая дверь вела в комнатку городского уюта, с кроватью — высокой спинкой к стене, с коврами, картинами, изящным туалетным столиком и зеркалами. У двери пианино, а за ним — бельевая корзина. И глаза его засветились при виде спящего детского личика с пуговкой сопящего носика. Знакомая по больнице волна счастливой нежности окутала. Почувствовал росу на ресницах.

Кто-то обнял его. Обернулся — Мария Кондратьевна. Как вычитал во многих книгах, церемонно поцеловал ей руку, а она расплакалась:

— Дитя, еще одно дитя! — сквозь слезы воскликнула она. — Чтобы почувствовать себя папой, тебе, Шурик, надо принять участие в кормлении звереныша, — и она рассмеялась. — Прелестная зверушка. Мы от нее без ума.

Все это говорила не статная, чопорная дама, блюстительница традиций Сабардиных, а маленькая женщина в простеньком платье, повязанная платочком.

К вечеру справиться о здоровье Тани и полюбоваться на малышку во время очередного кормления пришла довольно интересная, закадычная подруга Тани, Ариадна, а попутно попробовать на прочность и раннего отца.

— Это же храмовый ритуал! — восклицала она при виде приготовлений.

На стол поставили кастрюлю с водой и синеньким спиртовым огоньком под нею. В воду опускалась серебристое плоское кольцо на ножках, с аккуратными отверстиями по окружности для

бутылочек с сырым молоком, закрытых сосками. Вода в кастрюле доводилась до кипения, но молоко в бутылочках нагревалось до восьмидесяти градусов Цельсия, необходимых для пастеризации, когда уничтожаются все микробы, но сохраняются ценные свойства молока. Бутылочка, остыв, вытертая белоснежным полотенцем, подносится к нежным алым губкам «звереныша» и ротик впивается в соску. В освободившееся отверстие кольца опускалась новая бутылочка со свежим молоком.

— Конвейер! НОТ — научная организация труда по Тейлору! — восхитился Шурик.

— На тройню не дотянули, милый папа, — кокетливо укорила Ариадна. — В наказание придется провожать гостью до крайних фонарей.

— Нет! — вмешалась Мария Кондратьевна. — В темноте он дороги обратно не найдет.

— Я же — Ариадна. Дам ему моток ниток. Размотает до города. И по нитке вернется к своему милому созданию, как в ясный день.

— Постелю вам, как всегда, на нарах, — вмешался садовод.

— Девочек нет. Я его боюсь, Николай Иванович.

— Мы с ним на нарах. Ты — на моем диване.

— Неудобно стеснять вас… Лучше бы проводить…

— Марш по койкам! — закончил хозяин спор. Ранним утром, как свежий шквальный ветер, влетела Катя. На веранде, целуя отца, кивнув Шурику, засыпала вопросами:

— Что с Таней? Как малышка? Откуда Шурик взялся? Его телеграммой в институте найти не могли, и как он мог меня в скором поезде, обогнать?

— Все просто, — ответил Саша. — Сначала сидел задержанным безбилетником в транссибирском экспрессе, потом кочегарил на паровозе вчерашнего алтайского товарного поезда.

— Гибрид мальчишки с настоящим мужчиной, — заключила Катя.

— Так морозостойкость и достигается, — заметил отец.

— А на твоем диване кто?

— Ариадна.

— А она зачем?

— Попытка привить свою ветку к чужому стволу.

— К дубу розу не привьешь, — вставил Шурик.

— Таня будет рада, — подумал вслух Николай Иванович.

— В том ли она состоянии? — спросила Катя.

— Детка, ты плохо знаешь женщин. Для нее это будет живительным опрыскиванием, как яблоне от вредителей…

— Какие вредители? Откуда вредители? Кажется, всю старую

интеллигенцию, где бы она ни водилась, за границу выслали… — Ариадна, не успев со сна пустить в ход косметику и, не понимая иносказаний, недоуменно стояла в дверях на веранду, покачивая бедрами созревшей женщины.

— Да это мы о гусеницах. Суд садоводов приговорил их к опрыскиванию.

— Пора на работу идти, — всем телом сладко потянулась гостья. — А как не хочется, девочки! Ты, Катя, только примчалась. Ложись на мое место, мне на зависть. Отдыхай. А нам с Шуриком до города по пути.

— Ты опять на своего ишака села, — оборвала ее Катя. — Я примчалась сюда не отдыхать, а сестру выхаживать. И мы с Шуриком уходим. Перекусим в городе.

Ариадна молча вышла через дверь веранды на лестницу, спускающуюся к Оби, реки настолько здесь широкой, что вспоминались слова Гоголя: «Редкая птица долетит до середины…»

Девушка присела на нижнюю ступеньку лестницы и уткнула лицо в колени.

Через некоторое время Николай Иванович, одевшийся в обычный костюм садовода, спустился с веранды и сел рядом с Ариадной, мягко положив ей руку на плечо. Она повернула к нему мокрое обиженное лицо:

— Я только Ариадна, а вовсе не Мессалина или гетера…

— Все мы носим древние имена. Я тоже не Санта Клаус, — успокаивающе произнес Николай Николаевич.

А Катя с Шуриком шагали уже на полпути к городу. Она рассказала о смятении, охватившем институт, во время поисков Званцева и вручения ему телеграммы. Надо отдать должное почтальону-тунгусу, воспитанному в русской семье. Рассказывали, что его нашли после гибели деда в районе Подкаменной Тунгуски, когда, по последним словам его погибшего деда: «Огды, бог Огня и Грома, спускался на землю и вся тайга валил от сопки до сопки, из болота струя воды вверх пускал. Чудо был…»

Подросший его внук, теперь почтальон, догадался найти адресата, «Званцева Александру», как охотник зверька в укрытии, в кабинете профессора Трапезникова.

А тем временем в Томск спустился с вагонной подножки живой бог Огды с комиссарским мандатом, чтобы «валить тайга», вырывать с корнем из студенческой среды непролетарские, чуждо классовые ростки, что станут сорняками новой технической интеллигенции. Словом, красное чудо оздоровления студенчества совершить.

На каждом факультете создавалась комиссия по чистке под председательством студенческого секретаря факультета.

— Таня, по случаю родов, в академическом отпуске, а у меня очередная поломка тачки, — сказал Званцев Кате, сообщившей ему грозные новости:

— Главное, Таню на ноги поднять!

— Тогда и на ринг выйдем! — пообещал Саша. Тяжелое состояние больной позволило Кате остаться при ней круглосуточной сиделкой. Саша уходил на заимку один. Ариадну он больше не видел.

Прошло десять дней.

Николай Иванович взял авансом за будущие яблоки у крестьянина лошадь с телегой, и вместе с зятем они подъехали к больнице. Под руки с Катей и Званцевым Таня вышла к отцу.

В счастливые вечера Саша играл всей семье на пианино. Активной слушательницей оказалась малышка, особенно оживляясь при «Шествии гномов» Грига и при куплетах Мефистофеля из оперы Гуно «Фауст». Катя назвала эти пьесы — «чертяки». Так их и заказывали Саше.

Когда же Таня смогла спеть с Катей «Уж вечер…», дуэт Лизы и Полины из «Пиковой Дамы» Чайковского, пришел конец музыкальным вечерам на заимке Николая Ивановича. Институт ждал своего студента.

Выпал первый снег и Званцев, оставив жену с малюткой у родителей Тани, вернулся с Катей в Томск.

Дома застал вызов в деканат с зачетной книжкой.

— Все ясно! Только я и видел теперь свою зачеточку, — бодрясь, говорил он Кате. — Предков не выбирают: с одной стороны — купцы, ведущие род чуть ли не от седьмого сына казанского хана, женившегося на указанной ему Иваном Грозным боярышне. По другой линии, польские шляхтичи из трехсотлетней глубины подарили мне деда гусарского полковника-революционера, сосланного в Сибирь. Только никто, кроме мамы моей, хранившей портрет отца и знакомой с польскими родственниками, об этом не знает. Да и омичей среди студентов нет.

— Ты так думаешь? — загадочно спросила Катя.

По светлому высокому коридору в деканат механического факультета, горделиво закинув голову, шел председатель комиссии по чистке Бурмакин. Он получил подтверждение от земляка Званцева о принадлежности того к враждебному классу. Позиция Бурмакина будет непреклонной: «Но как сладить с профессорской частью комиссии». Бурмакин боялся за себя. Кто-то донес о его якобы симпатии Троцкому. А тут еще этот Званцев.

Собираются, старые дореволюционные песни поют. А между песнями о чем говорят? Или только женятся? Твердость нужна. Лишь бы ребята не подвели, зачеты этим же профессорам придется сдавать. И здесь — классовая борьба…

В тесной комнатке деканата, выполняя тяжелую позорную работу, сидели почтенные профессора во главе со стареньким деканом Тихоном Ивановичем Тихоновым, обликом своим, именем и фамилией напоминавшем о тишине Говорил он всегда спокойно и негромко, и студенты, боясь шелохнуться, прислушивались. Он возглавлял кафедру холодной обработки металлов и металлорежущих станков.

В комиссию по чистке кроме декана и Бурмакина входили профессора Шумилов, Вейнберг, Трапезников и студенты от партии, комсомола и профсоюза.

— Следующий «кандидат на свалку» — лицо нам знакомое: Званцев Александр, — объявил Бурмакин. — У нас он значится как сын служащего частной торговой фирмы и школьной учительницы пения. Но вот тут пришло разъяснение от его земляка, бывавшего в семье Званцевых.

— Попросту донос! Какая пакость! — не сдержался профессор Вейнберг и вытер руки платком.

— И служащий частной торговой фирмы превращается в сына и совладельца купца-миллионера Петра Званцева, а жена его, Магдалина Казимировна, внучка родовитых шляхтичей, современников изысканного Шопена, получает доступное лишь богачам музыкальное образование и, развлекаясь, то учит детей пению, то играет первых героинь в любительских спектаклях.

— Скажите, товарищ Бурмакин, а сына наркома Чичерина вы тоже выгнали бы из института? — прервал Трапезников.

— Просил бы не затягивать заседание, — огрызнулся Бурмакин. — Нет у нас студента Чичерина.

— Товарищ Чичерин прекрасно играет на рояле. Большой любитель музыки, — закончил Трапезников.

— У нас не о любителях музыки, а о купцах речь идет.

— Тогда скажите, купец Петр Званцев в условиях НЭПа восстановил свое дело? — поинтересовался Шумилов.

— Пристроился в протезной мастерской, как инвалид гражданской войны, без пальцев, — и Бурмакин показал два кулака со сжатыми пальцами и торчащими в стороны большими.

— За кого дрался-то? — спросил профсоюзник.

— Перешел к красным. Но это ничего не значит. В инструкции предусмотрена лишь дореволюционная деятельность родителей, и потому предлагаю Званцева из института исключить, — попытался сразу решить вопрос Бурмакин.

— Товарищ Сталин говорил: «Сын за отца не ответчик». Забыли? Протестую! — горячился Трапезников.

— Товарищ Сталин к слову сказал, а тут инструкция!

Заговорил декан. И словно захлопнулась дверь в шумный зал. Все хотели услышать тихие весомые слова.

— Получено письмо Наркомата о контрактации выпускников наших вузов с выплатой значительной стипендии при условии прохождения преддипломной практики, на которой он проявит себя, скажем так, как показал себя рассматриваемый студент Званцев, судя по отзыву о нем Надеждинского металлургического завода. Надо ли закрыть ему дорогу к преддипломной практике?

Тихонов смолк. За окном со скрипом брала подъем подвода, и слезший с нее мужик, идя рядом, кричал на лошадь так, что через двойные рамы было слышно:

«Н-ну, милая, язви тебя в душу, поддай, поддай!»

Тишина не нарушилась, а затягивалась.

— Отец мой Петр Исаевич, классик перевода западной поэзии, сказал бы: «Гнать — раз князь. Взять — коль грязь».

— Уместнее, товарищ Вейнберг, думать не о западных классиках, а о борьбе с западными классами, к чему и призывает инструкция. Я поддерживаю генеральную линию партии, — заявил партиец.

Комсомолец поддержал его. Голосование тайное — каждый получал бумажку с фамилией обсуждаемого и мог или вычеркнуть ее, или опустить в урну нетронутой.

Когда Саша Званцев подошел к деканату, там уже не толпились студенты, как в прошлые дни. Чистка закончилась. В пустой комнате миловидная скромная девушка скучающе разбирала папки. Саша протянул ей зачетку. Она неспешно развернула ее и стала искать в лежащем перед нею на столе списке фамилию Званцева. Саше хотелось повернуться и бежать, не дожидаясь холодного: «Можете идти». Но девушка, молча развернула зачетку, взяла большой штемпель из ящика стола, потом раскрыла коробочку с красящей полушкой, приложила к ней штемпель, перед тем подышав на него, и стукнула им по раскрытой странице, оставив на ней оттиск, удостоверяющий, что студент прошел чистку. И в таком виде вернула зачетную книжку с улыбкой:

— Успеха инженеру Званцеву, — и смущенно опустив глаза, тихо добавила: — Зайдите. Тихон Иванович подпишет, — и еще раз ласково улыбнулась. — Был донос, но счет пять — три в вашу пользу.

Едва сдерживаясь от бега, Саша шел по коридору. Улыбка девушки отражалась в высоких окнах, в мраморных стенах, в

сверкающих плитах пола.

— Радость, Катенька, радость! — сообщил он Кате. — Понимаешь, был донос. Не представляю, кто и о чем мог написать?

— А где Паша Золотарев?

— Он мой лучший друг. Жаль, не выдержал экзамена и уехал. А я, свинья, не помог ему.

— Он бывал у вас? Родословную твоих родных знал?

— Знал, но ведь это же Пашка Золотарев, самый надежный человек.

— Но ты не помог ему и, провалившись, он мог вспомнить о тебе.

— Никогда он на донос не способен!

— Как знать… Дадим лучше Тане радостную весть. Подозрение Кати подтвердилось, «бог новобрачных Гименей» бесследно исчез или в облаках Олимпа, или в подземных чертогах сумрачного Демона, или вообще для дьявольских проделок, вроде «чистки», его из преисподней на землю, похоже, больше не посылали.

Глава вторая. ЗВЕЗДА МЕТАЛЛУРГИИ

В огне металл тебя зовет,
И ты влюбляешься… в завод.

Узкоколейный железнодорожный путь шел по берегу реки Белой, точно повторяя все ее извилины. Впереди бежал почти игрушечный паровоз. Васе Иванову не потребовалась бы большая комната, чтобы вычертить его в натуральную величину. К нему были прицеплены товарные вагончики и открытые грузовые платформы со всякой всячиной, перегруженной с широкой колеи в Тирляне. И еще в самом конце — один пассажирский с сиденьями. Можно было бы подумать, что Сашу Званцева занесло в страну лилипутов и он окажется здесь Гулливером. Хорошо, что этот последний в поезде пассажирский вагон, несмотря на свою миниатюрность, был рассчитан на таких же Гулливеров.

— Небось, впервой на такой каталке едешь, удалец? — спросил пожилой уралец со сморщенным от жара, в мелких морщинах лицом, казалось, прокопченым.

— Я на студенческую практику к вам.

— Ежели сталь варить, иди ко мне в подсобные.

— Нет, я механик.

— Механик — подмога нужная. Особливо «шаржир-машине».

Она шихту, точно подобранную по подсказке экспресс-лаборатории на жидкий металл в мартене кладет. Ей заслонку па окне печи подручные подымут, машинист ейный лоток сунет в самый жар — и перевернет. Вроде бабы с ухватом, что чугунки в русскую печь ставит. Только мы не щи да кашу варим, а лучшие в мире, любого состава стали без примеси серы. Домны-то наши не на коксе, а на древесном угле работают.

— Я знаю вашу машину. У меня такой курсовой проект был. Самым трудным считался.

— Значить, подходящий нам парень, коль за самое трудное берется. Не хочешь ли прогуляться со мной?

— Что? Здесь остановка?

— Пошто остановка? Паровозику нашему лишь бы до Шишки без остановки дотянуть. Мелководье значить. Будь ты барышня — на руках перенес бы. А теперича оба босыми на тот берег переправимся, обуемся и горушку лесочком, как молодуху, возьмем и прямо к реченьке нашей Белой выйдем. Снова на перекате бурлит, родимая. Затем опять разуемся и во второй раз войдем в энту самую водичку, в какую уже впервой входили. Пока мы горушку переваливаем, вода по длинной петле горку ту обтекает, а наш паровоз рядышком объезжает. Обувку в руках держим, по приступочкам в свой вагончик войдем и на своей лавочке, как на парад, оденемся, а воздуху горного сколько в себе принесем — измерить некому. Так что два раза в одну воду войдем, а говорят — нельзя! Пошли, што ли?

И Званцев соскочив на ходу, попытался с новым приятелем опровергнуть древнюю мудрость. И опроверг, не подозревая, что зимой речка на мелководьях с людьми сочтется.

От вокзала со странным названием «Шишка», близ будущего сталепроволочного завода, до управления Белорецкого комбината идти примерно столько же, сколько пришлось проделать Званцеву в Томске с тачкой. Теперь он шагал налегке, с твердым намерением проявить себя и законтрактоваться.

Три последних года в Томске показали Саше Званцеву изнанку семейной студенческой жизни. На следующий год после родов Татьяна приехала в Томск продолжить учебу. Но не одна, а с крошечной дочкой и своей матерью Марией Кондратьевной. Теща и вела дом, изощряясь в укорах.

— Татьяна, — обычно звала оно, — бери своего Шурика за ручку. Стол сервирован семенным серебром, как у князей Волконских.

— На первое — утонченная княжеская уха из щучьей чешуи? — пошутил Саша, разглядывая гнутую алюминиевую ложку.

— По Сеньке и шапка. Каков у купчика бюджет, таков семье его обед.

— Вы же знаете, что родители мои давно уже не купцы и высылают мне тридцать рублей в месяц, с трудом их зарабатывая.

Вбежала трехлетняя девчушка с бантом в волосах и поставила на стол пластилиновую вазочку с цветочком.

— Вспоминаю, что у счастливцев в Барнауле на столе всегда букет роз стоял, — вздохнула Таня.

— И у тебя стоять будет. Вот пойду в мае в шахматный клуб и наломаю черемухи у Кузьмича. Его императорское величество не обидится.

— Что же, мне мая ждать? — возмутилась Таня.

— Все у вас ненастоящее: почивший царь в лачуге, горькая черемуха вместо нежных роз, клуб без буфета и карт. Иной помещик из клуба с таким выигрышем возвращался, что ювелира вызывал, бриллиантовое украшение жене поднести.

— Или все фамильные драгоценности заложить в уплату карточного долга. Если я сегодня выиграю, то цены тому не будет.

— Пари? И на большую сумму? — оживилась теща.

— Нет. Я просто стану чемпионом томских вузов.

— Велико богатство! — вроде твоей профсоюзной стипендии в восемь рублей в месяц! Позор! — вспылила Таня. — Нет, не человек ты нашего круга. Гордости не хватает! Дед твой, гусарский полковник, со стыда бы сгорел.

— Но вы же обе корите меня, что приработка не имею. Как же я мог отказаться от значительного, по моим масштабам, увеличения нашего бюджета?

— Поди, и сосчитал во сколько раз! Тут ты мастак. Ты бы, зятек, какую-либо счетную работу на дом брал, вместо того чтобы, в шахматную доску уткнувшись, сидеть. Ребенок растет, одевать надо, а жена твоя, как в девичестве шинель таскала, так и теперь за солдата сходит. Стыдно мне, перед твоими же друзьями-соседями по комнате, вынужденными выслушивать наши семейные перепалки.

Но в этот день дверь отворилась, и в комнату вошел, озаряя ее солнечной улыбкой, неуклюжий, но крепкий молодой человек. Это был друг и соратник Званцева по шахматным композициям, один из сильнейших шахматистов Томска, будущий геолог Леня Староверов.

— Говорят, незванный го-о-сть — хуже тат-тарина, — заикаясь, произнес с веселой нотой в голосе и развернул газету «Советская Сибирь».

Казалось, что его светлые волосы, голубые глаза и складки

выразительных губ — все в нем улыбалось.

— Обедает-те? А я вам сладкое принес.

— Мороженое! — в восторге воскликнула маленькая Нина. — Где оно, дядя Леня?

— Оно скорее прот-тивоморозное… — загадочно улыбнулся дядя Леня и, подняв газету за уголки листа, провозгласил: — Позд-дравляю! На первом Всесибирском конкурсе составления шахматных задач первый и третий призы по двухходовкам п-присуждены Александ-дру Званцеву (Томск). Ура! Можешь заказать себе шахмат-ты из мамонт-товой кости.

— Нет уж, лучше пальто на меху. Или колье? — вставил Саша.

— Боюсь, на бриллиантовое не хватит, — вмешалась Катя. — Я для Тани шубку давно присмотрела. Прелесть!

— За шахматы — и такие деньги! — всплеснула руками теща.

— И д-даже довольно большие! — с улыбкой заверил Леня.

Катя с присущей ей энергией снова взялась за решение бытовых проблем. Сняла в татарской слободе ниже Университетского сада две смежные комнаты. Правда, вход был через полную чада кухню. В первой, более просторной, поселились Шурик с Таней, тещей и маленькой Ниной. В меньшей — Дубакины, закрывая плотно дверь от шума соседей. В то же время Катя была рядом с сестрой, матерью и малышкой, в которой души не чаяла.

Когда, оставив дома мужа Васю, приходила Нина, занятия учебной квадриги возобновлялись в комнате Дубакиных.

Званцев не желал уходить на курс вперед от жены, чтобы не попасть по распределению в разные места. Зарылся совсем в другие книги и стал уделять больше внимания шахматам, сдавал только самые необходимые зачеты, зато задумываемые им курсовые проекты заинтересовывали его профессоров. В итоге, с одной стороны, он был выдвинут на заводскую стипендию в сто двадцать пять рублей, с контрактацией стипендиата на работу инженером завода. В специалистах ныне острая нужда. С другой стороны, к последней практике Саша стал чемпионом томских вузов, с присуждением ему второй всесоюзной категории, и заметным шахматным композитором, купив на полученные призы жене меховое пальто. Все надежды возлагал он теперь на промышленную стипендию с заключением контракта. Другой человек на его месте поехал бы с этой целью в Надеждинск, где его уже знали, другой, но не Саша Званцев. Он рвался на юг Урала, где живы демидовские традиции и уже звучит последнее слово сталепроволочной техники.

С этими мыслями и намерениями, попав в Белорецк по

узкоколейке, обходившей гору, чрез которую перешел с попутчиком-сталеварoом, Саша подошел к солидному красного кирпича зданию заводоуправления.

Там его направили в технический отдел. Благодушный, полный и лысый инженер радушно принял практиканта, первым делом спросив:

— Какой язык вы изучали в институте?

— Немецкий.

— Отлично! — и он потер руки в знак особого удовлетворения. — Я сам — из немцев Поволжья. Думаю, слышал о таких. Так вот, друг мой, я крайне занят текучкой и заводской, и всего комбината. Мы выращиваем на делянках лес с семидесятилетним циклом, сами валим его, разделываем и на нашей лесопилке готовим хлысты. Обжиг превращает их в древесный уголь без примеси серы, что позволяет выпускать лучшие в мире стали. Для них строим сталепроволочный завод, где будет и канатный цех. Столько разных производств в горной глуши оправдывает дешевую узкоколейку, сделавшую Белорецк звездой металлургии. Я за полчаса справлюсь с ворохом бумаг и покажу, почему Александр Яковлевич Шефер, с родным — немецким языком, так рад вашему приезду.

Он вернулся в свой кабинет, откуда недавно вышел в светлый коридор, узнав о приезде студента. Простой и симпатичный, Шефер умел в краткой лекции приезжему практиканту толково обрисовать гигантское производство крошечной, затерянной в горах «страны лилипутов с малюсенькими паровозиками и вагончиками, перевозящими непробиваемые стальные листы для гигантских броненосцев и особых закаленных змей для неразрывных канатов». Так возник промышленный оазис среди диких гор и лесов Башкирии.

Появление инженера Шефера, одевшего для прогулки по заводу пальто и кепку, прервало поэтическое осмысление студентом услышанного от Александра Яковлевича. Теперь он взял Званцева под руку и повел к проходной.

В отличие от Надеждинского здешний завод показался чрезвычайно компактным, по-хозяйски удобно устроенным. Доменные печи и другие цехи стояли друг к другу близко, но, несмотря на это, двор его был изрезан узкими железнодорожными колеями. Смешно и заливисто свистя, по ним катили карликовые паровозики, из которых высовывались машинисты-великаны, зычно требуя сойти с рельсов. Чистоплотный Шефер предпочитал узкие полоски металла грязному междупутью, шагая по рельсу, как завзятый канатоходец, он уверенно ставил свои до блеска начищенные

ботинки аккуратно один перед другим. Его полная фигура, с расставленными в стороны для сохранения равновесия руками, перемещаясь странным скользящим шагом, выглядела своеобразно. Впоследствии Саша перенял такой способ передвижения по грязному в ненастье двору.

Они дошли до бетонированной площадки, заполненной в несколько рядов добротными деревянными ящиками с немецкими надписями.

— Это заказанный нами паровой узкоколейный подъемный кран с выносной стрелой. Никто не может разобраться ни в инструкции по сборке, ни в содержимом ящиков. А у меня нет времени делать переводы. Вам, знакомому с немецким языком, предстоит со всем этим разобраться, а подъемный кран собрать и поставить на рельсы. Мы дадим вам бригаду слесарей и такелажников, а я — немецко-русский словарь и право обращения ко мне по любому вопросу.

Подошел заместитель директора Аскаров и, выслушав Шефера, подтвердил его задание практиканту.

— Потом у нас работать будете. Сегодня даю вам день для осмотра завода, а завтра в шесть часов утра, с начала первой смены, получите бригаду.

Званцев вспомнил, что Чингисхан, проверяя военачальника, доставлял его с завязанными глазами в пустыню, затем ждал, когда ветер заметет следы и оставлял его там одного. Саша усмехнулся. Если у испытуемого монгола были только звезды над головой, то у него было преимущество. Он достаточно хорошо знал то место, куда его привели.

Резкий оглушительный звук заставил Сашу вздрогнуть. Театр начинается с афиши, а завод — с гудка. Саша ощутил заботу о простых людях, никогда не державших часы в руках. Это был их неподкупный заботливый друг. Когда гудки уступили место современным часам, как будто потерялось что-то в романтике труда.

Утром гудок заливался, хоть солнце еще не взошло над горами, не проложило в пруду золотой дорожки к огненным печам. Сашу он застал на заводе. Тот уже лазил между немецкими ящиками с деталями красавца-крана, который Саше предстояло не вычерчивать на бумаге, а поставить готовую машину на узенькие рельсы, чтобы на своей гордой ажурной, похожей на солнечный луч, стреле, поднять ввысь непосильный людям груз.

Но какой бы интересной ни была предстоящая работа, побороть в одночасье студенческие привычки она была пока не в состоянии. Честно говоря, не привык Саша к такому раннему

вставанию. Присев на один из ящиков, поплотнее запахнув куртку, он не заметил, как задремал.

— Товарищ студент, просыпайтесь. Я — такелажник. Гришей меня зовут. Бригадиром у вас буду. Четверть века уже тяжести таскаю. Гудок отгудел. Велит нам за дело браться. Ребята сейчас подойдут. Тележку из ящика вынем, на рельсы поставим, остальное, что необходимо, к месту приладим по вашему указанию.

Саша протер глаза. В небе угасали особые здешние звезды. Взглянуть бы еще на пруд. Как они там отражаются?

Аскаров, видный металлург Урала, обладал (мало кто знал об этом) национальной хитростью. Во всем симпатизируя Званцеву, тем не менее, он поручил механику завода Мехову, тихому старенькому человеку, следить за монтажом, который ведет Званцев, не подавая тому вида. Просто, проходя мимо и взглянув на работу слесарей, он скажет пару слов, рожденных русской смекалкой, которые рабочие подхватят куда легче, чем тяжеловесные немецкие наставления.

Званцев, ничего не подозревая, торопился показать, на что он способен, и большую часть времени проводил на рабочей площадке, иной раз удивляясь, до чего же сообразителен русский народ.

Прошло время. Перед ним уже стоял готовый к работе красавец-кран, не идущий в сравнение со своим красочным рекламным изображением. Его изящная ажурная выносная стрела указывала в небо и вперед.

В день испытания крана Саша пришел вместе с гудком. Взобрался, на оставшийся нераспакованным ящик, любуясь собранным краном, потянулся, размялся и пропел во весь голос концовку студенческой песни:

Первый тост за наш народ,
За святой девиз — «вперед»!
Вперед! Вперед!
Вперед! Вперед!

— Ну, студент, голосище у тебя разве что заводскому гудку уступит. Тебе бы по духовной части податься. Дьякон бы вышел первый сорт, девки в церковь ломились бы тебя послушать.

— Со славным утром, дядя Гри… — начал было Саша, но звонкий девичий голос прервал его.

— Ну, нет, дядя Гриша, такой голос попам не отдадим. А девчата пусть в клубе его слушают. Правда, Саша? Мы вчера с вами познакомились на музыкальной основе. Я вам еще раз

устрою концерт Вакара, если вы сейчас покажете мне прокатный цех. Папа столько раз обещал и всегда ему некогда.

— Как, дядя Гриша. Утро славное. Покажем золотой головке прокат?

— Отчего ж не показать?

— Время до девяти есть. А теперь давай котел разжигать, пар поднимать. Технический инспектор по котлам, товарищ Вакар, приехал. Я сам его вчера слышал.

— Пошто только слышал, а не видел?

— Неудобно было к Шеферам в дом заходить. Там гости были. Слушали его исполнение. Не себе же Вакар так играл.

— Оно так, конешно, — согласился Гриша. — Певчие в церквах али в театрах людям поют.

— Он нас с вами познакомил и сегодня только нам сыграет, после торжества, проката и крана, — задорно и весело вмешалась Инна.

— Ради этого на все готов! — и Званцев вспомнил, как вечером шел в отведенную ему комнату в доме на пригорке, с окном на особняк Шефера.

Глубокие, звучные, громкие аккорды заставили Сашу вздрогнуть и остановиться. Могучая, сокрушающая сила звучала в них, переходя от многозвучий хорала к басовой мощи органа. Выразилось в этих звуках неодолимое стремление вперед, вперед! Повторяясь, богатырски усиленные, они как бы поднимали слушателя выше гор и горизонта, в межзвездное пространство…

— Ребята, ребята! Мы зайца безбилетного поймали! Спрятался за калитку и музыку слушает.

— Когда музыка звучит — она для всех, — возразил Саша.

— Он еще спорит? Откуда здесь? Кто такой?

— Я студент-практикант.

Саша разглядел при свете звезд круглую, коротко остриженную мальчишескую головку, покрытую только что выросшими, из кольца в кольцо, кудряшками.

— А я — Инна Шефер, дочь Александра Яковлевича. А волос у меня нет, потому что я тифом болела.

Саша всмотрелся в смеющееся со вздернутым носиком мальчишеское лицо и никак не мог его представить девичьим. Гибкая тоненькая фигурка восхищала, но не убеждала.

— Моя мама — дочь врача из рода священников. Она очень ждала мальчика, а тут я… Стали думать, какое имя дать. Папа — немец, хотел мне дать северное имя Ингрид, но мама нашла в дедушкиной «книжке имен» три мужских имени: Инна, Имма и Римма. Теперь их девочкам дают. Вот мне и дали. Почему вы не показываетесь в клубе? Мы стараемся представить там что-нибудь

интересное. И танцуем. А танцевать всегда интересно. Мне семнадцать лет. А вам сколько?

— Двадцать два. Заканчиваю Томский технологический институт. Буду здесь работать.

— Ой, как хорошо! Папу все время переводят. Надеюсь, здесь мы задержимся. Вы не против?

— Мне ли быть против наркомовских решений? До высот таких не добраться. Происхождение не позволяет.

— Как и мне. Частично — духовного звания, частично — немецкого. Хотя и русская.

— А вы немецкий язык знаете?

— Как и русский. А вы?

— Слабо. И, несмотря на это, меня все-таки поставили монтировать присланный из Германии подъемный кран. Надписи немецкие и всякие замысловатые инструкции никто прочесть не мог.

— А папа?

— До директора — высоко, до Шефера — далеко.

— А вы забавный! И как же ваш кран?

— Смонтирован. Он самоходный, паровая машинка своя. И паровой котелок. Потому и технический инспектор здесь. Без его разрешения работать на кране нельзя.

— Так это вы Вакара вызвали? Он у нас остановился. И на рояле он играл.

— Теперь мне вдвойне страшно.

— Почему?

— Я тоже немного играю на рояле. Но, услышав Вакара, его волшебником себе представляю.

— И зря. Он милый и приятный человек.

— Технический инспектор на работе всегда зверем становится.

— Очень интересно! И на кран, и на «зверя» посмотреть. Мне можно попасть туда, на ваши испытания? И прокатный цех посмотреть.

— Если ваш папа позволит.

— Я скажу, что вы об этом просите. Ладно?

— Я согласен. Но удобно ли вам на меня ссылаться?

— Мне все удобно! И «если женщина захочет, то настоит на своем!»

— Это уже из оперетты. Думаю, дело будет посерьезнее.

— Не бойтесь, я приношу удачу.

Мальчишки, сопровождавшие девушку, наперебой стали просить ее поговорить с отцом, чтобы и им можно было посмотреть испытания. Но девушка топнула ногой:

— Баста! Здесь не цирк! Меня проводили, спасибо! Теперь по домам! И вам, студент, тоже. Вы где живете?

— Вот в этом доме, над вами.

— Вот здорово! А как вас зовут? А то как от вашего имени за себя просить буду?

— Александр Званцев. Я из будки крана стану вас в толпе искать. Народу много сбежится.

— Меня сразу узнаете. Других таких рыжих нет! Папа давно облысел. Итак, до утра? Девять часов?

— Вакар назначил.

— А я уже знала, — рассмеялась Инна и протянула Саше руку, прощаясь. — Желаю успеха, — продолжила она, к великому смущению женатого студента не отпуская его руки. — Это был Рахманинов, мой любимый этюд. Теперь он стал мне еще дороже.

— Почему?

— Потому что конфеты любила «Му-му», — сказала с насмешкой, вырвала руку, вприпрыжку взбежала на крыльцо и, не обернувшись, захлопнула за собой дверь.

— Хороша пташка, да не Машка, — вздохнул кто-то из не разошедшихся ребят.

— Эй, пострел, песню про целовальника знаешь? — остановил двинувшегося было Званцева один из них.

— Почему не знать? Могу и спеть с вами. И сразу завел:

Эх, да мы подходим к кабаку.
Целовальник на боку…

— Спит! — подхватила вся ватага и, положив руки друг другу на плечи, продолжала петь, спускаясь по улице. И уже снизу до Саши доносилось:

Целовальника по уху,
Не люби нашу Маруху!

Саша не стал даже взламывать ящик с надписью: «Захваты для рельсов», программа испытаний не предусматривала «удлинение узкоколейной железной дороги укладкой собранных в заводских условиях частей рельсового пути». В обязанность технического инспектора входило проверить паровую систему под нагрузкой и работоспособность всех механизмов. Аккуратный неразбитый ящик с рельсовыми захватами внутри оказался самым удобным местом для почетных гостей: заместителя директора Аскарова, Шефера с дочкой и технического инспектора Вакара.

Но пока отец только шел на завод, дочь в сопровождении Званцева входила в полутемный прокатный цех:

— Wunderbar! Как красиво! — воскликнула она при виде огненных полос и сверкающих змей, вылетающих из пары вращающихся валков, обжимавших в ручье и толкавших вперед раскаленную заготовку. Едва ее светящаяся головка показывалась из ручья, умелый и ловкий рабочий с артистической сноровкой подхватывал полосу клещами и, на вытянутых руках обводя вокруг себя сверкающей петлей, направлял в следующий ручей более быстро вращающихся в другую сторону валков. Пройдя несколько сужающихся ручьев, получив окончательную форму, драгоценная, еще горячая, изумрудного цвета стальная проволока наматывалась на вращающийся барабан.

— Как чудесно! И страшно за этих смелых мастеров, стоящих внутри огненной петли. Разве это не опасно?

— На заре проката действительно было опасно, когда все клети имели общий привод от паровой машины. Тогда, в случае поломки привода первых клетей, остальные продолжали тянуть полосу, выбирая петли.

— А как же рабочие? — взволновалась девушка.

— Кто не успевал перепрыгивать полосу, как спортсмен в прыжке планку, тот погибал, разрезанный пополам.

— Какой ужас! Ich habe Angst! Что же ваши инженеры смотрели?

— У инженеров, в прошлом розмыслов, свое понятие о чести. Путеец, к примеру, если прорываемый по его проекту с двух сторон горы тоннель не сходился, пускал себе пулю в лоб. А розмысел-прокатчик, говорят, бежал в соседний цех и бросался в ковш с жидким металлом, оставляя после себя только дымок. Так и хоронили беднягу вместе с ковшом, опуская его в вырытую прямо в цеху яму. Потом ее засыпали и покрывали железными плитами.

— Ведите меня туда, я хочу поклониться ему.

— Это было не здесь. Скорее всего легенда. Нам надо спешить, а то как бы самому не попасть в ковш.

Глава третья. ПАДЕНИЕ ИЛИ ПОДЪЕМ?

Мы подходим к кабаку,
Целовальник на боку…

Молодые люди подошли к месту испытания. Шефер был уже там, и дочь бросилась к нему со словами:

— Was sell ich? Das ist Kran? Eine so grosse Maschine aufder

Schmalbahn! Das ist Wunderbar! (Что я вижу? Это и есть кран? Такая огромная машина на узкоколейке! Это восхитительно!)

— Что это так восхитило вашу дочь, товарищ Шефер? — поинтересовался Аскаров.

— Огромная машина на узеньких путях. А восхищается она всегда по-немецки. Это у нее с самого раннего детства, когда она говорила только по-немецки. В детский сад она пошла вместе со своими маленькими подружками-немками, где и осваивался литературный русский язык. Конечно, ей было легче, чем им, поскольку супруга моя была из русской семьи, имевшей отношение к духовному званию.

Саша в парадной форме стоял на площадке подъемного крана, как на капитанском мостике дредноута. Он внимательно всматривался в толпу: увидел опирающегося на палку Вакара. Палка была не дань моды, ее он носил после ранения на войне. Аскарова, механика Мехова и Шефера с дочкой….

Движение рычага — и тележка со своим поворачивающимся подъемным устройством покатилась вперед. Раздались восторженные крики и рукоплескания, как будто подъемная машина проделывала сложные «па». Саша потянул рычаг на себя — и подъемный кран поехал назад. Затем другим рычагом он повернул смотрящую в небо выносную стрелу, которой предстояло брать груз, направо от железнодорожного пути. Там были сложены грузы, которые он легко и перенес на стоящую на рельсах пустую платформу.

Но грузы были не только справа, но и слева, где находились зрители. Для большего эффекта там был приготовлен особо громоздкий груз, сколоченный из разломанных немецких ящиков, набитый всякой тяжелой рухлядью и обернутый веревочными канатами. Суетившиеся около него рабочие зацепили крюк крана за канатную петлю, устремив взгляды на конец стрелы. Она ярко вырисовывалась на фоне мрачного весеннего неба, когда зима делает последнюю попытку догнать красавицу-беглянку и остановить ее метелями.

Канат натянулся, и Саша, как бы слившись с подъемным краном, ощущал себя с ним одним существом. Как изменится вся его томская жизнь! Канат натягивался, как нерв, идущий к его мозгу. И вдруг заскользили Сашины ноги по полу кабины, а зацепленный груз не поднимался. Холодный пот выступил у Саши на лбу. Он непроизвольно, как наездник, которого обгоняют, ударяет любимую лошадь, перевел работу подъемной машины на крайний режим, с ужасом заметив, что ажурная стрела крана, вынесенная вбок, гнется, весь подъемный кран частью колес тележки поднимается с рельсов, вся его будка с котлом, со

стрелкой манометра, показывающей опасную черту, накренилась. Кран падал. Саша бросился к котлу, открыл одновременно и свисток, и предохранительный клапан. Пронзительный, неистовый визг, как предсмертный крик жертвы, смешался с оглушительным шипением рвущегося из заточения пара. Полупрозрачное облако окружило его, и он мгновенно сполз на землю. Только быстрота случившегося спасла практиканта Званцева от серьезных ожогов.

Инна метнулась было к месту аварии, но отец удержал и строго, по-немецки потребовал, чтобы она ушла домой и ни во что не вмешивалась. С поникшей стриженой голов-коп побрела она к проходной, видя перед собой быстро шагающего отца и прихрамывающего Вакара.

Аскаров, как высеченный из камня, с непроницаемым монголоидным лицом, одним своим присутствием наводил порядок и тишину.

Саша и Гриша-такелажник сидели на обломках ящика, и Гриша ободряюще говорил:

— Ну, молоток! Машину собрал — и рекламанция налицо. Как в кабаке. Кран подъемный, что целовальник, на боку, ждет «по уху», выправляй Маруху, подкрась, как барышню к тиятру, где с пением и танцами. Опирета называется. А нам, мастерам, сполна — и с чарочкой. Жаль, по моим усам не потечет, да в рот не попадет.

— Почему?

— Работа наша сделана. Дадут мне, Саша, другую бригаду.

— Жаль, конечно, привык я уже к тебе.

— У нас так оно завсегда, что потяжельше на заводе — только Грише поднимать.

— Что ж тебе на плечи теперь ляжет?

— Рояля.

— Рояль?! — недоуменно повторил Саша. — В клубе-то только пианино. А в мартенах на рояле не играют. В прокатном — тоже.

— Ну и я о том же. У Шеферов только и есть рояль на заводе. А он тяжелый. Двадцать пудиков. Мне до этого надо крепче на ноги встать и ночью звезды сосчитать, на жестких бревнах поспать. Спиной окрепнуть.

— Квартиру другую им, что ли, дали?

— Ни, совсем съезжают от нас. И роялю с собой берут. Два раза погрузить придется — один раз на подводу, другой — на железнодорожную платформу.

Саша сам на понял, почему ему стало так горько.

Послышался звонкий топот копыт. Подъехала «карета скорой

помощи» — личная коляска Шефера, с ним самим на козлах, а рядом, выполняя роль «санитара», сидел технический инспектор Вакар.

— Тутока он, тутока. Жив-живешенек, забирайте, товарищ Шефер. В облецах небесных на землю сошел, и хоть бы хны! А они горяченькие, как в бане.

Вакар с Сашей сели на заднее сиденье. Шефер погнал лошадь.

— Не понимаю, почему такой переполох. В детстве я попал в железнодорожную катастрофу, столкновение поездов, и то шуму меньше было.

— Сиди, сиди, молоток. Сам-то шуму не делай, — напутствовал дядя Гриша.

Шефер обернулся с козел и предложил Вакару поменяться местами.

— Я должен от всей души поблагодарить вас, товарищ Званцев. Вы не только оказали заводу услугу, но и меня лично спасли от суда, а то и от смерти. Старые легенды легли в основу новых заводов, но возвели тяжкую ответственность за технику безопасности на нас, руководителей заводов. Если бы вы не предотвратили взрыв парового котла, последствия были бы непредсказуемыми. Когда я стоял сегодня на нераскрытом ящике с рельсовыми захватами, то меня осенило, что здесь лежат вовсе не приспособления для удлинения рельсов. Я прочел и понял нашу с вами, а вернее мою, ошибку: в ящике лежали захваты рельс, на которых стоит кран. Они призваны помогать противовесу при перенесении груза с левой или правой стороны пути на открытую платформу, ради чего и был выписан этот кран моими предшественниками. Не вы, а я должен был это учесть. Не беспокойтесь о своей контрактации. Ее полезность подтверждена была вашей сметкой и инженерным подходом.

«Да, но рояль?» — вертелось на языке у Саши. Но он так и не решился задать этот вопрос.

Две недели пролежал в больнице ошпаренный паром практикант. «Небесные облаца», спустившие его на землю, были еще слишком горячими. Когда Саша Званцев вышел на завод, кабинет начальника технического отдела был пуст. Саша писал сухие письма семье, что отныне они будут иметь производственную стипендию, на большее пока он был не способен.

Отведенная Званцеву комната была на редкость неудобна, напоминая узкий коридор с единственным окном в торце, где только и можно было поставить стол с непременным телефоном. Втиснуть рядом выданную казенную железную кровать не

удавалось, мешала несообразно расположенная дверь.

— Пошто Господь Бог начальство хозяйственное обижает? Вместо мозгов — труха с соломой, а те лошадиное стойло или хлев коровий инженеру заводскому для жилья предлагают. Мужики себе избы лучше строят. До Аскарова напрямик пойду.

— Не надо, дядя Гриша. Здесь из окна особняк виден. В нем рояль стоял. Я окно открою — и мне музыка слышится. Там сейчас ремонт идет. Аскаров мне его обещал, как семья приедет. А жена — тоже инженер.

— Какой из бабы инженер? Ей бы еще енеральские эполеты и штаны из-под юбки с лампасами. Вес одно наш брат не признает. Не обложишь — не поедешь, особливо ежели в гору.

Саша только пожал плечами:

— А про комиссарш не слыхал?

— То другое дело. Там оружье, маузер или что еще. Под пулей чего не сотворишь? А тут у твоей бабы даже ухвату не будет. Вот так.

Практиканта Званцева после выхода из больницы назначили помощником механика завода. Заказы на запасные части, которых и сделать здесь нельзя, сыпались к механику завода. И Мехов свалил эту гору бумаг на студента и ставил свои крючки, обещая выполнить. Городские дома были на заводской электросети, а небольшая заводская электростанция с такой нагрузкой не справлялась, и лампочки не горели, а тлели. Тут Мехов был безжалостен и на каждую новую просьбу о включении отвечал отказом, хотя бы она исходила от самого секретаря райкома партии товарища Гришкана.

Секретарь райкома, как и секретарь факультета в Томске — Бурмакин, невзлюбил практиканта Александра Званцева, приехавшего теперь сюда на практику, притом без согласования с ним.

Он запросил у секретаря механического факультета или парторганизации отзыв о студенте Александре Званцеве. Ответил ему с большой охотой Бурмакин, любезно выслав выдержки из протокола заседания комиссии по чистке, порочащие классовое происхождение Званцева. Гришкан обрадовался, что его неприязнь верно подсказана партийным чутьем, и решил действовать.

Неудачное испытание импортного крана Званцевым и поспешный отъезд Шефера вооружили Гришкана на раскрытие факта «вредительства».

Званцев поселился в своей комнате и скоро почувствовал все ее неудобства. Когда он бывал дома, телефон не переставал звонить, и знакомый голос телефонистки сообщал, кто его

разыскивает. Не только днем, но и ночью часто заставляли ею вскакивать с кровати и бежать к столу. Иногда было достаточно передать указание. Но в большинстве случаев — одеваться и идти на завод, к домнам на скиповой подъем или в прокатный цех, где будут менять подшипники у валков, где разработались «ручьи» и проволока выходила не того диаметра. Порой приходилось сколачивать бригаду слесарей, а то и самому браться за ключ или молоток.

Но чем больше требовал от него завод, тем крепче он привязывался к нему. Заботы механика захватывали Сашу, не давали ему и подумать о чем-нибудь другом.

На очередном заседании райкома, как всегда, были постоянные его члены, в их числе: Аскаров, партийные активисты комбината, городские власти, ОГПУ и милиция.

Гришкан, прозванный «узкоколейным», низенький человечек с вечно подозрительным взглядом близко посаженных друг к другу глаз, с кем можно — властно крикливый, с кем надо — сладко угодливый, объявил, что в повестку дня вносится вопрос первой важности: о предотвращении вредительства на металлургическом заводе.

— Разве к этому есть основания? — недовольно осведомился Аскаров.

— Есть и достаточно веские. Пренебрегая ими, легко потерять партийный билет. У вас на заводе поломку ценного импортного оборудования стараются списать на технологическую ошибку. Виновники же этого преступления слепо окружены вниманием. Одного отправляют в Москву, подальше от ЧП, а другого назначают помощником механика, чтобы быть поближе к важным объектам.

— Если вы имеете в виду поломку импортного крана во время опробования, то испытания для того и проводились, чтобы выявить дефекты и предъявить изготовителям рекламацию. Что же касается молодого специалиста, хорошо проявившего себя, то, на наш взгляд, только загружая его работой, можно получить хорошего инженера, — с подчеркнуто холодным спокойствием парировал нападки Гришка на Аскаров.

— Очень жаль, когда некоторые коммунисты не видят в случившемся факта вредительства, рискуют своими партбилетами, пренебрегая бдительностью в разгар завершения борьбы с оппортунизмом и опасными уклонами, — заключил секретарь райкома. Закрывыя заседание, он попросил чекиста и милиционера задержаться.

— Наш долг — прийти на помощь слабому коммунисту, стоящему во главе завода. Вы должны будете ежедневно

осведомлять меня о всех неполадках, случившихся на заводе. Необходимо иметь на руках достаточный материал для предотвращения вредительства, знать каждый шаг гражданина Званцева, все его связи и знакомства.

— Слушаюсь, товарищ секретарь райкома! — громко щелкнул каблуками ретивый глава милиции.

Гришкан остался вдвоем с чекистом Клыковым, мрачным, грузным мужчиной, с поникшими усами и спадающими на глаза густыми бровями.

Секретарь, приложив руку к остренькому подбородку, расхаживал по кабинету.

— Я так думаю, товарищ Гришкан, — сказал Клыков каким-то полузадушенным басом. — Вредительство надо показать, а потом брать по подозрению.

— То есть как это показать? — обернулся к нему Гришкан.

— Чтобы всем видно было, — невозмутимо пояснил Клыков.

— Самим заняться диверсией?

— Надо обезвредить вредителей, не дать им сделать это самим.

Гришкан задумался. Ни он, ни Клыков не доросли до будущих методов ОГПУ, когда «врагов народа» выявляли не на основе их действий или приписанных им, а с помощью вырванных пытками лжепризнаний. Кстати, впоследствии такой же жертвой станет и сам Гришкан. Но в ту пору они бездумно решили готовить зловещие диверсии, за которые ответят намеченные ими лжевредители, в первую очередь Шефер и Званцев.

Саше, как и большинству советских людей, и в голову не могло прийти такое глумление над народом. Он, счастливый, что работает на старинном, пусть с изношенным оборудованием заводе, радостно и честно нес, как тогда говорили, «трудовую вахту».

Глава четвертая. ВАЛ ИЗОБРЕТЕНИЙ

Как неотступное видение,
Всегда приходит озарение.

Быстро пролетело лето, кончались месяцы студенческой практики. Званцев сжился с заводом, который стал для него родным. Но уже завтра он покинет свою продолговатую, ставшую привычной комнату. Завтра он услышит в последний раз многозвучный, призывный заводской гудок, в последний раз посмотрит на отражение доменных печей и примыкающего к ним мартена в зеркальной глади огромного пруда. Посмотрит туда,

где в дымке возвышается еле различимая его любимая скала, мысом вдающаяся в водную ширь. Завтра маленький салон-вагон, заботливо предоставленный практиканту, возьмет его, чтобы колесить по бесчисленным поворотам узкоколейки, и тогда и завод, и пруд, и доменные печи, с батареей не уступающих им в росте кауперов, уже не будут ему видны. Но он вернется, меньше чем через год, вернется сюда инженером, чтобы отдать приобретенные знания и навыки любимому заводу. Вернется со всей семьей и обживет обещанный ему особняк. Кто же будет служить Белорецкому заводу, неутомимый аварийщик или неуемный выдумщик?

Сидя у открытого окна, он вспоминал о тех идеях, которые обуревали его в последние годы, о своих несчетных выдумках. Вот недавно в мартене… Он знал, конечно, о центробежном литье, когда струя жидкого металла льется во вращающийся металлический кокиль. Центробежная сила распределяет не затвердевший металл по внутренней цилиндрической поверхности охлаждаемого кокиля, и там остается отлитая неподвижная труба. Ее придется вынимать.

Недавно они, контрактанты, Званцев и Поддьяков, — несуразно высокий и безмерно веселый человек, работающий по специальности в чугунолитейном цехе, в хозяйстве механика завода, — два друга с одного курса Томского технологического института, рассуждали об отливке в кокиле, пока огненная струя, вздымая феерический фонтан искр, лилась в неподвижную изложницу, готовящую болванку для проката.

— А что, Коля, если вместо болванки отливать трубу в движении, освобождая в кокиле место для ее наращивания.

— Ну и что ты, Саша, хочешь этим сказать? Что изложницы — не наложницы и в вальсе или в танце живота, как шашлык на вертеле, не вертятся?

— А если заменить неподвижные изложницы вращающимися кокилями, а застывающая труба силой тяжести будет сама двигаться вдоль кокиля… Освобождающуюся его часть можно вновь заполнять жидким металлом.

— Что ж у тебя струя бесконечной будет? «Нет искрам счету, ковшу дна» — смеясь, переделал тот ломоносовские стихи, чтобы поддразнить друга, заставить его подумать. Решение же у Званцева было уже готово.

— Ковшей должно быть несколько, по числу мартенов. Знаешь, как в старину, к примеру, отливали царь-коло кол?

— Должно быть, царь-вагранку величиной больше домны построили, чтобы одной плавки на царь-колокол хватило. Дураки, что ее не сохранили. Она была бы сегодня ценнее многих

памятников.

— Дураки не дураки, а поступили умнее. Вырыли большую яму с опокой для гигантской отливки, соорудили вокруг ямы несколько вагранок и процессы в них вели так, чтобы металл поочередно поспевал и струи его в опоку колокола непрерывно лились. В одной металл на исходе — в соседней летку пробивают, свежую струю пустить. Так что предки наши со сметкой были.

— Так что: думай о будущем, а гляди в старое. Недаром они гелиссу выдумали.

— Гелиссу? — переспросил Званцев.

— Ты, Саша, изобрести хочешь гелиссоидальное литье, где каждая молекула совершает и вращательное, и поступательное движение, как бы по витку пружины. Только придется тебе в шахтеры записаться и от жены отказаться.

— Почему? — удивился Званцев.

— А потому, что отлитая гелиссоидальная труба из кокиля под влиянием своей тяжести должна выходить. А куда? В колодец или в шахту. И все твои механизмы для обрезания труб, нарезки их концов глубоко в шахте должны быть под твоим присмотром, в сырости и в духоте. Хуже бани, какую ты при испытании крана принял. Вот жена тебя и прогонит. И без штанов. Зачем они в бане-то нужны?

Через три дня Поддьяков шутливо, как мог только он один, выбрасывая длинные ноги, явился к Званцеву с какой-то моделью.

— Сегодня плясать будем! — весело объявил он. — Я смастерил модель из привода ручного сверлильного станка со сквозной трубкой вместо сверла.

«Опять сверлильный станок!» — подумал Саша. Коля принесенной бензиновой лампой нагрел металлический сосуд, где расплавил несколько стеариновых свечей. Он заставил Сашу крутить трубку, прилаженную так, чтобы она была открыта и сверху и снизу, а сам направил в нее струйку расплавленного стеарина. Скоро из нижнего конца трубки стала выползать стеариновая свеча, пустая внутри.

— Трубка, — обрадовался Саша.

— Это не все, — еще веселее продолжил Коля, — мало заполучить мамзель дела Труб с ее капризами. Знаем таких! Застрянет и засядет в кокиле. Силой ее тогда из вращающегося кокиля все время придется вытаскивать. А это не дело.

— А каким образом тогда решать эту задачу?

— Поставим кокиль горизонтально и приладим к нему крутящиеся вместе с ним и самостоятельно вращающиеся валки, чтобы вытягивать отлитую, но еще не остывшую трубу. И вся наша крутотрубинация останется на поверхности земли.

Друзья, захватив модель, отправились к директорам Аскарову и Чанышеву, ведавшим реконструкцией завода.

О Чанышеве Саша слышал еще при поступлении в институт. Это был тот самый обладатель феноменальной памяти, выучивший наизусть Коран, не зная арабского языка. Татарин невысокого роста, крайне немногословный и предельно обязательный. Невозможно было представить задачу невыполненной, если она поставлена ему самому или им самим. Оба они с интересом отнеслись к замыслу молодых людей, но Аскаров сказал:

— Не пойдет. Это какие же средства потребуются!

— Не пойдет, ребята, — подтвердил Чанышев и добавил. — Сегодня не пойдет. Но завтра начнется индустриализация страны. Тогда и можно предложить вашу новую технологию.

«Что за рок такой! — с горечью подумал Званцев. — Что ни делаю — все для завтрашнего дня, словно обгоняю свое время и не сегодня живу!»

Смотря в открытое окно, он припоминал, как год назад, по настоянию профессора Тихонова, проходил практику в Москве на концессионном заводе шведской фирмы «SKF», поставляющей шариковые подшипники на весь мир. Не было нигде машины, где не стояли бы шарикоподшипники фирмы «SKF».

Это была еще старая Москва, с извозчиками и трамваями, облепленными людьми, как сладкая липучка мухами. Один из маршрутов шел от Шаболовки, где находились заводы «SKF», прямо до Сокольников. Сашу приютили переехавшие сюда раньше его омские друзья Плетневы, вместе с милым Борей, увлекшим когда-то Шурика классической музыкой в граммофонной записи.

Проезжая в поезде через Россию, Званцев удивлялся нелепому делению полей на узенькие полоски, еще сохранившейся «чересполосицы», не допускавшей применения эффективных машин. «Только не сжата полоска одна» — вспомнилась ему горькая некрасовская строчка. «Нет! Не так должны люди обрабатывать посевы! — подумал и усмехнулся: — Опять я время свое обгоняю. На каждый замысел, вроде гелиссоидалыюго литья труб, надо жизнь положить, пробивая новизну, пробуя и переделывая. А сколько идей! Изобретения у нас не принимаются с радостью, а силой внедряются, как костыли кувалдой».

Практиканта на завод фирмы «SKF» приняли только в подсобный цех, дали какую-то раму клепать. Но шила в мешке не утаишь. Званцев скоро понял, что никакого особенного оборудования нет, а есть четкий распорядок работ и ответственность каждого рабочего за выполняемую им операцию, строгий контроль качества и точности до микронов. И у него

зародилась идея станка-автомата с перехватом изделия при обработке кольца подшипника. Он никому не рассказывал о своем желании сделать проект такого станка в институте, но неожиданно его, простого слесаря, пригласил к себе директор фирмы. Он усадил Званцева и, заглядывая ему в глаза, сказал:

— Я наблюдал за вами, господин Званцев. Вы делали незнакомую вам раму не так, как любой другой рабочий, дорожащий своим высоко оплачиваемым нами местом. Вы не боялись применить неизвестные нам новшества и рама получилась легче и прочнее. Я размышлял о той взаимной выгоде, если вы сочтете возможным по окончании института перейти на работу к нам в фирму, не в Швеции, а здесь на концессии. Подумайте. Материальные условия для вас несравнимы с жалованием на любом советском заводе. Мы оплатили бы затраты на вашу контрактацию и неустойку, если она предусмотрена. Ваша работа у нас, господин Званцев, укрепит отношения концессии с вашей страной, намечающей создание своей шарикоподшипниковой индустрии, где ваш, приобретенный у нас опыт, оказался бы весьма полезным. Итак, решайтесь.

— Господин директор! Я еще даже не инженер и не только польщен, но поражен вашим интересом ко мне. Это я должен благодарить вас за пройденную мной здесь школу производства, контроля и личной ответственности. Я не увидел у вас сверхъестественного оборудования, но у меня появились идеи, как его создать.

— Вы видите, я не ошибся в вас.

— Напротив, вы не знаете, что я ничего не довожу до конца.

— О, смею уверить, у нас вы стали бы иным. Ваша соотечественница, госпожа Софья Ковалевская, профессор и доктор наук в Швеции, приобрела мировую известность. Это ждет и вас… у нас, — и он вопросительно уставился на Званцева поверх дорогих очков.

— Я не буду просить у вас срок на обдумывание, господин директор. Мне слишком дороги наши русские беды и непорядки. Я буду служить им, хотя и не стану Софьей Ковалевской.

Директор со строгим лицом проводил его до дверей кабинета.

Резкий звонок телефона прервал Сашины воспоминания. Он машинально схватил трубку и услышал испуганный голос телефонистки:

— Пожар, товарищ механик! Горят оба угольных склада на доменном дворе.

Званцев бросил телефонную трубку и пулей вылетел из комнаты. Он бежал, задыхаясь, под горку, к заводу, к складам

древесного угля, которым загружали вагонетки скипового подъемника. Там стояли и рудодробилки, готовя для домен шихту. Справа и слева поднимались огненные стены. Ветер переносил по воздуху горящие головешки. Суетились беспомощные пожарные.

Званцев схватил чей-то балахон, обмакнул его в бочке с водой, с трудом дождавшись когда он промокнет, накрылся им с головой, оставив щелку для глаз, и ринулся между пылавших стен. Кто-то пытался удержать его, уверяя, что он ничем не поможет. Но он был механик и должен осмотреть камнедробилки. Званцев поступал скорее отчаянно, чем отважно. Огонь был со всех сторон. Балахон высох. Но он все-таки добрался до камнедробилок. Они были в порядке. Там было нечему гореть. Кто-то грубо схватил его под руку и повлек за собой.

— Сейчас же в поезд. Вещи там. Не хватало мне головешки вместо практиканта, которого в поджоге, чего доброго, заподозрят.

Горло перехватило у Саши, когда смысл слов Аскарова дошел до него.

Пришел в себя он уже в салон-вагоне. В окне поблескивала речка, отражая лесистый берег. Поезд круто разворачивался на повороте. За прудом мелькнули башни доменных печей, освещенные пламенем горящего на складах угля.

В Томске Сашу Званцева ждал сюрприз.

Семья была уже в сборе. Улыбающаяся Катя и радостная Нина, взявшись за руки, выбежали ему навстречу. Хозяйка-татарка что-то быстро говорила на своем языке. К Сашиному удивлению, Катя перевела, что та очень довольна возвращением хозяина.

— Ты выучила татарский язык?

Катя сделала загадочное лицо:

— Люди, долю живущие рядом, начинают понимать друг друга.

Таня ждала Сашу на кухне. Лицо ее было озабоченное и радости не отражало.

— Ну, как вы тут? — спросил Саша. — Я к вам прямо с пожара.

— Считай, что на пожар и приехал, — сказала Таня.

— В чем дело?

— В институте объявлено об ускоренном выпуске инженеров, боюсь за себя, за проект еще не бралась.

— Не беда. Я тоже свой проект автоматического станка только начал. О том, чтоб в Белорецке что-нибудь сделать, не могло быть и речи. После поломки, крана во время испытания, о

чем я писал, накануне отъезда загорелись склады древесного угля для доменной печи. Наверное, поджог. Аскаров меня сразу отправил, едва я из огня вышел, камнедробилки проверял.

— Ну и дурак! Что ты мог сделать? Если бы даже и случилось что с ними. Ни один рабочий, как ты, в огонь не пошел бы.

— Во всяком случае, мы имеем теперь сто тридцать три рубля в месяц промышленной и профсоюзной стипендий. Конец нищете!

Мария Кондратьевна сухо приветствовала зятя, спросив, что он привез ей с практики.

Саша развел руками. Мария Кондратьевна отвернулась. Вмешалась Катя и рассказала про Николая Ивановича, который хлопочет о создании еще нескольких плодо-пунктов, чтобы снабдить Сибирь своими яблоками.

На следующий день Саша был у декана Тихонова и сообщил подробности своей практики в Белорецке.

— Белорецк Белорецком, а «SKF» интересуется проектом твоего станка-автомата. Мы его за дипломный проект зачтем. Дипломного делать не будешь. Закончишь — и отправляйся на свой Белорецкий завод. Жену твою туда же отправим, как и заводского стипендиата Поддьякова. И еще Зотиков будет с вами. Три человека — это уже сила.

Конечно жаль что ты шведа отбрил. Он нашему институту был бы полезен.

В январе 1930 года проект «Станка-автомата А.П. Званцева» был готов. Снятые с него синьки за приличную сумму были проданы институтом шведской концессии, а Званцев первым из квадриги получил звание инженера. Неделями позже такое звание получили и Таня, и Дубакин. Катя разрывалась между мужем Юрочкой, назначенным в Иркутск, Таней Сашей, и уезжавшими в Белорецк, и Марией Кондратьевной с внучкой. Они отправлялись на заимку к деду. Решили полагающийся выпускникам месячный отпуск провести наполовину в Барнауле, а наполовину в Омске, у родителей Саши.

В марте месяце 1930 года инженеры по контрактации уже ехали в Белорецк.

В Тирляне, при виде маленьких узкоколейных поездов, Таня поморщилась и сказала:

— Боже! В какую дыру, загоняют меня!

Саше казалось, что у него отрастают крылья, которые принесут его к любимому заводу.

Мария Кондратьевна с маленькой Ниной должны были приехать позже, когда супруги Званцевы (кстати, Таня так и оставила себе фамилию Давидович) переедут в обещанный им особняк. Званцева на заводе ждали, и не только Мехов и Аскаров,

но и секретарь райкома партии Гришкам и чекист Клыков.

Званцев, по приезде в свою длинную комнату, крайне не понравившуюся Тане, одновременно получил высокое назначение — главным механиком Белорецкого металлургического комбината, в то время, как Таню направили младшим конструктором в технический отдел, что она сочла личным оскорблением. И несправедлива была в претензии к Саше. В институте они с ним были во всем равны, а теперь он среди главных лиц завода, а ее оценили не выше чертежницы!

Клыков сказал Гришкану по поводу возвращения Званцева:

— Теперь труднее брать будет. Уфа вмешаться может, как-никак самостоятельная республика, Званцева Почетной грамотой наградившая.

— Ничего, — сказал Гришкан. — Повторение — мать учения. Чему-то мы с тобой, Клыков, уже научились.

— Разве что так, — зловеще усмехнулся в усы Клыков.

Своим назначением Званцев был ошеломлен. Но перед Таней не считал себя виноватым.

Глава пятая. ВСТРЕЧИ АЛТАЙСКИЕ

Сегодня — «Во мгле Россия»
Завтра — мощь индустрии.

Встреча родителей Саши Званцева с Давидовичами произошла в Барнауле, па заимке Николая Ивановича. Собрались почти все. Не обошлось и без специально прикатившей на эту встречу Кати Дубакиной, отпустившей своего Юрочку повидаться с родными. Она вместе с отцом и матерью и четырехлетней Нинусей встречали омичей на вокзале.

Собрались все на перроне. Номер вагона не был известен и группа с заимки оказалась вдали от смущенно озирающихся старших Званцевых.

Катя первая заметила их среди тесной, галдящей, снующей толпы. Они стояли рядышком у вынесенных из вагона корзинок с гостинцами. Держа руку на плече маленькой Нины, Катя вихрем бросилась к приезжим, покрывая их недоуменные лица поцелуями. Ведь они никогда ее не видели.

— Вот это, внучка ваша Нинуся… — начала было Катя и обнаружила, что девочки нет, затерялась в толпе.

— Простите, Бога ради, я сейчас отыщу ее, выдам как следует проказнице, и приведу к вам.

— Умоляю, не надо ее обижать, она же еще маленькая, — взмолилась Магдалина Казимировна. — Мы по дождем.

— Конечно, подождем. Ведь не под дождем, — поддержал жену Петр Григорьевич.

Но Катя уже не слышала его, ринувшись в толпу и оказавшись перед молоденьким, еще безусым, но строгим милиционером с рукой на кобуре.

— Товарищ милиционер, наша внучка здесь не пробегала? — обратилась к нему Катя.

— Какая может быть у вас внучка, гражданочка? Не морочьте мне голову.

— Господин постовой! У меня бумажник украли, — подбежал взволнованный толстяк с бородкой.

— Постовой-то я постовой. Но не средь бывших господ, а у наших товарищей на перроне порядок соблюдаю. А вы тут с бумажником…

— Товарищ милиционер, непорядок вон там, народ сгрудился, — указала Катя.

— Сам вижу. Погодьте вы со своими внучками и бумажниками, — и блюститель порядка быстро зашагал к скоплению народа.

Катя не отставала, толстяк пыхтел рядом.

— А ну, что за кутерррьма? — издали с грозным раскатом крикнул блюститель порядка.

— Дэти дэрутся. Мужчины разнять не могут. Баба нужна, — сказала цыганка в яркой шали.

— А мы попрррробуем! — нагоняя раскатами страху, пригрозил милиционер. — А ну, пррриказываю всем рррразом рррразойтись!

От такого окрика народ попятился, открыв разъяренную девчушку лет четырех. Сидя верхом на поваленном шестилетнем мальчишке, она дубастила его изо всех девчачьих сил, а тот ревел, не зная как увернуться.

А ну, рррева, и ты, рразбойница! Пррриказываю встать. Погодьте вы у меня.

— Нинуся, что ты делаешь? — вмешалась Катя, хватая девочку за руку.

Сконфуженный мальчишка поднялся, исподлобья глядя на милиционера.

— Энтот? — спросил страж у толстяка.

— Он, он самый около нас вертелся.

— Давай бумажник! Рррразом! — потребовал милиционер, кладя руку на кобуру.

Мальчонка в рваной ватной куртке с чужого плеча перетрусил и достал из-за пазухи толстый бумажник:

— Я его нашел. Хотел дяде отдать.

— Не ты нашел, а мы тебя нашли и дядю твоего, кто улов твой хапает, тоже найдем.

Мальчик плакал и слезы расплывались по его давно не мытому лицу. Катя повела девочку к последним вагонам прибывшего поезда, к стоящим там старшим Званцевым.

— Вот ваша внучка, властями уже разбойницей названная.

— Я не разбойница. Он меня за косу дернул.

— Верно, не разбойница! — согласилась Катя. — Она преступника задержала.

— Подумать только, такая крошка и на подвиг способна! — радостно восхищалась Магдалина Казимировна.

— Вот это твоя бабушка, баба Магда и деда Петя, — представляла свою племянницу Катя, не дав новым родственникам опомниться.

— Ах! Боже мой, — шептала Магдалина Казимировна, целуя девочку и доставая из корзины какую-то игрушку.

— А у меня такая есть, — бойко заявила девчушка.

— А у меня чертик в стеклянной палочке. Нажмешь вот здесь — всплывет? Отпустишь — сядет на дно, — показывал Нине игрушку дед.

— А я хочу русалочку. Пусть она всплывает.

— Так ведь так мастерами сделано.

— Переделай.

— Девочка моя, а у дедушки твоего пальчиков нет.

— Почему? — и Нина стала разглядывать дедовы культи.

— Ах ты, моя Почемучка, — говорила новая бабушка. — На войне дедушка твой пальчики потерял.

— И не нашел?

Магдалина Казимировна горько улыбнулась.

Подошли Николай Иванович с Марией Кондратьевной. Знакомясь на ходу, всей гурьбой направились к выходу. Приехавших ждал просторный рыдван, куда все и погрузились.

— Из города выедем, тряско будет, — предупредил Николай Иванович.

— Мне-то привычно, как кобыле под седлом, — сказал Петр Григорьевич, — по степям натрясешься, а рюмочку примешь, она любой ухаб снимет.

— И не разобьется? — с серьезным видом спросила девочка, вызвав общий хохот. Ехать стало веселее.

— Мне, право, неловко перед вами, Магдалина Казимировна, что кавалер наш не достал для вас лучший экипаж, — извинялась Мария Кондратьевна. — Вас в Смольный, небось, лихач доставлял?

— Я в Омскую прогимназию пешком ходила. Кичась или не

кичась своим происхождением, дамы нашли общий язык и скоро перешли на «ты», а затем и вовсе стали звать друг руга по имени. Затем вновь возникшей семьей фотографировались. Уникальный снимок сохранился у Званцева.

Родители знакомились с заимкой, любовались с высокого берега величественной Обью. Беседовали до позднего вечера, рассказывали Шурику обо всех родных. Мама шепнула:

— Как бедно живут-то, бывшие дворяне. Мужчины выходили покурить, причем свою самокрутку Петр Григорьевич умудрялся скручивать сам.

Завершив прогулку посещением кустарника, Петр Григорьевич сказал:

— После малой нужды газам волю не дать — это все равно что рюмку водки выпить и селедкой не закусить.

— Ладно уж, — отозвался Николай Иванович, — пойдем в сарай, там заветная, сам из яблок гнал, дожидается и селедка лова своего и соления собственного. Словом, все свое, самогонное, — и он улыбнулся в усы.

Так дружба у них получилась мужской, подобающей.

Как минуты пролетели три дня, и все Званцевы, молодые и старшие, собрались в путь. Николай Иванович устроил прощальное застолье. Девочка с полной корзинкой обошла весь стол и с серьезным видом положила перед каждым сидящим по отборному, красивому яблоку. Николай Иванович встал и, держа бокал со своею яблочной настойкой, провозгласил тост:

— Двадцать три года «Россия во мгле», как определил западный корифей, веря в нас. По математической магии, два да три будет пять. Пятилетка выходи г. Дети наши инженерами отправляются осуществлять ее, объявленную. Сердцем желаю им вывести Россию из мглы, превратить ее в страну электричества, прокатных станов и цветущих яблонь.

Потом все отправились на вокзал. Для старших Званцевых раздобыли извозчика, от которого не отставала шумная бричка. «Значит, можно было так и при встрече», — подумала гостья, улыбаясь. На перроне Давидовичи долго махали платочками уходящему поезду. Кто знает, когда увидимся теперь?

В Омске Шурик с Таней сделали остановку и погостили у родителей Шурика, побывавших у новых родственников в Барнауле, повидав внучку Нину.

Званцевы жили уже не в холодных сырых комнатах протезной мастерской, а в доме Липатниковых, уехавших навсегда в Польшу, оставив дом на попечение друзей. Родители делали все возможное и невозможное, чтобы достойно принять дорогих гостей, созвав всех беглецов былой теплушки: Зенковых, во главе

с «патриархом» тетей Клашей, и других близких. Среди них были и Нина, и Зоя — будущие врачи. Они поступили в медицинский институт, открытый в Омске усилиями Владимира Васильевича Балычева. Конечно, он был среди гостей. Пришли также и старые мастера протезной мастерской, любившие Петра Григорьевича, так много сделавшего для них в то трудное время всеобщей безработицы. К сожалению Саши, на встрече не было ни Вити, учившегося в Московском институте физической культуры, ни Миши, находящегося в экспедиции, ни Бори. Он с родителями жил в Москве.

Тане не нравилось омское общество, по ее словам, мало культурное, но она ничем не выдала этого, стараясь быть веселой и со всеми ровной, перенеся сюда томский студенческий дух, радуя этим наивного Шурика. И он охотно согласился устроить ей встречу с настоящей аристократкой, фрейлиной царского Двора, бывшей баронессой Эльзой фон Штамм.

Но перед этим произошло невероятное событие, равно заинтересовав и город, и науку, и религию.

Был ранний теплый весенний день. Таня сидела на ласково освежающем сквозняке. Кухонная дверь, как и дверь во двор, была открыта и через них были видны бродившие кругом куры, рядом с ними крутился надувшийся, готовый лопнуть индюк. А на улице перед окном остановилась стайка собак, проявляя повышенный интерес друг к другу. Внезапно они прекратили это занятие, шерсть у всех поднялась дыбом, и они с воем и визгом бросились врассыпную, а Таню на миг ослепил, словно направленный ей в глаза зеркальцем, солнечный луч. «Что за глупые шутки!» — рассердилась Таня. Природное упрямство не позволило ей уйти. Пошарив рукой по листкам заполняемого дневника, она нашла приготовленные для солнечного дня темные очки и надела их. И во время. За открытым окном в воздухе висел искрящийся огненный шар размером с детскую головку. Он, слабо шипя, влетел в комнату. Таня окаменела, что и спасло ее.

Шар лениво пролетел мимо, и в доме разом зажглись все погашенные электрические лампочки, потом ярко вспыхнув, они все разом погасли. В комнате была старинная наружная проводка. Она дымилась, очевидно, ее повредило короткое замыкание. Пробки сразу перегорели.

Шар парил, медленно продвигаясь на кухню. Что-то ему не понравилось, он ускорил движение и выскользнул во двор, где, как лиса в курятнике, наделал невероятный переполох. Там он столкнулся с индюком и взорвался, оставив куриные тушки по всему двору. Неприятно запахло жженными перьями.

Вернулись Магдалина Казимировна с Шуриком.

Таня, в слезах, рассказала им о происшествии.

— Шаровая молния, — заключил молодой инженер. — Хорошо, что ты не двинулась с места.

— Знамение Божье! — уверенно произнесла Магдалина Казимировна, истово крестясь. — Надо батюшку пригласить, чтобы освятить комнату и кухню, где это чудище пролетало…

— Я думаю, мы с Таней не понадобимся. Нас баронесса Елизавета Генриховна ждет.

— Как же я выгляжу после такого потрясения. Мне слова не вымолвить.

— Еще как расскажешь про шаровую молнию. Заедем в магазин, новую электропроводку купим. Менять придется. От баронессы к Владимиру Васильевичу. Он физику преподает. Всю местную научную братию на ноги подымет.

— Владимиру Васильевичу мы всегда рады, но сейчас владыку звать надо со святыми братьями в рясах, — настаивала Магдалина Казимировна.

— Мамочка, что ты! Они вас голыми в Африку пустят. У Демьяна Бедного поп говорит: «Все люди братья. Люблю с них брать я!»

— Богохульник твой Демьян!

Со двора вошел Петр Григорьевич с обгорелой курицей в руках:

— У кого пальцы есть, ощипать опаленную надо.

— Вот батюшек и угостим. А ты, Петечка, хоть бы за меня заступился против их безбожного Демьяна.

— Что я? Лучше Есенина не скажешь: «Когда прочел Евангелие Демьяна, мне гадко стало так, как будто я попал в блевотину, извергнутую спьяна». Крепко сказано? С пониманием.

Таня пришла в восторг от общения с бывшей баронессой, теперь сморщенной старушкой, все помнящей об императорском Дворе. Она даже знала кого-то из Сабардиных. Правда, о Давидовичах ничего не слыхала.

Услышав рассказ Тани об огненном шаре, она поцеловала Таню и, перекрестив ее перед иконой, молвила:

— Быть тебе, Богом избранной, счастливой, всеми признанной.

Это укрепило в Тани сознание ее превосходства над мужем, который был все еще юнцом и происходил из купеческой семьи.

Наконец, пришла пора молодым специалистам, как выразилась Таня, отбывать «барщину» на Урале. Этим же поездом с энтузиазмом ехали в Белорецк выполнять пятилетку их друзья-однокашники Поддьяков — литейщик, с женой, ждущей второго ребенка, и грузный добряк Зотиков — механик.

С едой становилось худо. Надвигалась индустриализация с одновременной коллективизацией и переходом сельских работников на возникающие заводы, что не могло не сказаться на продуктивности сельского хозяйства. Было нелегко, даже трудно, но вера в будущее подогревала энтузиазм. В стране все чаще поговаривали о введении карточной системы.

НЭП, богачи-нэпманы как-то незаметно исчезли вместе с обеспеченными золотом червонцами. Начиналась первая пятилетка, ставшая дерзким символом грядущего и наивного общего желания — осуществить намеченное. Менять все за пять лет ехали на Урал и инженеры-томичи.

Часть пятая. ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ

Страну неграмотных крестьян
Преобразит прокатный стан.

Глава первая. ВЛЮБЛЕННЫЕ

Любовь их общая зовет,
Не чудо-девушка… завод!

Если бы не дымящие трубы, громады доменных печей, то здешнее место с лесистыми пологими горами, со смолистым запахом лесной глуши и неоглядным прудом с зеркальной поверхностью вполне могло бы стать лучшим уральским курортом. Казалось, заводчики испортили все, но на деле получилось удивительное сочетание мест труда и отдыха. А заводская плотина, запрудившая Белую, главную реку Башкирии, растекающуюся в низовьях вширь… Не она ли образовала чудесное лесное озеро, усилив красоту здешнего края. Саше Званцеву здесь решительно нравилось.

И была на пруду живописная отвесная скала, как бы выступившая для вдохновения поэтов, и для купания. Скала эта была неразрывно связана с новым белорецким другом Саши Костей Куликовым, местным поэтом и шахматистом «всебашкирского» масштаба. Он простодушно явился в продолговатую комнату Саши Званцева, где только что отбушевал ураган страстей, в которых было все: и обидные слова, и несправедливые упреки, и огорчения. Он всего этого как бы и не замечал. Не заметил он и, как Таня тайком от него утирала слезы. Словом, гостя все это не касалось. Он самым беспечным образом предложил Саше ради знакомства сыграть пару партий в шахматы.

Саша, чтобы не выдать своего подавленного состояния, согласился и первую партию бездарно проиграл. Гость откинулся на спинку стула, внимательно глядя на партнера сквозь очки в металлической оправе, не спеша, вынул коробочку из наружного бокового кармана и проглотил таблетку.

— Нитроглицерин, — с виноватой улыбкой сказал он, словно ему было стыдно, такому могучему человеку, принимать сердечный препарат.

Таня, не проявляя интереса ни к гостю, ни к партии с раздраженным видом ушла еще в начале дебюта четырех коней.

— Так, чемпион томских вузов! А партию-то не он, то есть не

вы, играли.

— Как вас понять? Если не я, то кто?

— Супруга ваша обиженная, расстроенная. Вы уж меня извините за психоанализ. Я хоть экономистом числюсь, но специальность моя — душа человеческая, чувства глубокие. Прежде чем я наверняка проиграю следующую партию, где вы меня разнесете в пух и прах за то, что лезу не в свои дела, я, как поэт, поклоняющийся всему прекрасному, и женскому полу особенно, спрошу вас: она, супруга ваша, старше вас?

Званцев утвердительно кивнул.

— И в семье вашей верховодила, вас ниже себя ставила?

Саша кивнул и покраснел.

— Имей в виду, старче, что я на ее стороне и понимаю всю горечь ее униженной гордости. Вы вместе едете на свою первую инженерную работу на завод, правда, тебе уже знакомый. А вот с ее точки зрения — тебя, юнца, только что поднявшегося с ученической скамьи, назначают на высшую должность — главным механиком всего комбината. Отдельный кабинет напротив технического отдела, а жену его, с тем же образованием — за чертежную доску, что-то рядом с сопливыми девчонками чертить.

— Не чертить, а проектировать мельницу для измельчения присадочных пород.

— Ну, все едино. Я не металлург, но знаю, что механизмов, куда сложнее таких мельниц, у тебя сотни. И людей, тебе подчиненных, тоже сотни. А у нее — ты один. На ком, как не на тебе, сорвать свое возмущение. Ее сокурсников назначают: Поддьякова — начальником чугунолитейного цеха, Зотикова — начальником механического, тебя, юного старче, — главным механиком, а ее в девичник загнали, хоть бы начальницей над ними, а то — за доску. Не с Аскаровым же ей ругаться, вот на тебя вся ее обида и вылилась, и шахматной силы лишила. Или я не прав?

— Может быть, ты и в шахматы колдуешь?

— А ты проверь. Теперь твои белые. Ходи.

Как и предсказывал Костя, Званцев блестящей атакой разгромил противника, заматовав его короля в середине доски.

— Узнаю я молодца по его походке.

Званцев предложил сыграть контровую, но Костя отказался, пряча в карман запись сыгранных партий.

Вернулась оправившаяся, гордо-надменная Таня. Костя, извинившись за свое вторжение, сказал:

— Для меня большая честь сыграть вничью с чемпионом, как мне известно, томских вузов. Я вам лучше почитаю стихи Есенина и Маяковского, а когда-нибудь и свои. Я в Москве ездил на

Ваганьковское кладбище, чтобы пропеть чудесные стихи любимого поэта. И душа порадовалась, что не один я на могиле читал. Приходят люди и не только друг другу, но даже когда нет никого, в непогоду, читают покойному поэту его нетускнеющие строчки. Я в дождь под зонтиком, но без шляпы, из уважения к покойному, читал «Письмо матери»:

Ты жива еще моя старушка!
Жив и я. Привет тебе, привет!

Прозвучало еще несколько стихотворений. Потом, увлекшись, он перешел на Маяковского. Строчки «Твори, выдумывай, пробуй» пришлись Саше особенно по душе, и помогли им с Костей сдружиться.

— Понимаешь, старче, не технарь я, а в завод, как в чудо-девушку влюблен.

— Есть повод для дуэли на шахматной доске.

Так началась их великая дружба.

— Вы, Костя, простите меня, беглянку, расстроенную. Всем нашим дали квартиры, а я не могу съездить за дочкой с бабушкой.

— Как я вас понимаю! Во всем понимаю, — целовал Костя Тане руку на прощание, вызывая у нее теплое чувство к себе. — Прочитаю вам с порога отрывок своего стиха:

Ветер, ветер, мои милый гуляка.
Где ты был, беспокойный дружок
С пастухами, наверно, калякал
Да играл в их призывный рожок.
Был ли ты на далеком Урале,
Постучался ли в старенький дом?
Уж, наверно, меня перестали
Вспоминать за вечерним столом.
Я вернусь к ним с заветною ношей
Добрых песен о нашей весне…
Ну, лети же, лети, мой хороший,
Расскажи им скорей обо мне.

Объединила молодых людей — коренного уральца и сибиряка — их общая влюбленность в завод.

Быстро пролетело первое инженерное лето. Исчезло зеркало пруда, превратившись в снежное поле, укрывшее лед, под которым запруженная Белая питала своей водой ненасытный

завод.

Главный механик комбината постоянно покидал свой кабинет в заводоуправлении, оставляя там опытного инженера Иосема. Он готовил задуманный Званцевым переход завода на планово-предупредительный ремонт, сам же главмех находился на производстве, на рудниках, на лесозаготовках и лесопилке.

А бедная Таня, сдерживая обиду, гнев и слезы, корпела над проектом «дурацкой» мельницы, у которой два тяжелых каменных жернова, крутясь вокруг вертикальной оси, догоняли бы друга, чтобы никогда не догнать, давили бы своей тяжестью, крушили, мололи, превращая в пыль, куски присадки для мартенов, придающих стали ценные свойства. Проект продвигался плохо, а из гордости она советоваться ни с кем не хотела, даже с мужем. Ведь у главного механика столько дел! До неудачной ли мельницы ему дело? И до того ли горя, какое он доставляет своей жене, привыкшей ставить себя выше всех. Так незаметно ширилась трещина в семейной жизни Званцева. А возникала она еще в самом начале, когда дворянская спесь сказалась в упрямом желании носить самой и даже дочери передать якобы знатную фамилию Давидович.

Несносный телефон с ночными звонками все время раздражал Таню, пока, наконец, они не переехали в отремонтированный особняк, в две смежные комнаты внизу и две наверху, однако одну из них временно дали молодой паре приехавших специалистов.

В верхней комнате Таня поселила мужа с телефоном, трубку которого можно было снять, не вставая с дивана, где Саша спал.

Ночные звонки были не редкость, но когда Таня услышала грохот спускавшегося через две ступеньки Званцева, она поняла, что случилось нечто важное, но вставать из теплой постели ей не захотелось.

Беда на заводе случилась нешуточная. Насосы разом отказались подавать воду для охлаждения домен.

Званцев помчался на плотину. Встречный морозный ветер словно гнал тысячи иголок, впивавшихся в лицо, но сибиряку это было нипочем. Он сразу же предположил невероятное. Видимо, думал он, уровень воды пруда подо льдом понизился и всасывающие трубы насосов не стали доставать до воды.

Так оно и было.

Подошел Мехов, оставшийся помощником Званцева:

— Плохи дела, Петрович. Мороз-то какой! Ниже сорока. Промерзла на перекате Белая до дна. Вода поверх льда пошла и замерзает. Аскаров еще вчера подрывников посылал. Взрывали. Не помогает. «Козла» в домнах не избежать.

— Без жидкого металла в ковш не прыгнешь! Скажите, а пруд глубокий?

— Мы только у плотины мерим. А посередке — кто его знает. Ежели прорубь пробить, захлебнуться человеку хватит.

— Вот именно, пробить прорубь. Подсказано верно. Прикажите, Михал Дмитрич, пробить лед в трех местах и до дна замерить.

— Думал, шутить изволите, ан вижу всерьез пруд до дна выпить задумали. Чем хлебать-то его будем?

— С нас всерьез спросят. Видите, сам Клыков к нам пожаловал.

Чекист вразвалку подошел к механикам.

— Что? Работой своей любуетесь?

— Работать еще не зачинали, — ответил Мехов.

— И то верно. Осенью склады древесного угля горели. Никто не тушил.

— Разве его потушишь. Сам выгорел.

— Вот и «козел» в домне сам образуется, чего заботиться? От вреда не уйдешь, сложа ручки сидючи.

— Я на энергостанцию пошел. Насос там видел. Без дела стоит. Не знаете, зачем его выписали?

— А чтобы денежки государственные потратить кой-кому на выгоду. Я от вас, товарищ главный механик, записочку хотел получить.

— Опять включение просите? Перегружена станция, сами знаете.

— Знаю, знаю. Как беда на заводе, пожар или что, так их и нет, уехамши. Вот и сейчас за семейством куда не двинули бы.

— Я никуда не собираюсь.

— И верно делаете, а что записано пером, не вырубишь топором.

— Мне писать некогда. Насос надо на плотину перетащить, воду им из-под о льда выкачивать.

— Ой, Петрович, ладно выдумал! Мне и в голову не пришло воду из пруда выкачивать до сухого дна!

— Значит, пожар тушить собираетесь?

— Не тушить, а разогревать домну, чтобы «козел» не образовался.

— Ну, действуйте, действуйте, а то записочку о невыезде писать придется.

— Тьфу ты, пропасть! Да я из Белорецка сроду никуда не ездил. Пойду, организую Гришу-такелажника. Он мастер тяжких дел. С бригадой своей к утру бездельника доставит.

— Плотников мне пришлите. Эскиз приемника около

всасывающих труб доменных насосов набросаю. Не самотеком вода к ним теперь пойдет.

— Не самотеком, не самотеком! Передайте своему Гришкану, что пруд сушить будем. Воды до весны хватит!

Званцев подошел к телефонной будке и приказал выключить свет в городе и осветить прожекторами плотину. Клыков возмутился:

— Вы что? Райком партии и ГПУ в темноте держать?

— Запасайтесь свечами.

— Ну, знаете ли… Мы с вами еще побеседуем при свечах! — крикнул Клыков в спину главному механику.

Когда Клыков днем снова явился на плотину, то увидел новую будку. Заглянул туда. Званцев помогал рабочим приладить к огромному электронасосу колено спускающейся глубоко в пруд всасывающей трубы. От будки к насосам доменных печей был проложен деревянный желоб, по которому выкаченная из пруда вода будет стекать в приемник этих насосов, куда прежде она поступала из пруда самотеком. Колено всасывающей трубы, опущенной почти до дна, никак не прилаживалось к установленному уже насосу.

Клыков когда-то был слесарем по канализации и невольно подсказал трудившимся рабочим:

— Прокладка здесь, ребята, нужна. Что, ваш главный не соображает?

— Так где ее взять такую, по толщине разную?

В будку вошел Званцев. Узнал о совете Клыкова:

— За помощь спасибо. Я велел к дому райкома для света кабель проложить. На складе видел толстые свинцовые листы. Вырубите, братцы, по диаметру кольцевую прокладку, а при затяжке она по толщине сама сядет.

— Трубы коленчатые без прокладки соединять разве можно? Чему их в институтах учат? — ворчал Клыков.

К гудку второй смены насос заработал. В кабинет главного механика пришли молодой и веселый доменщик, начальник цеха Ступников, и маститый сталеплавильщик, начальник мартеновского цеха Манжос.

— Ну, спасибо тебе, Петрович, — говорил коренастый бородатый крепыш. — Ко мне уж из ГПУ приходил дядя. Почему печь заглушил? А Ступников жидкого металла не дает. Даже в ковш не спрыгнешь. Подписку о невыезде пришлось дать, а мне в Тирлян до зарезу надо. Теперь лады будут. Ловко ты справился. Иди ко мне в замы, а я лыжи навострю. Не люблю подписок. С тебя не взял? Вот и с Саши Ступникова тоже. Вы молодые, а я в годах, потому и под подозрением.

Телефонный звонок оборвал беседу. Насос встал. Начальники цехов побежали, каждый к себе. Манжос успел крикнуть:

— Ну, механик, подводишь ты и себя, и нас под монастырь.

Званцев мчался на плотину. Запыхавшись, туда же прибежал и Мехов.

— С чего бы это, Петрович?

— Как с чего? Воздух попадает во всасывающую систему. Прокладку растрясло. А какой-то идиот из свинца ее сделал.

— И кто же до этого додумался?

— Я, Михал Дмитрич, я! Разве вам пришло бы это в голову?

Мехов отрицательно покачал головой:

— Но мне и насос поставить в голову не пришло. Что делать будем?

— Свинец подсказал. Прокладка обжалась по месту. Модель с припуском сделаем, отольем чугунную, отшлифуем и заменим свинцовую, что нас подвела, — решил главмех.

— Ей спасибо сказать надо. Чугунная по ней будет сделана, — отозвался старый механик.

Пока соединение развинчивали и вынимали прокладку, в будке появился начальник чугунолитейного цеха Поддьяков. Он с лету понял все и унес прокладку в модельный цех.

— Раньше, чем через неделю, в отшлифованном виде не получишь, — заверил он Званцева.

— Но домна столько ждать не сможет, поэтому… — и Саша хлопнул себя по лбу. — Поэтому мы будем каждое утро ставить по новой свинцовой прокладке. А домны будут работать на полную мощность.

Десять дней и десять ночей провел Званцев без сна, всюду вникая и все проверяя. Наконец, прочная, сделанная точно по прилегающей свинцовой, чугунная прокладка встала на место. После трех контрольных дней Званцев успокоился. Ни одного дня простоя горячих цехов. Никто не знал, чего это стоило Саше Званцеву, никто, разве что Таня. Она ответила обеспокоенному Косте:

— Истинный командир производства должен заставлять работать подчиненных, как генерал, который бросает в бой солдат, а не стремится заменить своими талантами всех и вся. Не дорос он пока до больших должностей. Ему бы мельницу глупую вычерчивать. «Наполеонами производства» не рождаются.

Косте стало горько за друга.

Ехать за бабушкой и дочкой Тане не пришлось. Пришла из Барнаула телеграмма, что гостившая на заимке Катя проводит Марию Кондратьевну с Ниной до Новосибирска и там посадит в московский поезд, с которого они сойдут в Тирляне. Там их надо

встретить.

Аскаров наградил главного механика за пуск насоса, спасшего домну, великолепной собакой — овчаркой, помесь с волком, по кличке Волк, и выделил Тане салон-вагон в узкоколейном поезде.

Она выехала в Тирлян, а Саша занялся Волком, сумев сразу завоевать собачье сердце. Волк не отходил от нового хозяина, провожал его утром, а то и ночью при вызове, и приходил ждать, терпеливо сидя у проходной, не позволяя оскалом зубов кому-нибудь подойти и прогнать его.

И встречать салон-вагон из Тирляна с Таней, ее матерью и дочкой пес увязался за Сашей, не желая оставаться дома. Пришлось взять его в коляску, вызванную с конного двора. И Волк важно уселся рядом с хозяином на заднее сиденье. Вид у него был устрашающий, несмотря на тихий нрав и нежную ласковость, присущую могучему псу в его полтора года.

На вокзале люди опасливо сторонились Саши с его зверем. Поезд прибыл, и из салон-вагона первой выскочила шустрая пятилетняя девочка и бросилась к отцу. Шерсть поднялась на загривке у Волка, но зубы на ребенка он не оскалил. А когда Саша, наклонясь к нему, погладил между ушами и ласково сказал: «Это Нина. Люби и охраняй. Сторожи!» — Волк в знак понимания завилял хвостом и, подойдя к девочке, ткнулся мордой ей в живот, приглашая погладить себя. Нина безбоязненно нежно трепала его за уши. Так началась нерушимая дружба между потомком грозы лесов и ребенком, которого Волк отныне считал своим долгом опекать и защищать.

— Боже мой, какое страшилище! — сказала бабушка, подходя, чтобы взять внучку за руку. Волк весь ощерился, но Саша внушительно произнес:

— Фу! Свои! — и пес успокоился.

— Я Николаю Ивановичу даже на заимке не позволяла держать собак. Моя бабушка Сабордина терпеть их не могла, и дедушке пришлось держать свою охотничью свору у дворни.

— Ну, у нас дворни нет, вы уж извините, — сказал Саша.

Что делать, — вздохнула Марья Кондратьева, — я и с советской властью смирилась.

Таня хлопотала с багажом, следя за его погрузкой на присланную с конного двора подводу. Все семейство Званцевых уселось в пролетку. Места Волку уже не осталось, и он побежал сзади, не отставая ни на шаг.

Дружба Нинуси со Страшилищем, как не переставала звать Волка бабушка, крепла. Собака стала понятливым участником детских игр, особенно игры в прятки. Волк быстро находил свою

маленькую партнершу, сам же умудрялся так прятаться, что девочке стоило немалых трудов отыскать его, забившегося под крыльцо. Зато в победном кличе маленького сыщика был непередаваемый восторг, сочетавшийся с поцелуями своего четырехлапого друга.

Но Нинусю, по настоянию бабушки, не одобряющей собачьи игры, присущей дворовой детворе, отдали в детский сад. И времени на игры в прятки не осталось. Волк, величественно шествуя, провожал маленькую хозяйку до калитки детского сада, в должное время появляясь здесь снова, чтобы доставить порученную ему, как он считал, Нинусю домой. Это не мешало ему по-прежнему провожать хозяина ранним утром или ночью до заводской проходной и велением неведомого чутья оказаться там, когда главный механик, закончив дела, пойдет домой.

Но особо праздничным днем для людей и собаки было купание у скалы. Огромный светлый камень высился на гористом берегу пруда, деля его пополам. Отсюда начинался густой лес на взгорье — любимое место отдыха белоречан. Здесь устраивались пикники, провозглашались заздравные тосты, читались стихи. Здесь же купались и взрослые, и дети.

Конечно, Волк был при своей любимице, доставляя ей несказанную радость, плывя рядом с вцепившейся в его холку девочкой и так колотил по воде лапами, что вздымал буруны не хуже пароходных винтов. Мария Кондратьевна при виде этого уходила всегда в слезах, ссылаясь на головную боль. Таня же с присущей ей отвагой и гордостью, вопреки протестам бабушки, поощряла храбрость дочери. Пусть будет в мать, и при этом вспоминала «красавчика», давшего было волю рукам, заходя в воду. Долго потом тот бедолага отлеживался на берегу Томи.

Два друга, Костя и Саша, по очереди читали свои и чужие стихи. А Таня даже одобрила последнее стихотворение мужа, прочтенное им с вершины скалы. Он назвал его «Далекой»:

Привет от вольности башкирской
Бурлящих рек, могучих гор,
И от того, в душе сибирской,
Кто не забыл вас до сих пор.

Привет грохочущих заводов,
Залог грядущего страны.
Приветы солнца и природы
Вам шлю с уральской стороны.

Несу еще совсем другое,

Словами что не передать,
Вниманья если это стоит,
Возьмитесь сами отгадать.

— Да, — вздохнула Таня. — Бритоголовая Инна далеко.

Глава вторая. ДЕРЕВЯННАЯ ТРУБКА

Души чуткой потрясение
Рождает вспышку вдохновения.

Клыков докладывал секретарю райкома: — Так что основным подозреваемым остается главный механик комбината Званцев. Когда река перемерзла, и завод должен был встать, я уже готов был его зацепить. Так ведь вывернулся. Пошел завод, вопреки самой Природе.

— Плохо работаешь, товарищ Клыков. Главный преступник у тебя и в огне не горит, и в воде не тонет. Плохо работаешь. Разве не было у тебя возможности взять его, как только доменные насосы встали? Халатность, непринятие мер… Лето в разгаре, и он в мелких местах экскаваторами дно Белой углубляет, перекаты с их дивной красотой ликвидирует. Уродует нашу уральскую природу. А ты медлишь, никак не выспишься. О ночных допросах начисто забыл.

— Я так соображаю, товарищ секретарь райкома. Два зама, товарищи Аскаров и Чанышев, правда, тот только по реконструкции и эксплуатации, оба они пообвыкли, бдительность у них притупилась. Но вот вновь назначенный директор комбината Изотов. Ему, как коммунисту, положено прислушаться к мнению райкома партии.

— Совет дельный, но запоздалый. Товарищ Изотов уже был у меня и заверил, что заменит главного механика. К нам уже едет старый специалист Качурин. С ним спокойнее будет, чем с этими птенцами. За перевалом, у горы Магнитной, металлургический завод-гигант возводят, нам помогать придется, и от всяких Званцевых надо поскорее избавиться.

— А он — в особняке удравшего вредителя Шефера. Тем в Москве занимаются, а этот расположился, семью перевез, живет кум королю, — усмехнулся в висячие усы Клыков.

Жизнь шла своим чередом, но однажды и Саша был буквально ошеломлен. Случилось это из-за неприятного разговора с Таней, после того как Нинуся с бабушкой вернулись на заимку к Николаю Ивановичу с приезжавшей за ними Катей.

— Мы работаем больше года. Зима кончается, доменные насосы заработали сами, уровень в пруду поднялся почти до нормы, — начал Шурик этот памятный разговор.

— А какое мне до всего этого дело? Я занимаюсь мельницей и ее проектом отгородилась от всего.

— Я тебя не понимаю. Пора привозить Нинусю с бабушкой не погостить, как до этого было, а совсем. Словом, перейти на оседлую жизнь.

— Я в этом вовсе не уверена.

— В чем? Что нашу девочку нужно привозить сюда?

— Именно это я имела в виду.

— Ты же всегда говорила, что жить без нее не можешь.

— Я и сейчас не могу.

— Оставь эти загадки! — вышел Саша из себя. — Кончено. Я попрошу Аскарова предоставить тебе отпуск, и ты поедешь за дочкой и бабушкой.

— Хорошо, — покорно согласилась Таня. — Аскаров освобождает меня от этой чертовой мельницы, и я еду домой в свою семью Давидовичей.

— Месяц гостишь на заимке и к концу отпуска возвращаешься с мамой и дочкой.

— Возвращаюсь сюда к чертежной доске? И к мужу с чуждой мне купеческой психологией? Попроси своего друга-психолога Костю разъяснить тебе, почему мое возвращение сюда невозможно.

Услышав это, Саша будто онемел. Ему вдруг показалось, что завод встал, что во всех доменных печах «козлы», что все рушится, и он во всем виноват. Сам не веря себе, он робко спросил:

— Ты уходишь от меня?

— Неужели ты не понял, что мы люди разного круга, культуры, разных эпох. Я окончила гимназию с золотой медалью и писала по старому правописанию с твердым знаком и буквой ять. Ты побывал лишь в двух классах захудалого провинциального реального училища, даже не в гимназии. У тебя нет аттестата зрелости, среднего образования. В высшем обществе с тобой даже разговаривать бы не стали.

— Что ты говоришь! Какое это имеет значение, если мы оба инженеры-механики?

— Я ничего не имею против тебя. Ты ни в чем не виноват. Родителей не выбирают. Может быть, через месяц я и вернусь, но едва ли. Я напишу тебе. И даю тебе полную свободу. В Омске остановлюсь, чтобы объяснить твоей маме, почему так получилось. Ты, если хочешь, можешь пригласить к себе своих

родителей. В особняке места хватит.

Когда заводу грозила беда, Званцев ощущал прилив сил, а главное — знал что делать. Сейчас же в душе его было одно опустошение, не прилив горя или отчаяния, а внутренняя беззвучная пустота.

— Я провожу тебя до Тирляна, — предложил он.

— Нет, нет! Долгие проводы — лишние слезы. Мне легче сразу. Ведь целый месяц мучиться и решать.

— Но где бы я ни был, ты будешь присылать ко мне Нинусю.

— Разумеется, дочь должна знать и всегда помнить отца.

Узкоколейный, похожий на игрушечный поезд ждал единственную пассажирку салон-вагона. Званцев, по-прежнему звавшийся Шуриком, усадил ее в поезд и поговорил с проводницей об обслуживании пассажиров, затем вышел на подобие перрона, где ожидал его Костя, приехавший для того, чтобы поддержать в трудную минуту друга.

— Она не вернется. И пусть уверенность в этом послужит тебе облегчением. Все равно, это неизбежно. Разница в возрасте и духовная приверженность к разным эпохам неминуемо сказались бы, — произнес Костя, когда поезд тронулся…

Салон-вагон был в поезде последним и через заднее, во всю ширину вагона окно в пути открывался чудесный, меняющийся вид горной местности, тянувшейся вдоль берега реки. Сейчас в удаляющемся окне виднелась Таня. Она смотрела назад на все прожитое, уходящее. В последний раз осколком разбитого стекла мелькнул пруд с заводскими трубами. Таня все еще не отходила от окна. Зачем она обещала написать письмо, ведь лучше бы сразу… Месяц впереди.

Шурик смотрел на поблескивающие узенькие рельсы пока знакомый силуэт совсем не растаял. Но что это? Вместо него на Званцева надвигалась угрюмая фигура Клыкова с висячими седеющими усами.

— А я боялся, что главный механик покинет завод. Хотел удержать, — вместо приветствия сказал он.

— Я не давал подписки о невыезде, — резко ответил Званцев.

— А надо бы, — буркнул Клыков и прошел мимо друзей.

— Какое неприятое лицо. Свисающие вниз усы, как торчащие изо рта клыки, — заметил Костя.

— Оправдывает свою фамилию, — отозвался Саша.

— Так это и есть Клыков, чекист? — предположил Костя.

— Он самый, — подтвердил Саша.

Друзья твердым туристским шагом — за десять минут километр, огибая пруд, направились к заводу. Костя молчал, а в мыслях Саши был все тот же маленький паровозик, который,

нещадно дымя, тащил за собой платформы, вагончики и салон-вагон. Зачем этот паровоз? Вагоны могли бы катиться сами, если бы включали перед собой притягивающие к себе электромагнитные катушки, как призывал студентов осуществить эту идею вечно увлекающийся профессор физики Борис Петрович Вейнберг. И называл предел скорости для электрического тока — скорость света. А зачем поезду и салон-вагону в нем такая скорость? Другое дело, если самовключающиеся электромагнитные катушки будут разгонять, скажем, снаряд в стволе орудия, да так, что он перелетит через океан?

Саша не удержался и рассказал о возникшей идее Косте. Тот с серьезным видом протер очки и сказал:

— «Души чуткой потрясенье рождает вспышку вдохновенья»! Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Покажи. Вели сделать в модельной у твоего друга Поддьякова деревянную трубку, а твой однокашник Валя Васильев с энергостанции пусть катушки как надо намотает, а Зотиков в механическом — снарядик железный выточит. И если трубка его выбросит, можешь такое устройство кому угодно показывать, хоть самому наркому Орджоникидзе.

— Эка куда хватил! Как я до него доберусь… А ты вроде поэт, не технарь, не только конструкцию модели, но и план действий подсказал и тем самым в такую военную секретность влез, что Клыков с тебя подписку о невыезде потребует.

— А кто нас за язык тянет «клыкастого» в курс дела вводить? Если кому и можно показать, кроме меня, так это Чанышеву. Большой он умница.

Друзья расстались у проходной, и Званцев направился прямо в модельный цех, заказать деревянную трубку, не подозревая, какую она сыграет в его жизни роль.

Домой вернулся поздно вечером. Собака почему-то не пришла за ним к проходной…

В опустевшем особняке он с трудом нашел Волка, все понявшего и — не пошедшего провожать уезжающую. Он забился под крыльцо, видимо, там решил дожидаться свою любимицу. И Саша в этот час выглядел не лучше неузнаваемого Волка…

Новый директор Белорецкого металлургического комбината Изотов, впоследствии нарком, потом министр деревообделочной и бумажной промышленности, совещался с двумя своими замами — Аскаровым и недавно вернувшимся из Гипромеза, где завершался проект реконструкции завода, Чанышевым.

— Я не могу не считаться с мнением секретаря райкома, хотя товарищ Аскаров и возражает. Считайте, что вопрос с главным механиком решен. На этом месте у нас должен быть солидный

человек, такой, как согласившийся приехать к нам инженер Качурин.

— Ничего не имею против товарища Качурина, но не вижу обоснованности в требовании убрать Званцева, — сказал Чанышев. — На посту главного механика нам нужен не просто солидный и пожилой человек, а человек действия, думающий. Напомню, что Званцев, будучи еще студентом, мужественно предотвратил на испытаниях ценой собственного здоровья взрыв парового котла немецкого узкоколейного подъемного крана. Приехав сюда инженером, нас с Аскаровым он познакомил с изобретенным им методом непрерывного гелиссоидального литья труб, который еще ждет своего использования. Наконец, именно ему мы обязаны спасением доменных печей от «козлов» зимой, когда Белая в мороз перемерзла до дна, и уровень воды в пруду стал опасно падать. Благодаря его энергии и остроумному решению наши горячие цеха не простояли ни одного дня, за что наш молодой главный механик был награжден Почетной грамотой Автономной Башкирской Советской Социалистической Республики. Так ради какого блага мы стремимся избавиться от талантливого и энергичного молодого специалиста? В угоду товарищу Гришка-ну, неизвестно чем руководствующемуся?

— Дорогой Садык Мифтахович, — отвечал Чанышеву Изотов. — Вы, несомненно, одаренный, но еще без достаточного опыта руководитель и член партии. В нашей партии существует железная дисциплина, и секретарь районного комитета — доверенное лицо ее Центрального Комитета. Он, в лице товарища Гришкана, руководствуется не отдельными успехами или промахами того же Званцева, а более глубокими, не обязательно нам известными, общими соображениями, и я, как директор комбината, буду считаться с указаниями партии больше, чем даже с собственными или вашими, Садык Мифтахович, соображениями и выводами. Мы идем под руководством партии к построению социализма в отдельно взятой стране. И пусть судьба отдельного инженера, угодного вам, но не пользующегося доверием партии, не приведет к трещине в руководстве комбината. Я имею в виду себя, безусловного сторонника генеральной линии нашей партии. А вам, товарищ Чанышев, поручена не эксплуатация старого завода, а его реконструкция, в чем, с нашей стороны, вам будет оказано полное доверие и содействие.

Чанышев был умен и находчив. Он поймал на слове Изотова, опытного руководителя и партийца:

— Хорошо, товарищ директор, если вы облекли меня таким доверием, снимайте с должности главного механика Званцева, а

я, во избежание амбициозного вмешательства Гришкана, назначу через Наркомат тяжелой промышленности неугодного ему Званцева главным инженером реконструкции комбината, есть у нас такая незанятая должность. Мне нужны такие работники, как Званцев, и я буду рад заполучить его от вас.

Изотов растерялся. Он знал, что Чанышев наделен особыми, даже большими, чем он, директор, полномочиями, и не сразу нашелся, что ответить хитрому и упорному татарину.

— Надеюсь, вы согласитесь на общее рассмотрение этого вопроса. И не раньше приезда Качурина.

— Вопрос будет решаться в Москве, а не в кабинетах, вашем или Гришкана, а я уезжаю, согласно вашему решению, в Москву завтра.

— У каждого завтра есть свое утро, а утро вечера мудренее, — утомленно сказал Изотов, вставая, давая понять, что совещание закончено.

Когда два заместителя спускались по лестнице, Аскаров тихо сказал Чанышеву:

— Ну, Садык, мне у тебя учиться надо. Ты не одолжишь мне Коран?

— Зачем?

— Выучить наизусть попробую.

Около своего кабинета Чанышев удивленно увидел Званцева с чем-то, завернутым в газету.

— Ты меня ждешь? — спросил Чанышев. — Проходи, что это ты принес?

— Модель электрической пушки. Стреляет беззвучно. Может перебросить снаряд через океан.

— Ну, это ты загнул! Но с помощью электрических сил выбрасывать снаряд, в принципе, возможно. Покажи, как ты хочешь это делать?

— Вам первому показываю примитивную модель. Хочу посоветоваться.

Чанышев чуть насмешливо смотрел, как Званцев развернул пакет и вынул деревянную трубочку с намотанными на нее проводами. Трубочка представляла собой некий прибор из нескольких катушек. Оголенные концы проводов он воткнул в розетку для настольной лампы, катушку положил перед севшим за стол Чанышевым и передал ему в руку маленький снарядик, размером с отверстие трубки.

— Вам честь первого выстрела, Садык Мифтахович. Поднесите снарядик острием вперед к ближнему отверстию трубки.

— А мы не переполошим выстрелом все

заводоуправление? — недоверчиво спросил Чанышев.

— Переполох не в интересах секретности.

— Ал пах с нами, — сказал Чанышев и с улыбкой поднес снарядик к трубке.

Невидимая сила вырвана снарядик из пальцев, и он ударился о противоположною стену кабинета.

Званцев подобрал ею с полу.

— Убедительно, ничего не скажешь. Но снарядик твой попал не в стену, а в самое мое сердце.

— Почему, Садык Мифтахович?

— Потому что у меня были на тебя совсем другие виды.

— Какие?

— Это не важно Твоя игрушка требует огромной работы для превращения ее в грознее оружие, которое необходимо нашей стране с вражеским окружением Я твои союзник, но будем действовать с обдуманной хитростью. Модель должны увидеть в Москве, поэтому уже сегодня ты включаешься в работу по реконструкции завода как его главный механик Приказ об этом сейчас будет подписан. Завтра я через Магнитную вылетаю в Москву и оттуда дам тебе срочный вызов. Исхитрись, как хочешь, но окажись в Москве со своей моделью в чемоданчике. Ее должны увидеть те, кто преобразует нашу страну. Я вызову тебя ко дню рассмотрения в наркомате нашего проекта реконструкции, а ты должен прилететь в Москву, хоть на крыльях, хоть на метле.

Глава третья. КРЫЛЬЯ ИКАРА

И он помчался вдаль стремглав,
В полете крылья поломав.

Чанышев уехал в Москву, и в конце сентября прислал срочную телеграмму с вызовом Званцеву для участия через три дня в рассмотрении Наркомтяжпромом проекта реконструкции Белорецкого завода.

Изотов вызвал его к себе и показал телеграмму.

— Странный вызов, не правда ли? Как будто можно добраться отсюда до Москвы за три дня. Разве что на крыльях?

— Именно на крыльях, товарищ Изотов, — обрадовался Званцев.

— Где ж вы их возьмете?

— Если вы поможете. У меня есть много аргументов в защиту проекта, с которым ознакомил меня Чанышев. И решающие из них пришли мне в голову после отъезда Чанышева, — и он стал объяснять директору, какие узкие места следует устранить, чтобы

резко повысить производительность завода.

Вместе с директором главного механика слушал и тихо вошедший Аскаров. Когда Званцев окончит свой рассказ, Аскаров обратился к Изотову.

— Он прав, товарищ директор Наркомат должен учесть высказанные здесь соображения. Проект надо доработать, а не утверждать. Смета должна быть пересмотрена. Гипромез не удосужился прислать своих проектировщиков сюда, чтобы учесть наши соображения. Я могу послать телеграмму.

— В телеграмме нельзя дать всей аргументации, а Наркомтяжпром не станет на первых шагах пятилетки что-либо откладывать.

— Не могу же я превратить нашего главного механика в Икара и дать ему крылья! — раздраженно возразил Изотов.

— Можете! — уверенно вставил Званцев.

— Объяснитесь, — сердито потребовал Изотов, откидываясь на спинку кресла.

— Попросите по телефону начальника Магнитостроя отправить меня на их постоянно курсирующем самолете в Челябинск, а оттуда мне легко добраться по воздуху до Москвы на рейсовом самолете, и крылья Икара послужат металлургии.

— Я поддерживаю Он сможет, — твердо сказал Аскаров.

— Быть по сему, — ударил кулаком по столу Изотов и взял трубку вновь установленного красного телефона. — Товарищ начальник Гигантостроя? Рад что застал вас, Изотов из Болорецка беспокоит Докладываю. Детали для вас отлиты, и я сейчас отправлю их на полуторке к вам с нашим главным механиком Званцевым. Ну что вы! Всегда готовы помочь. Но и у нас к вам просьба У вас самолеты в Челябинск летают? Вот хорошо! Нам все равно биплан или моноплан, только переправьте по воздуху нашего главного механика в Челябинск. Ему срочно надо быть в Москве Спасибо, сосед, за готовность оказать нам помощь. Шлите заказы. Что надо — отольем. Будьте здоровы, — он повесил трубку и вызвал секретаршу. — Заготовьте командировочное удостоверение Званцеву в Москву на десять дней. Если надо Чанышев продлит. Вот как в наше время крылья Икарам делают. Счастливых посадок. Лети, — и он подписал переданный секретаршей бланк, вручая его Званцеву.

Дверь открылась и в кабинет ворвался механик Мехов. Он задыхался от волнения и быстрого бега:

— Пожар, товарищи!.. Горят угольные склады у доменных печей, как в позапрошлом году. И, как тогда, не затушить… Домны нечем кормить!.. — И он заплакал.

Было больно смотреть на старого человека, бессильно

рухнувшего на стул. Он заглушал рыдания, но вздрагивающие плечи и текущие по впалым заросшим щекам слезы выдавали его.

— Так что же мы ждем? Всем к месту бедствия! — вскочил в волнении Изотов.

— Переведем домны на голодный режим, скиповые вагонетки с другой стороны загружать будем, как в прошлый раз, пока склады не выгорят. Это хуже лесного пожара, — на ходу говорил Аскаров, сохраняя каменное выражение лица.

— И так будет всякий раз, пока мы не переделаем, как я настаивал, склады угля в порядке реконструкции. И будущие пожары надо гасить не здесь, а в Москве, вот почему я спешу чуда, — сказал Званцев у проходной, через ворота которой проезжала полуторка. Он спросил шофера:

— На Магнитку? — и услышав утвердительный ответ, сел в кабину. — Гони мимо моего дома, я чемоданчик захвачу.

Горящие склады угля представляли собой две почти соприкасающиеся стены огня, между которыми когда-то, закутавшись в мокрый балахон, бесцельно пробегал Саша-практикант.

Новый директор Изотов в ужасе смотрел на огненную стихию, ощущая жар на лице. «Прав Званцев, надо по-другому строить склады, чтобы они не могли гореть».

— Где Званцев? Где главный механик?

Изотов обернулся и увидел перекошенное в ярости лицо человека с клыкообразными вислыми усами.

— Его здесь нет. Он срочно улетел в Москву.

— Как улетел? На чем улетел?

— Пока на полуторке через перевал, а дальше по воздуху.

— Мне необходимо догнать и допросить его по поводу этого повторного пожара.

— Вряд ли он что-нибудь сможет сказать. Он был у меня в кабинете, когда сообщили о пожаре.

— Товарищ Гришкан сказал: «Два раза угольный пожар и два раза званцевские пятки сверкают».

— Если так необходимо, догоните его, расспросите.

— Одолжите ваш газик. Он резвее нашего драндулета. Товарищ Гришкан вас попросит.

— Секретарю райкома партии отказать не могу.

И Клыков с запиской послушного партийца Изотова помчался в гараж, устроенный в одной из конюшен на конном дворе.

Груженая полуторка с трудом брала подъем. Шофер, поставив машину на ручной газ, когда задние колеса крутились, пробуксовывая, выскакивал вместе со Званцевым из кабины, и вдвоем они толкали застрявшую машину. Казалось, чем могут

помочь две слабых человеческих силы многомощному мотору, но вспоминалась сказка о репке, когда последней к семейству старика присоединилась мышка, и репка пошла из земли. Два человека напрягались, и грузовик нехотя трогался, выбрасывая назад подсунутую под прокручивающиеся колеса брезентовую покрышку. Шофер первым вскакивал в кабину, хватаясь за руль, чтобы не дать машине соскользнуть в пропасть, по краю которой проходила горная дорога. Званцев бежал назад, подбирал брезент и бегом догонял еле ползущую машину.

— Так и мучаемся в энтом самом месте. Хорошо, ежели не одна машина едет, шофера с других машин подсобят, подтолкнут. А легковушкам здесь взбираться совсем беда. Подавать назад надо, разгоняться и сходу проскакивать проклятущее место, — рассуждал шофер, малорослый крепыш.

— Цепи надо надевать, — заметил Званцев.

— И то верно. Так ведь торопили. Завгар аж охрип. Надо было мне перед подъемом задержаться и цепи надеть.

— Так и сейчас не поздно.

— Да нет! Через чертову хребетину перевалили. Теперь под горку знай тормози и колодками, и скоростью.

Саша понимал автомобильный жаргон. Шофер имел в виду включенную первую скорость при заглушенном двигателе, когда не он вращает колеса, а им приходится крутить двигатель, замедляя движение машины.

С высоты, как с птичьего полета, развертывалась невиданная по размаху стройка с поднимающимися ввысь вавилонскими башнями в плакатах на самом верху. Подъехав ближе, можно было прочитать: «До пуска домны осталось…»

У Званцева защемило под ложечкой. Он воочию видел индустриализацию еще вчера сермяжной, лапотной страны. Перед ним открывалась панорама рождавшегося самого мощного в мире металлургического исполина.

Когда Саша предстал перед начальником Магнитостроя, то внутренне удивился, что встретил обычного человека, а не бородатого многорукого великана из древних сказок. Тот тепло отнесся к Саше:

— Привет соседу! Главный механик нам скоро понадобится. Приглядись. Может, перейдешь?

— Мы сами расширяемся, на вас глядя, потому и в Москву спешу. Вы обещали меня по воздуху в Челябинск перебросить.

— Сейчас летит туда учебный самолет. Пилот, я с ним говорил, обещал взять тебя. Дуй на аэродром.

А Клыков в новеньком изотовском газике застрял на крутом подъеме, пока не подъехали две машины, одна сверху, другая

снизу вслед за Клыковым. Два водителя остановились и пришли газику на помощь. Общими усилиями четырех человек газик вскарабкался на гребень, и Клыков, вскочив в него на ходу, крикнул:

— Гони, не задерживайся!

— Как же так, товарищ Клыков. Грузовику помочь бы надо. Нам ведь помогли, — протестовал шофер.

— Не рассуждай! За преступником гонимся.

— Скоро нельзя. Опасно. Крутой спуск по краю обрыва. Сверзиться легко.

— Опасность одна: поджигателя угольных складов упустить.

Надо отдать должное Клыкову — опасностей он не боялся и внимания не обращал на красоту горного пейзажа, которым недавно любовался Званцев, не подозревая за собой погони.

Когда преследователь спускался по головокружительной круче, Званцев занял место рядом с веселым пилотом-инструктором, как оказалось, Сашиным ровесником:

— Ну как, братишка, машину в воздух сам поднимешь или помочь? — и он указал на рычаги и приборы, такие же, как и перед ним самим.

— В воздух я поднимался только в детстве на гигантских шагах, приучал себя не бояться высоты, а управлял только лошадью, когда пришлось извозом заниматься. Я бы с радостью поучился у тебя, если бы не срочное задание.

— А ты что? Курьер?

— Я — главный механик Белорецкого металлургического комбината.

— Ишь ты, куда взлетел! И не падал?

— Падал. Вместе с подъемным краном, который сам и смонтировал.

— Тогда поехали. Второй раз падать не положено. Мотор прогрелся. Взлетаю. Дорога вверху будто гладкая, а ухабы — что надо! Хочешь ощутить полет, приподнимись над фюзеляжем. Встречный ветер тебя причешет лучше любого парикмахера. Извини, шлема для тебя нет.

— Вид на стройку чудесный, как с горы, — говорил, вернее, орал Саша пилоту, стараясь перекричать шум мотора. — А парикмахер-то твой задался целью меня, видимо, лысым сделать. Так причесывает, что волосы с корнем рвет.

Пилот кивал головой и улыбался, вряд ли понимая, о чем говорит ему пассажир.

Саше показалось, что не успели они взлететь, как начали снижаться, идя на посадку. Замелькали здания с флажками и надутыми ветром, показывающими его направление цирковыми

колпаками. Повсюду на асфальтированных полосах стояли самолеты. Движение прекратилось.

— Приехали, — объявил хороша слышный, благодаря заглохшему мотору, пилот. — Плата за проезд по таксе — один рубль со скидкой в два полтинника. Будь здоров и не падай. Приезжай учиться. Полетаем.

Пассажирский самолет, один из первых АНТов, совершенно не походил на учебный моноплан веселого пилота.

Предъявив купленный до Москвы билет штурману, вместо отпущенной в город хорошенькой бортпроводницы, Саша занял место в удобном кресле у окна.

Шума двух моторов в шестиместном салоне было почти не слышно. Это был уже более комфортабельный полет, не то что в маленьком учебном моноплане. Ощущался крен, самолет ложился на курс. Вдали в дымке виднелся большой город, аэродром исчез из виду. Саша погрузился в блаженное состояние покоя и стал думать о том, что ждет его в Москве. Договорился ли Чанышев, чтобы посмотрели его модель электропушки? И что будет потом? Покойное кресло иногда вдруг уходило из-под него, и он проваливался неведомо куда. Это были те самые воздушные «ухабы», о которых говорил веселый пилот.

Одному из пассажиров стало плохо, укачало. Штурман, проходя между креслами, дал бедняге спасительные пилюли. Потом разнес пассажирам подносы со вкусно приготовленной едой. Саша вспомнил, что сегодня ничего не ел, и с аппетитом проглотил все принесенное. Штурман забрал подносики с посудой и унес в помещение между салоном и кабиной летчиков. Саше очень хотелось заглянуть туда, но он постеснялся. Устроившись поудобнее в кресле, он то подремывал, то смотрел в окно.

Внизу простирался странный, залитый солнцем белый мир, совсем не похожий ни на землю, ни на облака. Буря в неземном океане, с застывшими во взлете валами и закрученной вихрем пеной, порой похожими то на невиданных чудовищ, то на сказочные замки. И вдруг исчезло все, утонуло в тумане. Самолет снижался, проходя сквозь облака. Внизу, как на огромной географической карте, большая река… Неужели уже Волга? Самолет делал крен, река приближалась. Виднелась длинная песчаная отмель и человеческие фигурки на ней. Может быть, летчики решили посадить зачем-то самолет на эту ровную полосу? Зачем? Но мель исчезла. Впереди — лесистый берег, совсем близко…

Страшный удар, грохот, звон разбитого стекла…

Саша полетел на переднее кресло, больно ударившись о его, к

счастью, оказавшуюся мягкой спинку…

Клыков добился, чтобы его допустили в кабинет начальника Магнитостроя. Тот встретил его недовольным взглядом.

— Настаиваю перебросить меня срочно самолетом в Челябинск.

— Вы ошиблись, товарищ. Здесь строительство металлургического комбината, а не филиал Аэрофлота.

— Я из ОГПУ и требую содействия в задержании опасного преступника, — Клыков предъявил удостоверение.

Мрачный вид посетителя и еще более мрачные мысли, связанные с ОГПУ, подействовали даже на такого человека, как начальник величайшей стройки в мире. Он вызвал подтянутого секретаря в полувоенной форме:

— Узнайте, Егорыч, вернулся ли из Челябинска наш учебный самолет. Как вернется, пусть доставит товарища Клыкова в Челябинск. Мой шофер отвезет вас на учебный аэродром, и оттуда улетите, куда вам надо, — последние слова его звучали, как: «Катись-ка ты ко всем чертям», — и он стал вызывать прораба доменной печи № 1.

Клыков даже не поблагодарил начальника Магнитостроя, а только хмуро сказал:

— Оказывать нам содействие — ваш долг, — и вышел из кабинета.

В Челябинске, куда доставил его веселый пилот, не услышав от нового пассажира ни слова, Клыков узнал номер рейса, на котором Званцев улетел в Москву, и взял себе билет на следующий рейс, который должен был состояться через несколько часов. Пошел на телеграф и дал телеграмму всего из трех слов: «Иду следом. Клыков».

Во внуковском аэропорту он оказался лишь на следующий день, узнав, что самолет предыдущего рейса из Челябинска не прилетел. Он потерпел аварию близ Чебоксар. Ярости Клыкова не было границ…

Шестеро чудом уцелевших пассажиров с содроганием смотрели на жалкие остатки красавца-самолета, только что проносившего их выше облаков, казавшихся им белой неведомой планетой гор и пропастей.

Жизнью своей люди были обязаны первому пилоту, сумевшему в сложных условиях, при отказе одного из моторов, приземлить аэроплан. Не видя места для вынужденной посадки на Волге или ее лесистых берегах, он прельстился было длинной мелью, манившей своей гладью, но почему-то в последний момент отказался от нее, повернув к берегу, в сторону плодового сада у оврага.

На склоне его росли молодые яблони. Они спружинили, когда крылья машины коснулись их, отрываясь от фюзеляжа. Это и смягчило удар. Кабина летчиков уткнулась в землю. Один мотор оторвался и лежат поодаль с исковерканным алюминиевым пропеллером. Другой пропеллер, еще вращаясь, коснулся земли, застыв с изогнутой лопастью. И в этом хаосе разрушения лишь пассажирский салон остался невредим, и даже заклинившую дверь удалось быстро открыть и всем выйти наружу. Пострадал только один пассажир. Лопнувшим стеклом ему порезало щеку. Кровь струйкой стекала ему в аккуратно подстриженную бородку. Штурман, высокий дюжий парень с мягкими движениями, вынес аптечку и оказал ему первую медицинскую помощь.

— Конечно, у Маши это получилось бы лучше, но, слава Богу, мы оставили ее в Челябинске. Волноваться будет, бедняжка.

— Кто о чем, а он о своей Маше, — усмехнулся первый пилот, крепкий мужчина с ямкой на выдающемся вперед гладко выбритом подбородке.

— Спасибо, товарищ пилот. Мы обязаны вам своими жизнями, — произнес бородатый пассажир, похожий на дореволюционного профессора. — Вы так удачно посадили машину.

— Машину я разбил, а спас вас вот он, второй пилот. Это он отговорил меня садиться на мель. И очень правильно сделал. Колеса непременно зарылись бы в песок, и машина перевернулась бы через голову, вызвав взрыв. Тогда всем нам, как говорится, был бы каюк.

Ну, уж и спас, — отозвался добродушный, улыбающийся, несколько полноватый летчик. — Просто перестраховка. Если бы знать, что песок мели сырой, плотный, лежалый, сели бы, как на полосу. Но если он подсох — колеса зароются в него, тогда беда.

Выходит, мель заманивает вашего брата, как коварная Лорелея свои жертвы? — сказал «профессор».

— Вроде бы так. Разве что только песни не поет, как сирене положено.

Заботливый штурман вынес карту, пометив на ней их местонахождение:

— Вам нет смысла ждать комиссии. Я тут вам проложил путь, как лучше всего до Чебоксар добраться. Выходите на проселочную дорогу. Может, кто и подхватит вас на подводе.

— А вы? — спросил, обращаясь ко всем летчикам, Саша Званцев.

— А мы под суд пойдем и должны дождаться комиссии у разбитой машины.

— Как же без нас? Мы готовы дать свои свидетельские

показания о вашем героизме. Своим присутствием доказать, что мы живы-. Кто-нибудь из нас останется, как представитель уцелевших.

Саше стало до боли стыдно, что он в этот момент промолчал. Он конечно же спешил к Чанышеву, к неизвестному высокому лицу, которое посмотрит его модель, даст ход его изобретению. И в то же время он не считал возможным оставить людей, спасших им всем жизни, ценой Бог весть каких для них последствий. Он хотел уже заявить, что останется вместе с экипажем. Но командир отвел самоотверженность пассажиров:

— В этом нет нужды, друзья, список пассажиров, летевших с нами, комиссии будет известен. Штурман оформит ваше общее заявление, что вы живы и здоровы. Мы и так в неоплатном долгу перед вами за задержку. Ведь без спешной надобности самолетами не летают. Вам немало времени понадобится, чтобы пешком добраться до Чебоксар и оттуда — поездом до Москвы. Счастливого вам пути, друзья. Мы будем помнить о вас.

— Спасибо на добром слове, командир, — сказал пассажир с пластырем на щеке. — Оставшись живыми благодаря вам, каждый из нас даст свои координаты для выступления свидетелем на суде, если он состоится.

На том и порешили. Быстро оформив в кабине документы, подготовленные штурманом, тепло простившись с летчиками, шестеро спасенных, по новому видящих мир, куда спешили вернуться, двинулись в путь, взбираясь по откосу оврага. Они искренне считали, что все встречные, узнав об их судьбе, сочтут их героями, готовые во всем помочь. Наивность их объяснялась лишь радостью возвращения к жизни.

Они выбрались из оврага в яблоневый сад. Идя по тропке, встретили девушку в красном платочке. Наперебой старались объяснить ей, как они счастливы встретить ее после авиакатастрофы. Они надеялись, что девушка наверняка укажет того, кто поможет им добраться до Чебоксар.

Девушка непонимающе слушала их, а при слове Чебоксары вдруг кинулась бежать. Из-под ее сарафана замелькали босые пятки.

— Она не поняла нас и побежала к жилью, — сказал кто-то из пассажиров. — Надеюсь, мы встретимся с местным руководством.

И потерпевшие кораблекрушение двинулись вслед за беглянкой в поисках сочувствия. Расчет был правильный — скоро они вышли к рубленому дому. В просторной комнате с портретами классиков марксизма и бюстами Ленина и Сталина стоял большой письменный стол и перед ним несколько рядов стульев. Очевидно, это была комната правления колхоза. За

столом сидел щуплый человек в очках золотой оправы и прилежно что-то писал, не поднимая глаз. Когда шестерка спасенных выстроилась перед ним, он снял очки и маленькими, близорукими глазами стал разглядывать посетителей, потом спросил на непонятном языке. Убедившись, что его не поняли, повторил по-русски:

— По-чувашски говорите?

— Нет, мы — русские. Наш самолет разбился, — начал было «профессор», который действительно оказался профессором МВТУ, избранный единогласно за старшего, но человек за столом, очевидно, председатель правления, прервал его, подняв руку, ладонью вперед:

— Зачем наша добра девица пугал? Грозил забрать, на Чебоксар отвозить?

— Что вы, товарищ председатель! — удивился таким словам профессор. — Ваша прелестная девушка просто не поняла нас, мы ей объясняли, что попали в аварию и теперь добираемся до Чебоксар, чтобы попасть в Москву.

— Зачем поверить? Бумага давай.

— Какую бумагу? — возмутился профессор. — Наш самолет разбился недалеко от вас, в овраге. Там летчики остались. Можете проверить.

— Без бумага не проверяит. Без бумага — нет-нет! Обман…

— Будет тебе бумага, и без обмана! — неожиданно вмешался Саша Званцев. Он подошел к стоящему в углу столику с родимой пишущей машинкой «ремингтон», заложил в каретку бумагу и после пулеметной очереди, восхитившей бы бывшую баронессу фон Штамм и удивившей его спутников, вынул листок, размашисто подписал американским «паркером», подарком Аскарова, затем испачкал чернилами свой большой палец и, прикладывая к бумаге, повернул его.

Получилось нечто похожее на неразборчивую круглую печать.

— Ну, вот тебе, товарищ бюрократ, требуемая бумага. Теперь все в порядке?

— Нет порядок. Мой имя Петров. Нет Бюрократ. Пиши Петров. Нет ошибка.

— Есть конверт? Письмо на почту послать. Как твой сад называется?

Председатель вынул из ящика стола конверт с напечатанным на нем на двух языках названием садового колхоза. Саша взял его, припечатал: «Председателю тов. Петрову», и вложил в конверт письменную просьбу содействовать потерпевшим аварию.

— Теперь порядок? Машину дашь, как написано? Председатель кивнул:

— Давай талоны.

— Какие талоны?

— Бензин.

— Откуда у нас талоны на бензин! Мы с неба упали. Председатель посмотрел на потолок, как на небо.

— Талон нет. Давай трудодни, — и он поднялся, рукой приглашая следовать за ним.

— Что он хочет? — заволновался профессор.

— Чтобы мы отработали поездку в Чебоксары.

— Кто не работает, тот не ест и не ездит, — заключил профессор.

Все вышли следом за чувашем, остановились перед сараем и получили по лопате. Потом он подвел их к пустырю, где лежала груда привезенных саженцев, и, ловко орудуя лопатой, вырыл ямку и показан, как закапывать саженцы.

Званцев первый принялся за работу. Председатель ушел, и к его возвращению вся груда саженцев была посажена.

Профессор спросил:

— Ну как, товарищ председатель, отработали мы поездку в Чебоксары? Вы дадите машину?

— Машина не дам. Талон нет. Один недель. Работай.

— Он шутит над нами. У нас спешные дела. Саша, объясните ему, — волновался профессор.

— У него все мужики на стройку объекта пятилетки ушли. Его тоже понять надо, — и Саша забрал у всех лопаты и вручил их Петрову. — Двинули, ребята, на трассу, — предложил он. — По карте штурмана нам шагать не более сорока километров. К утру одолеем.

— Как-то неудобно, — засомневался профессор.

Сомнения рассеялись, когда все увидели знакомую девушку, так же резво бегущую, но не от них, а к ним. Петров что-то крикнул ей по-чувашски и она, смущаясь, прикрывая подолом сарафана нижнюю часть лица, свободной рукой сделала знак идти за ней.

— Зовет, — подтвердил профессор. — Придется подчиниться. Все-таки дама.

Девушка привела работавших к пристройке, вроде сарая, внутри которой расположилась колхозная столовая. Девушка усадила всех за стол и принесла на подносе каждому по тарелке щей и чашке каши, что было мигом ими уничтожено.

— Вот теперь можно и в путь, — сказал профессор, поймав руку девушки и поцеловав ее. Девушка вскрикнула и убежала.

— Ну вот, опять спугнули, — недовольно заметил кто-то. — Они к такому обращению не приучены.

Но девушка, пунцовая от смущения, вернулась за грязной посудой. Попытки всучить ей деньги за еду вызвали бурную реакцию. Она непонятно что-то говорила, размахивая руками. Увидев, что посетители уходят, она проводила их на улицу и показала тропку на дорогу.

— Как зовут-то тебя, — спросил Саша. — Маша, Даша, Катя?

Она улыбнулась, впервые посмотрев новым знакомым в лицо. Нежно голубые глаза ее посветлели:

— Таня, — тихо сказала она.

У Саши сердце екнуло. Уже шагая, он обернулся и увидел, что пугливая Таня машет им рукой. К вечеру их обогнал обоз из нескольких подвод.

— Эй, путники! — окликнул здоровенный мужик с первой подводы. — Вы не с самолета ли упавшего? По одеже вижу, не нашинские.

— Да вот чудом уцелели, — ответил профессор. — До Чебоксар добираемся.

— Э, милые, вам шагать да шагать. Садись, почтенный, подвезу.

Спасибо. Я не могу один. Мы заплатим.

Это с вас, дураков, деньги берут, чтобы в воздух поднять и вниз скувырнуть. Видели мы, как ваша птица вниз пошла. Пеших, да еще и по пути, мы без денег подвезем, потому человеку положено по земле ходить и ездить, а не к ангелам в облака забираться. Вот они и шибанули вас оттудова пинком в мягкое место.

Ценой покорного выслушивания профессором нотаций возницы, что человеку положено и что нет, воздушные спутники распределились по другим подводам и к ночи добрались до Чебоксар, как раз к московскому поезду, который и доставил их в столицу.

Клыкову не пришло в голову дождаться этого поезда, и после короткого и холодного свидания с Малышевым он, по его совету, уехал поездом в Белорецк.

Званцев знал, что Чанышев остановился в гостинице «Националы»; и нашел его в номере. Он в этот час пил чай и встал навстречу:

— Прилетел?

— Если быть точным, то всеми видами транспорта: пешим ходом, на подводе, в автомобиле, на учебном самолете и на рейсовом АНТ.

— А на слоне?

— Не понадобилось, Садык Мифтахович, — и Саша рассказал о всех своих злоключениях.

— Полон впечатлений! Рад за тебя. Богаче стал. В железнодорожном крушении ты уже побывал, с краном падал, с самолетом тоже. Теперь жди морскую катастрофу для полного комплекта, — с улыбкой говорил Чанышев, — а главное, ты умудрился живым остаться и не опоздать. Сейчас пойдем в Гипромез. Проект реконструкции нашего металлургического комбината попал в список особо важных, поскольку нам планируют самые высококачественные сорта стали плавить. Металлурга всех заводов у нас стажироваться будут. Рассмотрение нашего проекта в Гумпе, то есть в Главном управлении металлургической промышленности Наркомтяжпрома в следующий четверг, я тебя заблаговременно вызван. В Гипромезе встретишь старого знакомого, Шефера Александра Яковлевича. Ездил к нему под Москву, в Подлипки, он там заведует крупным цехом артиллерийского завода и общается с немецкими специалистами. Его у нас и забрали за совершенное знание немецкого языка.

Шефер! Первый инженер, занявшийся с Сашей, тогда еще с практикантом… Игра на рояле технического инспектора Вакара, и озорная не то девочка, не то мальчик с золотистой стриженной головкой… Все это промелькнуло в мыслях Званцева, пока Чанышев заказывал в номер второй завтрак, для Саши.

— Вы знаете, Садык Мифтахович, я срочно уезжал с завода, когда там вновь загорелись склады угля на доменном дворе. Словно бежал, как поджигатель. На самом же деле я вез вам соображения, как избежать таких пожаров в будущем.

— Это очень важно. Гипромезовские инженеры и понятия не имеют о таких пожарах. И до чего же додумался автор сверхдальней артиллерийской стрельбы? — шутливо произнес Чанышев.

— Разделить склады на отдельные герметичные бункеры, откуда уголь в скиповую вагонетку будет высыпаться через нижнее отверстие, а не так, как сейчас, когда склады представляют собой навал угля. При таком положении возможен и поджог, и самовозгорание от перегрева. И очаг огня беспрепятственно охватывает всю массу, а ветер разносит головешки через вагонеточный проход и загорается противоположный склад. На мой взгляд, бункеры должны быть снабжены автоматическими огнетушительными средствами, и не с водой, а с углекислотой. Начавшееся возгорание будет тотчас подавлено и не распространится на все запасы угля. Я об этом задумался еще тогда, когда, будучи студентом, сдуру прошел между пылающими стенами.

— Убедительно. Не зря прошел. Это будет одной из наших

главных поправок к проекту. Уверен, в Гумпе поддержат, там бывшие производственники сидят. Главный инженер Точинский, главный механик Золотарев Михаил Осипович. А я, татарин-дурак, отдаю своего главного инженера реконструкции в руки Павлуновского, только потому, что мой инженер выдумал кое-что! — и Чанышев деланно схватился за голову.

— А кто такой Павлуновский? — спросил Саша.

— Я не забыл своего обещания по поводу твоей «штучки». Разведал пути, какими можно идти, и установил, что попытки реализовать твою идею снизу приведут тебя в непролазную бюрократическую тину. Увы, но изобретения у нас не реализуются, не заинтересованно используются, а «внедряются», вбиваются, как костыль кувалдой, преодолевая сопротивление. Поэтому действовать нужно не снизу, а сверху — ошеломить власть имущих. Из них в военном производстве доступнее всех Павлуновский, ведающий оборонными заводами. Вот к нему прорывайся напропалую без чиновничьей поддержки или всемогущего блата. Щелчки твоей «штучки» красноречивее любых телефонных звонков с просьбами или советами. Вот попадем в Гумп, перейдешь в другой коридор, найдешь табличку на двери «Павлуновский» и дуй с непробиваемой уверенностью, будто за спиной у тебя одобрительная толпа экспертов. Предоставь начальству самому увидеть и самому решать. Что я говорю, чему учу! Как от меня уйти, оставить завод без ценной инициативы. Безумец я, а не заместитель директора металлургического комбината. В чужие дела лезу, себе во вред.

— Не сокрушайтесь, Садык Мифтахович. Пока я с вами со своими неуемными замыслами. Из кабинета Павлуневского меня могут пинком под зад выставить, и никому, кроме вас, я не буду нужен.

— Ты нужен государству и пусть вожди его определят — где. Я умею заслонять от себя свои выгоды. Думаю, что и ты таков.

— Я хотел бы походить на вас.

— Стоит ли? Внешностью я не слишком вышел.

— Я хотел бы работать, как вы.

— А я хотел бы выдумывать, как ты. Пошли в Гипромез.

Святая святых пятилеток помещалась в непритязательном здании, где кипела инженерная мысль, создавая основу новой индустриальной страны, которой предстояло вступить в соревнование с седым Западом и его могучей промышленностью и вековым опытом передовой техники. Дерзкий лозунг «догнать и перегнать» воспринимался скептиками с усмешкой, но породил плеяду энтузиастов, которым преображенная страна обязана небывалой стойкостью противостояния прославленной технике

всей Европы в прогремевшей через десятилетие Великой Отечественной войне.

Рядом с главным инженером проекта, невысоким пронырливым человеком, любившим говорить о своей преданности Белорецку, где никогда не был, сидел добродушный лысый Александр Яковлевич Шефер, с немецкой скрупулезностью просматривая чертежи переделки хорошо знакомого ему завода.

Чанышев представил им главного механика комбината Александра Петровича Званцева.

— О, мой Бог! Мы давно знакомы! Как они мудро поступили, назначив вас главным механиком. Именно на таком посту я мысленно видел вас в вашу студенческую пору.

— Но он привез кучу новых соображений, которые не обрадуют наших друзей из Гипромеза. На заводе вновь сгорели угольные склады. Это надо предотвратить в дальнейшем, — предупредил Чанышев.

— Но мы предусмотрели противопожарные средства, — заверил главный инженер проекта.

— Чтобы понять беспомощность обычных средств, надо видеть этот пожар, не уступающий лесному.

— Я видел этот пожар, и, как казалось, бессмысленный проход укрывшегося мокрым балахоном студента, — сообщил Шефер.

— Тогда послушайте, что теперь этот бывший студент предлагает, — и Чанышев попросил Званцева высказать свои соображения.

Саша пододвинул лист ватмана и, взяв чертежный карандаш, смело набросал эскиз бункерных угольных складов, поясняя их преимущество.

— На мой взгляд, это весьма продуманное техническое решение. Его стоит использовать в проекте реконструкции завода, — оценил новшество Шефер.

— Но у нас осталось слишком мало времени до рассмотрения проекта, — возразил гипромезовец.

— Но вы делаете проект не ради его рассмотрения, а чтобы дать стране высокосортную сталь, чему не должны мешать никакие пожары, — холодно заметил Чанышев.

— Разумеется, — суетливо согласился инженер проекта. — Мы предусмотрим доработки, в том числе и бункерный вариант угольных складов.

— Мне смета, деньги нужны, чтобы начать строительство, в первую очередь угольных складов, которые сгорели, — продолжал наступать Чанышев.

— Если надо, я сам сяду у вас за доску и за два дня сделаю

проект бункерных складов с противопожарной углекислотной защитой, — поддержал Чанышева Званцев.

— Браво, Саша, браво! — произнес Александр Яковлевич. — Я всегда угадывал в вас человека дела.

— Пожалуйста, — сдался проектировщик. — Я согласую с руководством вопрос о допущении у нас к работе постороннего лица.

— Я не постороннее лицо, а главный механик комбината, который вы реконструируете, — осмелев, заявил Званцев.

— Я уступаю вам свой чертежный стол с кульманом. Можете приступать.

— Я готов, — отозвался Саша, засучивая рукава.

— Я протестую! — неожиданно вмешался Шефер. — Сегодня день перед выходным, служащие прибирают столы, собираются домой. Я не сомневаюсь, что Александр Петрович быстро справится с проектом бункерных складов в остающиеся дни, до рассмотрение проекта в наркомате. У меня есть предложение к белоречанам отобедать у меня в Подлипках. Вас, главный инженер проекта, я тоже приглашаю, чтобы в узком семейном кругу обсудить еще раз все проблемы реконструкции Белорецкого комбината, к которому я привязан всей душой.

— Я чрезвычайно благодарен вам, Александр Яковлевич, и за ценнейшую консультацию и, особенно, за это приглашение, — сказал главный инженер проекта. — Но именно сегодня день рождения моей дочери, и она ждет не дождется, когда ее папа придет со службы к праздничному обеду. Увольте и простите. Я просто не имею права променять семейное торжество на возможность отобедать у вас, Александр Яковлевич.

— Что ж делать! — развел руками Шефер и вопросительно повернулся к Чанышеву.

— У нас с Александром Петровичем нет таких весомых аргументов и побывать в гостях у старого друга нашего завода мы сочтем за честь. Не правда ли, Саша?

— Я с удовольствием побываю в гостях у Александра Яковлевича, что мне не удалось сделать в Белорецке, где я тайком с улицы наслаждался звучанием его рояля.

— Рояль-то у нас есть, но нет такого пианиста, как технический инспектор Вакар, а дочка Инна едва ли в полной мере заменит его. С вашего позволения, я сейчас позвоню на завод в Подлипках, чтобы супругу мою Валентину Всеволодовну, которая гоже любит Белорецк, предупредили о нашел-! приезде. Ехать не так уж далеко, каких-нибудь тридцать минут на электричке.

— Очень благодарен вам, Александр Яковлевич. Вы уж

простите меня великодушно, если я чуть опоздаю. Мне надо устроиться с жильем. Попробую в «Национале», поближе к Садыку Мифтаховичу.

— И не смейте думать! Вам обоим найдется место в моей просторной квартире. Все будут так рады!

— Это уж как Александр Петрович. Он в Москве человек бездомный, а я уже бросил якорь в «Национале», и ночью мне туда звонить будут и Извеков, и жена, а она у меня не гаремная дама, а женщина современная, с характером.

— Мы отпустим вас, как только вы пожелаете.

— Тогда вопрос решен. Тем более, что с гостиницами в Москве трудновато. В «Националь» Званцеву, думаю, не попасть, а «под Липками», надеюсь, ему будет уютнее. Кроме того, по моим разведывательным данным, он сам неплохой пианист, — заключил Чанышев.

Так белоречане согласились отобедать у бывшего земляка, а Званцев обрел надежное московское пристанище.

Глава четвертая. ЗЛАТОКУДРАЯ

Радость жизни, огненные кудри,
Ее молодость, как свежесть утра…

Поселок для работников завода был выстроен прямо в лесу. Деревья заслоняли одинаковые белые четырехэтажные дома. Деревянная дачная платформа. Надпись на щите: «ПОДЛИПКИ». Едва электричка остановилась, и Александр Яковлевич открыл дверь тамбура, приглашая гостей выйти, к вагону подбежала стройная девушка с огненными, вьющимися из кольца в кольцо распущенными волосами.

— А я давно встречаю, а вас все нет и нет! Обед же остынет! А вы… вы откуда взялись? — обратилась она к Саше Званцеву. — Ой, как здорово! Значит, вы в Белорецке? Жаль, что мы уехали. А в Москву вы надолго?

— Инна, знакомься с нашими гостями. Это Чанышев Садык Мифтахович, заместитель директора Белорецкого комбината. Он уже приезжал к нам, привлек меня к проекту реконструкции. А это Александр Петрович Званцев, его главный механик.

— Как? Такой молодой и уже главный? А ведь мы знакомы и хотели дружить, вместе петь и играть на рояле. Ведь, правда, Саш… Можно, я вас Сашей буду звать?

— Можно, — только и успел вставить в поток слов дочери Шефера Званцев.

— Вам у нас понравится, Садык Мифтахович. Подмосковные леса, река Клязьма с купанием — близко и Москва под боком. Может быть, вам захочется перебраться сюда на завод. Здесь немецкие специалисты…

— Я ведь металлург, Инна Александровна.

— Ничего! Вы сталелитейный цех построите, конвертерный. И главный механик вам будет нужен, а жить будете в соседнем с нами строящемся доме на улице Ударников.

— Ну, Александр Яковлевич, у Мирзаханова, вашего директора, завидный агент по набору кадров. Нам бы ее.

— Она у нас такая, неуемная. Жаль девочку. Поступала в Электротехнический институт, во времена НЭПа открытый Каган-Шабшаем. Все сдала, а к занятиям не допускают. Немка! А завод нам немцы построили и специалистов своих оставили. Меня, немца, с Урала забрали, чтобы без переводчиков общение с ними установить. Не понимает кое-кто, что в составе СССР есть республика немцев Поволжья, советских людей.

— Да, у нас немало еще дураков, которые в молитвах лбы разбивают, — отозвался Малышев.

— Если бы только свои лбы, — вздохнул Александр Яковлевич.

Инна, в которой все кипело и радостно рвалось наружу, не могла идти рядом со взрослыми и увлекла Сашу Званцева вперед.

— Помните, в Белорецке я услышала, как вы пели студенческую песню про святой девиз «вперед». Я даже хотела вам аккомпанировать. Упавший кран помешал. А какой он был красивый. Вы его здорово собрали. У меня есть ноты чудесных арий из «Князя Игоря», «Бориса Годунова», «Русалки», много романсов Чайковского, Бородина, Шуберта. А петь некому. Вы ноты знаете? Петь по ним сумеете?

— Ноты мне знакомы, я на рояле играю.

— Ой, как здорово! Тогда у нас получится.

— Только я один почти не пел. Однажды в Томске, правда, взбрело в голову, чтобы меня прослушали в музыкальном училище. Спел им серенаду Дон-Жуана Чайковского: «Гаснут дальней Альпухары золотистые края…»

— И как же?

— Посоветовали кончать Технологический институт.

— Как это бестактно и непрофессионально. Я хотела, чтобы ты в Белорецком клубе спел, я не знала, что ты с классикой знаком. Ничего, что я на «ты»?

— Само собой получилось. Значит, правильно.

— После обеда мы с тобой сразу споем. У меня есть «Гаснут дальней Альпухары…». Или ты из оперы хочешь? Какую арию

знаешь?

— Я весь репертуар Омской оперы выучил, когда извозчиком был и меломанов после спектакля развозил.

— Как смешно! Будущий главный механик комбината слушал оперы с извозчичьих козел. Там что? Открытая сцена была? И лошадь слушала?

— Мне контрамарку на все спектакли первый тенор за фортепьянную игру подарил.

— О, с тобою не шути. Или у вас, у технарей, так принято? Технический инспектор Рахманиновым с ног сбивает, а главный механик… сегодня докажет, что я только тренькаю.

— Зачем же так? Мы об этом не договаривались. Я лучше к роялю не подойду.

— Ой, Саша, милый, прости меня глупую. Я больше не буду. Мы вместе музицировать станем.

Саша посмотрел на умоляющее лицо девушки со вздернутым носиком, на ее великолепную, пылающую на солнце шевелюру и ему стало жаль эту жизнерадостную девушку, не принятую в институт только из-за того, что она русская немка.

Обед, приготовленный Валентиной Всеволодовной, радушной хозяйкой дома, удался на славу. Саша давно так вкусно не ел.

Вечером Саша и Инна поочередно садились за рояль. Хозяева кашли, что пианист не уступает белорецкому Вакару. Потом под аккомпанемент Инны Саше пришлось спеть и неоцененный в Томске романс «Гаснут дальней Альпухары…», и арию князя Игоря «Ни сна, ни отдыха измученной душе…»

— Аллах не поскупился на тебя от щедрот своих, — сказал Чанышев.

— Говорят, если человек истинно талантлив, то во многом, — заметил Александр Яковлевич.

Никогда Саша не ощущал такой теплой атмосферы вокруг себя, как в этот день в Подлипках.

Чанышев заторопился в Москву, а Сашу Шеферы не отпустили, поселив его в комнате вместе с младшим сыном Борисом, пришедшем домой, когда все гурьбой отправились провожать Чанышева на железнодорожную платформу. Уже стемнело, и шедшая рядом с Сашей Инна взяла его за руку…

За выходной день Саша Званцев набросал в кабинете Александра Яковлевича, где была чертежная доска, эскизы бункерного склада древесного угля. Инна живо интересовалась, что он делает, то и дело заглядывая к нему посмотреть, как получилось.

Утром следующего дня он собрался в Гипромез. Инна объявила, что едет с ним, у нее в Москве дела. Им по пути.

Молодые люди стояли на платформе. Электричка подкатила бесшумно, и тамбур вагона встал перед ними. Но вагон уже был полон, пришлось остаться в тамбуре.

— Все торопятся, едут на службу, порой тратя на дорогу больше часа. Совсем не так, как в Белорецке. Спустился с горки и — сразу проходная. После знакомства с проектом вверху, вы с Чанышевым сразу уедете?

— В этот день решится моя судьба, если удастся показать высокому начальству модель изобретения.

— А какое оно? Мне можно посмотреть?

— Это дело военное, секретное. И я не имею права…

— Я поняла. Это случится 10 октября 1931 года. Я решила, что это будет важнейшим днем моей жизни. Мне девятнадцать лет, а тебе? Двадцать пять? Тебе повезет. В эти годы Эйнштейн придумал свою теорию относительности. Он любил музыку и играл на скрипке.

Поезд остановился в Мытищах, и в тамбур ворвалась толпа народа. Молодых людей до неприличия прижали друг к другу. Саша ощущал упругое девичье тело. И оно волновало его. Он старался защитить собой девушку и свой чемоданчик с бесценной моделью. Но на каждой остановке все новые и новые люди втискивались в переполненный тамбур.

— И долго будет это продолжаться? — чуть нагибаясь к уху Инны, спросил Саша.

— Двадцать счастливых минут, — тоже на ухо Саше шепнула девушка.

— Почему счастливых? — искренне удивился он.

— Так… — повела плечами Инна и добавила. — Это тоже военная тайна.

Она проводила его до самого Гипромеза, где они встретились у подъезда с улыбнувшимся им светлой улыбкой Чанышевым.

— Куда ты пойдешь отсюда, и что у тебя за дела?

— О, очень важные. Буду ходить около института Каган-Шабшая и любоваться студентами. Wunderbar!

Вечером она встретила электричку, с которой Саша, как она рассчитала, вернется в Подлипки. Она подкралась сзади и закрыла ему глаза ладонями. Он нежно отвел их и поцеловал. Инна покраснела и побежала вперед, крикнув:

— Догоняй.

Саша ускорил шаг, любуясь ниспадающим пламенным потоком вьющихся волос. К ужину, за который Шеферы усадили Сашу, Инна вышла с заплаканными глазами. Саша пожалел ее. Конечно, это результат скитаний около института, в который ее не допустили. На следующий день она не провожала его. В тесно

забитом тамбуре Саше чего-то не хватало, и он с волнением должен был признаться себе, что не хватало секретных двадцати счастливых минут.

Прошли три дня, в Гипромезе включили его чертеж бункерных складов угля в план реконструкции Белорецкого металлургического комбината. При рассмотрении в Гумпе его главный инженер Точинский особо отметил введенное новшество: герметические противопожарные бункеры для древесного угля. Чанышев переглянулся со Званцевым.

Когда же они вышли от сидевшего за перегородкой Точинского в коридор, Чанышев, поджидая инженера с чертежами, слегка толкнул в спину Званцева:

— Поднимай все паруса, отправляйся в самостоятельное дальнее плаванье. Аллах да поможет тебе. Вот тебе номер кабинета Павлуновского. Точинский для меня в справочнике отыскал, удивился, зачем он мне нужен. Я ответил: «Учились вместе». Мы и впрямь все учились строить на месте старой России индустриальную страну.

Званцев, сжимая ручку чемоданчика с моделью, зашагал по длинным коридорам Наркомтяжпрома. В ту пору нравы были проще. Посетители пропусков не получали, мимо кабинетов сильных мира сего проходили свободно, могли и заглянуть. Так Саша увидел табличку «Н. И. Бухарин». Он, а об этом знала вся страна, был любимцем партии. Философ, заступившийся за кулаков как за рачительных хозяев, возможной опоре социалистического строя на селе. В результате таких крамольных мыслей из редакторов «Правды» он вдруг стал заместителем наркома тяжелой промышленности, отрасли настолько далекой от сельского хозяйства с проводимой там коллективизацией, когда вместе с кулаками раскулачивались, разрушались и отправлялись в ссылку процветающие семейные хозяйства, которых не могла заменить ленивым трудом пьянствующая беднота… Все это отлично понимал Саша Званцев, хорошо помня, как после бездумного разгрома сельского хозяйства преступный разгул громил был оправдан отеческими словами вождя: «Головокружение от успехов».

Около двери в кабинет стоял невысокий человек с бородкой, в сапогах и полувоенной форме. Конечно, сам Бухарин. Подойти бы к нему и сказать, что думает энтузиаст пятилетки с Урала о «Головокружении…», но рука, держащая ручку чемоданчика, словно в ней оказалась неподъемная гиря, удержала его. У него иная задача, которую он не имеет права провалить. И он, взволнованный, прошел мимо «сосланного в промышленность» философа.

Инна, зная, какой сегодня решающий день у Саши, объявила, что поедет с ним и все время будет около него, даже не входя в огромное здание Наркомтяжпрома. Она, гуляя около главного подъезда, терпеливо ждала, пока Саша не выйдет.

Часа через два во время этого добровольного дежурства к заметной среди толпы людей девушке подошел милиционер:

— Вы ждете кого-нибудь, гражданочка?

— Конечно, своего друга, — не задумываясь, ответила Инна.

— А не могли бы вы назначать свидание своему сердечному дружку в другом месте, скажем, вот в этом сквере, наверху, у памятника героям Плевны?

— Никак не могу. Он, может быть, сейчас у самого Серго Орджоникидзе в кабинете, а издалека мне труднее влиять на исход их беседы.

— Вы что? Колдунья? Или голову мне морочите?

— Вы про телепатию слышали? Когда вы с молодой женой будете ждать ребенка, вы поймете, кто я такая.

Инна говорила что придется, глядя в мальчишеское лицо милиционера, который, как ей думалось, едва ли был женат.

Страж порядка опешил, слишком близко к истине были слова этой рыжей молодой колдуньи.

— По-настоящему — забрать бы вас надо, — неуверенно произнес он.

— Почему? За что? Я хулиганю? Кому-то мешаю?

— А потому: колдовать в общественном месте не положено, — не нашелся что сказать милиционер, отходя к своему посту.

А Инна продолжала «колдовать», то есть от всей души желать Саше успеха. Милиционер сменился, а она продолжала нести свое дежурство. Видела, как подъехал «линкольн» с гончей собакой на капоте. Из него вышел человек с усами в длинной кавалерийской шинели. Она не знала, кто бы это мог быть. Может быть, Саша встретится с ним…

А Саша, войдя в пустую приемную Павлуновского, оробел. Молоденькая, по моде коротко стриженная секретарша вопросительно подняла на него синие глаза.

— Я хотел бы показать товарищу Павлуновскому свое изобретение Мне рекомендовали обязательно встретиться с ним.

Будь это через несколько лет, после созревания советской бюрократии, секретарша спросила бы его, записан ли он на прием, или сказала бы, что у товарища Павлуновского назначено совещание и к тому же его вызвали в ЦК. Ничего этого она не сказала. Изобретатель, кому кто-то, верно, очень влиятельный человек, рекомендовал Павлуновского, показался ей необычным,

и она только спросила:

— Какое изобретение?

— Военное, секретное и очень значимое.

Секретарша не узнала у посетителя, кто рекомендовал ему ее шефа, и вошла в кабинет. Через мгновение вышла, пригласив изобретателя войти.

Высокий человек в полувоенной форме поднялся из-за стола навстречу Званцеву:

— Какой фантазией порадуете? Как противника испугать? Как панику у врага вызвать?

— Нет. Как выстрелить на любое расстояние, хоть через океан…

— Немцы гигантскую Берту в свое время выстроили, по Парижу стрелять. Говорят, они и сегодня что-то такое придумали совершенное, чтобы пущенный из пушки снаряд на лету досылать дальше.

— Нет, у меня все много проще, если хотите, я могу вам показать.

И Павлуновский почувствовал в словах изобретателя столько уверенности, что только сказал:

— Москва словам не верит.

Саша действовал с завораживающей уверенностью, как у себя дома. Он подошел к письменному столу, положил на него вынутую из чемоданчика деревянную, обмотанную проводами трубку. Затем выключил настольную лампу, засунул в освободившуюся розетку оголенные концы проводов и передал в руки внимательно следившего за ним хозяина кабинета маленький железный снарядик. Он предложил Павлуновскому, как когда-то Чанышеву, крепко держать снарядик пальцами и поднести его к приемному отверстию модели:

— Только представьте себе, что все это в сто, в тысячу раз больше, — сказал Званцев.

Павлуновский недоверчиво взял снарядик, решив ни за что не выпустить его из рук, посрамив таким образом самонадеянного изобретателя, но, видимо, как ему показалось, плохо держал игрушку, которая после щелчка по деревянной панели, которыми были обиты стены кабинета, осталась лежать на полу. Изобретатель поднял ее и снова передал Павлуновскому для повторной пробы.

Снарядик, лишь поднесенный к деревянной трубке, неудержимо вырвался из цепких пальцев, пролетел через все пространство широкого кабинета и ударился о дубовую панель, оставив на ней вторую отметину рядом с первой.

— Кто ты такой будешь? — с ноткой удивления в голосе

спросил хозяин кабинета.

— Я Званцев Александр Петрович, главный механик Белорецкого металлургического комбината. Нахожусь здесь в служебной командировке.

— Ага! Садись! — скомандовал Павлуновский. Саша послушно сел в глубокое мягкое кожаное кресло

у стола, а Павлуновский занял свое место за столом и снял трубку одного из телефонов, формой отличающегося от других. Заговорил, чуть приподнимаясь в кресле, почтительным тоном на непонятном языке, потом осторожно повесил трубку и, тоже осторожно, чтобы не коснуться неказистой модели, стал что-то писать, словно Саши и не было здесь.

Дверь открылась, и в кабинет уверенно вошел невысокий человек с ярко выраженной кавказской наружностью, с усами, в длинной до полу кавалерийской шинели.

Павлуновский вскочил, Саша последовал его примеру. Сердце у него сжалось. «Сталин», — подумал он.

— Знакомьтесь, — по-военному вытянувшись, представил Павлуновский. — Главный механик Белорецкого металлургического комбината Званцев, стреляет с помощью электричества на любое расстояние. А это — самнарком, товарищ Орджоникидзе.

— Серго! — восторженно воскликнул Саша.

— Николай Константинович, — поправил Орджоникидзе, пожимая Званцеву руку.

Он заставил несколько раз перелететь снарядик через весь кабинет и испещрить своими метками дубовую панель, пока хозяин кабинета не взмолился:

— Товарищ нарком! Он же мне стены кабинета испортит.

— Ничего, казак! Твоя панель ничего не стоит по сравнению с тем, сколько ты выделишь на превращение этой деревяшки в грозное оружие будущего. Ну, уральский механик, ты, поди, в хоромах заводских живешь. С семьей?

— В особняке прежнего техперсонала. Пока один.

— Перевести его моим приказом на завод номер восемь имени Калинина, в Подлипки. Родители есть?

— В Омске. Отец и мать.

— Дать ему у Мирзаханова при заводе четырехкомнатную квартиру, лабораторию и двух помощников, одногоэлектрика, другого артиллериста. Выделить им там же по квартире. Кандидатуры есть?

— Электрик — Васильев Валентин Павлович с Белорецкого завода. Он модель эту делал. Баллистика нет.

Многие прохожие на площади Ногина и служащие, снующие

у подъезда Наркомтяжпрома, были свидетелями того, как молодой человек с чемоданчикам вышел из Наркомата и, очевидно, ожидавшая его рыжая кудрявая девушка подбежала к нему с вопросом:

— Ну как?

— Победа, полная победа! Переведен на ваш завод. Получаю там лабораторию…

Не стесняясь окружающих, Инна бросилась Саше на шею, покрывая его лицо поцелуями:

— Как я счастлива! Как я счастлива! Wie glucklich ich bin!

К ним подошел шофер с подъехавшего «линкольна», в кожаной куртке и такой же фуражке:

— Извиняйте, ежели помешал. Вы и есть изобретатель? Мне сказали — увидишь молодого человека с чемоданчиком.

— Вы меня ищите? — удивился Саша.

— Я водитель машины наркома товарища Орджоникидзе. Мне приказано отвезти вас во Второй Дом обороны, к заместителю наркома товарищу Тухачевскому.

— Но я не один, — сказал Саша, глядя на Инну.

— Какой разговор! — воскликнул шофер. — С ветерком прокачу. Под золотым флагом проедем!

Он усадил Званцева рядом с собой, а Инну на заднее сиденье. Машина была открытая, ветер на ходу завладел ее волосами, и стало понятно, под каким золотым флагом шофер собирался ехать.

— Вы, товарищ изобретатель, когда вас машиной награждать будут, акромя «линкольна» никакой другой не берите. Зверь, а не машина.

Надо сказать по справедливости, что никто никогда Званцева за его изобретения машинами не награждал.

Второй Дом обороны выходил на Красную площадь. Инна осталась у памятника Минину и Пожарскому у многоглавого собора Василия Блаженного, а Саша вошел в подъезд, подсказанный ему шофером.

Пропуск ему уже был приготовлен, и дежурный офицер, узнав, что он здесь впервые, взялся проводить его до кабинета Тухачевского. Офицер открыл перед ним дверь в приемную. И первым, кого Званцев увидел, был легендарный герой Гражданской войны командарм Первой Конной Буденный. Он узнал его по портретам. Тот встал при появлении изобретателя.

— Проходите к Михаилу Николаевичу, он ждет вас. А я потом, — дружелюбно сказал он.

Сидевший за столом адъютант с четырьмя шпалами кивком подтвердил приглашение, и Саша вошел в кабинет того самого

командующего Пятой армией, который разгромил Колчака. Тухачевский вышел из-за стола и пожал Саше руку. У него было красивое интеллигентное лицо. Никогда прежде не видел Званцев ни у кого такого количества орденов Красного Знамени на груди и ромбов в петлице.

— Что вы хотите мне показать?

— Неказистую модель электрического орудия, где снаряд сам включает разгоняющие его электромагнитные катушки. Поскольку скорость электрического тока равна скорости света, есть надежда так разогнать в электроорудии снаряд, чтобы он перелетел через океан.

— Ну, этого нам пока не нужно, но в запасе иметь полезно. У электропушки я вижу и другие преимущества. Она стреляет беззвучно? Не оставляет после выстрела дыма и обнаружить ее трудно.

— Вы видите, Михаил Николаевич, больше ее преимуществ, чем я.

— Однако, показывать модель будете вы. Прошу вас.

— Можно положить ее на ваш письменный стол? Это всего лишь деревянная трубка, обмотанная изолированной проволокой. И разрешите воспользоваться розеткой от настольной лампы.

— Пожалуйста, я сейчас освобожу для модели место, — и он стал убирать со стола карты, документы.

Званцев вставлял оголенные провода в розетку, а полководец поднес переданный ему снарядик к казенной части» деревянной трубки, но тот не вырвался из пальцев, а бессильно вывалился на стол.

— Фокус не удался, факир был пьян, — пошутил Тухачевский, чтобы поддержать обескураженного изобретателя.

— Очевидно, обрыв в катушке. Только что при товарище Орджоникидзе устройство стреляло. Я попробую исправить, — засуетился Саша.

— Не сомневаюсь, что стреляло, иначе он не направил бы вас ко мне. Электротехника — это наука о контактах. Попробуем поискать в местах сгиба.

— Я сейчас, сейчас, — бормотал Званцев, ощупывая катушку и чувствуя, что холодный пот выступил у него на лбу.

— Обрыв внутри катушки не исправить. Придется перемотать. Приедете еще раз. Позвоните, и я пришлю за вами машину.

— Она не должна отказать, Валентин, мой электрик, пропитал ее лаком.

— Тогда посмотрим включение, — предложил замнаркома и стал осматривать розетку. — Так и есть. Оголенный провод

вывалился. Я сейчас исправлю.

— Осторожно, Михаил Николаевич! Вас может ударить электрическим током.

— Уже ударило, — отозвался Тухачевский, и ни один мускул не дрогнул на его лице.

Какие же изуверские меры примут негодяи, заставляя прославленного полководца подписать «признания» и тем самым себе смертный приговор? Или он распознал истинную суть вождя и хотел спасти от него Родину? И отдал ей жизнь…

А тогда, проведя несколько бесшумных выстрелов, он с улыбкой сказал:

— Деревянная трубка да провода даже без вилки, а какие перспективы! Товарищ Орджоникидзе сообщил мне, что отозвал вас с Урала и дает вам лабораторию на восьмом заводе. Я буду приезжать к вам и следить за ходом работ.

Он проводил Званцева до приемной и сказал Буденному через открытую дверь:

— Ну как, Семен Михайлович, не оглушила вас наша артиллерийская канонада?

Буденый развел руками:

— Нам бы в конармию такое!

Саша, найдя Инну на Красной площади, мог только сказать:

— Какой человек! Какой человек! — не подозревая о дальнейшей трагической судьбе легендарного героя.

— Сегодня твой, нет, наш день. Вечером ты получишь мой подарок, — сказала Инна, став сосредоточенно-серьезной. — Мы будем разучивать «Эпиталаму» из оперы «Нерон». Идет?

Радостные, отыскали они Чанышева в ресторане «Националь», где пили заказанное им шампанское, правда, Саша, по своему обыкновению, ограничился шипучей водой. Пили за успех реконструкции завода и мечту. Чанышев произнес тост:

— Да не переведутся у нас люди, способные смотреть вперед, планируя грядущее, такие, как Орджоникидзе и Тухачевский. Выпьем и за тех, кто вторгается в будущее своими замыслами.

Инна хлопала в ладоши.

Потом молодые люди ехали в полупустой электричке и сидели на скамейке, тесно прижавшись друг к другу.

Приехав в Подлипки, они погуляли по лесу, любуясь осенними красками. Особенно понравился им клен с золотистой в лучах заходящего солнца кроной.

— Он хочет походить на тебя, — сказал Инне Саша. Инна поцеловала его за это в щеку.

После ужина, когда Шеферы порадовались успеху Саши и его переезду в Подлипки, Инна не забыла обещания и с

торжественным видом отправилась в свою комнату за подарком.

Она не приготовила, как обычно, постель гостю в комнате Бори, а привела его к себе, указав на свою широкую кровать, постеленную на двоих. Утром счастливые молодые люди объявили родителям, что поженились. Валентина Всеволодовна расцеловала молодых, и с мокрыми глазами сказала, что ЗАГС находится в Мытищах, но беспечные счастливцы сочли достаточным спеть вольнодумный романс «Нас венчали не в церкви, не в венцах со свечами» и в ЗАГС попали только 14 октября.

Воспользовавшись послереволюционной простотой оформления, Саша Званцев прежде всего оформил свой развод с Татьяной Николаевной Давидович, а потом расписался с Инной Александровной Шефер. Все разом.

А в это время Клыков докладывал секретарю райкома:

— Так что, обошел он нас по всем статьям. Сухим из воды вышел. В верхах поддержкой заручился. В заводоуправлении сказали, какое-то важное изобретение сделал. Сам Орджоникидзе приказ прислал. Забирает в Москву для выполнения государственного задания. Выскользнул он из наших рук. Казалось, связан с двумя пожарами угольных складов, а улик нет, а сейчас против самого Орджоникидзе не попрешь.

«Узкоколейный» Гришкан презрительно процедил:

— Притупились клыки твои, Клыков. Хоть усы бы сбрил, чтобы о них не напоминали, не можешь властью своей взять, улик не добыл, отойди в сторону. Дай народному суду свою власть показать, — Гришкан раздраженно встал из-за стола и прошелся по кабинету.

Клыков сидел насупившись. Секретарь райкома остановился перед ним:

— А ну, Клыков, так ли уж безоблачно дела идут у главного механика? И никто не жалуется на него?

— Недовольства много, а что толку. Всем известно, что механический цех — узкое место, завален заказами на запасные части. Начальники цехов в запас заказывают.

— А нет ли среди этих заказов особо важных, которые производительность завода увеличили бы?

— Если рацпредложения, то их навалом.

— Вот с этого и начинать надо. Вызови к себе повесткой плановиков механического цеха. Пусть отберут тебе рацпредложения, залежавшиеся у них. Ударим изобретателя чужими изобретениями, намеренно им задержанными, насыплем ему соли на хвост. Эти заказики тебе легче собрать, чем улики против поджигателей складов. Соберешь папку потолще — и

передашь прокурору, облегчишь ему работу. Поторопи, чтобы суд по уголовной статье привлек к ответу главного механика за зажим изобретательской мысли на заводе, а я, в порядке партийной помощи, по телефону брякну, чтобы судимость была у неприступного твоим усилиям купеческого отродья Званцевых.

Клыков покинул Гришкана ободренный и за пару дней собрал против главного механика обличающий материал, переданный послушным прокурором в народный суд, который послал Званцеву повестку явиться на судебное заседание. Обвиняемый в суд дважды не явился, находясь в Москве.

Судья, пожилая женщина, обремененная семьей, больной матерью и двумя подростками, сыном и дочерью, покинутая пьяницей мужем, больше всего боялась потерять свое место, так как ничего другого, кроме судебных решений по пустяковым поводам, создавать не умела. Настойчивые телефонные звонки Гришкана, торопившего ее с делом Званцева, толкнули ее на рассмотрение дела заочно в отсутствие обвиняемого.

Случилось так, что судебным заседателем был экономист заводоуправления Константин Афанасьевич Куликов. Он страшно переживал, что должен судить своего друга, выходящего на широкую дорогу реализации своего изобретения. Поэтому судебный заседатель, обычно безмолвный участник заседания, лишь на бумаге имеющей те же права, что и судья, заявил категорический протест против рассмотрения уголовного дела в отсутствие обвиняемого. Но спорные вопросы решались составом суда в комнате совещаний голосованием. Судья закрыла дверь:

— Я вынуждена поставить на голосование ваш протест, товарищ Куликов, — объявила судья, глотая пилюли от головной боли и строго глядя на второю заседателя, конюха с конного двора Никифорова, желчного, всем недовольного старика, насильно выгоняемого руководством на пенсию. Сокращалось число коней. Для перевозок пришли грузовики. Главный механик был для него мальчишка, выскочка, живущий, как былой барин, один в целом особняке. Поэтому второй заседатель встал на сторону судьи, и она, невзирая на особое мнение, немедленно написанное Куликовым, решила судить заочно, презрительно бросив ему:

— Напрасно трудитесь, товарищ заседатель. Я поступаю по закону, который и вам знать полезно.

Речь прокурора была краткой. Перечислив невыполненные главным механиком заказы по внедрению рацпредложений и огласив неизвестно кем подсчитанный материальный урон, понесенный якобы заводом, он обвинил Званцева Александра Петровича в халатном отношении к своим обязанностям,

затирании изобретательской мысли на заводе и потребовал присудить его к трем годам лишения свободы в тюремном изоляторе или принудительным работам по месту службы.

Назначенный судом защитник нудно просил у суда снисхождения к обвиняемому, который не имел в своем распоряжении материальных возможностей, вспомогательных цехов для выполнения всех заказов, в том числе и рационализаторских.

В совещательной комнате с облезлыми обоями судья обратилась к двум заседателям:

— У нас нет оснований для вынесения оправдательного приговора, о чем даже защитник не просил. Факт невыполнения заказов налицо. Нам остается определить меру наказания.

— Такое судебное разбирательство я считаю фарсом, — горячо запротестовал наивный Костя Куликов. — Суду через экспертизу следовало бы выяснить, имел ли обвиняемый возможность выполнить заказы, и только тогда определить меру вины главного механика, которой, на мой взгляд, нет.

— Вы намеренно затягиваете судебное разбирательство, товарищ заседатель. У нас нет никаких опровержений вины обвиняемого, пусть даже и отсутствующего. Защита требовала только снисхождения. Учитывая ваши возражения, я считаю возможным присудить Званцева к одному голу принудительных работ по месту службы.

— Я категорически протестую! И пишу особое мнение, — упрямился Куликов.

— Это ваше право, как и мое право — ходатайство о недопущении вас к дальнейшей работе суда.

— Вы окажете мне огромную услугу. Но особое мнение останется.

— Я иду на последнюю уступку, невозможный вы человек! Год условно. И пусть решение будет единогласным.

— Я против. И поддержу кассационную жалобу.

— Да брось ты ерепениться, — обратился к Косте конюх. — Ведь условно. Никто его не посадит. Гулять будет.

Приговор был оглашен уставшей от споров судьей: «За халатное отношение к использованию на заводе рационализаторских предложений приговорить главного механика Белорецкого металлургического комбината Званцева Александра Петровича к году лишения свободы условно. Приговор принят большинством голосов, при одном голосе судебного заседателя — против, и может быть обжалован в установленный срок».

Приехавшему в Белорецк завершать дела Званцеву сообщил

об этом Костя Куликов, первым явившийся, едва тот вошел в свой дом.

Званцев опешил:

— Это я-то противник изобретательства? Нонсенс!

— Я умирал со стыда, что вынужден принимать участие в таком фарсе. Это происки Гришкана, который, не знаю почему, невзлюбил тебя. Но мы, я и Поддьяков с Зотиковым, партийцы, подняли шум до Уфы, Оттуда назначили комиссию под председательством Зотикова, которая отменила решение суда и ты чист, как новорожденный москвич, увы, уже не белоречанин. Но у меня родня со стороны Нины, жены моей, в Москве. Приму все меры, чтобы перебраться туда, к тебе поближе. Я счастлив, что деревянная трубка, плод стараний твоих друзей, ввела тебя в Московские палаты. И ты вышел на дорогу, где перед тобой «кремнистый путь блестит».

— Но я не один, Костя. По лермонтовскому кремнистому пути мы вдвоем пойдем. Женился я.

— Врешь! Ты что? Двоеженец?

— Нет, я развелся в Москве с Татьяной Николаевной.

— Кто же она, счастливица?

— Инна Шефер, дочка Александра Яковлевича, ты мог ее знать здесь.

— Кто же не знал ее, рыжего бесенка. Вообще-то это закономерно.

— Все это так, Костя. Но вот что ждало меня здесь и ошеломило не меньше твоего сообщения о суде. Может быть, суд надо мной и нужен. — И Саша показал Косте письмо.

— От Тани?

— От такой Тани, какой она никогда не была. И письмо ее нежное, ласковое, где она пишет о своем с дочкой и мамой скором приезде в Белорецк, как о само собой разумеющемся. Как я могу нанести ей такой удар?

— Ну, милый друг, она сама уехала от тебя и грозила не вернуться, предоставляя тебе полную свободу. Я-то помню это… А такие молодцы, как ты, бобылями не ходят, несмотря на купеческое, а не дворянское происхождение. Таня — умный человек. Она поймет. Мне она поведала, что ты еще на практике влюбился в дочку Шефера, хотя ей было тогда лишь семнадцать лет. И о вашей разнице в годах она помнила и считана, что когда-нибудь это скажется.

— Спасибо тебе, Костя, за поддержку, но мне написать ей ужасающее письмо будет тяжелее, чем десять дней и десять ночей без сна устанавливать насос на плотине для спасения доменных печей. И Волка нет, исчез… Старуха, сторожившая квартиру,

сказала: «В лес ушел, к сородича м».

— Что ж! Волка сколько не корми — в лес смотрит. Брошенным себя счел. Вот о насосе бывший секретарь райкома Гришкан забыл, организовав суд над тобой.

— Почему бывший?

— Поддьяков с Зотиковым с помощью Аскарова постарались в верхах. Вслед за зотиковской комиссией прибыла высокая партийная комиссия из Уфы и сняла «узкоколейного» пана-воеводу.

— То-то в Белорецке воздух словно чище стал.

Прежде, чем расстаться, друзья, обнявшись, любовались огнями завода, где мартеновский цех во время плавки светился, как фонарик.

— Ну, Костя, и весь Белорецк, слушай! — и Саша Званцев прочитал прощальные стихи:

Прощай, мой друг, прощай, завод,
Суровой практики учитель!
Иная жизнь теперь зовет.
Меня остаться не просите.

Я сердце оставляю здесь
В струе горячего металла.
И где бы ни был я, везде
Она мне путеводной стала.

Я с нею вырос и созрел
Для новых, радостных свершений.
Я гимн искателей пропел.
Дороже всех он песнопений.

Мой милый, славный Белорецк!
Меня ты сыном назови
И, как индустрии боец,
На новый путь благослови.

— Славно сказано! Так держать, старче! — одобрил Костя. — И мы договорились: пиши мне письма, как самому себе.

Часть шестая. ОПЕРЕЖАЯ ВРЕМЯ

Можно сломать шпагу,
Нельзя истребить идею.

В. Гюго.

Найдя идею, делай смелый шаг!
Сумел же подковать блоху Левша!

Глава первая. ИСКАТЕЛИ

Искателя ценнейший дар —
Переносить любой удар.

Заводоуправление в Подлипках выходило окнами на отстоящее на сотню метров Ярославское шоссе с мелькающими по нему машинами. Одно окно принадлежало маленькой комнате, вход куда, как и в соседнюю большую, был из тамбура. На двери тесной для трех человек комнаты висел лист бумаги, а на нем бросались в глаза от руки написанные грозные слова: «НЕ ВХОДИ!».

Иногда из-за закрытой загадочной двери доносился пугающий проходящих через тамбур сотрудников громкий дробный стук. Это опробовалась попутно сделанная в тайной комнате модель электроотбойного молотка.

В комнате едва помещались три составленных вместе письменных стола. На левом лежала чертежная доска с наколотым на нее листом ватманской бумаги и чертежом большой модели задуманного электроорудия. Вместо катушек-соленоидов предусматривались магнитные полюса с обмотками возбуждения. Они включались движущимся снарядом. Рабочие чертежи предстояло передать в цех. За другим столом сидел вызванный из Белорецка соратник Званцева Валентин Павлович Васильев, электрик.

Третий стол предназначался обещанному наркомом артиллеристу.

И он явился в форме капитана Краской Армии, с одной шпалой в петлице, громко постучав в запретную дверь. Званцев оторвался от чертежа и открыл ее.

— Лаборатория инженера Званцева? — спросил капитан.

— Так точно, — ответил Саша. — Вы к нам, баллистик?

— Капитан Гончаров, Герасим Иванович, выпускник военной академии, прибыл в ваше распоряжения для прохождения службы, — по-строевому отрапортовал прибывший.

— Занимайте свободный стол, Герасим Иванович. Лаборатория наша пока в зародыше. Помещается здесь до изготовления нашего опытного образца. Считайте нас троих за мозговой трест. Один выдумывает, другой ищет оптимальное решение воплощения в жизнь, третий безжалостно критикует. Поскольку вы у нас представитель Армии, но больше, чем обычный военпред, являясь и равноправным разработчиком, вам вменяется в обязанность критика в мозговом тресте. Мы сейчас покажем вам в действии деревянную модель электропушки, давшую начало нашей работе. Вам также надлежит дать технические условия нашего первого изделия. Кстати, вы еще не устроились с жильем? Квартира ваша примыкает к моей, в другом подъезде, а Валентина Павловича Васильева — напротив моей, на одной лестничной площадке; они готовы, и вы можете свою двухкомнатную занять. После работы мы пройдем в наш выстроенный среди леса дом на улице Ударников, и вы получите ключи.

— Позвольте ознакомиться с сутью работ, товарищ начальник, — равнодушно отнесясь к бытовым вопросам, чеканя слова, произнес капитан.

— Ну, зачем так официально! Зовите меня просто Саша. Нам предстоит вместе пройти немалый путь.

— Так точно, товарищ начальник лаборатории! Поскольку вы возложили на меня роль представителя Армии и основного критика, разрешите придерживаться уставных норм обращения во время исполнения служебных обязанностей. И критиковать без панибратства.

— Как вам будет угодно, — сдержанно сказал Саша, и, предложив Валентину Павловичу ввести капитана Гончарова в курс дела, ушел на завод, где выпускали артиллерийские орудия среднего калибра.

Так был укомплектован на первое время личный состав лаборатории. Рабочий день кончался и, не заходя в тесную комнату, где он оставил своих соратников, Саша отправился домой, вернее, в квартиру Александра Яковлевича Шефера, где, в ожидании получения квартиры, жил вместе с Инной.

Инна, выйдя ему навстречу, ждала его в аллее. Она сразу заметила угнетенное состояние Саши.

— Что с тобой? Что-нибудь случилось?

— Пока ничего, кроме прибытия к нам военного помощника с уставным солдафонством вместо увлеченности предстоящей

работой.

— Он не понравился тебе?

— Да нет. Думаю, что ему не понравилась наша задача.

— Он тебе сказал об этом?

— Я просто почувствовал. Хотя сам возложил на него роль критика. Мне не хотелось делиться с ним самым своим сокровенным. Пусть Валентин введет его в курс дела.

— Вот и хорошо. Свой критик лучше критика чужого, злого. Пойдем, пока папа еще не пришел, посмотрим наш дом, где будем жить.

Молодые Званцевы через пять минут ходьбы между соснами подошли к дому номер один по улице Ударников. Поднялись на второй этаж. Здесь в двадцать седьмой квартире все было сделано для удобства Большого изобретателя, каким считал Званцева в Подлипках простой народ, совершенно не представляя, что он изобрел.

А у Званцева, неведомо почему, кошки на сердце скребли. Инна же по-детски радовалась, что к нормальной трехкомнатной квартире, как у Шеферов, где две комнаты были отданы детям, Борису и Инне, а родители размещались в большой общей комнате с роялем, здесь к большой комнате была присоединена такая же из соседнего подъезда, где Гончарову были оставлены две, достаточные ему, холостяку, комнаты.

В добавленной комнате выгородили ванную, оставив колонку для горячей воды на кухне, где в других стандартных домах помещали и ванну.

— Здесь будет наша спальня, — радостно говорила Инна, — комната против входа — для твоих родителей.

— Да, они согласились приехать жить к нам.

— А рядом — твой кабинет. Потом, когда появится пупс, ты уступишь его под детскую.

Саша только промычал в ответ.

— Балкон у нас двойной. Вторая половина отошла нам вместе с комнатой. Там будет много цветов и место для коляски малыша.

— Все будет чудесно! — согласился Саша. — Пора идти. Нас ждут, — и они пошли, взявшись за руки Саша Званцев открыл дверь с надписью: «Не входи!» и увидел, что Гончаров и Васильев уже на месте.

— Здравия желаю, товарищ начальник лаборатории! — по-военному приветствовал Званцева капитан Гончаров.

— Здравствуйте, Герасим Иванович. Привет, Валя, — мягко поздоровался Саша и сел за стол.

— Разрешите обратиться, товарищ начальник лаборатории?

— Пожалуйста, Герасим Иванович. Давайте упростим рабочую форму общения.

— Как прикажете, товарищ начальник лаборатории.

Званцев поморщился:

— Меня зовут Александром Петровичем. Если не хотите звать Сашей.

— Не могу, товарищ Званцев. Субординация. А у меня особое мнение.

— У вас и должно быть особое мнение. Ваша задача — критиковать, а наша — учитывать критику.

— Если это окажется возможным.

— Невозможно только не выполнить нашу задачу и опустить руки. Выкладывайте ваши возражения.

— Конечно, я не специалист в электротехнике, но обязан предупредить вас: посторонние люди напомнят вам, что электрический ток возрастает не мгновенно, а по определенному закону. При малой скорости снарядика в деревянной модели этим можно пренебречь, но когда вы заменяете соленоиды магнитными полюсами с обмоткой возбуждения, то приходится учесть магнитный гистерезис. Я пока ничего не утверждаю, но может получиться так, что при движении снаряда с большой скоростью и включении им впереди находящейся катушки, ток в ней не успеет нарасти и снаряд не получит должного разгона.

— Валя, твое мнение?

— Надо считать. А я подзабыл кое-что.

— Отправляйся в библиотеку и не возвращайся, пока все не будет досконально рассчитано. Помни, что институт дает понимание технической задачи и уменье находить решение с помощью книг и других пособий.

— Беда, не теоретик я.

— Если надо, то не только теоретиком, волхвом станешь. Мы спросим у нашего баллистика, есть у них формулы расчета дальности полета снаряда?

— Обшей формулы, к сожалению, нет. Для каждого отдельного случая надо строить интегральные графики, учитывающие скорость и направление ветра, разреженность воздуха, то есть атмосферное давление.

— Так, Герасим Иванович. Я хочу вас проверить. Предположим, Валя принесет неутешительный расчет. Сила тока в катушках возбуждения магнитов не успеет нарасти? Каково мнение критика? Как быть?

— По-военному говоря, выходить из окружения.

— Отступать? Так это же последнее дело. Так не годится, товарищ капитан. Если ток в катушках не успевает вырасти до

нужной величины и времени для этого не хватает, что надлежит делать? Бежать? Сдаваться в плен?

— Никак нет.

— А что же надо предпринять?

— Не могу знать. Разрешите подумать и завтра ответить, товарищ начальник.

— Я предлагаю вам для критики такой выход из положения. Не разгоняемый снаряд будет включать очередную катушку, а только поднесенный к казенной части, еще не двинувшись, он включит их все. Они втянут его в ствол, а во время движения по стволу он будет выключать пройденные, чтобы не тянули назад.

— Но и выключенный ток не сразу исчезает, и пройденные полюса будут тормозить.

— Магнитный поток в электрических машинах в основном определяется воздушным зазором. У нас поток замыкается через снаряд. Уходя от полюса, он резко увеличивает воздушный зазор, устраняя тормозящий магнитный поток.

— У вас, Александр Петрович, на все есть ответ.

— Вот так-то лучше. Иначе быть не может. Но коммутацию придется пересмотреть. Спасибо вам, Герасим Иванович. Пройдемте в цех. Ствол готов и в него уже вставляют полюса. Посмотрим, как на деле получается.

И Званцев со строптивым капитаном пошли в цех.

— Без вас мы не знали, на какую скорость разгона рассчитать модель. Решили начать с малого. Сто метров в секунду.

— Это немного.

— Для изучения магнитных процессов, о чем шла речь, достаточно. Это ступенька лестницы наших исканий.

— Исканий или находок?

— Чтобы найти, надо искать.

Они стояли у алюминиевого продолговатого корпуса со множеством отверстий для магнитных полюсов.

— Если не ошибаюсь, по цеху идет командарм, — встревожился капитан, смахивая с гимнастерки пылинки и поправляя шпалу в петлице.

— И верно! Тухачевский, Михаил Николаевич.

— И вы так близко знакомы, что называете его по имени-отчеству? — изумился капитан.

— Виделся с ним один раз. Обещал навещать нас Тухачевский приближался в сопровождении директора завода Мирзаханова, невысокого коренастого человека с волевым, восточного типа лицом. Рядом шагал Александр Яковлевич Шефер, начальник цеха, и чуть сзади — полковник, знакомый по приемной замнаркома, адъютант командарма.

Тухачевский, подойдя к Званцеву, протянул руку:

— А я вас разыскиваю. Товарищ Мирзаханов предупредил: работаете под грозной вывеской «Не входи!».

— Здравствуйте, Михаил Николаевич! А там, кроме этой вывески, и нет ничего. Все здесь. Товарищ Мирзаханов выполняет заказ. Пока исследовательскую модель можно смотреть у Александра Яковлевича в цехе. Надеюсь, когда дело дойдет до испытаний, директор выделит нам закуток не в заводоуправлении.

— Не беспокойтесь, об этом я позабочусь. Будет у вас зал в три этажа, только модель дайте. Вижу, не похожа она на свою деревянную бабушку.

— Да, Михаил Николаевич, мы решили для эксперимента заменить соленоиды магнитными полюсами, возбуждение которых включается движущимся снарядом, он же и замыкает магнитный поток. Это вызвало возражение нашего соратника капитана Гончарова, — и Званцев, обернувшись к окаменевшему по стойке смирно капитану, закончил: — Мы учитываем его замечания, как бы начав испытания модели еще до стенда.

Тухачевский протянул руку Гончарову:

— Отстаивайте, капитан, интересы Красной Армии.

— Служу Советскому Союзу, товарищ командарм! — отчеканил капитан.

Тухачевский расспросил о параметрах модели, о скорости, весе снаряда и, выслушав Званцева, сказал:

— Ну, что ж. Это пока макет, учебное пособие. Учитесь на нем создавать боевое оружие. Скорость вылета пули из винтовки Мосина, состоящей у нас на вооружении, девятьсот метров в секунду. Не так ли, капитан?

— Так точно! — отрапортовал Гончаров.

— Познакомьтесь со здешним изделием, — и он кивнул на стоящее у входа полевое орудие на резиновых шинах. — Постарайтесь сделать не хуже. А там посмотрим, — и, прощаясь, он обменялся рукопожатием со Званцевым и капитаном.

Гончаров не мог прийти в себя от этой беседы и, смотря на удаляющуюся группу, прошептал:

— Какой человек! Как четко по-полководчески ставит задачу. Тяжкий грех не выполнить ее!

— И выполним, — заверил Званцев. — Нам с таким полководцем отступать негоже.

Молодые Званцевы жили в отделанной для них квартире с полагающейся казенной мебелью. Во всех домах — диван с высокой спинкой, одинаковые столы и стулья. Только подаренный Инне к свадьбе рояль четверо здоровенных грузчиков перетащили

от Шеферов. Вспомнился Саше такелажник Гриша, носивший на спине этот рояль один. И почему-то грустно стало Саше, и он взялся за письмо Косте Куликову в далекий, засевший в сердце Белорецк. Эти задушевные письма были своеобразным дневником, отражающим день за днем беспокойную жизнь Званцева, начиная с его путешествия в Москву, аварии самолета и неожиданного сказочного успеха деревянной трубочки, сделать которую подсказал Костя. Павлуновский, Орджоникидзе, Тухачевский, — конечно, он рассказал о них Косте во время прощания с Белорецком, но в письмах события выстроились в логический ряд. Подлипки и молниеносная женитьба на девушке с огненными волосами. Потом будни искателя. Внезапная задержка почти готовой модели, когда артиллерийский завод стало лихорадить. Тучи сгущались. В мюнхенских пивных появился неистовый оратор, призывавший к возрождению арийской нации, которая имеет право на жизненное пространство. Прежде всего на Востоке. На немецких специалистов в цехах завода стали смотреть косо, и общение с ними становилось небезопасным, хотя они по-прежнему трудились над вооружением для Красной Армии.

Инна была недовольна эпистолярным увлечением Саши, прочитав пару приготовленных к отправке писем. И Саше пришлось писать их в «невходишке», как в шутку прозвали свою комнатушку ее обитатели.

> «Дорогой друг мой Костя! Прошел год, а дело не сдвинулось с места. Недоделанная модель валяется в цеху и покрыта пылью. Мирзаханов объявил мне, что не допустит испытаний на заводе. Ее включение равносильно короткому замыканию на подстанции и грозит остановкой завода. Он, как директор, не может этого допустить. Кому жаловаться? Тухачевский, видимо, очень занят и больше не приезжает. Он был в Англии и присутствовал на королевском обеде. По английским традициям место рядом с королевой принадлежало высшему по званию. Им оказался маршал Тухачевский из ненавистной страны большевиков. Вопреки желанию Запада, не считаясь с потерями, переделывают они старую лапотную Россию. Я горел, как струя жидкого металла, служа индустриализации, и неугомонный дух изобретательства перевел меня на другие рельсы. Но не на запасном ли пути с тупиком впереди я оказался? Сегодня приезжают мои родители. Кончаю писать и еду их встречать». Саша запечатал письмо, решив опустить

его в почтовый ящик на вокзале и, оставив помощников считать и скучать в «невходишке», Саша зашел домой за Инной.

— Пришел? — недовольно встретила она его. — Ты же должен встречать стариков.

— Я за тобой. Разве мы не встречаем их вместе?

— Я не поеду.

— Но почему?

— Я встречу их здесь, как хозяйка дома. И это должно быть понято всеми.

— Ты имеешь в виду мою маму, Магдалину Казимировну?

— И тебя, и ее. Женщине, всю жизнь командовавшей в своем доме, трудно будет понять новую обстановку. Ей надо помочь в этом. Поэтому я встречу ее здесь. Не беспокойся, вполне радушно. Отведу ее в комнату, приготовленную для них. Скажу, чтоб она была в ней полной хозяйкой.

— Инна! Но ведь это удар ниже пояса.

— Я плохо разбираюсь в боксе и не собираюсь с тобой боксировать. Сражайся не со мной, а с Мирзахановым, вышибай из него миллионы киловатт необходимой тебе мгновенной мощности.

Это было самой болезненной точкой Званцева. Они втроем давно подсчитали, что для боевого электрического орудия требуются такие мощности, что трудно себе представить, где их взять, и подтверждение этому Званцев получил в тот же день, привезя родителей к себе домой.

Магдалина Казимировна и Петр Григорьевич, постаревшие, усталые, но радостные были счастливы, увидев сына, но Магдалина Казимировна поджала губы, узнав, что невестка не приехала их встречать.

— Молодая хозяйка, — выгораживал ее Саша. — Ей хотелось дома все подготовить к вашему приезду.

— Как будто времени было мало, пока мы ехали, — многозначительно заметила Магдалина Казимировна. — В Барнауле всей семьей на вокзале нас встречали твои былые родственники. А здесь… — и она умолкла.

— Молодая кобылка с норовом на бегах всегда норовит впереди быть, — заметил Петр Григорьевич. — Молодость проходит, а старость, без рюмочки, позади плетется.

Рюмочка ждала его за сервированным Инной столом. Подошли и Александр Яковлевич с Валентиной Всеволодовной. Произошло теплое знакомство. В разгар застолья раздался звонок у входной двери. Саша пошел открыть и увидел молодого

кавказца с черной бородкой.

— Незваный гость хуже татарина, а я Иосифьян от всех армян. Горный Карабах. Нет мест красивей на земле. Пас коз, а теперь профессор Андроник Иосифьян из Всесоюзного электротехнического института. От Тухачевского, — вполголоса добавил он.

— Нет гостя желаннее. Прошу к столу. Ко мне родители приехали из Сибири.

— Прости, дорогой. Я, как узнал про тебя, разом сюда. У нас с тобой дело будет не пара пустяк, — он так и сказал «пара пустяк», а не пара пустяков, но Саша не обратил на это внимания.

— Тогда прошу в мой кабинет, — пригласил Званцев гостя, открывая дверь в маленькую комнату, будущую детскую, по Иннину плану.

Гость оглядел ее: письменный стол, кресло, чертежная доска с кульманом. И усмехнулся:

— Все изобретаешь?

Званцев нахмурился.

— Слуший, Саша. Я для тебя Андроник. Тоже изобретаю. Сделал сельсины. Это такие приборы с циферблатами. Что один покажет, остальные точно повторят, где бы они ни были. Меня и назначили начальником лаборатории электрических машин с присвоением профессорского звания. А докторскую диссертацию на днях защищаю в Академии наук у самого Глеба Максимилиановича Кржижановского, академика, автора ГОЭЛРО, а кстати сказать, и революционной песни «Варшавянка» — «Вихри враждебные веют над нами…». Приходи. Познакомлю, он наше с тобой дело проконсультирует. Мировая величина.

— Какое дело? — спросил Званцев.

— Слуший, кунак. Мне про тебя Тухачевский рассказал, одним делом мы в разных местах занимаемся. У тебя электрическая пушка вроде готова, а испытывать негде. А у меня в лаборатории зал испытаний машин в три этажа. Поднимайся хоть на воздушном шаре к потолку. Я к статору и ротору электромотора пропеллеры приделаю, чтобы в разные стороны крутились, и поднимусь. И твою модель испытаем. Давай объединимся. Михаил Николаевич советует. У тебя какой принцип разгона? Соленоиды снаряд перед собой включает?

— Сейчас модель с переключением полюсов.

— Разогнать снаряд пара пустяк! Я трехфазовое магнитное поле на плоскость развернул. Разгоняет без коммутации. Все в твои руки передам. Двух помощников выделю. Один — Калинин, сын Михаила Ивановича, а другой Пономаренко, майор Красной Армии, центробежный пулемет придумал, а мы его

разрабатываем. Ты им тоже займешься. С Дальнего Востока доставать парня придется, но это пара пустяк. Ну как, Саша? По рукам?

— Но у меня уже есть два помощника, электрик и артиллерист. Правда, электрик в Донбасс на завод просился.

— Что? Мгновенную мощность подсчитал, испугался? Такого не держи. Артиллериста консультантом оставим.

В дверь постучали, и заглянула Инна:

— Что ж ты гостя взаперти держишь? Пригласи к столу.

— Познакомься, Инна. Профессор Иосифьян.

— Андроник, — отрекомендовался гость.

— Инна, — ответила хозяйка. — Такой молодой и уже профессор. Наверное, очень умный.

— У нас в Нагорном Карабахе все такие. Как будто умный, а на самом деле дурак дураком.

Наконец Иосифьян покорился хозяйке и вышел с нею к столу. И мгновенно захватил там права тамады и стал душой общества:

— Алла верды к вам, аксакал Петр Григорьевич. Аллаверды к вам, матушка Магдалина Казимировна.

В разгар общего приподнятого настроения он поднялся и объявил, что хочет произнести настоящий «кавказский тост». Он стоял с бокалом кахетинского в руке, его черные глаза искрились, горели, казалось, могли обжечь. И он, намеренно искажая русскую речь, произнес:

— Жил-был царь. Невзлюбил он один князь. Позвал палач и велел ему зарезать князя жену. Вернулся палач, кинжал царю показывает. «Заплакал князь?» — царь спросил. «Нет, не заплакал. Другой жена берет». Очень хотел царь самое плохое князю делать. Велел он палачу родителей князя зарезать. Прошу простить, это не про вас, уважаемые, — поклонился он старшим Званцевым, продолжая: — Вернулся палач, топор показывает. «Ну, как? Заплакал князь?» — «Нет, не заплакал. Родители старые были, сами помирать собирались». Рассердился царь, велел палачу малых дети князя резать. Палач вернулся, сабля показывает, — Иосифьян повертел перед собой столовым ножом: — «Не плакал князь. Говорит, новый дети расти будут». Разгневался царь. Крепко думать стал и приказал палачу резать самый лучший друг у князя. Вернулся палач весь в слезах. «Почему плачешь? — удивился царь. — Князя друг тебя обижал? Казнить его велю!» — «Зачем казнить, я уже резал его, а князь так плакать стал, что мне жалко стало, и слез остановить не могу». Велел царь князя позвать. Привели князя в слезах горьких. Царь спрашивать стал: «Жену убивали, почему не плакал? Родителей резали, почему не плакал? Детей погубили, опять не жалел. Почему теперь, когда

друга потерял, слезы льешь, князь»? Отвечал князь: «Жена сварливая была, спасибо палачу. Родители жить устали, в пропасть упасть могли, дети новые вырастут, — вздохнул князь тяжело, — а вот друга, настоящего друга, второй раз не найдешь, потому и плачу». Так выпьем за дружбу, потому что нет ничего ее ценней! — и Иосифьян, осушив свой бокал, брякнул его об пол. Осколки искрами разлетелись в стороны.

— Ай да профессор! Артистически начал, по-купечески кончил! — дал гостю высшую оценку Петр Григорьевич.

Искатели объединились.

Глава вторая. АКАДЕМИКИ

Наука движется спиной вперед
И, глядя в прошлое, барьер берет.

Как договорились в Подлипках, Званцев заехал в Лефортово во Всесоюзный электротехнический институт к Иосифьяну, чтобы осмотреть его лабораторию. Оттуда вместе они должны были направиться в институт Академии наук, где во второй половине дня будет проходить защита докторской диссертации Иосифьяна.

ВЭИ оказался целым городком добротных белых зданий. Здесь размещались исследовательские лаборатории. Лаборатория электрических машин занимала самый отдаленный корпус на обширной территории.

Центральный зал испытаний машин действительно, как и говорил Иосифьян, простирался вверх на три этажа. Было где развернуться и с длинноствольными электрическими орудиями.

— Вот здесь, около «ежа», и будет твоя резиденция. Мощность предельно возможную тебе дадим в режиме короткого замыкания, — показывал будущему соратнику Иосифьян свои владения.

«Ежом» Званцевскую модель он назвал, увидев чертеж ее корпуса, с торчащими в стороны катушками.

— Что ж, Андроник. Сравнивая свою клетушку с твоими научными хоромами, считай, что мы объединяем усилия.

— Вот и отлично. Мы с тобой сработаемся. Уточним теперь кое-какие мелочи. Тебе какой оклад Мирзаханов платит?

— Как главный механик металлургического комбината, я получал пятьсот рублей в месяц. Орджоникидзе, переводя меня в Подлипки, установил персональный оклад тысячу рублей в месяц.

Иосифьян свистнул:

— Это, брат, не пара пустяк! Как в нашем ВЭИ решить этот вопрос, пока не представляю. Я, начальник лаборатории в

профессорском звании, получаю твой комбинатовский оклад. У нас тебя зачислят всего-навсего старшим научным сотрудником без звания и дадут какие-нибудь четыре сотни, а ты родителей выписал.

— Они меня содержали с семьей, с женой и дочерью, до окончания института. Став инженером, я высылал им ежемесячно по двести рублей.

— Студент с женой и дочкой? Как это ты успел!

— Успел! Я из ранних, как говорится. Но жена моя не выдержала Белорецка и уехала, а когда захотела вернуться, я уже был женат во второй раз. Здесь.

— Не хорошо, кунак, нехорошо, — покачал головой Андроник. — Ты ведь не султан. А с четырьмя сотнями ты с женой и родителями не протянешь. Будем думать, башкой вертеть, как тебе персональный оклад товарища Серго сохранить. Но, уверяю тебя, легче будет из твоей электропушки выстрелить.

— Это не главное, Андроник! Не выйдет, будем по одежке протягивать ножки.

— Поедем к академикам. С Кржижановским посоветуемся. Он — голова. И мне с докторской степенью тебя добиваться будет легче.

— Я понял, что оставаться мне в «невходишке» с противодействием Мирзаханова бесперспективно.

— Поехали в Академию наук! Когда-нибудь и мы академиками станем.

Званцев усмехнулся. Иосифьян нравился ему все больше и больше. Через час они шагали по светлому коридору академического института. Навстречу им шел невысокий человек с седой бородкой.

— Кржижановский, директор института и председатель Ученого совета, — шепнул Иосифьян и обратился к академику. — Глеб Максимилианович, здоровья вам и многих лет бодрости. Позвольте представить вам изобретателя электроорудия, модель которого он соорудил в Белорецке, где работал главным механиком металлургического комбината.

— Очень приятно, молодой человек. Я был уверен в появлении такого нужного изобретения.

— Званцев Александр Петрович, — отрекомендовался Саша, пожимая руку академика.

— Вам нужна поддержка? Чем могу помочь?

— Мы объединяем наши усилия с Андроником Гевондовичем Иосифьяном. Сказать по правде, беда у нас общая, Для разгона снаряда в электрическом орудии требуется огромная мгновенная мощность, порядка нескольких миллионов киловатт. И мы были

бы рады получить ваш совет, Глеб Максимилианович, как достичь такого результата.

— Что ж, дети мои, выдумщики, розмыслы, запрос ваш идет выше возможностей нашей страны, даже после выполнения плана ГОЭЛРО. Бы перегнали свое время. В этом и ваша заслуга, и ваша беда. Даже после завершения Днепростроя, страна не сможет выделить требуемых вам мощностей. Вот идет на заседание Ученого совета академик Миткевич. Он в дискуссии о природе электрического тока отстаивает материалистический взгляд на него. Электроток он видит как цепь свободных электронов в проводнике, передающих один другому электрический импульс со скоростью света при медленном передвижения самих электронов. Владимир Федорович, присоединяйтесь к нам для интересной дискуссии, — остановил он проходившего по коридору почтенного академика, продолжая, — вот молодые люди с неуемной фантазией увлекают нас в завтрашний день, а им нужна для их электрической пушки мгновенная мощность в миллионы киловатт. Как приблизить им завтрашний день?

— Очень любопытно, — отозвался академик Миткевич. — И как же вы осуществляете свой замысел?

Вступил Иосифьян и кратко на техническом языке объяснил и свой, и Званцева путь осуществления общей идеи, закончив свои объяснения словами:

— Я всегда считал, что разогнать снаряд электрическим путем можно. Но получить для этого нужный всплеск энергии не пара пустяк.

Что я могу сказать? — раздумчиво ответил Миткевич. — Не вешайте носа, молодые искатели. Из электросети вам энергии не получить, по крайней мере, сегодня. Нужны накопители энергии. И в эту сторону вам надлежит обратить внимание. Интересна теория тонкослойной изоляции нашего академика Иоффе, Абрама Федоровича. Он пришел к мысли, что, чем тоньше изоляционный слой пластин конденсатора, тем большую энергию он запасает. Обещает устроить нам Ниагару в спичечном коробке.

— Интересно, как Резерфорду в Кембридже удалось получить сверхмощные магнитные поля, позволившие сделать уникальные открытия. Думаю, что сродни это запросам наших искателей, — заметил Кржижановский.

— Так это же наш Капица, у него работавший, помог ему это сделать, — воскликнул Миткевич.

— Я слышал, он возвращается. Так что, молодость наша научная, отступать рано. Как говорится: «назвался груздем — полезай в кузов» или «заглянули в завтрашний день — делайте его сегодняшним». Нынче один из вас сельсинами заработал

докторскую степень. Могу сказать, что первый выстрел из электрического орудия — докторская степень и ступенька к академическому званию. Дерзайте, ищите и обрящете. Друзья мои, мне пора открывать заседание Ученого совета. Соискателя прошу к доске.

Все прошли в конференц-зал института, где Кржижановский занял председательское место, а Иосифьян начал остроумный доклад об изобретенном им сельсине, его значении в современной технике.

Академик Миткевич, сидя с другими членами ученого совета, одобрительно кивал, а Званцев ощущал себя в вихревом тумане. То, что говорил Андроник, было интересно, но уносило совсем в иную область.

К своему удивлению, он увидел неподалеку от себя главного механика Металлургической промышленности ныне Министерства тяжелой промышленности, Михаила Осиповича Золотарева, однофамильца омского Пашки, внимательно слушавшего диссертанта Он тоже узнал Званцева и сделал ему знак встретиться после защиты в коридоре.

Выступали оппоненты, в том числе и академик Миткевич, высоко оценив теоретическую сторону доклада, сделанного диссертантом, изобретателем сельсина. Профессору Иосифьяну была единогласно присуждена докторская степень, и его окружили научные сотрудники и профессора, поздравляя А Званцева отвел в сторону Золотарев.

— Рад встретить вас. Я помню ваши новшества в проекте реконструкции Белорецкого завода Я хотел писать в Белорецк, думал пригласить вас в Москву в качестве моего заместителя Мне нужна ваша выдумка, энергия молодости.

— Спасибо, Михаил Осипович Я был занят реализацией одного своего изобретения, для чего мы объединяемся с профессором и отныне доктором наук Иосифьяном.

— Раз вы так удачно попались на моем пути, я вас так просто не отпущу. Работа со мной — огромного масштаба. Наша страна выходит на первое место в мире по выплавке стали, вырастают новые гиганты металлургии, Магнитогорский и Кузнецкий заводы, не говоря уже о Донбассе и Урале, о Запорожье Это ваше родное, вы не можете отказаться, а за реализацией вашего изобретения будете параллельно следить Сколько вам платят в месяц?

— Председатель ВСНХ товарищ Орджоникидзе установил мне персональный оклад в тысячу рублей в месяц.

— Он теперь наш нарком, тяжелой промышленности. И, не сомневаюсь, сохранит вам оклад, хотя я получаю только

восемьсот рублей в месяц. А у Иосифьяна будете консультантом или научным сотрудником. Не правда ли, профессор Иосифьян? — обратился он к Андронику, подошедшему к механикам, слыша их разговор.

— Это надо обдумать. Решить такое дело — не пара пустяк Я тоже получаю меньше его персонального оклада, и добиться для него сохранения зарплаты трудно, тем более что такого доступа к наркому тяжелой промышленности, как, видимо, у вас, у нас нет. Так поделим товарища Званцева пополам, — предложил главный механик всей металлургической промышленности. — Он начинал свое инженерство с металлургии и не годится ему в наши дни отворачиваться от нее, когда ему предлагают заняться ею во всесоюзном масштабе. Но от нас он должен будет поехать в командировки к академику Иоффе, а может быть, и в Кембридж к Резерфорду.

— Так и от Наркомата тяжелой промышленности ему придется посещать заводы нашего профиля. Так что нам надо договориться не мешать друг другу и отправлять его в командировки по взаимной договоренности. А вы умеете, товарищ главный механик, убеждать и договариваться.

— Доживете до моих седых волос — всему научитесь не хуже, чем докладывали сегодня о теории сельсинов Впрочем, почему мы не даем самому Званцеву высказаться? — предложил старый механик — А то мы торгуемся, как на невольническом рынке.

— Ну как, невольник? Пойдешь на такое дело? — обратился Иосифьян к Званцеву.

Саша задумался, а Иосифьян подзадорил его:

— Сомневаешься? Тогда действуй по Корану. Посоветуйся с женщиной и поступи наоборот.

— Я уже посоветовался с самим собой, и кажется, поступаю наоборот.

— То есть? — разом спросили Иосифьян и Золотарев.

— Я не могу отказаться ни от того, ни от другого Я с юности влюблен в металлургический завод, а изобретению жизнь готов посвятить Буду слугой двух господ.

Кембридж! Маленький университетский городок с мировой славой своих ученых и сделанных ими открытии Опрятные улочки с разными уютными коттеджами. То башенка венчает фасад, то парадный вход украшен аркой. Добротные, каменной кладки маленькие замки, где обитают прославленные рыцари науки Есть здесь и одноэтажные дома-бунгало попроще, где ютятся студенты, снимая комнаты у обслуживающего персонала Встречаются и старинные английские трехэтажные дома со

многими подъездами Каждый своего цвета. Если два подъезда разделены колонной, то она выкрашена в два цвета, в знак принадлежности разным владельцам обширных трехэтажных квартир с внутренней лестницей. Внизу гостиная, жилые и деловые комнаты — на втором этаже Спальни для хозяев, их детей и гостей с бытовыми удобствами — на третьем. И, конечно, кухня в полуподвале, рядом с подсобными помещениями.

Но главная достопримечательность Кембриджа — его университет. Старинные, чуть ли не крепостные здания старой Англии, со множеством богато оборудованных лабораторий, столетиями обогащавших науку новыми знаниями.

Особо прославилась в начале XX века Кавендишская лаборатория. Ее директор Эрнест Резерфорд за научные заслуги получил титул лорда Нельсона. Им гордилась вся Англия, а он, по справедливости, гордился своими учениками, в том числе выдающимся русским ученым, талантливейшим инженером, впоследствии академиком Академик наук СССР Петром Леонидовичем Капицей. Несколько лет проработал он в Кавендишской лаборатории Резерфорда, и вот пришла пора расстаться. Советское правительство отзывало своего ученого домой, создавая для него в Москве Институт физических проблем, куда предстояло передать из Кембриджа часть оборудования, созданного там Капицей.

По машинному залу, где рядом с многоглазым щитом с приборами бросался в глаза огромный маховик, как у былых паровых машин, прощально прогуливались два человека. Седой, гладко выбритый джентльмен с выправкой аристократа и коренастый, сжатый заключенной в нем энергией русский соратник Резерфорда Капица. Несколько лет проработали они вместе. Пришла пора расстаться.

Об этом и беседовали маститый учитель, основатель школы физиков, автор учения о радиоактивности и планетарном строении атома и молодой, брызжущий энергией и непостижимой инженерной выдумкой будущий русский академик и нобелевский лауреат Петр Капица:

— Посочувствуйте, сэр, каково мне расстаться с вами и со стенами вашей лаборатории, с этими электромагнитами, генератором, маховиком, нашими научными отчетами, рефератами, статьями… Я тешу себя надеждой, что вернусь к вам в новом качестве — руководителя вашего дочернего Института физических проблем, который будет идти вашим путем, а я пользоваться вашими направляющими советами. И я хотел бы узнать, почему вы, открыв микромир, представив, как и Нильс Бор, атом подобием солнечной системы, так что можно

вообразить, как озорной Сирано де Бержерак, что электроны — микропланеты и населены живыми микросуществами, — почему вы недавно сказали, что расщепление атома ради получения энергии не имеет для человечества никакого практического значения?

— Как я мог сказать иначе, если сам выдвинул мысль о планетарном строении атома, как мог иначе спасти его гипотетическое население при каждом расщеплении, губительном для любого микро-, а быть может, и макрочеловечества?

Капица задумался: «Так вот чего боится метр!»

— Лучше вспомним о тех научных радостях, которые вы принесли сверхмощными магнитными полями, — продолжал Резерфорд. — Мне хочется поблагодарить вас.

— Скажем спасибо этому старомодному маховику, взятому, как острили шутники, из прошлого века пара.

— Не будем судить их строго. Кто мог догадаться, что маховик вам нужен не поддерживать движение, а для резкого его торможения при раскручивании до предела, пока не пробил стены своими обломками, получая при этом огромные мгновенные мощности и неведомой прежде силы магнитные поля.

«Но ведь не ради них отдавал маховик свою кинетическую энергию, — подумал Капица, — все же недостаточную для разгона снаряда электрическим путем, но об этом нельзя было сказать даже метру!»

Кинетическая его энергия пригодилась для получения и исследования сверхмощных магнитных полей, принесших Капице мировую славу.

Званцев, начиная со способа разгона снаряда в магнитном поле, не мог тогда представить себе беседу корифеев науки в далеком Кембридже. Ему еще предстоит узнать, что идеи носятся в воздухе и встречают одни и те же препятствия.

Уходя с Капицей из лаборатории, Резерфорд говорил:

— Я благословляю вас, Питер, на самостоятельное научное плавание на собственном исследовательском корабле физики. Уверен в своем восхищении вашими новыми достижениями. Не забывайте старика.

Они простились. Институт физических проблем, шутливо прозванный учеными «капишником», приютил у себя таких ученых, как академик Ландау. Референтом Капицы стал видный писатель научно-художественного жанра Олег Николаевич Писаржевский. Он владел стенографией и записал многие высказывания великого ученого, дружески делясь ими в Союзе писателей с соратниками, пишущими о науке.

В середине тридцатых годов Петр Леонидович, создав чудо-турбодетандер, открыв сверхтекучесть жидкого гелия и дав дешевый способ сжижения воздуха, захотел съездить в Англию, повидаться с Резерфордом, но в выездной визе из Советского Союза ему отказали…

Получить мгновенную огромную мощность для стрельбы электромагнитным способом прославленному баловню науки Капице так и не удалось. Это было уделом завтрашнего дня науки и техники.

Саша Званцев ничего и не знал об этом, но с таким выводом согласиться бы тогда не смог.

Глава третья. НЕУДАЧИ

В науке даже неудача
Способна дать свою отдачу.

Приехав с командировкой ВЭИ в Ленинград, Званцев нашел Институт изоляционных материалов, возглавляемый академиком Иоффе, тем который обещал «Ниагару в спичечном коробке».

В белом многоэтажном здании в просторных комнатах Званцеву бросились в глаза длинные столы с электрическими приборами и паутиной разноцветных изолированных проводов. Перед каждым научным сотрудником, одетым в непременный голубой халат, была собрана, как подумалось Званцеву, его собственная схема.

Директор института академик Иоффе, седой, огромный, с детскими голубыми глазами, поднялся Званцеву навстречу:

— Рад вас видеть, молодой человек! Глеб Максимилианович звонил мне о вас. Расскажите, что вы ищите и что собираетесь у нас найти? И зачем? Был бы рад вам помочь.

— Только на вас вся надежда, Абрам Федорович.

— Вот это уже не правильно, дорогой мой друг, — поправил маститый ученый молодого изобретателя. — В искании нового, чем, кажется, вы заняты, нельзя ограничивать себя каким-либо одним путем. Надо пользоваться верным методом, пробуя и так и этак, в разных, даже расходящихся направлениях. Теперь перейдем к сути ваших работ.

Задушевный, отеческий тон, которым воспользовался академик в беседе с московским гостем, полностью расположил Званцева к нему. Он рассказал Иоффе не только об изобретенной электропушке, но также и о гелиссоидальном литье стальных труб и даже о своем студенческом изобретении. Профессор термодинамики Квасников видел большую перспективу (при

испытании двигателей внутреннего сгорания и получении диаграмм) не в координатах давлений и объемов внутри цилиндров, а в координатах абсолютных температур и энтропии. Саша придумал удивительный прибор «термограф», превращающий одну диаграмму в другую, и написал о нем в студенческом журнале.

Откровенность Саши случилась сама собой, из-за искренней заинтересованности академика, его настойчивых вопросов по существу.

— Итак, — откинулся Иоффе на спинку кресла, положив большие руки на стол, — разбросав во все стороны ценные идеи, с электропушкой вы уперлись в тупик, надеясь на мою теорию тонкослойной изоляции и неосторожно обещанную «Ниагару в спичечном коробке». Видите ли, Александр Петрович, или попросту Саша, в науке отрицательный результат — тоже результат. Короче говоря, теория моя оказалась неверной. Я ведь фантазер, вроде вас. Но без фантазии нет науки. Теория не дала практических результатов, но открыла совершенно новый подход к получению полупроводников со сказочными свойствами. Они дают электрический ток при нагревании без всяких промежуточных паровых котлов, турбин и электрогенераторов. Представьте электрическую станцию, где ничто не вращается, а нагреваемый котел служит не для образования пара, а для превращения тепла полупроводников прямо в электрический ток у него на дне. У меня возникла целая лаборатория под руководством талантливого ученого Маслоковца, при участии доктора наук Дунаева. Они задумали забавный чайник. Он закипает на костре, а из днища с полупроводниками идут провода для подзарядки любых аккумуляторов, скажем, для радиоустройств отдаленных метеостанций или полярных зимовок.

Не подозревал Званцев, какую огромную роль через десять лет сыграют эти чайники в его личной жизни.

— Другие полупроводники, — продолжал увлеченный академик, — дают электрический ток при их освещении. Я подсчитал, что, покрыв нашу пустыню Каракумы такими полупроводниками, мы удовлетворили бы энергией все нужды человечества. Я уже не говорю о Сахаре или Аризоне.

— Абрам Федорович, а не могут ваши полупроводники дать нам импульс мгновенной мощности?

Академик развел руками:

— Чего нет, того нет. Ищите, выдумывайте, пробуйте, как призывал Маяковский.

— Если не получается, Абрам Федорович, с емкостью, то,

может быть, получится с индукцией?

— Что вы имеете в виду?

— Явление сверхпроводимости, открытое Камерлингом-Оннесом в 1911 году и до сих пор не использованное. Если в проводнике, замороженном до температуры жидкого гелия, электрическое сопротивление исчезает, а возникший в нем ток и магнитное поле сохраняются, то нельзя ли использовать энергию магнитного поля для требуемого импульса?

— Идея дерзкая и заслуживающая внимания. Однако, по этому поводу говорить надо не со мной, а с Халатниковым. У него лаборатория низких температур в Харькове. Адресую вас туда и попрошу его помочь вам.

— Прямо от вас готов ехать к нему.

— Подождите, неудержимый фантазер. Позвольте мне быть в роли стрелочника и перевести вас, хотя бы временно, на другие рельсы.

— Любой ваш совет приму как предписание.

— Нет, нет! Только добрый совет. Слушал вас зачаровано и подумал, что живете вы в будущем.

— Меня уже укоряли, что я обгоняю свое время и предложения мои несвоевременны.

— Не укорять надобно, а восхищаться. Разве наука двигалась бы вперед без мечтателей вроде Жюля Верна? Наши Дома ученых в Москве и Ленинграде совместно с киностудией «Межрабпомфильм» проводят международный конкурс на либретто научно-фантастического фильма. Отчего бы вам не принять участие в таком конкурсе? Фантазии у вас хоть отбавляй. Я могу позвонить директору Дома ученых. Он даст вам стенографистку, а вы пофантазируйте вслух. Израиль Соломонович Шапиро, директор, приведет это в божеский вид и отправит на конкурс, а вы будете заниматься сверхпроводимостью, маховиками или еще каким-либо накопителем энергии.

Званцев задумался и припомнилось ему, как он мальчишкой носил из сумасшедшего дома судки с обедом на их семью и дорогой выдумывал всякие приключения. Может, и теперь сделать то же самое? И он согласился. Иоффе тут же позвонил в Дом ученых. Директор обещал выделить стенографистку и договорился, чтобы Званцев немедленно зашел к нему в Дом ученых, потому что срок присылки произведений на конкурс истекает. И Званцев, внутренне упрекая себя, отправился от Иоффе в Дом ученых. Академик любезно рассказал, как туда доехать.

Директор Шапиро оказался полным жизнерадостным

человеком, который сразу расставил точки над «i».

— Я беру на себя всю черновую работу, вам не надо ни о чем беспокоиться, но вы понимаете, что сценарий будет за нашими двумя подписями.

Званцеву было все равно! «Ведь это просто еще одна прогулка с судками и фантазиями»! — подумал он. Шапиро уступил свой кабинет, украшенный скульптурой обнаженной женщины, весьма ценимой хозяином за сексуальную позу. Вошла почтенная стенографистка, напомнив Саше бывшую баронессу, обучавшую его машинописи и стенографии. Он бы мог попросить пишущую машинку и напечатать свое пока неизвестное ему творение сам. «Да уж ладно, если дама пришла, наговорю ей сорок бочек арестантов, а Шапиро пусть разбирается».

Сначала Саша чувствовал скованность, потом вообразил себя идущим с судками и забыл о даме, увлекшись тем, что на ходу выдумывал.

Шапиро настоял, чтобы Званцев переночевал у него дома, а утром хотя бы взглянул на расшифровку.

Директор жил на Литейном проспекте в квартире старинного дома. Обширная комната с ценными безделушками говорила о его вкусе, вернее — безвкусице хозяина. Весь вечер он просвещал гостя о якобы известных ему нравах в кино, где надо знать, кому и как поднести и чем заинтересовать. Все это, на деле далекий от кинематографии, он брал на себя.

— Нам предстоит закадычная дружба, и начаться она может с огромного одолжения. И я вас, как первого друга, прошу по-мужски помочь. На меня накинула сеть девица, на мой взгляд, не больше чем потаскушка. А она заставляет жениться на ней, мобилизовав для этого всех моих родных и знакомых, прикинувшись обманутой мной невинностью.

— Чем же я могу помочь вам?

— О, сущие пустяки для настоящего мужчины, каким я вас считаю! Она скоро должна явиться сюда и начнет распоряжаться как хозяйка. А я, старый холостяк, не терплю этого. Подозревая о ее сути, я попрошу вас, не раздеваясь, лечь в мою постель и, если она появится, прикинуться больным.

— И это все? — удивился Саша.

— Я позвоню вам по телефону из соседней комнаты, когда девица проявит себя в полной мере, и вы скажете, что Шапиро нет дома, вы не знаете, когда он придет… вероятно, не скоро.

И Шапиро стал готовиться к задуманной им драматической сцене. Из нарядного серванта, где стояла дорогая посуда, он достал пару дешевых стаканов и, пожелав Саше удачи, ушел. Саша снял ботинки, разобрал широкую двуспальную кровать и

улегся под ватное одеяло. Было жарко, но он терпел, разыгрывая роль больного. Через некоторое время дверь открылась, и в нее впорхнуло маленькое воздушное существо.

— Боже мой, а где же Изя? И кто вы такой?

— Я его друг, москвич, и занемог. Израиль Соломонович уложил меня в постель.

Саше было жарко, и лоб покрылся испариной. Довольно миловидная девушка потрогала его лоб и воскликнула:

— Матка Боска! У вас жар! Вас знобит?

— Да, да, — нечленораздельно промычал Званцев.

— Я тотчас согрею вас, — девушка без всякого стеснения расстегнула платье-халатик, под которым ничего не оказалось, и с привычной сноровкой нырнула под одеяло. — Боже, вы даже не разделись! Я сейчас это сделаю, — и она по-хозяйски стала умело расстегивать на Званцеве прежде всего брюки.

Но зазвонивший телефон прервал ее занятие.

— Шапиро ушел, и не знаю, когда вернется, — это был условный знак.

Через пару минут дверь открылась, и в комнату ворвался с хорошо разыгранной яростью Шапиро. Увидев под одним одеялом своего гостя и воздушную фею, он схватил приготовленные стаканы и с силой один за другим грохнул их об пол.

— Я не знаю, как это можно назвать? Шлюха! Вон отсюда! А вы останьтесь. У нас с вами будет мужской разговор.

Девица выскочила из постели. В этот миг была она словно натурщица у скульптора. Набросив на себя одеяло, она закуталась в него, оставив Сашу лежать в полном одеянии. Он сел и стал надевать ботинки.

— Не смейте на меня смотреть, пока я одеваюсь. Я знаю, вы нарочно это подстроили, негодяи! — кричала девица.

Шапиро продолжал бушевать. Она тем временем оделась, бросила одеяло на пол и, одарив мужчин презрительным взглядом, как ни в чем не бывало, удалилась из комнаты. Шапиро бросился трясти Саше руку со словами:

— Она больше не вернется. Вы спасли меня! Нет слов для благодарности! Отныне я ваш! Нас связывает общее дело.

Саша не сразу пришел в себя от неожиданного приключения, но решил, что лучше этому не придавать значения. Ему было стыдно, и не сразу удалось снова уйти в свои замыслы о накопителе энергии, об электроорудиях, сверхаккумуляторах, построенных на сверхпроводимости. Вчера, сгоряча, он надиктовал все это стенографистке в будущий сценарий о грозящем Земле столкновении с астероидом, назвав фильм по

имени астероида «Аренида».

Пытаясь воплотить фантазию в жизнь, Саша договорился по телефону с Иосифьяном, а также с Золотаревым и проехал из Ленинграда прямо в Харьков к Халатникову, в его лабораторию низких температур, чтобы осуществить свою идею о накопителе энергии с использованием сверхпроводимости.

Глава четвертая. РУССКИЙ ВОЛШЕБНИК

Не сверхъестественная сила
Творила эти чудеса.

Лаборатория низких температур не походила ни на зал Иосифьяна, ни на лаборатории в институте Иоффе. Компрессоры с электроприводом, огромные стальные баллоны для сжатых и сжиженных газов, щиты с измерительными приборами, как на электростанции. Если бы Званцев побывал у Резерфорда, эта лаборатория напомнила бы ему Кавендишскую. Правда, огромного маховика здесь не было.

Академик Иоффе позвонил Халатникову, и тот радушно принял московского изобретателя в тесном, но уютном кабинете с дверью в зал компрессоров и баллонов. Выслушав мечтания гостя о сверхаккумуляторе энергии, запасенной в магнитном поле катушки из сверхпроводника, член-корреспондент Академии наук СССР, сухой, подтянутый джентльмен с седеющими висками, с некоторым раздражением сказал:

— Неужели вы думаете, что мы, ученые, не думали вызвать переворот в технике? Эта «загадочная дама», что овладела вашими мыслями, капризна, как сказочная принцесса Турандот. Она возникает при температуре, близкой к абсолютному нулю, когда даже гелий становится жидким, и при повышении температуры хоть на один градус бесследно исчезает. А магнитное поле сверхпроводника, подобно паутинному одеянию этой феи. При малейшем увеличении силы тока, оно пропадает, не желая иметь дело с грубой силой, о которой вы мечтаете. Лишь одев эту прелестницу в некое, пришедшееся ей по вкусу одеяние, имеющее свойства фантастического защитного слоя, можно представить себе накопитель энергии для электростанций. А пока, увы… — и он развел руками, растянув узкие губы в снисходительной улыбке. И она сопровождала Сашу, когда с полной неудачей он возвращался в Москву. Он вздремнул, и ему приснилось, что капризная Сверхпроводимость сбросила защитный халатик, забралась к нему под одеяло и… исчезла, обдав холодом гелия. Саша отчаянно пытался нащупать

сброшенное в нетопленом купе одеяло… и проснулся.

— Нет! Рано опускать руки. Остался еще Капица. И магнитное поле соленоида, — сказал он сам себе. — Мы еще поборемся…

Вернувшись из Кембриджа в Москву, Капица получил Институт физических проблем Академии наук СССР.

Когда в прошлый раз академик Иоффе позвонил Петру Леонидовичу Капице по поводу его участия в конкурсе либретто научно-фантастического фильма, Капица сначала отказался. Но, получив отказ в выездной визе для поездки в Кембридж на свидание со своим учителем лордом Резерфордом, он понял, что, хоть и избран академиком Академии наук СССР и назначен директором созданного для него Института физических проблем, все же он оказался на положении узника, которому не доверяют, сделав «невыездным».

В раздражении он не мог взяться ни за какую работу, неохотно разговаривал даже с главным соратником, академиком, как и он, Львом Давидовичем Ландау, отослал безо всякого поручения референта Олега Николаевича Писаржевского, но вскоре вернул его, чтобы посоветоваться по необычному для ученых-физиков вопросу:

— Вот вы — писатель. Звонил Иоффе, настаивает, чтобы я принял участие в конкурсе научно-фантастических сценариев. Что вы скажете, стоит ли?

— Конечно, стоит, Петр Леонидович. Любая ваша работа — фантастика.

— Нет! Работы мои — для научных рефератов, а не для экрана. Пусть экранизируют «Гиперболоид инженера Гарина» Алексея Николаевича Толстого. Как инженер, он прекрасно понимал, что прожигающие лучи фокусируются не гиперболоидом, а параболоидом.

— Мне кажется, — возразил Писаржевский, — что Толстой намеренно допустил эту неточность, намекая гиперболой в названии романа на его преувеличение, гиперболичность. Главным своим достижением, как он мне говорил, он считал предсказание им фашизма.

— А что, если я тоже допущу гиперболу такую, как потрясение капиталистических основ обесцениванием на их биржах ценностей, скажем, появлением на рынке искусственных алмазов и бриллиантов, полученных неким нашим ученым в лабораторных условиях?

— Прекрасный замысел, Петр Леонидович. Я присудил бы вам премию.

— Премия — черт с ней! Мне, сидя взаперти, надо отвлечься.

Ни к чему руки не лежат. Ладно, напишу для смеха такое графоманское произведение, а вы отошлите и проследите.

— Будет сделано, Петр Леонидович, — заверил Писаржевский.

Спустя неделю Капица снова пригласил помощника и передал ему рукопись:

— Вот — набодал, по вашему совету, посмотрите, перепечатайте и отошлите.

— Будет сделано, Петр Леонидович, — отчеканил Писаржевский, снимая трубку зазвонившего телефона. — Институт физических проблем, кабинет академика Капицы. Здравствуйте, Абрам Федорович. Вы из Ленинграда? Передаю трубку Петру Леонидовичу.

На этот раз академик Иоффе позвонил по поводу Званцева, полного всяческих идей, и просил проконсультировать его.

— Я выполнил ваше предыдущее пожелание о научно-фантастическом сценарии, выполню и это. Пусть приходит.

— Кстати, он ваш конкурент по киноконкурсу.

— Очень любопытно, — сказал Капица прощаясь, и обратился к Писаржевскому: — Явится некий инженер Званцев, проведите его ко мне.

— Будет сделано, — четко, как всегда, ответил Писаржевский.

И через два дня ввел в кабинет академика Сашу Званцева, вернувшегося из Харькова.

— Рыбак рыбака видит издалека, — шутливо встретил его Капица. — Вы такой же фантазер, как и я. Мне про вас академик Иоффе говорил.

— Что вы, Петр Леонидович. — Я не волшебник, я только учусь.

— Знаем мы вас, как вы в шашки играете, — цитируя Гоголя, произнес в тон посетителю Петр Леонидович Капица.

— Только в шахматы, если пожелаете.

— Не умудрил Господь, — покачал головой академик. — Вы чем, гелием интересуетесь? Пойдемте, покажу, — предложил академик Саше.

Он провел гостя в лабораторию двух уровней и показал компактную машину в металлическом кожухе.

— Все приписываемые мне чудеса заключены в этом простейшем устройстве — турбодетандере, в котором гелий сжимается до многих атмосфер. Выпускаемый в большое пространство, при расширении он охлаждается, становясь жидким. Вот смотрите, я включаю турбодстандер и впускаю в него из баллона газ гелий, а вот из этой трубочки стекает

жидкость. Видите? Это тоже гелий, только уже жидкий. Вот мы сейчас нацедим его в сосуд, и я покажу вам фокус.

Как зачарованный смотрел Званцев на заполнявшуюся емкость. Академик, как заправский фокусник, засучил рукав выше локтя и, к ужасу Званцева, опустил руку в жидкость с температурой близкой к абсолютному нулю.

— Что вы делаете! — воскликнул Званцев.

— Доказываю безвредность такой операции. При соприкосновении кожи с жидким гелием вокруг нее мгновенно образуется газообразный слой, служащий прекрасной теплоизоляцией, — невозмутимо произнес Капица, вынимая совершенно сухую руку и спуская рукав.

— Я на двери своей лаборатории вывесил объявление: «Не входи!», хотя смотреть в моей «невходишке» было нечего, — сказал Званцев. — Вам же следует объявить, что нервным особам вход сюда запрещен.

— Нервным и дуракам, — смеясь, дополнил академик. — Если интересуетесь жидким гелием, то я обнаружил в нем свойство сверхтекучести — через любую трещинку, озорник, выльется, имейте в виду. Емкости должны быть безупречными.

— Я интересовался жидким гелием, мечтая о сверхпроводимости для накопления энергии, пока Халатников не разочаровал меня.

— Могли к нему и не ездить, я бы сразу объяснил, что с нею энергии много не накопишь. Я сам интересовался у Резерфорда накоплением энергии.

— И накапливали ее в сходу затормаживаемом маховике. Ради этого я к вам и напросился.

— Всему есть предел прочности. Маховик грозил разорваться на части, пробить стены и вылететь из здания. Раскрученного до предела и мгновенно нагруженного электрогенератора моего маховика, со сверхмощными магнитными полями, для опытов едва хватило. И то спасибо. Шуму они наделали много.

— Я потрясен, Петр Леонидович, вашими достижениями. Вы действительно волшебник.

— Польщен похвалой своего конкурента.

— Что вы! Какой я конкурент.

— Как же! Мне Иоффе рассказал, что вы участвуете в конкурсе сценариев. Вы о чем написали?

— Об угрозе столкновения Земли с космическим телом… О пире во время чумы на Западе и электрическом орудии, с помощью которого расстреляли это тело наши ученые.

— Так. Теперь понятно, что вас ко мне привело.

Они дружелюбно расстались. Со встречи Саша уносил новую, возникшую у него после всего увиденного идею накопления энергии. И в самую тяжелую для него пору сплошных неудач, получил от Капицы огромный творческий заряд.

Глава пятая. СЛУГА ДВУХ ГОСПОД

Он металлургии радетель,
Держа заветное в секрете.

Спускаясь по лестнице с вершины наркоматской власти, Званцев встретил в главном вестибюле низкорослого, но высокомерного, как он прежде назывался, бывшего управляющего Белорецким металлургическим комбинатом Кожевникова.

— А вы что тут делаете, молодой человек, который студентом ни в огне не горел, ни в воде не тонул? — окликнул он Сашу.

— Здравствуйте, товарищ Кожевников. Я работаю здесь заместителем главного механика металлургической промышленности.

— Что? Бумажки пишете? Письма рассылаете? Да как же вам не стыдно начинающему инженеру? Вам с машинами надо возиться, а не штаны на наркоматских стульях просиживать! — и он от важности надулся, как индюк.

— Вы меня простите, товарищ Кожевников. Но я не обо всем могу вам рассказать, — сказал, как можно спокойней Званцев и направился к выходу. Кожевников остолбенел.

По Солянке проходил, как смеялся Саша, его «персональный трамвай». Он вскочил на подножку последней двери. Трамвай шел по мосту через Яузу. Оставляя справа Таганку, он затем миновал Заставу Ильича, но вот, нырнув под железнодорожные пути, двинулся по шоссе Энтузиастов, вдоль забора завода «Серп и молот».

Саша, выйдя из тамбура и держа портфель в руке, спустился на трамвайную ступеньку. В портфеле у него была огромная ценность. Говорят, события жизни повторяются дважды, один раз в форме трагедии, другой раз в форме фарса. В портфеле находилась герметичная жестяная коробка, вмещавшая три вторых обеденных блюда, которые Саша брал в наркоматской столовой, как когда-то в 1920 году он носил в судках через весь город Омск полагающиеся работникам губздрава два обеда из сумасшедшего дома. После перегибов коллективизации и развертывания индустриализации с продуктами во всей стране стало совсем худо. Ввели карточки. Жестяная коробочка с наркоматским обедом была большим подспорьем для званцевской

семьи в Подлипках.

Саша внимательно следил за тем, как трамвай въехал на горбатый мост через железнодорожные пути и, прежде чем вагон разогнался по спуску, спрыгнул со ступеньки, пробежав вприпрыжку несколько шагов.

Пройдя остаток горбатого моста, он повернул налево и пошел вдоль проложенных в выемке железнодорожных путей. Остановился у второй проходной, противоположной главной, на Красноказарменной улице. От этой проходной до лаборатории электрических машин было совсем близко. Покинув наркоматскую «вышку», здесь Званцев погружался в свою «пещеру». Здесь он отдавался своему любимому изобретательству. Он выполнил пожелание Иосифьяна и математически представил разряд гипотетического конденсатора на катушку электроорудия.

Когда работа была закончена, Званцев в изумлении увидел, что получил формулу магнитного колебательного контура. Но главное, он обдумывал посещение Капицы, его турбодетандер и баллоны со сжатым до двухсот атмосфер гелием. Ведь это же огромный запас энергии!

В ту пору имеющиеся материалы не позволяли Капице у Резерфорда сделать надежный маховик, отдающий мгновенную мощность. Жидкий гелий и баллон в двести атмосфер навели Званцева на мысль о том, что механический маховик можно заменить гидравлическим. Если гидротурбина питается водой, находящейся под давлением двести атмосфер, это все равно, что она подперта плотиной в две тысячи метров высотой и мгновенная мощность в турбине при одновременном включении электропушки вместе с газом в 200 атмосфер будет колоссальной. Надо создать турбогенератор, преобразующий энергию воды под таким огромным давлением лишь на долю секунды и отдающий ее снаряду невиданной дальнобойности.

Но все это было сыро, он не мог посоветоваться даже с Иосифьяном, который был занят на XVII съезде ВКП(б) своим восстановлением в партии. Съезд, а точнее говоря Киров на нем, восстановил Андроника в партии. Радостный, прибежал он в лабораторию. Но оценить заумные идеи Званцева не смог.

— Слушай, друг! Я сейчас ничего не понимаю. Иди в наркомат и выбивай средства на устройство задуманной тобой установки.

В один из следующих дней Званцев стоял перед важным сотрудником наркомата по финансовой части с фамилией великого русского математика Чебышева. Сродни ли ему, неизвестно, но подлинным открытиям математики обогащавшим

науку, он предпочитал такой счет деньгам, который обогатил бы вверенный ему отдел и с напыщенной назидательностью поучал:

— Молодой человек, я знаю, что товарищ Орджоникидзе когда-то поддержал вас, но едва ли ради таких трат. Мы не настолько богаты, чтоб субсидировать на много лет вперед пусть и самые перспективные изобретения.

Закончив свою вторую смену, на этот раз в ВЭИ, после двенадцати часов ночи, опечаленный, Саша отправился из Лефортова на Ярославский вокзал. Никакого прямого сообщения общественным транспортом не было. И Саша использовал в таких случаях своеобразный способ передвижения. На улицах Москвы появились легковые машины Горьковского завода имени Молотова, прозванные «эмками». Запасное колесо у них было вынесено наружу за багажник. Припустившись, можно было догнать машину и пристроиться на бампере, держась за этот выступ.

На не управляемых светофорами перекрестках машины притормаживали. И если поворачивали и ехали не в нужном направлении, Званцев соскакивал на ходу и выбирал себе другой попутный объект, пока не добирался до Ярославского вокзала.

Как правило, полупустая электричка через полчаса доставляла его в Подлипки, и он шел в свою квартиру, предвкушая радость семейного очага и утоление голода из жестяной коробки, в которой хранился наркоматский паек. Сегодня он не знал, как передать постигшее его поражение. Но дома его подстерегала новая неприятность. Его ждали две женщины — жена и мать, которые препирались по поводу того, кто должен встречать его с работы.

— Магдалина Казимировна, я уже просила вас не омрачать мне встречи с мужем.

— Никто не может отнять у матери право обнять сына. В вашем распоряжении спальня.

Две женщины не могли ужиться в одной квартире, и Саша уже знал, что нынешний конфликт был лишь одной из многих схваток. Все это вело к большему разладу. Чтобы его предотвратить, Петр Григорьевич последнее время подыскивал близ Москвы дачу, которую мог бы купить на привезенные из Омска деньги. Разумеется, Саша добавил бы недостающую сумму.

Во время своего отпуска приехал в Москву Коля Поддьяков. Побывал у начальника ГУМПа Тевосяна, проверявшего рекомендацию главного механика.

— С запасными частями к металлургическому оборудованию знакомы? — хмуро спросил Тевосян, глядя из-под насупленных бровей.

— Отлизал, как обоих своих сыновей.

— За их обработкой следил?

— Еще как! И жаром, и водой, и стружку снимал. И в школе, и в институте, а особенно на заводе.

— Шутку любишь?

— Шутка — двигатель культуры, Иван Тевадросович.

— Жди вызова, как в Москве квартиру подыщу…

«Убит Киров. Выстрелом в коридоре Смольного», как шептали по городу. Сталин срочно отправился в Ленинград, где произошло убийство. Ползли слухи, будто раньше рокового телефонного звонка сталинский поезд с салон-вагоном уже стоял наготове, и паровоз был на всех парах.

Убийца — некий Николаев, никому неизвестный.

Званцев не мог отделаться от навязчивой мысли, что за несколько дней до этой трагедии к ним в ГУМП приезжал с юга безликий инженер Николаев.

— Если везде отказали, разве съезд честного человека в партии восстановит? — говорил он. — Там, на семнадцатом, кто сидит? Те же партийные бонзы, что за утерю партбилета на голодную смерть обрекают. Я уж к вам зашел, может, где в Тмутаракани найдется какое завалящее место для инженеришки. В дворники не берут. Образование не позволяет. На видные должности, будь ты хоть пять пядей во лбу, исключенного с потерянным партбилетом не берут. Кем угодно готов наняться. Поеду в Ленинград (зайцем, штрафа все равно нечем заплатить!). Прямо хоть карманником становись или Раскольниковым, как у Достоевского, — наговорил всякой чепухи и ушел, оставив после себя неприятный осадок.

— Такого не порекомендуешь. Пропащий человек, — заметил Золотарев.

Неужели это тот самый Николаев? Ведь апелляции исключенных на имя партсъезда проходили через Кирова, а он, Киров, произнес замечательную речь, восхваляющую товарища Сталина. Конечно, у Званцева не было никаких доказательств, и он очень болезненно воспринял гибель второго человека в стране, который достоин был заменить Сталина.

Говорят, Сталин в Ленинграде велел привести убийцу. И когда тот, упав на колени, стал лизать ему сапоги со словами: «Это они! Это они!», он ударил его сапогом в лицо. Чекисты уволокли преступника в коридор.

Эхо подлого выстрела имело страшные последствия. И, прежде всего, в семье Званцева. Приехав ночью от Иосифьяна с намечающейся идеей гидравлического маховика и полной жестянкой жаркого из наркомовской столовой, Саша застал Инну

и ее мать в слезах.

«Оказывается, — писал он Косте, — вечером был арестован Александр Яковлевич Шефер, этот безупречный инженер, энтузиаст индустриализации и боец трудового фронта грозящей войны. Он никогда ни в чем не был замешан, не состоял в партии и не высказывал своего мнения ни по поводу уродства коллективизации, ни по поводу взглядов оппозиционеров. Он как провалится в бездну. В ГПУ, куда на протяжении нескольких лет обращались родственники, сообщали, что среди заключенных такой не числится.

Грозная «тройка», даже без допроса обвиняемого и суда над ним с привлечением защиты, присудила его к высшей мере — десяти годам лишения свободы без права переписки. Это означало расстрел. Даже эти горькие сведения несчастной Валентине Всеволодовне удалось получить как-то со стороны.

Родители мои успели переехать в купленную дачу. Инна могла приютить осиротевшую семью в освободившейся комнате.

Утром в электричке я только и слышал о злодейском убийстве, и о том, что «враги народа поднимают голову». В наркомате была полная растерянность.

С Точинским пришлось объясняться самому.

Говорят, что к начальству никогда нельзя обращаться с двумя просьбами. Я нарушил эту чиновничью заповедь.

Инна должна вскоре родить, и я устроил ее в родильный дом имени Крупской, один из лучших в Москве. Точинскому я сказал:

— Как вы знаете, инженер должен всегда расти. И если я от главного механика металлургического завода вырос с вашей помощью до заместителя главного механика всей металлургии, то именно с вашей помощью я могу теперь перейти на самостоятельную работу главного инженера или технорука опытного завода ВЭИ, с которым творчески связан.

Точинский подпер щеку рукой и с укором сказал:

— Покидать нас хотите? Не ожидал. Может, жалование прибавить?

— Нет, лучше выполните еще одну мою просьбу.

— Ну, что еще может быть хуже? — и Точинский положил оба кулака на стол. — Валите уж оптом.

— Я жду ребенка. Его нужно отвезти под Москву, в Подлипки. Начинать с просьбы на новом месте работы считаю неудобным, а у вас, может быть, заслужил такую любезность.

Точинский зажмурил глаза и рассказал притчу:

— В истории есть легенда, будто бы царь Соломон, выслушав двух женщин, считавших каждая себя матерью одного ребенка, вынес соломоново решение. Спросил, какая из женщин

согласится, чтобы он разрубил ребенка пополам и каждой дал по половине. И когда одна женщина, поджав губы, согласилась, а другая зарыдала, отказавшись от ребенка, он отдал ей дитя со словами: «Настоящая мать согласится на воспитание ребенка у другой женщины, но никак не на его смерть». У нас с вами другая ситуация. Пополам вас уже разрубили между ГУМПом и ВЭИ. Поэтому я соединяю две ваших просьбы в одну. Я дам свою машину для того, чтобы вы доставили домой своего ребенка в целости и сохранности, когда это потребуется. Но до этого вы продолжите работу у нас, — и он встал.

Так закончилась моя работа в родной металлургии, о чем с грустью пишу тебе, дорогой мой Костя, в дорогой мой Белорецк», — и Саша запечатал письмо. Оно теперь пойдет к Уральским горам с надежным попутчиком.

Все изменилось в жизни Званцева. Он привез живой комочек, которому предстояло в жизни стать военным моряком, капитаном первого ранга, командиром защиты с воздуха всех военных флотов СССР.

Саша перешел на работу в опытный завод. Но Иосифьян, придумавший эту комбинацию в расчете на то, что директором завода был его земляк Сомхиян, не рассчитал, что технорук, на место которого он прочил Званцева, уходить раздумал. И пришлось стать Званцеву начальником производства. Да и техноруком бы он теперь, беспартийный, к тому же еще и зять врага народа, выглядел мало подходящим.

Но во всякой туче бывает просвет. И в январе 1936 года Иосифьян ворвался в служебный кабинет Званцева с газетой «Известия» в руках:

— Ты знаешь, знаешь… Твоему сценарию «Аренида» на международном конкурсе присудили высшую премию. А третью премию, знаешь кто получил? Знаменитый Капица — наводнил в фильме рынок искусственными алмазами и брилиантами. Паника, кризис! Он мог бы предложить что-нибудь похлеще и явно уступил тебе. Я покажу газету директору ВЭИ, подниму твои акции.

Но денег на гидромаховик наркомат так и не дал. Он уже не походил на ВСНХ. В нем былые бюрократические цветочки превратились в махровые ядовитые плоды.

— Слуший, кацо. Всяким пролазам лягушачьими прыжками по партбилетовым ступенькам можно забраться на гору, где Серго с Кировым высоко стояли и далеко видели, а жабьи мозги пролазы так внизу в болоте и оставили и дальше своей пасти не видят. Кого бы проглотить?». И то, что для людей мыслящих деревянная трубка была убедительнее свернутых трубами

ватманов с расчетами и чертежами на столах важных денежных жаб, говорит о движении в сторону. И нет простора прогнозу. Пусть пока электропушки с киноэкранов стреляют. Это уже не пара пустяк! Подводная лодка «Наутилус» десятилетиями плавала по страницам книг, а все-таки вышла в море. Нет, я все-таки все это выложу директору ВЭИ, чтобы поднять твои акции. Иметь такого лауреата во главе производства — не пара пустяк.

Но Рабинович холодно отнесся к премии Званцева.

— Не инженерное это дело, — назидательно сказал он. — Вот Алексею Толстому — перо в руки, а начальнику производства — заказы выполнять без задержек надобно. Недовольства много. Ей-Богу, я не решился бы поручить опытный завод Владимиру Владимировичу Маяковскому, хоть тот и страстно призывал стихом: «Твори, выдумывай, пробуй!». Подыщите себе другого заведующего производством. Менее отдающегося кино, театрам и литературе. А то ваш протеже позволил себе выступить с пением на заводском вечере перед подчиненными арии Дон-Жуана. Так авторитет не зарабатывают.

Званцеву ничего другого не оставалось, как самому уволиться в поисках места работы. В вестибюле одного из ближних к вокзалам многоэтажных домов Сашу привлек своеобразный лифт с открытыми непрерывно движущимися кабинами. Правая спускалась, а левая поднималась, словно нанизанные на нить четки, а потому называвшимся «Pater Noster».

Люди на ходу входили или выходили из кабин, дождавшись, когда они поравняются с нужным этажом.

— Входите, входите, — потянула Сашу за руку бойкая, миловидная девушка, заметив его замешательство. — Здесь, как в метро, надо встать на бегущую дорожку. Вам на какой этаж? — просила она, когда лифт уже поднимался.

— На третий, — наугад назвал Званцев.

— Я так и знала, что нам вместе. Меня зовут Муся. Я работаю в Центральном конструкторском бюро редукторостроения. Вы его ищите, я вас раньше не видела. У нас два начальника. Директор Ничепоренко Остап Тарасыч. Хитрый хохол, как мы его зовем, и жадный. Если вы заказчик, то к нему. Он цену заломит. Торгуйтесь. Если с нами работать хотите, то — к главному инженеру Александру Ивановичу Мишарину. Веселый человек, сибиряк. Когда надо говорить: «На всякий случай» или «Для безопасности» — он говорит: «Для опасности». Чудак невозможный, толстый и милейший наш человек! У нас два главных отдела: проектный и научно-исследовательский. Первым заведует добряк Хвостов, хоть «граф» — а практик, вторым — злыдня Сапрыкин, он же парторг. К нему на поклон надо к

первому идти.

Не успел Саша вставить слово, как оказался в просторном помещении с выгороженным для дирекции «аквариумом» с двумя сдвинутыми вместе письменными столами.

Званцев открыл стеклянную дверь и поздоровался.

— Здоровеньки булы, — отозвался директор. — С заказом затейливым — до мене. За работой руку протягаете — так вот к ему, — и он указал на своего визави.

Званцев Александр Петрович. Окончил Томский технологический институт в 1930 году. Работал главным механиком Белорецкого металлургического завода.

— Тогда в прокатном цехе ты с ремонтом редукторов повозился?

— Повозился, — признался Званцев.

— «Теперь для опасности» с бумагоделательным цехом повозишься, нашим проектным отделом заведуя. Томичу-инженеру восемьсот эр по полнолуниям.

Званцев выбрал место в центре первого ряда, взяв себе обычную чертежную доску, чтоб чертить самому, а выданный ему письменный стол поставил рядом, чтобы просматривать на нем работы подчиненных. При этом сам он развернулся лицом к чертежному залу, где все доски поставил под углом, чтобы видеть, кто и чем занимается.

Поначалу это не всем понравилось, и бывший заведующий «граф» Хвостов был подослан к новому начальнику, чтобы выяснить, на что тот способен, кроме перестройки чертежных рядов и роли надсмотрщика.

Но цели своей — резкого повышения дисциплины, прекращения занятий посторонними делами и чужими, «левыми» чертежами — Званцев мгновенно добился.

Александр Иванович Мишарин прогуливался между обновленными рядами своей армии и тихо говорил себе под нос:

— «Не плохо для опасности». Совсем не плохо! Все как на ладони.

А в директорский «аквариум», пользуясь отсутствием главного инженера, прошмыгнул Сапрыкин.

— Это возмутительно, — прошипел он. — Опять на видную должность без согласования с треугольником проползла беспартийная гнида!

— Як так — без треугольника? Муся-парторг сама его сюда привела. «Для опасности» при мене с ним балакал. А вот и ты подоспел. Приказа я еще не подписал, — с хитрецой добавил Ничипаренко.

— Як да як! Да вот так! Вспомните, как эту «научную

каланчу» на работу взяли? Гарцует, як гетман. Сажень проглотил и страшится хоть каплю горилки из хрустальной вазы не пролить. Тоже мне Петрусевич Альфред Иванович. Копни — вереница шляхтичей объявится, — Сапрыкин, желая польстить директору, старался ввернуть украинскую мову, плохо ее зная.

Остап Тарасович поморщился.

— Вон наш Александр Иванович новые чертежные ряды проверяет. Вернется, можете побеседовать, — на чистом русском языке ответил парторгу директор.

— И верно, наш Олесь Македонский обходит дружины свои. Убеждается, все ли стекло в Красное море.

— Ежели бородатым анекдотом блеснуть хотели, то не «стекло в Красное море», а образовалось Мертвое море, как Александр Великий по малой нужде остановил войска, — снисходительно поправил Ничипаренко.

Парторг смутился и ушел.

Первым, принеся два листа с разными зацеплениями, пришел к Званцеву его предшественник Николай Иванович Хвостов.

— В нашем перманентном соревновании с научно-исследовательским отделом мы постоянно боремся за тип зацепления зубьев. Мы по старинке за эвольвентное, а они разработали с появлением у них Петрусевича выгодную технологию обработки зубьев по окружности в гипоидном зацеплении. Вот им и хочется куда-нибудь ее всунуть. Так на чем нам остановиться, Александр Петрович, для бумагоделательных машин Северного комбината, — и Хвостов развернул перед Званцевым два чертежа.

«За советом пришел или прощупывает?» — мелькнуло у Званцева.

— У вас в прокатных цехах какие зубья чаще срабатываются? — продолжал спрашивать тихий Хвостов.

— Металл срабатывается там, где трется. В идеале зубья должны обкатываться друг по другу. И я бы меньшую зубчатку делал бы вообще без зубьев.

— Как это так? — поразился Хвостов.

— Вместо зубьев хорошо бы поставить набор одинаковых шлифованных шарикоподшипников, плотно насажанных на стальную ось. Зубья останутся только на большой, они и будут толкать, вращая шарикоподшипники. Никакого скольжения, одно перекатывание.

Вот что значит поработать и на Уральском металлургическом, и на шведской фирме «SKF», — восхитился Хвостов.

Но в чужой монастырь со своим уставам не ходят. Беззубые зубчатки поставим на какой-нибудь менее ответственный объект. Даже не трущиеся зубья надо обкатать, — и Саша улыбнулся.

А почему зы выбираете нашу эвольвенту, отказываясь от гипоидной? — сдерживая радость, поинтересовался Хвостов.

— Гипоидная передача хороша для перекрещивающихся осей. В нашем случае это внесет дополнительные трудности. Другое дело — автомобиль, трактор или тепловоз, который завтра вытеснит паровоз, какой бы совершенной паровой машиной он ни был.

— Значит, опять наша взяла, — обрадовался Николай Николаевич. — Наше соперничество прозвали «войной Алой и Белой розы».

— Какого же мы цвета? — рассмеялся Званцев.

— Где парторг Сапрыкин, там и платочек алый от хронического насморка и склонности к апоплексии.

— Нехорошо, нехорошо так, — покачал головой Званцев. — Индустриализация — дело общее.

— И не жалейте этого злыдня. Он узнает о вашем решении, сразу же побежит с жалобой к нашей «ученой каланче», научному руководителю бюро Петрусевичу Альфреду Ивановичу. Будет во всю Ивановскую вопить: «Опозорить новичок нас хочет. Зубчатку, как старушечий рот, без единого зуба предлагает».

— Что ж, ваш знаток зацеплений напомнит, что зацепление в роликовых передачах без зубцов обходится, но роликовые цапфы в подшипниках трутся и изнашиваются.

Хвостов отправился по чертежным рядам с сообщением, что на этот раз наша взяла и что новый заведующий проектным отделом — «дока-парень», самого Петрусевича вместе с Сапрыкиным не боится, по-своему, по-нашему дело поворачивает, на авантюры не идет, и сработаться можно.

Дошла очередь до Мишарина, сказавшего:

— Вот что значит, Томск «для опасности» взять!

Званцев обрел авторитет. Работа в «Оргаметалле» была близко от трех вокзалов, оставалось время на завершение романа. Но все всегда меняется в мире и далеко не всегда к лучшему. Помещение «Оргаметалла» с лифтом «Pater Noster» осталось минувшей мечтой, и Бюро редукторостроения переехало на опытный завод или, другими словами, «на край света», куда надо было добираться полтора часа: на электричке, потом до конечной тогда станции метро «Парк культуры», откуда приходилось идти, как канатоходцу, по парапету набережной, где с одной стороны была непролазная грязь, а с другой — холодная Москва-река.

Времени на шахматы не оставалось. Но именно они пришли

ему на помощь. Со времени работы на восьмом заводе Званцев числился в команде общества «Зенит» на третьей доске. На первой доске играл гроза прославленных гроссмейстеров, красавец, кумир всех почитательниц рыцарей шестидесяти четырех клеток Евгений Загорянский. Он работал в ВЭИ, ведая аккумуляторной мастерской. После перехода Званцева к Иосифьяну шахматная доска в обеденный перерыв, несмотря на подавляющее преимущество Загорянского, сблизила и сдружила их. Вторую доску защищал военный, профессор математики Семен Абрамович Коган, а две последние доски занимали две противоположности — буйный весельчак Виктор Егоров, почему-то прозванный «турком» и тихий, слабый шахматист, но всемирно известный шахматный композитор Михаил Николаевич Платов, совместно с братом своим, Василием Николаевичем, ставший одним из первых классиков этого жанра. В этом составе команда приняла участие во Всесоюзных состязаниях спортивных обществ СССР, заняв первое место.

Приз игрокам вручал сам экс-чемпион мира по шахматам, профессор, философ и математик Эмануэль Лас-кер в зале Центрального Дома работников искусств, который еще только строился. Временно он размещался в полуподвальном помещении одного из домов кооперативного актерского комплекса. По невероятному стечению обстоятельств на первом этаже там жил знаменитый профессор-отоларинголог Александр Исидорович Фельдман, впоследствии причисленный к группе «врачей-убийц», замышлявших якобы заговор против товарища Сталина, но оправданных и выпущенных на свободу сразу после кончины вождя. К этому времени, кстати говоря, шахматный лидер «Зенита» Женя Загорянский был уже женат на дочери Александра Исидоровича, тоже отоларингологе, докторе наук. Званцев, как друг Загорянского, часто бывал у них, вспоминая вручение им первого приза в полуподвале этого дома Эмануэлем Ласкером, уехавшим в Америку.

Как во всяком спортивном соревновании, шахматное командное первенство спортобществ имело своих болельщиков. Один из них был со странной фамилией Элиокумс, начальник конструкторского бюро Мытищинского вагоностроительного завода. Он преклонялся перед Михаилом Николаевичем Платовым и бывал на верху счастья, одерживая над мировой знаменитостью победы в легких партиях. От него он узнал, что в команде играет еще один этюдист — Александр Званцев, видный инженер, которого стоит заполучить для разработки механической части нового трамвая…

Ставить фильм «Аренида» взялся знаменитый режиссер и

актер Эггерт, недавно выпустивший нашумевшую картину «Хромой барин». К несчастью, в пору ленинградской бури (после Кировских событий) Эггерта постигла судьба Шефера. Одного звучания фамилии было достаточно, чтобы он бесследно исчез. А после него за невезучий фильм никто браться не решался. Но «соавтор» Званцева Шапиро не опустил рук и поместил в популярной ленинградской газете премированное либретто. А к Званцеву после этого пришли два редактора издательства «Детиздат»:

— Нашему издательству очень понравился ваш замысел, который мог бы стать интересной книгой для детей. Не пытайтесь сразу отказаться. И я, заведующий редакцией, Николай Александрович Абрамов, и ваш непосредственный редактор Кирилл Константинович Андреев окажем вам посильную помощь, если вы согласитесь написать приключенческий фантастический роман.

Нужно было обладать легкомыслием и дерзостью юности, чтобы взяться Саше за такой сизифов труд, о котором он не имел ни малейшего представления. Достаточно сказать, что заказанный роман будет переписан от строчки до строчки одиннадцать раз, прежде чем обретет известную читателям форму.

Один раз в неделю, по средам, Званцев ехал на электричке из Подлипок, затем на метро до «Дворца Советов» (который так и не был построен), чтобы прочитать написанную и переписанную Валентиной Всеволодовной очередную главу, жадно следя при этом за выражением лица читателя. Когда роман близился к концу, Кирилл Константинович признался, что никогда в жизни не читал более обещающей и более беспомощной рукописи.

Весной 1937 года в газете «Правда» появилась статья первого секретаря ЦК ВЛКСМ товарища А. Косарева, где сообщалось, что ленинградские сектанты, прочитав в газете либретто «Арениды», объявили своей пастве о близком конце света и обязали паству отдавать все свое состояние пастырям, чтобы вымолить себе у Бога спасение. Званцев понял, что теперь печатать роман нельзя, хотя никто и не указывал ему на это.

К тому же Саша заболел, все майские праздники провалялся в сорокоградусном жару и думал, думал, думал… Заменил космическую катастрофу всемирным пожаром, вызванным достижениями науки.

Так роман «Аренида» становился «Пылающим островом». В нем надлежало сохранить захватывающий сюжет и образы основных героев, Кленова и Вельта, представляющих двух представителей враждебных миров, стоящих перед общей

гибелью. Но роман еще предстояло написать.

Между тем дела Званцева в «Оргаметалле», где он занимал пост заведующего проектным отделом центрального конструкторского бюро редукторостроения, шли не так уж хорошо. Повторялась Белорецкая история, и беспартийный на руководящем посту, как правило, оказывался по мнению партийной организации, нежелательным лицом в коллективе. Однако это не помешало Званцеву. Ему в тот момент казалось, что он закончил свой первый роман «Аренида». Под влиянием рекордных перелетов из СССР в Америку Чкалова и Громова, он увидел крайне дешевый способ сообщения между континентами — в прямолинейно проходящих подо льдами Северного полюса металлических трубах подводного плавающего тоннеля. В нем электрические поезда, способные развивать скорость до двух тысяч километров в час, быстро переносили пассажиров с континента на континент…

Пригодилась его виртуозная работа на пишущей машинке. И во Ергмя очередного ночного дежурства в «Оргаметалле» за одну ночь он написал либретто своего второго романа «Арктический мост». А еще через два дня, несмотря на все хлопоты Александра Михайловича Мишарина, который в сердцах сказал Званцеву, смачно сплюнув в угол: «Нельзя, друг Саша, без партбилета голову над парттыквами высовывать, а ты вздумал романы писать!», — получил от якобы недовольного его загадочным ночным занятием руководства приказ о своем увольнении.

Беспартийность затрудняла Званцеву поиски новой работы. Новое изобретать!..

И остался столь удачливый Саша Званцев без средств к существованию. Но в нем таился находчивый юрист. Мотивировки к его увольнению не было никакой, ни взысканий, ни предупреждений, что заставляло осторожных кадровиков в любом другом месте подозревать что-то предосудительное. Он подал на свое руководство в суд за нарушение КЗОТа и нанесение ему материального ущерба. Блестяще выиграл процесс, борясь с противником-юрисконсультом, как кошка с мышкой. Суд арестовал счет «Оргаметалла» в банке. Хоть Сашу теперь слезно молили вернуться к редукторам, он получил свои 800 рублей в месяц за вынужденное время простоя, позволившее ему отличиться на шахматном поприще и познакомиться с болельщиком их шахматной команды, мытищинцем Элиокумсом. Тот предложил ему самостоятельную работу за чертежной доской вблизи Подлипок и 900 рублей в месяц. У Званцева оказались преданные помощники. Два лучших конструктора «Оргаметалла» пошли следом за ним.

Он ввел новшества в московский трамвай: тормозную систему с автоматическим подхватом человека, попавшего случайно па рельсы, и механический, но мало удачный, подъем оконных стекол.

К пробному прогону трамвая через Москву он пригласил приехавшего создавать трест Поддьякова. Кстати, он сам собирайся впервые в жизни вести трамвай.

— А вы знакомы с контроллером? — спросил Званцева начальник депо.

Званцев представился:

— Могу заверить, как главный механик металлургического завода, я всегда сам испытывал куда более сложные машины.

И, как заправский вагоновожатый, проехал через всю Москву. В неожиданных местах на рельсы подбрасывали чучела, подхватываемые изобретенным Званцевым приспособлением.

Глава шестая. АТАКА КРЕПОСТИ

Для крепкой настоящей дружбы
Сомненья и упреки чужды.

Управляющий вновь созданного в черной металлургии треста «Союззапчермет», воспитанный в Белорецке инженер Николай Зосимович Поддьяков, осмотрел выделенное для правления треста помещение на углу Большой Полянки и сказал сопровождавшему его другу Саше Званцеву:

— Отсель грозить мы будем шведу с семи утра и до обеда, приказы грозно извергать, цеха валками награждать по списку всяких запчастей, чтобы работали скорей. И пусть металлурги главным механикам своим не кланяются. И кто это выдумал такое, чтобы, вместо вспомогательных цехов должной мощности, везти из-за моря телушку?

— Если хочешь знать, то выдумал это я, когда в ГУМПе сидел и нравы металлургов основных цехов вспоминал. Усилить вспомогательные цеха в сотне точек куда труднее, чем целенаправить механические заводы, переданные в твой сжатый кулак, и еще узко специализированные под твоим длинноногим руководством. К тому же и с шуточками.

— С шуточками-прибауточками… Ладно, груздем меня сделали. А назвался груздем — полезай в кузов. Поехали «кузов» смотреть, трехкомнатный, где-то на краю города, за Киевским вокзалом, на пути к сталинской даче. По особому требованию надежности там дома заселяют.

И друзья сели в тяжеловесный ЗИС-101 — лимузин для особо

важных товарищей, и направились на строящийся Кутузовский проспект, переходящий в скоростное Минское шоссе.

Заселяемый надежными жильцами дом «Зосимыча», как Званцев прозвал уже его, считался на отшибе, но недалеко было то время, когда он окажется почти в центральном районе. И движение там по улице будет таким, что, ради удобства выезда с Киевского вокзала, построят в левой части проспекта первый в Москве уличный автотоннель, правда, вполовину ширины проспекта, с ездой под землей лишь в одном направлении. Над тоннелем беспрепятственно пойдут машины от Бородинского моста, от растущего рядом одного из первых высотных зданий гостиницы «Украина». Теперь это кажется далеким прошлым, как и зловещая слава тех тридцать седьмых годов… потоком угнавших ни в чем неповинных коммунистов и беспартийных, прошедших ужасы чекистских допросов.

К счастью, новый управляющий трестом «Союззапчермет» Поддьяков был вне подозрений, и доносов на него, не успевшего поработать в центре, еще не было.

Внутренняя планировка предложенной квартиры удивляла.

Чтобы пройти из передней в жилую комнату, требовалось миновать длиннейший, словно ведущий к тюремным казематам коридор, глухой, без дверей и окон.

Зато трехкомнатная на проспекте Кутузова в Москве!

Поддьяков был доволен и предложил для контраста проехать в Подлипки в званцевскую четырехкомнатную, одна из комнат которой, как помнит читатель, после переезда старших Званцевых к Лось, рядом с Москвой, была отдана «осиротевшей семье врага народа», матери и брата Инны. Званцев после победы над «Оргаметаллом» был самоуверен и ничего не боялся.

По дороге в Подлипки он рассказал о своем новом романе, где подводный плавающий мост подо льдами Арктики будут совместно строить СССР и США. Дело за тем, чтобы съездить в Америку, посмотреть на американцев, будущих строителей Арктического моста. Зосимыч вздохнул:

— Ты выходишь на прямую дорогу из Бреста на Калыму. Ты не Маяковский и не Ильф и Петров. К счастью, никто тебя туда не пошлет. В том твое спасение.

— Увидим, — усмехнулся Званцев.

На Зосимыча он не был в претензии. Ведь тот беспокоился за него и всю дорогу нервничал.

Войдя же в знакомую квартиру друга, Поддьяков был ошеломлен. Уютная столовая превратилась в чертежную. Три громоздких стола с кульманами загромоздили всю комнату. Стол был вынесен, очевидно по частям, на балкон. Рояль задвинут в

угол и завален чертежами.

— Вавилонскую башню возводишь? Со столпотворения начал?

— Знакомься. Это мои редукторные соратники. За мной следом из «Оргаметалла» ушли в знак протеста против административного произвола. Вот это Фролов Андрей Михайлович, а этот, что потоньше, Арсений Арсеньевич Ратов. Конструкторы превосходные. Мы с ними для прогулок по Луне еще танкетку смастерим, а пока…

Два инженера оторвались от чертежных досок. Один — широкоплечий, светловолосый, гладко выбритый русский мужичок, другой суховатый, строгий, спортивного склада. Если первый — грудь нараспашку, то второй — наглухо застегнут на все пуговицы.

Поддьяков с чуть заметной насмешливой улыбкой, пожав протянутые руки, провозгласил:

— Грянем, братцы, плясовую — и пусть попляшет наркомат!

— Главное — избежать разрыва велосипедной цепи с прикрепленными к ней картинами. Мы решили применить «мальтийский крест», — объяснил Фролов.

— О! Дело дошло до рыцарских масонских знаков подпольного конструкторского Ордена!

— Это вовсе не подполье, а участие в свободном конкурсе механизмов для показа в Советском павильоне всемирной выставки «Мир завтра» в Нью-Йорке. Я решил подвешивать картины к замкнутой цепи, с нужными интервалами они будут подставлять под смотровое окошко щиты. Велосипедная цепь натягивается «мальтийским крестом» нашего редуктора. Товарищ Давыдов, руководящий оснасткой павильона, основную идею одобрил. Есть шансы выиграть конкурс и послать через океан нашу выдумку.

Николай Зосимович покачал головой:

— Через океан лучше послать механизм, чем самим следовать по Транссибирской магистрали.

Конструкторы не поняли насмешливого и предостерегающего намека высокого спутника их непосредственного руководителя. А тот, пройдя в соседнюю спальню, увидел над письменным столом лист бумаги, приколотый к стене с перечнем глав «Пылающего острова». На потолке над кроватью — карта мира с трассой подводного туннеля под Северным полюсом.

— Удостоверяю, что Александр Петрович Званцев окончательно «съехал с крыши», — размашисто написал он поперек листа, начальнически подписался и добавил красным карандашом, вынутым из кармана: «Требуется смена валков».

Проект механизма для демонстрации экспонатов выставки был признан комиссией лучшим из представленных. Председательствовал товарищ Давыдов, невысокий человек, в сапогах и полувоенной форме. Он благодарил своего племянника из подлипкинской шахматной команды Витю Егорова, что тот привлек Званцева и его редукторщикрв к работе для оформления советского павильона на Нью-Йоркской всемирной выставке и предупредил Сашу, что ему, видимо, и придется руководить изготовлением спроектированных устройств. Жизнь для Александра Званцева продолжилась на новом витке.

Часть седьмая. ЗА ЖЕЛЕЗНЫЙ ЗАНАВЕС

Два мира им разделены,
Чудес неведомых полны.

Глава первая. К СТРАНЕ ЗАГАДОК И СВОБОД

Достоинств у Свободы тьма…
Да жаль в ногах ее — тюрьма.

Приближалось время отправки экспонатов в Нью-Йорк на всемирную выставку. Давыдов пригласил Званцева объехать вместе с ним все залы павильона, разбросанные по Москве. Давыдов усадил Сашу в такой же, как у Поддьякова, ЗИС-101 — гордость советской индустрии.

— Проедемся, посмотрим твой личный багаж, — с улыбкой сказал заведующий советской частью нью-йоркской выставки.

— Ваш багаж, — поправил Званцев.

— Я не поеду, — мрачно ответил Давыдов, ничего не объяснив, и перевел разговор на предстоящую им встречу с крупным электриком, которого Званцеву, возможно, придется заменить.

Расспрашивая Званцева обо всем, что делалось для выставки и, убедившись, что он, даже не имея его поручения, в курсе всего, Давыдов заинтересовался Сашиной семьей.

— Купеческого, значит, роду? Ну, это их устроит, — загадочно сказал он и добавил: — Все отправим для скорости личным багажом персонала выставки на прекрасном лайнере «Куин Мери». Лайнер как раз уходит в свой первый рейс из Гавра.

Остановились около бездействующей церкви у Белорусского вокзала. Внутри, заполняя собой церковный простор, стояла гигантская статуя рабочего, поднявшего над головой красную звезду.

— Когда, товарищ Давыдов, разнимать на части будем? — спросил бородатый скульптор Андреев, похожий на крепкого русского мужичка.

— Ждите команды, — коротко ответил Давыдов.

В одном из павильонов ВДНХ строгая охрана никого близко не подпускала к какой-то монтируемой там установке. Это было единственное место, куда Званцев не заглядывал, не имея специального пропуска.

Сейчас вместе с Давыдовым он прошел мимо суровых доверенных лиц, несущих охрану.

Внутри зала была смонтирована диорама металлургического завода в масштабе один к пятидесяти натуральной величины. Модели были все действующие. К доменным печам со скиповыми подъемниками подъезжал поезд-рудовоз. Паровозик был явной имитацией, никаких проводов не было, и как он двигался оставалось загадкой.

— Пусть американские инженеры призадумаются, какая тут волшебная сила невидимо действует. Верно, товарищ профессор?

Человек в голубом халате, стоявший около диорамы, обернулся, и Званцев узнал Иосифьяна.

— А, кацо, салям! — приветствовал он подошедших.

— Прошу любить и жаловать, Андроник Гевондович, это инженер Званцев Александр Петрович, под руководством которого будет монтироваться ваше волшебное устройство в Америке. Познакомьте его со своей магией во всех деталях.

— Кого? — сделал большие глаза Иосифьян. — Званцева Сашку? Да тут все по его старым расчетам сделано.

— Вы знакомы? — удивился Давыдов.

— Мы с ним, как у Жюля Верна, на Луну слетать собирались, — смеялся Иосифьян, обнимая и целуя Званцева. — Не беспокойтесь, товарищ Давыдов. Я его в пять минут в курс дела введу, для него здесь секретов нет. На нашей кухне он первый повар, и все ему пара пустяк.

— Тогда оставляю его вам. Машину за ним пришлю.

— Зачем машину? Здесь до Северной дороги пара пустяк дойти. Мы с ним прогуляемся, и пусть едет в свои Подлипки. Верно, Саша?

— Конечно.

— Тем лучше, — сказал Давыдов, распрощался с молодыми людьми и ушел.

— Ну что? — хитровато глядя на Званцева, произнес Иосифьян. — Утопил меня и доволен?

— А ты знаешь, как мне эти годы худо было? И ты ни разу ко мне не пришел, а тост о дружбе провозглашав.

— Это хорошо, что ты его запомнил. Пусть люди знают. И «пара пустяк» забрал для узнавания, и утопил хорошо! Замечательно. Я всем рассказывать буду, как ты меня утопил за то, что я выговор тебе вкатил.

— Да ты что? Никакого выговора никогда не было!

— А Сурен Авакян был?

— Не литературный герой, а его прототип закон дружбы забыл.

— Какой закон? О каком законе ты говоришь? Спроси Тухачевского или Бухарина и еще нет им числа. Все

электрооборудование самых секретных объектов через меня прошло. За мной слежка. Гитлер распоясался, ему восточный простор нужен, а твой тесть-немец судьбу маршала разделил. Меня Киров в партии восстановил, по самому краю обрыва хожу, а ты хочешь, чтобы я к родственнику немецкому, обо всем забыв, пришел. А у него тесть — немец, жена — немка, шурин — немец. Не нарочно ли тебя через океан вместо меня посылают. Хорошо, если вернешься на завод, а то дорога длинная мимо него проходит.

— Это еще бабушка надвое сказала, посылают или не посылают. А если пошлют, то я уже как писатель вернусь. У нас о современной Америке, кроме книги Ильфа и Петрова, ничего нет.

— А я, хоть и коммунист, благодарить Бога буду, если ты у них нашим принципом бегущего электромагнитного поля для электропушки игрушечки в диораме двигать будешь. Придет время, и мы твоим гидравлическим маховиком еще не то двинем. А дружбу нашу прежней считай и следующего с меня списанного героя Овесяном назови и звание академика присвой, и мы с тобой, хоть в твоем романе, настоящих дел натворим. А теперь пойдем к нам на кухню. Тебе в ней разобраться пара пустяк, — и дружески обняв Сашу за плечи, он повел его за диораму, где скрыты были его электромагнитные секреты. — А я, кунак, слишком много знаю, и вне партии побывал. Хорошо, что успел в Лондон съездить, Шаляпина послушать там довелось. Теперь за тобой дело. Под негритянские их джазы попляши и, главное, понаблюдай…

На одиннадцатый этаж исполинского красавца «Куин Мери» Званцев забрался, чтобы сверху полюбоваться настоящим океанским простором. Лайнер только что сошел со стапелей Бирмингема, и был предназначен не столько для пассажирских перевозок между континентами, сколько для увеселительных прогулок богачей. Внутренняя отделка ласкала теплотой пушистого бархата и холодком строгого атласа, слепила яркостью заморских шелков с затейливыми рисунками на восточно-сказочные мотивы, поражала изяществом хрусталя и красотой золотых и серебряных изделий. Все это украшало бесчисленные бары и залы для отдыха, интимных бесед, концертов, танцев и невинных или азартных игр.

Всюду звучала музыка на все вкусы: от зажигательной румбы и вновь открытых джазовых откровений до Бетховена и Шопена. Словом, «Куин Мери» отправлялась в свой первый рейс роскоши и беззаботного веселья.

Для инженера-писателя такое путешествие было подарком Судьбы. Впереди его ждал вихрь прогнозов мира будущего из

множества стран.

Никто и представить себе не мог, что безжалостная Судьба, не повторив трагедии «Титаника», этот новый образец капиталистической роскоши, предназначенный для смеха, радости и счастья, поставит надолго в Нью-Йорке на рейд, как плавучий госпиталь вскоре начавшейся Второй мировой войны. И под хрустальными люстрами звучать будут не увеселительные звуки, а горькие стоны неизвестно для чего искалеченных людей, около стоек баров, перед стенами бутылок, на сдвинутых под люстру столах люди в белых халатах с окровавленными руками будут отрезать несчастным руку или ногу, спасая их жизнь. Но пассажиры первого торжественного рейса нового красавца морей тогда ни о чем не подозревали…

Работники советского павильона открывающейся в Нью-Йорке выставки «Мир завтра», привлекательные стендистки с безукоризненным английским языком, художники и несколько инженеров, в их числе и Саша Званцев, сидели в огромном полупустом ресторанном зале лайнера, в ожидании изысканного бесплатного обеда, который блюдо за блюдом приносил строго услужливый стюард в смокинге.

— А знаете ли вы, — сказала сидящим за столом спутникам крупная русская дама, стендистка Лиза Халютина (она была дочерью известной артистки Художественного театра), — что наш якобы «бесплатный» обед входит в стоимость проездных билетов. А вот подает его нам высокомерный стюард с манерами аристократа действительно бесплатно. Да, да! Он не получает жалованья от компании и рассчитывает лишь на щедрые чаевые в конце рейса. И сам платит за право разносить яства в любую погоду. Мы вот тут из-за качки еле сидим. К горлу подкатывает. Какой уж там аппетит. А компании — прямая выгода. Заметили, больше половины зада не вышло к обеду, а он уже оплачен…

— Должно быть, надвигается шторм? — предположил Вин Виныч, художник, с которым вместе Званцев затем поселится под Нью-Йорком у чеха-эмигранта.

Высокий, тощий, Виныч носил баки, как в прошлом веке, когда, по его мнению, был расцвет культуры. Джентльмен и на работе, и дома, он преклонялся перед стендистками, и перед женщинами вообще, считая их шедеврами творчества Природы.

— Моряки толкуют, что девятибальный ждут, — сказал старший группы, завидного сложения директор промышленного зала павильона Казанцев, в шутку называвший себя однофамильцем Званцева из-за близости фонетического звучания их имен.

— Надо взглянуть! — воскликнул Саша, рассчитывая на

яркую страницу в будущем романе.

Он не страдал морской болезнью и, с аппетитом проглотив кусочек пахучего сыра, поданного как десерт на случай, если господа не утолили голод, и отправился набираться впечатлений.

С палубы одиннадцатого этажа возбужденный Званцев, вцепившись в реллинги на носу лайнера, с восхищением впитывал в себя мощь океана, вздымавшего водяные горы, предшественницы которых одиннадцать тысяч лет назад поглотили легендарную Атлантиду.

Океан-победитель был великолепен. Белогривые валы бежали друг за другом, накатываясь на стойкий корабль со стометровыми палубами. Они не могли вскинуть его на свои гребни — слишком велика его длина, и он накрывал собой сразу несколько злобных бешеных валов. Водяные горы отдавали неизбывную свою силищу, разбиваясь о нос корабля, как о береговую скалу. Эта беспомощность стихии взъярила океан, и он послал навстречу упрямцу девятый вал.

Восторженный Званцев видел его приближение. Мраморная стена с прожилками и клокочущей пенной вершиной пыталась вскинуть кораблик на свои великанские плечи. Но не по витязю был меч, не по богатырю — утяжеленная штанга и, как в ярости гиревик, не одолев вес, бросает его на помост, так взорвался кипучей пеной девятый вал и обрушил ее водопадом на стойкий корабль, окатив с головы до ног Званцева крепко соленой на вкус водой. И плывущий на выставку в лучшем своем, светлом костюме советский инженер вмиг превратился в жалкого прохожего без зонтика, попавшего под мощный ливень. Очнувшись перед следующим ударом, он скрылся за дверью, и по еще не слишком мокрому ковру, устилавшему трап, стал спускаться к себе вниз, в каюту второго класса. Надо скорее переодеться в привычный, видавший виды коричневый костюм.

Горничная второго класса с непроницаемым лицом и белой наколкой на голове, достав из карманчика розового передника свой ключ, предупредительно открыла Саше дверь его каюты.

К ужину он вышел менее нарядным, но сухим и оживленно рассказывал спутникам, как океан достал его на самой вершине плавающей горы «Куин Мэри» и что выше вела только лесенка-трап с табличкой «Only…» Лиза Халютина перевела, что это загадочное слово означает «Только для офицеров».

— Надеюсь, они не в промокших кителях, — проворчал пострадавший путешественник.

Когда после ужина он вернулся в свою каюту, то, к удивлению и удовольствию своему, увидел висящим аккуратно на плечиках свой выходной, вычищенный и выглаженный светлый

костюм, приличествующий вечерним барам.

На далеком Урале Костя Куликов к величайшему своему удивлению получил впервые в жизни зафаничное письмо из, казалось, недоступной Америки, и не от кого-нибудь, а… от своего закадычного друга Саши Званцева. Даже оттуда он не прекратил их переписки:

«Дорогой мой Костя! Я начинаю серию писем к тебе о своем путешествии не только в чуждый нам мир, но и в «МИР БУДУЩЕГО», в их представлении.

Проплыли мимо прекрасной статуи Свободы, подаренной освободившемуся Новому Свету старой, доброй, полной революционного пыла и любви к прекрасному Францией. Но практичные американцы воздвигли ее на неприступном острове, соорудив в пьедестале тюрьму.

Я не удержался и сочинил эпиграмму:

Достоинств у Свободы тьма,
Да жаль, в ногах ее тюрьма.

Дорогой мой друже, пишу, как обещал, уже с другого берега, переплыв в шторм океан. И наша советская группа, и почтенные дамы и джентльмены в дорожных костюмах стояли у выходного трапа и ждали причаливания. Еще недавно они проносились мимо по палубе шагами скороходов, словно догоняя отходящий поезд. На мой вопрос дюжему матросу, говорившему по-немецки, куда торопятся эти почти бегущие пожилые дамы, он ответил, что фрау совершают утреннюю прогулку и что гулять надо быстро, а по делам идти медленно, чтобы «не уронить деловое достоинство», с иронией добавил немец и ухмыльнулся.

Дамы утром гуляли, а на горизонте, словно со дна поднимался сказочный осовремененный «Град Китеж», показывая над водой не колокольни со звонницами белых церквей, а деловые свои башни. Вслед за ними всплывали их жилые каменные собратья, теснясь на скалистом Манхэттене с узкими улицами, на деле вовсе не узкими, а лишь кажущимися такими из-за непомерно высоких сжимающих их зданий.

Но продолжим по порядку. Мы столпились у сходного трапа. Корабль, не смотря на свою величину, причалил вплотную к дебаркадеру, откуда по парадным сходням для прибывших пассажиров поднимались таможенные чиновники. Все в широкополых шляпах, похожих на ковбойские, но лишь с полями по-другому загнутыми.

Тяжело ступая по палубе, подошел наш «старшина» Николай Михайлович Казанцев, ростом и манерой говорить и даже именем

напоминая нашего Николая Зосимовича.

— Мне нужна дама! — объявил он.

— Какая? — игриво отозвались девушки. — И зачем?

— Ну, та самая, которая «сдавала в багаж диван, чемодан, саквояж, картину, корзину, картонку» и говорит по-английски. Проследить надо за нашим багажом.

Для скорости вместе с нами плыло оборудование выставочного павильона.

Николай Михайлович выбрал себе переводчицей Лизу Халютину, может быть, наиболее подходящую ему по комплекции.

— Не забудьте маленькую собачонку! — крикнул им вслед Вин Виныч.

Но полагавшаяся даме по Маршаку «маленькая собачонка», болтая в воздухе вместо лапок колесами, подхваченная могучим портовым краном, совершала воздушное путешествие, чтобы опуститься на американскую землю. Так прибыл в Америку наш павильонный ЗИС-101. Не раз послужит он нам для поездок в город из нью-йоркского пригорода Фляшинга, где отводилась территория для выставки.

Эту нашу «собачонку» мы увидели, выйдя на трехэтажную улицу. На втором этаже она пересекалась поперечной магистралью, а над нею проходила надземная железная дорога, которую, по контракту прошлого века, нельзя было тронуть. И паровые поезда, вопреки желанию горожан и здравому смыслу, по закону бизнеса задымляли городской воздух.

Среди многих «паркующихся», как здесь говорят, автомашин мы увидели наш ЗИС-101. Из-под него торчали чьи-то ноги.

— Никак задавил кого-то! — испугался было Вин Виныч.

— Да нет! — успокоил Николай Михайлович. — Просто американцы представить себе не могли, чтобы в нашей дикой стране, где «медведи по улицам ходят», такие автомобили делали. Вот и ощупывают его со всех сторон, устройством дифференциала и задних тормозных колодок интересуются. Потому и залез «Фома неверный» под советскую машину, желает руками все потрогать, — с усмешкой закончил наш староста.

Действительно, нам пришлось протолкаться через толпу любознательных нью-йоркцев, чтобы попасть в машину.

Николай Михайлович сел рядом с взявшимся за руль мистером Бронксом, работником Амторга, советского торгового представительства. Мы с Вин Винычем, Лизой Халютиной и двумя ее подругами втиснулись в салон. Остальных прибывших забрал присланный из Амторга автобус. Нас развезли по дешевым отелям, отнюдь не напоминавшим голливудские декорации из

американских картин. Не было шикарного вестибюля, и портье у доски с ключами сидел за жалкой конторкой. Предоставленный мне номер смахивал на одиночную камеру.

Огромная территория выставки походила на последний день Помпей, прокрученный всесильным Временем назад. Строения не рушились, а возводились, и земля между павильонами была покрыта не грудами пепла из Везувия, а строительным мусором. Но толпа словно очумелых людей была той же и состояла главным образом из временных рабочих, нанятых из числа безработных.

Таким же временным работником был и мистер Бронкс, взятый Амторгом на службу на время работы выставки за знание русского языка и за владение адресами всевозможных технических фирм. Располагались они в Даунтауне, то есть в нижнем городе, бывшем голландском поселке у порта Нью-Амстердам, с грязными улицами и переулками. Было здесь действительно все не так, как в чистом верхнем городе, с его «джентльменскими» просторными авеню, с геометрической точностью пересекающими их стритами под номерами, и единственным косо разрезающим и авеню, и стриты знаменитым Бродвеем, на котором теснились бесчисленные театрики, кинозалы и увеселительные заведения. Даунтаун был контрастом верхнему городу, где брошенные газеты подбирались армией негров, ходивших с заостренными палками. Попав сразу на бумажную фабрику, многостраничные фолианты превращались там в чистые листы.

Пригород Фляшинг, где создавалась выставка, в представлении человека, побывавшего в Нью-Йорке, не походил на американский город. На самом же деле, он был настоящим американским городком, тихим и патриархальным, без небоскребов, а состоящим только из одних стандартных коттеджей.

В одном из них мы и сняли вдвоем с Вениамином Вениаминовичем комнату. Добродушный хозяин, четверть века проживший здесь, так до конца и не постиг английский язык, упрямо называя Нью-Йорк Нев-Йорком, как он пишется. Зато нас с Вин Винычем он принял как родных. Причиной тому было наше русское приветствие всех словами:

— Добрый вечер.

— Чехи? — спросил кто-то, отвечая нам по-чешски: — Вечер добрый!

— Нет, русские.

Нам отвели комнатку на втором этаже, опрятную и удобную.

Утром за мной заехал мистер Бронкс на своей машине, держа

ее из экономии, чтобы не тратиться на городской транспорт, где строгий кондуктор направит на вас по-гангстерски пистолет, чтобы вы опустили в щель в его дуле никель.

По пути мы заехали в десятицентовый магазин Вудворта, пожалуй, одну из главных достопримечательностей города. Там по дешевке я купил себе шляпу, недолго имевшую шикарный вид. Моя московская кепка, как и заграничный паспорт, остались у нашего приветливого консула, московского инженера Николая Ивановича. Он разъяснил нам, что с документами здесь никто не ходит, а кепку носят или негры или бродяги. Надо купить себе шляпы и снимать их обязательно в лифте, если там есть дама.

Амторг размещался на одном из этажей двадцатиэтажного здания. В лифте белозубый негр лихо прокатил нас с ветерком, так что при подъеме подкашивались ноги, а при остановке мы словно повисали в воздухе, как межпланетные путешественники.

Мистер Бронкс провел меня в пустующий кабинет, предоставленный нам для переговоров с фирмами. Вооружившись толстой телефонной книгой, он приглашал на строго определенные часы представителей нескольких фирм, чтобы передать им заказы на газосветное освещение, на установку прибывшего багажом на «Куин Мери» оборудования, включая мои велосипедные цепи и редукторы с «мальтийским крестом». Заграничная наша работа закипела.

Глава вторая. БИЗНЕС

Не снимайте, как в лифте с дамой, шляпу.
Там с бизнесом легко и в лужу вляпать…

С передачей заказов дело шло. Представители фирм хватались за лакомые куски и тут же, немедленно, подписывали контракты с жесткими сроками. Но когда дело дошло до работ в павильоне, выяснилось, что для установки газосветного освещения прислали срочно нанятых по дешевке безработных, которые и понятия не имели, как к электрике подступиться.

Пришлось Званцеву с мистером Бронксом ехать в запутанные улочки Даунтауна. С немалым трудом отыскали они обшарпанный подъезд договорной фирмы. Их встретил суетливый клерк с усами и лысиной и провел к шефу, сидевшему за конторкой, водрузив на нее ноги. Не снятая, нарядная в прошлом шляпа от Вудворта, съехала набекрень, в руке он держал телефонную трубку.

При виде неожиданных посетителей он снял ноги со стола и буркнул в телефон: «О'кэй!», уставив на них близко посаженные около птичьего носа оловянные глаза. Мистер Бронкс изложил ему претензии, особенно напирая па приближающийся срок открытия выставки.

— О'кэй! — сказал шеф. — У нас пятнадцать миллионов безработных, получающих порой временную работу.

Долг босса, на которого они будут работать, обучить их. Я не могу посылать всюду одних Эдисонов. Рабочий не должен ничего придумывать. Он рычажок или зубчатка. Его надо поставить на место, ввести в зацепление и он заработает, как часы, которые не забыли завести. О'кэй. Я пришлю туда умелого парня, который заменит вас, не желающих дать исчерпывающие указания.

Бронкс перевел мое возмущение и ссылку на договор, по которому фирма обязывалась в срок установить освещение.

— Будут вам огоньки. Америка страна электричества. Наш Эдисон, к вашему сведению, изобрел лампочку накаливания, а не ваш Ладыгин.

Мистер Бронкс сказал несколько спокойных слов, после чего шеф фирмы преобразился и даже снял поношенную шляпу.

— Что вы ему сказали? — спросил Званцев.

— Я напомнил ему о неустойке и праве потребовать уплатить часть ее, в случае наших сомнений.

— О'кэй, джентльмены. Все будет о'кей! Вы славные парни, и с вами приятно иметь дело. Я сам приеду к вам. О'кэй?

— Имейте с собой аванс неустойки.

— О нет, сэр. До этого наш с вами бизнес пока не дошел.

Саша и Бронкс вернулись в павильон, захватив с собой, по просьбе фирмы, шефа, как его там отрекомендовали — Эдисона, дюжего парня с насмешливыми глазами.

В павильоне ожидал неприятный сюрприз.

— О, Алэк! — встретил Званцева похожий на боксера-тяжеловеса грузный бригадир рабочих, устанавливающих демонстрирующие механизмы. — О, прелестная леди, — остановил он проходившую мимо маленькую стендистку Зою. — Скажите Алэку, чтобы он не сердился'. Велосипедная цепь порвалась. Надо покупать другую, наши американские лучше. О'кей!

При этом он панибратски хлопнул Званцева по плечу.

— Как она порвалась? — спросил Саша, подходя к высокой раме, на которую натягивались цепи со щитами экспонатов.

Оказывается, рабочие подключили цепь к редуктору без пружинного звена, смягчающего рывок включения электромотора.

— Спросите его, Зоинька, они думают, когда работают?

— О, прелестная леди, скажите ему, что мы только рабочие. Думают шефы, боссы, инженеры, а мы только делаем, только завинчиваем, поднимаем, собираем, а не думаем. Нам надо растолковать и показать от и до. Скажите, что Алэк хороший парень, он похож на моего покойного сына. Пойдем выпьем кока-колу со старым Беном.

Пришлось заменять велосипедные цепи и приноравливаться к американскому стилю работы. Американский рабочий привык к отлаженным движениям у конвейера, и заданным движениям в любой работе, где инициатива исполнителя вредна, нарушает четко продуманную технологию.

Приближался день открытия выставки. В закрытом строительными лесами советском павильоне, напряженная жизнь билась, как в лихорадке. Бушевала «нормальная советская» штурмовщина.

С помощью сменяющихся стендисток Званцев работал без сна, вспоминая Белорецкий завод, оставшийся без воды из-за перемерзшей реки. И находясь в центре готовящейся выставки, не видел других, скрытых строительными лесами павильонов.

Но в день открытия мистер Бронкс торжественно явился за Званцевым, заявив, что не понимает такой неистовой работы и берет его с собой для знакомства с выставкой в день ее рождения.

Но вернемся к недописанному письму Званцева другу Косте.

«Дорогой мой Костя, я опишу тебе свои впечатления, как новичок, попавший в водоворот информации. Я собственными глазами увидел города грядущего. Выставка гудела, как улей, и походила на разрытый муравейник. Ее открытие превращалось в национальный праздник. Сотни тысяч гостей атаковали трещавшие при вращении турникеты. Все хотели знать грядущее, таящееся в десятках павильонов многих стран.

Я превратился в рядового посетителя и огляделся вокруг. Ярко раскрашенные здания самых неожиданных, непривычных форм. На их стенах в неестественных позах распластались непонятные фигуры. Каждое здание, каждый барельеф хотели быть невиданными. «Мир завтра», то, что окружает меня — образцы новой архитектуры… Смотрю и никак не могу почувствовать себя в будущем.

— О, сэр! Вы еще не видели самого главного — трилон и перисфера — шедевры архитектуры и строительной техники.

Мистер Бронкс ревниво следил за моими впечатлениями. Мы были уже близко к центральной площади выставки. Гигантский шар, вместивший бы в себя восьмиэтажный дом, висел в воздухе. Построить дом в виде шара, да еще заставить его лежать на фонтанных струях, маскирующих зеркальные колонны, это

действительно ново, здорово, хотя, может быть, и не очень практично. Если перисферу принять за гигантского Паташона, то трилон будет Патом. Ростом он двести метров, и выполнен в форме трехгранной иглы.

Мистер Бронкс остался доволен моим растерянным видом. Выразил он это тем, что любовно хлопнул меня по затылку и занялся извлечением огня из собственной подошвы.

— Мы отправляемся к будущему, — объявил он. Узенький эскалатор в трилоне повлек нас вверх.

— Закройте глаза и приготовьтесь. Мы поднялись на пятьдесят лет вперед, — выкрикивал мистер Бронкс. — Сейчас выйдем на палубу дирижабля.

Сойдя с лестницы, я почувствовал, что пол перисферы, где мы оказались, движется куда-то вбок. Мы облокотились на прочные перила и поехали вправо, вернее, «полетели» — ведь считалось, что мы на дирижабле. Вверху горели звезды. В небе — густом, черном — плыли неясные облака.

— Что такое? Ведь на улице был день!

— Это пятьдесят лет назад был день.

Я смотрел вниз. В километре под ногами я увидел рассыпанные огни, темны были синие воды реки. Слышалась музыка и поющий вдали голос, нежный, волнующий. Постепенно светало. Прозрачные облака стали отчетливее. Внизу под нами был город. Он лежал сектором круга между излучинами реки. Па другом берегу я различил огромный аэродром. На нем стояли самолеты каплевидной формы. У примыкавшего к аэродрому речного вокзала я заметил суда, как спины дельфинов. Центральная площадь города омывалась рекой. Над нею высился стандартный Импайр стейт билдинг этажей этак в сто. Прямо от него шла широчайшая Парк-авеню, разрезая город пополам. Остальные авеню шли радиусами от центра. Стриты ровными концентрическими дугами пересекали — их на другом уровне, не задерживая движение. В каждом квартале высилось только по одному модернизированному небоскребу. Пригородные шоссе и улицы были усеяны мельчайшими точками. Так выглядели с высоты автомобили.

Фантастический город удалялся от нас, утопая в наступающих сумерках. Снова высыпали в небе, словно настоящие, звезды. Мистер Бронкс тряхнул меня за плечо, Я вздрогнул. Движущаяся платформа завершила полный круг. Мы проехали всю перисферу. Надо было уходить, а не хотелось…

Мы спустились. У подножья перисферы я увидел изящные электрические тележки. Водители, склонясь к пассажирам, давали им пояснения. Тележки лавировали между пешеходами. Мне

понравились эти своеобразные такси.

— О! — воскликнул мистер Бронкс. — Сейчас мы это устроим для вас.

Он пронзительно свистнул и замахал рукой. Перед нами появилось уютное кресло на двух колесах. Сзади него стоял молодой человек в ослепительно белой униформе, при галстуке и в роговых очках.

— Садитесь, — пригласил меня мистер Бронкс, взгромождаясь в кресло. — Нам с вами не будет тесно.

Я опешил. У кресла не было мотора. Его толкал перед собой, как восточный рикша, элегантный молодой американец с высшим образованием. Он должен был занимать пассажиров приятным разговором, рассказами о павильонах, при этом будет касаться политики, последних мод, сенсационных скандалов и ограблений.

— О'кей! — одобрительно сказал толстяк с сигарой во рту, сидящий рядом с нарядной дамой, проехав в таком же кресле мимо нас.

— Позвольте! Это же рикши! — запротестовал я.

— В трудное время бакалавры нуждаются в любом заработке. — Садитесь, — повторно пригласил мистер Бронкс. — Мы объедем выставку и не устанем.

— А он? — кивнул я на рикшу в белой униформе и роговых очках, возможно, бакалавра или магистра.

— Так ведь он получает за это деньга, делает свой бизнес.

— Как китайский или японский рикша?

— О нет! Там вас везет не больше чем лошадь, а здесь вас обслуживает культурный человек. Вечером в баре он — джентльмен. И обслуживать будут его.

Рикша непонимающе слушал нас. Мистер Бронкс вылез на панель и, догнав меня, с укором сказал:

— Вы просто не дали человеку заработать.

Из-за непонятного Бронксу моего упрямства пришлось нам обходить празднично убранные павильоны пешком. Мистер Бронкс смирился и стал прежним приветливым и внимательным.

Мы оказались между двумя фиолетовыми зданиями. Из стен одного из них било несметное число фонтанов, по стене другого низвергался водопад из пенных закрученных струй. Мы шагнули внутрь сквозь водопад в приветливо приоткрытую дверь, не промокнув. И неожиданно оказались в темноте. Я едва разглядел плотную толпу людей и за ними беспорядочный узор огней. Приглядевшись, я разобрал, что это были светящиеся окна небоскребов. Значит, вот она, обещанная диорама Нью-Йорка! Мистер Бронкс шепнул мне, что она занимает целый блок (квартал), что здесь десятки тысяч светящихся окон. Голос в

репродукторе непрерывно объяснял, чем станет в ближайшее время Нью-Йорк, какие новые здания появятся в нем, какие новые линии сабвея заменят надоевшую всем надземку, которую нельзя было снять из-за действующего с прошлого века, как я писал, контракта.

Тем временем зажегся свет. Настал день, и я увидел город. Справа — Гудзон (Хэдсон-ривер, как его в действительности зовут нью-йоркцы). Он показался мне непропорционально узким.

Голос смолк, и я услышал скрип. В разрезе острова Манхэттен, в туннелях сабвея, двинулись маленькие поезда. Они проходили мимо нас, задерживались на станциях, — мрачных, сырых подземельях, — поднимались, опускались, исчезали. Контакты искрились и поскрипывали. Наконец, поезда остановились. На небоскребах стали отодвигаться стены, и мы увидели больницу, спортивный зал, школу… Свет на диораме погас. Сеанс закончился.

— Это будущее Нью-Йорка с высоты полета кондора. Но Нью-Йорк — старый город. Мы не можем его переделывать и перепланировать, как вы делаете с Москвой… Ведь дома его принадлежат частным лицам. Сейчас мы посмотрим город, какой нам хотелось бы иметь.

Мы очутились в фантастическом параболоидном здании.

— Человек прикован к месту, дом его неподвижен. Это скучно. Имея прекрасные автосредства, можно перевозить свои дома.

Мистер Бронкс показал мне, как осуществятся эти цыганские традиции в американском будущем. Коттеджи не желающих скучать хозяев утром развозятся по облюбованным местам на берег речки или в лес (с оплатой за однодневное пользование специальному землевладельческому концерну). Ночью же утомленные дневными прогулками, американцы «завтрашнего дня» садятся в удобные кресла около электрического камина и едут вместе со своими столовыми, кабинетами и спальнями в ночлежное место, где их домики укладываются поленницей, образуя неизменные этажи…

— А вот большой город будущего! В Нью-Йорке небоскребы отнимают много света. Улицы — узкие щели. Стоимость квартир тем дороже, чем выше этаж. Мы теперь решили строить небоскребы по-иному. Располагаем их далеко друг от друга. Смотрите.

Я убедился, что небоскребы отныне будут строиться в узловых точках квадратов. На них развивается город. При этом квадраты физически существовали в виде проходящих на разных уровнях эстакадных дорог для автомобилей. Эти дороги

пронизывали небоскребы насквозь.

— Там внутри, на специальных местах, кары могут парковаться, не задерживая движение.

— Места стоянки, — уточнил я.

— Временной. А для постоянной — к услугам автовладельцев подземные гаражи с автосервисом. Приезжайте к нам в старости. Выберите, где спокойнее и удобнее жить. Комфорт будет обеспечен, — и он обратил мое внимание, что внизу под эстакадами раскинулись парки с озерами и, конечно, с лебедями и другими птицами.

Я вышел из параболоида в полной уверенности, что американцы ни за что не откажутся от многоэтажности.

— Чтобы почувствовать будущее, чтобы прыгнуть дальше, надо отойти назад. Так? — и мистер Бронкс с присущей ему ловкостью схватил меня за плечо.

Ошарашенный, я увидел перед собой часы. Их стрелки с бешеной скоростью крутились в обратную сторону. Мы миновали ярко освещенный коридор и оказались во мраке. Тишина. Я огляделся. На меня уставился усатый полисмен, будто сбежавший с иллюстраций к рассказам Марка Твена. Я попятился и заметил, что вышел из театра. Значит, все, что я видел и как я жил — спектакль, поставленный умелым режиссером, а теперь… Я стоял на булыжной мостовой под вывеской, убеждавшей в нереальности прожитого и что я нахожусь в другом времени. В этом молча убеждал и покосившийся телеграфный столб, впрочем, не такой уж молчаливый. Провода на нем отчетливо гудели, навевая тоску по чему-то неизведанному, о чем знало чернеющее надо мной небо.

Мы оказались в старом-старом городе, о чем говорил вид редких прохожих в старомодных сюртуках, шляпах или цилиндрах, дамы в подпирающих грудь платьях, спускавшихся до земли.

Бронкс ткнул пальцем в афишу на крутящейся будочке. «1 сентября 1891 года», — прочел я дату представления «Отелло» мистера Вильяма Шекспира. Я почувствовал себя, как янки при дворе короля Артура. Откуда-то издалека донесся приглушенный лай. Прогромыхала телега, зацокали подковы. Пронзительно тоненько засвистел паровоз. Приближался поезд… Вот сейчас вынырнет откуда-нибудь первобытный паровозик «Джон Буль»… Я нескромно заглядывал в окна домов. Люди прошлого сидели среди старинной мебели и занимались давно минувшими делами… Хозяйка готовила пятьдесят лет назад съеденный обед… Ученик зубрил полвека назад всеми забытый урок. В витринах магазинов до смешного старомодные вещи, словно я

попал в мир антикваров. Из дверей ресторанчика выплывает стариннейший вальс. Конечно, перекочевавший из Европы Иоганн Штраус! Признаюсь, я был полон очарования ожившей старины.

Мистер Бронкс тянул меня за собой. Мы вошли в дверь какого-то офиса. За конторкой не сидел, а стоял человек в бакенбардах и очках в тонкой металлической оправе. Он сердито покосился на нас, и мы на цыпочках проскользнули мимо. Мне было страшно, что он вернет меня в прошлый век. Ладно уж, хоть перо у него было не куриное. Но обмакивал он его в чернильницу и написанное посыпал из песочницы. Я невольно пощупал недавно купленный «паркер», вечное перо, не нуждающееся в чернильницах, но пачкающее карман пиджака. Эта слабая ниточка еще связывала меня с, казалось, потерянным двадцатым веком. Словом: «Мама, я хочу домой!» Спасение — в узеньком коридоре. В правой стене — иллюминаторы. За бесконечно отражающимся стеклом надписи: «1900 год… 1905… 1934… 1939… 1940-й!..»

Впереди светлое пятно. Мы повернули за угол и оказались на другой улице — будущего. Меня захватили новые звуки. Шорох бесчисленных шин. Воздух стал тяжелее от выхлопных газов. Непрестанные гудки на все лады — то барабанный бой, то бодрый марш, то незнакомая какофония предупреждает об опасности. Асфальтовая улица зажата стеклянными стенами, за которыми видны знакомые, родные трилон и перисфера. Современный электрический свет. В перспективе небоскребы с несущимися во втором этаже улицы машинами. Из туннеля, представляющего собой перекресток улиц, выезжают великолепные машины завтрашнего выпуска — «крайслер», «плимут». Я ожидал увидеть всю широту американской рекламы, но… Все показалось мне бледным в полупустых витринах и мало отличалось от того же сегодняшнего Бродвея. Фантазия устроителей истощилась, хотя все взлеты выдумки должны были служить прежде всего сбыту продукции. Ради этого менялась мода на все, что покупается сегодня и будет предложено завтра. И витрины заполнялись вещами электрифицированного домашнего быта. Машины стирали белье, готовили обед из купленных полуфабрикатов, мыли посуду и прибирались в комнатах, воюя с городской пылью, проникающей с улиц в опрятные квартиры.

Разгадка была проста. Оказывается, павильон романтики прошлого с противопоставлением чудес электрифицированного быта принадлежал электротехнической компании, наводняющей квартиры американцев своей продукцией.

Ты устал, мой друже? Признаться, и я тоже. Продолжу путешествие в следующем письме».

Глава третья. БОГ РЕКЛАМЫ

Все павильоны — это храмы
Бога въедливой рекламы.

«Ну, друг мой терпеливый. Надеюсь, ты отдохнул от моего предыдущего письма. Пойдем с тобой шагать по «Миру завтра».

После архитектурных потрясений, подготовленных посетителям выставки, мы с Бронксом обошли несколько павильонов. Большинство из них варьировало магазинные витрины, выставляя напоказ сегодняшнюю продукцию, которую завтра надо сбыть, в этом и было их представление о «Мире завтра», посмотреть который потоком шла толпа американцев и иностранцев, ради этого приехавших в Америку.

Чтобы посетитель не заскучал, павильоны-витрины перемежались технической эстрадой. Так, «Дженерал электрик», чтобы пробудить в посетителях уважение к электричеству и желание электрифицировать свой быт, в специальном павильоне высокого напряжения, когда мы с Бронксом зашли туда, показывала впечатляющие электрические разряды, воспроизведенные перед вами молнии. Сверкающие ослепительные дуги проскакивали в нескольких шагах от вас, вызывая испуганный визг чувствительных леди и одобрительное кряканье джентльменов. Мы и другие посетители вдыхали озонированный воздух.

— А это не вредно — дышать таким воздухом? — беспокоилась пожилая дама в обтягивающих ее телеса мужских брюках.

— Не вреднее посещения туалета общего пользования с озонатором, — успокаивал ее усатый спутник в чесучовом легком костюме.

— Не правда ли, эффектно? — осведомился у меня мистер Бронкс.

— Молния всегда впечатляет. Особенно на природе. Но незабываемое воспоминание у моей первой жены Татьяны оставила шаровая молния, влетевшая в открытое окно и, увлекаемая сквозняком, проплывшая мимо нее на расстоянии вытянутой руки, а затем проникшая через открытые двери на кухню и на птичий двор, где и взорвалась, изжарив несколько кур и одну индейку.

— О, это достойно широкой информации, Алэк. Мы так мало знаем о шаровой молнии. Вашей миссис Татьяне можно позавидовать.

— Мне не кажется, что она так думала, ощипывая

изжаренных природным электричеством кур.

— Если бы в «Дженерал электрик» знали бы такую технологию, они непременно включили б в свою программу электрических чудес такой номер, угощая посетителей подобным кушаньем за умеренную плату.

Не владея шаровой молнией, электрики фирмы показывали другое чудо — преодоление земного тяготения. Джентльмен в рабочей униформе вышел на эстраду к малозаметному прибору и включил его, создав над ним переменное магнитное поле большой частоты. С видом завзятого иллюзиониста он сходил за кулисы и вынес большую алюминиевую чашу. Показал публике, что она пуста. Положил ее на плоский прибор и опять включил его. Алюминиевая чаша приподнялась, как на воздушной подушке, хотя работы какой-либо струи не было слышно. Для большей убедительности демонстратор провел под зависшей тарелкой бумажной лентой, держа ее за один конец. Она не трепетала. Никакого воздушного потока не было, а чаша чудом висела в воздухе. Джентльмен в униформе взял бутылку с кока-колой, купив ее у вошедшего с улицы продавца с лотком. Чаша с кока-колой колебалась, когда в нее лилась жидкость, но не опускалась. Продолжала она висеть и когда приняла все содержимое бутылки. Демонстратор артистическим жестом снял чашу с невидимой опоры и выпил, к восторгу зрителей, ее содержимое, снова поставил на невидимый стол чашу и выключил прибор. Чаша со звоном ударилась о площадку верха прибора. Публика рукоплескала. Думаю, что люди не удивились бы, поднимись сам демонстратор в воздух, но он, ловко жонглируя алюминиевой чашей, удалился с эстрады. Сеанс был закончен.

Однако убеждение посетителей во всесильности электричества не закончилось. В другом зале их ожидала встреча с роботом.

На сцене рядом с толстым и лысым джентльменом стояло порождение фантазии, совместившей в огромном металлическом чудище воспоминание о древнем рыцаре в полном облачении и смутные представления о будущем звуковой аппаратуры.

Когда зал наполнился, толстяк в сером объявил:

— Леди и джентльмены, перед вами прообраз работника будущего, лишенного неприятных боссам черт, но способного выполнять команды и даже вести примитивную беседу на английском языке. Большего, как вы понимаете, от машины и не требуется. Итак, мистер Робот, прошу вас приветствовать публику поднятием правой руки.

Стальное чудовище угрожающе подняло руку, как бы занося

ее для удара. Я предпочел бы не находиться рядом.

— Робот абсолютно безопасен, — как бы угадав мое ощущение, успокаивал толстяк. — Теперь, просим вас, мистер Робот, сделать тур вальса, чтобы показать вашу способность к передвижению и присущую вам грацию.

Робот, потоптавшись на месте, стал передвигаться по кругу, одновременно вращаясь. Железными лапами он обнимал толстого партнера, не отпустив его раньше, чем закончил свои танцевальные па.

— А теперь побеседуем с нашим искусственным интеллектом. Вы говорите по-английски, мистер Робот?

— Щур, — проскрежетала машина, что означало «конечно».

— Продемонстрируйте нам это, пожалуйста, — и, обращаясь к публике, оператор робота пояснил: — Инженерам и ученым нашей фирмы удалось установить, что английская речь состоит из двадцати восьми звуков. Робот произнес их вам своим, а не записанным человеческим голосом. Прошу вас, мистер Робот.

По знаку толстяка сидевшая поодаль хорошенькая девушка стала нажимать клавиши на пульте. В роботе что-то заклокотало, и он стал шипеть, свистеть, мычать, стонать, кряхтеть и, наконец, лаять, то есть воспроизводить элементарные звуки, составляющие мелодичный английский язык.

— Я попрошу вас теперь, сэр, произнести лишь одну фразу, но с разным выражением внутренних чувств человека, вами усвоенных. Итак, мы хотим трижды услышать от вас фразу: «Она ждет меня».

Зал замер. Мистер Бронкс толкнул меня в бок и подмигнул.

— Она ждет меня, — прозвучало в зале с таким холодным равнодушием, на которое способна была лишь бесчувственная машина.

— Каково? — прошептал мистер Бронкс. — Сказано не хуже католического пастора, обреченного на безбрачие. Впрочем, такое страшилище вряд ли подыщет невесту, конечно, если фирма не раскошелится.

Толстяк на сцене по-дирижерски взмахнул рукой.

— Она ждет меня, — с тревогой в задрожавшем голосе произнесло человекообразное изделие электрофирмы. Мистер Бронкс молча развел руками.

— Она ждет меня!!! — это был крик измученной души, страстно жаждущий любовного свиданья.

— Боюсь, что ни одна голливудская звезда не устоит, несмотря на внешний вид столь темпераментного обожателя, — заключил мистер Бронкс, потирая руки. — Нам надо спешить, Алэк, мы можем опоздать.

Куда? — едва успел выговорить я. Мистер Бронкс вытащил меня из павильона, не дав дослушать чувственных откровений железной машины.

Мы вскочили в проезжавший пустой электрокар.

Он быстро домчал нас до плотной толпы людей, над которыми поднималась буровая вышка.

Вместо бура над прорытой скважиной висел длинный, как я потом узнал, танталовый цилиндр. Внизу для всеобщего обозрения на пьедестале стояла его точная копия, разрезанная пополам. Американская любовь к многоэтажное™ сказалась и в «БОМБЕ ВРЕМЕНИ», которая пять тысяч лет пролежит в скважине под землей, чтобы донести до людей далекого будущего подлинные предметы далекой им современности, знакомя с предметами быта, книгами, фотографиями и кинокартинами. По существу, этот танталовый цилиндр был в сжатом виде многосторонней рекламой вещей, которых уже нельзя купить, но над которыми можно размышлять, перебирая электрифицированную утварь, которую рекламируют сегодня, оружие армейское и частное, каким в изобилии владеют делающие погоду гангстеры, и кончая модными теперь подтяжками деловых людей, снимающих на работе пиджаки. И венчало это скопище археологических находок будущего послание одного из виднейших ученных XX века Альберта Эйнштейна, перевернувшего обычные представления людей своей гениальной, многими не понятой, теорией относительности.

Заканчивались последние приготовления к спуску. К холму с вынутой из скважины породы подъехали два экскаватора, чтобы завалить скважину на тысячелетия. Около них собрались музыканты военного духового оркестра, а на переносную трибуну над ними поднялся седой человек без шляпы, что-то держащий в руке.

Мистер Бронкс, рассчитавшись с водителем электрокара, не толкнул меня, как обычно, а торжественно положил мне руку на плечо:

— Альберт Эйнштейн, — благоговейно прошептал он. Так, дорогой мой Костя, состоялась моя встреча с великим ученым. Я его видел, а он меня нет!

А так много вопросов хотелось бы ему задать, рассказать ему, что его оппоненты, приводя случай с улетевшим и по-прежнему молодым двойником, будут биты, если ввести под корень в формулу Лоренца соотношение масс улетающего и остающегося двойников. Тогда космонавт и его брат на Земле не смогут поменяться местами и все возражения против Эйнштейна разлетятся в прах. Но увы, охранники выставки, никого не

подпускали близко к великому ученому. А ведь он поблагодарил бы меня за мой вклад, делающий его теорию неуязвимой. Увы, мне остается одна возможность — высказать свои мысли в фантастическом романе….

Эйнштейн положил предмет, который нес в руке, на пол трибуны, вернее, прислонил его к стенке кафедры, вынул из кармана листок бумаги и слегка надтреснутым голосом пожилого человека стал читать на двух языках, по-английски и по-немецки, свое «послание потомкам», поэтому я кое-что понял и попробую пересказать его речь. Ученый обратился к будущим обитателям Земли, в которых течет кровь не вполне разумных предков. С их образом жизни, заметил он, познакомит потомков «Бомба времени».

— Заклинаю вас, — говорил он, — подавить в себе инстинкты хищников. Мы существуем, убивая, как правило, выращенных для этого животных, но с той же легкостью лишаем жизни и себе подобных ради своей выгоды. Выгода как цель жизни — величайшее зло. Я не знаю, будут ли у вас религии, но философские учения Добра должны жить и учить. Не допускайте, как в наше время, чтобы достижения науки служили бесчеловечным преступным целям. Не ведите войн, и да будет вам мир и счастье наградой.

Эйнштейн аккуратно сложил листок послания и положил в карман, потом наклонился и вынул из футляра скрипку, взмахнул смычком и заиграл «Гимн радости» Бетховена из его Девятой симфонии. Оркестр подхватил его. «Бомба времени» спускалась в скважину.

Признаться, друже Костя, слезы выступили у меня на глазах, что очень удивило мистера Бронкса.

Мы шли пешком по направлению к советскому павильону. Проходили мимо павильона «Форда».

— Хотите, расскажу, как старик Форд вышел из кризиса? — спросил Бронкс и продолжил свой рассказ. — Когда спрос на автомобили упал, он закрыл все свои заводы, но не уволил ни одного рабочего, предложив им каждый день выходить на работу и получать в конторе по два доллара. Больше года рабочие ничего не делали и получали свою пенсию. Однажды к Форду пришла их делегация с просьбой хоть чем-нибудь загрузить бездельников, теряющих рабочее достоинство. Старик пошел им навстречу и поставил к конвейеру собирать новый, втихую разработанный и оснащенный для производства не только лучший автомобиль, но и самый дешевый легковой «форд», потому что, загрузив своих пенсионеров работой, пенсии им Форд не прибавил.

Мимо нас проехал великолепный царь автомашин — новый

дешевый общедоступный «форд».

Перед советским павильоном мы наскоро заглянули к соседям во французский и английский павильоны.

Признаться, я был несколько смущен, стоя перед портретами классиков французской литературы и увидев в их числе Ивана Сергеевича Тургенева.

Англичане целую стену отвели гербам своих лордов, очевидно, считая, что в «Мире завтра» они будут играть ту же роль, как и вчера. Приглядевшись к изощренной геральдике прошлых веков, я заинтересовался черным щитом с белым человеческим черепом над скрещенными костями. Захотелось узнать, какой знатной фамилии принадлежат эти устрашающие символы. Удивлению моему не было границ, оказывается, это герб Исаака Ньютона, величайшего ученого не только Англии. И невольно вспомнились студенческие годы и блистательная лекция профессора Василия Ивановича Шумилова по исчислению бесконечно малых, когда он привел переписку между Ньютоном и другим корифеем науки, Лейбницем, оспаривавшими друг у друга открытие дифференциального и интегрального исчислений, задолго до них примененных в юридической практике Великим математиком Франции Пьером ферма. Но о нем во французском павильоне не вспомнили, хотя в «Мире завтра» великая теорема Ферма, по мнению маститых математиков, вряд ли будет доказана.

Полные впечатлений от обозрения Всемирной рекламы вещей, сегодня сделанных, но еще не проданных, мы подошли к центральному пилону подковообразного мраморного здания советского павильона. Широкая мраморная лестница вела к дворцовым входным дверям, откуда вышла группа посетителей, остановясь около пилона. Красномраморный, он уходил высоко вверх, где стальная фигура рабочего, выполненная скульптором Андреевым, подняла в вытянутой руке красную звезду, сверкавшую в лучах заходящего солнца.

— На сколько футов они подняли свою куклу? — спросил элегантный джентльмен, жующий конец потухшей сигары.

— Я не знаю точно, насколько, — ответил ему худощавый человек с остренькой бородкой, чуть наклонившийся как бы в стремлении вперед, — но достаточно, чтобы их звезда была выше всех флагов выставки.

— Это возмутительно! — выплюнул недожеванную сигару элегантный джентльмен. — Мало того, что им дали здесь место для пропаганды, они еще позорят наши флаги, поставив выше свою звезду.

— Согласитесь, сэр, что у них были на то основания. В других

павильонах нам показывали, что у них сегодня продано и что непременно надо продать завтра, ибо деньги диктуют все. Хотите ли вы учиться, лечиться или даже умереть — за все надо платить, а мы только что убедились, что у обладателей слишком высоко поднятой звезды в их стране почти бесплатное жилье и полностью бесплатное лечение и образование. Более того, среднее образование даже обязательно для всех. Согласитесь, если б в вашей благословенной стране наступило такое завтра, оно было бы счастливым будущим.

— О, мистер Рерих, вы великий художник и ученый, но вы вслепую превозносите свою родину, закрывая глаза на творимые там зверства.

— Если не ошибаюсь, вы католик, сэр. И не отказались от христианства из-за испанской инквизиции или охоты на ведьм, или костров, на которых заживо сжигали католики Жанну д'Арк и Джордано Бруно под флагом христианства, во имя спасения их душ. История все поставит на свои места, но осуществленную мечту о «завтра» мы только что видели в этом павильоне, под этой звездой. Если вам не нравится ее высота, то ваш пилон выше. Поднимите там американский флаг на много футов выше рабочего со звездой.

Мистер Бронкс сразу понял, насколько интересен мне этот разговор и тихо переводил фразу за фразой.

Поверь мне, Костя. Я мысленно застенографировал диалог и воспроизвожу его почти так, как говорилось.

— Вы — русский, мистер Рерих, — сказал американец, доставая новую сигару, откусывая ее кончик и сплевывая его на мраморный пол. — А все русские — шахматисты. Так вот, легче дать мат вражескому королю на середине доски одной фигурой, чем внедрить завтра в Америке показанную нам утопию.

— Неудачный пример, сэр. Я много путешествовал по Гималаям в поисках Шамбалы. На одной из встреч странник-мудрец показал мне, как единственный слон матует в середине доски окруженного своими фигурами черного короля. Так что не зарекайтесь от такого завтрашнего дня Америки, где лечиться, учиться и жить в домах будут бесплатно.

Американец выпустил клуб дыма. Их прервал цокот копыт. Я оглянулся и увидел седого человека в открытой коляске, сопровождаемого конным эскортом.

— Мистер президент! — воскликнул американец, шарахаясь в сторону.

— Рузвельт! — тихо подтвердил мистер Бронск, увлекая меня вверх по лестнице.

Коляска остановилась, и Рузвельт рассматривал вознесенную

пилоном статую рабочего со звездой в руке. Через минуту по знаку президента коляска тронулась, и цокот копыт сопровождения замер вдали.

Рузвельт не вошел в павильон, но словно на смену ему к лестнице плавно подкатил открытый «роллс-ройс» с почтенным военным в парадном мундире с позолотой.

— Клянусь, это английский король Георг VI, — взволнованно произнес мистер Бронкс. — Кто же еще может так разъезжать по выставке в «роллс-ройсе».

Английский монарх, как и Рузвельт, ограничился внешним осмотром павильона и уехал.

— Столько встреч за один день! И все как зритель! — обескуражено сказал я, и увидел спускающегося Рериха.

Решение пришло ко мне мгновенно. Я догнал Рериха со словами:

— Извините Николай Константинович! Позвольте пожать вам руку от имени СССР, где гордятся вами. Я передам вашу оценку нашей экспозиции.

— Правда — она всегда правда. Рад видеть соотечественника, рад, что у вас работают рудовозы, но как вы его модель катаете без проводов и контактов? И в этом у вас волшебная сила, как и в объединении народов царской России.

— Какая это волшебная сила! Просто бегущее магнитное поле.

— Ну, друг мой, это для меня вроде чернокнижия.

— А мат одним слоном на середине доски — не чернокнижие?

— Шахматист?

— Шахматный композитор.

— Вот и составьте такой этюд. Я же видел.

— Я посвящу его вам.

Из павильона доносился могучий и в то же время мягкий, чарующий бас Поля Робсона:

Полюшко-поле,
Ой да ты широко поле!
Ехали по полю ге-ро-о-и…
Красной Армии ге-ро-и…

Он пел по-русски без акцента, но с особым робсоновским выражением, и слова обретали зрительный образ широкого простора — и вереницы всадников со знаменем впереди.

Джим, как просил называть себя мистер Бронкс, заторопил меня:

— Пойдемте, Алэк, к фонтанам. Оттуда лучше будет видно фейерверк по случаю отправки «бомбы времени», открытия выставки и близкого конца работы бедолаги Джима Бронкса…

Подсвеченные фонтаны били по обе стороны длинного водоема. Откуда-то, будто из струй, раздавалась прекрасная классическая музыка.

Орудийный залп на миг заглушил ее. Вверх взвились огнехвостые кометы и рассыпались в небе причудливыми фигурами огней, рисующих на черном фоне то разлетающиеся созвездия, то вращающиеся колеса, то спирали приблизившихся галактик. Каждый взлет отражался на нашей звезде в руке рабочего. Она словно вспыхивала мягким сиянием над павильоном завтрашнего дня.

Выставка заработала, наш павильон закончен, и моя работа пришла к концу, пора возвращаться.

На этом пока кончаю письмо. Боюсь, что следующее будет уже не из Америки. Жму дружескую лапу. Твой старче Саша».

Глава четвертая. ПАРИЖ, ПАРИЖ! ДУША МОЯ!

Там камень мостовой — виток истории.
Чего в ней больше? Радости ли, горя ли?

«Ну, милый Костя, хранитель дум моих, подшей письмо. Все вместе — повесть.

Я вместе с главным художником выставки, за которого пока оставался мой Вин Виныч, стоял на палубе французского теплохода «Иль-де-Франс». Он доставит нас в Шербур, оттуда скоростным поездом в Париж. На две недели в счет отпуска!

И вот причал, переполненный провожающими лайнер. Среди обращенных к нам лиц, рядом с милыми нашими, я увидел печальное лицо моего постоянного спутника Джима Бронкса. Он махал мне рукой. Кто знает, увидимся ли мы с ним когда-нибудь?

— Прощай Джим! Прощай Америка!..

Скоростной поезд вихрем в 120 километров в час доставил нас с главным художником нью-йоркской выставки из Шербура в Париж.

На перроне в Шербуре нас провожали две солидные американки.

В пустующей гостиной «Иль-де-Франса» я играл художнику на рояле и услышал неожиданные хлопки. Еще раз Шопен оказал услугу, на этот раз всей нашей стране. Узнав, что мы из СССР, и

не в красных рубахах, без топоров за поясом, дочь миллиардера и ее компаньонка, знавшая европейские языки, поразились, сказав, что пересмотрят свое отношение к России, и, отправляясь сами на юг Франции, нас провожали.

Устроившись в парижском недорогом отеле, в номере с непременной уютной двуспальной кроватью на случай, что одинокий постоялец не будет одиноким, мы отправились на улицы прославленного Парижа. Глядя вокруг, вспоминали кардинала Ришелье, его преемника коварного правителя Франции кардинала Мазариии, Екатерину Медичи, Варфоломеевскую ночь… А на Триумфальной арке Елисейских полей любовались скульптурной группой «Марсельеза»… Потом вакханалия гильотин, победные марши гениального «маленького капрала», ставшего императором Наполеоном, при чьем имени дрожали европейские монархи. А затем здесь сновали русские казаки, заглядывали в ресторанчики и требовали еду: «Быстро! Быстро!». И в угоду им появились закусочные под русским словом на французский лад. Ударение на последнем слоге — «бистро!»

Если мостовые улиц остались свидетелями ярких вех французской истории, то дома тех времен исчезли в пору особого расцвета Франции, когда талант зодчих превратил его в город ансамблей. Первенство среди них отдано павильонам Трокадеро с их визави — Эйфелевой башней. Она стала символом Парижа, а ведь против ее сооружения выступала вся парижская элита во главе с самим Ги де Мопассаном.

Когда же знаменитого писателя застали обедающим в ресторане Эйфелевой башни, он ответил:

— Но здесь единственное место, господа, откуда не видно это дерзкое сооружение.

Подъемом на Эйфелеву башню мы завершали внешний осмотр Парижа с воспоминанием его истории.

Ощущение в открытой клети подъемника, ползущего по наклонному пути, похожему на скиповый у доменной печи, и в сравнение не шло с испытанным нами в Нью-Йорке взлетом в закрытой кабине скоростного лифта, когда, ничего не увидев, ты уже на 102-м этаже Импайр стейт билдинга.

Невольно чуть пугаясь нарастающей высоты, подобно аэронавтам в корзине воздушного шара, мы медленно поднимались, любуясь открывающимся простором чудесного города.

Теперь предстояло заглянуть в его сокровищницы — замечательные музеи с шедеврами искусства.

— Не будем, Александр Петрович, начинать с классики, — настаивал художник. — Она нам все-таки знакома по

репродукциям. А теперешние художники могут поднести сюрпризы в музее современного искусства. Надо быть в курсе.

Я не возражал. Все равно без Лувра не обойтись. И мы отправились к модным искателям изобразительных новшеств.

Художник то и дело ахал и охал, а я, Костя, с сожалением смотрел на желающих идти в ногу со временем посетителей, млеющих перед картиной, где коровы летали по воздуху, увиденные там художником-модернистом Марком Шагалом, или перед великолепными полотнами Пабло Пикассо, которые, по его же собственному признанию, он старательно портил, чтобы сделать современным — «Сначала рисую, потом порчу». Это его слова. А его «испорченные полотна» шли по баснословной цене. И я сказал:

— Мне кажется, что здесь первенствует не отражение жизни, а самовыражение художника, который так видит, порой смотря в кривое зеркало. И прославлен ныне богачами за то, что до него так никто не делал. Словом, все это так же современно, как и временно. Будет забыто, ибо не может затронуть чувства человека.

— Много на себя берете, Александр Петрович. До спора с вами не унижусь. Профессионализм не позволяет. Так говорить о Шагале и Пикассо близко к хулиганству.

Так мы едва не поссорились с художником. Я заверил его, что не брошусь с кинжалом на картину.

Лувр примирил и потряс обоих.

Мы слова вымолвить не могли, попав в малый зал с черными бархатными стенами. На их фоне единственная в нем статуя Венеры Мелосской, с чуть выщербленным тысячелетиями беломраморным телом, превращала зрителей в готовых поклоняться ей язычников.

В другом зале среди множества картин небольшое полотно «Джоконды», неразгаданного Великана искусства и науки Леонардо да Винчи, выделялось как бриллиант среди жемчуга. Казалось бы давно знакомая по несчетным копиям, улыбка приковывала, заставляла гадать, какой неведомый мир чувств кроется за ней.

Бородач со светлыми волосами до плеч сидел за мольбертом, завершая копию «Моны Лизы». Краски были свежими и яркими по сравнению с потускневшими на оригинале, заставлявшем сердце сжаться от непреодолимого желания что-то разгадать. И это чувство, мой Костя, волшебно сокрытое, я унес с собой из Лувра…

Художник подавленно молчал.

Настали наши последние дни в Париже. Не осталось времени писать. Напишу тебе из Москвы.

А пока обнимаю тебя и жму лапу. Твой Старче».

Глава пятая. ПЕРЕД ГРОЗОЙ

За строем строй солдатской силы.
Шагают в ногу все… в могилу.

14 июля 1939 года Званцев с художником были еще в Париже, отмечавшем 150-тилетие Великой французской революции военным парадом.

Накануне гости Парижа, гуляя по бульварам, заметили бойкую торговлю забавной игрушкой, бумажным перископом с двумя зеркальцами.

— Это смотреть из укрытия при игре в прятки, — решил художник.

Когда утром, в День взятия Бастилии, они пришли на Елисейские поля, где войскам предстояло пройти от Триумфальных ворот по главной аллее к площади Согласия, то бульвары по обе ее стороны были заполнены народом в несколько плотных рядов. Пробиться сквозь них не было никакой возможности. И бумажные перископы показали свое назначение: в задних рядах они поднимались выше голов впереди стоящих, и через зеркальца центральная аллея была отлично видна. Но у наших путешественников такой столь нужной здесь игрушки не было.

Верхом на коне по аллее вверх проехал генерал де Голль. Всадник, видный всем, возвышался над глазеющей толпой. Саша видел даже, как он спешился, оказавшись завидного роста, а генеральское кепи с высокой тульей делало его еще выше. Званцев сумел это разглядеть, потому что миниатюрная парижаночка с миловидным личиком порылась в сумке и достала зеркальце и, что-то щебеча, передала его Саше, жестом показав, чтобы он в вытянутой руке поднял его над головой.

По аллее двинулись солдаты. Первыми шли сенегальцы с черными свирепыми лицами, потом красавчики-французы в парадных мундирах, сверкающих на солнце позументами.

Маленькая парижаночка теребила Сашу, но она не требовала зеркальца в серебряной оправе обратно, а по-детски тянулась, просясь «на ручки». Саша счел это арендной платой за «дамский перископ» и, вспомнив горьковскую фею, что в Дунае купалась, схватил парижскую хорошенькую фею и посадил ее себе на плечо. Девушка взвизгнула и радостно засмеялась. Саша, сам не зная почему, стал пробираться вперед. К его удивлению, прежде зло

сомкнутые ряды расступились перед очаровательной всадницей на двуногом коне. Лишь оказавшись в первом ряду, она позволила опустить ее на землю, упиваясь зрелищем марширующих солдат. И только когда за ними двинулись грохочущие танки и тягачи, тащившие артиллерию, у феи интерес пропал, и она стала о чем-то просить Сашу, проводя пальчиком по губам. Саша понял: просит обратно зеркало, оставшееся у художника. Ей надо намазать губы, да и серебряная оправа ей дорога.

Художник не двигался с места и вскоре был найден. Он облегченно вздохнул и отдал хозяйке зеркальце:

— Ну, слава Богу, я уж думал, вы попали в историю. Удивляюсь, Александр Петрович, вашему поведению. Это уже не поношение признанных гениев искусства, я уж не знаю, как это назвать. Советскому человеку разгуливать под седлом у местной амазонки — это же черт знает что такое!

Француженка поняла, что ее партнера ругают, и со словами:

— Бьен! Бьен! — погладила Сашу крохотной ладошкой по щеке.

Потом, послав новым знакомым по воздушному поцелую, скрылась в расходящейся толпе.

— Я думал, она поведет нас в бордель, — мрачно процедил художник.

— Вернуть обратно мадемуазель? — съехидничал Саша.

— Вы окончательно сошли с ума, Александр Петрович. Разве мы можем себе это позволить?

Они уже ничего не могли себе позволить. Их время и валютные ресурсы кончились. И напрасно шикарно одетые, несмотря на летний день, в меховое манто привлекательные дамы распахивали перед ними свое одеяние, за которым, кроме их манящего тела, ничего не было.

Билеты в прямой вагон «Москва — Париж» были давно куплены. Осталось только попрощаться с очаровавшим их за две недели городом, с бурной его историей — от древнеримской крепости Лютеции до современного центра культуры и законодателя моды.

Как велика его притягательная сила, Званцев узнает много лет спустя в писательском ресторане от радиоастронома с мировым именем, профессора, члена-корреспондента Академии наук СССР и члена Лондонского королевского общества Иосифа Самойловича Шкловского. Он рассказал о трех ночах, проведенных им под мостом в Париже вместе с бродягами и бездомными, так как имел денег лишь на три завтрака и трехдневную визу для осмотра Парижа. У профессора сложились

хорошие отношения с коренным подмостным населением из бродяг и обиженных жизнью. И те отправились провожать его на вокзал Сен-Лазар, всполошив местную полицию. По сравнению с ним наши участники нью-йоркской выставки с двухнедельным отпуском в Париже были куда счастливее и, задолго до профессора Шкловского, попрощавшегося с бродягами, вошли в прямой вагон «Москва — Париж» и завалились в купе спать.

Тележки вагона европейской колеи утром сменят в Бресте на наши ширококолейные. Тогда их и потревожат советские пограничники.

Но их потревожили раньше.

Дверь с шумом открылась. Три офицера в черной форме со свастикой на рукаве бесцеремонно ввалились в купе. Сердце у Званцева сжалось — эсэсовцы!

— Паспортный режим, господа! Предъявить документы! Schneller (Живее!) — раздалось по-немецки.

Саша достал свою «красную паспортину», хранившуюся у заботливого консула в Нью-Йорке, пока его владелец был там.

Офицер-эсэсовец взглянул на корочки протянутого документа и вернул его, не раскрывая:

— О! Русские! Добрый путь, дорогие товарищи. Я дам извещение по пути следования, чтобы вас не беспокоили. Осматривать ваш багаж не будем.

Саша и художник ничего не понимали.

Они не знали, что Молотов уже в Берлине.

Вскоре началась Вторая мировая война.

Для Званцева это были тяжелые времена. Роман рухнул. Надо писать заново. Без причины он был уволен из «Оргаметалла». Иосифьян словно забыл друга. Ни разу не появился, не поддержал. Ураган репрессий унес всех тех, кто поддерживал когда-то их. Не стало ни Тухачевского, ни Орджоникидзе, ни Павлуновского, даже Точинского. Когда за Орджоникидзе приехали, чтобы арестовать его, он, возмущенный, позвонил своему другу по партии Сосо. Сталин издевательски ответил ему:

— А ты гони их в шею. Ты ведь Серго, — и повесил трубку, словно Орджоникидзе мог это сделать.

Серго понял все. Пред ним встал Сосо, экспроприатор Тифлисского банка, холодно уничтоживший парней охраны… Вот и теперь Сосо уничтожает всех, кто может помешать ему взять всю власть. И старый революционер на глазах у стоявших в дверях чекистов застрелился.

А туг еще Израиль Соломонович Шапиро, Сашин псевдосоавтор по сценарию «Аренида», пришел без него к Инне Александровне и предложил ей выйти за него замуж, разведясь со

Званцевым. Он на днях будет арестован. Шапиро это доподлинно известно (должно быть, сам донос написал, чтобы одному остаться автором фильма). «И надо спешить с разводом до ареста, а то теперь жен тоже забирают». Инна с негодованием выгнала его, рассказала со слезами Саше и предложила немедленно выехать им с трехлетним сынишкой Олегом на юг. Тем более что получено письмо от Татьяны Николаевны. Она писала Шурику, что их дочь Нина за блестящие успехи в пятом классе награждена бесплатной путевкой в детский санаторий в Геленджике. И было бы неплохо встретиться дочери с отцом.

Званцевы в тот же вечер выехали в Новороссийск.

В Новороссийске супруги расстались. Инна с мальчиком направилась по побережью до Ермоловского, а Саша — в близкий Геленджик, стоявший на берегу бухты. В конце аллеи со стройными, стремящимися в синее небо кипарисами, Званцев ждал вызванную воспитательницу. Он размышлял о своей судьбе, об Иосифьяне. «Его можно понять, — оправдывал он приятеля. — Я окружен семьей врага народа. И не эта ли причина увольнения из «Оргаметалла»?»

Вокруг росли магнолии и роскошные олеандры. Словно взятой из архива сводкой, времен Первой мировой войны, на столбе хрипела радиотарелка: «На Западном фронте без перемен». А здесь, в благодатном крае было тихо. «Не шелохнет морская гладь». Морская прогулка с дочерью могла удаться на славу.

Санаторий размещался на взгорье. К калитке, где ждал Званцев, спускалась ясноглазая воспитательница с фигуркой, заимствованной из Лувра:

— У вас прелестная дочь, но сегодня вечером она поет в хоре. Оставайтесь ночевать. Я уступлю вам свою комнату. Я покажу вам сказочные места, — в ясных глазках зажглись искорки.

Званцев отказался от комнаты и лунной прогулки. Искорки в глазах потухли:

— Жаль! А вы мне понравились. Я сейчас приведу вам девочку и вы еще застанете в порту Новороссийска теплоход «Грузия». Он доставит вас в Сухум, а с дирекцией санатория я все улажу. Сколько лет вы не виделись с дочкой?

— Семь лет.

— Теперь ей двенадцать. Узнаете ли?

Когда она вернулась в сопровождении сероглазой девочки с заложенными на голове косичками и чемоданчиком в руке, не узнать Нину было невозможно. То же серьезное выражение лица, та же уверенная походка человека, крепко стоящего на ногах, тот же пристальный взгляд, отличавший ее с детства, и тот же

возглас: «Шурик!», с каким она бросилась ему на шею.

Теплоход «Грузия» они застали в порту, взяли двухместную каюту второго класса и скоро, еще до наступления коротких здесь сумерек, были уже в открытом море. Корабль не подходил близко к берегу, и белые строения на нем едва виднелись. Волн не было, а качало. Мертвая зыбь, отголосок далекого шторма.

И тут сказалась обратная сторона морской прогулки. Нинусю сразу укачало. Саше пришла нелепая, казалось, мысль. Заговаривают же зубную боль. И он стал абзац за абзацем рассказывать ей свой злополучный, забракованный им самим роман. Его заимствовали сектанты для обмана верующих, вымогая у них все имущество во имя спасения души.

Утром отец с дочерью сидели в одном шезлонге. Нинуся слушала импровизации своего «Шурика», изредка прерывая его возгласом:

— Ух ты! И как дальше?

И вдохновение сошло на молодого писателя. Близость маленького любимого существа, неподдельный ее интерес к рассказу сделали чудо. Острый сюжет рождался сам собой. Говорили и действовали живые люди, после головокружительных приключений словно оказавшись здесь, на палубе, среди пассажиров, любующихся морем и романтической парочкой.

Прибытие в Сухум даже вызвало у рассказчика и слушательницы некоторое раздражение вынужденным перерывом.

Девочке был обещан обезьянник, размещенный на взгорье. И Нина отвлеклась от средневекового замка и летающей по воздуху собаки, притянутой за железный ошейник могучим магнитом, С интересом разглядывала она разгуливающих по вольеру павианов. Ходили они на четырех руках-лапах, но сидя, орудовали и передней и задней парой рук с одинаковой ловкостью.

Старый и седой огромный самец восседал недвижно на древесном обрубке. Поворачивая удлиненную, как у собак, морду, он зорко следил за поведением стада, порой грозным окриком, а то и тумаком, осаживая зарвавшуюся молодежь за слишком повышенный интерес к самочкам.

— Они напоминают мне собак, когда те бегут стаей за одной, — заметила маленькая наблюдательница. Потом добавила. — Неужели мы от них произошли? Нам так учительница говорила.

— Не от них, а от общих с ними предков. Правда, встречаются люди со схожими повадками.

— Я видела в цирке шимпанзе, одетого как человечек. Ужасно смешно!

— Особенно похожи на человека гориллы. Только они больше и добрее людей.

— А когда «Пылающий остров»? — спросила девочка.

— Как только сядем в автомобиль и поедем по берегу. С одной стороны море, с другой горы.

— Я буду вертеть головой, как самец. Смотреть и туда и сюда.

Но в большом открытом автомобиле она ничего не видела, спрятав голову у отца на коленях, слушала продолжение романа.

Саше эта поездка напомнила возвращение из Сочи с мамой и Витей. И еще с двумя фрейлинами императорского Двора. Они рассказывали о старце Гришке Распутине, который лечит царевича и имеет большое влияние на государя.

— И представьте, настаивает на прекращении войны с Германией. И это в то время, когда сама государыня Александра Федоровна и дочки ее, великие княжны, все сестрами милосердия в госпитали пошли. За простыми солдатами горшки выносят.

На миг всплыли в детстве услышанные слова, и Саша представил себе искалеченных или умирающих русских мужичков, за которых вступался проклинаемый всеми старец, и его острая ненависть к войне сказалась в тех строчках, которые он стал нашептывать дочери, как только ее укачало уже на первых виражах автомобильного шоссе. Подъезжая к Ермоловскому, Саша прочел Нине заключительные слова нового романа, рожденного светлой отцовской любовью, красотой природы и заботой писателя обо всем человечестве. В детстве он мечтал стать пожарным. И вот теперь, в романе, тушил пожар Земного шара.

Остаток проведенного на юге времени он посветил записыванию на пишущей машинке ближнего санатория всего рассказанного Нине в пути. В Москву он вперед себя отослал в Детиздат готовую рукопись и успел получить одобрение редактора Кирилла Андреева. Не раз говорил тот, что впервые встретил столь обещающую и столь беспомощную рукопись. «Кто вам помог сделать лебедя из гадкого утенка?» — вопрошал он в конце письма, добавляя, чтобы он скорее приехал в Москву. Его требует грозный рецензент, главный редактор критического журнала «Детская литература» Александра Петровна Бабушкина, чьим приглашением молодому писателю пренебрегать нельзя. Саша хотел отвезти в Барнаул дочь, к которой привязался всем сердцем, а вместо этого пришлось мчаться в Москву, к литературному «людоеду» из критического журнала.

И отважная девочка отправилась в Сибирь одна.

Сам же Званцев явился к Бабушкиной, маленькой женщине с

короной собственных кос на голове.

— Вот он какой! — мягким голосом сказала та, пристально вглядываясь в Званцева. — Не думала, что инженер способен на такое. Напечатаете — отрецензируем в журнале. Желаю успеха. Было интересно побеседовать с вами. Умнее стала. Заходите. Буду рада.

Несмотря на первые лестные отзывы, для Званцева началось «хождение по мукам». Недаром нарком просвещения Потемкин на одном форуме пророчески поставил рядом две новинки: последнюю книгу «Хождения по мукам» Алексея Толстого «Хмурое утро» и «Пылающий остров» никому не известного автора.

С Запада доносились отзвуки далеких боев. Наши войска, якобы спасая население Восточной Польши от нацисткой оккупации, без боя заняли ее территорию, в то время как гитлеровские войска захватили основную Польшу. Берлинский сговор Сталина с Гитлером сказывался. Но об этом можно было лишь догадываться. До начала военных действий Сталин предложил Англии и Франции совместную оборону против зарвавшегося Гитлера, но ненависть капиталистических стран к социализму была столь велика, что они отказались, уступая алчному фюреру и Чехословакию, и Австрию, и не шли на сближение с СССР. Они надеялись на прочность укреплений «линии Мажино» и непроходимость пролива Ла-Манш, остановившего самого Наполеона, и что на британских островах можно отсидеться. И, обеспечив себе спокойствие на Востоке, сговорившись с Японией и фашисткой Италией, нацистский тигр точил когти, а уроженец австрийских Альп Адольф Шикльгрубер (Гитлер) вспоминал туристскую поговорку: «Умный в гору не пойдет, умный гору обойдет!»

В Подлипках тихо. От Александра Яковлевича Шефера почти десять лет никаких известий, кроме смутных слухов, что он на принудительных работах занимается механизацией в одном из дальневосточных совхозов. Его семья жила в квартире Званцева.

Вернувшись из Америки, Саша тщетно пытался пристроить свой первый роман в какой-либо журнал или газету, и в семи местах получил отказ. Тогда он, уйдя с Мытищинского вагоностроительного завода, решил написать очерк о Всемирной выставке «Мир завтра» и не побоялся отнести рукопись в самый престижный журнал «Новый мир». У нас не знали Америки. После Горького, назвавшего Нью-Йорк «городом Желтого дьявола», наши представления об американцах определяла книга Ильфа и Петрова «Одноэтажная Америка», как о талантливых, работоспособных, обязательных людях. Званцев видел там и

других. Он отложил пока свой второй роман, предложенный к изданию в Америке. Американцы охотно брались его издать, если автор представит его на английском языке. И Саша, не имея такой возможности, засел писать на родном русском очерк «Мир будущего» о Нью-Йорской выставке. Пригодились письма к Косте Куликову, которые тот срочно переслал. Руководители писательской организации Федор Гладков и Леонид Леонов, столпы советской литературы, радушно приняли инженера, вернувшегося с выставки, и похвалили его очерк, вышедший в 12-ом номере журнала, посвященного 60-летию товарища Сталина.

— Ну что ж, — сказал Леонид Максимович, вручая Саше авторский экземпляр журнала. — Пора, Александр Петрович, и о романе подумать.

— Пора, инженер, пора, — подтвердил Гладков. — Шолохов в двадцать два года «Тихий Дон» написал, Лермонтов в двадцать лет — «Демона», а ты стариком скоро станешь. Писать надо смолоду, пока кровь кипит.

— А я уже написал. В «Пионерской правде» с восьмой попытки взяли.

— Да ну! — восхитился Гладков. — Значит, запоздали мы с советами. Только после «Пионерки» для книги переписывать придется.

— Я сначала пишу карандашом с мягким ластиком, отделываю, — вступил поучающе Леонов. — Черновик печатаю на машинке двумя пальцами. И слова и пальцы отбиваю, потом машинистке начисто перепечатать даю.

— А я сам машинистка. И «Пылающий остров» перепечатал одиннадцать раз.

— Ого! — сказал Леонов. — Придется «Пионерку» читать, в детство впадать.

— Роман не только для детей, Леонид Максимович, — заметил Званцев, и оказался прав. Через несколько лет роман «Иль-де-фе» («Пылающий остров») печатался фельетонами», как когда-то романы незабвенного Дюма-отца, в газете «Юманите». Ее главный редактор Андре Стилль сказал:

— Мы сочли это идеологическим оружием.

В «Пионерской правде» роман имел огромный успех и вышел отдельным компактным томиком, но уже в 1941 году, в Детиздате, с рисунками Евгения Грачева, оказавшегося одноклассником автора по реальному училищу.

А Званцев торопился закончить свое второе детище — «Арктический мост», о строительстве прямого подводного плавающего туннеля через Северный полюс в Америку. Первые главы уже появились в его любимом с детства журнале «Вокруг

света».

Молодой писатель вступил пока что не в Союз, а в Группком писателей и даже был избран в руководство вместе с прославившимся скоро Вадимом Кожевниковым. Но Званцеву пришлось вскоре снова стать инженером…

Повестка из Мытищинского военкомата добровольцу рядовому Званцеву Александру Петровичу пришла в понедельник 23 июня 1941 года, на следующее утро после выступления по радио товарища Молотова о коварном нападении на нашу страну гитлеровских войск и зверской бомбардировки мирного Киева. Званцев сразу же явился в военкомат. Теперь с вещами он должен был явиться к начальнику моботдела товарищу Кузьмину в среду 25 июня.

Неполных два дня осталось Саше, чтобы завершить последнюю главу «Арктического моста». И он с натужным спокойствием, хотя внутри все клокотало от гнева, волнения и беспокойства, которые вылились в напряжение последних страниц, дописывал свой роман. Пишущая машинка «ройял», единственная ценность, вывезенная им из Америки, исступленно трещала, словно бьющий по врагу пулемет.

К утру 24 июня роман был закончен, напечатанный под копирку в двух экземплярах. И Званцев сразу отправился в Москву. В электричке, переполненной встревоженными людьми, передавали друг другу сдержанные сводки о пограничных боях и геройстве отдельных бойцов, павших смертью храбрых. Нигде не сообщалось о массовых отпусках рядовых и офицеров и не ссылалось на трагическое воскресенье с ласковым солнцем и ясным небом, удобным для гитлеровской авиации.

Прежде, чем завезти остаток рукописи в Детиздат, Званцев зашел в соседний дом, в журнал «Вокруг света». В редакции был только ответственный секретарь Ясиновский. Худой, изможденный, он надтреснутым голосом то ли с горечью, то ли и с гордостью сказал:

— Закрываемся. Упаковываю рукописи. Ухожу на фронт.

Званцев бережно положил свои листки на полупустой стол.

— После победы, — отозвался Ясиновский. — Не знаю — чьей.

С тяжелым сердцем перешел Званцев в другое здание. В Детиздате женщины толпились в коридоре. Слышались обрывки фраз.

— Наши прорываются из окружения. Как это могло быть? А договор?

Ни Андреева, ни Абрамова в комнатах не было, и он прошел прямо в приоткрытую дверь директрисы издательства. Она

встретила его в форме майора. Приняла у Званцева рукопись и только спросила:

— А вы когда?

— Завтра, товарищ майор.

— А я сегодня. Ваша книга поступила в продажу. Дай Бог не последняя.

— Последней не будет, — заверил Званцев.

Они тепло попрощались, пожелав победы, и больше никогда не встречались.

А назавтра он покидал Подлипки с чувством, что больше никогда не ступит на деревянный настил дачной платформы.

На платформе стояла Инна, и солнце золотило ее волосы. Она держала за руку шестилетнего сынишку Олежка. В первый раз она сегодня вышла на улицу, полгода проведя в постели. У нее было больное сердце, ревмокардит, как определил сам профессор Плетнев, прописавший ей постельный режим. Объявление войны и уход мужа в армию подняли ее с постели.

«Рядовой, необученный, Саша будет брошен в первые ряды как пушечное мясо, и маленький Олешонок останется сиротой. Дедушки нет. На Лубянке передач ему давно не принимают. Мать на ее руках. Опереться не на кого. Впереди — эвакуация. Люди уже собирают вещи. Надеяться можно только на себя. Сводки с фронта говорят о серьезных поражениях Красной Армии. Необъяснимая неподготовленность, исчезновение высшего и старшего командного состава — как это могло случиться?»

Кто мог ответить Инне? А вопросы продолжали ее мучить:

«Неужели все герои Гражданской войны предатели, как называют ее кристально светлого папу, Александра Яковлевича? И вот нежданное разбойное гитлеровское нападение!»

Любовь и страх, сознание своей ответственности подняли, казалось, безнадежно больную на ноги. И она провожала ясным, но горьким солнечным днем единственную свою опору — мужа — в непроглядную тьму, полную грозных опасностей гибели, увечья, плена.

К Инне с сыном подбежала пятнадцатилетняя дочка Саши Нина, два дня назад приехавшая к отцу на лето. Такой же белокурый крепыш со светлыми косами и серыми глазами, как прежде у девочки, но уже привлекательная девушка. А давно ли она, уткнувшись в отцовские колени, слушала на ходу придумываемый отцом роман, теперь уже книгу, взятую Званцевым с собой. Компактному томику в золотой рамке предстоит тоже воевать, он написан, по словам Бабушкиной, воинственно, предсказав то, что еще может случиться. Начальник моботдела, прочтя подаренную книгу, заметил:

— Хоть ты и числишься необученным, но знаешь больше, чем иному офицеру положено. И мы эти знания сумеем использовать. — Неизвестно, что он имел в виду.

Электричка тронулась. Инна с детьми шла, не отставая, потом побежала рядом. Платформа кончилась. Саша высунулся из дверей тамбура и увидел слезы на глазах жены. Дети плакали. Нина, всхлипывая, пыталась утешить мальчика. Скоро все они скрылись за поворотом.

Званцев мчался навстречу неизвестности.

Часть восьмая. XX ВАЛ

Встает стеною злобной с гребнем пенным
И рушится каскадом горя, зла и слез

Весна Закатова

Глава первая. ПЫЛЬНАЯ ДОРОГА

Дорога пыльная Тропа войны.
Пылинка каждая — душа солдата.
И Родины безвестные сыны
Детьми резвились здесь когда-то.

На третий день войны в полупустом вагоне электрички у окна сидел коренастый, крепкий мужчина лет тридцати пяти. Живыми карими глазами он поглядывал на проносящиеся назад пейзажи. Опрятная одежда, с распахнутым по-летнему воротом белой рубашки, не вязалась со щетиной на молодом лице.

Он потрогал щеки и бороду: «Не успел побриться. А может, не надо? Пусть растет, пока не победим»!

Званцев задумался: как это случилось? И представил себе, словно в детстве, когда фантазировал, идя с судками, и Гитлера, воображающим себя наследником Наполеона, и нацистских генералов, готовящих разбойное нападение на Европу, будто сам видел заговорщиков в их логове.

Военный Совет проходил особо секретно, в горах, в старом, отделанном заново замке, тайном месте отдыха фюрера и его любовных свиданий с одной из первых звезд немецкого экрана Евой Браун. Охранялось это место строже золотых запасов рейха.

Входящих туда придирчиво проверяли сразу двое — армейский полковник и штурмбаннфюрер СС.

На последнем контроле эсэсовец задержал запыхавшегося офицера.

— Я не могу пропустить вас, партайгеноссе, в таком виде.

— Вам мало моих документов?

— Но форма ваша не в порядке, экселенц. Вас понизили в звании?

— Я не обязан объяснять вам, штурмбаннфюрер, почему на мне форма русского солдата. Вы ответите за мою задержку!

— Что за спор? — негромко спросил подошедший полковник.

— Судите сами, герр оберст. Как я могу впустить в зал Военного совета человека в русской военной форме?

— Брось, Ганс, дурака валять. Разве ты не видишь, что это сам генерал Гудериан?

— Вижу русскую форму на нем, даже не генеральскую. Он бы еще без штанов пришел.

— Штурмбаннфюрер! Поезд задержали из-за передислока ции войск. У меня не было времени заехать домой переодеться. А что касается штанов, то фюрер снимет их с тебя вместе со шкурой за мою задержку. Полковник подтвердит это.

— Сходи, Ганс, по естественной надобности. По инструкции я заменю тебя, и сам разберусь с генералом.

— У меня естественная надобность — написать рапорт, и для этого я отлучусь на пару минут в караульное помещение.

— Иди, иди, штурмбаннфюрер! Заводи переписку между СС и Абвером.

Эсэсовец щелкнул каблуками и строевым шагом направился к двери под мраморной лестницей.

— Прошу вас, экселенц, — показал оберст разгневанному генералу на сверкающие ступени во внутренние покои.

Обеденный зал замка был украшен охотничьими трофеями, оленьими рогами, оскаленными мордами кабанов с устрашающими клыками. Тут же висели безвкусные акварельные картины с окрестными пейзажами, написанные рукой в прошлом посредственного художника Адольфа Шикльгрубера. Плачевное состояние страны, проигравшей Первую мировую войну, и дерзкая демагогия с посулами сделали из него требуемого временем фюрера.

За столом перед разостланными картами сидели вперемешку армейские и эсэсовские генералы и офицеры высшего ранга.

Из двух противоположных дверей в зал одновременно вошли Гитлер в мундире мышиного цвета и человек в форме курсанта советского танкового училища.

Все генералы вскочили, по-древнеримски выкинув правые руки вперед. Получилось так, что стоящие по одну сторону стола отдавали честь фюреру, а стоящие напротив — фашистским приветствием встречали человека в форме русского солдата.

— Когда же генерал Гудериан доучится до русского лейтенанта?'— раздраженно спросил Гитлер.

— Русское танковое училище будет закончено, и их танки досконально изучены в будущем году, мой фюрер!

— Торопитесь, генерал, сдавайте экстерном. Ваш танковый корпус ждет вас. По плану «Барбаросса» он пойдет во главе нашей

армии, чтобы смести ко всем чертям ваших учителей. За их успеваемость отметки придется ставить вам.

— А «линия Мажино», мой фюрер? На «Западном фронте без перемен».

— Для того я и собрал вас всех сюда. Наполеон — наша путеводная звезда. Мы должны повторить его успехи, избежав ошибок. Он не имел ни самолетов, ни танков, и пушки заряжались с дула. Французские войска не ставили перед собой задачу блицкрига, но Бонапарт понимал, что восточного великана можно свалить лишь стоя на горле Европы. Он не считался с тем, воюет с ним соседняя страна или нет. Вводил в нее войска, сажал угодных королей, делал их своими вассалами и брал контрибуции, отсылая в Париж золотые обозы. Война любит деньги. И мы должны уметь их добывать. Нельзя растянуть армию от Березины до Москвы, среди врагов, не создав там союзного государства. Будь у маршала Мюрата не конница, а танковый корпус Гудериана, история была бы иной. И нашим танкам и автомашинам с доблестными солдатами, не теряющими башмаки в трясинах бездорожья, легко оказаться в Москве и Петербурге до проклятых русских морозов, сгубивших цвет Великой армии. У Наполеона не было авиации маршала Геринга, который разбомбит советские города раньше, чем Сталин очнется. Но прежде мы займем Бельгию, Люксембург и Голландию. Вся промышленность Европы должна работать на нас. План «Барбаросса» вовлечет в войну всю Восточную Европу. В Югославии мы установим фашизм. Италия уже с нами. Дружественная Япония сидит у русских на хвосте. Задача номер один — обход «линии Мажино», захват, по-Наполеоновски, всей Западной Европы. Всем генералам и группенфюрерам представить мне свои планы во исполнение общей задачи. Моему заместителю Гессу заняться английским языком. Доктору Геббельсу, адмиралу Канарису и рейхсканцлеру Гиммлеру посадить маршала Петена главой вассальной части Франции. На этом постановка задачи закончена.

— Позвольте добавить, мой фюрер, — вмешался Геринг. — Мой концерн в Штирии внесет свой наземный вклад. Металлургический завод в Капфенберге поставит для немецких танков такие броневые листы, какие русским и спьяну не снились. Прокатимся по их городам, как на масленицу.

— Масленица? Что еще такое? — спросил у Геринга Гитлер.

— Это, мой фюрер, у русских такой дикий, языческий, обжорный праздник.

— Что ж, у нашего Геринга больше орденов, чем у маршалов Наполеона вместе взятых. Будет еще больше.

На этом Гитлер распустил Военный совет.

— Разойтись, не привлекая внимания, — приказал фюрер, уезжая в Берлин для заключения с СССР договора о дружбе. Гудериана он взял с собой, чтобы представить его Молотову в русской курсантской форме.

Серпухов!.. Званцев очнулся и бодро вышел на привокзальную площадь, думая, что за ним и другими новобранцами пришлют из батальона автобус. Но никаких машин на площади не стояло. А тот автобус, что вскоре подошел, и к которому солдаты бросился с надеждой, оказался местным рейсовым. Оттуда выходили бабы с корзинками и мешками. На посадку выстроилась преимущественно женская очередь.

Напрасно Званцев пытался расспрашивать прохожих. Никто не имел понятия о том, где располагалась его воинская часть. Пришлось искать на станции военного коменданта. Им оказался старый седоусый железнодорожник, бывший машинист. Он сидел в маленькой комнатушке, украшенной плакатом пожилой женщины, вонзающий в тебя палец, и спрашивающей: «Пошел ли ты защищать Родину-мать?»

Званцеву стало стыдно, что он, полный сил, растерянно стоит перед пожилым, очевидно, как и он, добровольцем.

Комендант порылся в списках и сказал:

— Так что, молодой человек (давно так к Саше не обращались), батальон ваш в городе Серпухове не числится. Придется вам по пригородам пошагать. Война — это прежде всего дороги, грязные или пыльные. Если повезет, тысячи километров отшагаешь. Мне по Гражданской войне это знакомо. Колчаковцев пешим строем гнали от Урала до Байкала. Я Сибирь и отмахал. Сапоги напрочь сносил. А тебе советую к южной роще идти. Там военные учения обычно проводят. Авось и батальон твой там. Ладно, багажа у тебя, видать, нет. Иди с Богом. Желаю тебе много пыльных дорог.

И Званцев вышел на пустынную и пыльную дорогу, вообразив себя одной из ее пылинок.

Навстречу нестройно шел к станции отряд призывников, только что обмундированных в лежалую форму и тяжелые кирзовые сапоги. Крайним в последнем ряду, хромая, шел Ясиновский, секретарь редакции «Вокруг света». Тощая немощная фигура его совсем не выглядела воинственной. Увидев Званцева, он крикнул:

— Привет тебе. А я вот еле ковыляю. Портянка ногу натерла.

Званцев по туристским походам знал, что обертывать ноги портянками — искусство и очень ценное. О закрывшемся журнале и прекращении печатании своего романа в нем он и не подумал.

Ясиновского отправляют на фронт. Теперь очередь за ним…

И все пятнадцать километров оставлял Званцев следы на первой своей военной дороге. Еще два отряда пока необмундированных, но уже солдат», спешащих к поезду, встретились ему, прежде чем он добрался до рощи.

И только в лесу, на голой опушке с цветущими ромашками нашел он наспех врытую жердь с приколотой к ней картонкой от коробки конфет с надписью химическим карандашом: «39-й запасный саперный батальон».

Под старым дубом с ветками с хорошее дерево, нашел он комбата, старшего лейтенанта Зимина.

Несмотря на невысокий рост, он с достоинством, по меньшей мере, командира полка возглавлял свой батальон, хотя тот состоял пока из жердочки с названием.

Преодолев усталость, Званцев подошел к дубу, где на складном генеральском стульчике сидел Зимин, и четко отрапортовал о своем прибытии, вручив комбату направление Мытищинского военкомата.

Зимин снизу вверх посмотрел на вновь прибывшего и спросил:

— Так это ты, что ли, «Пылающий остров» написал?

— Так точно, товарищ комбат! — вытянувшись в струнку, ответил Званцев.

— Кузьмин про тебя говорил. Завтра явишься ко мне поутру.

Призывники прибывали. К вечеру полянка наполнилась народом. С единственной батальонной полуторки старшина раздавал солдатское обмундирование. «Штатскую одежду, — говорил он почти каждому, получавшему форму, — свезут в армейские склады».

Подул северный ветер. Стало знобко. После жаркого дня ночь обещала быть прохладной.

К вечеру в расположении батальона появился высокий пожилой майор с усталым, заросшим лицом. Никакой заботы о предстоящем солдатском ночлеге он не проявил, видимо, это вовсе не входило в его планы. Между тем все устраивались, кто где мог. Комбату с начальником штаба, рослым лейтенантом с озорными глазами, тут же под дубом поставили палатку. Долговязый майор, долго не думая, залез под брезент кузова полуторки с гражданской одеждой. Одна нога его в новом сапоге торчала из кузова. На подошве ясно виднелось клеймо немецкой фабрики. «Трофей майорский или немец переодетый? — мелькнуло у Званцева в голове. — Вынюхал все и теперь ждал удобного часа, чтобы незаметно смыться на полуторке». Эта мысль правда недолго занимала Званцева.

Обходя заросли в окрестностях полянки, он вскоре наткнулся на застроенную легкими фанерными домиками опушку, заросшую ромашками. Никого, не спрашивая, он увел батальон ночевать в летний городок. Этот решительный шаг сразу же возвысил его в глазах окружающих.

С рассветом вестовой Зимина отыскал Званцева. Тот немедленно требовал его к себе.

— Кто разместил на ночлег солдат в офицерских домиках? И что за майор здесь околачивался?.. — сурово спросил комбат.

— В домиках устроил их я, товарищ старший лейтенант, — признался Званцев, стоя по стойке «смирно». — Майора видел, он почему-то был в кузове полуторки. И еще я заметил, что на нем были немецкие сапоги.

— Надо было его взять. Считай, мы уже на фронте. Так кто же вам разрешил такую ночевку?

— Действовал по обстоятельствам, как на фронте, товарищ Зимин. А майор сразу уехал на полуторке. С нашей гражданской одеждой.

— Упустили! Ротозеи! И, между прочим, я тебе не товарищ Зимин, а комбат или старший лейтенант. Чему тебя, недоученного, учили?

— Технике. Ее познать — надо всю жизнь учиться.

— Вижу. Выучили за словом в карман не лезть.

— Так точно, товарищ командир батальона!

— Знаешь, в чем заключается наша ближайшая задача? Мы должны формировать саперные мотобатальоны, оснащать их вооружением и отправлять на фронт. Я собираюсь поручить это вам, опытному инженеру, умеющему действовать по обстоятельствам. И назначаю вас своим помощником по технической части, помпотехом. Только с вами в солдатской форме никто разговаривать не станет. Начштаба! Выдать ему офицерское обмундирование и выправить документы на помпотеха с одновременным представлением по занимаемой должности к званию военинженера третьего ранга. Нам пока две автомашины выделили. Под утро пришли, одну из них на буксире тащили. Посмотрите, как ее оживить. Доложите.

— Есть оживить, товарищ командир батальона. Разрешите на утренней поверке отобрать нужных людей.

— Разрешаю. Военкомат нам специалистов шлет.

План действий появился у Званцева внезапно, снизошел как вдохновение на поэта, и по строгому счету выглядел авантюристически. Тем более, что до сих пор с автомобилем он дела не имел и никогда им не управлял. Однако считал, что каждый инженер обязан в короткий срок овладевать управлением

любой машиной. И виртуозно владея лишь велосипедом, он, не задумываясь, готов был сесть за руль. Скорее по наитию, чем по зрелому размышлению и предусмотрительности, он выпросил у старшего брата Вити его права на вождение автомобиля, полученные км при окончании Института физкультуры. Как и почему у брата оказались права на вождение автомобиля, он не понимал. Ведь в их институте автомобилями, как говорится, и не пахло. Званцеву припомнилась художественно скопированная им в Омске контрамарка для посещения оперных спектаклей. И на этот раз ему особого труда не составило превратить в правах имя Виктор в Александр. Так что теперь у помпотеха, с неполученным еще званием военинженера, лежали в кармане офицерских брюк переделанные на его имя водительские права. Но поскольку и офицерское звание, и права нужны были для фронта, для победы, угрызений совести он не испытывал.

Через полчаса Званцев в кителе со знаками отличия в петлицах стоял перед выстроившейся колонной. Когда же дело дошло до первой в жизни команды целому батальону, его бросило в жар так, что даже пилотка его взмокла.

— Смирррно! — неожиданно для себя выкрикнул он. Шеренга замерла. Званцев глубоко вздохнул: — Бойцы-шоферы, имеющие права на вождение автомашин, шаг вперед!

Шорох прошел по полянке от перемещения большей части солдат и стука приставленных винтовок. Несколько птиц слетели с ближних деревьев.

— Слесаря-автомеханики! — окрепшим голосом продолжал Званцев. — Три шага вперед!

Поленившаяся крупная птица, тяжело взмахивая крыльями, как бы нехотя перелетела через поляну.

— Инженерам и техникам всех специальностей собраться около меня, — почтительно закончил он.

Потом зычно скомандовал автомеханикам:

— Смирно! Перестроиться по гражданским рабочим разрядам. Седьмой разряд вперед, остальные за ним. С техперсоналом познакомлюсь отдельно.

Подходя к перестроившимся бойцам, он заметил, что один из них сначала встал в ряд с шоферами, потом перешел ко второй команде, к автомеханикам, и опять вернулся к шоферам. Званцев подозвал его к себе и сказал, что хочет познакомиться с ним. У бойца оказались водительские права первого класса, и выяснилось, что он к тому же еще и инженер.

— Вам дадим должность. По должности и звание получите, товарищ Савочкин.

— Хотел баранку покрутить под вражеским огнем.

— Будете ведать автопарком формируемых батальонов, и принимать отремонтированную технику.

Офицеры по очереди подходили к помпотеху и сообщали все о себе. Заведующий особым конструкторским бюро всесоюзного значения Зубков был всего лишь лейтенантом. А юный Кулаков работал на селе главным инженером машинно-тракторной станции и в батальон явился в чине военинженера третьего ранга, присвоенного ему по просьбе секретаря райкома, его дяди. Воентехник первого ранга Печников сразу уверил Званцева, что он царь и бог сферы снабжения.

— А работал где?

— И не перечесть, товарищ комбат! — И снабженец смущенно протянул подготовленный длинный список.

— Не комбат, а помпотех, товарищ воентехник первого ранга, — напомнил Званцев на всякий случай тому о субординации.

Меньше чем за час личный состав авторемонтной группы был сформирован и с ходу взялся за восстановление прибуксированной полуторки. Помпотех, надев рабочую робу, присоединился к автомеханикам. Жадно изучая устройство двигателя машины, он к концу дня неплохо разбирался в нем. Когда двигатель был заново собран, Званцев взялся сам опробовать автомобиль на ходу. Никому и в голову не пришло, что водит он машину впервые. А он орудовал педалями точь-в-точь, как это делал Савочкин во время ремонта, словно делал обычное дело. Полуторку «оживили».

На мобилизационных базах помпотеху передавали для отправки на фронт такую рухлядь, что она могла там служить только учебной мишенью для вражеских танков. Где восстанавливать эту горе-технику, где брать запчасти? Этого ему никто объяснить не мог.

Полянка под Серпуховом не годилась для рембазы. Она оказалась вдали от Москвы, железной дороги, шоссе и запасных авточастей, оставленных эвакуированными заводами.

«Другое дело — Ярославское шоссе, — подумал Званцев. — Родные Подлипки и завод с массой нужных автозапчастей. Инна и Олежка рядом. Да и родители неподалеку, в Лоси. Москва рядом и Перловка, куда поближе к старшим Званцевым перебрались Зенковы. Жаль, они поспешили уехать в Сибирь. Зато ключи оставили старикам. А к одной из дач примыкает удобная полянка для рембазы. И электричество есть — электросеть поселка. Вот куда надо перебазироваться!»

Зимин поддержал Званцева и получил одобрение в инженерном отделе Московского военного округа. И работа в

Перловке закипела. Мотобатальоны один за другим уходили на фронт.

Однажды в Перловку на ремонтную базу с мобилизационного пункта пригнали полуторку-вездеход, где задние колеса заменяли, как у танкетки, гусеницы. Званцев представил себе, что эта танкеточка вдруг выбралась из под грузовика и самостоятельно пересекла поляну.

«Так ведь это же сухопутная торпеда, какую еще не видывали! — подумал он. — И не спастись от нее прорвавшемуся в город танку или защищенной бетоном огневой точке врага!» Званцев уже знал, как построить такие танкетки. Вражеские танки грозят Москве. Нет времени рассчитывать, чертить. Делать все надо из подручного материала. Он собрал своих инженеров:

— Видите, вместо задних колес у полуторки для бездорожья — гусеничный ход? Наша задача превратить его в самоходную танкетку.

— Зачем? — хмуро спросил Зубков. — Там человеку не поместиться.

— И не надо! Сама пойдет на вражеский танк.

— А не промахнется? Любая ямка может сбить ее с курса, — усомнился воентехник Печников.

— А мы ей этого не дадим. Будем дистанционно ею управлять. И не будет нужды нашим солдатам, обвязываясь гранатами, бросаться под танки. Ведь они жизни свои отдают. Слишком дорогую цену нам приходится платить. А то и амбразуру дота ею закроем.

Стоял август сорок первого. Званцев еще не мог знать, что такой подвиг совершит солдат штрафного батальона Александр Матросов и посмертно станет Героем Советского Союза, символом самопожертвования. Не знал Званцев и того, что Матросов не будет первым.

— Радиоуправление нам не поднять, — заметил Савочкин.

— Управлять танкеткой будем по саперным проводам из укрытия, — объявил Званцев.

— Моторы где взять? Их не закажешь. Заводы в тыл уезжают, — забеспокоился Кулаков.

— Ты теперь — сапер. Из подручного материала все надо сделать.

— Так где ж его взять? — подал голос снабженец Печников.

— Это твое дело. Хоть из-под земли. Завтра утром достань ребятам четыре электродрели, да помощнее.

— Ах, вот оно что! — сдвинул на лоб фуражку Куцаков.

— Подберете зубчатки с хвостовиками, чтобы в патроны электродрели вместо сверл их зажать, — наставлял Званцев

помощников. — И подберете зубчатки, чтобы передавали вращение на гусеницы и двигали танкетку. За ней будут разматываться три двойных саперных провода. Два к электродрелям и один к взрывному устройству. Срок вам даю на все про все два дня. Имейте ввиду, я вызываю генералов, дадим им новенькое средство против танков. Словом, я отбыл с сообщением в верха.

И Званцев уехал в штаб доложить полковнику Третьякову о готовящемся техническом новшестве. Вернувшись с одобрением идеи начальством, он встретил уныло-растерянные лица соратников.

В округе гадко пахло горевшей изоляцией.

— Не терпелось ребятам, они и включили дрели. Конфуз получился. При трогании с места ток повел себя, как при коротком замыкании. Вот и полетели обмотки. Вину на себя принимаю, недоглядел, — смущенно оправдывался Савочкин, оставленный Званцевым вместо себя.

— Объявляю вам, инженер Савочкин, благодарность за быструю переделку вездеходной части северного варианта машины. Воентехнику же второго ранга Савочкину объявляю в приказе строгий выговор с лишением права на увольнительную за вопиющую техническую неграмотность и вывод из строя нового вида вооружения Красной Амии.

— Нужен трамвайный контроллер, он снижает ток при трогании с места, — заметил подошедший Зубков, человек дотошный и неторопливый.

— Возьмем любой трамвай на абордаж и снимем нужный для армейских дел контроллер! — запальчиво предложил юный Куцаков.

— На абордаж проблему надо брать, а не аппаратуру воровать, — отрезал Званцев и сел в зеленую «эмку», недавно прибывшую на базу с мобпункта.

— Дрели новые достану! — пыхтя на бегу, вдогонку кричал Печников.

— Дрели сменить, и как можно быстрее, — приоткрыв дверцу автомобиля, крикнул Званцев снабженцу.

Через полчаса Александр Петрович шел по знакомому двору Всесоюзного электротехнического института. Вот и машинный корпус, где они с Иосифьяном и помощниками: майором Пономаренко, впоследствии начальником штаба партизанского движения, и Калининым, сыном Михаила Ивановича, создавали электрическое орудие. Война так и не дождалась его…

Званцев вошел в зал испытаний и, запрокинув голову, увидел под потолком чьи-то ноги.

— Саша! Здорово! — послышался сверху голос Иосифьяна из-под жужжащего над ним странного летательного аппарата с двумя вращающимися в разные стороны пропеллерами. — Поднимет на любую высоту, сколько провод позволит, — продолжал он, уже спустившись на пол, и показывая накрученный на катушку изолированный провод. — С высоты неприятельские позиции можно разведать, артиллерийскую стрельбу корректировать. А в небе точку не собьют, ниточку там пулей не перебьешь. А всего-то асинхронный мотор с двумя пропеллерами. Один — к статору, другой — к ротору, корпус — к оси ротора, (а не к валу!) прикреплен и неподвижен. Цепляй на него люльку и лети!

— А я за тобой, профессор. Мы этот провод для большого дела используем. Требуется твое участие.

— Большое дело люблю. Куда ехать?

— Вроде как к старикам на дачу.

— Когда?

— Сейчас. Машина у ворот.

— Поехали! — и Иосифьян, по-бычьи опустив голову, то ли задумавшись, то ли бодаясь, зашагал впереди Званцева к проходной.

Во дворе пригородного заводика, где безветренная погода еще сохраняла запах пережженных проводов, около злополучной танкетки стояла группа военных и профессор Иосифьян. Ученый осуждающе качал головой.

— Тут автотрасформатор нужен, товарищ профессор, — с напускной солидностью подсказал Куцаков.

— Электрик? — поднял на него глаза Иосифьян.

— И электрик тоже, — покраснев, как девушка, признался Куцаков. — Я с машинно-тракторной станции, ну и за деревенской электропроводкой следил.

— Саша! — позвал профессор, присевшего поодаль Званцева. — Тут твои ребята предлагают автотрасформатор применить.

— Если надо, из-под земли достану, — как Петрушка на ярмарке, выскочил толстенький Печников.

— Ишь какой крот! Тебе бы все нора рыть. Зачем земля копать? Ты из-под задницы своего начальника возьми. Саша, ты на чем сидишь?

— На синхронном моторе, — ответил Званцев, вскакивая.

— А ну, машинно-тракторная станция, чем синхронный мотор и трасформатор отличаются, имея по две обмотки в общем магнитном потоке?

— Я понял тебя, Андроник. Ты хочешь дать ток сети в статор,

а, поворачивая ротор, снимать с него разные напряжения, — разгадал замысел друга Званцев.

— Вот видите, ребята, как вам повезло с начальником. Идеи, как уток, слету бьет!

— Что начальство! Комбат и есть, — отозвались бойцы.

— Дозвольте мне рычаг на вал ротора приладить, — вызвался сообразительный Курганов, танкист, мастер на все руки, специалист по автомобильной проводке. — Рычаг мой и затормозит, и повернет вал на нужный угол. Скорость задавать будет.

— Все сделать — пара пустяк, если думать не тем местом, на чем сидишь, — пошутил Иосифьян.

— Вот это настоящий профессор, — решили между собой бойцы.

Званцев договорился с дирекцией завода о временном использовании бездействующего синхронного электродвигателя.

— С вами спорить — все равно что радио возражать, — брюзжал директор, владевший, кстати сказать, этим самым заводиком во времена НЭПа.

Все для фронта! — напомнил ему Званцев.

Глава вторая. СИЛА ТОКА

Выдумка — волшебству сестра.
Надо — сдвинется гора.

Иосифьян со Званцевым собрали схему, включив между сетью и танкеткой синхронный мотор вместо автотрансформатора. Куцаков и Курганов помогали им.

Когда все было готово и танкетку хотели выпустить через ворота на шоссе, внезапно появилось неодолимое препятствие в лице директора заводика. Он категорически запретил включать электромашины во дворе.

— В прошлый раз при вашем коротком замыкании на подстанции масленник вышибло, и завод, оставшись без тока, встал. Я не могу этого снова допустить.

— Слуший, душа лубезный. Я, доктор наук и профессор, гарантирую тебе благополучное включение. Это теперь — пара пустяк. Для этого ты нам синхронный мотор одолжил.

— Из-за этой пары пустяков меня нарком Кабанов в шею выгонит.

— Вполне возможно. Завтра нарком электропромышленности здесь будет. Побеседуешь о паре пустяков.

— Во-первых, мы с вами на брудершафт не пили. Во-вторых,

такую персону сюда и вашим армянским коньяком не заманишь.

— Бутылкой коньяка не заманить, а вот «бутылочкой» на гусеницах — пара пустяк!

Ни Званцев, ни главный инженер завода не смогли убедить бывшего нэпмана. Иосифьяи махнул рукой:

— Ишак знаешь? Так ишак — мудрец по сравнению с тобой, кацо.

Схему разобрали, машины погрузили на полуторку и увезли на ремонтную полянку. На полигоне все пришлось восстанавливать заново. Статор синхронного мотора подсоединили к сети на столбе, куда без «когтей» ловко забрался бывший сельский электрик Куцаков. Званцев держал в нейтральном положении сделанный Кургановым рычаг. Танкеточку подключили. Иосифьян сел за пульт управления.

По знаку Иосифьяна Саша чуть приподнял рычаг.

Танкетка вздрогнула и медленно поползла.

— Пошла! Пошла, Сашок! Насколько же она умнее мудреца, ишака и директора вместе взятых.

— Смотри, наедешь на ремонтируемые машины, — сказал Званцев, опуская рычаг и останавливая танкетку.

— Вели расчистить площадку для маневра. Комиссию назавтра вызову. Дай свою зеленую «Мадонну», на которой сюда приехали. Я прямиком в ЦК.

— Жаль завтра танкеточку родненькую при них взрывать.

— Не грусти, Сашок. Мы вместо взрывчатки огнемет поставим.

— Огнемет нам по штату не положен. Не дадут.

— Один пустяк. У меня в лаборатории есть огнемет…

На следующий день к опушке примыкающего к Перловке леса одна за другой подъезжали машины высоких начальников.

Комиссия, созданная — по инициативе Иосифьяна — Турчаниновым, из ЦК партии, при поддержке Маленкова, заместителя Сталина в Государственном Комитете Обороны, высшем органе власти военного времени, была весьма представительной: наркомы электростанций и электропромышленности, Ломако и Кабанов, генералы Московского военного округа и представители ЦК.

— Ну и леса наши подмосковные! Ни на какие пальмы заморские не променяю, — сказал Турчанинов, стоя на краю полянки и вдыхая лесную прохладу.

— Что ж они, взрывать такую красоту собрались? Весь поселок переполошат. Еще подумает народ, что немцы подошли к Москве, блокаду столицы начинают, — сказал хромой генерал при орденах.

— Трудно поверить, что за какие-нибудь три дня можно сделать в лесу что-нибудь путное, — вторил ему второй тучный генерал.

— Я также сомневался, перенося сюда ремонтную базу из Серпухова, а у них получается. Мотосаперные батальоны идут на фронт, — заметил полковник Третьяков, начальник инженерного отдела МВО.

— Лучше раз рукой потрогать, чем трижды поглядеть, — сказал нарком электростанций Ломако.

— Пока вижу безграмотно изрытую окопами полянку, — проворчал тучный генерал.

— Это смотровые ямы, для осмотра и ремонта автомобилей, — пояснил Третьяков. — В полевых условиях же работают.

— Пора начинать Я в наркомате электриков собрал, — торопил Кабанов.

— Торпеда потому и торпеда, что в воде без препятствий движется. Сухопутной она быть не может на изрытой ямами полянке. Да и воронки от снарядов и бомб для нее вряд ли будут проходимы. Я из кустов посмотрю, как она застрянет в яме перед ними, — проворчал хромой генерал.

Званцев приподнял рычаг, постепенно увеличивая подачу тока, а когда танкетка тронулась, дал максимальное напряжение. Сухопутная торпеда ринулась из укрытия на поляну.

— Гляди, они вместо взрывчатки огнемет поставили, как бы тебя не обожгло, генерал! — крикнул вслед прихрамывающему представителю военного округа его напарник.

Но тот отмахнулся, скрывшись в зелени. Иосифьян мастерски вел танкетку, и она носилась по полянке, ловко объезжая препятствия.

— Цирк! — определил Кабанов.

— Впечатляет, — согласился Турчанинов.

— Будем кончать сеанс, — объявил Иосифьян.

— Куда ты едешь на кусты? Еще лесной пожар устроишь! — предупредил Званцев.

— Император Нерон в семи местах Рим поджег, чтобы полюбоваться пожаром.

— Не валяй дурака Нерон Карабахский. Я снимаю напряжение!

Яма перед кустами. Слуший дарагой! Хочешь, чтобы с позором она в ней застряла, да! Ишак в глазах у всех будешь, да!..

Званцев в растерянности еще выше поднял рычаг, вместо того, чтобы опустить. Танкетка рванулась на смотровую яму и с

разбега перескочила ее, оказавшись перед кустами. Иосифьян в этот момент выпустил из огнемета струю.

Но она была не алою, а дымчатой. Кусты не вспыхнули, а покрылись грязно-серой пленкой.

Вдруг ветки раздвинулись, и на полянку вышел хромой генерал.

— Он сейчас загорится от взаимодействия с воздухом! — в ужасе вскрикнул Званцев.

— Противопожарная пена, не поджигает, а гасит огонь, — невозмутимо заявил профессор.

— Так ведь это огнемет, а не огнетушитель!

— Корпус огнемета, а в нем противопожарной пены в несколько раз больше, чем в огнетушителе. Ты мой машинный зал в лаборатории знаешь. Храм! Батарея огнетушителей нужна. Вот я и применил огнеметы, заменив горючее противопожарной пеной.

— Ишак и есть ишак. Это я про себя, — раздраженно сказал Саша. — Почему раньше не сказал?

— Думал человек, превративший задние колеса полуторки в торпеду, догадается, что игра с огнем в лесу — не пара пустяк, а серьезная угроза! Учить тебя всему надо, кацо.

Облепленный с ног до фуражки пеной, генерал, вынув платок, стал очищать ордена. Члены комиссии не могли удержаться от смеха.

Танкетка догнала пострадавшего, Иосифьян крикнул:

— Садитесь, товарищ генерал. Подвезем. Несмотря на хромоту, генерал догнал убегающую танкетку и вскочил, держась за огнемет.

Танкетка затормозила перед комиссией, и с нее победно сошел не веривший в успех предприятия генерал. Вид у него был уморительный.

— Что это ты, Кузьмич? В экипаже подкатил, а взмылился до пены, словно не он тебя, а ты его рысью по полянке вез, — с улыбкой спросил тучный генерал. — А что с огнеметом лесной пожар можно устроить, прав был. Изобретатели тоже догадались, и горючее в огнемете противопожарной пеной заменили.

— Какие молодцы! — говорил недавний скептик. — Не перевелись еще розмыслы на Руси. Это надо же! Сухопутную торпеду смастерили. Следует немедленно брать на вооружение Красной Армии! Я первый готов доказать ее преимущества.

— Наша комиссия наделена большими полномочиями. Я, честно говоря, сразу поверил в это новшество и заранее подготовил наше решение. Кстати, это мне было поручено Верховным главнокомандующим. Так что, при вашем согласии,

его необходимо подписать от имени ГКО: «Шестьсот двадцать седьмой завод Электропрома не эвакуировать, а перевести на срочное изготовление тридцати боетанкеток. В связи с отъездом руководства директором завода назначить профессора Иосифьяна, главным инженером — военинженера третьего ранга Званцева и придать заводу специальный батальон под его командованием. Дать комбату Званцеву право отзыва из любых воинских частей нужных специалистов для прохождения военной службы при заводе». Если комиссия согласна, я тут же подписываю этот документ для немедленного исполнения. У меня в машине целая канцелярия. Шофер — за машинистку, — говорил Турчанинов.

Комиссия согласилась.

Турчанинов и шофер забрались на заднее сиденье машины, и оттуда послышался стук пишущей машинки. А вскоре появился сам документ на бланке с круглой печатью. Турчанинов зачитал его, и он вступил в силу.

Профессор стал директором, военинженер главным инженером и комбатом, солдатам предстояло встать к станкам и верстакам рядом с оставшимися старыми рабочими, задержавшимися с отъездом.

Времени не было. Немецкие танки рвались к Москве. Командующий Московским военным округом генерал-лейтенант Артемьев, пожелав лично вручить Званцеву мандат на право отзыва военнослужащих с нужными для производства специальностями, пожимая Званцеву руку сказал:

— Выручай, военинженер. Немцы не знают, допустить такого не могут, но между ними и Москвой нет армейских частей. Это факт! Я бросил туда курсантов и стариков-ополченцев, для которых сабля привычнее пулемета. Выручай своими тележками-камикадзе. За первый подбитый в городе танк — очередное воинское звание и орден тебе обеспечены. Валяй, браток!

Глава третья. ДЫХАНИЕ АНТИХРИСТА

Страшна антихристова
сущность.
Он двадцать семь лет истреблял
людей.
На смерть трусливо и бездушно
Стадами слал былых друзей.

Нострадамус, Центурии,
VIII, 77,1555 г.

— Вот и считай, Сашок, что открыли нам с тобой «шабашку», — говорил Иосифьян, сидя рядом со Званцевым в зеленой «эмке», когда тот отвозил его в Москву после испытания танкетки.

— Что ты имеешь в виду под «шабашкой»?

— А ты не знаешь? Едем мы с тобой вдвоем в машине, так слушай дарагой. И для других сразу забывай. Это инфрасекретно! Понял?

— Еще бы!

— «Шабашка» от слова «шабаш», конец. Машина в воздух — все на волю! Ясно?

— Не очень. Проясни.

— Ты ж фантаст! Вообрази. Товарищ Берия собирает команду специалистов. Как это делает, узнать опасно… Создает им все условия и ставит задачу. Скажем, поднять новую машину в воздух, и тогда — шабаш! Всем — воля. Вообразил?

— Попробую на обратном пути. Только жутко.

— Чего бояться? Мы с тобой еще не доросли, не академики и не главные конструкторы… А своя «шабашка» есть! И все на воле!

Всю обратную дорогу по ночной Москве Званцев сидел за рулем. Фантазия его разыгралась, как в первые дни войны, когда он сидел в полупустой электричке и представлял себе Гитлера с окружением, готовящих прыжок тигра «Барбароссы».

В приемной начальника Главного управления «СМЕРШа» (смерть шпионам) не было стульев. Они были заменены откидными сиденьями вдоль отделанной дорогим дубом стены. На их краешках и пристроились вызванные «на ковер» генералы, не решаясь даже переговариваться между собой.

Едва адъютант в полковничьих погонах, исполняющий обязанности секретаря, пропустил в страшный кабинет очередного посетителя, как тот, словно ошпаренный, вылетел оттуда. В дверях показался сам Абакумов, выше среднего роста, атлетически сложенный, с мерцающими глазами на скуластом лице.

Ружейным залпом прозвучал стук откинувшихся сидений, когда вскочили разом посетители.

— Я у Лаврентия Павловича, — бросил на ходу Абакумов адъютанту и вышел в коридор.

По лестнице на следующий этаж он поднимался, шагая через две ступеньки.

В приемной Берия секретарь-адъютант, уже в генеральском чине, встретил его многозначительными словами:

— Вас ждут, товарищ генерал-полковник.

Берия в неизменном золотом пенсне величественно восседал в

кресле за затейливым письменным столом, судя по всему отнятым в революцию у бывшей знати.

— Можно подумать, что вам пришлось ехать ко мне через весь город, — недовольным тоном произнес он, добавив: — Впрочем, может быть, и придется ездить, но не так уж далеко.

— Я без лифта. Думал, что так быстрее, — переводя дыхание, оправдывался Абакумов.

— Садитесь, — указал Берия на стул перед длинным столом для совещаний.

Сам он поднялся и, подражая Сталину, стал расхаживать по кабинету, заложив одну руку за спину.

— Главнокомандующий сейчас занят переломом хода военных действий в нашу пользу. Ему некогда. Это надо понять. Мы должны поставить перед собой новую задачу.

— Товарищ Сталин? — с придыханием повторил Абакумов.

— У нас есть другой главнокомандующий? — едко спросил Берия.

— Нет, что вы, Лаврентий Павлович!

— Отныне мы должны помогать фронту, не только вылавливая немецких шпионов, а создавая у нас новые виды вооружения.

— Да, но… — пытался было вставить слово Абакумов. Берия насмешливо посмотрел на него, снял и протер пенсне:

— Не думаешь ли ты, что твои следователи на это способны?

— Нет, конечно, Лаврентий Павлович.

— Следователи должны будут подготовить творческий материал из мыслящих специалистов.

— А где их брать?

— А это уж твое дело. Найди. Ученых и инженеров пруд пруди. Отбери себе нужных людей и — к нам. И никаких церемоний.

— Вас понял! — вскочил начальник «СМЕРШа».

— Без наград не останемся. Ступеньки сделаешь и для меня и для себя, поскольку я тебе место освобожу.

— Целевые группы организуем. Под охраной! — радостно воскликнул Абакумов. — Будут работать как миленькие!

— Как миленькие работать станут, если им сказать: «Объект в воздух — все на волю!» Понимаешь? Пряник лучше кнута.

— Все ясно. Тотчас приступаю, — и Абакумов строевым шагом вышел из кабинета…

Это был старейший московский аэродром. Его поле помнило еще паровой самолет Можайского, который пролетел над землей всего несколько сажен. Здесь в разные периоды испытывали свои первые неуклюжие модели профессора Крылов и Жуковский, считающиеся отцами воздухоплавания. По их книгам учились все

западные завоеватели воздуха. Выведенные русскими корифеями науки теоретические формулы легли в основу всех летательных аппаратов тяжелее воздуха.

Достойным их учеником и продолжателем был лидер советского самолетостроения Андрей Николаевич Туполев, удостоенный того, что его инициалы АНТ красовались на крыльях созданных им самолетов. Последний из них проходил летные испытания в воздухе. Его создатель стоял в чистом поле военного теперь аэродрома. Полуседой, коренастый и, судя по чуть расставленным словно вросшими в землю ногам, твердо стоящий на земле человек, он, запрокинув голову, наблюдал за вычурными виражами дерзкого летчика-испытателя.

Помощники Туполева, инженеры и конструкторы, зорко следили за выражением лица руководителя и за тем как шевелятся его руки, сжимаются и расслабляются пальцы, словно лежащие на рычагах управления. Он будто сам выходил в пике, делал рискованный маневр, летел кверху колесами, выпуская убранные шасси, как для посадки на облако, плавно переходя в нормальный полет. По движениям бровей и уголков губ шефа люди старались угадать, какие еще изменения решит внести великий Туполев в свою чудо-машину?

Бесцеремонно расталкивая окружение, к Туполеву приближался Абакумов. Он глядел на главного конструктора то мутнеющими, то вспыхивающими глазками. Два офицера с только что появившимися на вооружении в Красной Армии автоматами, висевшими на ремне за правым плечом, дулом вниз, для удобства вскидывания, сопровождали его.

— Наше вам поздравленьице, Андрей Николаевич! Дозвольте получить автограф ваш, для меня лично бесценный, на расписочке вот этой, и мне ее вернуть…

Туполев прочел взятую бумагу, побледнел и схватился за сердце. Один из инженеров успел подхватить его под локоть, но тотчас был оттеснен офицерами-автоматчиками, вцепившимися в пожилого человека, вовсе не оказывающего сопротивления, и лишь с презрением сказавшего:

— И вы, что же, гражданин нарком, всех юбиляров арестами награждаете?

— Ну что вы, Андрей Николаевич! Какой же я вам «гражданин нарком». Мы не первый год знакомы. У меня имя отчество есть: Виктор Семенович я для вас, как и Берия — Лаврентий Павлович. У него разговорчик с вами будет.

— Как бы не повредило наркому у Берия такое панибратство с арестантом.

— Ну что вы, Андрей Николаевич! Разве это арест? Просто

заместо простой бумажечки ордерок для ареста дуралею-адъютанту под руку попался, а прокурор, приема ожидамши, стал ордерки подписывать. Ну и тот подмахнул.

— Прекратите валять дурака. Иосифу Виссарионовичу все будет известно.

— Непременно. Лаврентий Павлович все доложит. А ну! Отставить разговорчики! Не хочет по-хорошему. Заставим помолчать. И наручники наденем, — мерцавшие в глубине глазных впадин точки по-волчьи вспыхнули злыми огоньками.

И больше в наркомовской машине не раздалось ни звука. Туполев не боялся наручников, он пытался понять смысл происходящего. Не найдя разумного объяснения, вспомнил судьбу маршала Тухачевского. Видимо, руки Гитлера тянулись к «маршалу самолетостроения». Готовый к ложным обвинениям о передаче своих мыслей врагу, Туполев задумался о тех усовершенствованиях для последней машины, которые, как ему казалось, сделают ее еще лучше.

К Берия поднимались вдвоем, в лифте, оставив охранников внизу. Абакумов мерцающим взглядом хмуро поглядывал на Туполева, удивляясь его спокойствию.

В приемной Берия никого не было, кроме дремлющего генерала, адъютанта Берия. Сам он сидел у себя в кабинете, ожидая обычного ночного вызова. Правительство и члены Политбюро эвакуировались в Куйбышев. На Лубянке остались только Берия да его верный пес Абакумов. Военные не в счет. Война круглосуточная. Сталин сам ночью не спал и другим не давал, поддерживая этим если не боеспособность армии, то хотя бы напряженность среди своего окружения.

Берия встал при появлении Туполева:

— Здравствуйте, Андрей Николаевич. Надеюсь, как умнейший человек, вы оцените нашу заботу о вас и вашей работе, поймете своеобразный способ вашей защиты… А понять — это простить. Поверьте, мы обычно не просим ни у кого прощения.

— Чтобы понять благо издевательств надо мной, мне понадобится ваша помощь, Лаврентий Павлович.

— Ради Бога, Андрей Николаевич! Я к вашим услугам. Спрашивайте.

— Зачем было позорить меня, арестовывать при всем честном народе, верившем мне, отдающем все силы Родине? Зачем было двум молодцам с автоматами тащить меня под руки с поля, будто я упирался? Зачем бросать меня в темницу вместе с уголовниками? Не знаю, в Бутырках, Матросской тишине или Лефортово?

— Лефортово, — тихо перебил Берия. — Туда будут приносить вам передачи и письма, получать ваши.

— Какая от этого польза социалистическому государству, строящему коммунизм?

— Огромная! С вашей помощью мы отстоим Родину, завоюем воздушное пространство…

— И все это из Лефортовской тюремной камеры? — насмешливо спросил Туполев.

— Андрей Николаевич! — укоризненно покачал головой Берия. — Неужели вы не поняли, что мы на войне и это все — военная хитрость. Только для всех, и прежде всего для врага, вы арестованы и заключены в Лефортовскую тюрьму, а сами будете жить в уютном особняке на берегу Байкальского моря Иметь по своему выбору любых помощников, огромный завод и колоссальное алюминиевое производство, для выпуска невиданной армады воздушных кораблей, созданных в абсолютно неуязвимом для врага месте.

Сам так и не сев, но усадив «гостя!» в кресло, Берия прошелся по кабинету. Остановился перед ошеломленным Туполевым и продолжил:

— У вас образуется рабочий коллектив не принудительного, рабского труда из зеков концлагерей, а специалистов, занятых привычным делом, совершающих подвиг ради общей Победы и собственной свободы. Лозунгом для всех вас будет: «Новый самолет в воздух — все на волю». «Шабаш», по-рабочему говоря, то есть конец.

Он достал из шкафа бутылку кахетинского и наполнил два бокала. Один передал Туполеву, а свой поднял:

— Назовем наше тайное предприятие «шабашкой». Бокалы были осушены и наполнены вновь.

— Для нее уже есть задание товарища Сталина: создать скоростной бомбардировщик, способный беспосадочно и без дозаправки долететь до Берлина и обратно.

Берия залпом выпил свой бокал, а Туполев задумчиво рассматривал мениск золотистого вина в своем.

— Продолжение ваших работ в Москве грозило бы вам смертельной опасностью. Уже готовятся покушения на вас. Мы хотим вас уберечь для страны и для нашей Победы.

На столе Берия громко зазвонил, казалось, запрыгал красный телефон.

— Он! Его время! — воскликнул Берия. Держа недопитую бутылку в одной руке, другой осторожно снял трубку: — Слушаю, товарищ Сталин. Все так, как было намечено, Иосиф

Виссарионович. Взяли при большом стечении публики. Полный аншлаг. Реалистично, правдиво до последней степени, как завещал Станиславский. Думаю, что за сыгранную роль он в свою труппу взял бы. Как Туполев? В полном порядке. Уже несколько часов мой гость. Мы с ним ваше любимое кахетинское выпили, за ваше здоровье! Я горло смочил, он справедливый свой гнев смиряет. Ведь работать вместе придется. Ваше задание ему передал. Хотите сами подтвердить? Передаю ему трубку, — и, устало опустившись в кресло с высокой спинкой, протянул Туполеву телефонную трубку на скрученном спиралью проводе, какие тогда еще нигде не встречались, подобострастным шепотом произнес: — Сталин!

— Здравствуйте, Иосиф Виссарионович. Спасибо… Ничего. Так… сердечко напоминает порой о своем существовании… Я тоже думаю, что санаторный режим в сосновом лесу ему на пользу. Ведь у меня целитель волшебный… Нет, нет! Его не надо забирать, да еще вместе с клиникой. Это моя работа — замечательный жизненный стимул. Потому настроение на работе бодрое и ко дну не иду. И если б не сегодняшний спектакль, седины бы меньше было… Да, да, Лаврентий Павлович, Абакумов все объяснили… Ну, что сказать, товарищ Сталин… Продумать надо. Задание неимоверной трудности. Нигде в мире ничего подобного нет. Это ведь не чкаловский перелет в Америку. Вернуться надо, и без дозаправки. Немцы не заправщиками встретят, а «мессершмидтами». Конечно, вы правы, голова дана, чтобы думать, а не унитаз заполнять… Как я понимаю, у меня только один выбор: или Псевдолефортово или Лефортово. Мечта у меня есть, теоретически выполнимая. Сверхзвуковую скорость превзойти… Буду рад, товарищ Сталин, если позвоните из Москвы… Непременно выпью за ваше здоровье.

Берия, сняв пенсе, откинулся на спинку кресла и, приоткрыв рот с золотыми зубами, спал. Проснулся мгновенно и его неприятно пронзительные глаза, вновь прикрытые стеклами пенсне, словно и не спали.

Званцев у переезда близ Северянина не выехал на Ярославское шоссе, а свернул в Лось. Решил переночевать сегодня на даче у стариков. Самому прийти в себя и рассказать им, конечно, не о Берия, а о своем новом назначении.

Глава четвертая. ИСХОД

Сгустились тучей облака.
Спешит, бежит людей река.

Работа на заводике в Самарском переулке, бывших механических мастерских, размещенных в старых конюшнях, закипела. Нарочные привозили из Перловки эскизы деталей разобранного по приказу Званцева самостоятельно бегающего заднего моста полуторки, чтобы не конструировать его снова, а делать копии действующего образца.

Уже несколько готовых танкеток стояло в тесном дворике завода, но их не забирали. Наконец из штаба военного округа пришло предписание погрузить станочное оборудование и готовые изделия на подготовленные в Перловке грузовики и не позднее 16 октября 1941 года начать движение по Горьковскому шоссе к городу Коврову, где оставить бригаду для продолжения работ. Далее передислоцироваться на Волгу, в Горький, и организовать там производство танкеток.

Саша передал приказ Иосифьяну. Тот покачал головой.

С горечью смотрели друзья, как грузили только что укрепленные на фундаменте и опять снятые с него станки, как укрывали брезентом поставленные в кузове на ребро танкетки.

Зеленая «эмка» с директором и главным инженером возглавляла автоколонну. В последней полуторке с танкетками сидел рядом с шофером старший политрук Жаров, а в кузове, укрывшись брезентом, — ветераны Званцевской группы. Им уже не надо было возвращаться ни в Перловку, ни под Серпухов в расформированный 39-й запасный саперный батальон. Теперь уже майор Зимин ждал нового назначения. Поразившись успехам Званцева и прочтя решение ГКО о создании под его командованием специального батальона, он передал старшему политруку комиссару Жарову круглую печать воинской части № 5328. Под этим номером и будет отныне числиться специальный батальон, приданный «заводу боетанкеток» № 627.

Улицы Москвы были неузнаваемы. Люди толпами бежали из города, страшась зверств гитлеровцев. Говорили, что Гитлер хочет стереть с карты мира Москву, куда так стремился, чтобы принять парад своих доблестных войск на Красной площади с «мечетью» (храмом Василия Блаженного), так и не снесенной, по замыслу бежавшего из русской столицы Наполеона. На проезжих частях улиц валялись непосильные для дальнего пути чемоданы или детские коляски без колес, отвалившихся, не выдержавших веса захваченного скарба. Детей вели за руки или несли на руках. Они плакали и жаловались на усталость. Старушка несла вверх «ногами» дорогую ей икону. Седые, в белых шапочках вместо пилоток старики-санитары, впрягшись парой, везли тележку с забинтованными солдатами. Там и тут, подозрительно оглядываясь, шныряли отставшие от своих частей солдаты, и

даже офицеры. Над уходящей толпой висел гул нестройных голосов. Но четко выделялся знакомый голос радиодиктора. Вместо фронтовой сводки он передавал результаты седьмого тура чемпионата Москвы по шахматам:

— Во встрече двух лидеров мастер Евгений Загорянский получил подавляющее преимущество против прошлогоднего чемпиона Василия Панова. Мастер Петр Романовский… — передача прервалась, и тот же голос возвестил: — Через несколько минут слушайте сообщение «В последний час».

В воздухе крутились и планировали в ноги бредущим какие-то бумажки с текстом отпечатанным на бланках.

— Не многие вернутся с поля боя, — процитировал Иосифьян.

— Но вернутся обязательно! Не отдадим Москвы! — заверил Званцев.

Перед отъездом с завода к комбату и директору явился парламентарий от солдат и рабочих.

— Разрешите обратиться, товарищ комбат?

— Докладывайте, сержант Курганов. Что там у вас?

— Так что, товарищ комбат, ребята решили партизанский отряд в Москве образовать. Командиром вас, товарищ комбат, выбрали. Производство танкеток скоро не возобновить, а здесь драться уже завтра надобно. Каждый человек, каждая винтовка на счету. Укроемся в Лосиноостровском заповеднике. Там в гуще и нынче лоси водятся, и нам грешным место найдется. Мы рядком устроимся и набеги на немцев делать будем беспощадные. Базы их и штабы разные взрывать станем. Наши старички-рабочие, кого в армию не взяли, разведчиками будут, девчонки заводские связистками послужат. Дайте «добро», товарищ военинженер. А то немцы завод наш на свои нужды работать заставят. Лес заповедный на Перловку выходит, на полянку нашей ремонтной базы. Там кое-что осталось. Бабы с окрестных деревень жратву приносить будут.

— Ладно скроено, без швов. А ты, танкист, не только мастер на все руки, но и речи держать мастак. И кто это все так ловко придумал, что глупым немцам невдомек будет?

— Да все я, товарищ комбат. Вы уж извините, ежели что не так.

— Поймите, вы оба! Я и все, кто с тридцать девятого года в армии. Мы не находимся в окружении или в безвыходном положении, когда помочь Родине можно, только уйдя в1 лес к партизанам. Получен приказ, учитывающий общую обстановку. Его невыполнение грозит директору административным взысканием, а комбату — трибуналом и расстрелом. Разговор

окончен. Выполняйте приказ.

И приказ был выполнен. Автоколонна двигалась по Горьковскому шоссе, следом за такими же автоколоннами заводов, покидающих столицу.

— Саша, мы должны вернуться, и вернуться первыми. Притом немедленно, навстречу беженскому потоку, чтобы развернуться в полупустой Москве. Мы должны возникнуть, как феникс из пепла. Мы с тобой завод-институт создадим для нужд фронта. Лучшие научные силы привлечем. Я знаю, где их найти, — Иосифьян выжидающе посмотрел на Званцева.

— А приказ? А трибунал?

— Пустяк! Приказ выполняется. В Коврове оставим часть завода и батальона. Пришлют готовые к бою танкетки. А трибунал? «Когда дипломаты шумят — пушки молчат». Когда пушки палят и танки взрываются — судьи гадают, кто победит. Победителей не судят. Побежденных добивают. В пустой Москве мы с тобой такое натворим, что десяток расстрелов заслужим, но для Победы не пустяки, а шедевры дадим, и судьи молчать будут в тряпочки. Шедевр — не пара пустяк. Его не на конюшне в Самарском переулке создавать надо, а во дворце. Я такой присмотрел у Красных ворот. К нашему приезду пустой будет.

— Ну, была ни была! Русский изобретатель Кулибин великим стал, когда его во дворец взяли, за часовыми механизмами присматривать.

— В нашем, Сашок, дворце все часы час Победы покажут!

— У меня приказ. Мы танкетки против немцев, а не для них готовили. Вот наладим дело в Коврове. Другую группу в Горький с Виктором Васильевичем Жаровым направим. Вот тогда сами обратно навстречу потоку махнем.

— Нельзя медлить, Сашок, нельзя. Мы в пустой Москве таких дел натворим. Я всегда говорил, что институты не чертежи должны выпускать, а новое изделие с разработанной технологией и оснасткой. Верно, я говорю? Мне всегда места не хватало для размаха. Пустяк делали. Одни отчеты для туалетов. Завод-институт должен быть как единое целое. И серию, сразу серию производству передавать. А это уже не пустяк.

Профессор развивал свои новаторские мысли, а Саша то и дело съезжал на обочину перед застрявшим грузовиком с поднятым капотом и копошащимся под ним шофером. Автоколонна вытесняла растянувшуюся по шоссе бесконечную ленту беженцев в заросший, но вязкий от осенних дождей кювет.

Иосифьян сладко уснул, сидя рядом с Сашей, управлявшим машиной. Проснулся он, словно от толчка, когда машина встала:

— «Это что за остановка? Бологое иль Поповка?»

— Это город, брат, Ковров. Разгружаться будь готов.

— А обратно?

— Обязательно вернемся. Не отдадим Москвы, — еще раз подтвердил Званцев.

На перекрестке, что за пустырем перед Ковровским заводом, живой статуей стояла молоденькая регулировщица. Как на витрине дамских мод выглядела на ней щеголевато-изящная военная форма. Армейский автомат за плечами напоминал о беспрекословности выполнения ее приказов, подкрепленных автоматной очередью при ослушании любой машины, хотя бы генеральской. Стоя изваянием повелительницы шоссе, она артистически отработанным движением поворачивалась то в профиль с курносым носиком, то серьезным круглым личиком со светлой челкой, выпущенной из-под заломленной пилотки, и грациозно протянутой рукой с флажком отдавала распоряжения всем, кто подъезжал к ее владению.

Вскоре это предстояло сделать Званцеву.

Наладив доводку незаконченных танкеток, предназначенных для отправки в Москву, комбат уже отобрал первую для возвращения группу во главе с ним и профессором Иосифьяном.

Зеленую «эмку» заправляли горючим. За нею следом пойдет освободившаяся от груза полуторка с первым отрядом бойцов — работников будущего завода-института под командованием сержанта Виктора Званцева, откомандированного военкоматом в батальон № 5328, где комбатом был Саша Званцев, его брат.

В «эмку» уселись: Званцев — за руль, рядом с ним — Иосифьян, надевший на себя запасную военную форму Куцакова, в шутку называя себя Куцакяном. Их помощники: Печников, Савочкин, танкист Курганов — с комфортом устроились на мягком заднем сиденье.

На перекрестке снова увидели знакомую регулировщицу, вставшую с утра на свой пост. Званцев световым сигналом запросил поворота на Москву и улыбнулся «царевне дорог», как мысленно прозвал ее. В ответ она царственным жестом дала «добро» на столицу, и Саша выехал на середину перекрестка, но нужная ему полоса шоссе оказалась занятой.

Поток покидающих Москву машин и усталых пешеходов со вчерашнего дня не убавился. Автоколонны, двигаясь по своей проезжей части, вытеснили пешеходов. И они, кто с тачками, кто с детскими колясками с детьми или домашним скарбом, оказались на встречной полосе, преградив Званцеву путь на Москву. Регулировщица с флажком пришла ему на помощь. Но, в отличие от автомобилистов, пешеходы неохотно подчинялись ее сигналу, теснясь к обочине. Званцев решил своим сигналом

помочь им. Но едва он двинулся с места, откуда-то из городских переулков вырвался огромный грузовик с колесами в печниковский рост и, как говорится, нахально подрезал «эмке» нос, нацелясь на ту же «московскую» полосу шоссе, забитую беспорядочной толпой беженцев.

Регулировщица, разгневанная беспардонным у нее на глазах поведением мощного грузовика, армейским шагом направилась к кабине нарушителя и увидела, как водитель дернул за шнурок. С близкого расстояния она не заметила зашторенной клетки на крыше кабины, но услышала пронзительный голос:

— Танки! Танки! Спасайтесь!

Толпа перед машиной в миг рассыпалась, и он устремился в открывшуюся брешь. На соседней полосе люди повыскакивали из машин в поисках укрытия.

Конечно, паника и замешательство охватили лишь передние, услышавшие панический голос с грузовика, ряды многокилометровой ленты «исхода». Назад истерический крик передавался искаженным: «будто в Коврове уже немцы, что идет бой за шоссе, обе стороны несут большие потери». И мало кто услышан все тот же голос из птичьей клетки:

— Попка-дурак! Попка-дурак!

— Попугай! — воскликнула начальница перекрестка. — Ну, погоди! Я вам покажу, как порядок нарушать и попугаями пугать. Нюрка! — совсем не по-военному на весь перекресток крикнула она.

Правофланговая, высокая, тоненькая девушка с одной лишь полоской на погонах, а не с двумя, как у подруги, но тоже с автоматом за спиной, вытянулась перед ней.

— Подменишь меня на посту, а я на попутной догоню нарушителей. Пропусти две «санитарки» на Москву следом за «эмкой», — распорядилась начальница перекрестка и подошла к ожидавшему начала движения Званцеву.

— Разрешите обратиться, товарищ военинженер?

— Прошу, товарищ старший сержант.

— Помогите догнать нарушителя. Званцев открыл дверь.

— Садитесь, — сказал он и подвинулся вправо.

Девушка, нисколько не смутившись, приняла приглашение, и Саша ощутил тепло женского тела, вынужденно прижавшегося к нему, нажал на газ и рванул вслед за удаляющимся с попугаем в клетке на кабине грузовиком.

— Вы лучше к нам бы сели, девушка. У нас мягче и водителя б не стеснили, — сладким голосом предложил Печников.

— Я вам не девушка, товарищ воентехник, а старший сержант при исполнении обязанностей и мягких перин не ищу.

— Разговорчики!! — строго одернул обоих комбат.

Он уже догнал нарушителя и, выехав на обочину, легко обошел грузовик, встав перед ним поперек шоссе. Регулировщица выскочила из «эмки» и, сняв автомат с плеча, направилась к водительской кабине. Званцев не усидел и вышел за нею следом. Иосифьян присоединился к нему, Печников тоже, оставив Савочкина и Курганова стеречь «эмку», лакомый кусочек для армейской шоферни.

Попугай, без конца выкрикивал:

— Попка-дурак! Попка-дурак! Танки! Танки! — и снова: — Попка-дурак!

Сбежавшиеся водители, смешком скрывая смущение, вернулись к своим машинам. Движение автоколонн возобновилось. Пешеходы возвращались со скошенного поля или вылезали из кювета.

Регулировщица, сопровождаемая офицерами, потребовала, чтобы водитель грузовика спустился на шоссе.

Перетрусивший парень в гражданской куртке и кожаной кепке по-цирковому спрыгнул, не воспользовавшись лестницей:

— Прошу извинить, товарищи, глупую птицу. Она вообразила, что представление начинается. Я — артист. Оставлен по брони при цирке. Везу свой номер нашей фронтовой бригаде циркового искусства, скрашивающей отдых доблестных бойцов Красной Армии. Пусть посмеются, глядя, как мои животные покажут — «Не так страшен танк, как его малюют».

— Довольно, товарищ водитель. Надо было бы отобрать у вас водительские права, но я ограничусь реквизицией источника беспорядка на дороге.

— Реквизит? — не понял артист цирка. — Он весь здесь со мной. Замечательно дрессированные хрюшки, куры, лебеди, ну и наша звезда — попугай.

— Вот попугая-то я у вас и заберу.

— Это невозможно! Товарищи офицеры! Вступитесь за воюющее рядом с вами искусство. Без попугая рушится весь спектакль. Своим паническим криком Попка открывает действие. Куры с кудахтаньем разлетаются со своих насестов, но навстречу угрюмым танкам появляются великолепные лебеди, их вытянутые шеи знаменуют длинноствольные противотанковые орудия. И танки, словно поджавшие хвосты «тигры», сраженные «лебедями» Красной Армии, или замертво падают, или обращаются в бегство. Это очень смешно и вселяет уверенность в нашу силу против фашистских зверей. Полюбуйтесь на них. Уморительный вид. Я открою среднюю стенку кузова. Смотрите, смотрите!

Из открывшегося кузова пахнуло хлевом и курятником.

Разделенный на три этажа кузов вместил внизу штук двадцать свиней, выкрашенных под тигровую масть. На втором этаже на насестах дремало множество кур. Пол третьего этажа был просторной ванной, где царственно плавали белоснежные лебеди.

— Уважаемая начальница, товарищ старший лейтенант…

— Сержант, — поправила регулировщица.

— О! Это еще выше, потому что ближе к народу. Не отнимайте у меня и отдыхающих после боя красноармейцев это представление. Проколите мой талон на право вождения, сделайте на нем письменное замечание. Но, может быть, вам самим придется посмотреть паше представление. Не только труппа моя приближается к передовой, но сам фронт с немецкими танками приближается к нам.

— Ладно! — решительно объявила глава дорожного движения. — Попугая в клетке повесишь в курятнике. Давай талон. Дырку в нем сделаю. Закрывай свой зверинец.

Артист тотчас выполнил все приказания. Получив свой талон, посмотрел его на свет, покачал головой и патетически воскликнул:

— Пробитое пулями знамя!

Регулировщица подошла к Званцеву, взяла под козырек и, словно рапортуя, сказала:

— Товарищ военинженер третьего ранга! От имени военной инспекции дорог объявляю вам благодарность за помощь в задержании нарушителя.

— А вам, товарищ старший сержант, передаю сердечное спасибо от войсковой части № 5328 за поступок истинной царевны дорог, — ответил Саша, прямо смотря в васильковые глаза «царевны». — До сих пор я только воображал вас ею, когда вы стояли на посту.

«Царевна» зарделась, потупилась. Еще раз взяла под козырек, перекинув автомат за плечо. Увидела мотоциклиста, виляющего между машинами, чтобы проскочить в Ковров. Флажком остановила его, вскочила на заднее седло, и взревевший, словно от радости, мотоцикл уносил ее от Званцева, обернувшуюся, с поднятой в знак прощания рукой.

Комбат предусмотрительно пропустил две санитарные машины вперед, и поехал следом. Их пронзительные сирены прокладывали путь на Москву.

Навстречу им двигались машины и густая толпа людей, катящих кто тачки, кто детские коляски с вещами. Горе, большое общее горе сдавливало горло каждому из них.

Потемневшее, затянутое тучами небо прорезали светлые щупальца прожекторов. В одном месте они, словно сговорившись,

скрестились и высветили силуэт вражеского самолета-разведчика. Вокруг него вспыхивали яркие облачка разрывов зенитных снарядов. Самолет круто пошел вниз, оставляя за собой клубящийся дымный след. Вдали вспыхнул огненный фонтан — и накрылся черной тучей.

— Сбили! Сбили! Это не пара пустяк! Ай да девочки! Они не только на перекрестках отважно стоят! — радостно воскликнул Иосифьян.

Все зенитные батареи города были в основном девчачьи. Девушки, как ангелы, защищали город от нападения сверху. В выглаженных гимнастерках, безжалостно перетянутых поясками, в лихо затомленных пилотках и в начищенных сапожках, они как бы вели на веревках по бульварам длинные надутые чудища-аэростаты, удерживая их от взлета. Поднявшись на длину веревок в нужных местах города, эти летающие сторожа не дадут воздушным разбойникам пролететь на малой высоте, расстреливая прохожих из пулеметов. И девичьими усилиями эти чудища, похожие на исполинских рыб, день и ночь защитной сетью висели над городом.

— Сбили, сбили! — весело подтвердил Печников. — Знало командование, кому поручить. Женщины — они без промаха бьют.

— А ты что? Пострадал? — спросил танкист Курганов.

— И не раз, — хмуро ответил Печников.

Въехали в город, удивив на КП проверяющих документы направлением своего движения. Приказ за подписью самого командующего МВО открывал им доступ в эвакуируемый город.

Глава пятая. ЗАВОД ИМЕНИ ЖЮЛЯ ВЕРНА

Мечтой научною романтик
Сумел читателей увлечь.

Машина уверенно направилась к центру. Там у Красных ворот размещался эвакуированный НИИ-20. Он занимал роскошный особняк какого-то нефтяного магната. Вокруг высились многоэтажные помещения, пригодные для цехов и лабораторий нового завода-института, пока не имеющего ни названия, ни вида на жительство.

В день его рождения, поздним вечером 16 октября 1941 года, поезда с эвакуированными предприятиями и министерствами отходили с разных вокзалов один за другим. Люди размещались в теплушках — «сорок человек, восемь лошадей». Лошадей не было, но людей набивалось и поболее сорока.

На улицах кружили в пыльных облаках бумажки с круглыми печатями и машинописные листки из брошенных в панике шкафов. Званцев и Иосифьян осмотрели особняк, объявив его занятым батальоном комбата Званцева, поставив охрану во главе с сержантом Виктором Званцевым. Его, призванного в армию, Мытищинский военкомат направил к брату-комбату, посланному в Серпухов и уже заслужившему стремительное повышение. Виктор, как и младший брат, прибыл из Коврова, на полуторке вместе с группой бойцов — слесарей, токарей, фрезеровщиков.

Особняк оказался действительно роскошным. Мраморные лестницы, скульптурные украшения, великолепные камины, художественная роспись потолков, китайский шелк на стенах. Иосифьян, как директор, занял кабинет с камином и старинным письменным столом. Распорядился раскрыть стыдливо спрятанные изображения прекрасных обнаженных женских тел на потолке.

Главный инженер выбрал комнату напротив, шутя: — Прежде был всегда в долгах, теперь буду в шелках. Она прилегала к бальной зале, где разместили конструкторское бюро во главе с вызванным уже из Горького лейтенантом Зубковым.

Рядом с порталом особняка, куда подъезжали когда-то кареты с разодетыми дамами, на вымощенном камнем дворе стоял дом с фундаментами станков. Инженеру Савочкину поручили создать здесь механический цех, пополнив его невывезенным оборудованием уехавших заводов. На другом этаже должен был возникнуть электроцех высокой частоты. Молодой будущий академик Займовский собирался получать здесь постоянные магниты небывалой силы, ради чего он сам, после телефонного звонка, прибежал к Иосифьяну. Так же узнал по телефону о возникающем институте доктор технических наук Бабат и получил неограниченные права действовать для воплощения своих идей транспорта на токах высокой частоты. Во втором дворе, замкнутом однотипными зданиями, намечалось создать химическую- и радиолаборатории, последняя разрослась в радиоцех.

Иосифьян и Званцев занялись привлечением в институт оставшихся в Москве ученых и инженеров, чем бы они ни были заняты. Первый их набег был на ВЭИ, Всесоюзный электротехнический институт, где они оба прежде работали. Унылый вид пустынного двора, окруженного пустующими зданиями, сжимал у друзей горло. Вдали, между лабораторией Иосифьяна и Опытным заводом, виднелась фигура высокого горбившегося человека с ружьем за спиной.

— Сорокер! Что ты тут делаешь?

— Сторожу, Андроник Гевондович. В ночную смену вышел.

— Первый в стране расчетчик электромашин в сторожах?! А ты из своей берданки стрелять-то умеешь?

— Дали — вот и взял.

— Это вроде ответа на вопрос, играешь ли ты на скрипке? «Не знаю. Не пробовал»! Зато рассчитать любое электроустройство можешь, не пробуя. Есть у тебя для фронта ценная идея?

— Конечно, есть. Но сунулся с ней — и получил ответ: «Сейчас воевать надо, а не изобретать».

— И ты утерся? А ведь «чтобы воевать, надо изобретать!» Собирайся! Сдавай свою берданку и скажи, что распоряжением командующего МВО ты зачислен в батальон военинженера Званцева при шестьсот двадцать седьмом заводе, в воинскую часть ученых и изобретателей № 5328. Там не ишаки какие-нибудь, а настоящие люди. Управляемую сухопутную торпеду сделали — Москву защищать.

— Как это торпеда сухопутная, да еще и управляемая? Не понимаю.

— У нас многое поймешь. Даже что такое «пара пустяк»!

— Тогда заглянем вон в тот корпус, где два окна светятся. Там Вадим Охотников за свои «пустяки» получил звание Заслуженный деятель науки и техники, а в соседней комнате инженеры Хлебцевичи удивляют своими поделками тайных замков и хитрых мин.

— Берем! Такие ребята нам подходят. Верно, Саша?

Охотников оказался полным и жизнерадостным человеком. Он неохотно оторвался от наладки микрофона не-бывалой чуткости, действующего на изменении емкости. Изобретатель объяснил, что такой микрофон приведет в действие любое устройство, начиная с сигнальной сирены и кончая уничтожающим взрывом на любом отдалении.

— Вы для нас неоценимый клад! Здесь вы работаете на грани возможного. У нас перейдете эту грань! — заверил Иосифьян.

И они обменялись рукопожатиями.

Молодые люди, братья Хлебцевичи, были полны идей и охотно демонстрировали различные хитроумные модели для разных целей, включая межпланетные путешествия.

— Это понадобится, а ваши неизвлекаемые мины и сейчас нужны, как воздух. Словом, наши вы теперь!

За два дня такой охоты за фантазерами по академическим и ведомственным институтам в Хоромном тупике, в особняке с пристройками и конюшнями, где сделали гараж, собрался разношерстный коллектив энтузиастов, готовых к воплощению своих выдумок.

Каменный двор особняка успели занять боетанкетками, готовыми встретить немецкие танки, но те уже были отброшены от Москвы.

Званцев, проезжая в «эмке» по Пушкинской площади мимо здания Радиокомитета, увидел у входа невысокого лейтенанта в армейской шинели с чужого плеча и узнал в нем Кирилла Андреева из Детиздата. Редактор «Пылающего острова» сделал его, начинающего автора, писателем. Званцев вышел из машины. Учитель-лейтенант и ученик-военинженер обнялись.

— Откуда вы, Кирилл Константинович?

— С фронта, с передовой. Я из дивизии ополченцев. Стоим рядом с подоспевшими сибиряками. Жуков остановил немцев. Нас отводят на отдых. Мне увольнительную даже дали. Надо в Радиокомитет. Тут моя постоянная передача идет — «Музыкальная шкатулка».

— Всегда слушал. И не думал, что она продолжится.

— Дело не в этом, а в Жюле Верне. Я готовлю трехтомник: «Три жизни Жюля Верна». Все бесценные материалы остались у Надежды Ниловны, жены моей. Не знаю, что с ней будет и куда денутся материалы для книги — смысла моей жизни.

— Все решается просто. Вот мой мандат. Я отзываю вас в свой батальон и, как главный инженер завода-института, назначаю вас заведующим бюро информации. Ваша задача — отыскивать нам в мировой фантастике темы для фронтовых разработок. Мы собираем у себя фантастов от науки и техники, чтобы дать фронту необычные разработки. Искал Юрия Долгушина, автора «Генератора чудес», а нашел вас, великого знатока мира фантазии. Самые невероятные идеи найдут у нас применение и помогут одолеть фашистов, защитить Союз. Жену вашу библиотекарем сделаем. А идеи фантастов реализуем.

— Тогда вашему заводу не хватает названия: имени Жюля Верна.

— Верно, Кирилл Константинович! Это ваш первый вклад: теперь наш завод-институт будет носить имя Жюля Верна.

Московские «партизаны от науки» решили передавать свои новшества через инженерный отдел Московского военного округа. И Званцев отправился туда.

Полковник Третьяков не мог сдержать своего возмущения при виде Званцева, который должен был находиться в Горьком.

— Разрешите доложить, товарищ полковник. В связи с изменившейся фронтовой обстановкой, когда наши войска, под командованием генерала армии Жукова, нанесли немцам первое поражение, отбросив их от Москвы, а у врага в тылу появились наши партизанские отряды, я разделил свой батальон на две

части: одну — под командованием комиссара старшего политрука Жарова, во исполнение вашего приказа направил в Горький, где создан филиал завода № 627 и налажено производство наземных торпед, ждущих применения. Нам же с директором завода профессором Иосифьяном удалось создать в полупустой Москве пока документально не оформленный научный центр, куда привлечены видные научные силы. Прошу принять в подчинение этот центр и передать в действующую армию готовые изделия.

— Прежде всего, объявляю вам за ваши самовольные действия выговор с предупреждением об отстранении от должности с понижением в звании. И потом, какого кота в мешке вы мне подсовываете, что за новые изделия можно было сделать за такой срок? Бросьте морочить мне голову. И отправляйтесь на гауптвахту, где обдумаете свою судьбу.

— Есть отправиться на гауптвахту. Но разрешите спросить, товарищ полковник, кто покажет вам новый центр и его изделия? Профессор ждет вас в нашей машине, но он не имеет водительских прав.

— Хорошо. Отвезете меня в свое логово и покажете ту ерунду, какой занимаетесь. А потом отправитесь с моим направлением на губу на пять суток.

— За пять дней мы успели сделать все то, что вы увидите.

— Лучше один раз увидеть, чем десять раз выслушать вашу болтовню, — гневно ответил полковник, надевая шинель, а провинившийся офицер, стоя навытяжку, ел глазами начальство.

Садясь в машину и козырнув сидевшему там Иосифьяну, полковник ворчливо буркнул:

— Мне очень жаль, товарищ профессор, что вы содействовали нарушению приказа пока еще военинженером Званцевым.

— Разрешите засвидетельствовать, что завод наш размещен и работает силами вашего батальона в Горьком. Здесь покажем не пара пустяк, а кое-что похлеще первых боетанкеток.

Ехали молча до самых Красных ворот. Званцев остановился у портала здания с роскошным парадным входом.

— Куда вы меня привезли? — недоуменно спросил Третьяков.

— В партизанский научный центр имени Жюля Верна.

— Шутить изволите, почтеннейший профессор.

— Нисколько. Прошу в мой кабинет.

— Да это музей какой-то! Один потолок с голыми бабами чего стоит. Как в борделе перворазрядном.

— Не знаю, к какому вы нас разряду отнесете, если взглянете не на потолок, а на стол с несколькими пустячками.

Профессор указал на стандартную противотанковую мину.

— Это что? Действительно пустяк! Обычная мина?

Не вполне. Заслуженный деятель науки и техники Вадим Дмитриевич Охотников сделал ее неизвлекаемой, — пояснил не без гордости профессор.

— Это как же?

— Мина лежит на фанерном листе. Ни мину, ни лист нельзя тронуть. Произойдет взрыв, — вступил Званцев. — Он знаменуется вспышкой сигнальной лампы в этом окошечке. Достаточно не то что приподнять мину, но лишь коснуться ее — и лампа вспыхнет. Закопанная мина взорвется, если ее пытаться обнаружить миноискателем. Абсолютно неизвлекаема. Мы уже переправили партизанам штук тридцать.

— А сами они не подорвутся?

— Это исключено. Мина снабжена предохранителем и вполне безопасна. Но после ее закапывания над нею проводят постоянным магнитом небывалой мощности, разработанным у нас академиком Займовским. Магнит вытаскивает железный предохранитель, который обратно не вставить.

— Пожалуй, для немцев неприятный сюрприз, — начал оттаивать полковник. — А это что, обычная граната?

— Она не вполне обычная. В ее рукоятку вставлена трубка с реактивным зарядом. Она надевается на ствол обычной винтовки. При выстреле пуля поджигает этот заряд и граната получает импульс кинетической энергии и от винтовочной пули, и, длительный, от загоревшегося реактивного заряда хвостовика. Такая граната, выстреленная из обычной винтовки, пролетает значительное расстояние, нанося урон наступающему врагу. Мы поставили несколько сот таких гранат с реактивным хвостовиком. И не только партизанам.

— Задумано лихо. А главное, не чертежи вы даете, а партии новых устройств. Не ждете принятия на вооружение. И винтовки обычные! — поощрительно спросил полковник. — А это что за рация? Партизанская что ли?

— Не только. Эта рация А-7, — вмешался директор Иосифьян. — Ее передачи нельзя перехватить, поскольку они закодированы не на амплитуде, то есть не на размахе колебаний, а на меняющейся частоте. Мы создаем для их производства целый радиоцех, под руководством лихого, полученного от вас парня Шереметьевского. Подумайте, ничего этого не было бы, не вернись мы в опустошенную, испуганную Москву и не найдя там порох в пороховнице. Надо было только копнуть, найти факелы — энтузиастов — и поджечь их! — патетически закончил профессор.

Вошла секретарша и доложила:

— Андроник Гевондович. К вам приехал академик Иоффе.

— О, Саша, это твой ленинградский знакомый. Хотел нам

помочь, а получил совсем другое. «Что думал — что вышел!» — как говорят у нас в Нагорном Карабахе.

— Абрам Федорович был на полигоне в Лужниках, там где собирались стадион строить. Мы там гранаты с хвостовиком испытывали. Он узнал меня и очень одобрил наши дела. Сказал, что приедет к нам во дворец с королевским подарком.

— Проси, проси почтенного ученого к нам. Товарищ полковник простит нас за перерыв в нашей с ним беседе.

— Конечно, конечно! — закивал ошеломленный всем происходящим полковник. — Я хочу свести вас с начальником вновь созданного Штаба партизанского движения, с товарищем Пономаренко.

— Пантелеймоном Кондратьевичем, первым секретарем ЦК Белорусской компартии? Так это же наш парень! Он у Саши Званцева вместе с Калининым, сыном Михаила Ивановича, помощником работал. Электропушку создавали. Пантелеймон нас поймет. Мы ему, ой как нужны будем, как горцу ишак. А вот и академик. Привет Абраму Федоровичу, гордости советской науки.

— Здравствуйте, московские партизаны научного поиска! Рад встретить моего знакомого-, ныне военного инженера низкого для него ранга.

— Разрешите обратиться, товарищ академик? Я из Московского военного округа, инженерный отдел. Это временное звание. Я уже предупредил его о предстоящем изменении. По-новому инженер-майором будет.

— Поздравляю! Подарок ко времени.

— Подарок, даже бесценный, — пара пустяк по сравнению с вашим вниманием.

— О, нет, профессор! Не пара и не тройка пустяков, а целая лаборатория термоэлементов с двумя докторами наук, с Маслоковцом и Дунаевым. Вот их продукция. — И он водрузил на стол принесенный медный чайник. — Друг охотников и рыболовов, а ныне партизан, разводящих под ним костер. От его жара чайник даст и кипяток, и электроток от вделанных в дно термоэлементов для зарядки аккумуляторов любой рации.

— Вот истинно королевский подарок! И как бы наши потолочные дамы от восторга молочком нас не окропили. Если Абрам Федорович согласится, то наш главный инженер, будущий инженер-майор Званцев, покажет наши владения, а я Пономаренко позвоню. Позвольте и про ваш чайник сказать.

— Это теперь ваш чайник вместе с лабораторией, — и академик направился вместе с полковником и Званцевым к выходу, слыша, как Иосифьян кричит в телефон:

— Пантелей! Здорово! Это я, Андроник, карабахский ишак,

прошусь к твоему превосходительству на прием с букетом сюрпризов. Идет! По рукам!

Глава шестая. ЭЛЕКТРОКАМИКАДЗЕ

Зачем солдату жертвовать собой?
Не лучше ль заменить его машиной?

Директор нового завода-института вызвал к себе Званцева:

— Садись, Сашок, и приготовься к холодному душу. Наше местопребывание раскрыто. То, что было под носом у Наркомата электропромышленностии и не замечалось целый месяц, обнаружили. Мы вроде невидимок из романа Уэллса были. Наконец услышали наш ишачий крик и увидели досель неведомые вещи. Теперь едут брать нас в плен. Должно быть, агенты немецкой разведки донесли, — шутливо продолжат Иосифьян, — своему шефу адмиралу Канарису, а тот выдал нас, очевидно в расчете на наше уничтожение, наркому. Тот спохватился и зачислил нас к себе под названием: «Институт № 627 Наркомэлектропро- ма». Вот читай его приказ от 15 ноября 1941 года, — он встал из своего княжеского кресла и вынул из-под медного чайника с проводами наркоматскую бумагу. — Жди комиссии и конца нашего беззаконного существования при в/ч № 5328.

— Комиссии покажем все, как академику Иоффе и полковнику Третьякову. Те очень довольны остались, — отозвался Званцев. — Третьяков сказал: «Никогда бы не поверил месяц назад, а у них все получилось».

— Да, друг! Твои пеленки еще не высохли. Ты показывал деловым людям, которые стремятся делать все, чтобы фронту помочь. А к нам пришлют наркоматских совслужащих, их прежде называли чиновниками. Им нужны не изделия, а наши отчеты. Они их выдадут за свою работу. Да ты сам с этим был знаком, когда в Наркомтяжпроме работал. А для продолжения твоих работ по электроорудию денег тебе не дали, когда ты основную задачу «жидким маховиком» мог решить. На работы далекой перспективы у них денег нет! А перспективы не видеть — это считать, что звезд на небе нет, раз «звездам числа нет, бездне дна», как говорил Михайло Ломоносов.

Как и предполагал Иосифьян, комиссия не заставила себя ждать и больше интересовалась беспорядочно заполнявшими двор боетанкетками, доставленными из Горького, чем

лабораторией Охотникова и химической лабораторией будущего академика Андрианова, замышлявшего небьющееся кремнистое стекло для боевых автомобилей. Члены комиссии старались не произнести ни слова, молча кивая, чтобы не разойтись во мнении с начальством.

Затем последовал вызов директора и главного инженера в ЦК партии.

— Не нравится мне это приглашение, — мрачно сказал Иосифьян. — Позвонил Турчанинову. Оказывается, он получил назначение на фронт членом военного совета не то армии, не то фронта. С нами будет разговаривать какой-то незнакомый партработник.

Он принимал их в незнакомом кабинете, сидя в удобном кресле за деловым столом, заставленным телефонами. Пригласил посетителей сесть за длинный стол совещаний, сам оставшись в кресле:

— Ну что ж, товарищи «партизаны от науки». Все у вас как будто ладненько получается. Но вот вопрос: как с вашими танкетками быть? Говорят, они весь двор у вас заполонили. Средств на это не мало пошло. И все зря?

— Так ведь не зря, а к счастью, не прорвались гитлеровские танки на московские улицы, — заметил Званцев.

— Верно, товарищ военный инженер, не прорвались. Но я к тому клоню, что не нужны они теперь, а средства на ветер пущены.

— Как не нужны? — возмутился Иосифьян. — В любом городе улицы есть, электрический ток имеется. Торпеды подстерегут вражеские танки, где угодно.

— В том-то дело товарищи наукопартизаны, что военные действия, видимо, в чистом поле происходить будут. И никакого электрического тока для ваших питомцев на полях сражений не найти, — и партруководитель печально покачал головой.

Пара пустяк! — воскликнул Иосифьян. — Сделаем передвижную электростанцию! У нас есть теперь такой коллектив! Дайте нам списанный с вооружения старый танк.

— Во-первых, товарищ профессор, не пара пустяк, а пара пустяков. И коли так, ладненько, дадим вам даже не один, а два танка. Но переоборудованные танки с танкетками — немедленно на фронт. Необходимо оправдать затраты.

— Готов в любую минуту! — воскликнул Званцев.

— Вот и ладненько. Не струсит военный инженер?

— Торпеды могут уничтожать не только танки, но и доты.

— Особой веры в ваших камикадзе пока нет, но проверим. А для этого пошлем вас во главе оперативной группы на Крымский

фронт в распоряжение заместителя командующего генерал-полковника Хренова. Там работенка важная предвидится.

— Лучше меня пошлите, — вызвался Иосифьян.

— Нет уж, товарищ директор. Вам лучше здесь оставаться со своей научной партизанщиной, а военным — на фронт.

В научно-исследовательском институте закипела работа, и к весне 1942 года задача была решена. Легкие танки из боевых единиц превратились в прифронтовые электростанции, были погружены на платформы рядом с танкетками, тщательно укрыты брезентом и охраняемы часовыми. Платформы прицепили к пассажирскому поезду, где в купе разместились Званцев и его помощники, ничем не выдавая своего отношения к загадочному грузу товарных платформ.

Никто из них не знал, что едут они на обреченную операцию, ибо немцы готовились к наступлению на Сталинград и их беспокоили советские войска, недавно отбившие Керченский полуостров.

Нельзя было выбрать более неудачного места на фронте для боевого испытания электрокамикадзе, так и не получивших тогда заслуженного признания.

Званцев стоял у окна и вспоминал Крым: ласковое море, великолепный дворец Воронцова со спящими львами по обе стороны мраморной лестницы, а за ним поднимающиеся к небу горы. В тех местах бывал Пушкин! А теперь там гитлеровцы, которых предстоит выбить.

В глубоком сыром окопе, где сапоги хлюпали в лужах от вчерашнего дождя, военинженер третьего ранга Званцев приник к телескопической стереотрубе, верхняя часть которой поднималась над бруствером. В тумане сумерек едва различались далекие нефтяные баки Феодосии. Красная армия вплотную подошла к ней, отбив у гитлеровцев Керченский полуостров. Званцев возглавлял особую группу инженерных войск, испытывая в боевых условиях изобретенные им сухопутные электроторпеды.

И вот теперь его детище в наступившей полутьме выскочило из земляного укрытия, виляя во избежание прямого попадания снаряда. Ведомая из другого окопа высоким красавцем-грузином, лишь вчера освоившим управление, торпеда быстро достигла возвышения над гитлеровскими окопами с дзотом, откуда велась смертоносная стрельба.

Сумрак озарился фонтаном огня, с упавшей сразу на него дымной тучи.

Опасная огневая точка была уничтожена.

Немцы обрушили на место, откуда появилась танкетка-камикадзе, артиллерию.

Опытные фронтовики заставили новичка-военинженера лечь на мокрое дно окопа, а когда он поднялся, чтобы поблагодарить воентехника Ломидзе, первого водителя торпеды, то с горечью узнал, что того уже нет в живых.

В окоп по-пластунски приполз вестовой, доставив Званцеву приказ немедленно эвакуировать его группу, основной состав которой находился в тылу, близ татарского селения Мамат. Там воентехник Печников и комиссар Самчелеев обучали фронтовиков, в том числе лейтенанта Гаршина, управлению торпедами, которые теперь приказано уничтожить.

Это так не укладывалось в сознании Званцева, что он решил немедленно идти в штаб дивизии, в войсках которой находился, и просить разрешения занять с торпедами оборону.

Пройдя ходами сообщения и выбравшись на поверхность, он окунулся в непроглядную темноту, которая на миг исчезала, когда в затянутое тучами небо немцы запускали осветительные ракеты, и они, описывая огненные дуги, вырывали из тьмы гладкую, как паркетный пол, степь. Ракета гасла, и ослепленные глаза уже совсем ничего не видели.

Сделав несколько шагов, Званцев понял, что потерял направление. Он шел куда-то наугад, рискуя попасть к немцам.

Внезапно, он услышал совсем близко резкий окрик:

— Хенде вверх!

В темноте еле угадывалась фигура солдата, целившегося в него из винтовки.

— Я военинженер Званцев, прикомандирован к вашей дивизии.

— Знаем мы вас. Ишь, как по-нашему лопочет! Шагом марш! Не то пристрелю! — скомандовал солдат.

К счастью, он привел Званцева не куда-нибудь, а в блиндаж штаба дивизии, куда, собственно, он и стремился.

Командир дивизии, молодой полковник в боевых орденах, недавно произведенный в это звание после захвата у гитлеровцев Керченского полуострова, обрадовался при виде Званцева.

— А это кто? — спросил он, указывая на солдата.

— А он меня в плен взял, — с улыбкой объяснил Званцев.

— Так что, товарищ полковник, с немецкой стороны шел. И с бородкой он, не по-нашински.

— Как же ты его бороду в темноте разглядел? — засмеялся полковник. — Или немцы ракетой помогли?

— Нет, это я уже здесь рассмотрел, товарищ полковник. Думал шпион это гитлеровский к нам пробирается.

— Можешь идти, объявляю благодарность за службу, — отпустил его командир дивизии. — И вам, товарищ военинженер,

тоже надо отправляться любым способом, выводить свою группу. И уничтожить всю свою технику.

— Как так? — возмутился Званцев. — Мы могли бы сопротивляться.

— Не до испытаний сейчас, — отрезал полковник. — Надо выходить из окружения. Поражение терпим, военинженер, всем Крымским фронтом. Выполняйте приказание.

Званцев вышел из блиндажа штаба дивизии, когда уже начало светать. Предстояло поймать какую-нибудь машину. Собственно, сейчас все двинутся к переправе.

«Как же так неудачно получилось? — горевал он. — Только первый дзот взорвали. Значит, могут танкетки урон врагу наносить, а тут…»

Один из грузовиков подхватил Званцева, и он некоторое время ехад под проливным дождем, пока степь не превратилась в сеть луж или мелких озер.

В одном из них полуторка со Званцевым заглохла.

— Придется обождать, товарищ военинженер, — сказал водитель и стал закуривать.

— Нет, друг, ждать мне никак нельзя, — сказал Званцев и решительно шагнул из кабины в разлившуюся воду по самые голенища сапог.

При каждом его шаге вздымался фонтан брызг.

«Лишь бы немцы не захватили Мамат, прежде чем он успеет своих вывести оттуда!»

Дождь продолжал лить. Званцев шагал и шагал, пройдя к вечеру сорок километров. «Говорят, здесь в степи вырастает море тюльпанов. Но как… сапоги хлюпают».

Наконец, он выбрался на шоссе. И первое, что он увидел, были остовы двух подбитых немецких танков со снесенными взрывами башнями. Обезвреженные, они загромождали путь. Обходя их, Званцев увидел отброшенные знакомые приводные электромоторы его торпед! Значит, танки взорвались вместе с выпущенными на них танкетками? Выходит, боевые испытания их все же продолжались!..

Через некоторое время Званцев добрался до расположения своей группы.

Его встретил толстенький, но подвижный и веселый Печников.

— Что? Не сработала наша техника? — встревожился он, увидев выражение лица комбата.

— Хуже! Наши войска покидают Керченский полуостров. И нам всем приказано технику уничтожить и идти к переправе через Керченский пролив.

— Будет сделано, — отрапортовал Печников. — Только вы, товарищ военинженер, подкрепитесь. Тут хозяйка таких бычков для нас поджарила! Язык проглотишь!

Но Званцеву было теперь не до еды…

В душных, пропахших вековой пылью тоннелях древних керченских катакомб военинженер с трудом отыскал закоулок, где за брезентовым пологом помещался штаб Крымского фронта.

Среди снующих штабных офицеров он увидел знакомую низенькую фигуру заместителя командующего фронтом генерал-полковника Хренова.

— Товарищ генерал-полковник, разрешите обратиться? — произнес он, вытянувшись в струнку.

— А вы чего здесь? — мягким голосом возмутился Аркадий Федорович.

— Позвольте доложить результат боевых испытаний сухопутных электроторпед. Один взорванный гитлеровский дзот и два встреченных мной на шоссе немецких танка со снесенными взрывами башнями. А вокруг остатки атаковавших их наших торпед. Это уж ваши инженерные части поработали, товарищ генерал-полковник.

— Все части наши, а торпеды-то ваши. Надо, чтобы немцам не достались.

— По полученному мной распоряжению, вся техника уничтожена, хотя это мне, как говорится, словно ножом по сердцу.

— Именно ножом по сердцу, дорогой, — опасность уничтожения не только вашей техники, но всех армий фронта. Они переправляются сейчас на Таманский полуостров. И вам там следует быть. Немедленно.

Подошел командующий фронтом тучный генерал Козлов, вид у него был сердитый:

— Кто таков? — грозно спросил он. Хренов представил ему Званцева.

— Ах, этот! Налить ему стакан водки.

— Я не пью, товарищ командующий, — твердо отказался Званцев.

— Я говорю выпей. Приказываю.

— Не могу, товарищ генерал. Никогда не пил, и не буду!

— Видно, не крещенный фронтовым крестом. Тогда ступай.

Глава седьмая. ПЕЧАЛЬНЫЙ КОНЕЦ

Ужель напрасно служил делу,
Напрасно не щадил себя?

И надо ли быть в жизни смелым,
Поблагодарит ли кто тебя?

От катакомб Званцев, ведя свою полуторку-мастерскую, едва втиснулся в общий поток машин, спешивших к переправе.

Проехав метров сто, он услышал площадную брань.

— В кювет, раз-твою-так! — кричал какой-то офицер. — Пристрелю!

— Я не съеду, товарищ подполковник, — жестко ответил ему Званцев.

— Что? Кто такой? Военинженер? За рулем? Простите, не разглядел, за шофера принял. Уступите дорогу члену военного совета товарищу Мехлису.

— Если бежит, то объедет, — спокойно ответил Званцев.

Адъютант Мехлиса наклонился к Званцеву и шепнул:

— Без меня.

По обочине справа, подпрыгивая на ухабах, проехала штабная автомашина с товарищем Мехлисом, которого Званцев узнан по портретам.

— Подвези, военинженер, — попросил адъютант.

Званцев посадил его рядом с собой, и тот, словно стараясь отвлечься от происходящего, стал рассказывать о глубокой древности:

— В катакомбах, где мы с вами только побывали, в былые времена выламывали плиты для строений древнего города Пантикапея. Развалины его археологи раскапывают вот на этой горе Митридат, царей Босфорского царства. Шестой царь Митридат воевал со скифами, подчинил себе Черноморское побережье и схватился с римлянами, к которым примкнул его собственный сын. И проиграл ему битву. Решил покончить с собой. Но вот беда! Всю жизнь принимал помаленьку всякие яды и так привык к ним, что не мог отравиться, никакой яд его не брал. И, как Нерон, приказал рабу заколоть его.

— А через Керченский пролив не удирал впереди своей армии этот Митридат? — язвительно спросил Званцев.

Подполковник замолчал и не проронил больше ни слова до самой переправы, куда вела зеленая улица уже не былого Пантикапея, а современной Керчи.

Проезжая мимо уютных домов с фруктовыми садиками, приютившихся у подножья горы Митридат, Званцев подумал: «Представлял ли древний завоеватель масштабы современных войн?»

За краем обрыва, где кончались дома, на узкой береговой полосе собралось множество народа, теснясь к морскому проливу,

отделявшему Керченский полуостров от Тамани.

Утренний туман рассеялся, тучи исчезли. Появилось солнце. Могло показаться, что бесчисленные курортники открывают купальный сезон, но то была толпа солдат, и вода в проливе ледяная, никак не подходила для купания.

Группа Званцева прибыла на переправу раньше, и воентехник Печников, издали узнав мастерскую на колесах, встретил Званцева.

— Дозвольте доложить, товарищ комбат! — вытянулся он перед Званцевым.

— Докладывай.

— Комиссар нашей группы старший политрук товарищ Самчелеев застрелился. Решил, что из окружения не выйти, а в плен сдаваться не хотел. Рядовой Паршин поднял с земли сброшенную фашистами шрапнельную разрывную бомбу и погиб вместе с санинструкторшей, которой интересовался. Техника уничтожена. Если что достать, то мигом.

— Что ты мне, как прекрасной маркизе, голову морочишь? Все в порядке! — рассердился Званцев. — Александра Михайловича, политрука нашего, жаль…

— Так точно! — подтвердил Печников.

— А того, что здесь требуется, тебе не достать. Никак… У англичан в Дюнкерке, где эвакуировалась с материка такая же армия, к услугам был весь английский флот.

— Чего нет, того нет, — развел руками Печников. — Катеров мало и неведомо, как нам на них погрузиться, товарищ военинженер. Порядку здесь никакого, один ералаш, командования нет. Все норовят, как могут. В самый раз вам команду над всеми взять и группу нашу переправить.

Званцев поморщился и посмотрел на толпящихся на узкой береговой полосе людей, они шарахались при каждом взрыве снаряда и осаждали уходящие далеко в море деревянные причалы, куда приставали катера, и сказал сурово:

— Если ты посоветовал это в расчете поскорее отсюда выбраться, то ошибся. Команду переправой я на себя беру, но вы все будете обеспечивать выполнение моих приказов.

— Будет исполнено! — обрадовано воскликнул Печников.

И тотчас офицеры и бойцы группы Званцева по его указанию стали оттеснять перепуганных людей от причалов. Печников что-то устрашающе кричал о приказе высшего командования переправой. Решительные действия бойцов его группы, не особенно церемонившихся с теми, кто упирался, подействовали. Солдаты стали привычно подчиняться.

По приказу Званцева к причалу подошел госпиталь. Раненых

несли на носилках. Неподалеку, на кромке прибоя, куда накатывалась волна, Званцев увидел майора с оторванными ногами. Откатываясь, волна уносила розовую пену. Подошедший к Званцеву солдат передал просьбу майора подойти к нему.

— Военинженер… прошу… пристрели меня, — еле выговорил тот, когда Званцев склонился над ним.

У Званцева не хватило духу выполнить эту просьбу и он малодушно приказал отнести его подальше от холодной волны и положить под откосом берега, вместо того чтобы передать его персоналу госпиталя, готового к переправе, хотя едва ли кто мог помочь в этот момент умирающему. И винил себя за беспомощность.

Дошла очередь и до группы Званцева, которую он решил отправить раньше себя, чувствуя ответственность за происходящее на переправе, командование которой принял на себя самовольно. Он стоял на причале, наблюдая за очередной погрузкой на катер людей, беспрекословно повинующихся ему. Они еле втискивались на палубу перегруженного суденышка.

По причалу, расталкивая всех, бежал статный молодой капитан, держа за руку мальчонку в крохотной пилотке, в сшитой по нему гимнастерке с поясом и портупеей, в сапожках — сын полка.

Ступить на палубу было некуда. И капитан, не задумываясь, вынул пистолет и выстрелил в стоящую с края, хорошенькую санинструкторшу, и она свалилась за борт. Снизу донесся всплеск. А капитан ступил на ее место, подняв над собой сына, невесть зачем взятого с собой на фронт.

Негодование парализовало Званцева. Стрелять в убийцу с ребенком на руках? Затевать перестрелку с отчалившим катером? И он презирал себя за свою беспомощность, читая растерянность на лицах стоящих рядом солдат.

Он взял себя в руки. На берегу оставались тысячи людей, о которых надо было думать. И он продолжал отдавать команды, и его по-прежнему слушались.

На причале появилась знакомая фигура генерал-полковника Хренова.

Званцев отрапортовал ему, что вынужден был принять на себя командование переправой. Хренов не укорил его за самоуправство, а мягким голосом, но строго сказал:

— Благодарю за инициативу, но вам лично приказываю немедленно переправиться на таманский берег и найти свою группу. Командовать переправой буду я.

На следующий катер Званцев шагнул последним, обменявшись с Хреновым прощальными взглядами. Его сразу же

прижали к низенькому борту теснившиеся на палубе солдаты. Катер отчалил. Берег уплывал назад. В небе появились вражеские самолеты и стали один за другим пикировать на крохотное суденышко, но их бомбы, падая поблизости, лишь вздымали фонтаны воды. Однако одна из них упала так близко от катера, что находящиеся на палубе люди шарахнулись от того борта, и Званцев с ужасом почувствовал, что на него словно надвинулась стена и его сталкивают через низкий борт в воду. И полетел вниз…

Сквозь сразу намокшую шинель он почувствовал ледяной холод, постарался сбросить ее и не потерять при этом перекинутую через плечо на ремне планшетку. Потом пришлось плыть к берегу в полном обмундировании. Был он неплохим пловцом, участвовал когда-то в соревнованиях и однажды спас утопающую девушку, которую с перепугу оставили на середине реки Клязьмы ее кавалеры. Девушка так и не поблагодарила его, быстро смешавшегося в толпе наблюдавших за ее спасением зевак.

Сейчас берег был подальше, чем на Клязьме, но достаточно близок для того, чтобы, приложив все силы, спастись. Званцев благополучно выбрался на камни, сразу упав на них, дрожа от холода и утомления.

На счастье, солнце в этот раннемайский день грело щедро, по-южному.

Званцев разделся и разложил обмундирование, чтобы обсохло, и с особой заботой — содержимое планшетки, помня, что без бумажки ты букашка, лишь с бумажкой человек. В таком виде его и нашел Печников, преданно поджидавший комбата на таманском берегу.

— Вот так, — сказал ему Званцев. — Здесь где-то описанные Лермонтовым контрабандисты, вернее одна их девушка, Печерина хотела утопить…

— А та девушка на катере… — начал Печников и оборвал. — И капитана того с мальчонкой только и видели. Никто не остановил. Никто.

— Да, друг, война людей превращает в зверей или того хуже, — говорил Званцев, подбирая высохшие документы.

Они помогли и ему, и всем членам группы добраться до Краснодара, где генерал-полковник Хренов взял его с собой в самолет.

Летели в Москву кружным путем, обходя линию фронта над тихими еще предместьями Сталинграда.

— Вот так, военинженер, — говорил Хренов своему спутнику. — Ты мне сразу приглянулся с танкетками своими, а на

переправе сущность свою военную показал, хотя человек ты гражданский, даже, говорят, писатель. И решил я с тобой пооткровенничать, чтобы не пропало то, что знаю, а через тебя до людей дошло. Тебя как дома звали. Сашей?

— И Сашей тоже.

— Вот и для меня ты Сашей будешь. У нас про Верховного всякое болтают. И все, что Ягода, Ежов и иже с ними творили, все норовят на него повесить, а каков он сам, толком не знают и узнать боятся. А я, Саша, с ним самим дела имел. С финского фронта, как мы «линию Маннергейма» прорвали, я докладную ему написал.

— Вам, Аркадий Федорович, «Золотую Звезду» Героя дали, из генерал-майоров в генерал-полковники произвели.

— Не сразу, друг Саша, не сразу. Я хоть и не из трусливого десятка, но, признаться, струсил, когда из Выборга, куда передвинули границу от Сестрорецка, окраины Ленинграда, вызов к Самому получил. И всего через день, как осмелился послать докладную со стопкой книг по военно-инженерному делу. Наглость имел, его вроде как в ученики свои зачислить. Поскольку прочесть за такой срок эти книги невозможно, решил я, что вызван на расправу за дерзость и неуважение к вождю. Кого в ученики посмел брать! Была б Ежова воля, не коротали б мы с тобой полетное время за болтовней.

— И как же? Что же было?

— Так вот слушай, — тихим голосом предложил Хренов.

Званцев боялся проронить из-за гула моторов хоть слово. Но такова был его натура, что в нем сразу же заработала фантазия, и он представил себе все, как было, словно сам присутствовал там…

Хренов на военном самолете ночью, в назначенное время явился к Поскребышеву, неизменному секретарю товарища Сталина. Тот сразу пропустил его в святая святых — кабинет вождя. Генерал застыл в дверях навытяжку, разглядывая строгое убранство кабинета, с тяжелым письменным столом, с разноцветными телефонами. Рядом — журнальный столик с кипой знакомых книг, посланных вместе с докладной запиской. Длинный стол совещаний примыкал к письменному. Сейчас за ним сидели люди, лицом к Сталину Хренов лично мало с кем был знаком из этих людей.

— Знакомьтесь, товарищи, — сказал Сталин, вставая, — это генерал-майор Хренов, Аркадий Федорович. Прорвал инженерными средствами «линию Маннергейма», сравнимую с неприступной «линией Мажино».

Сталин вышел из-за стола, оказавшись одинакового с застывшим Хреновым роста, жестом предложил тому сесть на свободный стул у дверей, сам, заложив руку за спину, мягкими шагами прошел вдоль стола, всматриваясь в лица приглашенных. Вынув из-под усов коротенькую трубку, сказал:

— Я собрал вас здесь, товарищи, чтобы обсудить арию беглого монаха Варлаама в корчме. Из оперы «Борис Годунов».

Общее молчание было ответом. В ожидании Сталин затянулся трубкой и, выпустив дым, насмешливо сказал:

— Вижу, никто не помнит, а мне запиской своей и книгами, мной прочтенными, наш генерал напомнил.

Все обернулись к смущенному Хренову. Ни о какой оперной арии он не писал, а книги были сугубо специальными, чтобы так молниеносно прочесть их, надо обладать редким даром фоточтения, когда достаточно взглянуть на страницу, чтобы она запечатлелась в мозгу. Едва успеешь книги те перелистать.

Сталин был доволен общим замешательством и, пряча в пышных усах усмешку, произнес:

— Я вам напомню, как беглый монах низким басом поет: «Как во городе то было во Казани. Повелел молодой царь подкоп рыть под крепостные стены и закатить туда пороху сорок бочек. А злы татарове по городу похаживают, на царя Ивана да поглядывют. А тот велел пушкарей сзывать, а пушкари-то — зажигальщиков. И тут ухнуло, словно небо рухнуло. В брешь в крепостной стене воины бросились, воины русские, богатыри все с мечами да алебардами. Полегло злых татаровей сорок тысячей. Сорок тысячей и три тысячи. И перешла злых татаровей Казань-столица под власть царскую».

Сталин затянулся трубкой, глядя на недоуменные лица членов Политбюро, потом продолжал:

— Вот вам пример инженерного искусства на войне, — Сталин остановился около Хренова и выколотил трубку о спинку его стула. Затем неспешно произнес: — И генерал-майор Хренов предлагает создать Главное военно-инженерное управление Красной Армии и воевать так, чтобы врагов злых полегло «сорок тысячей и три тысячи». Вот и хочу послушать вас. Будем нашу армию перестраивать на инженерный лад? — Сталин сел на свое место и трясущимися пальцами вскрыл коробку «Герцеговина флор» и, разламывая папиросы, набивал табачными крошками трубку, зорко поглядывая на своих слушателей.

— Перестраивать Красную Армию, вводя еще одно управление, еще одно бюрократическое препятствие? Против этого нас Ленин предупреждал, — первым подал голос Ворошилов. — Мы

оккупантов от Антанты с их инженерной выучкой из страны прочь выгнали. Отборное образованное царское офицерство в дым разгромили с одними винтовками да красным знаменем в руках. Да пошлите вы тучей сжатую в буденновский кулак Конармию против любой железки или бетонного сооружения с туалетами. И побегут оттуда тараканами инженерные выученики. Дух Красной Армии нам нужен и преданность вождю, а не управления с просиженными стульями.

— Правильно говорит Клементий Ефремович. Победы Красной Армии — это победы духа, — поддержал Ворошилова бритоголовый маршал Тимошенко, нарком обороны. — Если солдатами овладевает страх и паника, то никакие сооружения и ватер-клозеты не помогут. Штаны менять придется И страх такой всегда внушала кавалерия, со времен Александра Македонского.

— Верно указывает товарищ нарком! — топорща усищи, вступил Буденный. — Конь — он верный боец, ни бензина, ни смазочных веществ или запасных деталей ему не нужно. Подножный корм да овса немножко. Ну, а подкопам казанским он не помешает. А управ пения новые вроде ни к чему. Даже Главного конно-хвостного управления Красной Армии.

В обсуждении приняли участие и приглашенные военные. Но, едва Сталин привел наизусть несколько авторитетных цитат из кипы присланных книг, все замолкли.

Молчали и члены Погитбюро.

— Ну что ж, товарищи. Молчание — знак согласия с докладной запиской. Решение принято единогласно: «Создать в Наркомате обороны Главное военно-инженерное управление». Начальником его назначим генерал-майо… Нет, мало звание. Героя Советского Союза, генерал-полковника Хренова Аркадия Федоровича.

Военное чутье Хренова о приближении большой войны подтверждалось, в особенности на новом месте, где он получал разведывательные сводки о концентрации немецких войск в оккупированной Польше вблизи новых границ.

Менее года проработал, возглавляя ГВИУ, получив в мае 1941 года вызов к товарищу Сталину, в обычное ночное время. Сталин принял его холодно. Не поднялся с места и не предложил сесть:

— Товарищ Сталин хотел бы знать, почему не выполнен приказ о переносе оборонительного вооружения со старых границ на новые рубежи?

— Товарищ Сталин, я просил вызвать меня, чтобы заявить протест против выполнения такого приказа.

— Товарищ Сталин не любит неподчинения, тем более

протестов против отеческой заботы о населении присоединенных районов.

— Я потому и возражаю, товарищ Сталин, что согласно донесениям разведки и перебежчиков, гитлеровцы нападут на нас 22 июня 1941 года, когда снятое с прежних рубежей вооружение будет находиться в пути.

— Провокация! Он, Гитлер, проверяет нас на прочность, малейшая наша активность может быть истолкована как нарушение пакта, и находящиеся на отдыхе в Польше резервы мигом превратятся в ударную армию. Приступайте немедленно к выполнению моего приказа. Даже последняя уголовная сволочь держит слово. Надо не дать Гитлеру повода для нападения на нас.

— Товарищ Сталин! Я не выполнил и не могу выполнить против своей совести такого приказа и потому прошу вас освободить меня от занимаемой должности и отправить в самую горячую точку.

— Вот это слова не барышни, а солдата. Удовлетворяю вашу просьбу. Тимошенко, — произнес он, придвинув к себе желтый аппарат ВЧ прямой связи, — подыщи себе нового начальника ГВИУ. Маршал инженерных войск Воробьев подойдет. Хренову не сидится, хочется горяченького. Направим его заместителем командующего военным округом. Но куда? Крым? Хорошее место. Пока от солнца горячее. Но, видимо, он всегда должен помнить, что Севастополь русской горячей кровью омыт. Пусть заменяет людей инженерными штучками. — У меня все, генерал-полковник! Отправляйтесь по новому назначению.

— Разрешите идти, товарищ Сталин?

— Иди. До Крыма они не скоро доберутся. Укрепляй Севастополь. Там сам Лев Николаевич Толстой офицером сражался.

Не ошибся Хренов. Демонтированное на западных рубежах оборонное вооружение, естественно, открыло свободный путь немецким войскам и через старые и через новые границы. Солдаты вермахта со смехом перешагивали через них. Гитлеровцы стали баловнями легких побед, считая, что «блицкриг» состоялся. И даже репетировали парад победных войск на вражеской Красной площади, где скоро его примет фюрер.

Но беспримерная отвага защитников Родины и полководческий гений Георгия Жукова, появившегося в критический момент под Москвой, сорвали заносчивые планы нацистов. Они были решительно отброшены от столицы на сотни километров по зимнему бездорожью.

Тогда немецкая военная машина повернулась на северную столицу и, воспользовавшись изменой армии генерала Власова,

смогла окружить Ленинград, обрекая двухмиллионный заблокированный город на голодное вымирание. И вражеская граница, отодвинутая во время Финской войны, теперь снова проходила через пригород Ленинграда, в котором людям есть было нечего.

— Вот так, военинженер Саша. Таким я лично знал Верховного. А мы, гляди, незаметно и до Москвы долетели. А в танкетки я твои поверил. Сколько есть у вас, на Волхов заберу. Еще одного «Маннергейма» потревожить надобно.

— Позвоните Иосифьяну. Он будет рад помочь.

С этим пожеланием обретенного фронтового друга и вернулся Званцев в свой институт. Иосифьян горячо обнял товарища. Ученая братия один за другим приходила в его кабинет, тактично не расспрашивая, и молча уходила.

Батальонцы встретили радостно своего командира. Жены, еще не вернувшихся с фронта, в волнении собрались у проходной. Саша вышел к ним на встречу и, утешив одних, как мог, старался смягчить горечь потерь. Обе вдовы, Самчелеева и Паршина, рыдали…

Лишь через две недели вернулись Печников, гражданский инженер Катков и остальные участники оперативной группы ГВИУ. Никто не трубил о победе и успехе испытания танкеток в боевых условиях.

Комиссар группы геройски» погиб, а командир ее, Званцев, в партии не состоял, и перед парторганизацией отчитаться было некому. Секретарь парткома Ласточкин решил созвать закрытое партийное собрание, где единственный в группе партиец Печников должен был рассказать о потере Самчелеева, Паршина и всей с таким трудом сделанной техники, а также автомобилей, брошенных на Керченском полуострове».

Иосифьян с суровым видом сидел за своим письменным столом, партийцев в институте было мало. Собрались в его кабинете. Званцева на закрытое партсобрание не пригласили. Печников, ощущая на себе мрачный и жгущий взгляд директора, промямлил:

— Я не свидетель боевых испытаний. Их проводил сам комбат. Я могу передать о них лишь с его слов.

— Чужие слова ты нам не пересказывай. Мы их сами слышали, — оборвал секретарь парткома Ласточкин.

— Пусть он расскажет все, что видел, — мягко попросил выбранный председателем собрания председатель профкома Пешехонов, тихий, атлетического сложения человек.

— При мне комбат, — смущенно продолжал Печников, —

передал нам приказ командующего Крымским фронтом об эвакуации с полуострова всех наших войск и группы испытателей ГВИУ. Званцев сразу уехал в штаб фронта. Старший политрук Александр Михайлович Самчелеев почему-то решил, что мы окружены немцами, и комбат попал к ним в плен или погиб. Комиссар напомнил о приказе не сдаваться в плен.

— Приказ товарища Сталина! — назидательно подчеркнул Ласточкин. Пешехонов промолчал..

— Самчелеев подал нам пример и мужественно застрелился первым. Мы решили сначала покончить с танкетками, а с собой — только на виду у немцев. И мне, как старшему, удалось вывести наши машины по бережку, порой левыми колесами по воде. И видели в пути, как чьи-то солдатики разбирали рыбацкий сарай и делали плотик для стоящего тут же «виллиса». Колеса его должны были до половины погружаться в воду и загребать приделанными плицами, как на старых пароходах.

— Вот она, русская смекалка! — не сдержался Пешехонов.

— Потом мы смотрели, глазам не веря, как «виллис», облепленный людьми, плывет через пролив, как катерок. Их всего-то было лишь несколько на все армии фронта. Молоденькая санинструкторша на берегу даже захлопала в ладоши. Паршин соскочил — и к ней на радостях, что сюда добрались. Руку ушибленную показывает, а она (мне слышно было): «Право! Чудо, да и только! Как Иисус Христос по воде прошел, и куклу медсестричке принес. Раньше ее не было».

А кукла и впрямь на песке лежала, белокурая такая. Они оба к ней подошли. Паршин нагнулся, поднял. А это — картечная бомба. Немцы сбросили. И Паршина, и медсестричку — обоих насмерть. Так мы их рядышком в вырытой могилке и разместили, а сами — к пятачку с уходящими в море причалами, куда приставали катера. А там бардак несусветный. Всем переправиться охота. Солдаты прут беспорядочной толпой. Гляжу, над ними возвышается мастерская наша на полуторке. Там комбата и нашел. Обо всем доложил, и совет дал над всей этой кутерьмой команду взять и ребят наших через пролив переправить. Так нам и удалось попасть на таманский берег. Там потом нашел я и комбата. Взрыв бомбы близ катера сбросил его в воду. До берега он ели доплыл.

В Краснодар мы вместе прибыли, но там его забрал генерал Хренов и улетел с ним в Москву. Комбат приказал мне доставить ребят в институт, что я и сделал.

Печников в изнеможении опустился на стул, дрожащей рукой налил из графина стакан воды и залпом выпил. Ласточкин, маленький, вертлявый человечек, вскочил и предложил почтить

вставанием память того, кто, повинуясь сталинскому указу, лишил себя жизни, и погибшего Паршина. Затем, стоя на носочках, чтобы казаться выше, срывающимся тенорком негодующе начал обличать:

— Стало быть, только вы и видели на Керченском фронте военинженера Званцева, удравшего от вверенной ему испытательной группы и техники?

— Я не знаю, — переминался с ноги на ногу Печников.

— А о самоуправстве Званцева? — напирал Ласточкин.

— Без этого нам не удалось бы переправиться. Кстати, раньше него самого.

— Если не на переправе, то в Краснодаре он обогнал вас, пристроившись к улетавшему генералу Хренову, вас с хреном оставив.

— Я просил бы вас… — подал голос Пешехонов.

— Попросту говоря, он бросил вверенную ему группу и бежал с фронта генеральским прихвостнем! — заключил Ласточкин.

— Протестую! — вскипел Иосифьян. — Коммунист Ласточкин, даже в армии не состоя, берет на себя права военного трибунала. Это недостойно секретаря парткома, и я буду настаивать в ЦК на досрочном его переизбрании. Почему коммунист Печников скрыл или забыл, что Званцев улетел не по своей воле, а по приказу Хренова. Генерал направлялся на Волховский фронт, освобождать Ленинград от блокады. И ему нужен был Званцев и его танкетки.

— Я не скрыл и не забыл, а просто не знал о таком приказе Хренова. Узнать же об этом в Москве еще труднее, — вставил воентехник.

— Мне легче это сделать. Аркадий Федорович Хренов сам обратился ко мне. Он готовился к прорыву Ленинградской блокады, так же тщательно, как и к удавшемуся ему прорыву «линии Маннергейма», а это не пара пустяк. За это награжден «Золотой Звездой» Героя Советского Союза. Хренов рассказал, что было в Крыму и о внушительных успехах применения боетанкеток. Просил помощи в снабжении нашими электротанкетками его армий. Просил передать Волховскому фронту весь наличный парк оставшихся у нас торпед и содействия нашего главного инженера и комбата в создании в Военно-инженерной академии курса водителей сухоторпед, в расчете и на мою профессорскую помощь в этом деле. Попытки секретаря Ласточкина, временно заменявшего здесь Званцева, вызвать к нему недоверие и добиться освобождения его места для себя, считаю поступком подлым и достойным не члена партии, а

ишачьего дерьма.

— Товарищ председатель, прошу оградить меня от оскорблений, — взвыл секретарь парткома.

— Оскорбиться может разве что ишачий хвост, — с насмешкой отрезал Иосифьян.

— Товарищи, товарищи! — взмолился Пешехонов, поднимаясь во весь завидный рост. — Вы на партсобрании. Прения по сообщению товарища Печникова пора кончить и рассмотреть такое постановление нашего собрания, — он взял со стола готовый проект резолюции: — Партийное собрание института № 627 выражает соболезнование семьям геройски погибших при испытании в боевых условиях продукции института товарищей Самчелеева и Паршина и отмечает успех этих разработок института. В связи с этим собрание коммунистов просит ЦК ВКП(б) усилить партийное влияние на научный коллектив и выделить в наш институт парторга ЦК, способствуя этим еще большей слаженности работы всего коллектива».

Резолюция была принята единогласно.

Часть девятая. НОВАЯ СТРАНИЦА

Придет желанная отдача.
Не опускайте только рук.
Возникнет новая задача.
Начнется новый жизни круг.

По Теофриту

Глава первая. БЛОКАДА

Пройти могли здесь вражьи танки —
И вырыт был защитный ров.
Сюда людей везли на санках
И хоронили без гробов.

Весна Закатова

Зоинька не вела дневника, как одна скромная ленинградская девочка, чьи краткие строчки стали летописью невыносимых страданий мужественных жителей величественного города, сжатого в мертвой петле блокады. У Зоиньки в ее семнадцать лет не осталось сил после того, как они с мамой завернули иссохшее бабушкино тело в ее простыню. Они обнаружили на простыни завязанный узелок, куда она прятала отрезанные от своего скудного пайка кусочки зачерствевшего хлеба для тех, кто, похоронив ее, будет еще жив, дочь или кто из внуков. Но ни Сережа, ни Ваня не дождались подарка с того света и раньше бабушки, былой певуньи, легли на запорошенный снегом слой мертвецов на дне страшного рва, куда, изнемогая от усилий, мама с Зоинькой тащили санки с покойницей. Мама не хотела сбрасывать, как в яму, тела дорогих ей людей. На веревке, связанной из полос разрезанной простыни, спустилась в ров и приняла от дочери то, что осталось от дорогой ей матери.

Но пришел горький час, когда не стало мамы, и осталась Зоинька одна на белом свете. Снег сошел, обнажив жесткий асфальт, и санки стали бесполезны. Два дня не решалась Зоинька что-нибудь предпринять, но поняла, что должна увезти маму, уже источавшую удушливый запах. Но как? Ров засыпят не раньше прорыва блокады…

Только глубиной безысходного горя Зои (что в переводе с греческого означает Жизнь) можно объяснить вспышку выдумки,

овладевшей девушкой. Со стороны могло показаться, что бедняжка лишилась рассудка. Она сняла постель со своего топчана, принесла из комнаты отца и мальчиков набор инструментов и три пары роллеров (роликовых коньков), последний подарок отца перед уходом на фронт. Как любили Зоя с братьями кататься по недалекой отсюда набережной Невы. Потом девушка неумело прибила все три пары роллеров колесиками вверх к оголенным доскам топчана, после чего перевернула его ножками вверх. Это сооружение коснулось пола прибитыми к нему колесиками роллеров. Теперь предстояло переложить бедную маму на перевернутый топчан, прикрутив к нему тело одеялом. По полу топчан катился легко, но спустить его по ступенькам лестницы со второго этажа, удерживая на сохранившихся с похорон бабушки веревках, стоило Зое невероятного труда и озера пролитых слез. А впереди был еще долгий путь, уже трижды проделанный Зоинькой с санками. Она несколько раз останавливалась, изнемогая, и, садясь у мамы в ногах, горько плакала. К ней подходили прохожие, но не утешали, а предупреждали, что немцы с присущей им педантичностью перенесут артиллерийский огонь на эту сторону улицы, о чем предупреждал на перекрестке тарельчатый громкоговоритель. Зоя хотела было остаться на месте, но сила, заложенная в ее имени и юный возраст, заставляли подняться, натянуть простынные лямки и везти свою бесценную ношу дальше, к ждущим ее в не засыпанном рву близким.

Сделанный ею катящийся открытый гроб Зоинька спускала в ров как могла осторожно, удерживая теми же связанными веревками, накинув их на стоящий близ рва пень. Словно боялась обеспокоить мамочку, или уже лежащих во рву бабушку с Сережей и Ваней. Зоинька не собиралась еще раз использовать свою выдумку и, благополучно спустив мамочку к родным, бросила вниз самодельные веревки и, шатаясь, пошла в город. Она много раз падала, но вставала и вновь брела знакомыми улицами. К себе на второй этаж она не поднялась, а заползла, а в своей комнате упала на коврик между кроватями мамы и бабушки, которых уже не было. Силы и сознание покинули ее.

Ленинград был окружен как бы тройным кольцом войск. Внутреннее кольцо защитников города не давало врагу полностью соединить кольцо блокады, отрезавшей город от мира, не давало прорваться к дворцам и архитектурным ансамблям одной из красивейших столиц Европы. Осаждающие, в свою очередь, были окружены внешним кольцом Волховского фронта. Но оно не было замкнутым, и советские войска, тщетно пытались отрезать осаждающих и прорвать удушающую город вражескую цепь

первоклассных сталебетонных сооружений.

Генерал-полковник Хренов, заместитель командующего Волховским фронтом по инженерной части, долго и тщательно изучал построенную немцами систему обороны блокирующего город кольца. Там, где немцы не были окружены, они смогли соорудить множество долговременных железобетонных огневых точек, перекрывавших пулеметным огнем проходы между естественными преградами, озерами и топью болот. Внимание его привлек один из таких проходов. О нем, как о возможном месте прорыва укреплений инженерными средствами, он и доложил командующему фронтом.

— Ну, Аркадий Федорович, губа у тебя не дура! Столько времени прицеливался и нашел-таки яблочко. Думаешь, до тебя туда никто не пробовал сунуться? Сколько ребят там полегло, всех их наградил бы посмертно высокими орденами!

— Людей надо машинами заменять, — отозвался Хренов.

— Эх вы, инженеры двадцатого века! Лучшие наши танки обугленным железным ломом там становятся. Что у тебя-то есть?

— Да припас я кое-что. В Крыму опробовал. Моряки даже на линкорах торпед страшатся.

— Ты не рехнулся ли часом, генерал? Адмиралом на суше, никак, хочешь стать? Уж не с двумя ли легкими устаревшими танками неприступный дот хочешь взять? Там земля вся в воронках. Перепахана авиабомбами да снарядами, а дот все огрызается, попробуй только машину с продовольствием ленинградцам послать, немцы из нее живо яичницу приготовят. Я на полустанке видел, как легкие танки с платформ сгружали. Лейтенанта спросил, зачем этот хлам прислали? Учения танкистов что ли затевают и не доложили? Лейтенант отрапортовал, что генерал-полковнику Хренову груз предназначен. Я все тебя хотел спросить, Аркадий Федорович, да к слову не приходилось.

— Моя вина, каюсь, товарищ командующий. Мы эти два легких танка в вырытых для них в лесу капонирах спрятали и замаскировали в километре от передовой.

— Ты бы лучше, чем командующему байки рассказывать, доложил, что задумал, как неприступный вражий дот обезвредим?

Развернули карту на неструганых досках стола, сколоченного в блиндаже фронтового штаба, и генерал-полковник подробно доложил командующему свой план.

— Славный сюрприз ты немцам готовишь, если новая техника не подведет. Валяй, прорывай, благословляю на подвиг. Но людей береги.

— Задача наша без потерь и самопожертвования все провести, убрать неприступную пулеметную точку.

— Ну, тогда с Богом, с чертом, с кочергой. Выполняйте. И чем скорее, тем лучше.

Лейтенант Гаршин командовал подразделением сухопутных торпед (боетанкеток), знакомых ему с Керченского полуострова, где у татарского селения Мамат он под руководством гражданского инженера Каткова и особой группы военинженера Званцева овладевал техникой подготовки и вождения управляемых издалека танкеток.

Лейтенант Гаршин показывал генерал-полковнику Хренову место в лесу, где под грудой хвороста покоился в вырытом для него капонире один из двух легких танков, переоборудованных в институте в Москве в передвижную электростанцию.

Хренов желал дотошно осмотреть все, начиная с внутренности скрытого танка.

— Разрешите, товарищ генерал-полковник, не сопровождать вас внутрь танка. Уж очень тесно будет. Там сидит мой человек — электрик. За ним и закреплена эта танк-станция.

Давай, показывай, как в пузо твоего сухопутного кита залезть. У меня габариты подходят более, чем у тебя, тяжелоатлета с виду.

Лейтенант Гаршин уверенно подошел к груде хвороста и раскопал в нем отверстие, обнажив башенку танка, откинул крышку и крикнул в люк:

— Принимай, Вася, гостя. Сам генерал-полковник Хренов познакомиться с твоим хозяйством хочет.

— Милости просим, товарищ генерал! — донеслось из глубины.

Хренов забрался на кучу хвороста, где стоял Гаршин, поправил фуражку с золотым галуном, спустил ноги в люк танковой башенки и скрылся в нем.

Он оказался в боевом отсеке со снятым орудием. Нащупав ногой ступеньку, спустился в машинное отделение. Дюжий старшина, инженер-электрик, подхватил генерала под руку:

— Разрешите помочь, товарищ генерал, а то со свету наше аккумуляторное освещение тусклым выглядит.

— Тускло — не тускло, а показывай свое хозяйство.

— За спиной у вас танковый двигатель. Переключаться может с гусениц вот на этот электрогенератор постоянного тока. Дает до двухсот двадцати вольт напряжения на кабель. Километр вдоль него по земле пройдете — в блиндаж управления попадете. Там хозяйство сам лейтенант Гаршин вам покажет.

— Ну, Вася, спасибо за службу. Сейчас мы с тобой самого

бога войны вместе с авиацией перещеголяем и нацистов этих, гнусных посланцев ада, извергнутых из зада, обратно направим.

— Складно и наглядно у вас получается, товарищ генерал. Нам бы так сработать.

— Ты, знай себе, крути, да па вольтметр поглядывай, а взрыв и здесь услышишь.

Дотошный заместитель командующего фронтом, убедившись, что Гаршин человек надежный и к атаке подготовился заботливо, дал ему приказ действовать.

Перед нейтральной полосой наготове стоял танковый отряд новеньких Т-34 с Нижне-Тагильского завода, а за ними ударный батальон отборной пехоты. Танки без пехоты город не освободят, а ключевой дот отрезал ей путь.

— Разрешите обратиться, товарищ капитан, — нагнал Гаршин командира отряда с тремя орденами на груди.

— Что тебе, лейтенант? Говори.

— Мы вам дорогу расчищаем. Дот непроходимый в воздух пустить хотим. Как в Ленинград прорываться станете, позвольте к вам примкнуть. В Ленинграде найти кое-кого надо…

— Не пойму я тебя, лейтенант. Дорогу расчищать собираешься, а сам в арьергарде стоишь.

— Ау меня здесь в блиндаже пульт управления. Я отсюда нашими электробойцами управлять стану.

— Не слыхал, не слыхал. Думал, опять с саблями наголо вслед за товарищем Ворошиловым под пули пойдем.

— Что пуль из неприступного дота не будет — гарантирую.

— Ой, много на себя берешь, лейтенант.

— Сколько генерал-полковник Хренов приказал, не больше.

— Ну, смотри, лейтенант, чтоб из дота ни одной пули не было. Тогда пристраивайся.

— Да дота не будет, — заверил Гаршин и направился вдоль выходящего из леса кабеля.

В недавно отрытой траншее пахло сырой землей, как и в блиндаже, похожем на отсек подводной лодки. Лампочка от аккумулятора освещала щит с приборами, окулярами перископа и рычагами управления танкеткой, далеко спрятанной в капонире. От пульта к ней тянулись три саперных провода, намотанных в танкетке на три не вращающиеся шпули, как в текстильных машинах. Два провода от приводов гусениц, третий от взрывного заряда. Свободно сходя со шпуль, они остаются лежать на земле, где их так же трудно перебить, как два раза попасть в одну воронку.

Гаршин сел за пульт, прильнул глазами к окулярам перископа и увидел на освещенной солнцем земле проход, где

полегло немало солдат, и проклятый дот с несколькими амбразурами для пулеметов. Батарея противотанковых пушек располагалась поблизости, в глубине позиции.

Лейтенант объявил в микрофон связи танковой электростанции в лесу:

— Готовность номер один!

Перед ним загорелась зеленая лампочка, и Гаршин отрапортовал готовность в штаб фронта. Тотчас рядом загорелась красная лампочка. Хренов давал сигнал атаки.

И Гаршин подал напряжение на два саперных провода, идущих к танкетке. Дрогнула стрелка вольтметра, Гаршин отчетливо увидел в стереоперископ, как танкетка вырвалась из укрытия и помчалась, отчаянно виляя, по воле Гаршина, чтобы не стать артиллерийской мишенью. Лейтенант ловко провел ее по краю воронок, преграждавших путь к доту.

Но на самой последней воронке от особо крупной авиабомбы, предназначавшейся для разрушения дота и теперь неожиданно защитившей его, танкетка завалилась в глубокую яму и, встав на дыбы у крутого откоса, буксуя обеими гусеницами, оказалась-таки мишенью для оторопевших было немецких артиллеристов. Они прямой наводкой расстреляли «малютку», но взрыва не произошло и не могло произойти, потому что взрыватель находился на пульте у Гаршина, и только он мог в нужный момент передать по третьему проводу взрывной импульс. Из ямы лишь повалил черный дым от горящего тола.

И только гитлеровцы торжествующе прокричали: «Хайль Гитлер!», яростно накрывая снарядами засеченное ими место, откуда выскочила застрявшая большевистская выдумка, как совсем в ином месте появилась другая такая же танкетка, выпущенная Гаршиным, переключившим электропитание на предусмотренный дублирующий боекомплект. Теперь Гаршин вел торпеду к проклятому доту с другой стороны, обходя опасную дымящуюся воронку. Едва придя в себя от первой-новинки, немцы спохватились, увидев вторую мчащуюся на них танкетку. Пулеметные очереди ей были нипочем. Тол от пуль не взрывается. И она, преодолев все препятствия неровного пути, была уже рядом с несокрушимой твердыней блокады. А дальше… было бы неверно сказать, что произошел взрыв. Это скорее походило на извержение вулкана или столкновение с астероидом, кометой или на светопреставление…

Когда черный дым рассеялся, то неприступного дота как не бывало. На его месте возник глубокий ров, вроде того, где хоронили без гробов ленинградцы своих близких.

Танки без потерь смяли противотанковые орудия, бегущая

под прикрытием танков пехота ворвалась во вражеские окопы и захватила их. Комплексным ударом Ленинградская блокада была прорвана, о чем скупо сообщила военная сводка.

В пробитую брешь ворвались советские войска, атакуя гитлеровцев с внутренней, неукрепленной стороны, уничтожая или обращая их в бегство.

А за пехотой в город вошел караван грузовиков с продовольствием, столь необходимым задушенным блокадой, но стойким ленинградцам. Желанный час для них настал.

В победной суматохе Гаршин не нашел капитана первого пробивного отряда, да и необходимость свернуть свое хозяйство на случай переброски в другое место не допускала его отлучки, но он получил ее от Хренова после рапорта генерал-полковнику об успехе применения сухо-торпед.

— На помощь в прорыве блокады израсходованы две взрывотанкетки. Людских потерь нет. Хозяйство готово для использования в другом месте. Второй танк с полным боевым комплектом ждет приказа на берегу Онежского озера, где завершено окружение прижатой к озеру части блокирующего кольца.

— Знаю, знаю, голубчик. Успех был обеспечен подготовкой, а не выхватыванием сабель из ножен. А у нас полководцы с опытом Гражданской войны об инженерных методах ее ведения и слышать не хотят. У Иоанна Грозного, взявшего Казань подкопом под крепостные стены, «сабельным воеводам» не поздоровилось бы. Но не считай, что мы прорвали блокаду. Мы только подготовили ее, дали возможность всей мощью ударить в очищенное от артиллерии и пулеметов место. И вот теперь, когда блокада прорвана, меня к Архиглавному вызывают.

Званцеву об этом вызове впоследствии рассказал сам Хренов, а писатель в воображении восстановил его новую встречу с Верховным.

Как всегда, прием состоялся глубокой ночью. Поскребышев, осторожно открыв дверь, впустил фронтовика.

Сталин сидел с закрытыми глазами за знакомым Хренову столом с разноцветными телефонами.

Генерал старался ступать неслышно, но Сталин почувствовал его присутствие, встал и потянулся:

— Ну что, генерал-полковник, мало тебе прорыва «линии Маннергейма», ты и Ленинградскую блокаду прорвал?

— Никак нет, товарищ Сталин. Не мы прорвали блокаду, а только подготовили удар, убрав непроезжий камень с дороги, что и было нашей инженерной задачей, отработанной под Керчью.

— Значит, не зря в Крыму кости прогревал. А что за камень такой, перед которым столько народу полегло?

— Это не просто дот, долговременная огневая пулеметная точка, а исключительно удачно расположенная на высоте броневое сооружение. Пулемет держал под прицелом все подходы пехоты, идущей за танками. Под его защитой была и противотанковая артиллерия. Дот имел ключевое значение, потому и был особенно укреплен, выдерживая и артобстрел, и авиабомбардировки. А наша «козявка» оказалась для них опаснее. Заряд торпеды в сто килограммов тола был столь велик, что снес совершенно эту систему немецкой обороны и облегчил завершающий прорыв. А ударные силы Волховского фронта смяли, перерезав, осадное кольцо и напали на внешние защитные позиции врага с тыла, заставив капитулировать. Вот кто прорвал блокаду, а за нами, смею повториться, была только инженерная подготовка.

— Инженерная подготовка, говорите? Это хорошо. Но теперь гнать их быстрее надо в хвост и в гриву, и времени на эту инженерную подготовку, или подкопы под злых татаровей, не будет. Тем не менее, этот прием надо держать в строгой тайне, чтобы немцы не применили его против нас. Не в наших интересах гордиться этим. Участникам этой операции передайте мою благодарность и ордена, каждому по заслугам.

Вернувшись от Сталина, Хренов застал у себя Гаршина, передал ему благодарность Верховного главнокомандующего и велел представить списки участников операции на награды. Сам он уже носил орден, врученный ему самим Верховным. И тем был горд.

Гаршин поблагодарил, но не уходил. Тогда Хренов сам прикрепил лейтенанту орден Красного Знамени. Гаршин продолжал стоять по стойке «смирно».

— А тебе что? В Ленинград? — догадался Хренов.

— Сослуживцу слово дал, товарищ генерал-полковник, проверить, как его семья.

Что ж, это дело святое. Иди. Солдат солдату первый помощник и друг.

Гаршин на одном из грузовиков с продовольствием въехал в героический город и на нужном перекрестке соскочил с драгоценным для ленинградцев пакетом продуктов в руках.

Он нашел дом, где жила семья его фронтового товарища по Крымской эпопее, когда они вместе в Керчи овладевали новым оружием.

Радостный, взбежал он на второй этаж. Дверь в указанную другом квартиру была открыта настежь. На его окрик никто не

отозвался. Он вошел в коридор и открыл первую попавшуюся дверь. В комнате на коврике между двумя кроватями лежала без чувств молоденькая девушка. «Голодный обморок», — сразу определил лейтенант.

Он встал на колени, стараясь привести девушку в чувство, чтобы она могла как можно скорее хоть что-то проглотить из принесенного им пакета.

Глава вторая. ПЕРЕМЕНЫ

Жизнь — это перемены
Коней неустающих…

Совсем не так представлял себе Званцев встречу с женой после долгой разлуки. Он знал номер вагона прибывающего поезда и встал на перроне примерно в том месте, где пассажиры будут выходить из тамбура.

Поезд опаздывал, как обычно. В военное время тут было нечему удивляться. Званцев боролся с нараставшим раздражением. Умом он понимал и убеждал себя, что в первую очередь должны быть военные перевозки. Прошли два часа опоздания, о которых ему сообщил начальник вокзала. Саша нетерпеливо стоял на выбранном месте. Наконец появился паровоз, «самая совершенная в мире паровая машина», как называл его в былое студенческое время томский профессор Бутаков. Званцева обдало запахом пара и машинного масла, могучая машина осторожно подбиралась к тупику в конце рельсового пути, замелькали вагоны. Вот и седьмой номер. На подножке стоит проводница со свернутым флажком в руке, не позволяя никому соскочить на ходу.

Она сошла первой. Потом выходили пассажиры с чемоданами, загромождая проход. Инна появилась одной из последних. При виде Саши улыбка исчезла с ее лица.

— Зачем эта борода? — недовольно сказала она. — Неужели нельзя было побриться к моему приезду?

— Только после Победы, — твердо ответил Званцев, обнимая повисшего на нем удивительно выросшего за два года Олежка.

Инна поморщилась и с неохотой подставила мужу щеку.

Появился ожидавший вдали шофер Ходнев. Он всюду сопровождал комбата, даже если тот сам был за рулем. Ходнев помог поднести чемоданы к машине за один прием. Мужчины несли что потяжелее. Сынишка Олежек отнял у мамы корзину. Бабушки Валентины Всеволодовны с ними не было. Хотя немцев и значительно отогнали после Сталинграда, но получить пропуск

для возвращения в Москву было все еще крайне трудно. Званцев еле-еле выхлопотал его на жену и сына, а на тещу не дали.

Сын преобразился в Орске, где они жили это время у сестры Валентины Всеволодовны. Это естественно. Но почему показалась Саше так изменившейся Инна? Волосы, как прежде, цвета червонного золота. Правда, прическа изменилась. «Ничто так не портит женщин, как старательное следование моде, — подумал про себя Званцев. — Стал заметнее вздернутый нос, из-за которого жестокие одноклассники в школе прозвали ее Мопсом». Званцев сердито одернул сам себя. Как он смел даже вспомнить об этом! Гадко!

Разговорчивость ее однако раздражала. Она без умолку болтала о жизни в далеком городе, где старалась не показывать, что она беженка. Не то чтобы местные хуже относятся к эвакуированным, но угнетало чувство бездомности, неполноценности — живешь в чужом доме из милости и не хозяйка. И невольно вспомнилось Александру Петровичу, как проявляла себя Инна хозяйкой по отношению к родителям Саши, которые в конце концов вынуждены были уехать от сына на подмосковную дачу в Лось.

Он готов был возненавидеть себя за одолевающие его мысли и стал рассказывать о событиях на Керченском полуострове, об «адской переправе». Инна строго заметила, что за рулем не разговаривают. И эти «пиф-паф» порядком надоели. Ему стыдно стало перед солдатом за резко командный тон, какой она допускала, обращаясь к нему, комбату и, проезжая по Садовому кольцу через площадь Красных ворот, Званцев неожиданно остановил машину и обратился к Ходневу:

— Можешь идти в гараж. Даю тебе сегодня свободный день. Машину я оставлю у себя во дворе, под окнами. Утром приеду на ней сам и передам тебе. Думаю, пора бы нам сделать ей профилактику.

— Что вы, товарищ комбат! Вам помочь надо вещички на третий этаж перетаскать, — с хитрецой сопротивлялся Ходнев.

— Ничего, управимся. У меня, видишь, какой богатыренок подрос. Мы с ним еще сегодня покатаемся по Москве. Он меня повозит.

— А не мал? — усомнился шофер.

— Семь лет — один ответ, — рассмеялся Званцев. — Его сверстники вместо отцов трактора водят, нас с тобой в армии кормят. Он сам их в поле за работой видел. Еще два года назад Костя Берземейстер, помнишь его?..

— Ну, еще бы! Лихой водитель!

— Так вот, он парнишку моего на колени сажал и руль ему в

руки давал. До педалей у того ноги еще не доставали, но рулил он как заправский шофер.

— А все-таки, товарищ комбат, я бы не помешал, помочь же надо…

— Выполняйте приказание, товарищ Ходнев, — строго с металлом в голосе повторил командир.

— Слушаюсь, товарищ комбат, — с готовностью заверил Ходнев, тихо добавив: — Авось ничего не случится, — и вышел из машины.

Едва он освободил место рядом с водителем, как Олежек перемахнул через спинку сиденья и опустился рядом с отцом. Инна осталась одна в салоне.

— Однако мы научились командовать forte fortissimo! Голос звучит как с эстрады, — заметила Инна.

— Но репертуар пока только такой.

— Не беда! Восстановим. На гитаре подыграю.

— К твоему приезду мне перетащили из Подлипок твой рояль. Помнишь в Белорецке Гришу такелажника? Один на спину брал. Мы же его здесь вчетвером втаскивали.

Инна оживилась:

— Белорецк, Подлипки! Wunderbar! Это рай по сравнению с Орскими степями. И Болшево рядом. Купание в Клязьме. Помнишь, как ты спас утопающую девушку, которую кавалеры бросили посередине реки. Она тебя не узнала на берегу. Я радовалась. Привязалась бы еще из благодарности. А сколько связано с этим роялем! Сколько мы с тобой пели. Ты поешь?

— Признаться, нет. Но пишу концерт для фортепьяно с оркестром. Занимаюсь композицией с профессором Московской консерватории Дубовским. Вместо оркестра взял на прокат пианино. Если тебя заинтересует, мы могли бы исполнять партитуру на двух роялях.

— Как интересно! А не тесно от двух инструментов?

— Мне дали прекрасную трехкомнатную квартиру. Ее занимал один эвакуированный специалист. Сейчас проводят политику задерживания переброшенных на восток предприятий. Идет вынужденное освоение Сибири.

— Какая ужасная бесчеловечная политика, — произнесла ядовито Инна…

— Но почему? Без возникшей на востоке промышленности у нас не было бы шансов выиграть войну против Гитлера. Он уже надломлен в Сталинградской битве, но побежден будет, когда сойдутся в решающем бою на суше две стальные армады Запада и Востока.

— Да не о машинах, танках и пушках я говорю, а о

насильственном переселении народов, тех же немцев Поволжья. Мирных советских людей русской культуры, среди которых я родилась и росла. Их всех, без разбора, включая республиканских и партийных руководителей, загоняли, как скот, в теплушки, даже без нар, и увозили население целой республики в Сибирь. И только из-за преступления нескольких людей, приютивших под угрозой оружия лженемецких парашютистов, якобы заброшенных к нам в тыл. Это была злонамеренная провокация, направленная против мирных людей, детей, женщин и стариков. Все мужчины, наравне с русскими, дрались за советскую землю, за свою республику Поволжских немцев. Наши родственники, былые соседи и знакомые рассеялись по сибирским степям, попадали они и к нам в Оренбургские и Орские степи, и я знаю все из первых уст. Вот о какой бесчеловечной политике я говорю.

Саше нечего было ответить, разве что добавить к немцам Поволжья другие народности. Одни из них стадали лишь за то, что кто-то из их соплеменников подарил Гитлеру коня. Другие выселялись просто из-за подозрения Сталина. Разбрасывали их всех по подвластной ему одной шестой части суши. Саша хотел изменить тему разговора, но Инна продолжала:

— Помнишь Анну Эмих? Она жила у папы с мамой в Подлипках, потом некоторое время у нас. Так ее нашли и выслали в Казахстан. А у нее сын от брата моего Бори. Из двух ее братьев один как-то вывернулся, а другой поехал в телячьем вагоне.

— Я поворачиваю налево, на нашу улицу — Воровского, бывшую Поварскую. Предлагаю вам выбрать дом, где вам хотелось бы жить. Угадавшему — приз.

— Я, я угадаю! — обрадовался Олежек.

— Глупости. Угадать невозможно, — заявила Инна.

— А что это за дом в глубине сада? — интересовался мальчик.

— А ты читал «Войну и мир» Толстого?

— Конечно, — с гордостью ответил Олежек, правда ешс не всю.

— Так вот, Лев Николаевич описал этот дом, как московское жилище графов Ростовых. И в этом дворе вокруг садика, в романе, стоял обоз с вещами и мебелью Ростовых.

— И Наташа все выбросила, чтобы освободить место для раненных в Бородинском сражении. Во, девка была! — увлеченно пересказывал Олежек.

— Не девка, а графинюшка. А девки у нее в услужении были, — назидательно поправила мать.

— А теперь здесь Союз писателей СССР.

— А ты все еще не вступил в него? — спросила Инна.

— Не до того теперь. Да и не могу я военным корреспондентом стать. На мне институт, батальон и фронтовые испытания. Вот после Победы. Кстати, я так назвал свои концерт.

— Услышим.

— А соседний дом красивее, — нашел нужным вмешаться Олежек.

— Это клуб писателей, где я попал в неловкое положение, оказавшись в ресторане без денег и с порванным коленом на военных брюках, а на столе заказанные дамой блюда.

— Где ж ты провел ночь в драных штанах? В милиции или… у нее? — опять съехидничала жена.

Год назад Агния Александровна, ровесница матери Званцева, позвонила ему в кабинет главного инженера института, представилась женой советского посла в Англии Майского. Попросила от его имени конфиденциальной встречи с ней в клубе писателей и предложила выслать за ним машину.

В полном недоумении он пообещал сам заехать за ней и проявил себя глупейшим образом, не подумав о последствиях своего шага.

Будучи командиром батальона при институте, он был на казенном довольствии, нигде не бывал, жил один без семьи, еще не вернувшейся из эвакуации, ходил всегда в военной форме. А утром порвал в цехе колено. Его ординарец Ваня Смирнов (вместо секретарши) в штопке понимал не больше своего военинженера, а тот и забыл об этом. У Званцева не было трат, и он не имел при себе денег. Беда, что осознал он все это, подвозя свою шикарную даму к вычурному подъезду особняка клуба писателей на Поварской.

Они уселись рядом с огромным горящим камином в Дубовом зале у причудливой винтовой лестницы, откуда, как бытовало здесь предание, якобы упал император Александр III. Военинженер небрежно положил одну ногу на другую, чтобы скрыть позорную дыру, а меняя позу тотчас прикрывал ладонью свое компрометирующее колено. Он сразу узнал эту красивую женщину, бывшую жену колчаковского министра Ляховицкого. «Очевидно, — подумал он, — она как-то сумела выйти замуж за нашего посла в Англии Майского». Но чем мог Званцев заинтересовать ее? Вдруг узнала в бородатом офицере ипподромного мальчика и хочет сохранить в тайне прежнее замужество?

Первые ее слова ошарашили Званцева.

— Не передать вам, как мы с Иваном Михайловичем добирались сюда…

«Так ведь и того звали Иваном Михайловичем!» — мелькнуло

в мозгу военинженера.

— Но товарищ Сталин непреклонен в своих решениях. И мой муж все-таки прибыл на важное совещание, как являлся он в Совет министров в Омске или по вызову Колчака.

— Как? Один и тот же Иван Михайлович?

— Конечно, — мило улыбнулась Агния Александровна. — Майский — это партийное имя коммуниста Ляховицкого.

— Ах, вот как!

Званцев чуть было не сказал: «Там, на ипподроме…» Но нет! Она не узнала того реалиста в чужой куртке наездника. Да и никакого значения в том нет! Все офицеры были когда-то мальчишками. Важно, что Москва имела близко при Колчаке своего человека. Будь не так, он все равно бы ее не выдал.

— А у вас здесь шикарно и очень вкусно пахнет.

— При Дубовом зале — маленький ресторанчик, — промямлил Званцев.

— Обожаю маленькие ресторанчики. В них так уютно, и отлично кормят. Может быть, ваш не хуже парижских? Проводите? — попросила она.

Свободной рукой, не защищавшей драное колено, Званцев еще раз обшарил карманы гимнастерки и опять нащупал лишь жесткие корочки военного удостоверения, побывавшего в водах Керченского пролива и обсыхавшего на таманском берегу. И ни единого рубля. И ни единого знакомого, чтобы занять…

Военинженер усаживался с гостьей за свободный столик, как на жесткое ложе гильотины. Белый кружевной убор официантки представлялся ему колпаком на голове палача, вручавшего безжалостной, разодетой помощнице орудие пытки — меню.

«Режьте меня на телячью или свинячью отбивную или шашлык из тупого барана!» — гневно думал о себе Званцев, кусая губы.

— Что будем пить, дружок мой?

— Я никогда ничего не пью и не курю. Мы с братом такую клятву кровью подписали еще в детстве.

— Это надо уважать. А мне цинандали! Его товарищ Сталин любит, — и, передав заказ, она понизила голос. — Мне поручено уговорить вас помочь Ивану Михайловичу в создании приключенческой книги о кругосветном путешествии, какое нам с ним предстоит проделать на обратном пути в Лондон. Вторично прямиком, по теории вероятности, нам не добраться.

Званцеву по той же теории вероятности выхода из Дубового зала не было, и он пробурчал:

— «Вокруг света в восемьдесят дней»! Так это не ко мне, а к Жюлю Верну.

— Кто это вспоминает моего любимого писателя? — послышался близкий раскатистый голос. — Говорят о писателе и капитане дальнего плавания на собственной яхте Жюле Верне, друге всех морей и моряков!

Званцев обернулся и увидел огромного, как ему показалось, военного моряка, капитана первого ранга.

— Здравствуйте, дорогой. Присаживайтесь к нам. Это мы вашего любимца вспоминали, — проворковала Майская..

Моряк приложился к ручке Агнии Александровны и с грохотом уселся за стол.

Званцев вскочил и как это положено военным, отрекомендовался старшему по званию:

— Военинженер третьего ранга Александр Званцев!

— Да ты садись, Саша, садись, — предложил моряк, громко крикнув: — Нюрочка, родная! Водки во спасение, и в приложение — все мое любимое! Посвети нам, солнышко!

Официантка знала, что принести и, кроме графина, появилась на столе и севрюга, и осетрина, и балык…

— Слышали? — начала Майская. — Народный комиссар просвещения роман «Пылающий остров» назвал таким же явлением, как «Хмурое утро».

— С чего это Потемкин после Алеши Толстого решил нас Фенимором Купером просветить?

— Так тот роман «Восстание на Кубе» написал, — рассмеялась Майская, — я сама переводила. А название продавцы придумали. А «Пылающий остров» написал наш военинженер Званцев, — и она, улыбаясь, кивнула на спутника. — Его остров сам пылает!

— Тогда давай, Саша, выпьем за твой еще не читанный мною роман.

— Он ничего не пьет. Мы его простим. Не так ли?

— Ну, не знаю, не знаю… По-нашему — не пьет, звания военного лишиться может.

— А я в армию рядовым, необученным пришел.

— Тогда за рядовых, что офицерами стали, чокнемся.

— Чокнуться я могу.

— И пригубить, — настаивал моряк.

— Если только из моего бокала цинандали, — выручила Агния Александровна.

— На том и порешим, — миролюбиво согласился моряк.

— Так, согласны? — лукаво сощурилась на своего «пленника» Агния Александровна.

Военинженер молча кивнул.

— И на помощь мужу тоже? — уточнила она.

— Когда Иван Михайлович сам прочтет мой роман и не предпочтет Купера в вашем переводе.

— А он уже прочел и выбор сделал, — захлопала в ладоши Агния Александровна. — Прочитайте завтрашние газеты и собирайтесь к нам в гости. На этот раз — машина наша.

— Друзья, у всех ли есть ночные пропуска? — спохватился капитан первого ранга.

Сердце у Званцева захолонуло: «Настал миг расплаты. Попросить денег взаймы у капитана?..» — подумал Званцев, но вместо этого бодро заявил:

— У нашей машины пропуск без права ее остановки.

— Молоток! Моряком бы тебе быть! Нюрочка, Заря моя вечерняя, запиши все на мой счет.

— Касса! — звонко разнеслось по Дубовому залу. — Мой столик записать на счет Соболева.

Сам Леонид Соболев! Так вот кто сидел за столом в нашей компании!

Впоследствии, работая вместе в Союзе писателей, они весело вспоминали их первую встречу.

Званцев развез по домам и Соболева, и Майскую.

Она тщетно хотела зазвать его к себе домой, чтобы заштопать дырку на коленке. Но он был непреклонен…

— Вот этот, за оградой с правой стороны, — закричал мальчик.

— Этот? — переспросил отец. — Тогда берись за руль, сворачивай в ворота. Я тебе помогу.

— Что это значит? — возмутилась Инна.

— Обещанный приз, — ответил Званцев.

— Неужели здесь?

— Конечно, а напротив на лестничной площадке — Мещеряков, замминистра электропромышленности.

Машина въехала во двор, завернула за дом и остановилась у первого подъезда.

Вверх вела широкая, когда-то устланная мягким ковром лестница. На свободной лестничной площадке справа и слева для состоятельных жильцов размещались по две богатые двух и трехкомнатные квартиры с высокими лепными потолками и дорогими обоями.

— Можно и соединить две соседние квартиры в одну, еще более просторную и красивую, — произнесла мечтательно Инна, едва они с мужем поднялись с первыми чемоданами. Она поставила свою ношу на пол и обняла Сашу.

— Наконец-то мы встретились! — воскликнула она, покрывая лицо мужа поцелуями. — Как я счастлива! Как счастлива.

Приготовил мне дворец. Я — твоя королева! А ты мой противный бородатый король!

Войдя в квартиру, она тут же села за рояль и сыграла увлекающий вальс Штрауса. Потом вскочила и, напевая сыгранную мелодию, стала кружить по комнате. Саша, стоя в дверях, любовался ею. Он почувствовал себя так, как в лучшие годы их жизни.

Он пошел вниз за сыном и оставшимися вещами, а она села снова за рояль и стала играть этюд Рахманинова, который когда-то в исполнении Вакара зачаровал Сашу. Ему вспомнился Белорецк и Костя, друг закадычный…

Иосифьян позвонил Званцеву:

— Саша, зайди. Не пожалеешь.

Не в духе Андроника было так вызывать к себе главного инженера. В прошлый раз он хотел рассмотреть вместе с ним проект газовой турбины профессора Усова. Может быть, Игорь Евгеньевич Тамм, академик, которому прочат Нобелевскую премию, приехал познакомиться с иосифьяновской головокружительной идеей «закона действия»? Он дополнил теорию Максвелла, лежащую в основе расчетов электрических машин.

После длительного отсутствия кабинет директора всегда поражал своей роскошью. Здесь никого не удивили бы посетители в смокингах, с сигарами в зубах и даже пленительные дамы в блистательных туалетах. Но Званцева на этот раз ждало нечто иное.

— Разрешите вам представить, Валерия Алексеевна, нашего главного инженера, изобретателя, командира батальона, недавно вернувшегося с Крымского фронта, композитора сразу в двух областях — в музыке и шахматах. Кроме того еще и писателя-фантаста и поэта.

— Рада познакомиться со столь разносторонним человеком, узнать его хотя бы с одной стороны.

— Пара пустяк! Вам представится сейчас такая возможность. Александр Петрович поможет вам выполнить поручение нашего ЦК партии и познакомит вас как с лабораториями, так и с цехами. Мы ведь одновременно и завод, и научный институт. И не только несносные партизаны и захватчики, не побоявшиеся немцев, но и пионеры в области создания нового в науке и технике. Нам мало толстых папок научных отчетов или единственных опытных образцов, а цель наша — освоенные серии с рабочей оснасткой.

— Словом, образцовые новаторы. Одного не пойму, товарищ директор, почему же у таких людей дружбы нет? Дрязги какие-то!

— В семье не без урода, товарищ Голубцова. Потому мы и

ждем парторга ЦК, а вы с нами знакомитесь. Но основной наш костяк на крепкой дружбе и железной дисциплине замешан, крепче древнего цемента на крови.

— Спасибо вам, Андроник Гевондович, за уделенное мне время и за такое обещающее знакомство с вашими идеями и с товарищем Званцевым, с которым готова идти хоть в разведку, хоть в поход.

И она поднялась, одетая просто, но с тонким изяществом, мало кому доступным.

— Если бы вы, Валерия Алексеевна, согласились немного побыть в моем кабинете, правда уступающем в отделке директорскому, — скромно произнес Званцев, — я, быстренько разделавшись бы с неотложными делами и отпустив ждущих меня инженеров, начал бы ваше ознакомление с нашим производством на ходу. Ведь оно, подобно поезду, идущему без остановок, на который надо вскакивать.

— Согласна, но если и вы, на ходу, докажете, что вы поэт и напишите мне экспромтом шуточную эпиграмму.

— Проходите. Пока вы усядетесь вон в то кресло шуточная эпиграмма будет готова.

Голубцова, уверенная, что ее шутка породит какие-нибудь банальные строчки, оглядела обтянутые разрисованным китайским шелком стены и со светской манерой изящно опустилась в указанное ей кресло.

— Я сижу, а уши мои на гвозде внимания, — с улыбкой сказала она.

Дверь приоткрылась, и в нее заглянул молоденький ординарец Ваня Смирнов. Комбат махнул на него рукой и тот тут же исчез.

Военинженер, стоя за столом, лицом к гостье, произнес:

— «Серенада Дон-Жуана под балконом Голубцовой»

Вчера б вы не поверили:
Я снова молод, пьян
И в берега Валерии
Мой бьется океан!

Гостья неслышно похлопала в ладоши:

— Вы могли бы записать это для меня?

— Конечно. Я когда-то работал «машинисткой». Кончил в тринадцать лет курсы у одной бывшей баронессы. Только позвольте мне сделать несколько разносов. У нас ведь армия, и я не даю этого забыть, — он пододвинул к себе статуэтку коня каслинского литья и сказал в скрытый там микрофон:

— Сержант Смирнов, Шереметьевского ко мне.

— Он здесь, — ответила человеческим голосом чугунная лошадка.

Высокая, отделанная золотой вязью дверь открылась, и в кабинет вошел нескладный солдат на тонких ногах с погонами сержанта.

— Явился по вашему приказанию, товарищ военинженер. Разрешите обратиться?

— Это я обращаюсь к вам, как к начальнику радиоцеха. Вы — главный связист фронтов. С вас спрос не как со старшего сержанта, а как с генерала. Срыв вами плана поставки раций частотной модуляции равнозначен пропуску через ваш участок фронта основных сил противника. И пошли бы вы сейчас под военный трибунал. Я избавил вас от сырости окопов, от протягивания ползком под огнем противника телефонных проводов, чтобы выдать штабам радиосвязь, недоступную радиоперехвату, а вы не выполняете приказ командования, срываете план, ставя меня перед необходимостью отправить вас обратно в часть.

— Но, Александр Петрович…

— Александр Петрович на волейбольной площадке или на ринге, а здесь…

— Простите, товарищ военинженер, докладываю: комплектующих деталей нет, и достать их невозможно. Отдел снабжения бессилен.

— То есть как это невозможно, кто это бессилен? Вы что? На передовой в бою, командованию так докладывали бы? Да Жуков вас по стенке блиндажа размазал бы. Невозможного во время войны нет, а бессильных бьют.

Начальник радиоцеха в сержантском обличий, будущий академик и директор этого института, то краснел, то бледнел, чувствуя, что под ним подкашиваются ноги в обмотках.

— Не думайте, что вас отозвали в тыл. Вы просто не слышите свиста пуль и разрыва снарядов. А они должны звучать у вас в ушах, потому что вы — на передовой, где нельзя думать о невозможном. Я вам сейчас наглядно покажу, как оно становится возможным. Где список того, что вам не могут достать?

Шереметьевский протянул бумажку в дрожащей руке. Званцев взглянул на нее и громко крикнул:

— Ваня! Воентехника Печникова ко мне.

— Он здесь, — ответила чугунная лошадка.

Двери открылись, и рядом с тощим радиоинженером появилась толстенькая фигура прославленного институтского

снабженца.

Званцев протянул ему полученную бумажку.

— Вот. Товарищи в галстуках достать не могут.

— Немудрено, товарищ комбат. Это все по заявкам на радиозаводы поставлялось. Заводов нет. Базы пусты.

— Пусть радиоинженер просветит нас, куда девались поставленные радиозаводам столь необходимые нам детали?

— Как куда? Поставлены в уже сделанные радиоприемники.

— А радиоприемники где?

— В первые дни войны, по приказу свыше, всеми гражданами сданы на хранение.

— Для кого хранить, для нас или для гитлеровцев?

— Я понял, товарищ комбат! Надо взять из хранилищ приемники и размонтировать их, — догадался Печников.

— Наконец-то дошло! — вздохнул Званцев.

— Но это же противозаконно, — заикнулся было Шереметьевский. — Ведь взяли на сохранность! Что скажет Ласточкин?

— Ах, что скажет княгиня Марья Алексеевна? А что скажет Ласточкин, сохранив морально устаревшие рации, когда его, как секретаря парткома, немцы на расстрел поведут?

— Ясно. Все будет исполнено, — отчеканил Печников. — Пойдем, старший сержант. Укажешь, какие приемники брать. Разрешите идти, товарищ комбат?

— Выполняйте, — сурово приказал Званцев уходящим.

— Однако, дерзости у вас не меньше, чем у Дон-Жуана.

— Ах да! — спохватился Званцев, вынул из ящика стола маленькую пишущую машинку и через минуту передал Валерии Алексеевне исписанный листок. — Вы уж извините за наши будни. Война — это узаконенное беззаконие. А теперь пройдемтесь по цехам и лабораториям. Будничные сцены там тоже возможны…

Голубцова стала завсегдатаем научно-исследовательского института (шестьсот двадцать седьмого завода). Ласточкин почувствовал, что это неспроста, и в ее присутствии зашел к Званцеву с томом Писарева в руках.

— Я хотел бы сблизить вас, Александр Петрович, с нашим партактивом, — в примирительном тоне, пересиливая себя, начал он, — привлечь вас к политучебе. Очень рассчитываю, что вы сделаете доклад о статье Писарева «Базаров», разобрав по-писательски его образ. Почему он такой? И так далее.

Званцев почувствовал на себе заинтересованный взгляд Голубцовой и скорее всего поэтому согласился. Но тут же при Валерии Алексеевне стал строго спрашивать с Ласточкина о

работе подопечного ему радиоцеха и ликвидирован ли прорыв в выполнении плана поставок?

— Я не знаю, Александр Петрович, почему вы взвалили на меня самый трудный участок, не считаясь с моей партийной загруженностью.

— Во-первых, потому, что не знал, что вы освобождены, как секретарь парткома, от основной работы, дающей вам отсрочку от призыва в армию. А во-вторых, считал снабжение фронта нашими изделиями первейшей заботой секретаря парткома. Образ Базарова, глубоко несчастного в своем отрицании всего, в том числе и современного ему строя, перекликается с современным протестом кое-кого против разбойных приемов ради выполнения плана, хотя «разбойники» брали для смертного боя с врагом никому ненужные, морально устаревшие радиоприемники, лишь формально хранившиеся перед выбрасыванием на помойку. Противостояние псевдоразбойникам — предательский саботаж в пользу врага. Но вот почему в борьбу с ними вступил инженер Ласточкин, секретарь парткома?

Ласточкина бросило в жар. Оказывается, Званцев направил его против него самого, обратившегося в ЦК с сигналом о недопустимости разбойных методов ради выполнения плана тыловым заводом. А Званцев продолжал:

— Нигилизм Базарова — отрицание всего, едва ли более важен, чем наши рации частотной модуляции или сухопутные торпеды, способные прорвать мертвую петлю Ленинградской блокады. Базаровским отрицанием можно красоваться, но не помогать людям. Седьмая симфония Шостаковича действеннее. Надеюсь на единство взглядов и целей с партией.

— Вы хотите командовать ею! Это вам не удастся! — проскрежетал Ластокин и демонстративно направился к двери, вытянувшись в струнку, чтобы казаться выше, но выглядел он, как всегда, старательным подчиненным.

— Разрешите, товарищ комбат? — сменил Ласточкина ординарец.

— Что у тебя, Ваня?

— Повестка из прокуратуры. Вам. С нарочным.

— Ну вот! Разбойника к ответу, — усмехнулся Званцев.

— Простите, Александр Петрович, — подошла к столу Голубцова. — Могу я взглянуть?

Званцев протянул ей повестку, она прочла фамилию прокурора и номер его телефона.

— Вы разрешите позвонить от вас?

— Пожалуйста, Валерия Алексеевна. Только мой телефон может показаться вам неудобным.

— Почему?

— Я подбирал в наш институт, в шутку прозванный «имени Жюля Верна», всех известных мне фантастов, в частности, Юрия Александровича Долгушина.

— Автора «Генератора чудес»?

— Оказывается, вы его знаете! Я заполучил его, и он монтирует у Шереметьевского рации А-7. В его романе главное дерзостное предсказание и путь исканий — это оживление человека после клинической смерти. Ведь слово «реанимация» (восстановление), как медицинский термин, появилось после «Генератора чудес». Правда, медицина еще не нашла способ сохранять нейроны мозга продолжительное время. Но немало людей живут после клинической смерти.

— Фантастика — разведчица знаний, и без фантазии нет наук. Познакомьте меня с Долгушиным.

— Непременно. Если помните, у него в романе показаны достижения современной электроники в быту, просто осуществимые, которые уже завтра войдут в жизнь. И я позволил ему осуществить некоторые свои идеи вот на этом столе. И говорящая лошадка связывает меня не только с ординарцем Ваней, но заменяет трубку телефона. Набор номера в нем достигается не утомительным вращением диска, а просто четким произнесением после слова телефон нужного номера, и ваш собеседник будет перед вами в виде этой лошадки, но диалог будет слышен не только вам.

— Не беда. Суть моей беседы с прокурором мне не хотелось бы от вас скрывать.

— Признателен вам, но я согласен оставить вас наедине с чугунным конем.

— Нет, нет! Вы просто уступите на несколько минут свое место. И не уходите.

— Как вам будет угодно, — и он галантно предложил гостье, которую уже считал парторгом ЦК в институте, свое место.

Голубцова придвинула к себе каслинское художественное изделие, назвала номер телефона и спросила:

— Я говорю с товарищем прокурором? — и она назвала фамилию.

— Совершенно так. В чем дело? Говорите кратко, — недовольно отозвалось в телефоне громкой связи.

— Вас беспокоят из Центрального Комитета партии. Голубцова, референт товарища Маленкова.

— Я весь внимание, товарищ Голубцова. Извините, я не знал, откуда вы.

— Государственный Комитет Обороны, возглавляемый

товарищем Сталиным, получил, вероятно как и вы, судя по направленной вам копии, возмутительное письмо с доносом о якобы разбойничьем налете на склад, свято хранящий радиохлам. Все это, смею вас уверить, далеко не так. Приемники, хранившиеся на складе, были сданы в первые неудачные для нас дни войны, чтобы отнять у нацистов возможность влиять на население, сеять панику и неверие в наши силы. А ныне в этом хламе можно найти самые дефицитные детали, очень нужные сегодня для оснащения штабов наших армий.

— Прокуратуре ничего об этом не известно. Формально произведен грабеж со взломом. Похищение хранимой аппаратуры. Приказ исходил от комбата одной из воинских частей. Он приглашен для дачи объяснений.

— И для привлечения к уголовной ответственности — командира за ведение незримого боя с врагом?

— Но формально никакого боя не было, а взлом и хищение были, — пытался слабо возражать прокурор.

— А формальное отношение прокурора к сражению с гитлеровскими полчищами есть, и ГКО расценит это как враждебные действия и автора письма, и прокурора, вас лично. Таково мнение товарища Маленкова, доложившего дело это товарищу Сталину.

Чугунная лошадка даже задрожала, передавая интонацию собеседника Голубцовой.

— Я благодарю вас, товарищ Голубцова, за внесение ясности в открываемое мною дело. К сожалению, мы заскорузлые законники, но готовы защищать Родину любыми средствами.

— Один мудрый человек недавно сказал мне, что война — узаконенное беззаконие. Советую, считать законным все, что содействует Победе.

— Передайте товарищу Маленкову, а если можно, то и самому председателю ГКО, что помощь референта товарища Голубцовой принята с глубокой благодарностью. Разрешите повесить трубку.

— Вешайте. Мне это не требуется, — и она лукаво посмотрела на Званцева. — Очевидно, Долгушин предусмотрел конец связи?

— Да. Отодвиньте статуэтку. Она записала ваш разговор. Как мне благодарить вас за блестящую защиту? Вы поступили, как истинный парторг ЦК в нашем институте. И во мне вы найдете преданного помощника. Ведь меня затаскали бы по судам.

— Поблагодарите моего мужа, что ваша «Серенада Дон-Жуана» прошла для вас безнаказанно.

— Значит, вы замужем за умным человеком.

— Еще бы! А вы знаете, кто мой муж? Я ему много рассказывала об институте, о вас и вашей дерзости со взломом дурацких хранилищ радиохлама. И он одобрил.

— Кто одобрил?

— Муж мой, Маленков, Георгий Максимилианович.

Званцев вынул носовой платок и вытер влажный лоб.

— И знаете, что он сказал мне? Что мне не надо оставаться у вас парторгом и предложил стать ректором Московского энергетического института.

— В Лефортово. Напротив ВЭИ, где мы с Андроником работали. Конечно, это другой масштаб, почет командарма будущих армий энергетиков, а я, комбат, отныне стою перед вами навытяжку и сделать ничего не могу. Разве что послать к вам учиться дочь, нынче кончающую школу, надеюсь, с золотой медалью.

— Вот и прекрасно. Вступительных экзаменов сдавать не нужно.

— Буду рад за нее и хочу пожелать вам успеха на таком видном поприще.

— Я тоже желаю вам успеха и признаюсь, что мне жаль покидать ставший для меня школой кабинет неистового главного инженера, которому тоже нужен большой, даже глобальный масштаб, как в «Пылающем острове» или «Арктическом мосте». Прощаясь, не говорю прощайте, а до свидания. Подарите мне что-нибудь.

— У меня есть стихотворение «Подарок». Хотите?

— Очень.

Званцев, как и в прошлый раз, достал пишущую машинку и напечатал восемь строчек, протянув их Валерии Алексеевне. Она прочитала их вслух:

Что подарить вам,
Женшине прекрасной.
Прелестной, но огнеопасной.
Я преподнес бы сердце в дар,
Но может вспыхнуть ведь пожар.

И все сгорит тогда дотла.
Склонюсь я лучше, как ветла,
Любуясь вашим отраженьем,
Как неким сказочным виденьем.

— Можно подарить любой женщине. Каждая подумает, что это ей… — и она протянула ему руку. — И даже… я. А вы

опасный мужчина, товарищ комбат. Я вижу в этих стихах ваш автопортрет…

Званцев склонился и поцеловал ее душистые пальцы, а она его в лоб.

Когда Саша рассказал об этом расставании Иосифьяну, он, взъерошив свои волосы, воздел руки к потолку и воскликнул:

— Ишаки! Ишаки! Знаю, она заходила ко мне проститься. Упустить такую орлицу и остаться с хилой ласточкой! Это же не пара пустяк, а пара ишаков! Ну, ничего, Саша, не поделаешь! Снимай свою гимнастерку со шпалами и надевай камзол, куртку, френч или… Как он теперь называется? С серебряными погонами с двумя просветами и большой звездой инженер-майора. Помнишь, полковник Третьяков намекал на эти изменения. Теперь вся армия переодевается и ходит в новых званиях. Так что, носи свой именной маузер с ремнем, переброшенным через новый погон на плече. Гитлеровцы со страху, что на них все былое русское офицерство поднялось на всех фронтах, побегут, и мы свои рации А-7 и другие новинки поставить в Красную Армию в погонах не успеем. На, инженер-майор, смотри, — и он протянул Саше отпечатанную на ротапринте бумагу с длинным списком офицеров за подписью Сталина в конце.

— А меня в Армении академиком выбрали. Переодеваться не надо. Хоть бы эполеты какие-нибудь выдумали, ишаки, шапочку с квадратной тульей или ленту через плечо, а то, как был профессор в галстучке, так и остался.

— Позвольте войти, товарищ академик, капитану инженерных войск Псчникову, — послышался знакомый голос. — Разрешите обратиться, товарищ инженер-майор, я вам новое обмундирование принес. С погонами.

Званцев прошел в свой кабинет и в примыкающей комнате, где жил ординарец Ваня Смирнов, переоделся.

Вернулся к своему столу, достал последнее письмо Ни-нуси из Барнаула. Крепкая была семья у Давидовичей. Когда в первые месяцы войны местные органы, стремясь показать свою бдительность, вспомнили, что Николай Иванович Давидович был депутатом Сибирской думы, ставящей своей целью отделение богатой природными ресурсами Сибири от России, его причислили к неблагонадежным и предложили выехать в глухое село Сорокине близ Кузнецка. Вся семья отправилась в ссылку за ним, включая и старшую дочь Катю. Она предпочла семью, во главе с отцом, малоудачному браку студенческих времен с Дубакиным. Нинуся была с ними, училась в сельской школе, пока ставшие классическими труды по сибирскому плодоводству не вынесли заслуженного плодовода на гребень волны, и его

вернули в Барнаул, предоставили квартиру. Татьяна Николаевна в школе преподавала математику, в чем всегда была сильна, а Нинуся смогла учиться в Барнаульской школе, идя там на золотую медаль. И вот теперь появился серьезный шанс ей попасть в МЭИ, ректором которого стала Голубцова.

Смирнов вызвал Ходнева, и Званцев в самом радужном настроении поехал домой на улицу Воровского.

Инна, предупрежденная ординарцем, что Саша выехал домой с сюрпризом, ждала мужа на лестнице.

— Какой сюрприз? Я уже догадываюсь!

— Обо всем ты догадаться не можешь.

— Тогда пойдем домой, и ты все-все мне расскажешь.

— Прежде, чем рассказать, надо показать.

И Саша, войдя в квартиру, снял шинель. Инна ахнула.

— Что за маскарад? Почему погоны? Ты не генерал?

— Нет, — рассмеялся Саша. — Только майор. Или чуть повыше — инженер-майор.

— Форма на тебе сидит хорошо. Серебреные погоны красивее, необычнее. Это признак специальной образованности.

— Инженером я остаюсь, где бы ни был: в промышленности, в армии, в литературе.

— А в музыке?

— Гармония в инженерном деле так же значима, как и в музыке.

— Тогда давай отметим твое новое звание твоим концертом на двух роялях, — предложила Инна.

У железной ограды с открытыми воротами толпились люди. Из окон в глубине двора доносилась музыка. Это было так необычно для людей, ведь шла война. Скоро толпа заполнила весь тротуар. Наиболее смелые заходили во внутренний садик. Садились там на единственную скамейку. Музыка завершилась торжественным гимном, по замыслу композитора, гимном Победы.

Люди неохотно расходились, надеясь на повторение, но продолжения супружеского дуэта лучше бы им не слышать.

Званцевы пересели от инструментов на диван.

— А второй мой сюрприз: Голубцова, жена Маленкова, намечалась парторгом нашего института и часто сидела в моем кабинете, приглядываясь к моей работе.

— Может быть не к твоей работе, а к тебе?

— У нас еще тетя Даша-уборщица есть.

— Я не хочу делить тебя и со сторожихой.

— Вместо сторожих у нас бойцы из отряда нашего Виктора Петровича. А Голубцову назначили не к нам, а ректором

Московского энергетического института. И это как нельзя кстати. Она уже согласилась принять золотую медалистку Нинусю в свой институт, хотя прием уже закончен.

— А это что еще за новость за моей спиной? Я видеть не хочу в нашем доме этой заносчивой девчонки.

— Я не мог сообщить тебе раньше об учебе своей дочери, к которой ты, кстати, обещала относиться как к родной?

— Как к задирающей нос падчерице.

— Она не воспользуется твоим гостеприимством.

— Этого еще не хватало! У меня не постоялый двор.

— Она моя дочь, — настаивал Званцев.

— А я ее мачеха и ее матерью, что тебя бросила, не стану. Ставлю тебе условие, чтобы Нины твоей в Москве не было, иначе… я и мачехой перестану быть. Тебя уже бросали.

— Никто, кроме министра внутренних дел, не может запретить въезд в Москву.

— Ах, вот как! Муж мой доносит в МВД, что под его фамилией скрывается немка, враждебная немка Поволжья.

— Как у тебя язык поворачивается? Где твоя совесть?

— Ну, конечно, я бессовестная сволочь немецкая, и мне место в лагерных бараках, а эта надменная девчонка превратит мою квартиру в бордель, и распутные пары будут танцевать под звуки моего рояля.

— Извини меня. Ты сейчас невменяема, а мне пора на службу, — и Саша подошел к столу взять ключи от внешних дверей.

Но Инна кошачьим прыжком опередила его, и, схватив ключи, прижала их к груди.

— В такую минуту бросить меня, погибающую, и мчаться к своим высокопоставленным дамам, будто на работу!

Не отдавая отчета в своих действиях, Инна подошла к окну и выбросила ключи во двор.

— Что ты наделала, безумная?! Меня ждут на работе.

— А мне какое дело? Я беременна. За мной нужен уход.

— В такой обстановке возможен только один уход, уход от тебя, — жестко отрезал Званцев.

Инна присмирела. Саша высунулся из окна и подозвал играющего в садике мальчишку:

— Эй, друг! Боевое задание тебе. Сыграем в борьбу с диверсантом. Он запер меня в моей квартире, чтобы я не уехал на важное совещание. Но, убегая со двора, обронил ключи. Вон они в травке лежат. Я шоколадку туда брошу.

Мальчишка проследил за полетом лакомства, обнаружил ключи и помчался на третий этаж выручать советского офицера.

Правда, внешний вид Званцева в погонах несколько смутил его.

— Теперь, ребятки, погоны у всех нас. Золотые и серебряные.

— А зачем? — наивно спросил курносый паренек.

— Чтобы не отличаться от всех армий мира, — не задумываясь ответил Званцев.

— Я ушел, — с твердой интонацией в голосе крикнул он в глубину квартиры и быстро спустился по лестнице, сел в машину и уехал, не обернувшись на окна квартиры и не видя негодующего лица Инны!

— Или я, или она, сопливая девчонка! — отвернувшись от окна, неизвестно кому сказала разгневанная супруга.

Глава третья. НИМФА

От жутких пил и топоров
Красотка-нимфа убегала.
Кто приютить ее готов,
Она убежища искала.

Весна Закатова

Званцеву в кабинет позвонил его шахматный партнер и друг Женька Загорянский. Но разговор велся отнюдь не шахматный. Загорянский, отпрыск дворянского рода, был аристократически красив, но неимоверно толст, обожал бега и преферанс, обладал редким даром мгновенного чтения, в совершенстве знал французский язык, написал удачную пьесу, и она пошла сразу во многих театрах Союза. По примеру предков, Женька проматывал солидные, часто пополняющиеся гонорары, и стал завсегдатаем дорогих ресторанов, встречаясь в «Арагви» или «Савое» с артистической элитой. Его жена Лена, военврач третьего ранга, была главным гинекологом в одной из действующих армий Второго Украинского фронта.

— Понимаешь, Сашка! Для драматурга главное — театр, его коллектив, актеры, актрисы, их интриги и романы. В ресторан, где встречаешься с ними, не пойдешь один, сразу прилипнет какая-нибудь бабочка, от которой артистическая братия отвернется. А от этой братии при чтении новой пьесы зависит все. А Лена уехала на фронт. Меж тем дело не ждет. Я вытащил лотерейный билет — племянницу близкого к театру человека. Для меня дороже брильянта. Дивная внешность. Театралка, живет напротив Художественного театра. Вход за углом. Знает не только всех артистов, но и подноготную каждого из них, даже роль в спектакле, которые пересмотрела все. А ее, студентку

педагогического института, вместе со всеми, как зеков, отправляют на лесозаготовки. Надо помочь девочке. Прими ее к себе в число неприкасаемых.

— Ты бы лучше, Женя, о шахматистах рассказал. О Капабланке, Алехине, а театр для меня «terra incognita».

— Тогда считай — я теряю ферзя, вернее, королеву. В тебе — спасение.

— Ход подсказать?

— Верно! Подсказать ход своему отделу кадров. Идет?

— Пусть приходит. У нас новая лаборатория появилась.

Званцев, поэт и фантазер, мысленно нарисовал себе образ Нимфы, спасающейся от губителей лесов. И она пришла. Легкая, воздушная, наслаждавшаяся всегда музыкой лужаек — полетом мотыльков, жужжанием пчел и шелестом листвы — вошла в кабинет Званцева после того, как он кончил прочищать помощника директора инженер-капитана Яшу Куцакова, отвечавшего за транспортные проблемы, и хитрющего завгара старшину Николая Кузнецова, сумевшего стать собутыльником полковника Третьякова. Подчиненные получали от Званцева армейскую взбучку в привычных им выражениях, напоминавших скорее стук топора, чем полет мотылька, и повергли посетительницу если не в ужас, то в смущение, она стояла зардевшаяся перед грозным комбатом с бородкой испанца («Мужчина должен быть свиреп»), с именным маузером в желтой деревянной кабуре на ремне, перекинутом через плечо. Он тоже был смущен совсем несвойственным ему лексиконом, который, ради дела, вынужден был применять. Помимо того, вошедшая девушка лет двадцати напоминала ему портрет «Незнакомки» Крамского и Милицу Корьюс, героиню фильма «Большой вальс». Хоть и не было в ней ни надменности первой, ни кокетства второй. Но была она дивно хороша, как отзывался о ней Женька Загорянский.

— Вы — Таня? — спросил Званцев, мысленно окрестив ее Нимфой.

— Таня Малама, — опустив глаза, ответила девушка.

— Вы, конечно, ничего не умеете делать в лаборатории?

Еще более покраснев, она робко сказала:

— Может, мыть колбы?

— Мет, я вас не в химическую лабораторию хотел взять, а мастером в переданную нам из Ленинграда лабораторию.

— Меня? Мастером! На производство? Да вы что?

— У нас лаборатории с производством совмещаются. Дело новое и настолько, что там все ничего не умеют делать. Учиться все будете.

— Может быть, научимся, — улыбнулась Таня.

— Непременно научитесь делать особые чайники. Я буду приходить к вам чаю попить и зарядить автомобильный аккумулятор. Готовые медные чайники вы получите, но днище сделаете особое. Ваня, — сказал он в чугунную статуэтку на столе, — пригласи ко мне Маслоковца.

— Он уже здесь, — ответил голосом секретаря-ординарца чугунный конек.

У Тани от изумления округлились глаза.

— Здесь нет никакого волшебства. Немного здравого смысла и соображения. Ваня знал о переводе к нам лаборатории и нужду ее в сотрудниках. И пока вы ждали в приемной, бывшем балетном зале, где он сидит у моей двери, ответили на его, несомненно, заданный вопрос, «будете ли вы у нас работать?»

— Я сказала, что не знаю.

— А он знал и предупредил Маслоковца.

— И вот он здесь, — объявил вошедший высокий мужчина в костюме, висящем на нем, как на вешалке в прихожей, — результат перенесенной в Ленинграде голодовки. Обернувшись к Тане, он неуклюже расшаркался:

— Маслоковец.

— Знакомьтесь. Таня Малама — мастер вашего будущего чайно-зарядного производства. Хочет у вас поучиться.

— У меня? — Маслоковец неподражаемо расхохотался.

Он обладал удивительным смехом, напоминавшим клекот орла или кудахтанье несушки. Что-то внутри у него клокотало и, казалось, что он сейчас упадет в мучениях. Тем не менее, это был искренний хохот и, надо думать, веселый, но заразиться смехом кому-нибудь было невозможно, хотелось вызвать «скорую помощь». Но вместо нее появился другой ленинградец, профессор Дунаев.

Когда он вошел, еще молодой, следящий за собой человек, сочетающий улыбку с внимательным задумчивым лицом, новая термоэлектрическая лаборатория стала в сборе.

Званцев достал из-под стола большой медный чайник и торжественно вручил его Маслоковцу:

— Через два дня приду к вам чай пить с аккумулятором. Сахар мой, заварка и электроток ваши.

Маслоковец опять затрясся в своем клокочущем хохоте так, что за него становилось страшно. Впоследствии Званцев узнал, что этот аномальный смех рожден блокадой.

Званцев стоял у ворот в проходной и разговаривал со своим братом Виктором, его женой Валей и дочкой Светой, они жили у стариков в Лоси на половине дачи Саша передавал через брата

ежемесячные двести рублей, неизменно посылаемые родителям с первого дня работы в Бе-лорецке. Это стало для него законом, как и еженедельное посещение уютной дачки, любовно оборудованной родителями всеми городскими удобствами, кроме телефона. Она стала базой для сибиряков, и первый тесть его, Николай Иванович Давидович не раз гостил там, приезжая в научные командировки.

Петр Григорьевич, добряк и острослов, был избран председателем уличного комитета, и к нему постоянно приходили соседя со своими домашними делам, которые Петр Григорьевич весело разрешал к удовольствию посетителей…

Мама, Магдалина Казимировна, преподавала музыку и пение в школе, без меры бегала по частным урокам на фортепьяно, не страшась расстояний.

Родители ждали желанную среду, когда любимый сын Шурочка приезжал на «персональной!» машине с женой, какая бы она ни была, и с внуком. Петр Григорьевич из кожи готов был выскочить ради дорогих гостей, мужественно взяв на себя все кухонные заботы, И все забыли, что в той войне он потерял, кроме больших, все пальцы на руках.

И тут Званцев увидел Таню Малама в сером нарядном костюмчике, торопливо перебегающую двор. Он подумал, что она спешит к кому-то, кто ждет ее. Поймал себя на мысли, что завидует этому человеку, хотя понятия не имел, кто это может быть? Догнать бы Нимфу лесную, усадить в машину и поехать к старикам. Они ведь и глазом не моргнут, и так же будут хлопотать, чтобы угостить дорогих гостей. Но вовремя сдержался главный инженер, не дал милой девушке подумать, что требует с нее платы за освобождение от лесозаготовок. Гадко Саше стало только от одной такой мысли. Он отпустил Ходнева, сел в машину и поехал в Лось… один. Этим он делал шаг, как шахматная пешка, которая назад не ходит. А зачем возвращаться на скандалы и истерики? В исступлении Инна способна и маузер пустить в ход. Несчастные женщины, неспособные владеть собой.

Саша вспомнил о стариках потому, что сегодня среда, когда он вместе с Инной навещал Лось. Как он поступит сегодня? Конечно, поедет прямо на Ярославское шоссе и не даст возможности еще раз выбросить ключи в окно. «Как сломал ее, — только-то и подумал Званцев, — арест ее отца! Стала неузнаваема».

«Не отступай ты никогда,
Будь отчаянья сильнее.
И победишь ты, верь, всегда!»

Вспомнились строчки из его первых стихов, он следовал им в жизни. Отступление сейчас равно предательству дочери, кому, путешествуя по кавказскому морскому побережью, нашептывал страницы «Пылающего острова». Без Нинуси не было бы этого романа, не было бы писателя-фантаста Званцева.

Званцев еще не знал, что через несколько месяцев, на вечере годовщины образования Института, он пригласит на тур вальса Таню Малама, после чего тайком напишет посвященный ей сонет «Нимфа-вальс»:

Радостный смех и веселье.
В вальсе полет, как во сне.
Близость ее — словно зелье.
Кровь закипает во мне…

Кружатся тесные пары,
Слиты в движенье одном.
Вспыхнут в груди их пожары,
Кончится танец огнем.

Тоже хочу быть счастливым,
Нимфу в объятьях держа:
«Как вы легки и красивы!» —
В ушко шепчу ей, кружа.
И сразу во всем признаюсь.
Чистосердечно сдаюсь…

Но вальс этот будет много позже, а пока…

Машина остановилась у калитки. Мама сбежала со ступенек веранды, чтобы обнять сына. Повернула со слезинками в уголках глаз — от радости — лицо и в тревоге спросила:

— А где же Инночка? Где мальчик? Уж не случилось ли чего?

— Случилось, мама. Не могу я подкаблучным инженер-майором быть. Требует, чтобы не было в Москве Нинуси. Не уделял бы ей внимания.

— Да разве так можно! — всплеснула руками Магдалина Казимировна. — Ведь она дочь тебе. Ох, боялась я этого, боялась, когда жена твоя нас с Петечкой из твоей квартиры выживала. Бог с ней. Понять ее можно. Другою она стала после семейного несчастья… Да не будем об этом говорить. Форма на тебе новая. И с погонами.

Запыхавшись, подбежал отец:

— Налима я на базаре нынче выловил, словно сам его из омута за жабры вытащил. Царский стол будет. Что ж ты Витю с собой не захватил. Пировали бы вместе. Отцу поднесли бы за усердие. А ты что один? Опять молчанка на месячный срок, как при нас? Почти что генерал, а все тебя учить надо. Не одному приехать надо было, а с кралей. Мы бы с ней выпили за веселую жизнь. А то нос повесишь до полу, под каблучок просишься. Ну, я за налимом. Аида, не то джаман будет.

— У сына семья в развал идет, а он все свое киргизское «джаман» твердит.

— По-киргизски это и есть — «плохо», так что я тут, Магдуся, маху не дал. А может, не джаман, а джакси? Никак присмотрел кого? Я человек дошлый. По глазам жеребца вижу.

— По себе только и судишь, — проворчала мама.

— В каждом мужике конь резвый сидеть должен, не то мерином будет и — в гарем турецкого султана евнухом. Еще в прошлом веке поэт Алексей Толстой писал:

Взбунтовалися кастраты,
Пришли в папины палаты:
«Почему мы не женаты,
Чем мы виноваты?»
Говорит им папа строго:
«Это что за синагога?
Не боитесь вы и Бога.
Прочь пошли с порога».
Те в ответ: «Тебе-то ладно,
Ты живешь себе отрадно,
А вот нам-то неповадно.
Очень уж досадно!..»

— Богохульник ты, Петечка. И Толстые твои богохульники: Льва Николаевича с амвона анафеме предали, а вот про Алексея Константиновича не помню.

— И я, как дальше, не помню… Ну, да налим поможет. Если рюмочки-помощницы будут. Эх, жаль: ни один сын компании не составит. Значит, отец и за них, и за себя все положенное выпил и выкурил.

Сидели в тесной кухне. И налим разлегся, занял добрую половину старинного блюда кузнецовского завода.

Петр Григорьевич пропустил из принесенного Магдалиной Казимировной графинчика, пару рюмок и заявил:

— Ну, кажется, припомнил. Помощницы верные помогли, —

и он постучал рюмкой о графин. — Продолжение вроде такое, а если не так, считай, сам добавил:

«Мы тебе отрежем эти,
Будешь с нами тонко пети» —
«Бог накажет, что вы, дети
И зачем вам резать эти?
Не хочу я тонко пети.
У святого пусть отца
Будет как у жеребца!»

Магдалина Казимировна снова замахала на мужа руками.

— Я к тому это говорю, чтоб Шура не старался быть большим католиком, чем сам римский папа.

Саша допоздна беседовал с умилявшимися стариками.

Утром встал рано вместе с ними, выпил стакан чаю с булочкой отцовской выпечки, сел в сзою зеленую «эмку» и уехал в институт.

Когда принесли в солдатском котелке похлебку из батальонной походной кухни, поставленной в гараже, Саша велел Ване Смирнову вызвать к себе мастера Татьяну Ма-лама. Вызов этот был весьма кстати для Тани.

Ее пригласил, якобы посмотреть химическую лабораторию, заведующий, будущий академик, и закрыл за ней дверь в коридор, касаясь ее выпуклостей. Таня увернулась, воскликнула:

— Какой у вас ужасный запах! — и распахнула дверь.

Почтенный химик, показывая свое богатство реактивов и газовых горелок, все норовил дотронуться до гостьи. Наведя на длинном столе порядок, он направился прямо к своей посетительнице, по пути снова тщательно прикрыв обе створки двери.

— Я у вас задыхаюсь! — воскликнула Нимфа, хватаясь за дверную ручку и пытаясь обойти стоящего на пути домогателя.

В коридоре послышался неподражаемый хохот соседа, потом голос Дунаева:

— Мастера Малама — к главному инженеру.

— Спасибо за «Демьянову уху». Она плохо пахнет, — успела сказать оторопевшему хозяину Таня, выскальзывая в коридор.

Злые языки прозвали Демьяном химика, пользующегося особым уважением директора.

А Таня предстала перед ординарцем Ваней. Он провел ее через пустой кабинет комбата в свою комнатку, где жил и где на столе дымилась в котелке похлебка. Вручил ей деревянную ложку.

— По распоряжению инженер-майора? — отчеканил он.
Таня с аппетитом принялась за солдатское угощение.

Глава четвертая. ЗАГАДОЧНОЕ НАЗНАЧЕНИЕ

Отправишься взимать долги,
Воздать врагам за преступленья.

Андроник, как обычно, позвонил Саше по телефону:

— Товарищ полковник, не откажите в любезности зайти к академику Иосифьяну.

— Что за розыгрыш, Андроник? Здесь полковника нет.

— Не было, не было, Сашок, а теперь есть. Зайди почитай. Где Зубков?

— Я его сегодня не видел.

— И не увидишь. Зайди. Объясню и про тебя, и про него.

Званцев удивился, велел извиниться перед вызванными Шереметьевским и Долгушиным, и прошел к Иосифьяну.

Тот был мрачен и указан ему на обычное место рядом с собой.

— Выбивают старую гвардию. Кому эполеты на плечи, кому голову с плеч. К тебе вчера инженер Визенталь заходил со своим изобретением?

— Да, из области телевидения. Я не очень разобрался.

— Его работу сразу засекретите.

— Обычное дело. Все наши разработки засекречивают.

— Э, кацо! Это не пара пустяк! Сам Визенталь-то не засекречен…

— Ну и что с того. Мало ли у него заслуживающих засекречивания мыслей в голове!

— Ты не понимаешь психологии режимников. Начальник первого отдела Осипов — мой двоюродный брат. Он ничего не смыслит в технике, но на его глазах незасекреченный Визенталь сел за свой стол и достал из своего ящика свое ставшее секретным изобретение. Смертный грех! И ответит за него не изобретатель, а главный конструктор Вениамин Вениаминович Зубков. Его уже взяли. Ему грозит восемь лет тюрьмы.

— Извини, Андроник. Осипов твой брат. Но он из страны дураков.

— Хуже. Из страны, где любые преступления прикрываются самым светлым учением, какое измышлял человек. Что там охота за ведьмами и сжигание на костре сотен тысяч невинных женщин, или героинь, какой была Жанна д'Арк, или таких ученых, как Джордано Бруно. И все во имя спасения их христианских душ. Они старались оставить меня в поле одного, хотели съесть тебя — зубы обломали. Перейдем к этой второй новости. Когда деятель

становился неугодным, его назначали послом в дальнюю страну. Так и с тобой. Сделали полковником и отсылают уполномоченным на фронт.

— Я уже побывал в шкуре рядового необученного.

— Вот, Саша, — встал Иосифьян. — Забирают тебя от меня, разлучают нас.

— Как так? — опешил Званцев.

— Передают тебе через меня вызов в верха, а со мной вроде согласовали, хотя мое мнение никого не интересовало. Вот, посмотри, какое тебе дают назначение с производством в полковники.

— Как в полковники? Я же только инженер-майор. Через подполковника сразу?

— А военинженером как ты, рядовой, необученный, стал?

— По занимаемой должности.

— Вот и сейчас готовься. Получаешь важное назначение, а вместе с ним и звание полковника. Завтра с генералом Гамовым в отдельном вагоне отправишься на фронт. Снова «помпотехом» только теперь не комбата Зимина, старшего лейтенанта, а маршала имярек.

— На фронт всегда готов, но с чего ради такое повышение.

— Мы с тобой женский фактор не учли.

— Женский? Ничего не понимаю…

— А помнишь — мы возвращались в сорок первом, шестнадцатого октября в Москву, когда все уходили из нее? Девушки зенитной батареи сбили немецкий разведывательный самолет, и он, падая, взорвался…

— Помню. Мы еще говорили о девушках, выводивших аэростаты воздушного заграждения над бульваром…

— Вот, вот! Все в аккуратных, выглаженных гимнастерках, в сапожках, в заломленных пилотках. Твой Печников еще сказал, что они без промаха бьют и на войне и в жизни, и что сам он подбит трижды.

— И что же? Причем они теперь-то?

— А ты вспомни, как потом к нам почти каждый день приезжала товарищ Голубцова, которую намечали к нам парторгом. Все знакомилась через тебя с нашей работой.

— Так ведь ее к нам не назначали.

— Назначили директором престижного технического вуза. Приглянулся ей, видно… твой стиль работы, не считающийся ни с какими ограничениями.

— Ты все загадками говоришь, Андроник.

— Учти, она жена и референт заместителя председателя Государственного Комитета Обороны! Вот такой пара пустяк,

дорогой ишак мой!

На другой день Званцев, облачившись в форму полковника, выехал на Белорусский вокзал. Там на запасных путях нашел мягкий вагон Гамова. Генерал в купе вручил ему удостоверение уполномоченного Электропрома при Втором Украинском фронте.

Группа генерала Гамова двигалась вместе с фронтом через дымящийся Будапешт в Вену.

Отель «Бристоль» выходил на площадь. Ее то и дело перебегали темные фигуры в развевающихся плащ-палатках. Уличного освещения не было. Где-то справа пятном расплывалось зарево пожара. Время от времени, как ломающиеся сучья, скупо потрескивали автоматные очереди. Полковник Званцев прошел через вестибюль отеля «Бристоль», предоставленного в Вене группе генерала Гамова, возглавлявшего всех уполномоченных, и вышел на площадь, словно турист, которому не терпится осмотреть город.

— Вошли бы лучше в отель, товарищ полковник. Неровен час, заденет. Немец, он тут за углом засел. Никак не выкуришь, — и солдат, взмахнув плащ-палаткой, как крылом, скрылся за выступом дома. Начал накрапывать дождь.

В Вене не было разрушающих боев. Город был цел и красив. Немцы, нехотя уходили, по привычке отстреливаясь, зная, что в городе им не удержаться. Войска Толбухина обходят Вену слева. Справа — Дунай. Отходить придется через реденький Венский Лес, что на взгорье.

Званцев благоразумно вернулся в отель.

Утром его вызвал в свой шикарный номер генерал Гамов. В пути он прочитал захваченный Званцевым с собой «Пылающий остров». Генерал вернул книгу с лестным отзывом и задержал Званцева:

— Подождите, молодой человек, — они были примерно ровесниками. — Я должен открыть вам, кто вы есть.

— Уполномоченный Электропрома.

— Уполномоченный, верно, но не только Электропрома. Вручаю вам удостоверение уполномоченного Государственного Комитета Обороны, нашей высшей власти. Вам надлежит возглавить в Штирии группу уполномоченных отдельных отраслей, находясь при Двадцать шестой армии Второго Украинского фронта. Держите направление на альпийский городок Брук-на-Майне. Вот вам правительственный пропуск на лобовое стекло машины с правом безостановочного проезда через все контрольно-пропускные пункты. В районе ваших действий расположены немецкие заводы концерна Германа Геринга. В вашу группу войдут офицеры-руководители наших разворованных

немцами заводов. Ваша задача компенсировать эти потери. Ведите себя в Штирии не как завоеватель, а как ее заботливый правитель. До отъезда ознакомьтесь с венской радиопромышленностью и образцами ее продукции.

В своем новом качестве, получив полагающийся ему «виллис» и шофера, удивленно уступившего ему место за рулем, Званцев отправился по венским радиозаводам. Везде его встречали подчеркнуто радушно, преподнося новейшую радиоаппаратуру (пригодится для иосифьяновского института). Проезжая по одной из площадей, он невольно задержался. Пылал театр, напоминавший московский Большой. Пожарных не было. Должно быть, гитлеровцы, отходя, подожгли со зла, не подпуская венцев тушить их реликвию. Венский театр — центр европейской культуры…

К вечеру отведенный Званцеву просторный номер обогатился множеством радиоприемников. Каждый он опробовал. В дверь громко постучали. Званцев не успел ответить, как увидел долговязого подполковника со смеющимся лицом. Коля Поддьяков, управляющий трестом «Союззапчермет»!

— Честь имею! Здесь радиобарахолка?

— Здорово! — отозвался Саша, не выразив удивления. — Садись, вместе отбирать будем.

— А я — в Штирию. Запасные части запасать. Выехать должен с каким-то высокопоставленным балбесом в Альпы.

— Так это со мной. А за балбеса отсидишь со мной, непьющим, пока в конференц-зале наши шум и там поднимают по случаю Первого мая.

Так на то мы и гамовцы, чтобы гам устраивать. Подожди, тут интересное сообщение поймал из Берлина, — сказал он, присев за приемник.

— Немецкое? Давай, Коля, наушник. Я пойму.

— Наше, товарищ полковник, наше. Вместе поймем.

Не пользуясь лифтом, прыгая через ступеньки, два офицера сбежали в вестибюль, насторожив солидного портье в темных очках.

Широко распахнув двери в конференц-зал, превращенный в банкетный, они привлекли к себе общее внимание. Званцев обошел длинный сервированный стол и тихо обратился к сидящему во главе его Гамову:

— Разрешите сделать чрезвычайное сообщение, товарищ генерал-майор. Над рейхстагом поднят Красный флаг. По радио сейчас мы с подполковником Поддьяковым слышали.

— Садись, полковник. О таком деле сообщить по чину мне положено.

Гамов встал и поднял руку, требуя общей тишины. Когда шум и гам подвыпивших офицеров утих, он объявил:

— Только что по советскому радио из Москвы передали, что по случаю праздника Первого мая полчаса назад над германским рейхстагом взвился советский Красный флаг! Ура, товарищи! — закончил генерал.

Несколько десятков голосов подхватили боевой клич, и под сводами зала, где последние годы раздавалось только «хайль Гитлер», прогремело торжествующее русское «ура».

Но еще несколько дней нацистская армия корчилась в последних конвульсиях. Наконец Званцев получил от Гамова «добро» на выезд.

День Победы званцевцы встретили на пути к австрийским Альпам, где им предстояло найти Двадцать шестую армию Второго Украинского фронта. Кроме шофера Званцев взял с собой подполковника Илью Коробова, директора Днепропетровского металлургического завода, представителя коробовской династии металлургов, другого подполковника, своего друга Николая Поддьякова, трест «Союззапчермет», и майора Асланова, директора Московского почтамта, начальника штаба их группы.

Так началась новая страница его жизни. Вместе с передовыми частями Второго Украинского фронта вступал он в дымящийся Будапешт, въезжал в еще не взятую Вену. И теперь на предоставленном «виллисе» в сопровождении назначенных ему помощников выехал в Шти-рийские Альпы, где на стыке двух фронтов должен был расположиться его штаб. Словом, Званцев попал в Брук-на-Майне. Альпийский городок этот представлял собой группу домов с остроконечными крышами, расположенных в долине реки Майн, у бурливого потока, который уже в Германии, во Франкфурте-на-Майне станет рекой. Переброшенный через поток мост соединял две части города с патриархальной гостиницей, приютившей званцевцев.

В этом австрийском городе Званцев оказался самым старшим по званию офицером Красной Армии и по положению должен был стать комендантом города, к чему менее всего был готов.

В маленькую гостиницу, занимаемую его штабом, явилась делегация горожан во главе с бургомистром, просивших защитить местных женщин от входивших в город солдат Красной Армии, от которых, по слухам, ожидали насилия.

Званцеву доложили, что вблизи находится лагерь угнанных из Советского Союза женщин для работы на германских предприятиях. И первым актом нового коменданта города было распоряжение о роспуске лагеря. Ни одной жалобы на насильственные действия победителей коменданту города не

поступило.

Комендантская деятельность Званцева закончилась вызовом в расположенный неподалеку штаб армии. Явившись к командующему, генерал-лейтенанту Гагину, он нашел в нем крепкого, пятидесятитлетнего мужчину, склонного к дружелюбному юмору.

— Ну что, товарищи инженеры, долги собирать приехали. Погоны-то плечи не давят?

— Я с первых дней в армии, товарищ генерал, хоть и инженер. Теперь мне поручено, опираясь на вашу помощь, изъять у вражеской промышленности оборудование и отправить его на родину, где оно будет установлено взамен разрушенного и уничтоженного. Вы-то, думаю, своими глазами все это видели.

— Да уж насмотрелся. А ты, полковник, сам-то воевал или заслуженный тыловик?

— В Крыму, товарищ генерал, у генерала Хренова. В Керченской эпопее участвовал. Даже переправой через Керченской пролив пришлось покомандовать… И до таманского берега вплавь добираться.

— Значит, стреляный воробей. За одного битого двух небитых дают. Вот почему ГКО тебя уполномочил Германа Геринга раскулачить. Даю тебе на это святое дело «добро», растряси этого жирного борова. Дам тебе и помощникам твоим трофейные легковые машины, сколько надо. Людей не проси. Адъютант к моему заместителю по тылу проводит.

Появившийся, как из-под земли, молоденький майор лихо щелкнул каблуками:

— Будет исполнено, товарищ генерал. Только до вас главный гинеколог армии просится, да я не пускал.

— Что? Опять о беременных сержантах разговор пойдет? Или она до меня добирается? Если толстый, то обязательно беременный, — и он расхохотался. — Пусть войдет.

Красивая женщина, военврач третьего ранга, строевым шагом направилась к командующему:

— Разрешите обернуться, товарищ генерал-лейтенант?

— Не обернуться, а обратиться, — добродушно поправил генерал.

— Никак нет, товарищ генерал. Разрешите обернуться.

— Оборачивайтесь, если только за этим ко мне пришли. И что же вы там увидели?

— Сашку Званцева, друга мужа моего, — произнесла Лена Загорянская, бросаясь к Саше на шею.

— Прежде всего полковника Званцева. О беременных все заботитесь. Смотрите, сами не оплошайте.

— Да разве у полковника такая выправка? А ну, подтянуться, грудь вперед! Это просто Саша! Я, как услышала, что он здесь, ушам не поверила. Ты, Саша, свозишь меня в Вену? Дунай, Венский Лес! Романтика!

— Свозит, свозит. Вот «олимпию» получит, и свозит. У него, как у представителя правительства, поди, номер в «Бристоле» есть.

— Есть. Правда, «Бристоль», как будто, американцам отдают, так что отель, скорее всего, другой.

— А мне все равно: я и в палатке, и в землянке с вашим братом теснилась и уважать себя заставляла.

— Как дядя самых честных правил? Ах, Боже мой, какая скука, лежать с тобою рядом ночь, не сделавши и… шагу прочь, — шутливо процитировал Гагин и рассмеялся. — Ладно, идите прочь на склад. Берите «олимпию». Не машина — птица!

Полковник и военврач в сопровождении адъютанта вышли от командующего. Званцев подтянулся, подобрал живот, чувствуя себя, как в строю.

Глава пятая. ВИЦЕ-КОРОЛЬ ШТИРИИ

Так грозно говорить
Мог только высший чин.

Выбранная «опель-олимпия», средняя между «опель-адмиралом» и «опель-кадетом», оказалась как нельзя более кстати, чтобы вместе с Поддьяковым и Коробовым объехать затерянные в горах, как на Урале, заводы Штирии. Они оказались преимущественно не австрийскими, а немецкими.

Помощник Званцева подполковник Илья Коробов обратил внимание, что в ближнем городке Капфенберге находится завод концерна «Герман Геринг» с прокатным с га-ном, который мог бы заменить такой: ке, уничтоженный отступающей гитлеровской армией на его заводе в Днепропетровске.

Званцев осмотрел цеха завода Геринга, напоминавшие ему его первую любовь — Белорецкий металлургический завод, где он работал главным механиком. Он удивился, что первый подручник Гитлера, толстый летчик Геринг, второе лицо нацистского рейха, такой крупный капиталист.

На следующий день Званцев вызвал к себе инженеров этого завода. Принял их сурово в гостиной отеля, не пригласив даже сесть. Заговорил на грубом немецком языке, допуская ошибки, не найдя нужным вызвать переводчика.

— Ваша гитлеровская армия грабила нашу страну.

Уничтожала наши заводы, воровала их оборудование. Ваш завод принадлежит второму нацисту рейха. Собственность преступника Германа Геринга реквизируется. Его прокатный стан, взамен разрушенного, возвращается на завод в Днепропетровске. Его директор, подполковник Илья Коробов, здесь и будет докладывать мне о выполнении моего приказа. Вам, инженерам и прислужникам Геринга, повелеваю демонтировать своими силами прокатный стан и самим пустить его в Днепропетровске. Упаси вас Господь недосчитаться какой детали или опоздать со сроками пуска. Будете расстреляны без суда и следствия. Приступать немедленно. Возражения не принимаются. Допускаются только просьбы о разъяснениях. У меня времени на вас нет.

Конечно, никто уполномоченному ГКО такие запугивания не поручал, но Званцев действовал в необычной обстановке с привычной ему решительностью, не задумываясь о законности своих действий. Он воевал — и победил, а посему для него всякая законность была заменена волей победителя. От имени ее Званцев и возвращал стране награбленное врагом, капитулировавшим безоговорочно.

— О, почтенный герр оберст. Я есть только переводчик на ваш прекрасный русский языка. Австрийские господа инженеры просят передавать вам благодарность за освобождение от гитлеровского аншлюс, что есть порабощение. Австрия не воевать против вас, и у нее неимение есть своего правительств. Все, что стоять есть на нашей земле, есть никакое немецкое, а наше австрийское. Господин маршал Геринг есть вор, присвоивший наше имущество. И мы не хотели бы еще раз потерять его из-за чужой преступлений.

— Если присутствующие делают вид, что не поняли моего немецкого языка, то переведите на понятное им наречие, что находящийся в управляемой мной Штирии прокатный стан на заводе Германа Геринга в Капфенберге должен быть безоговорочно демонтирован силами завода под наблюдением инженеров, каковым придется вновь смонтировать и запустить его в Днепропетровске. В противном случае они за саботаж будут безжалостно расстреляны. В ваши имущественные споры с немцами я вступать не буду, ибо все заводы Штирии, где командую я, завоеваны моей страной, расплатившейся за это миллионами жизней. Демонтаж стана начинается сегодня, расстрелы завтра. Все!

Перепуганные инженеры завода Геринга вытирали лица белоснежными платками.

— Это не оберст, а дьявол. Борода снаружи, рога спрятаны в невежливо неснятой фуражке, а копыта в сапогах, — авторитетно

заявил толстяк в золотых очках, осенив себя крестным знаменем. — Надо было взять с собой пастора.

— Чтобы какой-то оберст так угрожал виднейшим людям Австрии, нужно быть я не знаю кем! — возмущался другой инженер.

— Маршалом! Это был переодетый Толбухин. Только он, покоритель Румынии, Венгрии и Австрии, мог себе позволить такое.

— Если маршал, тогда конечно. Но зачем маскарад?

— Чтобы не скомпрометировать себя.

И прихвостни толстого маршала Геринга, успокоились, решив, что так строг с ними был маршал Толбухин, солдафон, и во избежание расстрела демонтаж, к удивлению Ильи Коробова, не уходившего с завода, начался немедленно. Николай же Поддьяков, свидетель произошедшего, умирал от смеха.

Хоть Званцев и походил на Толбухина, как гвоздь на молоток, нелепая версия с переодеванием маршала распространилась по Штирии, и вызванные в Брук-на-Майне директора вагоностроительного и паровозоремонтного заводов, встретились в вестибюле местного отеля и вместе направились к «страшному оберсту», не ожидая ничего хорошего.

Илья Коробов докладывал Званцеву о ходе демонтажа прокатного стана:

— Вы здорово напутали прокатчиков. Двор завода забит пустыми ящиками. Нужны железнодорожные вагоны.

— А кто их нам даст, дорогой Илья? Мы не дома. Ко мне сейчас явятся руководители заводов подвижного состава.

Вызванные к «страшному оберсту» инженеры, поднимаясь по лестнице, обменялись унылыми репликами.

— Интересно, сколько времени он даст нам на демонтаж оборудования?

— Я предпочел бы не знать дату своего расстрела. Бородатый оберст, отпустив докладывавшего ему офицера, встретил их вежливо:

— Прошу вас, господа, присаживайтесь. Я пригласил вас, чтобы поручить вам пуск ваших заводов на полную мощность. С вас мы качнем восстановление былой индустриальной Штирии.

На этот раз Званцев воспользовался услугами присланного ему из штаба армии военного переводчика.

Услышав перевод, австрийцы не поверили ушам.

— Правильно ли вы перевели, господин офицер, понятие «пуск заводов»? Имеется ли в виду спуск оборудования в ящики?

— Переводчик верно перевел: «пуск заводов на полную мощность», — вмешался Званцев на немецком языке. — В

документе, который я вам вручаю, названы сроки подачи сформированных вами железнодорожных эшелонов на указанные демонтированные заводы. Не дай вам Бог задержать подачу составов. От вас самих зависит срок вашей кончины. Это мой приказ.

Вниз по лестнице почтенные директора в кожаных шортах спускались вприпрыжку.

— Конечно, это не просто оберст! — решил паровозник.

— Думаете, маршал? — спросил вагоностроитель.

— Это вице-король Штирии, — убежденно ответил штириец, и, с его легкой руки, это прозвище прочно закрепилось за полковником Званцевым.

Стало известно оно и генералу Гагину:

— Ну что, ваше вице-королевское величество, товарищ полковник, генералом тебе не стать. Царь наш бывший так в полковниках в полную отставку и попал. Мне докладывают — по альпийским крутым виражам с бешеной скоростью гоняешь, докторшу в Вену везти собираешься.

— Я за ней и пришел, товарищ командующий.

— Пойдем перекусим, а за ней адъютант сходит. Искать ее не понадобилось, она сама явилась, узнав Сашину «олимпию», которую с ним вместе и выбирала.

— Садитесь, гостями будете, — превратился строгий генерал в радушного хозяина.

— За Вену, красавицу Вену! — поднял он тост. — А ты чего саботируешь, полковник, или за рулем?

— С детства не пью. Зарок дал.

— Это верно, товарищ генерал. Я его подменю, — и Лена опрокинула стакан водки.

— Вот это молодец! К очередному званию представлю. Генерал и военврач выпили еще.

— Вы одной дунайской красавицей любоваться будете, а я о другой вспоминаю. О Злате Праге.

— Ах, Прага! Вы, когда ее брали, не повредили старинную красу?

— Эх, молодой человек, цену военным сводкам надо знать. Это по высшим соображениям считалось, что Прагу заняли части Двадцать шестой армии под командованием генерал-лейтенанта Гагина, а он, этот самый Гагин, что с вами бражничает, спокойненько въехал в Прагу на трофейном «хорхе» — и успел к банкету освободителей Праги. И сидели там чехи, поднявшие восстание, которое немцы подавляли, и пришедший чехам на помощь генерал Власов со своей Русской освободительной армией, сломив сопротивление гитлеровцев, а мы «взяли» уже

взятую Прагу. Сидели вместе за столом. Мы с Власовым рядом, а за ним его начальник штаба, — и Гагин назвал фамилию. — Тосты поднимали за Сталина, за генерала Свободу, за меня и генерала Власова. Тут дежурный чешский офицер подошел к власовскому начальнику штаба и передал, что его просят к телефону. Тот встал из-за стола, наклонился, рюмку водки опрокинул в себя без тоста и ушел. Через некоторое время чешский офицер снова подошел к нам с Власовым и передал, что начальник штаба просит генерала подойти к телефону, он один решить что-то там не может. Власов рассердился: «И это начальник штаба! Шага без няньки ступить не может!». И ушел. Больше я его не видел… и не увижу. Вот ока, Злата Прага, какая. А Вену увидите. Выпьем за прекрасные города.

Удалая «опель-олимпия» (иначе про нее не скажешь) с головокружительной скоростью спустилась по серпантину альпийской дороги и выехала на прямое венское шоссе.

— А у тебя нервы хорошие, — сказал Саша своей подтянутой красивой спутнице. — Ни разу не взвизгнула.

— А мне теперь все равно, даже если сразу — в пропасть… Я ведь от Женьки письмо получила.

— Ну, как он там? Броню себе в шахматы или на бегах выиграл?

— Выиграть хочет, — с горечью сказала Лена. — Развода у меня просит. Жениться собрался на профессорской дочке, тоже враче. Я согласилась. Пусть найдет счастье и уют, пока я по фронтовым дорогам мотаюсь и его на положении солдатки держу.

— Да, тебя крутым виражом не испугаешь. А я ведь это знал.

— Еще бы, — усмехнулась Лена, — первый друг!

— И твой тоже.

— Не сомневалась. Нам бы в оперу попасть.

— Я видел, как театр горел. Успели восстановить?

В оперу они не попали и забрели в мюзик-холл. Обоим запомнился центральный номер программы: «Создание Галатеи». На пустой полутемной сцене появлялся ярко освещенный Пигмалион с локонами до плеч. Двое античных юношей вынесли носилки с белой, на миг освещенной глиной, поставили их на пол в темноту. Скульптор принялся за работу. Зрители видели его умелые руки, которые лепили из пустоты изваяние прекрасной женщины. Они завораживают, заставляя работать воображение зрителей, которым кажется, что в пустоте рождается скульптура. Ваятель то и дело наклоняется к носилкам, будто беря комок белой глины, и создает чудные незримые ноги, переходя все выше и выше, завершая обнаженный торс, с особым чувством вылепляя невидимые девичьи груди. От покатых плеч идут руки, одна

откинута назад, другая призывно поднята. На очереди длинная лебединая шея, увенчанная прелестной головкой, возникающей из пустоты. Пигмалион делает несколько шагов в сторону, застывая в восхищении. Как бы ослепленный, прикрывает глаза рукой. Свет рампы гаснет, и через мгновенье яркая вспышка освещает дивную скульптуру обнаженной девушки. Потрясенный ваятель набрасывает на нее прозрачный газовый шарф, маняще прикрывая созданное им бесподобное тело. И Галатея стоит, залитая светом, в неземной своей красоте, волшебно созданная на глазах у зрителей из пустоты.

Пораженный красотой собственного творения, Пигмалион падает на колени, в мольбе воздевая руки. И чудо свершается у зрителей на глазах. Созданная из воздуха Гачатея оживает, склоняется над своим создателем и темпераментно танцует с ним под овацию вскочившей с мест публики.

— Какая бессмыслица! Способные на такое люди воюют между собой, — сказала Лена, опираясь на руку Саши при выходе из театра.

Они еще днем нашли небольшой отель, куда перебазировалась команда генерала Гамова. И нашли номер, оставленный за уполномоченным ГКО полковником Званцевым. Других уполномоченных в Вене не было, и один из свободных номеров достался, несмотря на ее протесты, Лене.

Званцев подробно доложил генералу Гамову о делах в Штирии.

— Ну, молодец, полковник! Не только прокатные станы демонтировал, но и подвижной состав сам себе сделал, дав штирийцам тысячи рабочих мест. Им короновать тебя надо. Возвращайся и передай мою благодарность генералу Гагину за оказанную тебе помощь.

Через час удалая «олимпия» мчалась по ровной дороге к Альпам.

— Прибавь скорость. Что она плетется у тебя, как паралличная старуха.

— На спидометре итак больше ста двадцати.

— Выжимай еще! Мне забыться надо. Скорей, скорей! Докажи, что ты мужчина, хоть и загнал меня в отдельный номер, как не разведенную жену блудливого друга.

Контрольно-пропускные пункты мелькали один за другим. Правительственный пропуск на лобовом стекле не позволял остановить бешено мчащуюся машину, и девушки-регулировщицы удивленно смотрели ей вслед.

На следующий день к Званцеву явился незнакомый майор из штаба фронта.

— Вам приказано, товарищ полковник, прибыть на своей машине к заместителю командующего фронтом генералу армии Петрову. Мне приказано сопровождать вас.

— Да что там случилось?

— Не могу знать, товарищ полковник. Очевидно, что-то очень важное, поскольку мне сказано «немедленно».

— Да вы хоть чаю с нами выпейте, майор.

— Боюсь и вас без чая оставить, поскольку вызов оформлен через особый отдел.

Званцев покачал головой:

— Чудны дела твои, Господи!

— Вот именно чудо! Потому и вас вызывают.

— Тогда поехали. Я до чудес большой охотник.

Они сели вдвоем в олимпию» и выехали на вьющуюся лентой горную дорогу. На каждом крутом вираже, когда его прижимало к дверце, майор чувствовал себя скверно:

— Неужели, товарищ полковник, нельзя меньше лихачествовать, имея пассажира из Особого отдела штаба фронта? О вас слава идет, как о первом лихаче фронта.

— Тороплюсь. У меня всегда времени мало. Вы сами пожелали ехать со мной, хотя могли взять штабную машину.

— У меня задание сопровождать вас для выяснения способа превращения с виду обычной машины в гоночную. Что вы с ней сделали?

— Отрегулировал карбюратор и усилил подачу подогретого топлива. Причем бензин у меня в канистре находится между электродами, отчего выделяет при сгорании больше энергии.

— Вы просто, товарищ полковник, задуряете мне голову, почувствовав, что я не автомобилист.

— Вы особист, майор, и у вас свои способы допроса, а у меня свои способы служения Родине.

«Олимпия» выехала на прямое шоссе и понеслась «карьером», как сказали бы о лошадях.

— Умоляю, сбавьте скорость, нам поворачивать налево в штаб.

Званцев в последний раз прижал бедного майора к дверце и въехал в деревенский двор с усадьбой, занятой штабом фронта.

— Следуйте за мной, полковник, к начальнику тыла фронта.

— Товарищ генерал армии, — сказал он, открывая дверь в изолированную комнату зажиточного крестьянского дома, — разрешите ввести доставленного мной, по вашему приказанию, полковника Званцева.

— Ах, этот! — произнес начальник тыла, откидывая грузное тело на спинку богатого кресла, следовавшего всюду за своим

тяжеловесным хозяином.

Генерал отодвинул бумаги, снял очки и стал разглядывать Званцева.

— Кто таков? Выправка где? Перед кем стоишь?

— Перед вами, товарищ генерал армии! Честь имею, полковник Званцев Александр Петрович, уполномоченный ГКО при Двадцать шестой армии Второго Украинского фронта.

— Это ты мой «хорх», как старую клячу, на венском шоссе обогнал? Никто в расположении фронта на такую дерзость не решался, а тут какая-то трофеюшка начальника тыла фронта выхлопными газами потчует. И на КП не останавливается.

— У меня право безостановочного проезда без предъявления документов через все контрольно-пропускные пункты Советского Союза, а не только на вашей территории.

— Врешь! Даже у меня такой бумаги нет. И быть ее не может.

— Прикажите снять у меня с лобового стекла пропуск и убедитесь, что он выдан уполномоченному Государственного Комитета Обороны всей страны, а не начальнику тыла одного из многих фронтов.

Адъютант, щеголеватый подполковник, научившийся угадывать приказы начальника раньше, чем они будут произнесены, вошел в комнату и, щелкнув каблуками, положил снятый пропуск перед генералом на стол. Генерал надел очки и стал изучать особый пропуск, которых всего было не больше двадцати. Званцев разъяснял:

— Такие пропуска выдаются по личному указанию товарища Сталина, председателя ГКО, а подписываются его заместителем товарищем Маленковым.

— Так как же я мог вчера этот пропуск увидеть, если он у вас на лобовом стекле, а вы мне свой зад показали. Да и девчонки-регулировщицы как подпись Маленкова рассмотрят, если вы не останавливаетесь?

— Я спешу, дорожа временем, выполняя здесь особое задание, предписанное мне как уполномоченному правительства. В Штирии меня все знают.

— Вот и я, генерал армии, узнал, сподобился. Да известно ли вам, что, не догнав вас на «хорхе» со скоростью сто сорок километров, когда вы КП проскочили, я приказал стрелять вам вслед. И девка палила. Я ее знаю. С ней шутки плохи. Старшина она. К младшему лейтенанту представлять будем.

— Значит, моя «олимпочка» быстрее пули летела, и пуля меня не достала. Ведь не могла же старшина промахнуться.

— Это верно. С вами одни чудеса. Вот к ним и вернемся. Что за машина была? Что вы с ней сделали? Мне это важно знать.

— Это трофейная машина. Я ее недавно получил и научился выжимать из нее все возможное. Должно быть, старый хозяин, как царь, путешествовал.

— Вы уж извините, товарищ уполномоченный, но если такое чудо ко мне попало, я у вас его отбираю. До Гагина на попутных доберетесь, у меня она всему тылу примером послужит. Механики разберутся и другие машины переделают.

— Разрешите пропуск взять. На другую машину прилажу и она «чудом» станет. Ездить надо уметь. Всего только.

Пропуск ваш, именной. Забирайте. Под счастливой звездой ходите. Автоматные очереди вас не берут.

Званцев пошел по просторному крестьянскому двору, где шныряли солдаты и офицеры фронтового тыла, нашел свою «олимпочку», ласково погладил гладкий холодноватый металл шалуньи и вышел на дорогу, ведущую к венскому шоссе, с КП на перекрестке и знакомой фигуркой регулировщицы с автоматом за плечом. Он залюбовался артистичными движениями руки с флажком и услышал чем-то знакомый голос:

— Товарищ военинженер! Товарищ военинженер!.. Ой, простите, товарищ полковник. С лица по бородке сразу узнала, а погоны-то не рассмотрела. Это я — Катя. Помните, я вас из Коврова на Москву против течения пропускала. И попугая зловредного вместе догоняли. Жаль отдала. Жил бы у меня.

— «Царевна дорог»! До Вены добралась.

— А как же! Дороги и перекрестки всюду нужны, а где перекрестки, там и мы. Как я рада, что вас повидала. Правда, что гора с горой не сходятся…

— Я тоже рад. Но ты останови какую-нибудь машину и накажи, чтоб меня в штаб моей армии подбросили.

— Это к счастью, это к счастью! — твердила старшина.

— Конечно, к счастью, — подтвердил Званцев. — У генерала Петрова сейчас слышал, что тебя в младшие лейтенанты производят.

— Да ну? — воскликнула Катя, и бросившись полковнику на шею, расцеловала его.

— А могла вчера меня ухлопать из автомата своего.

— Так разве это вы были? Да в вас я бы ни в жизнь не выстрелила, хоть бы сам маршал приказал. Да разве я могу в живого человека, да еще в своего, стрелять? Я и вам вдогонку вчера очереди автоматные выше крыши пускала. Для генеральского слуха. Только вы ему не говорите, а то прощай младший лейтенант Катя из Коврова.

Она остановила проезжавшей «опель-адмирал» и приказала доставить полковника до места. Шофер было заупрямился, но

Званцев показал ему пропуск. Он тотчас гордо налепил его на лобовое стекло, и они помчались без остановок на всех КП.

Регулировщица Катя долго смотрела им вслед. Вытерла слезы со щек и пошла на пост заменять подругу.

Глава шестая. ОСОБАЯ ОПЕРАЦИЯ

В войне, поправшей все законы,
Оружьем станет и обман.

Новая «олимпия», которую со смехом вручил генерал Гагин Званцеву, выслушав его рассказ о разгневанном Зевсе, в скорости не уступала своей предшественнице.

Работа уполномоченного ГКО кипела, и персонал гостиницы удивлялся непостижимой работоспособности оберста, с раннего утра и до ночи носившегося в новой «олимпии», сидя за рулем, по серпантину альпийских дорог. Он поспевал всюду; ведь не только в Капфенберге велись его работы, и не только Коробов получил для своего завода трофейное оборудование, взятое у Германа Геринга; компенсацию получили и другие красные директора в военной форме.

В одну из поездок, сопровождаемый подполковником Поддьяковым, на завод близ города Граца Званцев столкнулся с необычайными, по шутливому утверждению Поддьякова, «особенностями» новой машины. По убеждению Коли, она обладала охотничьими способностями. К такому выводу он пришел после дорожного происшествия при возвращении уже в темноте в Брук-на-Майне.

Поддьяков, слегка подвыпив в кабинете директора завода по случаю заключения договора на поставку нужных металлургам запчастей, озорно подзадоривал Сашу обгонять на повороте солидных австрийцев. Они старались держаться подальше от обрыва за невысоким белым парапетом.

— Жми, жми! Объезжай по самой бровке. Гарантирую. В госпиталь, бока отлеживать, не попадем.

— Там — пропасть. Легко пропасть и в рай попасть, — отшучивался Званцев и проделывал почти цирковой номер с обгоном на вираже, изумляя местных автомобилистов.

Все обошлось благополучно, но на прямой, где «олимпия» разогналась больше дозволенного Зевсом, в лучах фар что-то мелькнуло и друзей тряхнуло.

— Местная фрау Ганна Корейн. Или отчаявшийся нацист, — воскликнул Коля. — Тормози, Саша! Тормози!

— Кто-то прямо под колеса бросился, — ответил Саша,

останавливая машину. — Бери аптечку. Первую помощь окажем.

Пришлось идти назад, освещая дорогу карманными фонариками. По обе стороны дороги — густой альпийский лес.

— Он в лесу поджидал нас. Очевидно, скорость показалась ему достаточной. От удара бампером должно было отбросить влево, — рассуждал Званцев.

— Есть! Вижу! Вон оно лежит, — лучом фонарика Поддьяков показал темное пятно на дороге.

— Это же заяц! Жив, бедняга. Может быть, очухается, — сокрушался Саша, стоя над зверьком.

— Мы ему сейчас поможем, — сказал Поддьяков, вынимая пистолет.

— Не надо, — запротестовал было Званцев, но выстрел уже прозвучал.

Поддьяков держал за уши убитого зайца:

— Твоя «олимпия» нарекается отныне Дианой-охотницей!

— Терпеть не могу охоты. Неравные силы. Убийство из-за угла. Давай, зароем зайца.

— Да ты что? Это же ее охотничий трофей. «Диана» тебе этого не простит, как не прощает хорошая охотничья собака ошибок хозяину. Я свою однажды не взял на охоту, так она меня, как вернулся, за мягкое место цапнула. Нет, друг, доберемся до отеля, я снесу трофей на кухню, и у нас будет отличный ужин из зайчатины.

Званцев уступил, и повар гостиничного ресторана обещал господам офицерам штирийское лакомство — чудесное жаркое из зайца.

Полковника Званцева поджидал приехавший на попутной машине офицер штаба фронта со сверхсрочным приказом.

— Что? Опять от Зевса, из тыла?

— Нет, товарищ полковник. Проведение особой операции на линии соприкосновения с англичанами. Понадобится вами опекаемый завод в Юденбурге.

— Так он уже демонтирован. Одни стены остались.

— Вот нам стены и нужны, вы распорядитесь.

— Распорядиться не трудно. Могу я узнать для какой цели?

— Для интернирования после разоружения конного корпуса генерала Шкуро и казаков атамана Краснова.

Постучав, вошел хозяин гостиницы, молодой, склонный к полноте и рано облысевший штириец в кожаных шортах:

— Господ офицеров приглашают в ресторан отведать жаркое, приготовленное из их охотничьего трофея.

Званцев перевел с немецкого приглашение и добавил:

— Надеюсь, товарищ подполковник, вы составите нам

компанию?

— С большим удовольствием. У вас здесь охота? Завидую.

— Да. Можно сказать, соколиная. Только роль сокола сыграла наша автомашина.

— Стреляете на ходу из машины?

— Совсем нет, — рассмеялся Званцев и рассказал случай с зайцем, пройдя вместе с гостем к накрытому в ресторане столику.

— Да, я слышал о гипнотическом действии света фар на зайцев. Это распространенный случай.

— Но разоружение и интернирование корпуса в десятки тысяч человек не столь обычное явление. Зачем это нужно, когда гитлеровская армия безоговорочно капитулировала?

— В том-то и дело, что Шкуро с Красновым отказались признать капитуляцию. Разоружаться не хотят и сидят в Юденбурге среди англичан, содержания требуют, угрожая оружием. Вот англичане и решили от них избавиться, используя их боевой дух и ненависть к советской власти. Наше командование согласилось помочь англичанам.

— Совместные действия с союзниками?

— Можно сказать и так, — загадочно ответил штабист. — Вот я и еду к Юдснбургу, по боевой тревоге поднимать все стоящие в соприкосновении с англичанами наши дивизии.

— Опять бои, снова кровь. А мы считали войну законченной. Ведь целый корпус вооруженных, ослепленных ненавистью людей.

— Шестьдесят тысяч, — уточнил штабист. — Но операция планируется как особая, бескровная.

— Загадочно. Круговой осадой их, измором взять?

— Да, прекрасная у вас зайчатина. На мысль о голоде наводит.

— А не боятся у вас в штабе, что они с голоду грабить население начнут. Штиршо в разгул разбоя превратят? Я за штирийцев в ответе.

— Этого допустить нельзя и англичане разработали план действий. И наши войска войдут в соприкосновение с непокорными шкуровцами, уже разоруженными.

— Любопытно. Скажите, товарищ подполковник, мне доложили, что вы на попутной машине приехали. А как же вам выполнять задачу, поднимать все дивизии, соседствующие с англичанами?

— Очень просто. Каждая дивизия, получив мои инструкции, подбросит меня до соседней. Надеюсь, и вы доставите меня до ближайшей дивизии.

— На перекладных ехать хотите? Зачем? Мне самому надо побывать в Юденбурке, закончить там все дела по завершению

монтажа. И я готов в своей машине вместе с вами проехать по всем штабам расположенных по пути дивизий.

— Что вы, товарищ полковник! Я не могу злоупотреблять вашим вниманием. Мне достаточно вашего распоряжения — предоставить нам здание пустующего немецкого завода. И зачем вам лично связываться со мной в таком деле?

— Видите ли, товарищ подполковник, я не только уполномоченный Государственного Комитета Обороны СССР, заправляющий Штирией, я — писатель и оказаться в гуще военных действий, когда война кончилась, представляет интерес не только для меня, но для всех моих читателей. Перевертывается страница истории.

— Будь по-вашему, товарищ полковник. Ваш авторитет для меня велик, а предложение ваше не только лестно, но и повысит мою оперативность, за что меня никто не осудит.

— Кроме генерала Шкуро, — закончил Званцев, вставая из-за стола.

Утром Званцев усадил штабиста рядом с собой в «диа-ну», как именовалась теперь «олимпия» и, вызывая у того головокружение, помчался по альпийской дороге в город Юденбург, граничащий с позицией английских войск. Они вошли в Австрию с другой стороны и столкнулись с генералом Шкуро.

Званцеву среди бумаг, доставшихся при демонтаже прокатного стана завода Германа Геринга в Капфенберге, попало письмо немецкого командования за подписью генерала Шкуро. Званцев помнил имя злейшего врага Красной Армии со времен Гражданской войны. Как Шкуро попал в гитлеровский вермахт, Званцев не знал. Должно быть, перешел туда из белогвардейской эмиграции.

— Как Шкуро оказался рядом с атаманом Красновым, в его конном корпусе? — спросил Званцев своего спутника.

— Я не могу, товарищ полковник, объяснить вам этого. Моя задача поднять наши соприкасающиеся с англичанами части и «вступить с союзниками в бой», имитируя его артиллерийской подготовкой. Англичане, обратились к нам с такой просьбой и сообщили, что генерал Шкуро и атаман Краснов, узнав, что война, по уверению англичан, перешла в столкновение между бывшими союзниками, согласились принять участие в боевых действиях против Красной Армии.

Останавливаясь в штабах боевых дивизий, офицер передавал им приказ подняться по тревоге и начать артиллерийскую подготовку «по английским позициям».

Появление штабиста со Званцевым было для всех неожиданным. Так, открыв без стука дверь штаба дивизии,

посланник командующего фронтом застал дежурного майора спящим на диване, причем не в одиночестве. Бывалого фронтовика это не смутило, и он лишь знаком торопил майора одеться, на мелькнувшую, спасающуюся бегством санинструкторшу не обратив никакого внимания. А она успела бросить обжигающий взгляд на стоящего в дверях Званцева. Подполковник внушительно объяснял майору:

— Снаряды в расположении англичан должны взрываться вдали от самих английских войск или важных объектов. Английская артиллерия так же безопасно ответит.

— Что за странное распоряжение? — удивился майор.

— Нужно выманить Шкуро и снять с него шкуру.

— Ну, конечно! — произнес майор, едва ли поняв хитрый план английского командования, по которому Шкуро и Краснов, узнав о якобы начале военных действий между англичанами и русскими, как бывшие белогвардейцы, согласятся войти в полном составе в британские войска и воевать с большевиками.

Командирам других дивизий предписывалась имитация военного столкновения.

Званцеву привелось своими глазами увидеть торжество обмана. Психологический расчет был верен. Упрямые вояки клюнули. Но англичане, ссылаясь на свои традиции, объявили генералу Шкуро и находившемуся с ним атаману Краснову с его бежавшими на запад казаками, что их корпус не может войти в состав британской армии в военном обмундировании и с оружием врага. Предстояло все немецкое оружие сдать на трофейные склады и получить новое обмундирование на заводе по ту сторону реки, разделявшей на две части город Юденбург.

На самом деле по другую сторону реки стояла уже Красная Армия. Немецкий завод там был, но демонтированный уполномоченным ГКО Званцевым.

Полковник Званцев и офицер штаба фронта стояли на пригорке над мостом, по которому должна была проследовать автоколонна с личным составом конного корпуса генерала Шкуро. Первой на мост въехала легковая машина. К ней, остановившейся сразу после моста, подошел советский офицер и открыл дверцу, предложив выйти невысокому военному в форме немецкого генерала.

Оглядевшись и увидев вокруг себя советских пограничников в зеленых фуражках, тот смачно и непристойно выругался на чистом русском языке и бросил генеральскую фуражку с высокой тульей оземь.

— Опять эта сволочь английская обманула!

С заднего сиденья выбрался высокий в царской казачьей

форме, в бурке и фуражке с красным околышем атаман Краснов. Он ничего не произнес, зло оглядываясь вокруг.

Следом за интернированными начальниками одна за другой, якобы переодеваться, ехали машины с обезоруженными солдатами и казаками Шкуро и Краснова. Их направляли в пустые цеха завода, превращенного заботой Званцева в лагерь военнопленных. Полковник Званцев вместе с офицером штаба фронта и командованием, принявшим пленных, обходили цеха. Званцев прислушивался к знакомой ему с омского сумасшедшего дома, куда он ходил с судками, блатной речи заядлых уголовников, пересыпаемую матерной бранью. Пленные кляли все на свете: и англичан, и русских, и Гитлера, и Сталина, трижды обманутые, попавшиеся теперь в ловушку англичан. В свое время те взяли в плен и самого Наполеона Бонапарта.

Миссия уполномоченного ГКО была завершена и он, в сопровождении того же офицера штаба фронта, возвращался обратно в Брук-на-Майне. Званцев, как всегда сидя за рулем, удивил офицера штаба своей репликой:

— Как хотите, товарищ подполковник, но эта «победа» вырвана не в честном бою.

— Как вас понять, товарищ полковник?

— Не по-рыцарски это! Ложь и обман не могут быть оправданы даже на войне.

— Но война — это узаконенное «беззаконие», по чьим-то словам.

— Неверно! Даже война имеет свои нормы: уважение красного креста и белого флага, неприкосновенность парламентариев, гуманное обращение с военнопленными, неприменение, скажем, отравляющих газов. Объявление войны до начала военных действий. Еще князь Святослав предупреждал половцев: «Иду на вы!»

— То-то Гитлер, напав на нас ночью в сорок первом, направил предупредительное послание Сталину.

— Гитлер — негодяй и преступник и не может служить примером. И сейчас не к лицу нам идти на поводу у английских обманщиков! Не должны мы их копировать, не должны! Не должны!..

И Званцев раздраженно, словно подтверждая свои слова, стал сигналить впереди идущему грузовику, чтобы тот дал дорогу, поскольку другая полоса была занята встречными машинами с красным крестом.

Шофер грузовика услышал требовательные сигналы сзади и стал съезжать на обочину.

Глаза Званцева ослепила яркая вспышка.

Грузовик перед ним подскочил в воздух и рухнул на шоссе. Званцев нажат на тормоза, но было слишком поздно, и он на всем ходу врезался в останки подорвавшейся на мине машины, ударился грудью о рулевое колесо, а головой о лобовое стекло, треснувшее от удара. Колено уперлось в твердый металл над педалями. Тело пронзила острая боль. Глаза залило кровью. Он не знал, как выбрался наружу и сел на обочине над пропастью, потеряв представление о времени.

Как через ватную стену слышались Званцеву девичьи голоса, и в его сознании один за другим вставали образы девушек: то ведущих за канаты аэростат воздушного заграждения, то молоденькой санинструкторши, застреленной на переправе через Керченский пролив, то регулировщицы Кати, гнавшейся за попугаем, а потом стрелявшей «выше крыши» ему вслед, то прелестного лица принятой им на работу в институт девушки, мысленно названной им Нимфой.

Будто издалека донесся разговор:

— Полковничек-то, бедненький. Не жилец, видать…

— Пассажир уцелел. Вон он стоит над разбитой машиной. Как их угораздило? Сотни машин по дороге прошли…

— Так впереди них грузовик на мине подорвался, когда на обочину съезжал, пропустить их видно хотел, — объяснял мужской голос.

— Носилки, носилки сюда, — тоненько, но требовательно звала девушка.

Голоса смешались, Званцев потерял сознание. Пришел в себя он на операционном столе.

— Очнулся? — спросил хирург, склонившись над ним. — Ты хоть стони, полковник, чтобы я знал, что ты живой. Дай-ка, сестра, ему спирта, наркоза-то у нас нет.

— Восемнадцать ран, товарищ полковник, — докладывала сестра. — Все сразу обрабатывать будем?

— А как вы думаете? — ворчливо отозвался хирург. От напряжения, сдерживавшего боль, Званцев снова потерял сознание, потом впал в глубокий сон.

Проснулся, почувствовал, что рука его лежит в чьей-то ласковой ладони, повернул забинтованную голову и увидел сначала белый халат, а потом сидящую у его койки Лену Загорянскую. И вспомнилась ожившая на сцене Галатея. Лена, заметив его открывшиеся глаза, склонилась к нему:

— Ожил? Ну, ты молодец. Настоящий воин, хоть выправки военной нет. Я за тобой. Переведу в свой госпиталь. Не бойся, не в гинекологическое отделение.

Потом шли медленные дни выздоровления.

Глава седьмая. ДОРОГОЙ В БУДУЩЕЕ

Мы верили: конец войне —
Теперь все будет по-другому.

В последний день пребывания в госпитале Саша Званцев ждал своего фронтового друга и исцелителя Лену Загорянскую, обещавшую заехать за ним в подведомственный ей госпиталь. С загадочным видом зашла она в палату не в белом халате, как обычно, а в щеголеватой военной форме, подтянутая, торжественная, красивая.

— Вставай. Вот тебе палка местного производства, для пострадавших альпинистов. На первое время, потом оставишь себе на память о взрывающихся минах или об ожившей Галатее. Армия наша расформировывается. Война закончена. Гагин ждет тебя. Поехали.

— На чем?

— На твоей «Диане».

— Она же разбилась!

— Цела-целехонька. Сам проверишь.

— Что? И она, вроде меня, в госпитале лежала?

— Посмотришь, оценишь. Может быть, что-нибудь вспомнишь.

— Загадки задаешь, как принцесса Турандот.

— Принцесса Турандот? Театр Вахтангова. Ты близок к разгадке.

Шутливо переговариваясь, они вышли на улицу, и прихрамывающий Званцев, неумело опираясь на новую буковую палку, увидел у подъезда свою «олимпию-диану», сверкающую, вымытую, натертую воском.

Званцев стал придирчиво рассматривать передок, который был разбит тогда всмятку.

— Все заменили, — воскликнул он. — Теперь понимаю, при чем тут театр, где мы видели, как созданная у нас на глазах статуя ожила. Так и моя «олимпия». Придется заменить в ней еще одну деталь.

— Какую? — поинтересовалась Лена.

— Имя. Теперь она уже не Диана, превратившаяся в лом, а ожившая Галагея, какую мы с тобой видели.

— Вот и прекрасно. Пусть у тебя будет Галатея. Это лучше, чем Диана, богиня охоты, то есть убийств. Не забудь поблагодарить за нее генерала Гагина.

— Ах, вот как! Ларчик просто открывался. Ведь это уже будет третья «олимпия», мне переданная.

— Он знал, какой ей предстоит путь. Генерал Гагин тепло встретил полковника.

— А борода где? — воскликнул он. — Без бороды тебя бояться не будут. Здоровье как? Под счастливой звездой родился! Мне докладывали, что не жилец ты на белом свете. Хирург рассказывал: ты уже и не стонал, когда он тебе голову без наркоза склеивал.

— Да вот, товарищ генерал, выбрался, а стонать стыдно было… полковник все-таки.

— Всем бы так мыслить. Теперь что? В Москву поедешь — опять за руль сядешь?

— Так точно, товарищ генерал.

— Ну, молодец! Получил «благодарность» за раскулачивание Германа Геринга? Он-то, наверное, тебя заочно к расстрелу приговорил. И мину на дороге, думаю, благословлял.

— Ему меня не казнить, а вот самому от петли не уйти. Я слышал — судить их будет международный трибунал.

— На открытом заседании, чтобы весь мир знал.

— Разрешите идти, товарищ генерал?

— Книжку свою пришли непременно, как обещал!

— Я выполню. Адрес ваш сохранил.

После встречи с генералом Гагиным Званцев с былой энергией занялся подготовкой автоколонны к дальнему пути. Предстояло проехать Австрию, Венгрию, Румынию, нашу Бессарабию, Украину через Киев — и до Москвы, преодолев пять тысяч километров. К сожалению, Колю Поддьякова отозвали в его трест в Москву. Но из Вены приехал в помощь Званцеву подполковник Карахан из Госплана СССР. Деятельно помогал и начальник штаба Званцева майор Асланов, настоявший, чтобы одну из крытых полуторок оборудовать под мастерскую. Еще две полуторки загрузили различной аппаратурой для лабораторий иоси-фьяновского института и, кроме новенькой «олимпии-галатеи» — еще одна легковая машина «адлер», с передними ведущими колесами, каких в нашей стране не делали. На две легковые машины был один шофер, молодой парень, угнанный в Германию в пятнадцатилетнем возрасте. Он был взят Званцевым под свою команду в Бруке-на-Майне. Там девятнадцатилетний солдат принял в воинской части присягу служить Родине.

Колонна из шести машин, одна за другой, выехала со двора уютной гостиницы, где несколько месяцев жили полковник Званцев и его команда. Провожать их трогательно вышел весь обслуживающий персонал, начиная с моложавого толстяка-хозяина и кончая горничными, вытиравшими глаза платочками или белоснежными передниками.

Колонна двинулась в путь. Званцев вел впереди свою «галатею». Рядом с ним сидел его новый помощник Карахан. Следом на «адлере» — альпийский новобранец, затем шли грузовики с аппаратурой. В арьергарде вереницу автомобилей замыкала мастерская с майором Аслановым и пожилым автомехаником, призванным устранять все неполадки в пути.

С грустью выезжал Званцев на знакомые виражи альпийской, дороги, к которым он так привык. Он вернул своей стране уничтоженное нацистами оборудование нескольких заводов, считая в то же время, что способствует возрождению штирийской промышленности, избавляя ее от устаревших станов, место которых займут новые машины передовой технологии. И выходит, думал Званцев, как это ни парадоксально, его операция подобна старинному кровопусканию, стимулирующему активность организма. Он оказал Штирии вице-королевскую услугу. И ему стало жаль покидать страну, хотя здесь он едва не расстался с жизнью. Впереди — тысячи километров пути, несколько стран и неведомые приключения.

И они не заставили себя ждать. Позади остались и Вена, и Будапешт, колонна проезжала по Трансильвании со смешанным населением румын и венгров. Через небольшую мелкую речушку был перекинут старинный арочный мост — дуга, упирающаяся в берега. Выйдя из машины, Званцев заботливый хозяин, стал наблюдать, как машины его колонны, одна за другой, взбирались на кручу арки и скатывались с нее, тормозя около командирской машины. В деревушке у моста всех их ожидала остановка на ночлег.

Последней на мост взбиралась мастерская с майором Аслановым и автомехаником, клевавшим носом за рулем. И тут сказался враг всех дальних автопробегов — властный и неодолимый сон. Машина завиляла на подъеме, а водитель не выправил ее, и она, сбив жиденькие перила, сошла правыми колесами с панели моста и боком кувыркнулась вниз. Сделав в воздухе полное сальто, грузовик встал всеми четырьмя колесами на дно мелководной речушки. Это походило на чудо, но, к ужасу Званцева, оно произошло на глазах у всех, кто был на берегу.

Званцев, сбежав по крутому берегу в воду, при каждом шаге вздымая фонтаны брызг, бросился к кабине, рывком открыл дверь. Водитель и Асланов сидели на своих местах и как будто оба спали. Автомеханик, держась за руль, откинулся на спинку сиденья и… храпел. Это казалось невероятным, но это было так. У Асланова глаза были закрыты, но когда дверца открылась и на него пахнуло речной прохладой, он приоткрыл глаза и, увидев Званцева, едва выговорил;

— И вы тоже погибли, товарищ полковник?

— Давай, друг, вылезай. Благодари Судьбу, что жив остался: Держи руку.

Опираясь на Званцева, Асланов выбрался из кабины и встал на каменистое дно по колено в воде, нагнулся, зачерпнул ее в обе ладони и плеснул себе в лицо.

— А я верил, что чудес не бывает. В Бухаресте свечку в церкви поставлю. Уж вы не выдавайте, товарищ полковник, а то из партии вышибут.

— Чудес действительно не бывает, — вмешался подошедший Карахан. — Вас спас не Господь Бог, товарищ майор, а высокий кузов, увеличивший момент инерции и маховую массу машины. Не будь этого кузова, вы упали бы кверху колесами, и мы вряд ли беседовали бы с вами.

— Все хорошо, что хорошо кончается, — произнес Званцев. — Считайте, что вы несколько возмужали, товарищ Асланов.

С этими словами Званцев подвел майора за руку к зеркальцу заднего обзора на крыле злополучной машины.

— Снимите пилотку и полюбуйтесь, — посоветовал Званцев.

Асланов взглянул на себя и ахнул. Его гладко причесанные темные волосы стали наполовину седыми.

— Уверяю вас, майор, это даже красиво. А захотите — так подкраситесь, — шутливо утешал ошеломленного начальника штаба Карахан.

— Шутки шутками, а ехать дальше надо, — сказал озабоченный полковник. — Придется взять два троса и двумя машинами попробовать вытащить мастерскую на берег.

— Не надо, товарищ полковник! Не известно, потянут ли ее два грузовика или буксовать станут. Поверьте мне: что не может сделать машина, сделает человек. Мы сейчас пойдем по хатам и поднимем всех живых в деревне. Доверьтесь моему фронтовому опыту. Что завязшие в грязи машины — танки из топи всем взводом вытаскивали.

Тем временем собратья виновника аварии, никак не приходившего в себя, вытащили его из кабины и несколько раз окунули в воду. Автомеханик очухался, но долго не мог понять, что произошло. А когда понял, стал клясть себя на чем свет стоит.

Деятельный Карахан и подключившийся к нему Асланов пошли по улице между хатами, вызывая всех мужчин от имени коменданта района полковника Званцева. Надо срочно ликвидировать аварию. При успехе — спиртное угощение.

Автомеханик, желая загладить свою вину, готовил тросы для буксировки мастерской.

Через полчаса на берегу собралась толпа человек в двадцать

мужиков.

Карахан, владевший венгерским языком, подзадоривал собравшихся.

— А что, мужики, неужто машинам уступим красавицу, что с моста в речку бросилась, случайно забеременев.

Мужчины в белых рубахах захохотали и стали снимать сапоги. Потом всей гурьбой, войдя «в воду, навалились на согрешившую «красавицу-мастерскую», и она поехала на колесах по каменистому дну. Автомеханик бросил буксировочные тросы и, догнав свою подопечную, нырнул в кабину, ухватившись за руль.

Удивительно, что могут разом (эх, ухнем!) сделать двадцать — тридцать человек. Они, знавшие, где здесь брод, которым пользовались в объезд моста, докатили мастерскую по мелководью до низких берегов. Тут автомеханик включил мотор и под улюлюканье всей деревни торжественно выехал на берег, где его встречали офицеры.

Званцев объявил отдых, и солдаты вместе с местными мужиками долго выкрикивали тосты: «За Победу!», «За маршала Толбухина!» и даже «За полковника Званцева!».

Званцев же, прогуливаясь с Караханом по берегу, задумчиво произнес:

— Как же все это могло случиться?

— Очень просто! Я сейчас все объясню, — отозвался Карахан. — При падении автомеханик, верно, со страху, потерял сознание, а когда машина приземлилась, встав на дно мелководной речки, обморок перешел в сон. Это бывает. Медицина знает такие случаи. А вот Асланов, вероятно, еще до моста спал, убаюканный плавной ездой, и проснулся на миг, повиснув в воздухе вниз головой. Падая, думаю, он испугаться не успел, но был потрясен, увидев себя посередине реки. Считая это невозможным, он и решил, что уже погиб и, как полагается покойнику, зажмурился. Глаза открыл, почувствовав речную свежесть. Все объясняется просто, — закончил Карахан.

— Путь у нас дальний. Кто за рулем сидит, петь должен! Петь, — решил полковник.

Глава восьмая. ТУНГУССКИЙ МЕТЕОРИТ

Если бы он упал на два часа раньше, то с 30 июня 1908 года Петербург перестал бы существовать.

Шестого августа 1945 года автоколонна полковника Званцева пересекла границу Советского Союза и покатила по Бессарабии. Во главе колонны в «олимпии-галатее» рядом со Званцевым, исполнявшим роль шофера, как и прежде, сидел Карахан. Помня горький опыт с мастерской, борясь с одуряющим сном, они пели самые разные песни и далее арии из опер. На переднем сиденьи между ними стоял тот самый радиоприемник, по которому Званцев услышал в Вене сообщение о Красном флаге над рейхстагом. Званцев заливисто распевал:

Пьем с надеждою чудесной,
Из бокалов полновесных.

Карахан подпевал, но внезапно оборвал пение, нагнувшись к приемнику.

— Слушай передачу, полковник! Американцы сегодня сбросили атомную бомбу на японский город Хиросима.

Званцев перестал петь, и они вдвоем прослушали повторение советского сообщения о сброшенной американцами атомной бомбе. Карахан стал крутить настройку, ловя такие же сообщения из разных стран. Многоязычный эфир был заполнен атомом, словно его излучение пронзило всю радиоинформацию.

— Я не понимаю зачем? — воскликнул Званцев. — Ведь наше вступление в войну с Японией и разгром Квантунской армии, столько лет угрожавшей нам, решил исход войны. Атомная бомба — это страшно. Выделяемая энергия колоссальна. Мы с Иосифьяном прикидывали, занимаясь электропушкой. Слишком мощно для нее и неуправляемо.

— А вот мы послушаем комментарии самих американцев. Они смакуют и хвастаются по радио своим успехом.

— Я хоть и работал на всемирной выставке в Нью-Йорке в тридцать девятом году, научился сносно говорить по-английски, но не настолько, чтобы сейчас понять их трескотню.

— Тут я пригожусь. Мы с английским языком на «ты», переведу. Прежде всего, они отмечают, что взрыв бомбы произошел в воздухе над городом. В эпицентре взрывная волна небывалой силы обрушилась на улицы сверху, расплющивая автомашины на асфальте, срывая ветви с деревьев, превращая их в телеграфные столбы. Там, где волна ударяла под углом, она валила деревья в радиусе десятка километров, проламывала здания, отпечатывая на уцелевших стенах светлые тени прохожих. Они испарились в момент взрыва. Температура в самой бомбе тогда достигала десятков миллионов градусов. Люди, находясь в двадцати километрах от несчастного города, получали лучевые

ожоги. В этом радиусе все деревья вырваны с корнем. По оценке довольных собой американцев, бомба уничтожила не менее ста тысяч мирных горожан.

— Довольно, подполковник! Не хочу слушать это бессовестное хвастовство бесчеловечным поступком.

— Хорошо, — пожал плечами Карахан. — Будем слушать только наше радио.

Но это решение не принесло Званцеву облегчения. Мысль его невольно возвращалась к подробностям чудовищного, ненужного, с военной точки зрения, взрыва, уничтожившего в один миг все население крупного города. Он никак не мог отделаться от смутного ощущения, будто он уже слышал когда-то нечто подобное, хотя атомных взрывов на Земле еще не было.

Напряжение памяти вернуло его к студенческим годам в Томске, когда все студенты с напряженным вниманием следили за экспедицией Виктора Сытина, направленного спасать пропавшего профессора Кулика, секретаря комиссии по метеоритам Академии наук. Он искал в тунгусской тайге упавший там самый большой в мире метеорит. Его падение вызвало грандиозный завал леса на территории, равной примерно Московской области и воздушную вол ну, обошедшую Земной шар дважды. Сходство таежного взрыва с несчастьем Хиросимы, захватило воображение Званцева как фантаста.

В Москве в Группкоме писателей он встречался с очеркистом Сытиным, защищавшим роман «Пылающий остров» от нападок злых критиков, высмеяв одного из них, за его, с позволения сказать, аргумент: «Всю ночь не спал, читая эту неудачную книгу». Саша не догадался спросить Сытина, не он ли участвовал в экспедиции Кулика к тунгусскому метеориту. По приезде в Москву надо встретиться с ним. Может быть, он расскажет о тунгусском диве, так напоминающем несчастье Хиросимы. Не ждет ли автора «Пылающего острова» новый увлекательный сюжет о скрытой в таежной глуши атомной лаборатории, где готовилось будущее преступление, которое никогда не должно повториться на Земле.

И словно в ответ на это, едва автоколонна пересекла границу Украины, как включенный радиоприемник передал новое сообщение ТАСС. Американцы сбросили на город Нагасаки вторую атомную бомбу, и волна взрыва обошла Земной шар дважды, что зафиксировано барографами метеостанций во многих странах мира. Последствия второго атомного взрыва были для Японии еще более тяжкими, и страна не выдержала, капитулировала в войне с Америкой.

Званцев со своей командой въезжал в Киев. К нему подошел

командир расформированной части.

— Разрешите обратиться, товарищ полковник. Вам еще далеко ехать?

— До Москвы. А почему это вас интересует, товарищ капитан?

— Возьмите у меня бензин. Сливать в канаву совесть не позволяет, а тару сдавать надо порожней.

— С большой благодарностью приму. Для нас заправка в пути — всегда проблема. Находим воинские части и берем неиспользованные остатки горючего, а тут вы с желанным подарком.

— Это вы меня выручаете. Вам спасибо, товарищ полковник, — настаивал капитан.

— Я пойду распоряжусь, — предложил Карахан.

— Да, пожалуйста. Пусть майор Асланов примет. Бочки у него в мастерской.

— Простите, товарищ полковник, вы слышали, что американцы в Японии вытворяют?

— Да, теперь Нагасаки, — с горечью сказал Званцев.

— По-моему, судить надо наших союзничков в международном трибунале рядом с гитлеровцами за преступление против человечества.

— Победителей не судят, а надо бы, — ответил Званцев.

Капитан ушел удовлетворенный, а Званцев, дождавшись возвращения Карахана, поехал по адресу, который дала ему Лена Загорянская, найти сестру Жени Загорянского, Марианну. Он знал ее еще девочкой, в Москве. Она была замужем за Трощенко. Тот занимал видный пост и мог бы помочь горючим в завершении автопробега.

Саша застал обрадованную его появлением Марианну одну. Трощенко был в командировке Она, не долго раздумывая, утащила Сашу в оперетту. И они слушали прекрасную музыку Кальмана, огорчаясь, что Сильва походила не на обаятельную звезду, а больше напоминала поющую телефонную будку.

И гостеприимный Киев остался позади.

«Скоро Москва и новые заботы в институте, где все последнее время обходились без него, — думал Званцев. — Надо найти Сытина и уходить совсем в литературу. Но не идти там по пути приукрашивания действительности, что поощрялось, а увлечь читателя мечтой о светлом будущем, о том, что можно выдумать, изобрести, осуществить. Как отнесется к этому Иосифьян?» Званцев надеялся на его понимание.

Автоколонна, проехав пол-Европы, завершила свой путь на Садовом кольце у Красных ворот, заполнив обширный двор

гаража.

Карахан, распрощавшись со Званцевым, направился к себе в Госплан, который был отсюда недалеко. Сам же Званцев пошел к Иосифьяну, на ходу здороваясь с обрадованными его возвращением сотрудниками.

— Наконец-то вернулся! — радостно встретил его Иосифьян. — Столько времени я без главного инженера, как без рук. За трофейное оборудование и автомашины спасибо. Не забыл нас вице-король Штирии.

— Откуда тебе известно это прозвище?

— Сороке долететь — пара пустяк. С палочкой ходишь? Колено как? А голова? Соображает?

И, отводя глаза в сторону, добавил:

— Тут опять твоей работой интересуются из районного отделения госбезопасности. Просили меня передать, как появишься, чтобы к ним наведался.

В знакомом районном отделении МВД Званцев встретился уже с другим капитаном, голубоглазым и вежливым. Он усадил Званцева перед собой и протянул ему лист чистой бумаги:

— Попрошу вас, полковник, перечислить все личные вещи, привезенные из-за границы.

Когда Званцев вернул ему список, капитан сделал удивленное лицо:

— Что? Только один чемодан и соломенная шляпка?

— Да. В Вене купил.

— Надо думать, для тезки одной великой княжны? — хитро подмигнул капитан.

— Вы подали мне хорошую мысль.

— А другие ваши коллеги-уполномоченные, — доверительно сказал капитан, — вагонами везли личное имущество.

Званцев не знал, как принять слова капитана: за упрек или за одобрение, вопросительно посмотрел на него и оглянулся на дверь. Конвойного на этот раз не было.

— Еще хочу спросить о прибывшем с вами бывшем военнопленном.

— Он не военнопленный, а угнанный на работу в Германию в несовершеннолетнем возрасте и добровольно вступивший в Красную Армию в Австрии.

— А имели ли вы право принять его в свою команду?

— Я представлял советское правительство и поступал от его имени.

— В этом еще предстоит разобраться. Все военнопленные проходят проверку в лагерях.

— Повторяю, он не попадал в плен.

— Это предстоит проверить. А вы свободны, товарищ полковник.

Вернувшись, он уже не застал своего штирийского добровольца. Его уже забрали для проверки. Званцев понял свое бессилие в Москве. Огорченный, он снова зашел к Иосифьяну определить свое будущее.

— Так не останешься со мной, Саша? — спросил Иосифьян.

— Нет, дорогой мой академик! Рад поздравить тебя с этим званием. Но не ко двору я уже здесь. Сознайся. Даже чекиста разочаровал.

— Может быть, ты и прав. Сценарий у тебя получился, роман, по нему написанный, популярным стал. Во Франции, в газете «Юманите» печатают. Значит, тебе в литературное яблочко попасть — пара пустяк.

— Не скажи. Но пробовать буду. Не теряй меня из виду, я ведь и в литературе инженером останусь.

Иосифьян обнял старого друга, словно тот уезжал за тридевять земель, а не оставайся в той же Москве.

— Твори, выдумывай, пробуй, — по-Маяковскому напутствовал он. — Мы с тобой еще в Академии наук встретимся. Так держать! — на прощание сказал Иосифьян.

Виктор Александрович Сытин, ровесник Саши Званцева, даже внешне походил на него. И бородки оба носили одинаковые. Их не раз путали между собой. В душе романтик, Сытин всегда тяготел к необычному. В конце двадцатых годов оказался в экспедиции Кулика в тунгуской тайге, искал упавший здесь исполинский метеорит. Через год организовал экспедицию по розыску не вернувшегося из метеоритной экспедиции профессора Кулика. Сытин сплавлялся в шитике по бешеным порогам Подкаменной Тунгуски, как называли в низовьях Ангару. В таежном поселке Вановара нашел след Кулика, а в шестидесяти километрах оттуда, в чащобе, — и самого профессора. Он перезимовал здесь в построенной им избушке в центре катастрофы, близ болота, поглотившего, как он предполагал, гигантский метеорит. Потом Сытин отдал дань дирижаблям, видя в них, как и Циолковский, будущее воздухоплавания. Тот же интерес к идеям калужского провидца привел Сытина к группе энтузиастов реактивного движения, где Сергей Павлович Королев закладывал основы ракетной техники, и космонавтики, осуществив впоследствии мечты Циолковского. Молодой автор «Пылающего острова» сразу завоевал симпатию Сытина. И по возвращении Званцева из Штирии они встретились на улице Горького у Центрального телеграфа.

— Из дальних странствий возвратясь, какой-то дворянин, а

может быть, и князь… — шутливо встретил Сытин полковника, бодро идущего к месту их встречи.

— Не князем по работе обзывали, а вице-королем.

— И чем же заинтересовалось твое вице-королевское величество? Реактивным движением, межпланетными путешествиями?

— Межпланетные путешествия? — насторожился Званцев. — А что? Надо подумать. Flo пока, Витя, я хотел расспросить тебя о Тунгусском метеорите. Не мог бы ты мне рассказать о том, что он натворил в тайге?

— Охотно, Саша, поделюсь тем, что видел. Я два раза там был. Гебе бы туда съездить с какой-нибудь экспедицией, да вот беда, Академия наук прикрыла эту тему, считая, что метеорит был — и утонул в болоте.

— А это не так?

— Не думаю, что этот вопрос можно считать решенным.

— Так я потому, Витя, и надеюсь на тебя, — Я готов тебе все рассказать, только место здесь малоудобное. Просишутки шныряют, в нас с тобой клиентов видят.

— Здесь недалеко есть кафе-мороженое. Перейдем на ту сторону и поднимемся немного по улице Горького, поедим мороженого, пока не замерзнем.

— Говорят, один союзный генерал докладывал президенту Рузвельту, побывав зимой в Москве: «Народ, который в сорокаградусный мороз ест мороженое, победить нельзя!»

— Вывод правильный. Но мы не только мороженым это доказали.

— Что ты доказывать, был ли метеорит, с помощью мороженного будешь? — спросил Сытин, сев с Сашей за столик и заказав две порции крем-брюле. Но заказ скоро пришлось повторить.

Молодые пары, назначившие здесь свидание, поглядывали на двух бородачей, без конца заказывавших себе мороженое.

— О чем можно так жарко говорить, рискуя заболеть ангиной? — спросила миловидная девушка своего вихрастого спутника. Тот в ответ покрутил пальцем у виска.

А Сытин увлеченно говорил о впечатлениях своей юности.

— Первое, что там поразило, это вывал леса. Прошел ветровал небывалой силы и уложил ровными рядами, сколько охватывал глаз, вековые лиственницы. Вывороченными корнями все они обращены в центр катастрофы. А там, близ болота, стоял чудом уцелевший лес, потерявший лишь все сучья. Кулик назвал его «телеграфными столбами». Объяснить это не удалось. Таежные охотники, тунгусы (эвенки) утверждают, — Сытин

заговорил, как эвенк: — «Бог Огды ходил на земля. Огнем оленей кончал, на лес серчал. Деревьям велел кланяться, земля падать, пощада молить. Бросал камни в болото, столб вода вверх била. Шаманы плясать стали с бубнами, в покорности уверять, уговорили бога Огды уйти. Охотники, кто ходил туда, пустой возвращался и помирал потом. Один Лючеткан живой, говорит всем, что глаза видел».

Сытин заказал еще по порции мороженого и продолжал:

— Поезд проходил близ Канска, за восемьсот верст от эпицентра взрыва, и машинист остановил паровоз, подумал вагон взорвался. Но состав был цел, а над тайгой всходило второе солнце. Кулик помнил историю компании Аризонского метеорита. Это самый большой из известных на Земле метеоритов. Он оставил кратер в одну тысячу двести метров диаметром и ста семидесяти пяти — глубиной, ушел под землю, где его нащупали буром. Но он оказался не серебряным, ради чего возникла поисковая компания. Извлеченные с глубины четырехсот метров пробы были обычные железоникелевые, и компания лопнула. Кулик решил тоже пробурить скважину в болоте. Мы прошли нетронутый слой вечной мерзлоты до подпочвенных вод. Они находились под давлением, и из скважины забил фонтан, пока не замерз в слое вечной мерзлоты, не пробитом упавшим метеоритом, что очень огорчило Кулика. Мы обшарили всю окрестность и ни одного осколка метеорита не нашли. Может быть, он, ударившийся о землю и подброшенный взрывом, отскочил, упав далеко от нашей стоянки. Оставалось много неясностей. Полет небесного тела перед взрывом наблюдало около тысячи корреспондентов Иркутской обсерватории, так что отрицать вторжение небесного тела нельзя. Расчет его полета на основании этих наблюдений показал, что, случись это на два часа раньше. Петербург в четыре часа утра 3908 года перестал бы существовать. Когда нам с тобой, Саша, было по два года. Не знаю, как тебе, но мне влетит от жены, потому что я так наелся мороженым, что обедать не смогу.

— Меня ругать некому. Я от жены ушел еще перед отъездом на фронт и к ней не вернулся. Тебе, Витя, спасибо. Ты дал пищу зреющим у меня идеям.

— Писать будешь? Меня заменишь, ведь мне надлежало бы это сделать.

— Буду, посоветовавшись с физиками. Академик Ландау встречается с нами, представителями московских НИИ. Потом пойду к нобелевскому лауреату академику Тамму. Я хочу писать реалистическую фантастику, которая расшевелила бы людей, заставила бы их искать, выдумывать, пробовать…

— Помни нападки на тебя за «Пылающий остров». Наукообразные педанты к роману подходили как к научному трактату и придирались, как на защите нежелательной диссертации.

— Со Свифтом так же было. Его судить пытались за роман о разумных лошадях и безобразно диких людях.

— Ну, он был заядлый лошадник и готов был наделить любимых животных качествами, каких нет у многих людей.

Друзья, уже испытывая отвращение к мороженому в вазочках на соседних столиках, вышли из кафе и расстались. Эта беседа имела для Званцева огромное значение, так же, как и прослушанная им закрытая лекция академика Ландау в Институте физических проблем. Ландау рассказал, как устроена атомная бомба, что распад с выделением огромной энергии присущ не обычному урану-238, а лишь урану-235 или плутонию, получить которые из массы обычного урана необычайно сложно. Решение этой задачи требует особой трудно осуществимой технологии очистки. Распад возможен, если взрывного материала больше критической массы. Пока в атомной бомбе два куска урана-235 или плутония, в разных ее частях, она безопасна. Взрыв происходит, когда куском меньшей массы выстреливают в другой, при соединении их масса должны превысить критическую.

Вооруженный этой лекцией, Званцев соединился по телефону с академиком Таммом.

— Игорь Евгеньевич? Здравствуйте. Вас беспокоит тот самый главный инженер НИИ и изобретатель, которого вам представил в Академии наук академик Абрам Федорович Иоффе.

— Помню, помню! — отозвался маститый ученый. — Кажется, инженер-майор.

— Теперь уже полковник.

— Ого! Недаром Абрам Федорович, прощаясь, оговорился и вместо инженер-майор, сказал генерал-майор. Так что ждите производства в очередное звание.

— Уже все, Игорь Евгеньевич. Свидания с вами просит не главный инженер НИИ и не полковник, а писатель-фантаст Званцев, автор «Пылающего острова» и ненаписанного рассказа «Взрыв», по поводу которого хотел бы посоветоваться с вами.

— «Пылающий остров» я прочитал по рекомендации академика Майского, Ивана Михайловича, и разделяю его оценку и удивление вашей выдумке. А что вы хотите взрывать новым произведением?

— Застой и научную инерцию.

— Смелая и трудная задача. Легче сдвинуть памятник Медного всадника вместе со скалой, чем преодолеть инерцию в

науке.

— И все же я попробую взять эту высоту. Ведь вы альпинист, Игорь Евгеньевич!

— Уже не хожу, мой друг, хотя прекрасней гор остаются меня только горы.

— Но почему, Игорь Евгеньевич?

— Трудно спускаться, — многозначительно ответил академик. — Но ко мне вы можете подняться… в лифте. Завтра в шесть часов.

— В шесть часов после работы?

— Не в восемнадцать, а в шесть утра, до начала работы.

— Благодарю. Буду точным.

Ранним утром следующего дня, переночевав у Иосифьяна, Званцев подошел к парадному входу академического института. Его встретил строгий взгляд пожилой толстой вахтерши в очках, с большой пистолетной кобурой на боку.

— Я к Игорю Евгеньевичу Тамму. Он назначил… Глаза вахтерши потеплели:

— Игорь Евгеньевич уже прошли, — и она подробно объяснила раннему посетителю, каким лифтом подняться и где найти кабинет академика. — А то спросить-то не у кого. Все спят еще, — закончила она, провожая взглядом вошедшего в вестибюль Званцева.

Академик Тамм ждал посетителя, стоя у открытого окна, вдыхая утренний свежий воздух. Он обернулся на стук, посмотрел на ручные часы — точно шесть:

— Входите, входите, генерал-майор. Хвалю за точность.

— С добрым утром, товарищ маршал физических наук.

— С добрым утром, Александр Петрович. Я не ошибся?

— Нисколько.

— Итак, приступим к взрывным работам. Вы не сапер?

— Был в начале войны помпотехом командира саперного батальона.

— А после войны?

— Только писатель, заинтересованный аномалиями взрыва в тунгусской тайге в июне 1908 года. Необычайно похожими на последствия атомного взрыва в Хиросиме.

— А ну-ка, ну-ка, друг мой, садитесь сюда ко мне на диван и поведайте, что общего вы нашли между гвоздем и панихидой?

Званцев сел рядом с внимательным академиком и перечислил все совпадающие явления, переданные американским радио и рассказанные вчера Сытиным.

— Можно ли представить себе, что в начале века в таежной глухомани существовала тайная лаборатория, готовившая

античеловеческое средство уничтожения, погибшая во время испытания своего дьявольского устройства?

— Прежде всего, уточним, что взрыв в тайге по своей силе превосходил атомную бомбу в пятьсот раз. Вы имеете представление об устройстве атомной бомбы?

— Да. Вчера академик Ландау просветил научных руководителей НИИ, и меня, по старой памяти, в том числе.

— Тогда вам известно, что расщепление атома с выделением огромной энергии происходит лишь у редчайших веществ, урана-235 или плутония, если они не содержат никаких примесей. Получение этих веществ требует такой высокой технологи оборудования, о которой в нашем мире почти полвека назад и представления-то не имели. Вообразить такую лабораторию, а вернее сказать, целый завод непременно у реки, в глуши, просто невозможно. Его руины после любого взрыва остались бы, так что тунгусский взрыв не мог быть подготовлен в начале XX века на Земле и может быть объяснен только вторжением из космоса метеорита, кометы или еще чего-нибудь, что вы придумаете, если хотите остаться, как в «Пылающем острове», реалистичным. Вот все, что я могу сказать, предостерегая вас от фантасмагорий, которые позволяли себе Свифт с его Гулливером и разумными лошадьми. Или Гоголь с кузнецом Вакулой, летавшим верхом на черте к матушке-императрице за черевичками, что не помешало этим произведениям стать литературными шедеврами, не претендующими на правдоподобие. Мне кажется, что у вас иная задача. Так что бросьте думать о подготовленном на Земле тунгусском взрыве. Это так же невозможно, как найти государство свифтовских лилипутов или разумных коней.

— Спасибо вам, Игорь Евгеньевич. Я согласен с вами, что взорвавшееся в тайге Бещество не могло быть получено на Земле. Но оно существовало и было создано. Но где?

— На этот вопрос только вы, фантасты, можете дать ответ, а не мы, заскорузлые ученые. Мы двигаем науку спиной вперед, глядя назад, отталкиваясь от того, что было.

И маститый ученый проводил дерзкого искателя до лифта. А у Званцева сверлила мозг неотступная мысль: «Взорвавшееся вещество было получено не на Земле! Но кем и где?».

Званцеву предстояло впервые в жизни прочитать свой рассказ «Врыв» перед писательской аудитории в Клубе писателей на улице Воровского. (Центральный Дом литераторов еще не был построен.) Заботой академика Ивана Михайловича Майского, советского посла в Великобритании, имевшего на Званцева особые виды, ему, еще не члену Союза писателей, был

предоставлен Малый зал, рядом с большим Дубовым, столь, памятным Саше. Ведь там не так давно он сидел, как на углях, за ресторанным столиком с блистательной дамой, не имея ни гроша в кармане, а дама была супругой Майского Агнией Александровной. Сашу выручил тогда Леонид Соболев, подсевший к их столику и записавший все заказанное на свой счет. Теперь супруги Майские сидели в первом ряду, заинтересованные тем, что должны услышать. Ведь они, сибиряки, загадку упавшего в Сибири метеорита считали своей, сибирской. Рядом с ними сидел, приглашенный ими, высокий, по сравнению с Майским, грузный профессор Иван Антонович Ефремов, восходящая звезда научно-фантастической литературы. Недавно опубликованные в «Новом мире» его блестящие, полные романтики фантастические рассказы привлекли к нему общее внимание. Строго научные идеи он, путешественник, геолог, палеонтолог и открыватель, облекал в увлекательную литературную форму, и сразу сказал новое слово в литературе. Званцев недавно встретился с ним в кабинете Михаила Ивановича Тюрина, главного редактора издательства «Молодая гвардия», выпускавшего, наконец, его второй роман «Арктический мост». Для Званцева это было событие. Дважды прекращалось его печатание, сначала в журнале «Вокруг света», из-за начавшейся войны, а потом в возобновленном журнале «Техника — молодежи». Тогда он был отложен из-за задержки открытия американцами Второго фронта.

Тюрин представил их друг другу, и видный ученый, ярко входивший в литературу, чуть заикаясь на гласных, дружелюбно сказал Званцеву:

— Зная ва-ас, ра-ад познакомиться с ва-ами, мэтр.

Они станут друзьями, и Званцев окажется единственным писателем, который встанет на защиту флагмана советской фантастики, ныне уже покойного, оболганного клеветниками. А тогда, 1 декабря 1945 года оба они, по существу, начинали свой литературный путь.

Званцев, садясь за стол с разложенными среди слушателей листами рукописи, прежде всего видел этих трех человек, не зная сидящих в зале писателей и посетителей клуба.

Леонид Сергеевич Соболев, такой же огромный, как и профессор Ефремов, представил Званцева, «видавшего виды» выдумщика, который «сейчас задурит всем головы». Чуть смущенный такой аттестацией, Званцев начал читать своим поставленным голосом. В конце рассказа был всего лишь один абзац, наделавший и в науке, и в литературе немалый шум, открыв шлюз в незнаемое и влекущее:

«Не исключена возможность, что взрыв произошел не в урановом метеорите, а в межпланетном корабле, использовавшем атомную энергию. Приземлившиеся в верховьях Подкаменной Тунгуски астронавты покинули летательный аппарат для обследования окружающей тайги, когда с кораблем произошла какая-то авария. Подброшенный на высоту пяти километров, он взорвался. При этом реакция постепенного выделения атомной энергии перешла в реакцию мгновенного распада урана или другого радиоактивного топлива, имевшегося на корабле в количестве, достаточном для его возвращения на неизвестную планету…»

Супруги Майские бурно выражали свой восторг. Профессор Ефремов низким басом сказал Званцеву:

— Хочу быть ва-ашим учеником.

— Это мне у вас нужно учиться, Иван Антонович.

— Тогда будем вза-аимно. Па-арная упряжка в литературную гору воз лучше вывезет.

Леонид Соболев подошел сзади и молча положил тяжелую руку Званцеву на плечо.

Званцев чувствовал успех и уже на следующий день отнес рассказ в журнал «Вокруг света», возобновивший свой выход с 1946 года. В его первом номере рассказ и был опубликован, пробудив внимание к проблеме в научных, студенческих кругах и вообще среди молодежи. Метеоритчики были довольны пробуждением интереса к их науке. Но Званцев не остановился.

Мысль о гибели космического корабля над тунгусской тайгой привела Званцева в Планетарий. Там читались интереснейшие лекции по астрономии и даже ставились спектакли о Джордано Бруно, о Галилее, о Копернике.

Перед входом в Планетарий появился плакат:

«ЗАГАДКА ТУНГУССКОГО МЕТЕОРИТА» Лекция Ф.Ю. Зигеля.

Заместитель директора Московского планетария, доцент Московского авиационного института Феликс Юрьевич Зигель горячо поддержал дерзкий замысел Званцева и принял деятельное участие в его осуществлении.

Планетарий, наполнялся публикой, любителями астрономии, людьми, что-то слышавшими о Тунгусском метеорите, и просто случайно забредшими сюда из любопытства. Все знали о необыкновенных возможностях Планетария и хотели увидеть их.

Зал погрузился в темноту. На освещенную кафедру поднялся статный, красивый лектор, блестящий оратор. С первых слов он увлек слушателей знакомством с гигантским метеоритом,

вызвавшим в тунгусской тайге небывалую катастрофу. На поиски упавшего небесного тела отправилась экспедиция отважного секретаря комиссии по метеоритам Академии наук СССР И. Ю. Кулика.

На экране появились кадры документального фильма, снятого участниками экспедиции. Зрители видят, как упорный ученый сплавляется на лодке-шитике по порогам бурной Ангары, обретающей здесь имя Верхней Тунгуски, как река, по мере продвижения по ней, меняет свое название, становясь в низовьях Подкаменной Тунгуской. Наконец, они добираются до фактории Вановара, где рабочий Краснощеков вспомнит, как он утром, в час падения метеорита, сидел на крылечке и ощутил, что на нем загорелась рубашка, настолько силен был свет второго солнца, вспыхнувший над тайгой. Помнил он, как прошел ни с чем несравнимый ветровал. Перед глазами зрителей — ряды деревьев, поваленных неукротимой силой. Вывороченные корни показывают Кулику, в каком направлении двигаться, откуда распространялась ураганная взрывная волна, где был эпицентр взрыва и где лежит виновник всего — метеорит. Велико удивление Кулика и зрителей Планетария, когда они видят в найденном центре катастрофы стоящие на корню деревья. Они потеряли все ветви, а на месте каждого сучка был уголек. Кулик метко назвал стволы голых деревьях «телеграфными столбами», только проволоки не хватало. Он искал кратер, подобный Аризонскому метеориту, диаметром с километр, глубиной метров в двести. На экране возникает кратер Аризонского метеорита. Но Кулик не нашел тунгусского кратера, не нашел он и непременных осколков метеорита. Тот словно испарился в вызванном им взрыве. Но как мог взрыв произойти, если метеорит не ударился о землю, если кинетическая энергия при его космической скорости не перешла в тепло, вызвав все последствия падения? Около стоящего леса расположено болото. Эвенки рассказывают: «Бог огня и грома Огды велел там струям воды бить вверх». И Кулик решает, что метеорит утонул в болоте. На экране сооруженная буровая вышка, идет бурение. И вот из скважины бьет фонтан воды, окатывая Кулика и его соратников. Этот факт доказывает, что под слоем вечной мерзлоты подпочвенные воды находятся под давлением. Если бы метеорит упал в болото, он пробил бы слой вечной мерзлоты и позволил бы подпочвенным водам выйти наружу и затопить местность. Однако этого не произошло. И загадка Тунгусского метеорита остается неразрешенной. Звучит финал шестой симфонии Чайковского, в искусственном небе Планетария загораются звезды. Лекция закончена. В зале зажигается свет. Зрители заинтересованы и не хотят уходить.

Лектор идет им навстречу:

— У нас в зале находится посланец из тех таинственных мест, внучка свидетеля катастрофы Ивана Потапыча Лючеткана, Муся. Она учится в Москве. Попросим ее рассказать, что родичи говорят о тунгусском диве?

Из зала к кафедре поднимается своеобразно привлекательная, узкоглазая, скуластая девушка:

— Я не была еще на свете, когда ураган с неба свалился, деревья ломал. Говорят, шаманы шибко камлали. Бога Огня и Грома уговаривали. Мой дед, Потапыч, рассказывал. Потом революция была. Тоже ураган. Шаманов прогнали. Дед бога Огды боялся… Ленин Москва помирал. И я родился. Мала была, когда Кулик к нам ходил. Хороший дядя. Мне куклу из дерева резал. А деревья старые, как их ураган с неба валил, так и лежат, а между ними молодые выросли. Как я.

— Спасибо, Муся Хурхангырь. Удачной тебе учебы. Из зала слышится голос:

— Чем может объяснить наука катаклизм в тайге, если метеорита не было?

Зигель охотно отвечает:

— После экспедиции Кулика академик Фесенков поддержал уже прежде высказанную гипотезу о столкновении с Землей кометы. Ее ядро, затормозив в плотных слоях атмосферы, выделило свою кинетическую энергию, ставшую причиной взрыва.

— А я думаю, что это совсем не так, — раздался тот же голос.

— А как? — не без ехидства с вызовом спросил лектор.

— Если позволите, я выскажу свои мысли.

— Это как решит публика, пришедшая на лекцию — а не слушать самодеятельные выступления.

— Вы сами спросили: «Как?» Позвольте вам ответить.

— Пусть ответит, — послышалось из глубины зала.

— Конечно, пусть говорит. В Сталинской конституции свобода слова записана.

— Дайте ему слово. Ведь не против же Советской власти.

— Ну как, товарищи, дадим ему слово в порядке исключения?

— Дадим, дадим! — послышались голоса. Весь зал пришел в возбуждение.

— Ну что ж, я повинуюсь общему желанию. Прошу вас, товарищ, выйти сюда и сказать, кто вы и откуда?

— Молодой человек взбежал к кафедре, оказался в лучах света и взволнованно заговорил:

— Я студент Московского энергетического института и вижу много общего между взрывом атомной бомбы в Хиросиме или

Нагасаки с тем, что произошло в тунгусской тайге. Очевидно, метеорит состоял из расщепляющихся материалов, потому и взрыв был атомным…

— Нонсенс! Нонсенс! Дайте мне слово! Нельзя дезориентировать публику. Я Нечаев, профессор физики Ленинградского политехнического института, случайно в Москве, и при данных обстоятельствах обязан внести ясность от имени науки.

Не ожидая разрешения, профессор Нечаев поднялся на возвышение кафедры и привычным тоном лектора стал опровергать смущенного студента:

— Я вас, молодой человек, с экзаменов бы прогнал, услышав нечто подобное. Не может существовать в природе тело, способное к цепной реакции атомного распада. Мудрая Природа сама себя защитила от подобного явления, ибо сразу после образования вещества, способного расщепляться, оно мгновенно взорвалось бы, едва возникнув.

Нескладная фигура возмущенного профессора, похожего на большую взъерошенную птицу, еще некоторое время стояла около кафедры, с которой лектор успокаивающе произнес:

— Конечно, нельзя не считаться с мнением уважаемого профессора, но мысль нашего смелого студента говорит о заинтересованности слушателей, и я приветствую их активность в обсуждении явления, повторение которого в неведомом месте чревато непредсказуемыми последствиями. Мы должны разобраться в этой загадке.

— Тогда позвольте мне, полковнику Метту, помочь вам новым, взглядом на это явление, — раздался голос с перового ряда, где сидел увешанный орденами полковник.

— Прошу вас, товарищ полковник, — пригласил Зигель.

Полковник вышел на эстраду. Он был невысокого роста, но когда заговорил, сразу словно вырос, крепкий, стойкий, убежденный:

— Я примирю, казалось бы, полярные взгляды товарищей. Взрыв произошел, и очень похож на атомный. И вещество, взорвавшееся в «метеорите», было получено искусственно, но не на Земле, а на другой планете. Разделенное на куски меньше критической массы, не больше полукилограмма, служило оно ядерным топливом для межпланетного корабля. Перед посадкой космолета, в силу каких то причин, два разведенных куска соединились и произошла цепная реакция взрыва. Конечно, еще надо понять, почему он был в сотни раз мощнее атомной бомбы, но подобное допущение объясняет все, и нам лишь остается пожалеть, что инопланетный контакт не состоялся, хотя прежде

пришельцы с неба не раз посещали Землю, о чем свидетельствуют древние письмена шумеров, записавших клинописью появление у них пришельца Ооанна, научившего их письменности, зодчеству и орошаемому земледелию. Цивилизация скотоводов-шумеров сразу получила скачкообразное развитие. Гостям из космоса обязана и древнеегипетская цивилизация, знавшая бога мудрости Тота. По священным иероглифам, он прилетел с Сириуса. Он ввел до сих пор сохранившийся у египтян сириусный календарь с пятидесятилетним циклом обращения Сириуса вокруг Земли. Он ввел многие математические понятия, вероятно, влиял на строительство пирамид, этих энергетических комплексов, впоследствии использованных для захоронения фараонов. Знаменательны и народные предания древних инков на юге Америки, легенды Японии и Китая, а также прямое указание Библии о сынах Неба, сходивших на Землю. Все эти источники утверждают многократность общения людей древности с более развитыми обитателями других планет.

Зал гудел, сотрясаясь от аплодисментов. Зигель стоял расставив руки, пожимая плечами в знак того, что бессилен водворить тишину, потом сам присоединился к залу.

— Я вижу, — наконец удалось вставить ему, — наш диспут удался и нам в Планетарии нужно подумать о цикле лекций по затронутым товарищем полковником Меттом вопросам, а мне разрешите закончить лекцию.

По знаку Зигеля музыка заиграла маршеподобную часть Третьей, «Героической» симфонии Бетховена. Публика неохотно расходилась. Некоторые посетители тщетно искали студента, профессора Нечаева и полковника Метта. Все трое сидели вместе с Зигелем и Званцевым в кабинете директора Планетария, здесь же была и кореянка Муся, исполнявшая роль внучки Лючеткана. Все выступавшие отмечались на столе у директора Гиндина в платежной ведомости как: артист Малого театра Сергей Конов — «студент», лектор Феликс Зигель, Иванов и Метт — «профессор» и «полковник» — штатные лекторы Планетария.

— Поздравляю вас с удачной премьерой пьесы Званцева, — пожимал всем руки директор.

— Если до сих пор я был только лектором, то отныне я ваш яростный союзник, уверовавший в инопланетян, как в Господа Бога, — говорил Зигель сидящему рядом с Гиндиным Званцеву. — Вы видели, что творилось. Академии наук не отвертеться от организации новых экспедиций в тайгу.

Успех был несомненным, но тут-то Званцев узнал, что значит «сесть в муравейник». Метеоритчики вовсе не были расположены отказаться от самого большого в мире метеорита и поверить в

аварию чужепланетного корабля над тайгой. В центральной прессе появились разгромные статьи по поводу новой постановки. Талантливый молодой доктор наук Кирилл Станикевич обвинил Званцева в «идеализме и приверженности к теории взрыва первоатома и образования Вселенной актом творения».

О ядерных процессах, вызвавших таежный лесоповал и серебристые облака, позволявшие за тысячи километров от места взрыва читать ночью газеты, они не хотели слышать — все это они даже не допускали объяснять с помощью гипотезы о погибших пришельцах их космоса. Всесоюзная метеоритная конференция тогда же приняла резолюцию с требованием к Союзу писателей запретить писателю Званцеву выступать в печати по вопросу Тунгусского метеорита. Союз писателей переслал эту резолюцию с насмешливым сопровождением Званцеву, позволив ему искренне посмеяться.

«Загадка Тунгусского метеорита» продолжала идти в Московском Планетарии. Интересно, что многие посетители Планетария смотрели эту постановку и во второй, и в третий раз, нисколько не смущаясь тем, что актеры сидели в публике, и каждый раз говорили одно и то же. Но большинство, слушавших в первый раз, принимали все за чистую монету и порой сами пытались принять участие в дискуссии.

Так случилось с членом Союза писателей, с «настоящим» полковником Григорьевым, который поднялся вслед за Меттом и стал защищать своего собрата по армии, имевшего право высказывать свои увлекательные мысли. В поощрение ему надо сказать, что, узнав о своей наивной ошибке, он нисколько не обиделся на автора и, найдя Званцева, долго жал ему руку, восхищаясь его выдумкой. Были и другие незапланированные выступления в зале Планетария, говорившие об успехе замысла пьесы, которую не хотели принять ни академик Фесенков, председатель метеоритной комиссии, ни ее секретарь Кринов, бессильные однако против писательского вторжения в их тихую научную заводь.

Званцев добился своего. Проблема Тунгусского метеорита, похороненная Академией наук, вновь заявила о себе во весь голос. О возвращении интереса к ней свидетельствовало появление в журнале «Знание — сила» статьи очеркиста и библиографа Бориса Ляпунова о гибели над тунгусской тайгой экспедиции с другой звезды. Разгневанный Зигель объявил его плагиатором, но Званцев счел единомышленником.

Наибольший отзвук все это нашло в родном Званцеву Томске, где молодежь на свои средства организовала комплексные экспедиции в тунгусскую тайгу, внеся немалый вклад в науку с

помощью возникшего научного туризма…

Званцев, видя пробудившийся интерес к этой проблеме, ликовал. Но нападки на него были так сильны, что он решился защитить эту гипотезу и написал пролог к занявшему прочное место в литературе «Пылающему острову». И черная шаманша стала одной из героинь популярного романа во всех его последующих изданиях.

Не переставала идти в Планетарии и пьеса «Загадка Тунгусского метеорита».

Случилось так, что на одном из спектаклей присутствовали кроме самого Званцева и жена его Инна, от которой он ушел, и Таня Малама, к которой он еще не пришел.

От Планетария к станции метро на Арбате шли все вместе, гурьбой, по улице Воровского. Когда они проходили мимо дома, где была квартира Званцева, он распрощался и направился к себе, в маленькую комнату, где обосновался. Он успел заметить выражение лица Нимфы и понял, что занимает двойственное положение.

Придя домой, весь в мыслях о своей Нимфе, Званцев вспомнил свой сонет о первом танце с ней, решившем, в конце-концов его судьбу.

Перечитал его, потом сложил свои самые необходимые веши в чемодан и в тот же вечер явился с ним к Тане, чтобы остаться у нее, где за ширмой в проходной комнате стоял ее диван.

Не было ни одного человека из окружения Тани или Саши Званцева, кто одобрил бы его уход из семьи с двумя детьми. Все друзья и родные осуждали его. Осуждал себя и он сам, но изменить положение был не в состоянии. Слишком полюбил он свою Нимфу и уже не мог жить без нее, дав себе клятву, что не допустит между ними ссор, обычных в прошлых его семейных отношениях. И сдержал слово.

Но было бы несправедливо сказать, что все поголовно осудили его. Хотя известно — исключение подтверждает правило. И такие исключения были в лице Николая Зосимовича Поддьякова и белорецкого друга Кости Куликова. Последний даже приезжал б Москву из своего Миньяра, чтобы поддержать старого товарища, дружеские узы с которым крепли год от года..

А он, Званцев, как боевой конь, рвался в литературный бой…

ЭПИЛОГ

Проходит все, но ничто не может быть забыто, никто не может быть забыт…

Ежегодно, как счастливейший для всего российского народа день, как радостный весенний праздник, отмечается Великая Победа. Стоит близ Кремля конный памятник маршалу Жукову-победителю, и возведен памятный комплекс на Поклонной горе в Москве, создан там Музей боевой славы.

И через много, много лет почтенный старец с седой бородкой вместе с посетителями Музея прошел через мраморный зал «Героев Советского Союза Великой Отечественной войны», с выбитыми на стенах золотыми буквами их именами, и вышел на площадку над входной лестницей. Остановился перед стендом, где вздыбилась, как при сокрушающем взрыве, боетанкетка былых лет. По обе стороны ее два портрета, военинженера третьего ранга Званцева, ее изобретателя, и его друга, академика Иосифьяна, чье имя носит научно-исследовательский институт, где разработано было в тяжелые для Москвы дни это оружие. Он долго смотрел на стенд, и думал…

— Это он! Это он! — воскликнула пожилая посетительница. — Борода седая, а по форме, как на портрете! И глаза такие же. Вы — Званцев? В годы войны, как здесь написано, изобрели взрывотанкетку, помогли спасти ленинградцев и меня, блокадницу. У нас в семье все умерли. Я осталась одна. Может быть, потому и выжила, что зовут меня Зоей, значит — Жизнь. Теперь вы известный писатель. Расскажите, как создали свою «гибель дотам!», «стоп танкам!» — «электрокамикадзе»?

Народ расступился, и смущенный старец сказал:

— Друзья! Не столь велика моя заслуга, если я сорок лет ничего о ней не знал.

— Как это может быть? — удивилась Зоя.

— Секретность, — развел руками старый писатель. — Зато теперь вы все знаете об этом… В мире нет ничего тайного, чтобы в конце концов не стало явным. Так и случилось с тем изобретением. И вся тут история.

Конец первой книги